Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ D Шкафъ 19
Полка 5 № 6.

L19 5/6

Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ
ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

СОСТАВЛЕНО
Г. Е. Грумъ-Гржимайло,
Дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
Почетнымъ членомъ Королевскаго Нидерландскаго Географическаго Общества

Томъ II

Поперекъ Бэй-шаня и Нань-шаня въ долину Желтой рѣки

Съ картой, 27 фототипіями, 1 гравюрой и 10 цинкографіями въ текстѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ
1899

Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ Шкафъ
Полка № 619

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ
ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

СОСТАВЛЕНО

Г. Е. Грумъ-Гржимайло,

Дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
Почетнымъ членомъ Королевскаго Нидерландскаго Географическаго Общества

22778.

Томъ II

Поперекъ Бэй-шаня и Нань-шаня въ долину Желтой рѣки

Съ картой, 27 фототипіями, 1 гравюрой и 10 цинкографіями въ текстѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ
1899

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ II

ПОПЕРЕКЪ БЭЙ-ШАНЯ И НАНЬ-ШАНЯ ВЪ ДОЛИНУ ЖЕЛТОЙ РѢКИ

Предисловіе ко второму тому.

Первоначально предполагалось, что „Описаніе путешествія въ Западный Китай“ составитъ два тома объемомъ въ 140—150 печатныхъ листовъ. Но уже при выпускѣ I тома выяснилось, что подобная задача могла бы быть осуществлена лишь въ ущербъ „Описанію“, такъ какъ на долю тома II оставались еще вторая половина передняго и весь обратный путь, что или заставило бы значительно сузить программу сочиненія, ограничивъ его сухой передачей содержанія экспедиціоннаго дневника, или выпустить томъ въ сто слишкомъ печатныхъ листовъ. Ни то, ни другое не представлялось желательнымъ, а потому, по совѣту глубокоуважаемаго вице-президента Географическаго Общества, П. П. Семенова, и было рѣшено остающуюся часть отчета разбить на два тома, каждый около 60 печатныхъ листовъ.

Содержаніе настоящаго тома ведетъ читателя отъ восточныхъ предѣловъ Хамійскаго оазиса черезъ Бэй-шань и Нань-шань въ долину Желтой рѣки и къ горамъ Джахаръ, послужившимъ южной конечной точкой нашего маршрута. Все сочиненіе распадается на двѣнадцать главъ, изъ коихъ въ восьми излагается хроника путешествія, въ четырехъ же, а именно—I, II, III и VIII, историческое прошлое Средней Азіи. Вотъ этимъ-то послѣднимъ главамъ я и считаю нужнымъ предпослать нѣсколько словъ.

Историческая географія Средней Азіи, не смотря на весьма цѣнные труды Дегиня, Клапрота, Риттера, Ремюза, Вивіенъ

де С. Мартена, Іакинфа, Станислава Жюльена, Юля, Потье и многихъ другихъ, остается еще весьма мало изученной. Послѣднія изслѣдованія внутреннихъ областей стараго континента, давшія столь много для познанія его природы и топографіи, обошли почти полнымъ молчаніемъ прошлую жизнь его обитателей. Среди путешественниковъ, столь славно и много потрудившихся на поприщѣ изслѣдованій Средней Азіи, было мало лицъ, интересовавшихся ея исторіей и археологіей. Вотъ почему всѣ послѣднія завоеванія въ области современной географіи этой части Азіи мало просвѣтляли тотъ туманъ, въ которомъ ходили и продолжаютъ ходить кабинетные ученые, посвятившіе свои труды изученію исторіи народовъ, въ ней обитающихъ и обитавшихъ. Труды по географіи Азіи общаго характера и даже весьма подробныя маршрутныя описанія путешественниковъ оказывались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пригодными для пользованія историковъ, потому что обыкновенно въ нихъ отсутствовали тѣ детали, одна только комбинація коихъ и могла бы дать увѣренность въ правильности отождествленія историческихъ мѣстностей съ современными.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми частями Средней Азіи, вынесеннымъ изъ путешествій, совершавшихся, впрочемъ, какъ читателю уже извѣстно, съ иными цѣлями, я взялъ на себя трудъ помочь историкамъ разобраться въ нѣкоторыхъ наиболѣе запутанныхъ вопросахъ, которые ставитъ намъ историческая географія Средней Азіи. Но кропотливый и мало благодарный трудъ этотъ еще не законченъ; пока же я счелъ полезнымъ дать очеркъ историческихъ судебъ центральной части Гоби и прилегающихъ странъ, служащій необходимымъ введеніемъ къ пониманію современнаго состоянія посѣщенныхъ и описанныхъ мною странъ. Вмѣстѣ же съ симъ этотъ очеркъ долженъ служить надежнымъ фундаментомъ для уясненія и нѣкоторыхъ вопросовъ этнографіи Средней Азіи, которые я пытаюсь разрѣшить въ VIII главѣ настоящаго сочиненія.

Въ этой главѣ я прихожу, между прочимъ, къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ:

Однимъ изъ до-китайскихъ народовъ, населявшихъ бассейнъ Желтой рѣки, были рыжеволосые „ди“.

Эти „ди“, дѣлившіеся на множество общинъ, которыя управлялись выборными старшинами, вышли побѣжденными изъ борьбы съ китайцами, распространявшими свою власть изъ Шань-си, и цянами, спустившимися въ китайскую низменность съ Тибетскаго нагорья. Часть „ди“ ушла при этомъ на сѣверъ отъ Гобійской пустыни, часть же выселилась въ Сы-чуань и Юнь-нань, гдѣ встрѣтила родственныя племена, уже успѣвшія перемѣшаться съ автохтонами южнаго Китая, принадлежавшими къ негритосской расѣ.

На сѣверѣ „ди“ дали съ черноволосыми маньчжурскими, тюркскими и финскими элементами цѣлый рядъ смѣшанныхъ племенъ, къ числу коихъ въ древности относились — ухуань, тоба, уйгуры и киргизы, а, можетъ быть, и угорскія племена; въ настоящее же время наиболѣе дискихъ чертъ удержалось у тунгусовъ и сойотовъ; вѣроятно также, что нѣкоторые енисейскіе роды являются прямыми потомками дисцевъ; послѣднимъ же слѣдуетъ приписать и, такъ называемыя, „чудскія“ могилы и другія древности южной Сибири.

Подобное же поглощеніе рыжеволосаго элемента черноволосымъ происходило и на югѣ, но тамъ процессъ этотъ замедлился, благодаря топографическимъ условіямъ страны.

Не смотря на столь незавидную судьбу, постигшую „ди“, они успѣли оставить глубокій слѣдъ въ китайской исторіи. Чжоу были дисцы. На почвѣ религіозныхъ воззрѣній послѣднихъ возникли въ Китаѣ конфуціанство и даосизмъ. Дискій культъ предковъ (гуевъ) перешелъ и къ китайцамъ, которые стали, по традиціи, изображать ихъ рыжеволосыми, причемъ въ ихъ представленіи гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами-демонами.

Я не сомнѣваюсь, что при разработкѣ столь сложной темы въ изложеніи вопроса вкрались немаловажныя ошибки; онѣ не могли даже не вкрасться; но я глубоко убѣжденъ, что стою на вѣрномъ пути. Вотъ почему, отдавая нынѣ на судъ читателя эти выводы, я съ понятнымъ нетерпѣніемъ буду ждать отзывовъ лицъ, болѣе меня свѣдущихъ въ затронутомъ мною вопросѣ.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ выразить глубочайшую признательность Н. А. Аристову и И. И. Маршаллю,

которые любезно дѣлились со мною своими обширными свѣдѣніями, первый — по исторіи Средней Азіи, второй — по сравнительной филологіи народовъ Европы и Азіи.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Маньчжуръ (чиновникъ).

Фототипія В. Класонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правки Н. Каминскій.

ГЛАВА I.

Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи.

Пустыня, въ которую мы вступили изъ Моръ-гола 13 февраля, рисовалась въ нашемъ воображеніи частью каменистой, частью лёсово-солончаковой равниной, мѣстами слегка приподнятой и въ центральной своей части всхолмленной относительно невысокими грядами, сложенными, главнымъ образомъ, изъ наносовъ гальки и глины. Но не такой она оказалась въ дѣйствительности. Уже подходя къ станціи Куфи, намъ стали попадаться выходы кварцеваго песчаника, дальше же передъ нами развернулся вполнѣ горный ландшафтъ, гдѣ древніе метаморфическіе сланцы (глинистый, слюдяной, тальковый и кремнистый), мраморы, кварциты, филлиты, разнообразные граниты, гранититы, порфириты, діабазы, рѣже діориты и сіениты, въ особенности же гнейсы, то слагались въ относительно довольно высокія гряды горъ, то распадались въ мелкосопочникъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ уходившій въ обѣ стороны отъ дороги. Однимъ словомъ, мѣстность пріобрѣла здѣсь тотъ же характеръ, что и къ западу отсюда, въ горахъ Чоль-тага [1]); а такъ какъ такія же горы, какъ насъ увѣряли и какъ мы въ этомъ убѣдились сами впослѣдствіи, тянулись и далеко на востокъ, до меридіанальной долины р. Эцзинъ-гола и даже до Ала-шаня, то явилась необходимость пріискать какое-либо общее названіе для всей этой обширной горной страны, давно уже переживающей періодъ полнаго разрушенія. Мы остановились на китайскомъ наименованіи этихъ горъ—Бэй-шань, что значитъ—«Сѣверныя горы», такъ какъ онѣ, дѣйствительно, лежатъ къ сѣверу отъ большой дороги въ западныя владѣнія

[1]) См. т. I, стр. 381—417.

Китая [1]). Такимъ образомъ, съ мѣстнымъ китайскимъ названіемъ мы поступили точно также, какъ прежніе географы поступили съ мѣстными же китайскими названіями Нань-шань, Тянь-шань и Куенъ-лунь, распространивъ ихъ съ одного кряжа горъ на цѣлую систему послѣднихъ.

Въ настоящее время Бэй-шань—пустыня, прокармливающая на своихъ западныхъ и восточныхъ окраинахъ рѣдкое тюркское и монгольское населеніе. Нѣкогда же горная страна эта кипѣла жизнью, обезпечивая существованіе народовъ и царствъ. Въ ея долинахъ разыгрывались событія крупнаго значенія, и не разъ ея скалистыя горы были безмолвными свидѣтельницами битвъ, исходъ коихъ приводилъ въ движеніе народныя массы на всемъ безграничномъ пространствѣ Внутренней Азіи.

Исторія Бэй-шаня есть въ то же время и исторія различныхъ тангутскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ ордъ, которыя то достигали здѣсь наивысшаго могущества, то снова обращались въ ничто... Я не имѣю въ виду углубляться въ эту исторію, но думаю, что связный пересказъ ея главнѣйшихъ моментовъ здѣсь будетъ нелишнимъ.

Но предварительно еще одно замѣчаніе.

Я уже употребилъ для Бэй-шаня, въ качествѣ его характеристики, наименованіе пустыни. Таковой онъ и является въ дѣйствительности, да таковой, безъ сомнѣнія, онъ былъ и въ то время, когда его населяли юэчжи, хунны и другіе кочевые народы. Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія. Если присмотрѣться къ современной картѣ распространенія кочевыхъ племенъ, то легко убѣдиться въ томъ, что въ область ихъ перекочевокъ всегда входятъ какъ мѣстности съ обильнымъ орошеніемъ, хорошей, преимущественно степной, растительностью, такъ и районы болѣе пустынные, куда они удаляются на зиму, и гдѣ ихъ скотъ находитъ, хотя и скудный, но зато вполнѣ обезпеченный отъ снѣжныхъ заносовъ кормъ. И чѣмъ идеальнѣе сочетаніе такихъ угодій: тучныхъ пажитей для лѣтовокъ и мѣстностей, хотя и съ рѣдкой травянистой растительностью, но зато въ большей или меньшей степени обезпеченныхъ отъ глубокихъ снѣговъ—для зимовій, тѣмъ цѣннѣе является оно для номадовъ. Вотъ почему Бэй-шань игралъ у нихъ видную роль до тѣхъ только поръ, пока въ ихъ власти находились и сѣверныя подгорья Нань-шаня; когда же

---

[1]) Въ древности горы эти были извѣстны у китайцевъ подъ именемъ Хэ-ли-шань.

здѣсь осѣли китайцы, когда вдоль южныхъ предѣловъ Бэй-шаня протянулась стѣна, остановившая ихъ перекочевки на югъ, чѣмъ и была, по выраженію китайской лѣтописи, «отсѣчена правая рука у кочевыхъ», то послѣдніе должны были отхлынуть на сѣверъ и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань.

Съ незапамятныхъ временъ тангуты или, какъ ихъ называютъ китайцы—западные цяны населяли бассейнъ Эцзинъ-гола, т. е. центральный Нань-шань и восточную половину Бэй-шаня. Преданіе гласитъ, что еще въ XXIII вѣкѣ до Р. Хр. миѳическій китайскій государь Яо, потѣснивъ ихъ отсюда на западъ, нѣкоторую ихъ часть поселилъ въ мѣстности Сань-вэй, которую, справедливо, нѣтъ-ли, но пріурочиваютъ къ нынѣшнимъ округамъ Ань-си и Дунь-хуанъ (т. е. Шачжоу) [1]). Что такое отождествленіе правдоподобно, это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что позднѣе китайская лѣтопись заставляетъ саньвэйскихъ цяней граничить на западѣ съ уже знакомыми намъ народцами чеши и шаньшань, а на югѣ съ маньскими племенами, которыя въ тѣ отдаленныя времена еще населяли долины верхняго Хуанъ-хэ.

Въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія исторія западныхъ цяновъ намъ мало извѣстна. Вѣроятно, ихъ однообразная пастушеская жизнь разнообразилась только обычными у кочевниковъ междоусобіями и войнами съ своими восточными сосѣдями, которые въ ту эпоху, руководимые своими воинственными князьями, не разъ успѣвали накладывать на нихъ свою тяжелую руку. Окончательно покорены они были китайцами, однако, лишь въ 1293 г. до Р. Хр. Впрочемъ, господство китайцевъ надъ Хэси [2]) было на этотъ разъ не особенно продолжительнымъ, потому что уже столѣтіе спустя мы видимъ ихъ снова воюющими съ тангутами и, повидимому, безъ особеннаго успѣха, такъ какъ послѣдующіе вѣка китайской исторіи

---

[1]) I. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора» I, стр. 2; II, стр. 219. Ab. Remusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 78. Успенскій «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай» (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. VI, стр. 104 и слѣд.). Legge «Chinese classics», III, 1, стр. 126, примѣч. (цит. по A. d. Michels). «Гора Сань-вэй, говоритъ Legge, находилась къ юго-востоку отъ Дунь-хуана: сюда государемъ Шунемъ переселены были самые непокорные и наиболѣе преступные изъ народа мяо». Приходится такимъ образомъ думать, что мѣстность Сань-вэй издавна служила мѣстомъ ссылки самыхъ безпокойныхъ элементовъ населенія Китая. Въ «Histoire geographique des seize royaumes», ouvr. trad. par Abel des Michels, II, стр. 69, говорится однако: «Selon le commentaire de Lieou-tchao, citant le Tsin-chou-ti-tao-ki, dans le district de Cheou-yang (Шоу-янъ) se trouvait la montagne de San-ouei dans laquelle habitaient les San-Miao.

[2]) Областью Хэси называлась въ древности страна, лежащая къ западу отъ Хуанъ-хэ, т. е., точнѣе, совокупность нынѣшнихъ областей (фу): Лянъ-чжоу и Гань-чжоу, и округовъ (чжоу): Су-чжоу и Аньси.

отмѣчены безпрестанными войнами съ западными цянами [1]). Наконецъ, въ исходѣ VIII вѣка до Р. Хр. цяны до того усилились, что отняли у китайцевъ всѣ земли на востокъ до истоковъ р. Вэй-шуй.

Господство тангутовъ надъ Лань-чжоу'скимъ округомъ продолжалось до IV в. до Р. Хр., когда китайцы ихъ снова потѣснили за р. Эцзинъ-голъ. Около 214 г. императоръ Ши-хуанъ-ди отбросилъ ихъ еще далѣе къ западу и довелъ постройкой знаменитую великую стѣну до поворота на сѣверъ Желтой рѣки. Самое осуществленіе этого грандіознаго сооруженія показываетъ, что Китай въ эту эпоху чувствовалъ себя особенно могущественнымъ. Но на сѣверѣ нарождалась уже новая сила, которая вскорѣ явилась опаснымъ соперникомъ объединившейся при Цинахъ Китайской имперіи. Это были хунны [2]), овладѣвшіе послѣдовательно бассейномъ Керулэна, Ордосомъ и Бэй-шанемъ, гдѣ они столкнулись сначала съ юэчжисцами [3]),

---

[1]) Изъ событій этого времени особенно замѣчателенъ походъ Му-вана, который, преслѣдуя тангутовъ, въ 964 г. до Р. Хр. доходилъ до Гуньву (т. е. Хами).

[2]) Подъ именемъ хуньюй хунны были извѣстны китайцамъ уже въ миѳическія времена Яо (2357—2255 до Р. Хр.); во времена династіи Чжеу (1122—225) это названіе измѣнилось въ хяньюнь и, наконецъ, во времена династіи Цинь (255—206) въ хунну (Іакинфъ. — «Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», I, стр. 2, прим. 1; Neumann—«Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung», стр. 25).

[3]) Іакинфъ такъ опредѣляетъ границы юэчжисцихъ кочевій: «Отъ Дунь-хуана на сѣверъ, отъ Великой Стѣны при Ордосѣ—на сѣверо-западъ до Хами». (Исторія Тибета и Хухунора, I, стр. 17, примѣчаніе). Въ «Собраніи свѣдѣній о народахъ Средней Азіи» мы находимъ слѣдующія указанія по тому же предмету: «Домъ Юэчжи первоначально занималъ страну между Дунь-хуаномъ и хребтомъ Ци-лянь-шань», т. е. Хамійскими горами (III, стр. 6). «За четыре вѣка до Р. Хр. вся страна Хэси находилась подъ народомъ юэчжи» (IV, стр. 85) и—«Чжанъ-ѣ есть названіе области (нынѣ Гань-чжоу), открытой въ 111 г. до Р. Хр. на земляхъ, которыя въ періодъ «Брани царствъ», т. е. съ 480 по 223 г. до Р. Хр., находились подъ домомъ Юэчжи». См. также Abel Rémusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 75—76; «Nouveaux mélanges asiatiques», I, стр. 221. В. Григорьевъ «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 254—255, Visdelou «Histoire de la Tartarie» въ «Supplément de la Bibliothèque orientale», стр. 19. Gaubil «Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang», въ «Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois, XV, стр. 451, и M. Brosset «Relation du pays de Ta-ouan» въ «Nouveau Journal Asiatique», 1828, III, стр. 424.

Изъ этихъ данныхъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, что въ IV в. до Р. Хр. юэчжисцы владѣли всѣмъ Бэй-шанемъ и частью наньшаньскаго подгорья. Не они-ли нанесли тангутамъ первый ударъ, отторгнувъ у нихъ огромную территорію Бэй-шаня? Или, можетъ быть, они явились въ Хэси уже послѣ того, какъ ею овладѣли усуни? (См. Успенскій «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 108). Въ китайскихъ лѣтописяхъ мы не находимъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Равнымъ образомъ, мы не знаемъ, откуда были родомъ юэчжисцы. По этому поводу излагались самые разнообразные взгляды. Visdelou считалъ ихъ отраслью восточныхъ монголовъ, кочевавшихъ въ Нью-ланѣ (Нурханѣ), въ Маньчжуріи; Klaproth («Tableaux historique de l'Asie», стр. 132) высказался за тибетское ихъ происхожденіе, но въ дополнительной замѣткѣ къ тому же сочиненію, на стр. 287, отказался отъ такого предположенія, причисливъ и ихъ къ народамъ бѣлокурой расы. Въ виду этого Риттеръ юэчжи-готовъ принялъ уже за отрасль германскаго племени. Cunningham («Journal of the Asiatic Society of Bengal», XXXII), не соглашаясь ни съ одной изъ этихъ гипотезъ, настаивалъ на принадлежности юэчжи къ народамъ тюркской крови. Наконецъ, Vivien de Saint-Martin въ «Mémoire sur les Huns Blanc ou Ephtalites des historiens byzan-

а затѣмъ и тангутами. Юэчжисцы вынуждены были бѣжать на за-

tins» въ «Etudes de géographie ancienne», 1850, стр. 292—295 и 307—351, выводилъ ихъ изъ Тибета. Къ этому послѣднему взгляду на происхожденіе юэчжи присоединилось и большинство ученыхъ, писавшихъ по этому предмету позднѣе, напримѣръ, Рихтгофенъ («China», I, стр. 439—441, 544, 546) и въ самое послѣднее время Аристовъ («Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», отд. оттискъ, стр. 17).

Юэчжи Ханской династіи были впослѣдствіи извѣстны у китайцевъ подъ именемъ ѣда или идань (въ IV и V вѣкахъ); персы ихъ называли гайталами, армяне—thедалами, арабы—кушанами, греки—индо-скиѳами, византійскіе писатели—бѣлыми хуннами и эфталитами. Въ джатахъ, нынѣ населяющихъ оба берега р. Инда, Vivien de Saint-Martin видитъ потомковъ юэчжи.

Но вмѣстѣ съ симъ V. de St.-Martin'омъ было высказано и другое предположеніе, а именно, что юэчжи—тоже, что тухоло Сюань-Цзана, т. е. тохары.

Страбонъ, говоря о тохарахъ, замѣчаетъ, что они вышли изъ страны Заяксартской, въ которой сидѣли до нихъ саки; упоминаетъ о тохарахъ также и Юстинъ, какъ о кочевникахъ изъ глубины Азіи, вторгнувшихся въ предѣлы Греко-Бактрійскаго царства и воевавшихъ съ парѳянами (аньси-китайцевъ); наконецъ, и Сюань-Цзанъ говоритъ, что страна къ юго-западу отъ Лобъ-нора въ древности принадлежала народу тухоло. Все это вполнѣ оправдываетъ возможность отождествить юэчжи съ тохарами.

Но я сомнѣваюсь въ вѣрности такого отождествленія, и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Страбонъ, говоря о заяксартскихъ скиѳахъ, наводнившихъ Согдіану и Бактріану, упоминаетъ о тохарахъ въ числѣ другихъ народовъ: асіевъ, пасіановъ и сакарауловъ. Изъ сохранившагося оглавленія потерянной исторіи Трога Помпея видно, что его XLI книга повѣствовала о томъ, какъ скиѳскіе народы саранки и асіаны покорили Бактрію и Согдіану, а книга XLII о томъ, какъ асіаны подѣлались царями у тохаровъ.

Послѣднее указаніе особенно цѣнно, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что тохары были не побѣдителями, а побѣжденнымъ народомъ. Оно, повидимому, относится къ I или даже II вѣку до Р. Хр. Но мы имѣемъ о тохарахъ и болѣе раннія извѣстія, восходящія къ VII вѣку до Р. Хр. Такъ, гвоздеобразныя надписи намъ говорятъ, что знаменитый ассирійскій царь Сеннахерибъ (704—680) подчинилъ своей власти народъ тохари, который жилъ въ своихъ городахъ, расположенныхъ на неприступныхъ горныхъ высяхъ (горы Nypur — вѣроятно горы верховій Инда и его сѣверныхъ притоковъ), подобно птицамъ въ гнѣздахъ, и другой народъ дахэ, обитавшій также въ недоступныхъ горахъ, разрушивъ у него 33 города. О тохарахъ же, какъ о народѣ, привозившемъ въ Индію шелкъ и желѣзо, говорится и въ Магабхаратѣ.

Сопоставляя эти извѣстія о тохарахъ, мы приходимъ къ заключенію, что задолго до нашей эры народъ этотъ населялъ неприступныя выси Кафиристана, Кабулистана, а, можетъ быть, даже Когистана и Гильгита; что съ теченіемъ времени онъ спустился съ этихъ горъ и смѣшался съ одноплеменнымъ ему иранскимъ населеніемъ Согдіаны, Бактріаны и Восточнаго Туркестана, передавъ ему въ качествѣ побѣдителя и свое племенное имя, и что затѣмъ, въ свою очередь, онъ былъ покоренъ сначала греками, а тамъ саками и юэчжисцами. Юэчжисцы, какъ кочевники, могли дать Тохарестану лишь династію, но не могли ассимилировать, поглотить всего его населенія. Оттого-то, когда династія эта пресѣклась и государство распалось на множество мелкихъ владѣньицъ, народное названіе получило перевѣсъ передъ династійнымъ, и китайцы стали называть всю страну Тухоло. При этомъ они писали: «тухолосцы и иданьцы живутъ здѣсь смѣшанно» (Іакинфъ—«Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 202 и 255). И далѣе: о тухоло, что «они имѣютъ нравъ кроткій и трусливый, черты лица некрасивыя и грубыя» (въ такихъ выраженіяхъ они всегда описывали иранцевъ; см. St. Julien «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», стр. 455); и объ иданьцахъ, что это были потомки юэчжи, даже въ VIII вѣкѣ сохранившіе еще свой кочевой бытъ («обыкновеніями сходны съ тукіэсцами», Іакинфъ, ib. стр. 256). Мнѣ кажется, что именно это мѣсто китайскихъ сказаній очень важно, такъ какъ указываетъ на то, что китайцы подъ именами тухоло и идань разумѣли два различныхъ народа.

Для полнаго разъясненія вопроса о народѣ тохарахъ представляется существенно необходимымъ рѣшить также вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ Дахя китайскаго посла Чжанъ-Цяна? Въ позднѣйшихъ китайскихъ описаніяхъ Западнаго края говорится, что «Дахя есть Тухоло» (Іакинфъ, ib., стр. 256). Между тѣмъ Чжанъ-Цянь доносилъ, что Дахя есть названіе не государства и не народа, а династіи: «Когда юэчжи, идучи на западъ, разбилъ ихъ

падъ [1]); только небольшая вѣтвь ихъ уклонилась на югъ, въ долину Сининской рѣки, гдѣ и продолжала существовать, не смѣшиваясь съ окрестными племенами вплоть до конца II вѣка по

(кого? очевидно, что названіе кореннаго населенія Бактріаны осталось неизвѣстнымъ Чжанъ-Цяню), то они поддались дому Дахя» (Іакинфъ, ib, стр. 8). Кто же были эти дахя, въ лицѣ коихъ тохары искали защиты отъ кочевниковъ юэчжи? На это даетъ намъ отвѣтъ Страбонъ, который пишетъ, что «Δάαι» были «σκυθικὸν ἔθνος», можетъ быть одно изъ отдѣленій саковъ, которые и управляли Тохарестаномъ до его окончательнаго покоренія юэчжи.

Рихтгофенъ, въ подтвержденіе гипотезы о тождествѣ юэчжи и тохаровъ, приводитъ еще нижеслѣдующія соображенія: «Dass aber früher die Yue-tshi diesen Handel wenigstens auf einem Theil der Strecke, vielleicht bis Ladak, in ihrer Hand gehabt hatten (здѣсь говорится о торговлѣ желѣзомъ и шелкомъ, которую велъ съ Индіей голубоглазый и бѣлокурый народъ; очевидно—древніе иранцы, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, были бѣлокурымъ и голубоглазымъ народомъ), wird dadurch erhärtet, dass sie unter allen Völkern des Tarym-Backens und seiner Umgebungen dasjenige sind, über dessen Bekehrung zum Buddhismus wir die frühesten Nachrichten haben. Denn bei den kleinen Yue-tschi gab es, nach chinesischen Berichten aus dem Jahre 550. n. Chr, einen Tempel des Buddha, welcher damals 842 Jahre alt, mithin im Jahre 288 v. Chr. errichtet worden war (Deguignes въ «Mém. de l'Acad. R. des Inscr., XI, 1780, стр. 215). Dies erklärt es auch, dass sie einen indischen Namen schon so früh tragen und mit sich nehmen konnten, während die anderen Sanscritnamen der Völker und Orte im Tarym-Bocken erst viel später entstanden sind». Все это построеніе должно, однако, рухнуть, потому что въ основаніе его легло неточно переданное китайское извѣстіе; въ дѣйствительности же «Малыми Юэчжи» называлась въ V в. та часть юэчжійскаго народа, которая при Цидоло овладѣла южными скатами Гиндукуша и основала тамъ особое владѣніе, столицею которому служилъ городъ Фу-лэу-ша (Пурушапура, Пешаверъ), на югъ отъ Боло (Балха?). «Въ 10 ли къ востоку отъ этой столицы, говоритъ Ма-дуань-линь, есть ступа, посвященная Буддѣ, имѣющая 350 шаговъ въ окружности и 80 чан'овъ высоты; отъ времени построенія этой ступы до 8-ого года правленія Вудинъ (550 по Р. Хр.) прошло 842 года» (Григорьевъ «Кабулистанъ и Кафиристанъ», дополненія, стр. 810). Изъ сего видно, что пешаверская ступа, построенная вѣроятно индійскимъ властителемъ Асока, не можетъ имѣть ни малѣйшаго отношенія къ народу юэчжи.

Наконецъ, мнѣ остается еще сказать, что противорѣчитъ гипотезѣ Vivien de St.-Martin'a также и то обстоятельство, что, по свидѣтельству Köppen'a («Die Religion des Buddha», II, стр. 42; цит. по H. Yule—введеніе къ «A Journey to the source of the river Oxus by Captain John Wood», стр. XXVII), тибетцы и понынѣ зовутъ жителей Восточнаго Туркестана—Thagar. Въ тибетскомъ сочиненіи «Миньчжулъ хутукты», переводомъ части коего мы обязаны Васильеву, находятся слѣдующія на этотъ счетъ интересныя указанія: «рѣка Бакшу (Вахшъ) вытекаетъ изъ С. З. стороны (отъ?) Дисэ, находящейся въ *Тодгарской* (Тохарской) странѣ, и, направляясь къ западу, проходитъ черезъ Балхъ, Бухару, Хиву и не подалеку отъ Румъ впадаетъ въ море, называемое Манасарвара». «Р. Сита (Таримъ) выходитъ изъ С.-З. отрасли Гандеса и, миновавъ Яркендъ и др., впадаетъ въ соленое море, въ *Тогарской* странѣ Турфань». («Географія Тибета», стр. 5) А если такъ, то свидѣтельство Сюань-Цзана получаетъ новое для насъ значеніе, указывая на восточный предѣлъ распространенія иранской расы въ доисторическія времена. Что же касается до показаній Страбона, то не надо забывать, что они писались по слухамъ и, притомъ, столѣтіе спустя послѣ завоеванія Тохарестана юэчжисцами, когда, какъ свидѣтельствуетъ о томъ китайская исторія (Іакинфъ, ib, стр. 118—119), даже «сосѣднія государства стали называть ихъ владыкъ гуйшуанскими государями, и только китайскій дворъ удержалъ имъ прежнее названіе—Большихъ Юэчжи».

[1]) Модэ поразилъ юэчжи въ 177 г. до Р. Хр. («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 23). Полагаютъ, что юэчжи бѣжали на западъ, слѣдуя сѣвернымъ подножіемъ Тянь-шаня. Въ долинѣ р. Или они столкнулись съ народомъ сэ, т. е. саками, которыхъ и потѣснили на западъ. Но въ долинѣ р. Или они оставались недолго. Подъ напоромъ усуней они должны были уйти отсюда въ внѣшнюю Сыръ-дарьинскую область, гдѣ вновь встрѣтились съ саками. Послѣдніе тогда обрушились на Греко-Бактрійское царство и, пройдя Гиндукушъ, остановились въ долинѣ

Р. Хр. [1]). Что касается тангутовъ, владѣвшихъ еще, какъ кажется, въ эту эпоху большею частью Наньшанскихъ горъ, то они, не будучи въ силахъ противиться напору хунновъ, откочевали на югъ, въ область Амдо.

Легко покоривъ западныхъ цяновъ и юэчжи, ханъ хунновъ Модэ [2]) отважился произвести нападеніе и на самый Китай. Обстоятельства ему настолько благопріятствовали, что уже годъ спустя, т. е. въ 200 г. до Р. Хр., онъ вынудилъ императора Тай-цзу Гао-ди заключить съ нимъ миръ на условіяхъ крайне позорныхъ и отяготительныхъ для Китая [3]). Позднѣе (въ 177 г. до Р. Хр.) Модэ покорилъ Восточный и Западный Туркестаны, земли современной Бухары и Туркменіи и такимъ образомъ, распространилъ свои владѣнія до береговъ Каспійскаго моря [4]).

Преемники Модэ не отличались воинственностью. Послѣдующіе 50 лѣтъ мира, который нарушался лишь незначительными пограничными стычками, разслабляющимъ образомъ подѣйствовали на силы кочевниковъ, такъ что, когда, наконецъ, китайцы рѣшились разорвать трактатъ 200 года и съ значительнымъ войскомъ перешли границу (въ 129 г. до Р. Хр.), то они уже не встрѣтили ни въ Ордосѣ, ни далѣе къ западу сколько нибудь мужественнаго отпора. Спасаясь отъ китайскихъ полчищъ, ханъ Ичисѣ въ 123 г. вынужденъ былъ покинуть привольныя долины Инъ-шаня и перенести свою ставку на сѣверъ, къ подножіямъ сумрачнаго Хангая. Но и

р. Инда (Гибинь). Въ свою очередь юэчжи перешли Аму-дарью въ 128 г. до Р. Хр., нѣсколько позднѣе овладѣли Кабуломъ (См. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 55, гдѣ говорится, что юэчжійскіе государи владѣли Гаофу, т. е. Кабуломъ, въ эпоху составленія первыхъ записокъ о Западномъ Краѣ, т. е. между 74 и 39 годами, а также Григорьева—Дополненія къ «Кабулистану и Кафиристану» Риттера, стр. 795; слѣдуя китайскому компилятору Ма-дуань-линю, Pauthier въ «Examen méthodique des faits qui concernent l'Inde», въ «Journal Asiatique», 1839, troisième série, VIII, стр. 265, это событіе относитъ къ нѣсколько позднѣйшему времени а именно къ 26 г. до Р. Хр.), а затѣмъ и долиной Инда и основали такъ называемое Индо-Скиѳское царство, время паденія коего въ точности неизвѣстно.

[1]) См. І. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора; I, стр. 33, 43, 56, 66 и 72. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», III, 7 и 55. Правильнѣе было бы сказать, что до конца II в. по Р. Хр. мы находимъ въ китайскихъ лѣтописяхъ указанія на существованіе племени юэчжи въ долинѣ Сининской рѣки. См. однако указаніе Іакинфа на то, что «юэчжи и донынѣ (какъ слѣдуетъ понимать это «донынѣ»?) живутъ неподалеку отъ Си-нинъ-фу на западѣ, подъ названіемъ И-цунъ-ху». («Опис. Чжунг. и Вост. Туркест.», стр. XLV).

[2]) Neumann, op. cit., стр. 32, утверждаетъ, что правильнѣе писать Мао-дунь (Mao-tun)

[3]) Такъ какъ договоры на подобныхъ же условіяхъ заключались китайцами и впослѣдствіи, то у китайскихъ историковъ они получили особый терминъ «хо-цынъ», что значитъ договоръ основанный на мирѣ и родствѣ. Условія такихъ договоровъ состояли въ томъ, что китайскій дворъ, выдавая царевну за иноземнаго владѣтеля, обязывался въ то же время ежегодно вносить послѣднему извѣстное количество даровъ.

[4]) Іакинфъ. «Записки о Монголіи», ч. III, стр. 11. Visdelou, op. cit., стр. 19.

сюда по его слѣдамъ проникли китайцы и въ 119 г. нанесли ему здѣсь два пораженія: одно у береговъ Байкала, другое въ неизвѣстной мѣстности близь Хангайскихъ горъ.

Побѣдоносный исходъ китайскаго похода имѣлъ огромное значеніе для дальнѣйшей исторіи Средней Азіи, такъ какъ съ этого момента китайцы впервые [1]) получили доступъ на западъ, въ Хэси и земли бассейна Тарима. Ихъ движеніе туда, ставшее вскорѣ стихійнымъ, опредѣлило всю дальнѣйшую судьбу Притяньшанья; болѣе того, если вникнуть глубже въ ходъ послѣдующихъ событій, то окажется даже, что и всѣ главнѣйшіе моменты изъ жизни народовъ, населявшихъ когда-либо современный Синь-цзянъ, находятся въ причинной связи съ этимъ движеніемъ.

Еще въ 121 г. китайскому полководцу Хо-цюй-бину удалось проникнуть за Хуанъ-хэ до р. Тао-лай (Си-хэ), на берегу которой и основать укрѣпленіе Цзю-цюань, нынѣ г. Су-чжоу [2]). Когда же разбитые хунны бѣжали изъ-подъ Нань-шаня на сѣверъ [3]), то ничто уже не могло помѣшать китайцамъ укрѣпиться въ Хэси [4]). Къ этому времени (а именно къ 111 г. до Р. Хр.) относится основаніе городовъ: Чжанъ-ѣ-гюнь (Гань-чжоу), Юй-мынь-гуань, Минъ-ань (Аньси) и Дунь-хуанъ-цзюнь. Такимъ образомъ гранью китайскихъ владѣній на западѣ явились пески Болунъ-дуй (Кумъ-тагъ), за которыми простирались уже земли Восточнаго Туркестана.

Во II вѣкѣ до Р. Хр. исторія застаетъ Восточный Туркестанъ раздѣленнымъ на множество владѣній, о размѣрахъ коихъ можно составить себѣ понятіе изъ того факта, что девять или даже десять такихъ княжествъ въ общей совокупности едва равнялись нынѣшнему Турфанскому округу [5]). Что такое дробленіе земель не

---

[1]) Походъ Му-вана былъ не болѣе какъ блестящій эпизодъ китайской военной исторіи. Въ ту отдаленную эпоху раздробленный Китай не былъ готовъ къ колонизаторской дѣятельности.

[2]) Въ «Запискахъ о Монголіи», III, стр. 14, ошибочно сказано, что Хо-цюй-бинъ проникъ только до Гань-чжоу. Кромѣ Су-чжоу тѣмъ же полководцемъ основанъ былъ и городъ Вэй-цзюнь или Ву-вэй, нынѣ Лянъ-чжоу.

[3]) «Послѣ сего (т. е. послѣ погрома въ 119 г.) хунны далеко уклонились и по южную сторону пустыни уже не было княжескихъ стойбищъ»... (Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», ч. I, стр. 41).

[4]) Важное значеніе захвата Хэси сознавали и сами китайцы, что видно изъ нижеслѣдующихъ словъ лѣтописца: «Государь Ву-ди,... открывъ черезъ сіе дорогу въ Юй-мынь, пресѣкъ цянамъ сообщеніе съ хуннами» (І. Бичуринъ «Ист. Тиб. и Хух.», I, стр. 18).

[5]) Эти владѣнія слѣдующія: Хуху (Токсунъ), Билу задній (Сынгимъ), Гѣ и Цыѣ (оба по р. Булурюкъ-бауръ), Юйлиши (Лемджинъ и Субаши), Даньми западный (Ханьду), Даньми восточный (Пичанъ), Чеши (Турфанъ) и Билу передній (Кара-ходжа). Сверхъ того, вѣроятно, и Лю-чжунъ (Лукчунъ), что видно изъ слѣдующаго: «При династіи Хань въ Лю-чжунѣ былъ китайскій правитель страны» («Собр. свѣд.», IV, 44).

было послѣдствіемъ удѣльной системы правленія, это доказываетъ намъ вся исторія Восточнаго Туркестана, гдѣ владѣнія распадались и объединялись только насильственнымъ путемъ. Но въ такомъ случаѣ, что же это были за владѣнія, и каковы были отношенія ихъ владѣтелей другъ къ другу?

Хотя трудно доказать, что владѣнія греко-бактрійскихъ государей, простираясь на Согдіану и Маргіану, въ то же время когда-либо распространялись и на востокъ отъ Памира, захватывая часть Восточнаго Туркестана [1]), тѣмъ не менѣе едва-ли подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что свою культуру и весь строй государственной и общественной жизни этотъ послѣдній заимствовалъ съ запада [2]), изъ древней Бактріаны, съ которой его связывали, при сходственномъ племенномъ составѣ населенія, какъ общія вѣрованія, такъ и торговые интересы [3]). О государственномъ же строѣ Бактріаны вотъ что сообщаютъ намъ китайскія лѣтописи того времени.

«Въ Бактріи (Дахя), простирающейся къ югу отъ рѣки Амударьи (Гуй-шуй), ведутъ осѣдлый образъ жизни; имѣютъ города; обычаи жителей сходны съ ферганскими (даваньскими); *не имѣютъ верховнаго главы, но каждый городъ управляется самостоятельно*» [4]).

Это цѣнное извѣстіе находитъ себѣ подтвержденіе и у арабскихъ историковъ.

«Сильной монархической власти, которая сдерживала бы произволъ поземельной аристократіи въ Мавераннагрѣ (т. е. «Зарѣчьи») не было. Вопреки словамъ нѣкоторыхъ персидскихъ историковъ, власть Сассанидовъ, возстановившихъ Персидскую монархію, никогда не простиралась на Мавераннагръ. Что касается мѣстныхъ владѣтелей, то они были только первыми дворянами. Подобно своимъ подданнымъ, они назывались дихканами [5]) и, вообще, болѣе напоминали древне-греческихъ базилевсовъ, чѣмъ азіятскихъ деспотовъ. О вла-

---

[1]) Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. V) опредѣляетъ, однако, границы Бактріаны на востокъ по Цунъ-лину и Тибетскимъ горамъ (à l'orient l'empire était limité par les montagnes du Tybet et la chaine de Tsoung-ling). Ср. также Григорьевъ «Греко-Бактрійское царство», стр. 29.

[2]) Когда китайцы впервые проникли въ Восточный Туркестанъ, то они уже всюду нашли здѣсь искусственное орошеніе полей и вполнѣ развитую городскую жизнь.

[3]) Что торговыя связи Восточнаго Туркестана съ Бактріей, а черезъ нее и съ Индіей, продолжались и много позднѣе, послѣ того даже, какъ юэчжи на развалинахъ грекобактрійскаго государства основали индоскиѳское царство, видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что владѣтели Восточнаго Туркестана посылали нерѣдко въ Китай произведенія далекой Индіи и въ томъ числѣ даже слоновъ и львовъ. (См. Abel Rémusat, «Histoire de la ville de Khotan», стр. 27, 86, 95).

[4]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 8. Abel Rémusat, «Nouveaux mélanges asiatiques», I, стр. 220.

[5]) Дихканами называютъ теперь мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

дѣтелѣ Бухары, носившемъ титулъ бухаръ-кудата, т. е. господина Бухары, Нершахи говоритъ слѣдующее: «Среди нихъ (т. е. дворянъ) былъ знатный дихканъ, котораго называли бухаръ-худатомъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ древняго дихканскаго рода, владѣлъ обширными землями, и большая часть народа состояла изъ его крѣпостныхъ и служителей». Дихканами называли даже самыхъ сильныхъ мѣстныхъ владѣтелей, царей ферганскаго и самаркандскаго. Размѣры отдѣльныхъ владѣній большею частью были очень невелики; такъ въ долинѣ Зеравшана мы находимъ цѣлый рядъ такихъ государствъ. Дихканы, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, жили въ укрѣпленныхъ замкахъ; даже въ эпоху Саманидовъ замокъ считался еще необходимой принадлежностью каждаго помѣстья. Ихъ отличительнымъ признакомъ былъ золотой поясъ, увѣшанный кинжалами. Иногда подъ властью такихъ дихкановъ объединялось нѣсколько владѣній, даже обширныя области, какъ, напримѣръ, Фергана, Согдъ, Шашъ (Ташкентъ); но какъ непрочна была власть такихъ царей, видно изъ того, что въ каждой изъ трехъ названныхъ областей были періоды, когда царя вовсе не было, и вся власть находилась въ рукахъ аристократіи» [1]).

Такой политическій строй господствовалъ, вѣроятно, въ Туркестанѣ съ незапамятныхъ временъ. «Царство, основанное въ Туркестанѣ Діодотомъ I, пишетъ Григорьевъ [2]), было не монархія, а скорѣе *союзъ государствъ*, въ которомъ одно изъ нихъ, именно занимавшее Бактріану собственно, первенствовало предъ прочими по силѣ и богатству и признавалось ими главенствующимъ. Страны, заключающіяся въ бассейнахъ Аму и Сыра, постоянно почти являются въ исторіи раздѣленными на нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ владѣній, слабѣйшія изъ которыхъ подчиняются въ извѣстной мѣрѣ сильнѣйшимъ. Разливается на эти страны какой-либо завоевательный потокъ извнѣ, съ юго-запада или сѣверо-востока, помянутыя единицы потопляются имъ и какъ бы исчезаютъ; но лишь только силы завоевателей начинаютъ слабѣть, и падаетъ ихъ могущество, тотчасъ же воспріемлется краемъ прежній политическій его строй, и опять всплываютъ наверхъ тѣ же мелкія государства съ двумя, тремя преобладающими надъ ними. Такой порядокъ вещей, есть основаніе думать, существовалъ въ означенныхъ странахъ и до обращенія ихъ въ области Персидскаго царства

---

[1]) Бартольдъ, «Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи». («Среднеазіятскій Вѣстникъ» іюнь, 1896).

[2]) «Греко-Бактрійское царство», стр. 27—28.

при Ахеменидахъ. При преемникахъ Александра персидскихъ сатраповъ замѣнили здѣсь греческіе». Они не преминули воспользоваться первыми затрудненіями Селевкидовъ, чтобы завоевать себѣ независимость. «Но независимость греческихъ эпарховъ приняла здѣсь *мѣстную форму*: слабѣйшія изъ нихъ признали себя подручниками сильнѣйшаго».

Все сказанное о Западномъ Туркестанѣ вполнѣ примѣнимо и къ Восточному, гдѣ къ тому же физическія условія страны благопріятствовали удержанію долѣе, чѣмъ на западѣ, древняго арійскаго строя общественной и государственной жизни, измѣнившагося подъ вліяніемъ Китая только въ одномъ отношеніи: въ усиленіи монархическаго принципа. Послѣдній получилъ здѣсь замѣтное развитіе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ китайское правительство надѣлило восточно-туркестанскихъ владыкъ титулами князей различныхъ степеней, въ зависимости отъ богатства и обширности ихъ владѣній.

«Китайскій дворъ, читаемъ мы у Іакинфа [1]), по покоренiи Восточнаго Туркестана, и большія и малыя владѣнія, въ знакъ взаимной ихъ независимости, назвалъ—«го», т. е. царствами, а ихъ владѣтелей различными княжескими титулами. Различіе въ степеняхъ между ними состояло только въ неравномъ числѣ княжескихъ чиновниковъ, утверждаемыхъ императоромъ».

Дѣйствительно, это очень интересный фактъ: владѣтели Восточнаго Туркестана до знакомства своего съ Китаемъ хотя и носили титулы [2]), тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ, въ ихъ политикѣ по отношенію къ этой державѣ, стало не послѣднюю роль играть стремленіе добиться и грамоты на китайскій титулъ.

Изъ владѣній Восточнаго Туркестана, лежавшихъ въ предѣлахъ Бэй-шаня или по сосѣдству съ нимъ, китайскія лѣтописи упоминаютъ о слѣдующихъ: о Шаньшани, Цзюймо, Юйли, Вэйсюй, Яньци, о рядѣ упомянутыхъ выше владѣній нынѣшняго Турфанскаго округа, о Шаньго и Иву.

Постараемся съ возможной точностью опредѣлить ихъ бывшее мѣстоположеніе и границы.

Изъ перечисленныхъ владѣній съ наибольшей точностью можно установить мѣстоположеніе Яньци. Яньци принято отождествлять

---

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 37, прим. 2.

[2]) Это, по крайней мѣрѣ, извѣстно для нѣкоторыхъ изъ туркестанскихъ владѣтелей, такъ, напримѣръ, кучскій владѣтель титуловался «баемъ», харашарскій—«луномъ», и т. д. Различные титулы носили также и владѣтели Западнаго Туркестана.

съ современнымъ Карашаромъ. Что отождествленіе это не вполнѣ правильно, это, между прочимъ, видно изъ нижеслѣдующаго, сохранившагося въ китайскихъ лѣтописяхъ, описанія окрестностей этого города: «Столица владѣтеля Яньци съ трехъ сторонъ (у Іакинфа сказано: съ четырехъ сторонъ, что не вяжется съ послѣдующимъ) окружена горами, съ четвертой озеромъ Хай-шуй; почему владѣтель, полагаясь на это, не имѣлъ предосторожности» [1]). При одномъ уже взглядѣ на карту легко убѣдиться, что древній Яньци не могъ занимать мѣста современнаго Карашара. Онъ долженъ былъ находиться дальше къ западному концу озера, гдѣ подгорья хребта Кокъ-тепе всего ближе подступаютъ къ берегу Баграшъ-куля. Дѣйствительно, здѣсь, въ 18 верстахъ къ востоку отъ сѣвернаго устья ущелья Конче-дарьи, довелось Пѣвцову натолкнуться на развалины древняго обширнаго города, о которомъ у туземцевъ сохранилось преданіе, что онъ былъ выстроенъ китайцами во времена Танской династіи [2]). Но китайскія лѣтописи, хотя и говорятъ, что около половины XII вѣка Яньци обращенъ былъ въ губернскій городъ (фу), не упоминаютъ, однако, о построеніи новаго города, изъ чего нельзя не вывести заключенія, что развалины Тань-ванъ-чинъ не что иное, какъ остатки древняго Яньци.

Іакинфъ помѣщаетъ Вэйсюй въ долинѣ Цаганъ-тунге (Алго). Если, однако, вѣрны приводимыя въ китайской лѣтописи разстоянія, то владѣніе это не могло находиться къ востоку отъ Яньци далѣе нынѣшняго селенія Ушакъ-тала.

О владѣніи Шаньго В. Григорьевъ замѣчаетъ нижеслѣдующее: «Владѣніе это, по точному опредѣленію смежныхъ съ нимъ отовсюду владѣній и разстоянія его отъ нихъ, помѣщаемъ мы смѣло на сѣверномъ берегу Лобъ-нора, около впаденія въ это озеро р. Тарима» [3]).

Какъ ни категорично это опредѣленіе, его слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признать ошибочнымъ.

Вотъ, что читаемъ мы о Шаньго у Іакинфа: Народъ живетъ въ горахъ, гдѣ добываетъ желѣзо, а хлѣбъ покупаетъ въ Яньци и Вэйсюй; отъ перваго находится на юго-востокъ, отъ Юйли (Курли) на востокъ, на югѣ же смежно съ Цзюймо и Шаньшанью. Разстояніе резиденціи, выраженное въ ли, слѣдующее: отъ Яньци—

[1]) Іакинфъ. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 216.
[2]) «Труды Тибетской экспедиціи», ч. I, стр. 337.
[3]) «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 35.

160; отъ Юйли—240 и отъ Вэйсюй—260. Владѣтель постоянно живетъ у подошвы горы (т. е. не въ городѣ) [1]). Эти данныя вполнѣ опредѣленно указываютъ намъ на былое мѣстонахожденіе Шаньго. Это долина Сыныръ, Сангыръ или, какъ ее намъ называли въ Лукчунѣ, Сынгимъ [2]), заключенная между хребтами Курукъ-тагъ и Синбирскимъ.

Сыныромъ называютъ теперь только небольшое селеніе, основанное не болѣе полустолѣтія тому назадъ. Но что Сыныръ, подъ именемъ котораго понималась, можетъ быть, вся система богатыхъ водою долинъ между Курукъ-тагомъ и Чолъ-тагомъ, къ западу отъ меридіана Токсуна, былъ населенъ и въ древнія времена, въ этомъ убѣждаютъ насъ встрѣченныя Козловымъ развалины древняго укрѣпленія, остатки надмогильныхъ памятниковъ, слѣды селеній, постройки, частью уже уничтоженныя дѣйствіемъ воды, и древніе рудники [3]). Но это еще не все по части остатковъ старины въ этой части Бэй-шаня. Привожу нижеслѣдующую выдержку изъ моего письма на имя секретаря Географическаго Общества, помѣченнаго 8 января 1890 г.: «Развалинъ въ Сынгимѣ (Сынырѣ) множество. Ежегодно изъ Лукчуна отправляются туда кладо-искатели, которые за свой трудъ не остаются въ убыткѣ, ибо золотыхъ и серебряныхъ издѣлій находятъ тамъ порядочно; сверхъ того, много мѣдныхъ кувшинчиковъ, кадильницъ и тому подобныхъ вещей, которыя и сбываются ими лукчунскимъ мѣдникамъ. Не смотря на всѣ мои старанія, я ничего не могъ добыть изъ этихъ остатковъ уйгурскихъ древностей (такъ какъ туземцы приписываютъ эти развалины уйгурамъ), ни даже ихъ письменъ, которыя, какъ мнѣ сообщали, всего чаще попадаются вмѣстѣ съ пшеничными зернами въ особеннаго вида глиняныхъ кувшинахъ; встрѣчаются также листики, исписанные кругомъ, въ футлярахъ изъ дерева или рога, но листики эти очень хрупки и при развертываніи ломаются и разрываются» [4]).

---

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 88. «Ср. Description orographique du Turkestan Chinois», trad. du «Si-yu-t'ou-tché» par Camille Imbault-Huart въ «Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», XVI, 1881, стр. 85—88.

Въ другомъ мѣстѣ («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXXVII) Іакинфъ высказывается о мѣстоположеніи Шаньго еще болѣе опредѣленно: «Шаньго лежало въ песчаныхъ горахъ за сто ли отъ оз. Бостана на югъ. Сіи горы простираются отъ Эгярцытага черезъ песчаную степь въ непрерывныхъ холмахъ и буграхъ, почему самое владѣніе китайцами названо Шаньго, что значитъ: Горное владѣніе».

[2]) См. т. I, стр. 382 и 401.

[3]) Козловъ говоритъ впрочемъ только о свинцовыхъ рудникахъ. (См. «Русскій Инвалидъ», 1894 г. № 36, 37 и 184).

[4]) «Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», XXVI 1890, стр. 294.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы съ большей долей увѣренности отождествить Шаньго съ Сангыромъ или Сыныромъ.

Юйли совершенно правильно пріурочивается Григорьевымъ къ Корлѣ [1]); но такъ какъ южныя границы этого владѣнія намъ неизвѣстны, то крайне трудно опредѣлить и мѣстоположеніе Цзюймо, бывшаго съ нимъ въ эту сторону смежнымъ. Впрочемъ, разстояніе, показанное отъ Хотана (1480 ли), въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Цзюймо на сѣверѣ граничило не только съ Юйли, но и съ Шаньго, даетъ намъ поводъ думать, что владѣніе это находилось при устьяхъ Черчень-дарьи и Тарима или даже, можетъ быть, нѣсколько сѣвернѣе, примѣрно, близь нынѣшняго селенія Тыккеликъ, къ сѣверо-востоку отъ котораго, близь стараго русла Конче-дарьи, дѣйствительно, еще и до сихъ поръ уцѣлѣли развалины древняго города, носящія названіе Эмпень. Кстати замѣчу, что за два вѣка до Р. Хр. Конче-дарья уже составляла притокъ Тарима, а не впадала самостоятельно въ оз. Лобъ-норъ [2]), которое въ то отдаленное время мало чѣмъ отличалось отъ нынѣшняго: оно имѣло въ длину около 200 верстъ (410 ли), въ ширину около 100 (200 ли), и настолько при этомъ густо проросло тростникомъ, что уже тогда китайцы называли его тростниковымъ озеромъ Пу-чанъ-хай [3]).

---

[1]) На стр. 215 перваго тома Корля (Курля) ошибочно отождествлена съ Кюйли, владѣніемъ, лежавшимъ по Тариму западнѣе Корли. Въ Шуй-цзинъ-чжу сказано: «Рѣка владѣнія Янь-ци, по выходѣ изъ Си-хай'я (Баграшъ-куля), проходитъ черезъ владѣніе Юй-ли-го и, выйдя на западѣ изъ ущелья Тѣ-гуань-чу въ Песчаныхъ горахъ (Ша-шань), течетъ на ЮЗ.; затѣмъ она проходитъ у города Лянь-чэнъ (древнее названіе современнаго города Корли), гдѣ изъ нея отводятъ арыки для орошенія полей; отсюда она, извиваясь, протекаетъ на Ю., проходитъ на западъ владѣнія Цюй-ли (Кюйли) и, повернувъ на ЮВ., проходитъ у столицы владѣнія Цюй-ли, послѣ чего, направляясь на югъ, впадаетъ въ рѣку» (Таримъ). Цитировано изъ «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ», пер. Поповымъ.

[2]) См. однако любопытную японскую карту, изданную въ 1714 году и имѣющую китайскій титулъ «Си-юй-тянь-чжу-чжи-ту», что значитъ «Карта западнаго края и пяти Индій», на которой какая-то рѣка показана отдѣльно впадающей въ «Пу-чанъ-хай» (приложена къ 2 тому «Mémoires relatifs à l'Asie» Klaproth'a). Vivien de Saint-Martin полагаетъ, что эта карта лишь уменьшенная копія съ карты, приложенной St. Julien'омъ ко 2 тому «Mémoires sur les contrées occidentales»; вѣроятнѣе, однако, что какъ та, такъ и другая—копіи съ неизвѣстнаго намъ китайскаго оригинала. Къ заключенію этому не трудно прійти, если ближайшимъ образомъ сравнить обѣ карты между собою.

У Іакинфа («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана» стр. XXIX) также читаемъ: «Хайду-голъ впадаетъ въ него (т. е. въ оз. Лобъ-норъ) съ сѣверо-запада изъ оз. Бостона. Эргюль, вливающаяся съ запада, составляется изъ пяти большихъ рѣкъ, изъ коихъ Куча-дарья и Аксу-дарья выходятъ изъ Сѣверныхъ горъ, Кашгаръ-дарья и Яркянь-ёстанъ изъ Луковыхъ горъ; Хотань-дарья составляется изъ множества ключей, выходящихъ изъ Южныхъ горъ». Эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ Китайской Государственной Географіи.

[3]) Мнѣ кажется, это указаніе очень важно, и странно, что Рихтгофенъ и Свенъ-Гединъ, старавшіеся доказать, что Лобъ-норъ, впервые описанный Пржевальскимъ, не есть Лобъ-норъ

Владѣніе Лэулянъ, впослѣдствіи Начжи, переименованное китайцами въ Шанышань, описывается въ китайскихъ лѣтописяхъ нижеслѣдующимъ образомъ.

Черезъ него пролегаетъ дорога въ западныя владѣнія; почва частью песчаная, частью солончаковая, почему земледѣліе возможно только въ немногихъ мѣстахъ. Преобладающая растительность камышъ, ракитникъ и тополь [1]); жители ведутъ кочевой образъ жизни; разводятъ лошадей иословъ, но главнымъ образомъ вер-

---

ханьскихъ временъ, не обратили на него вниманія. Камышъ, какъ извѣстно, не растетъ по берегамъ соленыхъ озеръ, развѣ только при устьѣ рѣкъ, гдѣ имѣется огромный притокъ прѣсной воды; такъ, напримѣръ, имъ сплошь поросли юго-восточные берега Балхаша, но только при устьяхъ впадающихъ сюда рѣкъ, берега Эби-нора, при устьѣ Кійтына, берега Каспія при устьѣ Урала и т. д.

По поводу вновь поднятаго Свенъ-Гединомъ лобъ-нор'скаго вопроса я нахожу умѣстнымъ сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе. Гипотеза китайцевъ, что воды Тарима уходятъ подъ землю съ тѣмъ, чтобы выступить вновь на земную поверхность въ мѣстности Одонъ-тала, конечно, парадоксальна, но она доказываетъ крайнюю наблюдательность и пытливость тѣхъ изъ нихъ, которые впервые обслѣдоваби Лобъ-норъ. Именно, ихъ поразило несоотвѣтствіе между притокомъ воды въ озеро и его сравнительно небольшими размѣрами. Ясное дѣло, что вода изъ озера куда-то уходила и куда же, если не въ землю? «A l'est les fleuves coulent vers la mer salée (Lop), qui se perd sous terre», читаемъ мы у китайскаго историка Сыма Цяня, жившаго за столѣтіе до нашей эры. (Перев. Brosset jun. въ «Nouveau Journal Asiatique», 1828, II, стр. 422). Въ Средней Азіи многочисленны случаи, когда воды рѣкъ скрываются подъ почву для того, чтобы ниже вновь выступить на дневную поверхность въ видѣ ключей. Что же удивительнаго, что китайцы, которые свой миѳическій Куэнъ-лунь розыскиваютъ на западѣ, перемѣстили туда же и истоки своей главнѣйшей рѣки? Не служитъ ли, однако, это соображеніе объ основаніяхъ, послужившихъ къ созданію китайской гипотезы о верховьяхъ Желтой рѣки, доказательствомъ, что и во времена Ханей Лобъ-норъ, по размѣрамъ своимъ, мало чѣмъ отличался отъ нынѣшняго озера того-же имени?

Что нынѣшнее озеро Кара-кошунъ-куль, т. е. Лобъ-норъ Пржевальскаго, есть въ то же время и Лобъ-норъ китайскихъ географовъ, это ясно видно на такъ называемой Ренатовской картѣ, составляющей вѣроятную копію китайской карты; на этой картѣ Булунзиръ (Bolun-sin) показанъ впадающимъ въ оз. Лобъ (Läp). Я не берусь сказать, было ли это возможно въ дѣйствительности, но если только когда либо связь между р. Булунзиромъ и бассейномъ Тарима существовала, то рѣка эта могла вливать свои воды только въ Кара-кошунъ-куль. Справедливости ради долженъ, однако, отмѣтить нижеслѣдующія свѣдѣнія о Лобъ-норѣ, приводимыя Палладіемъ Кавъровымъ въ его замѣткѣ «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» (въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1850, IV, стр. 251), которыя подтверждаютъ гипотезу Рихтгофена—Свенъ-Гедина: «Озеро это лежитъ среди песчаныхъ равнинъ; южный берегъ его низокъ и *покрытъ купами деревьевъ*; любопытные изъ китайскихъ путешественниковъ, поднявшись на нихъ, усматривали на югъ безчисленное множество небольшихъ озеръ, въ двѣ или три версты въ окружности». Съ одной стороны деревья на берегу доказываютъ, что озеро было прѣснымъ, но съ другой, что это озеро не могло быть Лобъ-норомъ Пржевальскаго: берега послѣдняго безлѣсны.

Къ сожалѣнію, Палладій не говоритъ, изъ какихъ дорожниковъ заимствовалъ онъ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Сводку мнѣній по лобнорскому вопросу см. въ обстоятельной замѣткѣ Козлова — «Лобъ-норъ» (въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», XXXIV).

Лобъ-норъ носилъ у китайцевъ еще и нижеслѣдующія названія: Янь-цзэ (Соленое озеро), Ю-цзэ и Фу-тъхи-хай (Іакинфъ. «Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. XXIX).

[1]) У Іакинфа сказано—кленъ; но безъ сомнѣнія это ошибка («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 39).

блюдовъ; хлѣбъ получаютъ изъ Цзюймо и другихъ владѣній; резиденція [1]), имѣющая одну ли въ окружности (т. е. около 250 саж.), находится въ 720 ли на востокъ отъ Цзюймо [2]); на югѣ граничитъ съ владѣніемъ Жоцянъ (Цайдамъ), на сѣверо-западѣ съ Шаньго, на западѣ съ Цзюймо; на сѣверъ лежитъ дорога черезъ песчаныя гряды, на востокъ черезъ сыпучіе пески [3]).

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что владѣніе Шаньшань занимало всю долину между Алтынъ-тагомъ и Бэй-шаньскимъ нагорьемъ до ур. Ачикъ-кудукъ [4]), гдѣ долина эта съуживается до десяти верстъ [5]) и преграждается песчанами грядами Кумъ-тага [6]).

Козловъ, прошедшій въ январѣ 1894 г. отъ Лобъ-нора прямой дорогой въ Са-чжоу, въ такихъ краскахъ рисуетъ Лобнорскую впадину, замыкающуюся на востокѣ въ уроч. Ачикъ-кудукъ, что у меня не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, не смотря на позднѣйшую дурную славу, мѣстность эта до начала нашей эры была вполнѣ пригодной для жизни кочевниковъ. Къ тому же нельзя упускать изъ вида важнаго указанія, которое даютъ намъ китайскія лѣтописи: «Впослѣдствіи (т. е. около половины V вѣка по Р. Хр.), говорится въ нихъ [7]), шаньшаньскій владѣтель пришелъ въ страхъ и со своимъ народомъ бѣжалъ въ Цзюймо, наслѣдникъ же передался Аньчжу (т. е. бѣжалъ въ Ша-чжоу). Послѣ сего шаньшаньцы (еще остававшіеся?) *опустошили свою страну, чтобы затруднить сообщеніе*». Что значитъ въ данномъ случаѣ это выра-

---

[1]) У Дегиня («Histoire général des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares Occidentaux, etc.» I, 2, стр. XI) приведено названіе ея—Гань-ни-ченъ. У Іакинфа—Гинни или Юни.

[2]) Теоретически китайская ли равняется 267 саж. 6 фут. (Іакинфъ. «Статистич. описаніе Китайской имперіи», стр. 126). Въ древности можетъ быть она и представляла эту величину; нынѣ же ли должна приниматься саженъ въ 200, не болѣе. Китайцы считаютъ, что пѣшеходъ ровнымъ ходомъ проходитъ въ 1 часъ 10 ли; это и будетъ соотвѣтствовать 200 саж.

[3]) Китаецъ Чжанъ-цянъ въ донесеніи своемъ говоритъ: «Лэулянь и Гуши имѣли свои города на берегу Соленаго озера (Лобъ-нора)». Вѣроятно, здѣсь кроется какая либо ошибка. Что однако Гуши (раздѣлившееся вскорѣ на нѣсколько владѣній) простиралось нѣкогда до Курукъ-тага, это, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ словъ китайской лѣтописи: «Дорога въ Западныя владѣнія пролегаетъ черезъ Лэулянь и Гуши», изъ чего какъ бы слѣдуетъ, что на сѣверѣ Лэулянь граничила съ Гуши. Или въ то время Шаньго, какъ самостоятельное владѣніе, не существовало?

[4]) Ур. Ачикъ-кудукъ находится въ 400 верстахъ къ востоку отъ устья Тарима, что вполнѣ соотвѣтствуетъ разстоянію въ китайскихъ ли между Цзюймо и резиденціей шаньшаньскаго владѣтеля, городка Юни или Гинни.

[5]) Это объ этомъ мѣстѣ Дегинь пишетъ: «A 300 li de ce lac (Eop) est un détroit entre les montagnes que l'on appellait anciennement Yo-muen-kuan» (ib., стр. XII).

[6]) Впрочемъ нѣсколько позже (около 90 г. до Р. Хр.) Шаньшаньское владѣніе распространилось еще далѣе на востокъ и, занявъ всю долину, стало на востокѣ граничить съ областью Дунь-хуанъ. (Іакинфъ. «Собр. свѣд. о народахъ Средн. Азіи», III, стр. 41).

[7]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 143.

женіе: опустошили страну? Мнѣ кажется, оно можетъ означать только одно: засыпали колодцы, потому что въ этой долинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, вода составляетъ все.

Изъ вышеизложеннаго нельзя не усмотрѣть, что въ предѣлахъ Бэй-шаня, въ эпоху утвержденія китайцевъ въ Хэси, существовало одно только владѣніе—Шаньго, часто объединявшееся съ Юйли [1]), впослѣдствіи же вошедшее въ составъ Чешискаго княжества.

Первыя сношенія китайцевъ съ западными владѣніями были дипломатическія. Китайскіе послы достигали Семирѣчья, Ферганы, Бухары и Самарканда, всюду ощупывая почву и стараясь склонить мѣстныхъ правителей къ союзу противъ хунновъ. Этого имъ не удалось, однако, достигнуть: юэчжи отказались отъ чести сражаться за китайскіе интересы, усуни же колебались. Зато эти посольства успѣли въ другомъ отношеніи: разсказами о богатствахъ запада и о легкой возможности овладѣть ими они разожгли завоевательные инстинкты императора Вуди.

Уже въ 108 г. до Р. Хр. состоялась первая экспедиція въ Западный край; а затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 104 по 100 г., полководецъ Ли-гуанъ-ли совершилъ свои два знаменитые похода на Давань (Фергану), покоривъ по пути всѣ малыя и большія владѣнія Восточнаго Туркестана.

Завоевавъ Восточный Туркестанъ, китайцы, въ обезпеченіе сообщенія съ Западнымъ краемъ, вытянули рядъ сторожевыхъ башенъ до Лобъ-нора [2]) и къ сѣверу отъ Су-чжоу построили крѣпости Пой-янь и Хю-чжюй [3]). Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что къ этому времени хунны, уже успѣвшіе оправиться отъ пораженій, снова появились въ Бэй-шанѣ и мало по малу заняли долины р. Эцзинъ-гола и низовій р. Шулэй-хэ [4]). Въ 102 г. они отважились даже произвести нападеніе на Хэси и ограбить окрестности Гань-чжоу и Су-чжоу, а въ 101 г. выслать отрядъ противъ возвращавшагося изъ похода на Давань Ли-гуанъ-ли; но на этотъ разъ они были разбиты. Зато въ 99 г. походъ того же Ли-гуанъ-ли противъ хунновъ на сѣверъ, поперекъ Бэй-шаня, до Небесныхъ горъ, окончился для него неудачно: онъ былъ окру-

---

[1]) Это видно изъ того обстоятельства, что китайскіе лѣтописцы нерѣдко смѣшивали Юйли и Шаньго. Такъ у Іакинфа (ib., IV, стр. 76) читаемъ: «При династіи Хань и Цао-Вэй здѣсь было княжество Юйли, иначе Шаньго».

[2]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 35.

[3]) ib., стр. 26.

[4]) «Собраніе свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 46.

22778

Библиотека Географического Общества Союза ССР

женъ превосходными силами непріятеля и едва спасся бѣгствомъ, потерявъ до 7 тысячъ человѣкъ одними убитыми [1]). Еще печальнѣе окончился для китайцевъ походъ 90 года [2]). Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дѣлъ, Ли-гуанъ-ли, узнавъ, что все семейство его, обвиненное въ колдовствѣ, предано казни, «собралъ свои войска и покорился хуннамъ» [3]). Три же года спустя скончался и предпріимчивый императоръ Ву-ди.

Хунны не съумѣли воспользоваться выгодами своего положенія. Не предпринимая ничего рѣшительнаго, они ограничивались только небольшими, къ тому же далеко не всегда сопровождавшимися успѣхомъ, грабительскими набѣгами на китайскія области. Впрочемъ, уже въ это время у нихъ возникли несогласія съ ухуанцами и усунями.

Въ 72 г. усуни, въ союзѣ съ китайцами, съ двухъ сторонъ напали на хунновъ. Китайцы выставили огромное войско, которое

[1]) На западѣ военныя операціи китайцевъ также не сопровождались успѣхомъ; такъ, попытка китайцевъ при помощи лэулянскаго ополченія и передавшихся хунновъ овладѣть Чеши оказалась неудачной («Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 89); они поправили здѣсь свои дѣла только въ 88 г., захвативъ въ плѣнъ чешискаго князя (ib.). Въ 1 части того же сочиненія событіе это отнесено къ 90 г.

Къ этому времени относится сдѣланная, безъ сомнѣнія, самимъ Ли-линомъ, внукомъ Ли-гуанъ-ли, надпись на скалѣ ущелья Ванъ-сянъ-линъ. Вотъ, что по сему поводу мы читаемъ въ китайской лѣтописи: «Горы Ма-цзунь-шань (высочайшій кряжъ Бэй-шаня) лежатъ на юго-востокѣ отъ Хами. По сосѣдству находится ущелье Ванъ-сянъ-линъ. На его вершинѣ находится впадина скалы съ надписью, относящейся къ Ли-лину. (Bretschneider. «Mediaeval researches from eastern Asiatic Sources», II, стр. 178). Судьба Ли-лина крайне интересна. Это былъ неустрашимый и славный воинъ. Пылая желаніемъ отомстить хуннамъ за пораженіе, нанесенное ими его дѣду, онъ испросилъ у императора разрѣшеніе идти противъ нихъ въ глубь пустыни. Въ своемъ распоряженіи онъ имѣлъ всего лишь пятитысячный корпусъ. Тѣмъ не менѣе, онъ прошелъ съ нимъ тысячу ли по Бэй-шаню. Будучи окруженъ здѣсь хуннами, онъ нанесъ имъ два пораженія, послѣ чего рѣшилъ отступить. Во время отступленія онъ бился не переставая, пока не израсходовалъ всѣхъ своихъ стрѣлъ. Между тѣмъ обѣщанная помощь, на которую онъ такъ разсчитывалъ, не являлась. Положеніе его стало критическимъ. Нашелся измѣнникъ, который ускорилъ развязку. Онъ увѣрилъ хунновъ, что Ли-Линъ отступаетъ изъ желанія заманить ихъ въ засаду. Увѣрившись въ этомъ, хунны отрѣзали китайцамъ отступленіе. Тогда-то, видя неизбѣжную гибель всего отряда, Ли-Линъ рѣшилъ сдаться. Узнавъ объ этомъ, императоръ приказалъ истребить весь его родъ. Этотъ жестокій ударъ принудилъ Ли-Лина остаться навсегда у хунновъ, которые никогда не переставали чтить въ немъ героя. Шаньюй женилъ его на своей дочери, возвелъ его въ княжеское достоинство и далъ въ удѣлъ земли хягасовъ, гдѣ потомки его царствовали почти до временъ Чингисъ-хана. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключается главный историческій интересъ этой личности. (См. Moyriac de Mailla «Histoire générale de la Chine», III, стр. 79; Іакинфъ. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 50—51).

[2]) Этому походу предшествовала еще одна экспедиція Ли-гуань-ли противъ хунновъ, окончившаяся также пораженіемъ китайскихъ войскъ (въ 97 г.; de Mailla, op. cit, стр. 81).

[3]) Походъ этотъ вызванъ новымъ вторженіемъ хунновъ въ Хэси. Преслѣдуя ихъ, Ли-гуанъ-ли доходилъ до Тянь-шаня и Алтайскихъ горъ. Хуннами Ли-гуанъ-ли былъ принятъ съ почетомъ, но затѣмъ принесенъ ими въ жертву духамъ усопшихъ шаньюевъ — весьма цѣнное указаніе, свидѣтельствующее, что у хунновъ существовалъ обычай приносить человѣческія жертвы. (Іакинфъ, ib., I, стр. 53—55; de Mailla, op. cit., стр. 90). Этотъ обычай сохранился и у тукіэсцевъ. (См. «Византійскіе историки — Дексиппъ, Эвнапій и др.», пер. съ греч. С. Дестуниса, Спб., 1860, стр. 422).

нѣсколькими путями выступило изъ Хэси черезъ пустыню. Походъ этотъ кончился, однако, ничѣмъ. Хунны успѣли заблаговременно отступить, и китайцамъ пришлось удовольствоваться лишь ничтожными стычками съ непріятелемъ и самой скромной добычей. Къ тому же китайская колонна, выступившая изъ Су-чжоу и долженствовавшая соединиться въ Баркульской долинѣ съ вспомогательнымъ корпусомъ усуней, не могла прибыть сюда къ условному времени, что и вынудило послѣднихъ, въ свою очередь, къ отступленію. Столь неудачныя операціи союзниковъ ободрили хунновъ, которые, по удаленіи китайскихъ войскъ, не замедлили перейти въ наступленіе. Ихъ зимній походъ противъ усуней закончился однако для нихъ неудачно. На обратномъ пути въ Джунгаріи выпалъ снѣгъ, глубиной въ 10 футовъ, сопровождавшійся столь необычайной стужей, что отъ нея и безкормицы погибли всѣ экспедиціонныя лошади, весь скотъ и почти девять десятыхъ людей [1]). Несчастьемъ этимъ не преминули воспользоваться враги хунновъ— динлины, которые вмѣстѣ съ ухуанцами и усунями съ трехъ сторонъ вторглись въ ихъ земли [2]). Такимъ образомъ 72 г. до Р. Хр. оказался роковымъ для хунновъ: отъ холода, голода и меча непріятеля погибла почти половина всего населенія и такое множество лошадей и скота, что съ этихъ поръ «хунны надолго пришли въ крайнее безсиліе» [3]). Четыре же года спустя голодъ повторился и «отъ него вновь погибло $^{6}/_{10}$ скота и народа».

Но не смотря на это новое бѣдствіе, хунны рѣшились всѣми силами воспротивиться водворенію китайцевъ въ Чеши. «По тучности чешихъ земель, говоритъ китайская лѣтопись, и по близости ихъ къ хуннамъ, шанью и вельможи рѣшились не допускать китайцевъ овладѣть ими» [4]).

Дѣйствительно, въ то время Чеши имѣло важное стратегическое значеніе. Это былъ крайній къ востоку культурный центръ Притяньшанья, способный прокормить много народа. Черезъ него проходили удобные пути въ Джунгарію (сѣверное Чеши), въ Китай и Западныя владѣнія. Такъ что, укрѣпись здѣсь китайцы, это не только вынудило бы хунновъ покинуть степи юго-восточной

---

[1]) Одновременно огромные снѣга выпали и на всемъ пространствѣ западной Гоби.

[2]) Динлины, рыжеволосое, румянолицее и голубоглазое племя, жили къ сѣверу отъ хунновъ, ухуанцы къ востоку, усуни (также бѣлокурая раса) къ западу, гдѣ они занимали своими кочевьями Илійскія степи и бассейны Иссыкъ-куля и верховій Сыръ-дарьи (Нарына). Аристовъ (op. cit., стр. 122) считаетъ ихъ предками кара-киргизовъ.

[3]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 64.

[4]) Ib., III, стр. 91. St. Julien. «Oïgours» (въ «Journal Asiatique», 1847, Mars, стр. 192).

*

Джунгаріи, но и создало бы для нихъ въ будущемъ крайне трудныя условія борьбы съ Небесной имперіей.

Излагая историческое прошлое южной Джунгаріи [1]), я уже бѣгло касался этой борьбы хунновъ съ китайцами изъ-за Чеши, закончившейся въ 63 г. изгнаніемъ послѣднихъ и полнымъ разореніемъ большей части турфанскихъ земель. Къ этому мнѣ остается только добавить, что не только китайцы увели за собой часть чешискихъ жителей, но что одинаковымъ образомъ съ остальною частью туземнаго населенія поступили и хунны: «изъ боязни оставить на прежнихъ земляхъ остатки народа, шанью увелъ ихъ за собой на востокъ» [2]). Впрочемъ, событіе это отнесено китайскимъ лѣтописцемъ къ 67 г. [3]).

Послѣдній періодъ исторіи хунновъ носитъ очень бурный характеръ. Ознаменовавшись убійствами, междоусобіями, смутами и, наконецъ, распаденіемъ государства на части, онъ закончился добровольнымъ подчиненіемъ Китаю сперва восточной орды, а вскорѣ затѣмъ и западной (въ 51 г. до Р. Хр.).

Ставка шаньюя западной орды находилась въ странѣ Гяньгунь (нынѣшняя Акмолинская область?), восточной орды у южныхъ подножій Хангайскихъ горъ. Указать въ точности границы обоихъ государствъ теперь нѣтъ возможности. Одно несомнѣнно: южной границей владѣній восточной орды была Великая стѣна. «Все, что лежитъ отъ Великой стѣны къ сѣверу, принадлежитъ хуннамъ», сообщаетъ намъ китайская лѣтопись, и въ той-же лѣтописи читаемъ мы дальше: «у хунновъ есть уголъ земли, вдавшійся въ предѣлы Китая прямо противъ Чжанъ-ѣ, гдѣ ростетъ хорошій лѣсъ, годный для изготовленія стрѣлъ, и водятся орлы, перья коихъ идутъ на опушку стрѣлъ» [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что это возвышающаяся къ востоку отъ Гань-чжоу горная группа Лунъ-ту-шань, достигающая 10,000 фут. абс. выс. [5]).

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что, не смотря на постигшія ихъ несчастія, хунны, къ началу нашей эры, все еще продолжали удерживать въ своей власти восточный Бэй-шань,

---

[1]) Томъ первый, стр. 215—216.

[2]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, стр. 66.

[3]) Надо, однако, замѣтить, что при изложеніи событій этого періода, въ китайскихъ лѣтописяхъ замѣчаются нѣкоторыя противорѣчія. (Сравн. т. I «Собранія свѣд. о народахъ Средней Азіи», стр. 65—66, съ т. III того же сочиненія, стр. 89—91).

[4]) Op. cit., I, стр. 88. Слова лѣтописи относятся къ 7—4 годамъ до Р. Хр.

[5]) «Извѣстія И. Р. Г. Общ.», томъ XXXI, стр. 324.

вторично занятый ими, какъ мы видѣли выше, около 105 г. до Р. Хр.

3-й годъ по Р. Хр. ознаменовался важнымъ событіемъ: былъ открытъ кратчайшій путь изъ Турфана въ Хэси [1]). Но вмѣсто того, чтобы еще тѣснѣе связать Китай съ Западными владѣніями, открытіе этого пути послужило ближайшимъ поводомъ къ изгнанію китайцевъ изъ Восточнаго Туркестана.

Уже до потери хуннами своей самостоятельности китайцы могли считать себя полновластными хозяевами въ Восточномъ Туркестанѣ. Ихъ положеніе тамъ еще болѣе упрочилось послѣ распаденія хуннской державы. Даже въ округѣ Хэнти, ранѣе столь сильно оспаривавшемся хуннами, они успѣли завести военное поселеніе Гаочанъ [2]). Но послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ мира, не усиливъ китайской власти въ Западномъ краѣ, сдѣлали ее лишь болѣе нетерпимой, такъ что малѣйшаго повода было уже достаточно для того, чтобы вызвать общее возстаніе туземныхъ князей. Этотъ поводъ и дало открытіе помянутой выше дороги.

Въ то время владѣльцы земель, черезъ которыя проходила дорога, обязаны были снабжать китайскихъ чиновниковъ и пословъ подводами и лошадьми, а также жизненными припасами, безвозмездно. А такъ какъ разъѣзды этихъ лицъ совершались часто и, притомъ, въ сопровожденіи большого штата прислуги, то естественно,

---

[1]) Въ первомъ томѣ (стр. 216) я высказалъ предположеніе, что это тотъ прямой путь, которымъ мы слѣдовали изъ Юй-мыня въ Хами. Но, разобравшись ближе въ вопросѣ о древнѣйшихъ путяхъ въ Средней Азіи, я пришелъ къ заключенію, что здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о дорогѣ черезъ Бэй-шань, а объ одной изъ дорогъ между Хами и Турфаномъ. Дѣйствительно, китайцы достигали Тянь-шаня двумя путями. Оба расходились въ Су-чжоу. Первый велъ изъ этого города черезъ Дунь-хуанъ, Шань-шань и Курукъ-тагъ (владѣніе Шаньго) къ Карашару и уже отсюда въ Турфанъ (Бэй-лу временъ династіи Хань); второй, сворачивавшій у Су-чжоу на сѣверо-западъ, пересѣкалъ Бэй-шань и выводилъ къ восточной оконечности Тянь-шаня (путь Ли-гуанъ-ли и другихъ китайскихъ полководцевъ, оперировавшихъ противъ хунновъ). Но пути, который соединялъ бы Турфанъ и Хами, въ то время еще не существовало. Изъ этого слѣдуетъ, что открытіе, занесенное въ китайскую лѣтопись, могло относиться лишь къ этому участку нынѣшней караванной дороги изъ Китая въ Восточный Туркестанъ.

[2]) На стр. 218 перваго тома настоящаго труда основаніе укрѣпленія Гаочанъ отнесено мною къ 91 г. по Р. Хр. Это ошибка, поводомъ къ которой послужило слѣдующее мѣсто китайской лѣтописи: «Въ 91 г. Баньчао утвердилъ спокойствіе въ Западномъ краѣ, опредѣлилъ военнаго пристава и далъ ему 500 человѣкъ для земленашества въ восточной части Чешискаго княжества, въ укрѣпленіи Гаочанъ» (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», III, стр. 103). Такъ какъ въ исторіи старшаго дома Хань объ основаніи Гаочана опредѣленно не упоминается, а въ исторіи младшаго дома Хань только передается легенда объ его основаніи усталыми воинами императора Вуди, то я и не видѣлъ повода къ болѣе тщательной провѣркѣ этого указанія. Между тѣмъ въ «Географическомъ указателѣ», приложенномъ Іакинфомъ къ его «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», на стр. 19, прямо сказано: «Гаочанъ-лэй есть названіе укрѣпленія, основаннаго китайцами въ 46 году до Р. Хр.». Это извѣстіе подтверждается нижеслѣдующими выдержками изъ китайской лѣтописи: «И такъ чешискій владѣтель ускакалъ за стѣну (?) въ Гаочанъ (а оттуда?)

что эта повинность возбуждала немалыя неудовольствія среди туземнаго населенія. И чешисцамъ перспектива подобныхъ поборовъ ни мало не улыбалась; они надумали уклониться отъ нихъ, помѣшавъ осуществленію проекта китайцевъ, но плохо разсчитали свои силы и были жестоко наказаны: ихъ князь былъ схваченъ и обезглавленъ. Подобная же участь постигла въ слѣдующемъ году (10 г. по Р. Хр.) и другого чешискаго князя. Тогда народъ бѣжалъ на востокъ и вызвалъ на сцену хунновъ. Вмѣшательство хунновъ оказалось роковымъ для китайцевъ, которые вынуждены были покинуть сначала Турфанъ, а затѣмъ, преслѣдуемые возставшими князьями, и остальныя земли Восточнаго Туркестана. Событіе это относится къ 20 г. по Р. Хр. [1]).

Но хунны еще раньше, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Серединной имперіи, порвали къ ней вассальныя отношенія. Ихъ набѣги участились, и сѣверныя области Китая, «не видавшія въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній (80 лѣтъ) тревогъ отъ маячныхъ огней, успѣвшія заселиться и разбогатѣть, снова подверглись полному разоренію: жители ихъ были побиты или уведены въ плѣнъ, города и селенія разрушены, кости воиновъ лежали непогребенными» [2]). Хунны такъ возгородились своими успѣхами, что, когда къ нимъ въ 26 г. явился китайскій посолъ, шаньюй встрѣтилъ его высокомѣрно и при этомъ замѣтилъ: «Хунны и китайцы въ прежнія

въ предѣлы хунновъ» (Op. cit., III, стр. 94). Это событіе относится къ 3 году по Р. Хр. И затѣмъ: «впослѣдствіи (т. е. послѣ 62 г. до Р. Хр.) поставленъ приставъ для заведенія землепашества на оставленныхъ чешискихъ земляхъ» (Op. cit., III, стр. 93).

О мѣстоположеніи Гаочана уже говорилось на стр. 321 перваго тома. Но такъ какъ въ исторической литературѣ, повидимому, твердо установился взглядъ на былое мѣстоположеніе этого города, отождествляемаго съ развалинами на р. Кара-ходжа, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь еще нѣсколько соображеній въ подкрѣпленіе уже высказаннаго мною предположенія, что Гаочанъ могъ находиться только близъ нынѣшняго Турфана.

Въ китайской лѣтописи прямо сказано, что Гаочанъ основанъ былъ на чешиской землѣ къ востоку отъ резиденціи князя. Что же называть востокомъ чешискихъ земель? Очевидно, что восточная граница чешискихъ владѣній не могла захватывать долины р. Кара-ходжи, такъ какъ тутъ, въ эпоху основанія Гаочана, существовало самостоятельное владѣніе. Въ китайской географіи прямо сказано:«Въ древности мѣсто сіе принадлежало къ переднему Билю» («Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», IV, стр. 79). Засимъ, мы имѣемъ еще одно указаніе, свидѣтельствующее, что и въ 10 г. по Р. Хр. земли по р. Кара-ходжа не принадлежали чешисцамъ (Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 98, III, стр. 95). Изъ сего ясно, что восточная грань чешискихъ владѣній не могла выходить за предѣлы оросительной способности р. Бауръ. Изъ описанія окрестностей Турфана (см. I т., глава XII) мы уже знаемъ, что оросительная способность этой рѣчки невелика. Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ убѣжденію, что Гаочанъ могъ находиться лишь по сосѣдству съ нынѣшнимъ Турфаномъ. Не развалины ли этого укрѣпленія видѣлъ я, подъѣзжая къ Турфану? См. также «Цзинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-ліо» въ переводѣ St. Julien'a («Journal Asiatique», 4 série, VIII, 1846, стр. 237—238, 241).

[1]) Подробнѣе объ этихъ событіяхъ изложено въ I томѣ, стр. 216—217.

[2]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 104.

времена были братьями. Но у хунновъ случились междоусобія, и Хуханье-шаньюй изъ уваженія къ дому Хань сталъ именоваться вассаломъ. Нынѣ, въ свою очередь, имперія волнуется, и если императоръ Гунь-У вступилъ на прародительскій престолъ, то единственно благодаря моей помощи. Такимъ образомъ роли наши помѣнялись, и домъ Хань долженъ отнынѣ высказывать уваженіе дому Хунновъ». Китайскій посолъ пытался протестовать противъ такого взгляда на положеніе дѣлъ, но безуспѣшно.

Въ 37 г. хунны овладѣли сѣверною частью провинціи Шаньси и въ ней поселились [1]). Въ послѣдующіе года они послѣдовательно опустошили южную часть Шаньси, сосѣднюю Шеньси, восточную часть Ганьсу и сѣверо-западную часть Чжилійской провинціи. Ни одного года, по словамъ китайскаго лѣтописца, не проходило, чтобы какая-либо часть сѣверной границы не подвергалась опустошительнымъ ихъ набѣгамъ, такъ что къ 45 году весь сѣверный Китай представлялъ изъ себя уже сплошную пустыню.

Но уже въ слѣдующемъ году среди хунновъ возникли междоусобія, которыя въ 48 г. привели къ вторичному распаденію ханства на части: сѣверную и южную, и къ подчиненію южныхъ хунновъ Китаю [2]); что же касается сѣверныхъ хунновъ, то хотя они обмѣнивались частыми посольствами съ китайскимъ дворомъ, однако это не мѣшало имъ производить опустошительные набѣги на сѣверо-западные округа имперіи. Къ семидесятымъ годамъ набѣги эти до такой степени участились, что въ Хэси вынуждены были даже днемъ держать ворота городовъ запертыми. Конечно, такое положеніе дѣлъ не могло быть долго терпимо; но армія, высланная противъ хунновъ и прошедшая Бэй-шань по четыремъ различнымъ путямъ, не нашла ихъ въ ихъ обычныхъ кочевьяхъ и принуждена была изъ подъ Тянь-шаня вернуться обратно. Впрочемъ, для Притяньшанья походъ этотъ не прошелъ совершенно безслѣдно. Китайцы овладѣли Ивулу, завели здѣсь военное поселеніе и вновь, такимъ образомъ, «открыли сообщеніе съ Западнымъ краемъ» [3]). Чеши, Билу, Яньци и другія владѣнія покорились. Оба Чеши въ это время представляли уже значительныя владѣнія. Сѣверное Чеши, объединивъ всѣ земли на западъ отъ Баркульской долины до усуньскихъ кочевій, простиралось на всю южную Джун-

---

[1]) Ib., стр. 113.
[2]) Ib., стр. 116; de Mailla (op. cit., III, стр. 337) относитъ это событіе къ 46 году.
[3]) Ib., III, стр. 102.

гарію [1]); южное же, покоривъ Халга-амань, Даньхуань, Хуху и Утанцыли, владѣло всей территоріей, входящей нынѣ въ составъ трехъ западныхъ волостей турфанскаго приставства. Усилились также переднее Билу и Шаньшань; Билу насчетъ владѣній Даньми и задняго Билу, Шаньшань же насчетъ сосѣднихъ владѣній: Цзюймо, Сяовань, Цзингюэ и Жунлу [2]). Чувствуя себя достаточно сильными, князья Западнаго края, если и изъявили покорность китайскому императору, то только въ надеждѣ найти въ немъ добраго опекуна, который освободилъ бы ихъ отъ хуннскаго ига. Но когда ихъ расчеты не оправдались и когда, взамѣнъ того, китайскій императоръ распорядился послать къ нимъ своего намѣстника, то они возстали какъ одинъ человѣкъ и при помощи хунновъ по частямъ уничтожили китайское войско. И хотя вслѣдъ затѣмъ су-чжоу'скій комендантъ, явившійся на выручку намѣстника, и нанесъ чешисцамъ пораженіе подъ стѣнами Гяо-хе-чена, однако побѣда эта не поправила китайскихъ дѣлъ въ Притяньшаньѣ, и въ 77 г. они вынуждены были очистить даже Хами.

Впрочемъ, торжество хунновъ было непродолжительно. Несогласія, возникшія среди ихъ правителей, привели сначала къ отпаденію 73 поколѣній, а затѣмъ, въ 93 г., и къ полному разгрому ханства соединенными силами китайцевъ, южныхъ хунновъ, сяньбійцевъ, динлиновъ и князей Западнаго края, причемъ только небольшая часть хунновъ успѣла спастись, откочевавъ, по словамъ китайской лѣтописи, «неизвѣстно куда» на западъ [3]), вся же Халха стала добычей частью сяньбійцевъ [4]), частью южныхъ хунновъ.

Это моментъ чрезвычайной важности въ исторіи Европы и Азіи.

Потерявъ свои земли въ Монголіи и въ Бэй-шанѣ, хунны устремились на западъ и въ самое короткое время успѣли подчинить себѣ огромную территорію отъ Баркульской долины (Пу-лэй-хай, собственно, Баркульскаго озера) до моря Каспійскаго (или Аральскаго?—Цинь-хай) [5]), населенныхъ частью тюркскими, частью фин-

---

[1]) Ib., III, стр., 133.

[2]) Ib., III, стр. 102.

[3]) Ib., I, стр. 132. Ср. Deguignes «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux, etc.», I, 2, стр. 278—279; de Mailla («Histoire générale de la Chine» т. III, стр. 395) относитъ это событіе къ 91 году; онъ прибавляетъ, что хунны проиграли главное сраженіе при горахъ Гинь-вэй-шань, т. е. Тарбагатайскихъ.

[4]) «Cette époque est le commencement de la grandeur des Sien-pi qui se rendirent redoutables». De Mailla, op. cit., III, стр. 397.

[5]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Аз.», III, стр. 104. См. также Радловъ, «Къ вопросу объ уйгурахъ», стр. 102 и слѣд. (Приложеніе № 2 къ LXXII тому «Зап. Имп. Ак. Наукъ»). Къ западу отъ Азовскаго моря хунны появились лишь во второй половинѣ IV вѣка. У византійскаго исто-

скими племенами, которымъ они и дали свое имя, подобно тому, какъ сяньбійцы дали свое имя оставшимся въ Халхѣ хуннамъ [1]). Но перемѣстивши центръ тяжести своихъ интересовъ такъ далеко на западъ, они перестали играть видную роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Средней Азіи, и съ этой точки зрѣнія монахъ Іакинфъ былъ правъ, утверждая, что послѣ пораженій 93 г. хуннская держава, какъ таковая, перестала существовать для Китая.

Какъ бы то ни было, но побѣды китайцевъ, въ столь сильной степени ослабившія могущество хунновъ, значительно подняли ихъ престижъ въ глазахъ азіатскихъ народовъ: по отзыву лѣтописца, не только всѣ 50 владѣній Западнаго края добровольно тогда подчинились Китаю [2]), но даже и болѣе отдаленныя государства поспѣшили представить дары императору. Впрочемъ, китайцы властвовали въ Притяньшаньѣ недолго. Уже въ 105 г. многіе князья отложились, а въ 107 г. этимъ краемъ вновь овладѣли сѣверные хунны, которые затѣмъ, вкупѣ съ чешисцами, перешли въ наступленіе и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно хозяйничали въ Хэси [3]).

Послѣдующія событія довольно смутно очерчены въ китайской исторіи. Извѣстно, что въ 127 году китайцы вновь утвердились въ Восточномъ Туркестанѣ и даже построили въ Иву укрѣпленіе, но, повидимому, съ большимъ трудомъ удерживали тамъ главенствующее положеніе [4]). Это ясно видно изъ того, что уже въ

рика Эвнапія мы находимъ извѣстіе, что «скиѳы были истреблены уннами въ 376 г.» (См. «Византійскіе историки—Дексиппъ, Эвнапій и др.», перев. съ греч. С. Дестунисомъ, стр. 125).

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Аз.», I, стр. 163; de Mailla, op. cit., III, стр. 397. Сяньби было тунгузскимъ или, какъ нѣкоторые полагаютъ, корейскимъ племенемъ.

[2]) За исключеніемъ, однако, Яньци. «Собр. свѣд. о нар. Ср. Аз.», III, стр. 103.

[3]) Этому способствовало смутное положеніе дѣлъ въ Хэси.

Въ 107 г. для войны съ хуннами въ Притяньшаньѣ изъ провинціи Лунъ-си (восточной части нынѣшней Ганьсуйской провинціи) отправлено было тангутское ополченіе. Тангуты, дойдя до Су-чжоу, отказались слѣдовать далѣе и вернулись на родину. Въ отместку за это ихъ родныя селенія были разорены. Но эта жестокость повела лишь къ общему возстанію тангутовъ Лунъ-си. Возстаніе сопровождалось страшными жестокостями съ обѣихъ сторонъ. По словамъ китайскихъ лѣтописцевъ, тангуты, давно не воевавшіе, не имѣвшіе ни латъ, ни оружія, шли въ бой, вооружившись палками и имѣя вмѣсто щитовъ металлическія зеркала и кухонныя доски. Тѣмъ не менѣе, одушевленіе ихъ было столь велико, что они наносили китайцамъ пораженіе за пораженіемъ и вскорѣ овладѣли всею западной Ганьсу. Ихъ вожди объявили себя даже императорами. Возстановить сообщеніе съ Хэси китайцамъ удалось лишь въ 115 г., окончательно же подавить возстаніе въ 126 г. (І. Бичуринъ «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 38—51).

[4]) Впрочемъ это была не первая ихъ попытка послѣ 107 г. возстановить свою власть въ Притяньшаньѣ. Исторія младшаго дома Хань говоритъ слѣдующее: «Въ 112 г. Со-Бань отправленъ въ Иву съ гарнизономъ изъ 1,000 человѣкъ для успокоенія края, почему владѣтели шаньшанскій и южно- (передне) чешискій покорились; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сѣверные хунны съ владѣтелемъ сѣвернаго (задняго) Чеши опять пришли и Со-Бань на сраженіи съ ними погибъ

132 г. они оказались безсильными предотвратить возникшія въ краѣ междоусобія. Престижъ ихъ падалъ, и въ 152 г. они должны были открыто признать, что князья Западнаго края стали относиться къ нимъ съ нескрываемыми «холодностью и неуваженіемъ» [1]). Однако въ теченіе нѣкотораго времени они продолжали еще держать тамъ намѣстниковъ, что видно изъ слѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Въ 168 г. кашгарскій владѣтель на охотѣ съ китайскимъ великимъ дуюй былъ убитъ Ходэ, объявившимъ себя княземъ, въ виду чего правитель области Лянъ-чжоу, соединившись съ ополченіемъ изъ Яньци, Гуйци и обоихъ Чеши, напалъ на Ходэ»... [2]). Но засимъ всякая связь между Китаемъ и Западными владѣніями прекратилась.

Между тѣмъ южные хунны, разселенные въ Ордосѣ и провинціяхъ Ганьсу и Шэньси, «нечувствительно умножившись, стали опасными для Китая»; вслѣдствіе чего, когда «шаньюй въ 215 г. явился въ столицу (г. Ло-янъ), китайскій дворъ удержалъ его при себѣ, для управленія же ханствомъ поставилъ намѣстника» [3]). Подобный порядокъ вещей удержался до 304 г., когда одинъ изъ такихъ намѣстниковъ, родственникъ шаньюя, князь Лю-юань, получившій воспитаніе при китайскомъ дворѣ и отличавшійся исполинскимъ ростомъ и силой, рѣшился воспользоваться смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ и провозгласилъ себя императоромъ [4]).

со всѣмъ гарнизономъ, а владѣтель южнаго Чеши бѣжалъ... Послѣ сего сѣверные хунны, соединившись съ Чеши, произвели набѣги въ Хэси». Вслѣдствіе этого, въ 123 г., правитель области Дунь-хуанъ, между прочимъ, предлагалъ: «Хоянь, князь сѣверныхъ хунновъ, полновластно управляетъ Западнымъ краемъ и соединенными силами производитъ набѣги и грабительства. Собравъ нынѣ 2,000 войска изъ Цзю-цюань (Су-чжоу) и зависимыхъ владѣній на караулъ Кунь-лунь-чжанъ (находился въ округѣ Дунь-хуанъ; между тѣмъ de Mailla, op. cit., III, стр. 419, переводитъ это мѣсто лѣтописи такъ: «Il proposait d'aller avec deux mille hommes de troupes réglées, *en passant par le montagne Koen-lun,* attaquer le roi *de Hou-yen*»), надо прежде учинить нападеніе на Хоянь-князя и разорить его пристанище; послѣ сего съ 5,000 шаньшанскихъ войскъ оттѣснить владѣтеля сѣвернаго (восточнаго) Чеши... Если же это невозможно, то оставить городъ Чжохахото (Турфанъ), а служащихъ въ Шаньшани и другихъ владѣніяхъ перевести въ Китай». Стремясь удержать Западный край, императоръ назначилъ туда правителемъ Бань-Юна, который сначала покорилъ Чеши, а послѣ сего, около 127 года, и всѣ остальныя владѣнія Восточнаго Туркестана, коихъ въ эту эпоху насчитывалось 17 (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», стр. 104—108).

Къ этому de Mailla (ib., стр. 420) присовокупляетъ, что Бань-Юнъ съ ополченіемъ, набраннымъ въ трехъ княжествахъ, наголову разбилъ хунновъ, послѣ чего, овладѣвъ сѣвернымъ Чеши, поселился въ главномъ городѣ этого княжества.

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 108.

[2]) Ib., стр. 129.

[3]) Ib., стр. 48, и «Записки о Монголіи», III, стр. 44.

[4]) Этотъ интересный моментъ китайской исторіи подробно изложенъ у de Mailla, op. cit., IV, стр. 239 и слѣд.

Хуннскіе князья властвовали надъ сѣверо-западнымъ Китаемъ подъ именемъ династій Хань (домъ Лю) и Чжао (домъ Ши) съ 304 по 352 годъ, когда послѣдній изъ нихъ, императоръ Шиминь, палъ въ борьбѣ съ сяньбійцами. Съ этого времени китайская исторія не упоминаетъ больше о хуннахъ [1]).

Имъ на смѣну явились сяньбійцы, жеужани, различныя уйгурскія племена и тукіэсцы.

Одинъ изъ сяньбійскихъ аймаковъ, пользуясь смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ сѣверномъ Китаѣ, проникъ въ провинцію Лунь-си и, миновавъ Лань-чжоу, утвердился въ области Бао-хань (Хэ-чжоу). Покоривъ всѣ окрестныя тангутскія племена отъ Цайдама до Лунъ-си, глава аймака, Муюнъ-тогонъ, основалъ въ 312 г. Тугухуньское или Тогонское царство. Судьбы этого царства, центръ интересовъ коего лежалъ много южнѣе Бэй-шаня, насъ мало касаются; поэтому мы ограничимся лишь слѣдующими указаніями: въ 417 г. тогонцы утвердились въ Ша-чжоу; и въ 445 г., преслѣдуемые Тоба-Дао, императоромъ сяньбійской династіи Бэй-Вэй, покинули Куку-норъ и, перейдя пустыню, овладѣли Хотаномъ. Надъ Хотаномъ они властвовали менѣе года и уже въ слѣдующемъ году вернулись обратно въ свои родныя кочевья [2]).

Жеужани искони населяли Бэй-шань [3]). Входя сначала въ составъ народовъ хуннской державы, они стали затѣмъ преемственно данниками сяньбійцевъ [4]); однако, уже къ концу IV вѣка, они настолько усилились, что рѣшились порвать эту связь. Но первые ихъ шаги на этомъ пути были неудачны: императоръ Тоба-гуй настигъ ихъ въ Бэй-шаньскихъ горахъ, у гряды Нань-чжуанъ-шань, и принудилъ ихъ вернуться обратно. Поселенные затѣмъ внутри Китая, въ Датунъ-фу, они оставались тамъ до 394 г., когда вторично бѣжали за Хуанъ-хэ. Пройдя Бэй-шань, они вторглись въ Халху и Джунгарію [5]), объединили здѣсь подъ своею властью

---

[1]) Какъ кажется, однако, хунны продолжали еще нѣкоторое время властвовать въ Ордосѣ, что видно изъ нижеслѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Сяньбійскій князь Тоба-Шиигянь покорилъ въ 361 г. хуннскаго князя Лю-вэйченя». И далѣе: «Лю-вэйченю поручено управленіе Ордосомъ и Заордосомъ» («Записки о Монголіи», III, стр. 74—75).

[2]) Ab. Remusat «Hist. de la ville de Khotan», стр. 21; Іакинфъ «Ист. Тибета и Хухунора», I, стр. 82; Успенскій, op. cit., стр. 116, пишетъ, что тогонцы возвратились на родину лишь въ 452 году.

[3]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», IV, стр. 14. «Зап. о Монг.», III, стр. 101.

[4]) «Жеужани изъ рода въ родъ служили дому Дай» («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I 2, стр. 207).

[5]) Имѣя въ виду, что императоръ Тоба-Дао въ 399 г. доходилъ до Тарбагатая, слѣдуетъ думать, что жеужани появились въ Джунгаріи не ранѣе 400 года.

*

разрозненныя гаогюйскія поколѣнія [1]), на сѣверѣ покорили ко-

[1]) Время появленія гаогюйцевъ въ Джунгаріи неизвѣстно. Я постараюсь доказать, однако, что оно предшествовало завоеванію этой страны жеужанями.

Въ исторіи Сѣверныхъ Дворовъ (307—581 гг.) по отношенію къ Гаочану сказано, что по сѣверную сторону горъ Ши-хань-шань, т. е. Тянь-шаня, служащихъ ему границею, *лежитъ тэлэская межа* (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 150). Это сообщеніе не имѣетъ, однако, существеннаго значенія, такъ какъ не сопровождается указаніемъ времени, когда тэлэсцы, или все то же — гаогюйцы, сдѣлались сосѣдями гаочанцевъ.

Родиной тэлэсцевъ считается обширная долина р. Селенги (Ср., однако, Іакинфа, op. cit., I, 2, стр. 247, слѣдуя которому гаогюйцы только въ исходѣ IV вѣка переселились съ южной окраины Гоби, гдѣ жили отъ Ордоса къ западу, т. е. въ восточномъ Бэй-шанѣ, на сѣверъ, въ Алтай и долину р. Селенги). Когда они размножились, часть ихъ перешла черезъ Хангай и поселилась въ долинѣ Лу-хунь-хай, которая можетъ быть только такъ называемой Пѣвцовымъ («Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Внутренняго Китая», глава III, въ «Запискахъ Зап. Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1883 г., V) «долиной большихъ озеръ» залегающей между Хангаемъ и Южнымъ Алтаемъ, носящимъ здѣсь названіе Ирдынъ-ула. Отсюда они предпринимали набѣги на сѣверные предѣлы Китая, что и вынудило Тай-ву-ди Тоба-Дао выступить противъ нихъ во главѣ значительныхъ силъ. Тоба-Дао шелъ внизъ по р. Жо-шуй, впадающей въ Собо-норъ (Deguignes — «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux, etc.», II, стр. 3). Это Эцзинъ-голъ, долина коего служила обычной дорогой для сообщенія Алтая съ Китаемъ. Достигнувъ Алтая, онъ нанесъ рѣшительное пораженіе тэлэсцамъ, послѣ чего перешелъ горы Ланъ-шань и вновь разбилъ ихъ ополченіе. Въ 429 г. Тоба-Дао предпринялъ вторичный походъ на сѣверную окраину Гоби, на этотъ разъ съ цѣлью наказать жеужаней. Поразивъ ихъ и желая еще болѣе ихъ обезсилить, онъ напалъ на подвластныя имъ гаогюйскія поколѣнія, жившія отъ нихъ къ востоку («après avoir battu les Tartares Geou-gen, envoya des troupes contre *plusieurs* bandes des Kao-tche (гаогюйцевъ), qui campaient du côté de l'orient», etc. Deguignes, ib.), покорилъ ихъ и множество семействъ увелъ за собой на югъ, гдѣ и разселилъ ихъ вдоль сѣверной границы Китая отъ Юнь-бань-фу въ Чжилійской провинціи до Янь-ань-фу въ Шэньсійской (Ср. de Mailla, op. cit., V, стр. 27). Въ 443 г. эти поселенцы возстали, но были усмирены; впослѣдствіи же, оставаясь въ подданствѣ имперіи Юань-вэй, они то служили въ императорскихъ войскахъ, то совершали набѣги съ одной стороны на жеужаней, съ другой — на китайцевъ; но, вообще, дальнѣйшая исторія ихъ мало извѣстна.

Что касается до гаогюйскихъ поколѣній, оставшихся жить въ Алтаѣ, то хотя они и продолжали считаться вассалами жеужаней, тѣмъ не менѣе не разъ предпринимали самостоятельныя нападенія на Китай.

Въ 487 г. между жеужанями и этими сѣверными гаогюйцами возникли несогласія, послѣдствіемъ коихъ было отдѣленіе нѣкоторыхъ гаогюйскихъ поколѣній и уходъ ихъ на западъ, т. е. въ Джунгарію. Такимъ образомъ 487 годъ является первымъ, отмѣченнымъ исторіей, годомъ переселенія тэлэсцевъ въ Притяньшанье. Что, однако, они жили тамъ и ранѣе и не только жили, но и властно распоряжались въ странахъ, лежавшихъ на югъ отъ Тянь-шаня, видно изъ нижеслѣдующаго свидѣтельства китайской исторіи: «Въ пятое лѣто, 482, гаогюйскій владѣтель Кэчжило убилъ Гань Шеу-гуй съ братомъ и нѣкоего Чжанъ Мынъ-Минъ, уроженца Дунь-хуана, поставилъ владѣтелемъ Гаочана» (Іакинфъ, ib., стр. 157. Ма-дуань-линь относитъ это событіе даже къ 481 г. См. St. julien «Oïgours», въ «Journ. Asiat.», 1847, стр. 196). Но насколько раньше? На это прямого отвѣта исторія намъ не даетъ. Можно, однако, допустить, что уже въ неизвѣстную намъ эпоху перваго движенія гаогюйцевъ на югъ, нѣкоторыя ихъ поколѣнія заняли своими кочевьями Джунгарскія степи. Косвенное указаніе этому мы находимъ у Дегиня, который пишетъ: «Après que les Huns eurent été chassés du Nord de la Chine, la plus grande partie se retira dans les pays septentrionaux; le reste passa directement à l'occident... et se répandit dans les plaines, qui s'étendent jusqu'à la mer Caspienne, et comme ces Huns portaient le nom de Te-le ou Tie-le», etc. (ib., I, 2, стр. 325). Что изложенное не присочинено Дегинемъ, это видно изъ нижеслѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Владѣтельный домъ народа ѣда происходитъ отъ одного рода съ большимъ юэчжи. Другіе сказываютъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени» (Іакинфъ, op. cit., III, стр. 177). Приведенныя выдержки подтверждаютъ лишь то, что можно было пред-

чевавшіе тамъ остатки сѣверныхъ хунновъ, на югѣ овладѣли

положить уже a priori, а именно, что хунны въ своемъ движеніи на западъ увлекли и часть гаогюйскихъ родовъ, которые, спустя долгое время, оставались еще въ вассальной зависимости отъ сѣверныхъ хунновъ, что, между прочимъ, видно изъ того, что и по уходѣ на западъ, къ Каспію, государи сѣверныхъ хунновъ продолжали считаться владыками всѣхъ земель на востокъ до Баркуля. Сверхъ того нельзя не поставить вопроса: если не тэлэ, то кто же другой, съ уходомъ хунновъ на западъ, въ теченіе трехъ столѣтій, кочевалъ въ Восточной Джунгаріи? Правда, китайцы не разъ еще пишутъ о сѣверныхъ хуннахъ, и послѣ разгрома 93 года продолжавшихъ, будто бы, властвовать около столѣтія въ Притяньшаньѣ (см. Іакинфъ, op. cit., II, стр. 133—135), но я думаю, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, что китайцы ошибались, приписывая сѣвернымъ хуннамъ дѣянія гаогюйцевъ, хотя вполнѣ возможно, что послѣдними, дѣйствительно, въ этотъ періодъ времени продолжали еще управлять князья изъ шаньюева рода. Замѣчу еще, что Шелунь, основатель жеужаньскаго ханства, нашелъ уже гаогюйцевъ, и именно въ исходѣ IV вѣка, къ сѣверу отъ великой песчаной степи, причемъ, по выраженію китайской лѣтописи, далеко прошелъ ихъ землями (Іакинфъ, ib., I, стр. 208; Grosier въ «Hist. générale de la Chine», IV, стр. 522). Этого не могло бы случиться, если бы гаогюйцы незадолго передъ симъ переселились съ южной на сѣверную окраину Гоби. Въ поясненіяхъ къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» («Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», по Отд. Эти., т. XXIV, 1895), на стр. 465, также читаемъ: «При сѣверной Вэйской династіи (386—534) земля эта (Ди-хуа) принадлежала гаогюйцамъ, *потомъ перешла* къ жеужанямъ».

Тэлэ было не единственное племя, увлеченное хуннами на западъ. Ту же участь раздѣлилъ и народъ юебань, о которомъ Іакинфъ сообщаетъ намъ крайне сбивчивыя свѣдѣнія (ib., стр. 163). «Владѣніе Юебань лежитъ, пишетъ Іакинфъ, отъ Усуня на сѣверо-западъ. Это былъ аймакъ, прежде принадлежавшій шаньюю сѣверныхъ хунновъ, прогнанному китайцами. Сѣверный шаньюй, перешедъ черезъ хребетъ Гинь-вэй-шань (Тарбагатай; см. Іакинфъ, op. cit., IV, стр. 21; тогда какъ Алтай носилъ названіе Гинь-шань; впрочемъ, Klaproth Гинь-вэй-шанемъ называетъ ту часть южнаго Алтая, которая даетъ начало Черному Иртышу; см. «Tableaux historiques de l'Asie», стр. 109), ушелъ на западъ въ Кангюй, а малосильные, которые не въ состояніи были слѣдовать за нимъ, остались на сѣверной сторонѣ Кучи. Они занимаютъ нѣсколько тысячъ ли пространства и по числу составляютъ до 200 тысячъ душъ. Обыкновенія и языкъ одинаковыя съ гаогюйскими. На южныхъ предѣлахъ сего владѣнія находится большая гора. Каменья по бокамъ горы отъ жару расплавляются и сія жидкость, протекши нѣсколько десятковъ ли отъ горы, густѣетъ и отвердѣваетъ». Засимъ, изъ послѣдующаго о Юебани видно, что владѣніе это находилось въ сношеніяхъ съ Китаемъ и жеужанями, но послѣдними никогда покорено не было.

Здѣсь все неясно. Юебань когда-то составляло аймакъ. Что же, когда осѣдали по пути малосильные, то въ числѣ сихъ послѣднихъ оказались и всѣ юебаньцы? Еще менѣе ясно, гдѣ произошло это осѣданіе. У Іакинфа говорится: къ сѣверу отъ Кучи, каковому опредѣленію и соотвѣтствуетъ описаніе особенностей горы (Бэй-шаня). Однако, въ столь точно указанномъ мѣстѣ юебаньцы не могли осѣсть; это видно изъ слѣдующаго: 1) при своихъ нападеніяхъ на усуней, жеужане не проходили юебаньскихъ земель; 2) владѣніе Юебань находилось по тѣмъ же извѣстіямъ къ сѣверо-западу отъ владѣнія Усунь, занимавшаго въ ту эпоху, т. е. въ I вѣкѣ по Р. Хр., всѣ земли между Шихо и оз. Иссыкъ-кулемъ; 3) владѣніе Юебань простиралось въ длину на нѣсколько тысячъ ли, т. е. занимало такую площадь, какой, если исключить усуньскія земли, нельзя найти въ предѣлахъ горной страны, къ сѣверу отъ Кучи; если же юебаньцы занимали сверхъ того и Джунгарію, откуда, однако, предварительно имъ слѣдовало еще вытѣснить усуней, то они не могли не имѣть столкновеній съ сяньбійцами, чешисцами, тѣми же усунями и, наконецъ, жеужанями, о чемъ, между тѣмъ, исторія совершенно умалчиваетъ.

Klaproth («Tabl. hist. de l'Asie», стр. 110) то же китайское извѣстіе передаетъ такъ: «Ils (les Hioung-nou) furent donc contraints de s'arrêter au N. de Koutché dans un pays, qui avait quelques milliers de li d'étendue et où ils se fixèrent pendant quelque temps sous le nom Yue-pan. Plus tard ils allèrent au N.-O. et habitèrent sous le même nom le pays situé des deux côtés des monts Oulou-tau (Улугъ-тагъ) et Alghin-tau».

Дегинь ничего не пишетъ о Кучѣ, а говоритъ только, что на южной границѣ государства находится гора, «ou l'on trouve une sorte de pierre, etc.», и которая называется Che-lieou-hoan

обоими Чеши и Яньци [1]) и, двинувшись отсюда на востокъ, уже къ 402 г. стали обладателями огромнаго царства отъ Тарбагатая до Чаосяни (юго-восточной Маньчжуріи) [2]).

(Шэ-лю-хуань) (см. op. cit., V, 2, стр. LXXVII). Дегинь полагаетъ, что это государство занимало земли нынѣшней Башкиріи, что оспаривать я не стану, но что также противорѣчитъ китайскому извѣстію. Согласно съ Дегинемъ пишетъ и Neumann, op. cit., стр. 34—35: «Juepan mag aber, wenn nicht das Land der Jugri, was am warscheinlichsten ist, bloss eine Verstümmlung des Namens Eulysia sein, wie Prokop die ganze Steppengegend vom Asowischen See weiter gegen Osten nennt». Наконецъ, Аристовъ помѣщаетъ Юебань непосредственно къ сѣверу отъ восточнаго Тянь-шаня (op. cit., стр. 77) — мнѣніе, съ которымъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, я согласиться никакъ не могу. Напомню, что китайскіе историки и хягасовъ, жившихъ, какъ извѣстно, по Енисею, разселяли къ западу отъ Хами и къ сѣверу отъ Карашара (Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 443). Вообще говоря, это указаніе вѣрное, но только, основываясь на немъ, все же нельзя подъ кочевья хягасовъ отводить земли южной Джунгаріи!

Я думаю, что владѣніе Юебань занимало первоначально долину Чернаго Иртыша и Зайсанскую котловину; въ V же вѣкѣ, можетъ быть, распространилось и далѣе къ западу. Ср. съ тѣмъ, что сообщаетъ de Mailla (op. cit., III, стр. 395) о бѣгствѣ хунновъ. Согласно съ его передачей китайскихъ сказаній, юебаньцы должны были осѣсть не къ востоку, а къ западу отъ Тарбагатая. По «Тай-цинъ-и-тунъ-чжи» долина Или въ періодъ династіи Вэй принадлежала частью гаогюйцамъ, частью юебаньцамъ (St-julien — «Notices sur les pays et les peuples étrangers» въ «Journal asiatique», 1846, VIII, стр. 388). Parker («A thousand years of the Tartars», стр. 168) равнымъ образомъ помѣщаетъ владѣніе Юебань въ долинѣ Или.

Кажется, въ VII в. именно это владѣніе называлось Чу-юе, такъ какъ главную массу его населенія составляли несомнѣнно чуйскія племена. У de Mailla читаемъ: «Un certain Kou-tchu de la horde Tch'u-yé, dépandante du royaume de Tch'u-yué, qui habitait à l'est de Pou-leï-haï et au sud de la montagne Kin-po-chan, tua le mandarin que l'empereur Taï-tsong leur avait donné pour les gouverner et il avait fait alliance avec Ho-lo des Tou-kiueï» (op. cit., VI, стр. 126). Іакинфъ не дѣлаетъ различія между государствами Чу-юе и племенемъ Чу-ѣ.

Я коснулся вопроса о народѣ юебань, главнымъ образомъ, потому, что въ разсужденіяхъ Klaproth'a о происхожденіи хунновъ, явившихся въ Европу въ IV в., юебаньцы играютъ видную роль; именно, Klaproth (ib., стр. 242) хочетъ видѣть въ этихъ послѣднихъ остатки разбитыхъ китайцами въ 93 г. хунну, т. е. хунновъ, перемѣнившихъ только свое племенное названіе. Такимъ путемъ онъ пытается доказать, что европейскіе хунны уже потому не могли имѣть ничего общаго съ азіатскимъ народомъ хунну, что послѣдній въ IV в. въ Азіи подъ этимъ именемъ не существовалъ уже болѣе. При нынѣшнемъ уровнѣ нашихъ знаній исторіи той эпохи представляется, однако, несомнѣннымъ, что Хунну — китайцевъ, Οὖννοι — византійскихъ и Chunni или Hunni европейскихъ историковъ, Хунъ Моисея Хоренскаго, были однимъ и тѣмъ же народомъ, который, послѣ разгрома 93 г., двигаясь на западъ, около конца перваго вѣка, но, можетъ быть, и раньше, утвердился въ степяхъ между Аральскимъ моремъ, Ураломъ и Каспіемъ, а во второй половинѣ IV столѣтія, при императорѣ Валентѣ, перешелъ Волгу, поразилъ алановъ и, покоряя и увлекая съ собою народы, обитавшіе въ нынѣшней южной Россіи, достигъ береговъ Дуная. Впрочемъ, этотъ взглядъ на тождественность азіатскихъ и европейскихъ хунновъ высказывали уже Дегинь, Вивьенъ де С. Мартенъ, Нейманъ и др. См., однако, Parker — «A thousand years of the Tartars», стр. 2 и 168. Интересно приводимое Parker'омъ замѣчаніе Gibbon'a: «Attila, the son of Mundzuk, deduced his descent from the ancient Huns who had formerly contended with the monarchs of China».

[1]) Эти владѣнія, впрочемъ, были къ этому времени данниками гаогюйцевъ. Подробнѣе см. I т., стр. 219.

[2]) У Gaubil'a («Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois, par les missionnaires de Pékin», XV, 1791, стр. 418—419) читаемъ: «Ils se fesaient payer tribut par les princes du nord des Indes (?), par ceux du pays de Balk et par ceux qui régnaient dans la Transoxane. Ils occupaient tous les pays entre les fleuves Selinga, Orgoun, Irtis, Oby et les vastes pays au nord du fleuve Si-hian (Tche, см. стр. 403), jusqu'au nord de la mer Caspienne. C'est sans doute la puissance des

Исторія жеужанскаго царства знаменуется внутренней борьбой съ своевольными гаогюйскими поколѣніями и внѣшней съ императорами сѣвернаго Китая, причемъ театромъ этой послѣдней борьбы являлась обыкновенно та часть Гобійской пустыни, которая залегаетъ между Эцзинъ-голомъ (Чжанъ-ѣ-шуй), Ала-шанемъ и горами Алтайской системы.

Въ 429 г. императоръ Тоба-Дао нанесъ рѣшительное пораженіе жеужанямъ и опустошилъ ихъ земли въ Халхѣ и Джунгаріи. Этимъ онъ хотя и принудилъ ихъ признать себя данниками Китая, но не могъ удержать ихъ надолго въ покоѣ: пограничныя сшибки и опустошительные набѣги на сѣверныя области имперіи вскорѣ возобновились и потребовали отъ него снаряженія цѣлаго ряда экспедицій для наказанія буйныхъ сосѣдей. Въ 440 году жеужани, воспользовавшись войной Тоба-Дао съ Цзюйцюй Мугянемъ, владѣтелемъ княжества Лянъ, въ Хэси [1]), вторглись въ сѣверный

Jeou-gen qui obligea les Alains et beaucoup de hordes des Huns à passer les fleuves Jaick et Volga pour aller s'établir ailleurs». У другихъ компиляторовъ китайскихъ историковъ подобныхъ указаній на границы жеужаньскихъ владѣній мы не находимъ.

Согласно съ Parker'омъ («A thousand years of the Tartars», стр. 161), жеужаньскія земли простирались на западъ до Карашара, на востокъ до Кореи; резиденція же ихъ кагановъ находилась къ сѣверу отъ Гань-чжоу, вѣроятно, въ долинѣ р. Эцзинъ-гола. Къ сожалѣнію, Паркеръ не говоритъ намъ, откуда заимствовалъ онъ это драгоцѣнное извѣстіе.

[1]) Въ началѣ IV в. Цзиньская династія потеряла сѣверный Китай, который, по выраженію Іакинфа, «сталъ поприщемъ для кочевыхъ героевъ» («Зап. о Монг.», стр. 56). Онъ распался на 16 владѣній, правителями коихъ явились хуннскіе и сяньбійскіе родовичи. Эпоха эта извѣстна въ китайской исторіи подъ именемъ «Ши-лю-го» (16 владѣній). Начало такому распаденію положилъ правитель южныхъ хунновъ (см. выше) Лю-юань, хуннъ родомъ, который, воспользовавшись смутами въ имперіи, провозгласилъ себя въ 304 г. княземъ въ Пинь-янѣ, въ округѣ Бинь-чжеу (къ сѣверо-западу отъ Си-ань-фу). Онъ положилъ основаніе династіи Цянь-чжоу и тѣмъ открылъ въ сѣверномъ Китаѣ періодъ Ши-лю-го. Среди 16 помянутыхъ владѣній было нѣсколько, именовавшихся Лянъ, въ коихъ княжили фамиліи Ту-фа, Ли-ши и Цзюй-цюй. Фамилія Цзюй-цюй владѣла Бэй или Сѣвернымъ Ляномъ (основаніе этому владѣнію положилъ китаецъ Туанъ-ѣ; Цзюй-цюй Мэнъ-сунь же былъ лишь узурпаторомъ, овладѣвшимъ престоломъ въ 401 г. См. Visdelou, op. cit., стр. 24). Въ 421 году Мэнъ-сунь Цзюй-цюй овладѣлъ Си или Западнымъ Ляномъ (еще раньше, какъ кажется, овладѣлъ онъ Хоу-Ляномъ). Объединивъ, такимъ образомъ, подъ своею властью всю древнюю область Хэси, Мэнъ-сунь провозгласилъ себя ваномъ Хэси. Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» («Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.», т. XXIV, стр. 152) говорится однако: «Послѣ 312 г. земля эта (Эцзинъ-голъ) отошла къ Чжанъ-гуй'ю, владѣльцу ранней Лян'ской династіи. Затѣмъ ею послѣдовательно владѣли хоу-лян'скій Цзюй-цюй Мэнъ-сунь и си-лян'скій Ли-хао». Это невѣрно, такъ какъ императоръ Тоба-Дао отнялъ Хэси у владѣтелей рода Цзюй-цюй. Мугянь Цзюй-цюй былъ вторымъ и послѣднимъ княземъ Хэси. Владѣнія фамиліи Цзюй-цюй при Мэнъ-сунѣ составлялись такимъ образомъ изъ земель, лежавшихъ къ сѣверу отъ Нань-шаня между Хуанъ-хэ на востокѣ и Эцзинъ-голомъ на западѣ. Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» сказано: «Кочевье алашаньскихъ монголовъ лежитъ на западъ отъ Ордоса. При династіи Хань — это была западная часть округа Бэй-ди и сѣверная — округовъ У-вэй и Чжанъ-ѣ (Гань-чжоу). При Цзиньской династіи (263—420 гг. по Р. Хр.) здѣсь были княжества: Цянь-Лянъ, принадлежавшее Ужанъ-Гуй'ю, Хоу-Лянъ — Люй-гуану и Бэй-Лянъ — Цзу-цюй'ю и (?) Мэнъ-суню» (стр. 115). Ср. Deguignes «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux, etc.», I, 1, стр. 117—118 и 223.

Китай и осадили столицу имперіи Дай (нынѣ Да-тунъ-фу). Но они не могли взять города и поспѣшно отступили изъ подъ его стѣнъ, встревоженные извѣстіемъ, что арьергардъ, оставленный ими по сѣверную сторону Инь-шаня, на голову разбитъ императорскими войсками.

Въ то же время братья Мугяня, Ухой и Аньчжеу, бѣжавшіе изъ Хэси, укрѣпились въ Дунь-хуанѣ, откуда они попытались было овладѣть и Шаньшанью, но неудачно. Тѣмъ не менѣе шаньшаньскій владѣтель, сознавая всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, въ порывѣ отчаянія рѣшился на поступокъ, рѣдкій въ исторіи Востока: уходя съ большей половиной своего народа на западъ, въ Цзюйми, онъ, дабы «затруднить сообщеніе» [1]) и тѣмъ обезпечить себѣ путь отступленія, приказалъ опустошить свои собственныя владѣнія. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ вернулъ себѣ снова Шаньшань.

Что касается Ухоя и Аньчжеу, то, преслѣдуемые императорскими войсками, они вынуждены были вскорѣ покинуть Дунь-хуанъ и бѣжать еще дальше на западъ. Здѣсь они овладѣли южнымъ Чеши (443 г.) и Гаочаномъ (446 г.) и основали Гаочанское княжество [2]), которое было у нихъ отнято лишь въ 460 г. жеужанями.

Въ 447 г. императоръ Тоба-Дао «покорилъ Восточный Туркестанъ и произвелъ такое опустошеніе въ жеужаньскихъ земляхъ, что жители ихъ долго не могли помышлять о набѣгахъ на сѣверные предѣлы Китая».

Отмѣченныя въ ковычкахъ слова принадлежатъ Іакинфу [3]). Я не нахожу, однако, въ китайскихъ лѣтописяхъ этого періода указаній, ближайшимъ образомъ свидѣтельствующихъ о покореніи императоромъ Тоба-Дао всего Восточнаго Туркестана [4]); во всякомъ случаѣ въ 460 г. Притяньшанье уже снова находилось во власти жеужаней, а въ 467 г. они впервые опустошили Хотанъ [5]).

Успѣхъ, сопровождавшій жеужаней въ ихъ походахъ въ Восточный Туркестанъ, не вознаграждалъ ихъ, однако, за тѣ потери, какія несли они въ другихъ частяхъ своего государства. Сяньбійцы

---

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 141.

[2]) Ib., стр. 150.

[3]) «Зап. о Монголіи», III, стр. 83.

[4]) Полководцемъ Ду-гуемъ были завоеваны только два владѣнія: Яньци и Гуйцы; при этомъ въ китайской лѣтописи сказано: «въ Яньци Ду-Гуй проникъ съ востока. Не значитъ ли это — изъ Джунгаріи? Наказавъ обоихъ владѣльцевъ за ихъ строптивость, но не смѣстивъ ихъ, Ду-гуй возвратился.

[5]) «Histoire de la ville de Khotan», стр. 25.

по прежнему громили ихъ въ Халхѣ, на западѣ же возстали гаогюйцы, которые отторгли отъ ихъ владѣній Тарбагатайскія земли. Впрочемъ, уже раньше гаогюйцы чувствовали себя полными хозяевами въ Джунгаріи и Притяньшаньѣ; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ Гаочанѣ, въ 432 г., они казнили жеужанскаго ставленника, поставивъ правителемъ этого княжества нѣкоего Мынъ-Мина, выходца изъ Дунь-хуана.

Въ 508 г. гаогюйцы на голову разбили жеужаней гдѣ-то въ предѣлахъ Восточнаго Туркестана [1]), но уже восемь лѣтъ спустя должны были смириться и снова признать себя данниками этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, на этотъ разъ не надолго, такъ уже въ 521 г., пользуясь смутами среди жеужаней, они ворвались въ ихъ предѣлы и принудили ихъ къ бѣгству на югъ, въ Хэси, гдѣ тѣ и отдались подъ покровительство императорскаго правительства. Разселенные на свободныхъ земляхъ Чахара и Куку-нора [2]), они однако не захотѣли здѣсь оставаться и уже въ слѣдующемъ году бѣжали на сѣверъ. Западные аймаки ихъ, уходившіе съ Куку-нора, были настигнуты императорскими войсками, разбиты на голову и возвращены [3]), восточные же успѣли откочевать безпрепятственно и вскорѣ вернули себѣ часть своихъ прежнихъ кочевій въ Халхѣ.

---

[1]) Іакинфъ пишетъ: «при Лобъ-норѣ». См. «Зап. о Монг.», III, стр. 150.

[2]) «Записки о Монголіи», II, стр. 106. Но въ примѣчаніи 587 къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 473, сказано: «Жеу-жаньскіе владѣтели Анагуй и Поломынь одинъ за другимъ пришли съ изъявленіемъ покорности; изъ нихъ послѣдній былъ поселенъ въ Си-хай-цзюнѣ, отличавшемся плодородіемъ и находившемся въ 1,200 ли на С.-З. отъ уѣзда Чжанъ-ѣ (Гань-чжоу) и въ 1,000 слишкомъ ли отъ горъ Цзинь-шань (Гинь-шань, т. е. Алтайскихъ горъ), въ которыхъ обитали гаогюйцы». Такимъ образомъ, по мнѣнію китайскихъ комментаторовъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», Полымынь былъ поселенъ въ долинѣ р. Эцзинъ-гола. Въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 2, стр. 432, мы находимъ на этотъ счетъ нижеслѣдующія указанія: «Какъ отъ крѣпости Хуай-шо-чжень на сѣверѣ земли хорошія, но нѣтъ горъ; ключъ Тужоси *отъ Дунь-хуанъ на сѣверъ* и Си-хай-гюнь суть два укрѣпленныя мѣста династій Хань и Цзинь; тамъ земли обширныя, ровныя, тучныя, то полагаемъ Анакуаня помѣстить на западѣ при Тужоси, Поломыня — въ Си-хай-гюнь». «Поломынь будетъ жить при Си-хай, *внутри пограничной черты...*» «Въ 12 лунѣ Минъ-ди указалъ одному сановнику отправиться въ Дунь-хуанъ для поселенія Поломыня». Тамъ же, IV, стр. 81, читаемъ: «Хуай-шо-чжень есть названіе крѣпости, находившейся въ Уратскомъ аймакѣ, отъ Знамени на С.-В. Тхай-ву плѣнныхъ жеу-жаньцевъ разселилъ по южную сторону песчаной степи на востокъ до вершинъ Шанду-гола, на западъ до горъ Инь-шань въ Ву-юань; и сіе пространство, содержащее до 3,000 ли протяженія, раздѣлилъ на шесть крѣпостей, изъ коихъ самая западная была Хуай-шо». Разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ теперь очень трудно; во всякомъ случаѣ, за что бы мы ни принимали Си-хай (цзюнь), за озеро ли Куку-норъ или мѣстность при устьяхъ р. Эцзинъ-голъ, дорога туда изъ Лянъ-чжоу не могла идти черезъ Дунь-хуанъ. Сомнительно также, чтобы китайцы могли поселить аймакъ Поломыня гдѣ-либо въ окрестностяхъ Куку-нора. Въ эту эпоху тамъ господствовали тугухуньцы, о которыхъ китайская лѣтопись говоритъ: «Между 492 и 524 годами тугухуньцы, хотя и продолжали считаться вассалами дома Вэй, но были не менѣе послѣднихъ богаты и сильны» («Ист. Тиб. и Хухун.», I, стр. 84).

[3]) Они были поселены въ предѣлахъ Внутренняго Китая.

Здѣсь они просуществовали до 555 г., когда тукіэскій ханъ Мугань совершенно ихъ уничтожилъ, потребовавъ казни даже тѣхъ жеужаньскихъ родовичей, которые, въ числѣ 3 тысячъ, бѣжали въ сѣверный Китай, ища тамъ защиты и покровительства. И могущество тукіэсцевъ въ эту пору было уже столь велико, что императоръ Вынь-ди, изъ боязни впутаться въ войну съ сѣвернымъ сосѣдомъ, поспѣшилъ исполнить требованіе: бѣглецы были выведены за городскія стѣны и умерщвлены въ присутствіи Муганева посла.

Усиленіе тукіэсцевъ [1]) было быстрымъ и неожиданнымъ. До 535 г. китайская исторія вовсе не упоминаетъ о названномъ племени [2]); подъ этимъ же годомъ значится, что тукіэсцы, спустившись съ Алтая, ударили во флангъ гаогюйцамъ [3]), шедшимъ противъ жеужаней, нанесли имъ жестокое пораженіе и, присоединивъ ихъ земли къ своимъ, образовали сильное ханство. Въ 552 г. они въ первый разъ разбили жеужаней; въ 555 же году, какъ сказано выше, положили конецъ существованію этой державы и распространили при этомъ границы своего государства на югъ до Кукунора [4]) и на востокъ до береговъ Желтаго моря [5]). Въ 582 г.

---

[1]) Я употребляю для имени этого народа транскрипцію, принятую о. Іакинфомъ. Правильнѣе было бы, однако, писать: ту-гюѣ или ту-цзюѣ, а не ту-кіэ. Этотъ же народъ у византійскихъ историковъ именовался Τοῦρκοι. Я сохраняю здѣсь неправильную китайскую транскрипцію ради удобства и изъ нежеланія отождествить его съ тѣмъ народомъ, который позднѣе завоевалъ Византію. Послѣдній былъ смѣшаннымъ племенемъ, но, главнымъ образомъ, состоялъ изъ кангловъ и кипчаковъ.

[2]) Gaubil ошибочно пишетъ: «C'est l'an de J. C. 545 que l'histoire chinoise parle pour la première fois des Tou-kue». Ср. Іакинфъ «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», I, стр. 266; St. Julien, «Documents historiques sur les Tou-kioue» въ «Journal Asiatique», 1864, IV, стр. 475.

[3]) Gaubil («Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang» въ «Mémoires concernant l'histoire, etc., des Chinois par les missionnaires de Pékin», XV, 1791, стр. 419) разсказываетъ это событіе такъ, что тукіэскій ханъ Тумынь хотѣлъ отличиться въ глазахъ жеужаней, ради чего и напалъ на возмутившихся тэлэ.

[4]) Въ этомъ же году тукіэсцы въ союзѣ съ китайцами нанесли жестокое пораженіе тогонцамъ («Ист. Тибета и Хухунора», I, стр. 85). Область Хэси при этомъ, однако, оставалась во власти китайцевъ, что видно изъ слѣдующаго: «Въ 578 г. Тобо-ханъ обложилъ Цзю-цюань (Су-чжоу), произвелъ большое грабительство и ушелъ» («Свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 275).

[5]) На восточной сторонѣ орхонскаго памятника сказано объ основателяхъ тукіэской державы: «Aux quatre coins du monde ils avaient beaucoup d'ennemis, mais faisant des expéditions avec des armées; ils asservirent et pacifièrent beaucoup de peuples aux quatre coins du monde; ils leur firent baisser la tête et ployer le genou; ils les firent s'établir en avant jusqu'à la forêt de Kadirkan (Thomsen полагаетъ, что это Большой Хинганъ), en arrière jusqu'à la Porte de Fer». Мѣстностей, носившихъ названіе Желѣзныхъ воротъ, въ Азіи было нѣсколько. Thomsen думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ ущельѣ, находящемся между сел. Кара-Ховалемъ и Дербентомъ, по дорогѣ изъ Карши въ Ширъ-Абадъ. См. Thomsen «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 99. Это подтверждается далѣе (стр. 108) словами: «Nous fîmes une expédition contre les Sogdak (согдіанцевъ) et nous les devastâmes», при сопоставленіи ихъ съ слѣдующимъ мѣстомъ надписей: «Pour organiser le peuple Sogdak je fis une expédition jusqu'à la Porte de Fer en passant la rivière des Perles (Сыръ-дарья?)» (стр. 110).

тукіэсцы опустошили сѣверный Китай. Видя полную невозможность

Радловъ и Меліоранскій («Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи», IV, стр. 17) переводятъ это мѣсто такъ: «На востокъ вплоть до Кадырканской черни, на западъ до Темиръ-капыга».

Barthold въ «Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften» (въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» Радлова) высказываетъ предположеніе, что подъ именемъ «Желѣзныхъ воротъ» слѣдуетъ разумѣть не знаменитый проходъ Бусгала (таково современное названіе «Желѣзныхъ воротъ» Сюань-Цзаня, Рюи Гонзалеса де Клавихо и др.), а Талкинскій перевалъ. Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Тогда какъ проходъ Бусгала былъ издавна извѣстенъ, первыя свѣдѣнія о Талкинскомъ перевалѣ не восходятъ далѣе начала XIII вѣка, когда Чаадай впервые приспособилъ его къ колесному движенію. Пользовались ли имъ раньше для прохода изъ Джунгаріи въ Илійскую долину — неизвѣстно; но я думаю — что нѣтъ. Какое значеніе могъ онъ имѣть для кочевниковъ, когда рядомъ съ нимъ существовало и существуетъ нѣсколько превосходныхъ и къ тому же легко доступныхъ даже зимой переваловъ? Его должны были тѣмъ болѣе избѣгать, что подступъ къ нему съ сѣвера, на протяженіи около 120 верстъ, совершенно безплоденъ. Орхонскія надписи нѣсколько разъ упоминаютъ о Желѣзныхъ воротахъ. Выписываю эти мѣста:

«Впередъ вплоть до Кадырканской черни, назадъ до Темиръ-капыга онъ (Бумынъ-каганъ) разселилъ свой народъ» (Радловъ и Меліоранскій, ib., стр. 17).

«Впередъ къ солнечному восходу они доходили (съ китайцами) до Бёкли-кагана, назадъ они доходили до Темиръ-капыга» (ib., стр. 18).

«Съ моимъ дядей — ханомъ мы ходили впередъ до земли Шаньдунской, назадъ до Темиръ-капыга» (ib., стр. 21).

«Перейдя черезъ рѣку Иртышъ, мы прошли (дальше и) напали врасплохъ на народъ тургешскій... Тамъ (при Болчу) мы убили хана (тургешскаго) и покорили его народъ. Кара-Тургеши, услышавъ объ этомъ, отступили... (пропускъ) Чтобы привести въ порядокъ народъ Согдакъ, мы прошли, переправясь черезъ рѣку Йенчу, до Темиръ-капыга» (стр. 28—29).

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ ясно видно, что «Желѣзныя ворота» служили въ эпохи наибольшаго могущества тукіэ крайнимъ западнымъ пунктомъ, до котораго простирали свои набѣги ихъ ханы. Посмотримъ же, что говоритъ намъ по сему поводу исторія.

Самъ Бартольдъ пишетъ, что «im demselben Jahrhundert (т. е. въ VI в.) erstreckte sich das Reich der türkischen Chane auf alle Länder und Völker vom Stillen Ocean bis zum Schwarzen Meere», т. е. указываетъ на такія границы тукіэской державы, какія даютъ ей лишь византійскіе историки (Менандръ. См. «Византійскіе историки», стр. 382, 419, 420, 422 и 423; Ѳеофанъ Византіецъ, ib., стр. 492. Ср., однако, Saint Martin, приб. къ IX тому Lebeau «Histoire du Bas Empire», стр. 381 и 393). У Іакинфа же мы читаемъ только, что на западъ владѣнія тукіэ простирались до Западнаго моря («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 267) — указаніе, не отличающееся особою точностью, такъ какъ подъ Западнымъ моремъ у китайцевъ извѣстны были различные водные бассейны. У того же Іакинфа мы находимъ, однако, и другія указанія, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что разумѣли тукіэсцы подъ именемъ «Желѣзныхъ воротъ».

«Роды Хо, Косидо и Аньчюйлошу, свидѣтельствуетъ намъ исторія Танской династіи, живутъ на древнихъ тухолоскихъ земляхъ и зависятъ отъ тукіэсцевъ. Владѣтель ихъ также изъ рода тукіэсцевъ. Онъ господствуетъ отъ «Желѣзныхъ воротъ» на югъ» («Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», III, стр. 249). «Желѣзныя ворота» описываются нижеслѣдующимъ образомъ: «По обѣимъ сторонамъ высокіе утесы. Цвѣтъ камней походитъ на цвѣтъ желѣза. Это мѣсто служитъ пограничнымъ укрѣпленіемъ для двухъ владѣній» (ib., стр. 247). Къ этому Сюань-Цзань добавляетъ: «Quoiqu'il soit fort étroit, on a encore ajouté à ses obstacles naturels. On y a établi une porte à deux battants, qu'on a consolidée avec des plaques de fer. De plus on y a suspendu une multitude de clochettes du même métal» («Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», trad. par St. Julien, стр. 397).

Какъ далеко владѣнія тукіэсцевъ простирались на западъ, видно изъ нижеслѣдующаго:

«Послѣ сего (т. е. послѣ 558 г.) тукіэсцы разорили владѣніе Ёда, и поколѣнія разсѣялись» (ib., стр. 179). «Въ прежнее время, когда въ Идани открылись смуты, тукіэсцы насильственно поставили своего правителя» (ib., стр. 203). Въ поясненіе этого на стр. 256 того же сочиненія мы читаемъ: «Домъ Идань есть отрасль Большаго Юэчжи. Большой Юэчжи, вытѣсненный усунь-

*

съ успѣхомъ бороться съ вновь народившимся государствомъ, силь-

---

цами, удалился на западъ, прошелъ Давань (Ходжентъ и Ура-тюбе), напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе. Дахя есть Тухоло. Прозваніе владѣтеля было Ѣдэ. Потомки превратили прозваніе это въ названіе государству, а Ѣдэ въ Идянь или Идань» (ib., стр. 256). Дахя — китайское наименованіе Бактріаны и тоже, что Δάαι Арріана; народъ Ѣда — эфталиты византійскихъ историковъ; о покоренiи ихъ тукіесцами см. «Виз. истор.», стр. 371, 374 и 493.

«Въ 605 г. тукіэсцы убили владѣтеля Чжеши (Ташкента) и управленіе владѣніями его поручили Дэлэ Фучжи» (ib., стр. 243).

«Въ правленіе Чженъ-гуань (627—649) владѣтель Боханьна (Полона, Фергана) былъ убитъ тукіэсцимъ Ганьмохэду. Ашена Шуни отнялъ у послѣдняго городъ» (ib., стр. 251).

«Во владѣніи Цаогюй, имѣющемъ семь тысячъ ли въ окружности, живутъ смѣшанно тукіэсцы, гибиньцы (кабульцы) и тухолосцы (т. е. бактрійцы)». Одна изъ двухъ столицъ его именовалась Хосина, что С. Жюльенъ читаетъ «Kosna»; это нынѣшній афганскій городъ Газни (ib., стр. 456; «Mémoires sur les Contrées Occidentales» par Hiouen-Thsang, trad. du chinois par St. Julien, II, стр. 185—187; Григорьевъ — дополненія къ Риттера — «Кабулистану и Кафиристану», стр. 826. Abel Rémusat, «Mémoires de l'Institut Royal de France», VIII, 1827, стр. 102, пріурочиваетъ Цаогюй или Сѣи къ Сеистану). Во владѣніи Гуими (я думаю, что ближе всего это владѣніе соотвѣтствуетъ Гарму, т. е. Каратегину; предположеніе это высказывалось впрочемъ и раньше. См. W. Tomaschek «Centralasiatische Studien», I, Sogdiana, стр. 40; цит. по Минаеву — «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», стр. 59) владѣтель происходитъ изъ тукіэскаго дома Яньто (ib., стр. 259; Яньто былъ не тукіэскимъ, а тэлэсскимъ родомъ).

«Въ концѣ династіи Суй (т. е. до 618 г.) тукіэскій Шэху-ханъ опустошилъ Босы (Персію), убилъ государя Кусахо; на его мѣсто поставленъ сынъ его Шили. Шэху послалъ своего намѣстника для надзора. По смерти Шили, Босы не захотѣло зависѣть отъ тукіэсцевъ и правительницею была поставлена дочь Кусахо. Тукіэсцы и ее убили» (ib., стр. 264; «Виз. ист.», стр. 398).

Подъ 640 г. сказано: «Тухоло, Ши, Щы, Хэ, Му, Канъ находились подъ его (Иби Шаболо Шеху Хана) державою» (Iак., op. cit., I, стр. 352).

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ (см. также Saint Martin, l. c., стр. 397) съ несомнѣнностью вытекаетъ, что тукіэсцы въ началѣ VII вѣка были знакомы съ знаменитымъ проходомъ, носившимъ именно въ эту эпоху свое характерное названіе «Желѣзныя ворота». Память объ этомъ проходѣ не должна была изгладиться у нихъ и въ послѣдующія времена, такъ какъ тукіэсцы, какъ мы видѣли, прочно укрѣпились въ бассейнѣ Аму-дарьи и даже южнѣе, въ долинѣ верхняго Гельменда. Къ тому же, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, ихъ силами дѣйствовали китайцы, предпринимая въ половинѣ VII вѣка (Iакинфъ, op. cit., I, стр. 360) свои походы на западъ. Мы не знаемъ, какъ далеко въ этомъ направленіи заходили танскіе полководцы (см. Abel Rémusat «Remarques sur l'extension de l'Empire Chinois du côté de l'occident» въ «Mémoires de l'Institut Royal de France», VIII, 1827, стр. 80—107, passim.); не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что слава объ ихъ побѣдахъ достигла съ одной стороны до народовъ, жившихъ у Каспія, съ другой—до народовъ Индостана. Возможно, что при этомъ, какъ это сообщаетъ намъ Могилянь-ханъ, летучіе отряды тукіэсцевъ доходили и до Темиръ-капыга (см. A. Rémusat, l. c., стр. 103). Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нижеслѣдующія выдержки изъ исторіи Танской династіи:

Въ 648 г. императоръ отправилъ въ одно изъ индійскихъ государствъ (Тянь-чжу) Ванъ Хюань-цэ. Его конвой былъ на границѣ разбитъ и уничтоженъ. Хюань-цэ бѣжалъ на востокъ, получилъ помощь отъ тибетцевъ и непальцевъ и съ этими вспомогательными отрядами не только разгромилъ тянь-чжу'скаго владѣтеля, но и взялъ его въ плѣнъ (ib., стр. 232). Этотъ эпизодъ очень характеренъ, такъ какъ вполнѣ рельефно рисуетъ намъ ту вліятельную роль, какую играли въ эту эпоху китайцы на западѣ Азіи.

«Въ 655 г. владѣніе Канъ (Самаркандъ; Abel Rémusat, «Nouv. mél. asiat.», I, стр. 227. Klaproth «Magasin Asiatique», стр. 121) переименовано было въ Канъ-гюй-ду-ду-фу (губернаторство) и владѣтель Фохуманъ поставленъ правителемъ» (ib., стр. 239).

«Между 656 и 660 гг. владѣніе Шы переименовано округомъ Кюйша», (ib., стр. 247).

«Въ 658 г. въ городѣ Ганьгэ (Ходжентѣ?) учреждено правленіе Даваньской губерніи и владѣтель Гань тутунь поставленъ владѣтелемъ оной» (ib., стр. 243).

нымъ своимъ единствомъ и молодой энергіей, китайцы прибѣгли

«Въ томъ же году владѣніе Мимо, находившееся къ югу отъ Кана (согласно съ Сюань-Цзанемъ, къ востоку; см. «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde», trad. par St. Julien, стр. 442; у Klaproth'а къ юго-востоку—«Magasin Asiat.», стр. 105), переименовано въ округъ Наньми и владѣтель поставленъ правителемъ» (ib., стр. 245).

«Въ правленіе Юнъ-вэй (650—655), получивъ извѣстіе, что домъ Танъ предпринимаетъ войну въ Западномъ краѣ, владѣтель Хэ изъявилъ желаніе доставлять съѣстные припасы для войскъ. Его владѣніе обращено было въ округъ Гуйшуанъ» (ib., стр. 246). «Хэ» я помѣщаю между Сыръ-дарьей и Аму-Дарьей.

«Въ 658 г. Гѣсай (въ Ферганѣ) переименованъ былъ въ область Хюсюнь» (ib., стр. 252). Въ томъ же году «въ городѣ Ануань (въ Тухоло) учреждено Юечжиское губернаторство; малые города раздѣлены на 24 округа и владѣтель Ашина поставленъ правителемъ» (ib., стр. 255), и въ томъ же году «въ городѣ Лолань (лежалъ въ Афганскомъ Туркестанѣ) утверждено Сѣфынское губернаторство» (ib., стр. 258). «На западъ до Персіи все подчинено западному намѣстническому правленію» (Іакинфъ, op. cit., I, стр. 360; ср. Григорьева доп. къ «Кабул. и Кафирист.» Риттера, стр. 833).

Поэтому Могилянь-ханъ былъ вправѣ писать:

«Пятьдесятъ лѣтъ они (т. е. тукіэ) отдавали ему (богдохану) душу и силу. Впередъ, къ солнечному восходу, они доходили (подъ начальствомъ китайцевъ) до Бӧкли-кагана, назадъ до Темиръ-капыга».

Если тукіэсцы въ VII вѣкѣ называли «Желѣзными воротами» проходъ Бусгала, то несомнѣнно, что этотъ же проходъ, а не Талкинскій перевалъ разумѣлъ Могилянь-ханъ и въ томъ случаѣ, когда разсказывалъ о подвигахъ Куль-Тегина и своихъ. Это подтверждается нижеслѣдующимъ.

Въ исходѣ VII вѣка владычество западныхъ тукіэсцевъ пало. Ихъ кочевьями преемственно овладѣли ханы родственнаго имъ тургешскаго племени, перенесшіе вскорѣ затѣмъ свое становище на востокъ, въ мѣстность Суй-ѣ. Я думаю, что такъ называлась долина верховій Джанарта; дѣйствительно, объ этой мѣстности мы читаемъ: «Есть рѣка, вытекающая за 1,000 ли отъ Аньси на сѣверо-западѣ, достигши горъ Бода (это очевидно Бедель или Бадалъ), простирается далѣе на югъ до Серединнаго государства. Рѣки, текущія на югъ (Истыкъ, Учъ-Кууль), уходятъ въ Серединное государство и впадаютъ въ море (по гипотезѣ китайцевъ Таримъ есть верховье Хуанъ-хэ); текущія на сѣверъ (Нарынъ) проходятъ черезъ туркестанскія земли и впадаютъ въ море (Аральское). На сѣверъ черезъ три дня пути есть снѣжное море, гдѣ весной и лѣтомъ идутъ дожди и снѣга». Это, надо думать, ледникъ Петрова (ib., стр. 244. Эту мѣстность не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ, носившимъ то же наименованіе и находившимся въ Чуйской долинѣ. См. Бартольдъ: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью» въ «Зап. Имп. Ак. Наукъ», VIII сер. По истор.-фил. отд., I, № 4, стр. 29—32. Можетъ быть, однако, вся мѣстность между Ала-тау и Кокъ-шаломъ, между верховьями рр. Чу и Ханъ-Тэнгри носила нѣкогда (при младшихъ Ханяхъ) названіе Суй-ѣ? См. Klaproth «Notices géographiques et historiques sur Khôkand, Andudjan, etc.», trad. de la 420 sect. de la nouv. éd. du Thai-thsing-y-thoung-tchi въ «Magasin Asiatique», I, стр. 98). Въ 710 г. среди тургешей возникли междоусобія, которыми и воспользовался ханъ Мочжо, присоединившій ихъ земли къ своимъ владѣніямъ (ib., I, стр. 331, 367—368). Объ этомъ то походѣ и говоритъ Могилянь. Правда, китайская исторія не сохранила намъ прямыхъ указаній на то, что ханъ Мочжо, а засимъ и Могилянь-ханъ проникали за Сыръ-дарью, но косвенное тому указаніе мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ лѣтописи: «Въ 741 г. даваньскій владѣтель представилъ китайскому Двору, что тукіэсцы уже покорились небесному хану и только Даши опасенъ для прочихъ владѣній...» Эти слова имѣютъ въ томъ только случаѣ смыслъ, если предположить, что тукіэсцы незадолго передъ симъ угрожали Давани. Вообще же, мы не имѣемъ никакихъ поводовъ сомнѣваться въ томъ, что Могилянь-ханъ доходилъ въ своихъ походахъ до Согдіаны. «Йенчу» переводится словами «рѣка жемчужинъ». Такъ могла называться у тюрковъ лишь Сыръ-дарья, но ужь никакъ не Урунгу, какъ это предположилъ Бартольдъ. Равнымъ образомъ, слова орхонской надписи: «чтобы привести въ порядокъ народъ Согдакъ, мы прошли, переправясь черезъ р. Йенчу, до Темиръ-капыга», могутъ относиться лишь къ Согдіанѣ,

къ своему обычному пріему: съ необыкновеннымъ умѣніемъ они поселили раздоръ между тукіэскими родовичами [1]) и тѣмъ подготовили распаденіе огромнаго ханства на двѣ половины: западную и восточную. Событіе это относится къ 585 г., но уже годомъ раньше тукіэсцы признали себя вассалами Китая [2]).

Границы обоихъ государствъ опредѣлить теперь трудно. Извѣстно только, что въ началѣ VII вѣка вся Джунгарія входила въ составъ владѣній хановъ западной орды [3]), ставка коихъ находилась сперва

а не къ какой-то миѳической колоніи согдійцевъ въ Джунгаріи. Употребляю это выраженіе, потому что о существованіи такихъ колоній въ Джунгаріи въ VII и VIII вѣкахъ намъ положительно ничего неизвѣстно. Самъ же Бартольдъ пишетъ, что о какомъ то городѣ Самаркандѣ (?), существовавшемъ гдѣ то въ Джунгаріи, упоминается только у Джувейни, при описаніи похода хана Гуюка (въ 1248 г.); даже, если и допустить, что это указаніе вѣрно, то и тогда пять вѣковъ, отдѣляющихъ оба извѣстія, способны подорвать всякое довѣріе къ выводамъ Бартольда.

Вообще же, спорное мѣсто орхонской надписи я понимаю такъ:

Восточные тукіэсцы, перейдя Иртышъ, напали на тургешей. Гдѣ напали — это неизвѣстно. Это могло имѣть мѣсто и въ Барлыкскихъ горахъ, и въ горахъ Боро-Хоро и, наконецъ, даже въ Заилійскомъ Ала-тау, что, впрочемъ, и всего вѣроятнѣе. Слова Могилянь-хана: «Переправившись черезъ рѣку Иртышъ, мы прошли (дальше и) напали на народъ Тургешскій врасплохъ», вовсе не слѣдуетъ толковать такъ, что кочевья тургешей находились гдѣ то сейчасъ за Иртышомъ. Иртышъ для переправы войскъ представлялъ крупное препятствіе; о немъ и упоминается. Засимъ тукіэсцы шли дальше, пока не встрѣтили стойбищъ тургешей, на которыхъ и напали врасплохъ. Китайцы, современники Могилянь-хана, сообщаютъ намъ, что тургеши въ это время жили на Или и въ горахъ, прилегающихъ къ Иссыкъ-кулю; намъ поэтому и незачѣмъ искать ихъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Разбивъ тургешей, тукіэсцы, въ поискахъ кара-тургешей, двинулись дальше на западъ. Вѣроятно, однако, что кара-тургеши на сей разъ рѣшились уклониться отъ столкновенія съ грознымъ врагомъ и разсѣялись по дебрямъ западнаго Тянь-шаня. И только тогда, когда тукіэсцы возвращались уже изъ своего похода за Сыръ-дарью (Йенчу) на полуголодныхъ и усталыхъ лошадяхъ, они, съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, стали предпринимать отдѣльныя противъ нихъ вылазки. Это заставило тукіэсцевъ, уже *успѣвшихъ раскаяться* въ томъ, что оставили у себя въ тылу непобѣжденныхъ враговъ, отправить противъ нихъ Куль-Тегина, который и исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ свою миссію, разгромивъ ихъ кочевья.

Орхонскія надписи даютъ и имена первыхъ двухъ хановъ, создавшихъ тукіэское царство. Thomsen переводитъ ихъ такъ: «Boumin-kagan et Istémi-kagan»; помянутые русскіе тюркологи — «Бумынъ-каганъ, Эситми-каганъ». Имена эти очень близки къ тѣмъ, которыя сохранила намъ китайская исторія: «Тумынь-каганъ и Исиги-каганъ». Поэтому я не вполнѣ понимаю вопросъ Thomsen'a: «Quels sont ces deux kagans? Si ce ne sont pas des figures tout à fait légendaires, d'un passé lointain, etc.». Также неправильнымъ кажется мнѣ толкованіе этого мѣста надписей, даваемое Радловымъ и Меліоранскимъ, которые пріурочиваютъ оба имени къ одному лицу. Бартольдъ, повидимому, присоединяется къ мнѣнію Радлова (ib., стр. 5).

Историкъ Ѳеоѳанъ Византіецъ называетъ тукіэскаго хана — Аскелемъ (Ἀσκηλ). Уже Saint-Martin обратилъ вниманіе на большое сходство этого имени съ китайскимъ Исиги (См. прим. I къ стр. 381 IX тома Lebeau—«Histoire du Bas-Empire»).

[1]) St. Julien «Documents historiques sur les Tou-kioue» въ «Journal Asiatique», 1864, III, стр. 348, 358, 360 и слѣд.

[2]) V de Mailla (op. cit., V, стр. 470) и это событіе отнесено къ 585 году. Согласно съ St. Julien'омъ («Journal Asiat.», 1864, III, стр. 497), его слѣдуетъ отнести къ 584 году. См. также Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 278.

[3]) «Записки о Монголіи», III, стр. 127.

въ Илійской долинѣ [1]), а затѣмъ переведена въ долину Юлдусъ [2]). Какъ кажется, весь Восточный Туркестанъ находился уже тогда во власти тукіэсцевъ, хотя съ достовѣрностью это можно сказать лишь по отношенію къ Хотану [3]), Кашгару [4]), Кучѣ [5]), Яньци [6]), княжеству Гаочанъ, границы коего къ тому времени уже совпадали, повидимому, съ современными границами Турфанскаго округа, и Иву [7]). Вообще, въ эпоху Бэй-чао (386—581 гг.) исторія владѣній Восточнаго Туркестана намъ почти совсѣмъ неизвѣстна, и мы можемъ только догадываться, что Гаочанъ, Яньци и другія владѣнія, лежавшія на югѣ отъ Тянь-шаня, находились въ ближайшей зависимости отъ гаогюйцевъ, хотя эти послѣдніе, въ свою очередь, только на самое короткое время успѣвали добиваться полной самостоятельности [8]). Къ тому же, къ исходу V вѣка, западныя окраины Бэй-шаня начинаютъ замѣтно пустѣть: китайскіе лѣтописцы уже перестаютъ упоминать о владѣніяхъ Шаньшань [9]), Цзюймо, Шаньго, Халгаамань и др.; перестали также существовать и оба Чешискія владѣнія: земли сѣвернаго Чеши были заняты кочевьями гаогюйцевъ, земли южнаго перешли наслѣдственно къ Гаочану, послѣ того, какъ тѣ же гаогюйцы, въ силу неизвѣстныхъ намъ соображеній, пере-

---

[1]) Ib., стр. 126.

[2]) Ib., стр. 127, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 161, гдѣ сказано: «отъ Кучи къ сѣверу около 600 ли». Разстояніе это преувеличено вслѣдствіе трудностей дороги. Вѣрнѣе предположить однако, что зимой ханы жили въ Илійской долинѣ, а на лѣто перебирались на верховья Хайду-гола.

[3]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 236.

[4]) Ib., стр. 162.

[5]) Ib., I, стр. 340.

[6]) Ib., III, стр. 215.

[7]) Ib., I, стр. 340.

[8]) См. Грумъ-Гржимайло «Описаніе путешествія въ Западный Китай», томъ I, стр. 219 и 220.

[9]) Послѣднее извѣстіе о Шаньшани имѣемъ мы отъ путешественниковъ Сонъ-юня и Хой-сина, проѣзжавшихъ этой страной въ 518 г. (см. Григорьевъ — «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 115). Впрочемъ, у de Mailla (op. cit., V, стр. 513—514) подъ годомъ 609 мы читаемъ слѣдующее: «En arrivant à la montagne de Yen-tchi-chan (Янь-чжи-шань) sur les confins du pays des Y-ou (И-ву) il (императоръ Янъ-ди, Суйской династіи. Ср. Іакинфъ «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 88) trouva Kiu-pé-ya (Гюй-Боя), roi de Kao-tchang (Гао-чанъ) et le Tou-tunché (ду-дуньшэ; имя или титулъ?) des Y-ou (И-ву) avec les envoyés de 27 autres royaumes du Si-yu (Си-юй; Западный край), qui étaient venus pour le recevoir et s'étaient rangés sur deux lignes des deux côtés du chemin. Le Tou-tunché des Y-ou s'étant avancé vers l'empereur, se prosterna d'un air soumis et lui offrit plusieurs mille ly (ли) de pays; l'empereur les accepta avec satisfaction, et détermina que les pays de Si-haï (Куку-норъ), de Ho-yuen (Хэ-юань; по мнѣнію Grosier — страна истоковъ Хуанъ-хэ; въ 677 г. основана была въ долинѣ Сининской рѣки крѣпость, носившая это же наименованіе), *de Chen-chen (Шаньшань)*, de Tsie-mou (Цзѣ-му; не Цзѣ-чжоу ли?) et autres seraient dorénavant au nombre des départements de l'empire et qu'on y enverrait en exil les malfaiteurs pour servir dans les garnisons».

Восточный Туркестанъ былъ вновь завоеванъ тукіэсцами въ 619 году (de Mailla, op. cit., VI, стр. 4).

селили чешискаго владѣтеля со всѣмъ его народомъ на западъ, въ Яньци.

Въ 589 г. въ Китаѣ возстановлено было единодержавіе. Между тѣмъ политика китайскаго двора «селить раздоръ между кочевыми», продолжала приносить свои плоды: ханы ссорились и, взаимно ослабляя другъ друга, не переставали искать защиты и покровительства у императорскаго правительства.

Въ 608 г. китайцы побудили восточныхъ тукіэсцевъ вторично напасть на тогонцевъ, которые то и дѣло безпокоили западныя границы имперіи, представлявшія въ то время крайне печальную картину: въ западной Ганьсу господствовали всецѣло кочевники и неоднократныя попытки китайскаго правительства насадить здѣсь снова культуру путемъ хотя бы устройства военныхъ поселеній оканчивались каждый разъ неудачно. Тогонцы были разбиты, но плодами этой побѣды всецѣло воспользовались китайцы, которые, раздѣливъ тогонскія земли на приставства, включили ихъ въ границы имперіи. Однако, уже въ 615 г. тогонское царство было вновь возстановлено въ его прежнихъ предѣлахъ.

Этому послѣднему обстоятельству въ значительной мѣрѣ способствовало смутное положеніе дѣлъ въ Китайской имперіи, приведшее въ 618 году къ паденію Суйской династіи и возвратившее тукіэсцамъ ихъ прежнюю самостоятельность. Восточные тукіэсцы достигли въ это время такого могущества, какого, по словамъ китайскихъ историковъ, не достигало еще ни одно изъ кочевыхъ племенъ сѣвера [1]). Ханы ихъ опустошили сѣверные предѣлы имперіи, доходили до Цзинъ-яна и Си-ань-фу [2]) и, упоенные побѣдами [3]), готовились уже овладѣть всѣмъ сѣвернымъ Китаемъ [4]), когда бунтъ уйгурскихъ племенъ [5]) остановилъ дальнѣйшій успѣхъ ихъ оружія и повелъ къ быстрому паденію царства [6]). Въ 630 г.

---

[1]) «Собраніе свѣдѣній о народ. Средней Азіи», I, стр. 291. «Journal Asiatique», 1864, IV, стр. 202, 207—208.

[2]) Собственно до Чань-ани, столицы имперіи при Танахъ, находившейся близь Си-ань-фу.

[3]) Императоръ Гао-цзу, основатель Танской династіи, считался вассаломъ тукіэсцевъ (ib., стр. 305).

[4]) «Зап. о Монг.», III, стр. 116.

[5]) Т. е. тѣхъ же гаогюйцевъ, измѣнившихъ свое племенное прозваніе. Объ этомъ ниже.

[6]) Этому, впрочемъ, способствовали также голодъ и какая-то свирѣпствовавшая среди кочевниковъ эпидемія. О причинахъ паденія тукіэскаго ханства орхонская надпись повѣствуетъ такъ: «Вслѣдствіе невѣрности ханамъ ихъ бековъ и ихъ народа, вслѣдствіе подстрекательства и близкаго сосѣдства китайцевъ и благодаря ихъ чародѣямъ возникли смуты; младшіе князья враждовали со старшими, беки и народъ взаимно вредили другъ другу; турецкій народъ разстроилъ свой союзъ и истребилъ своихъ царственныхъ хановъ» и т. д. (Радловъ и Мелioранскій «Древне-

уже вся Монголія была во власти Китая, послѣ чего страна эта была раздѣлена на десять приставствъ, управленіе коими ввѣрено было двумъ ставленникамъ Китая, титуловавшимся ханами.

Во времена Суйской династіи посольскія сношенія между владѣніями Западнаго края и Китаемъ, не смотря на зависимость первыхъ отъ западныхъ тукіэсцевъ, не прекращались; тоже продолжалось и послѣ восшествія на престолъ Гао-цзу. Въ особенности же сказанное относится къ Гаочану, правители коего были родомъ китайцы. Послѣ, однако, покоренія восточно-тукіэскаго ханства дружескія отношенія эти смѣнились враждебными. Поводовъ къ тому было нѣсколько, но я укажу лишь важнѣйшіе. Послѣ паденія Суйской династіи, приверженцы этого дома бѣжали сначала къ восточнымъ тукіэсцамъ, а затѣмъ, когда тукіэсцы были покорены, въ Гаочанъ. Гаочанскій князь съ распростертыми объятіями встрѣтилъ бѣглецовъ и наотрѣзъ отказался выдать ихъ императорскому правительству. Неудовольствіе, порожденное такимъ смѣлымъ поступкомъ гаочанцевъ, еще болѣе усилилось, когда эти послѣдніе задержали у себя нѣсколько посольствъ, направлявшихся съ данью въ Китай. Съ своей стороны гаочанцы считали себя въ правѣ такъ поступать въ отместку за отданное китайцами распоряженіе къ возстановленію южной дороги черезъ Кумъ-тагъ, бывшей, очевидно, къ этому времени уже настолько заброшенной, что торговые караваны и посольства, отправлявшіеся въ предѣлы Китайской имперіи, всегда избирали болѣе обезпеченный сѣверный путь черезъ Гаочанъ и Иву (Хами). Насколько гаочанцы дорожили этимъ транзитомъ, видно изъ того, что они рѣшились объявить войну владѣтелю Яньци, иниціатору проекта, и отняли у него пять городовъ. Сверхъ того гаочанцевъ раздосадовалъ поступокъ ивускаго князя, ихъ данника [1]), въ 630 г. передавшагося китайцамъ [2]). Они рѣшили силой оружія принудить это небольшое владѣніе къ покор-

---

тюркскіе памятники въ Кошо-Цайдамѣ», стр. 17—18. Судя, однако, по китайскимъ даннымъ — это несовсѣмъ такъ. Ср. Іакинфъ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 304—305; de Mailla, op. cit, VI, стр. 59—66. Отмѣтимъ при этомъ, что столкновеніе между тукіэскимъ Хѣли-ханомъ и китайскими войсками должно было произойти въ горахъ Бэй-шань. См. de Mailla, ib., стр. 64—65. Ср., однако, Gaubil, op. cit., въ «Mémoires conc. l'hist. etc des Chinois», XV, 1791, стр. 439 и слѣд.

[1]) Заключаемъ это изъ нижеслѣдующаго мѣста мемуаровъ Сюань-Цзана: «En apprenant cette nouvelle, Khio-Wen-t'ai (Кюй Вынь-тай), roi de Kao-tch'ang (Гао-чанъ) dépêcha des messagers au roi d'I-gou (Иву) pour lui ordonner d'envoyer immédiatement le maître de la loi» (Stanislas Julien — «Histoire de la vie de Hiouen-Thsang», стр. 32).

[2]) Владѣніе Иву было тогда же преобразовано въ область Си-и-чжоу или короче — И-чжоу.

ности и вторглись туда въ союзѣ съ тукіэсцами [1]). Этотъ моментъ и былъ избранъ китайцами для объявленія войны Гаочану. Въ 640 г. Гаочанъ палъ и былъ переименованъ въ Си-чжоу [2]). Легко доставшаяся китайцамъ (ихъ экспедиціонный отрядъ состоялъ преимущественно изъ восточныхъ тукіэсцевъ) побѣда поощрила ихъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Послѣдовательно были подчинены Яньци и Гуйцы, превращенный въ губернскій городъ Ань-си ду-хо-фу, а затѣмъ и весь остальной Восточный Туркестанъ [3]).

Въ 653 г. китайцы перешли Тянь-шань и основали по сѣверную сторону горъ укрѣпленіе Гинь-мань [4]). Въ 656 г. ихъ отряды проникли вглубь Джунгаріи и побѣдоносно доходили до Тарбагатая и Илійской долины. Могущество кочевниковъ было сломлено, западные тукіесцы подверглись участи восточныхъ, и ханство ихъ

---

[1]) Вѣроятно въ союзѣ съ тукіэскими племенами чуми и чуюе. У Gaubil'a читаемъ: «Le prince de Tourphan avait pour tributaires les deux hordes turques Tchou-yue et Tchou-mi». См. также Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср.. Азіи», I, стр. 452—453.

[2]) Въ это время въ княжествѣ насчитывалось до 8,046 семействъ (китайская реляція даетъ и другую цифру — 30,000 душъ обоего пола; но эта пифра не соотвѣтствуетъ первой), составлявшихъ населеніе 22 городовъ и селеній; лошадей въ немъ оказалось всего лишь 4,000, т. е. ½ лошади на семью; такая пропорція вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы и теперь видимъ въ Турфанѣ. Іакинфъ («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 213); de Mailla, op. cit., VI, стр. 91.

[3]) «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», III, стр. 221.

[4]) Въ китайской лѣтописи сказано: «Въ Чуюэ (т. е. въ мѣстахъ кочевій тукіэскаго рода Чуюэ) учрежденъ округъ Гинь-мань-чжоу». Чуюэ намъ столь же мало извѣсное мѣсто, какъ и Гинь-мань. Но въ весьма интересныхъ «Запискахъ о Монгольскихъ кочевьяхъ» (Мэнъ-гу-ю-му-цзи), переводомъ коихъ, вышедшимъ въ 1895 г. (т. е. одновременно съ первымъ томомъ настоящаго труда), мы обязаны Попову, находится слѣдующее важное указаніе какъ на былое мѣстоположеніе этого города, такъ равно и г. Бэй-тина (ср. томъ I, стр. 221—229). «Согласно Си-юй-ши-ди, пишутъ китайскіе историки (Чжанъ-му и Хэ-цю-тао), при Танской династіи Гу-чэнъ составлялъ мѣстность, подчиненную бэйтинскому воеводству. Въ это время уѣзды Цзинь-мань (Гинь-мань въ транскрипціи Іакинфа), Лунь-тай (о немъ см. т. I, стр. 176 и далѣе), Пу-лэй (Баркуль) и Хай-си (неизвѣстное мѣсто) всѣ входили въ составъ бэйтинскаго воеводства. Такъ какъ нельзя было опредѣлить, отъ какого времени остался этотъ городъ, то его и назвали Гу-чэномъ, т. е. древнимъ городомъ. Изъ Си-чжи-ли, сочиненія Цзи-юань-хуай'я, мы узнаемъ относительно Гу-чэна слѣдующее: *въ ур. Цзи-му-са* (т. е. Джимысаръ въ моей передачѣ, см. I т., стр. 175, 177) *находится древній городъ воеводства Танскихъ временъ, Бэй-тинъ, построенный Ли-вэй-гуномъ;* онъ имѣетъ въ окружности 40 ли; стѣны его сложены изъ сырцоваго кирпича; каждый кирпичъ толщиной въ 1 чи, шириной въ 1 чи 5—6 дюймовъ и длиною въ 2 чи 7—8 дюймовъ; старыя черепицы достигали въ ширину болѣе 1 чи, а въ длину 1 чи 5—6 дюймовъ. Въ городѣ есть одна кумирня, совершенно развалившаяся; въ ней каменное изображеніе Будды, по поясъ вошедшее въ землю и всетаки имѣющее въ вышину 7—8 чи. Желѣзный колоколъ выше человѣческаго роста, покрытый со всѣхъ сторонъ надписями, но до такой степени съѣденными ржавчиной, что нельзя разобрать ни одной буквы. Въ городѣ повсюду каменный уголь (?) и требуется прокопать на глубину 1—2 чи, чтобы показалась земля (?). Элюты разсказывали, что въ древности городъ этотъ взятъ былъ огненнымъ боемъ и что находившіяся съ четырехъ сторонъ батареи были возведены во время осады. Но къ какому времени относится городъ и какимъ народомъ онъ былъ построенъ, они не могли сказать этого. *Настоящій городъ Гу-чэнъ построенъ былъ*, для помѣщенія войска, *на мѣстѣ стараго*, въ 1772 году. *Не смотря на то, что городъ кажется совер-*

раздѣлено на приставства, общее управленіе коими ввѣрено двумъ намѣстникамъ (ханамъ) по назначенію богдохана. Тогда же изъ земель южной Джунгаріи образованъ былъ округъ Тинъ-чжоу, преобразованный въ 702 г. въ губернію Бэй-тинъ ду-хо-фу [1]).

Въ это время на югѣ подъ ударами туфаньцевъ пало Тогонское царство. Туфаньцы (туботцы) болѣе извѣстны подъ именемъ тибетцевъ. Первоначальная исторія образованія ихъ государства въ точности неизвѣстна. Повидимому, до 440 г. они кочевали въ Нань-шанѣ, платя дань Цзюй-цюю Мугяню; съ паденіемъ же княжества Лянъ, туфаньцы откочевали на югъ и поселились на тибетскомъ плоскогоріи. Здѣсь, не заявляя о себѣ, они просуществовали до 635 г., когда, усилившись, впервые напали на тогоновъ. Оттѣснивъ ихъ къ сѣверу, за озеро Куку-норъ, они ограбили ихъ владѣнія и, ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, вторглись въ Китай.

Рѣшительная борьба между Тогонскимъ и Тибетскимъ царствами возгорѣлась въ 663 г. Тогонцы, не смотря на поддержку китайцевъ, были разбиты, ихъ армія потерпѣла пораженіе при Бухаинъ-голѣ, земли же ихъ присоединены къ владѣніямъ Тибетской державы; только небольшая часть народа успѣла заблаговременно откочевать въ Хэси, гдѣ оставалась до завоеванія туфаньцами округа

шенно изолированнымъ, къ нему сходятся безчисленныя горныя тропинки и стежки. Изъ Си-юй-ту-чжи мы узнаемъ, что Гу-чэнъ лежитъ въ 90 ли на С.-З. отъ уѣзднаго города Китай (см. I томъ — городъ Цитай), что онъ состоитъ изъ двухъ городовъ южнаго и сѣвернаго. Въ первомъ изъ нихъ находится Вань-шоу гунъ и Гуань-ди-мяо. На западъ отъ города есть источникъ Ню-цзюань-цюань, у котораго военный начальникъ края, Сономъ-цэрэнъ, въ 1775 году нашелъ два обломка памятника временъ Танской династіи, изъ сохранившихся на которыхъ словъ «Цзинь-маньскій уѣздный начальникъ» и т. д. мы узнаемъ, что *Гу-чэнъ лежитъ на землѣ Танскаго уѣзда Цзинъ-мань; Танскій же городъ Цзинъ-мань долженъ соотвѣтствовать городу того же имени у сѣверныхъ Чеши.* При Ханьской династіи, дорога изъ южнаго Чеши на сѣверъ, проникавшая до города Цзинь-мань сѣвернаго Чеши, *должна была проходить черезъ нынѣшнее мѣстечко Цзи-му-са,* находящееся въ восточной части уѣзда Фу-канъ; восточные предѣлы этого уѣзда смежны съ западными Китайскаго уѣзда, и Гу-чэнъ и Цзи-му-са лежатъ по сосѣдству другъ съ другомъ и потому ихъ должно признавать за восточныя границы (?) Танскаго уѣзда Цзинь-мань. Мѣсто, на которомъ первоначально поставленъ былъ памятникъ, не слѣдуетъ непремѣнно пріурочивать къ самому уѣздному городу. На этомъ основаніи не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что западная часть Китайскаго и восточная Фу-канскаго уѣздовъ должны быть принимаемы за древнее мѣсто Цзинь-мань» (прим. 604, на стр. 483—484). Это разъясненіе китайскихъ ученыхъ замѣчательно своей обстоятельностью и заслуживаетъ полной вѣры. Къ уже приведенному въ I томѣ описанію мѣстности между Лунь-таемъ и Ци-таемъ, я могу здѣсь присовокупить лишь то, что изъ Джимысара ведетъ въ Турфанъ кратчайшая дорога вдоль р. Далангу, каковой дорогой нерѣдко и пользуются караваны гучэнскихъ купцовъ. Несомнѣнно, объ этой именно дорогѣ и говорятъ здѣсь китайскіе историки. Ср. съ прим. 604 прим. 606 того же сочиненія. У Дегиня (op. cit., I, 2, стр. XXXIII) о былomъ мѣстоположеніи Бэй-тина сказано: «Au N. de la ville de Tourfan était située la ville de Pe-ting, qui avait sous son district les trois villes de Kin-muon (Гинь-мань), de Pou-loui (Пулэй) et de Lun-tai».

[1]) О мѣстоположеніи Бэй-тина см. томъ I, стр. 221—229.

*

Лянъ-чжоу (въ 765 г.), послѣ чего, съ согласія китайскаго правительства, переселилась въ Нинъ-ся.

Съ неменьшимъ успѣхомъ туфаньцы дѣйствовали на западѣ. Уже въ первой половинѣ VII вѣка они овладѣли нѣкоторыми [1]) владѣніями Западнаго края; позднѣе же, а именно въ 678 г., въ союзѣ съ западными тукіэсцами, признавшими себя ихъ вассалами еще въ 662 г. [2]), они отняли у китайцевъ и весь Восточный Туркестанъ [3]), за исключеніемъ округовъ Иву и Гаочанъ [4]). Впрочемъ, имъ не удалось здѣсь прочно утвердиться, и уже въ 692 г. они были изгнаны отсюда китайцами, которые передъ тѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, вели съ ними непрерывную и несчастную борьбу: обѣ пограничныя области Хэси и Лунъ-ю [5]) были въ конецъ разорены и, тѣмъ не менѣе, изъ года въ годъ подвергались всѣмъ ужасамъ новыхъ нашествій кочевниковъ. Начало VIII столѣтія не измѣнило къ лучшему общаго положенія дѣлъ на запад-

---

[1]) Какими — не сказано. См. «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 130.

[2]) Ib., стр. 138, а также «Зап. о Монг.», III, стр. 130.

[3]) Въ «Исторіи Тибета и Хухунора», стр. 138, читаемъ: «Туфаньцы покорили 18 областей въ Западномъ краѣ и, соединившись съ хотанцами, въ 670 г. разрушили стѣны города Кучи. Симъ образомъ китайскій дворъ потерялъ четыре инспекціи въ Восточномъ Туркестанѣ». Подъ 678 же годомъ, стр. 141, говорится: «Туфаньцы, соединясь съ западными тукіэсцами, произвели нападеніе на Ань-си», почему китайцы двинули противъ нихъ войска изъ Сы-чуани и «открыли военныя дѣйствія въ Лунъ-чжи» (т. е. въ долинѣ Сининской рѣки). Аньси безспорно — Куча; нынѣшній Ань-си въ ту эпоху именовался Гуа-чжоу. Но какое же непосредственное отношеніе къ взятію туфаньцами Кучи имѣетъ открытіе китайцами военныхъ операцій въ южной Гань-су? Съ другой стороны, въ «Исторіи Танской династіи» прямо сказано: «Въ сіе время (678 г.) тибетцы напали на Яньци и завоевали всѣ четыре инспекціи». Что союзниками туфаньцевъ при взятіи Яньцы и Гуйцы были западные тукіэсцы, а не хотанцы, видно изъ нижеслѣдующаго: въ 678 г. ханъ Дучжы «заключилъ союзъ съ Тибетомъ и произвелъ набѣгъ на Аньси» («Собраніе свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 362). Изъ исторіи Хотана также не видно, чтобы хотанцы когда-либо дружили съ туфаньцами. Тамъ говорится только: «663, au printemps, les koung-youei (гунъ-юе) de Kaschgar et le tibetains attaquèrent le commandant de Ju-thian (Хотанъ) et de Si-tcheou». И далѣе: «Comme le prince avait rendu des services dans les expéditions contre les tibetains, etc.» (Abel Rémusat, «Hist. de la ville de Khotan» стр. 69—70).

V de Mailla (op. cit., VI, стр. 147) эти событія изложены почти также, какъ и у Іакинфа, съ тою, однако, разницею, что de Mailla заставляетъ въ 669 г. туфаньцевъ, въ союзѣ съ хотанцами, брать не Кучу, а городъ Po-hoan-tching (Бо-хуань-чэнъ), лежавшій въ Кучаскомъ округѣ. То же дѣлаетъ и Gaubil, op. cit., стр. 479, но только не въ 669, а въ 670 г.

Изъ этихъ разнорѣчивыхъ извѣстій я вывожу заключеніе, что туфаньцы проникли въ предѣлы Восточнаго Туркестана до 665 г., но овладѣли имъ не разомъ, а постепенно, и, притомъ, начиная съ запада; подъ стѣны Хотана они явились съ ополченіемъ изъ гунъ-юе, которые, какъ кажется, обитали къ югу отъ Иссыкъ-куля (ср. de Mailla, ib., стр. 157), въ Кучу же, взятую ими въ 678 г., съ отрядомъ войскъ своего союзника, тукіэскаго хана. Ср., однако, de Mailla, ib., стр. 143—154 и 155.

[4]) Это видно изъ слѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Въ 691 г. главноуправляющій въ Си-чжоу представилъ китайскому двору, чтобы обратно завоевать отъ туфаньцевъ четыре инспекціи». См. «Ист. Тибета и Хухунора». I, стр. 146—147. V de Mailla объ этомъ разсказывается подъ 692 г. (op. cit., VI, стр. 167).

[5]) Обѣ эти области входятъ нынѣ въ составъ Ганьсуйской губерніи.

ныхъ границахъ Китая. Даже, наоборотъ, къ этому времени туфаньцы до такой степени усилились, что потребовали, чтобы императорское правительство признало Тибетъ равною съ Китаемъ державою (въ 748 г.).

Въ то же время вниманіе Китая стали все болѣе и болѣе привлекать безпорядки, возникавшіе кое-гдѣ въ южной Монголіи. Это былъ опасный симптомъ, свидѣтельствовавшій, что тридцать лѣтъ мира, въ коемъ прожили тукіэсцы, успѣли уже залѣчить раны, нанесенныя имъ погромомъ 630 г. и послѣдовавшими событіями.

Въ 682 г. [1]), нѣкто Гудулу [2]) объявилъ себя ханомъ. Объединивъ нѣсколько аймаковъ [3]), онъ вторгся въ предѣлы Китая и опустошилъ округъ Лянь-чжоу и сѣверную часть губерніи Шаньси [4]). Еще болѣе усилился его преемникъ Мочжо. Онъ потребовалъ у китайцевъ возвращенія областей: Чахара, Ордоса и Заордоса, отторгнутыхъ у тукіэсцевъ въ 630 г., а также высылки тогда же поселенныхъ внутри Китая тукіэскихъ родовъ. И китайское правительство чувствовало себя настолько слабымъ, что поспѣшило исполнить это дерзкое требованіе вассала, чѣмъ, конечно, еще болѣе увеличило его силы. Впрочемъ, по словамъ китайскаго лѣтописца, Мочжо въ это время былъ, дѣйствительно, могущественнымъ монархомъ: «войско его было столь же многочисленно, какъ и въ Хѣліево (Цзѣліево), время (время наибольшаго могущества тукіэсцевъ); земли его содержали вдоль и поперекъ 10 тысячъ ли пространства; всѣ иностранные государи повиновались ему, самъ же онъ, будучи упоенъ славою побѣдъ, низко думалъ о Срединномъ царствѣ [5])». До какой степени Мочжо былъ страшенъ Китаю, видно изъ факта объявленія огромной преміи за его голову: достоинство князя пер-

---

[1]) Согласно съ Шлегелемъ (Schlegel — «La stèle funéraire du Teghin Giogh et ses copistes et traducteurs», въ «Mémoires de la Société finno-ougrienne», 1892, III, стр. 23; цит. по Thomsen'y) въ 681 году. Въ орхонской надписи сказано: «ils se soumirent au kagan chinois et lui vouèrent pendant 50 ans leur travail et leur force», что соотвѣтствуетъ 680 году.

[2]) Очевидно, Кутлукъ, что значитъ «счастливый» — прозвище, а не имя (Thomsen — «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 65).

[3]) Первымъ изъ покорившихся ему племенъ было племя тэлэ, что видно изъ слѣдующаго мѣста орхонской надписи: «Отвелъ народамъ Тӧлесъ и Тардушъ подобавшее имъ мѣсто и далъ имъ Ябгу и Шада» (т. е. высшихъ должностныхъ лицъ). Меліоранскій и Радловъ, ib., стр. 20. Thomsen, ib., стр. 102.

[4]) У Дегиня (op. cit., I, 2, стр. 448) подъ 690 г. читаемъ: «Il parait que les Turcs avaient fait également de grandes incursions dans l'intérieur du Turkestan et dans les pays possedés par les; Turcs occidentaux, qui s'en trouvèrent si incommodés, qu'ils demandèrent aux Chinois d'être placés dans quelqu'une de leurs provinces. У Іакинфа мы не находимъ объ этомъ вторженіи никакихъ свѣдѣній.

[5]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 328. Thomsen «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 69. St. Julien «Docum. hist. sur les Tou-kioue» въ «Journal Asiat.», 1864, IV, стр. 424.

вой степени съ титуломъ—«Чжанъ-чжо», что значитъ—«убившій Мочжо» [1]).

Въ 720 г. правительство богдохана рѣшилось перенести войну изъ предѣловъ Китая въ Монголію. Съ этою цѣлью оно двинуло туда огромную армію изъ Ордоса и приказало владѣтелямъ басимискому [2]), хисскому [3]) и киданьскому идти разными дорогами прямо на орду, гдѣ и плѣнить хана. Но планъ этотъ не удался. Корпусъ басимискаго владѣтеля былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ подъ Бэй-тиномъ, при чемъ и самый городъ этотъ былъ занятъ тукіэсцами, китайская же армія разбита, и область Лянъ-чжоу опустошена; что же касается хисцевъ и киданьцевъ, то, выждавъ исходъ борьбы между обоими государствами, они перешли на сторону побѣдителей (720 г.) [4]).

Двадцать лѣтъ спустя среди тукіэсцевъ возникли междоусобія, которыми, по наущенію китайцевъ, и поспѣшили воспользоваться уйгурскія племена, утвердившія свое господство надъ всею Монголіей въ 764 году [5]).

---

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», т. I, стр. 326 и 329. St. Julien «Documents historiques sur les Tou-kioue» въ «Journal Asiatique», 1864, IV, стр. 420 и 427.

[2]) «Басими» — одно изъ тюркскихъ поколѣній. Аристовъ видитъ въ нихъ предковъ аргыновъ («Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ народностей», стр. 91, въ «Живой Старинѣ», 1896 г., вып. III и IV). Объ этомъ племени говорится и въ орхонскихъ надписяхъ (Радловъ и Меліорансκій, ib., стр. 25; Thomsen, ib., стр. 123).

[3]) Хи, повидимому, тождественные съ татаби орхонскихъ надписей, были народомъ тюркскаго племени (Аристовъ, op. cit., стр. 20 и 21).

[4]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 333 и 465. De Mailla, op. cit., VI, стр. 208. St. Julien «Docum. hist. sur les Tou-kioue» въ «Journal Asiat.», 1864, IV, стр. 461 и 466. Въ это время и даже позднѣе, а именно около 730 г., тукіэская держава имѣла свои прежнія границы, что видно изъ слѣдующихъ словъ орхонской надписи: «En avant (т. е. на востокъ) j'ai fait des expéditions jusqu'à la plaine de Chantoung (Шань-дунъ), mais je n'ai nullement touché à la mer; à droite (т. е. на югъ) j'ai fait des expéditions jusqu'aux Togouz-Ersins (не Эцзинъ-ли?), mais je n'ai nullement touché au Thibet; en arrière (т. е. на западъ) j'ai fait les expéditions au-delà de la rivière des Perles (Зеравшанъ), jusqu'à la Porte de Fer; à gauche (т. е. къ сѣверу) j'ai fait des expéditions jusqu'au pays des Yér-Bayirkou» (Thomsen полагаетъ, что это тэлэскій родъ Poat-i-kou. См. стр. 72 и 167). Радловъ и Меліорансκій переводятъ это мѣсто орхонской надписи немного иначе: «Я ходилъ весьма далеко впередъ до равнины Шандунгской (Шаньдун'ской), немного не дошелъ до моря, на югъ я ходилъ до Токузъ-Эрсена, немного не дошелъ до Тибета, на западъ, переправясь черезъ рѣку Йенчу, я доходилъ до Темиръ-капыга, на сѣверъ я доходилъ до страны Йеръ-Байырку» (стр. 38).

[5]) Уйгуры сокрушили тукіэскую державу, но тукіэсцы, какъ народъ, продолжали существовать еще въ теченіе двухъ столѣтій. Ихъ посольства приходили въ Китай въ 926, 928, 931 и 941 гг. Съ этого времени «les Tou-kioue étaient devenus extrêmement faibles; d'ailleurs ils ne venaient que rarement à la capitale. C'est pourquoi les noms de leurs princes ont échappé aux historiens, et il n'a plus été possible de les consigner dans les Annales de l'empire» (St. Julien «Docum. histor., etc.», въ «Journal Asiat.», 1864, IV, стр. 476—477).

ГЛАВА II.

Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи.

(Продолженіе).

Въ исторіи народовъ Средней Азіи гаогюйцы играли фатальную роль. Ихъ имя неразрывно связано съ паденіемъ кочевыхъ государствъ, могуществу коихъ они наносили первый, а иногда и послѣдній ударъ. Но побѣдой своей они успѣвали пользоваться лишь на самое короткое время. Ихъ поколѣнія, разбросанныя на огромномъ пространствѣ Гобійской пустыни отъ Тарбагатая до Яблоноваго хребта и на югъ до Нань-шаня, не были связаны общими интересами; каждое же въ отдѣльности было не столь многочисленно, чтобы впитать въ себя огромное наслѣдіе побѣжденнаго. Вотъ почему имъ доводилось всегда уступать свое мѣсто другимъ, болѣе сплоченнымъ, народамъ, которые, нерѣдко съ ихъ же помощью, по мѣткому выраженію китайскаго историка — геройствуя ихъ силами, выполняли выпадавшую на ихъ долю задачу объединенія разноплеменныхъ кочевыхъ массъ.

Въ 628 г. уйгуръ Пуса Яоши, имѣя въ своемъ распоряженіи только 5 тысячъ человѣкъ, нанесъ самому могущественному изъ тукіэскихъ хановъ—Цзѣли жестокое пораженіе при горѣ Ма-цзунь-шань [1]), послѣ чего «преслѣдовалъ его стотысячную армію до Небесныхъ горъ и великое множество людей полонилъ». «Слава о немъ потрясла сѣверныя страны», говоритъ далѣе китайская лѣтопись; и тѣмъ не менѣе, даже въ союзѣ съ другимъ сильнымъ гаогюйскимъ поколѣніемъ Сѣянто, уйгуры не могли образовать чего либо прочнаго, и государство ихъ, простиравшееся на всю Халху,

---

[1]) Высочайшая изъ горъ въ Бэй-шанѣ. Мѣстное ея названіе Экё (ихе) Маджинъ-сянь. О ней см. выше, стр. 18.

пало въ 646 году [1]) отъ внутреннихъ неурядицъ: родовичи одиннадцати гаогюйскихъ поколѣній не вынесли гегемоніи сѣянтосцевъ и добровольно подчинились Китаю.

Такимъ образомъ, до половины VIII вѣка исторія Средней Азіи часто упоминаетъ о гаогюйцахъ, но видную роль отводитъ имъ лишь, начиная съ 745 г. [2]), когда, наконецъ, народъ этотъ, подъ именемъ уйгуровъ [3]), образовалъ могущественное государство, просуществовавшее до 844 г., т. е. ровно столѣтіе.

Когда ханъ Мочжо усилился, уйгуры трехъ поколѣній принуждены были покинуть свои земли въ Халхѣ и откочевать къ югу, въ Бэй-шань [4]). Здѣсь они оставались до паденія тукіэской державы, вызваннаго ихъ же дружнымъ натискомъ въ союзѣ съ басими и гэлолу, т. е. карлыками [5]), послѣ чего возвратились на сѣверъ,

---

[1]) Въ «Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи», I, стр. 375, событіе это ошибочно отнесено къ 630 г. De Mailla, op. cit., VI, стр. 114. Gaubil, op. cit., стр. 459.

[2]) Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 384; de Mailla, VI, стр. 229.

[3]) Въ китайской исторіи племенное прозваніе уйгуровъ мѣнялось неоднократно. Въ эпоху «чжань-го» (брани царствъ) сѣверную часть нынѣшней провинціи Ганьсу населяло племя «чиди» (красные сѣверные кочевые). Это и были, по утвержденію китайскихъ историковъ, предки уйгуровъ. Въ III вѣкѣ до Р. Хр. они были вытѣснены отсюда на сѣверъ, въ Бэй-шань, послѣ чего, подъ именемъ «дили» или «динлинъ» (не ошибка ли это китайскихъ лѣтописцевъ?) мало по малу распространились по всей западной Халхѣ и южной Сибири. Въ IV вѣкѣ нашей эры они стали извѣстны у китайскихъ историковъ подъ именемъ чилесцевъ (тэлэсцевъ) или гаогюйцевъ (о нихъ см. выше). Наименованіе уйгуръ народъ этотъ получилъ отъ одного поколѣнія, именовавшагося первоначально «юаньгэ» и только въ концѣ VI вѣка ставшаго извѣстнымъ подъ именемъ «уху», «угэ» или «вэйгэ», т. е. уйгуръ. Подробный разборъ происхожденія этого слова см. въ статьѣ Радлова — «Къ вопросу объ уйгурахъ»; у Аристова (op. cit., стр. 19—21, отд. оттискъ изъ «Живой Старины» за 1896 г.) и у Банзарова (V прибавленіе къ «Шейбаніадѣ», пер. Березина).

[4]) Они осѣли въ долинѣ р. Эцзинь-голи и по р. Булунзиру.

[5]) Сообщаемъ слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ карлыкахъ, заимствованныя изъ китайскихъ источниковъ:

Карлыки — вѣтвь народа тукіэ, кочевали къ сѣверо-западу отъ Бэй-тина, къ западу отъ Алтайскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ р. Бугу-чжень (Чернаго Иртыша?). Подраздѣлялись на три рода. Съ востока и запада земли ихъ граничили съ землями тукіэ, что ставило ихъ часто въ зависимость отъ сихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи подались на югъ, причемъ ихъ глава, носившій титулъ ту-ту, измѣнилъ его и сталъ называться «шеху трехъ родовъ». Войска ихъ были сильны, да и самый народъ былъ всегда склоненъ къ войнѣ, вслѣдствіе чего ихъ боялись другіе народы, въ особенности западные тукіэ. При возвышеніи уйгуровъ, часть ихъ поддалась симъ послѣднимъ, часть же осталась независимой; эти послѣдніе кочевали между Бэй-тиномъ и Алтаемъ. Въ 756 году карлыки замѣтно усилились и овладѣли бассейномъ р. Или. См. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 2, стр. 437—438. Thomsen «Inscriptions de l'Orkhon», стр. 71—72 (прим. 3).

По свидѣтельству Истархи, харлухи жили къ западу отъ тагазгасовъ (токусъ-огузовъ) и къ востоку отъ гузовъ, кочевья коихъ простирались между Каспіемъ и Сихуномъ (Сыръ-дарьей). См. Bretschneider, op. cit., II, стр. 39.

Въ началѣ XI ст. (въ 383 г. геджры) карлыки овладѣли всѣмъ Туркестаномъ, гдѣ и основали династію, извѣстную въ исторической литературѣ подъ именемъ Караханидской (Названіе это впервые введено въ исторію В. Григорьевымъ. См. его «Караханиды въ Мавераннагрѣ по Тарихи-Мунедджимъ-баши», въ «Трудахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.», XVII), Илекской (у

гдѣ и положили основаніе, вкупѣ съ другими поколѣніями, уйгурскому царству, простиравшемуся первоначально отъ Прибалхашскихъ степей до бассейна р. Кэрулена.

Въ 755 г. Ань-Лушань, хунъ родомъ, поднялъ возстаніе въ Китаѣ и, овладѣвъ обѣими столицами государства [1]), объявилъ себя императоромъ. Тогда императоръ Су-цзунъ прибѣгнулъ къ крайней, единственно оставшейся еще въ его распоряженіи, мѣрѣ: онъ обратился за помощью къ иноземцамъ. И помощь эта была ему охотно оказана. Отозвались даже дашисцы [2]). Хотанъ прислалъ пятитысячный корпусъ, уйгурскій ханъ цѣлое войско. При помощи этихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ 757 г. обѣ столицы были взяты обратно; но побѣда эта досталась тяжелой цѣной императору: онъ вынужденъ былъ выдать свою дочь за уйгурскаго хана и обязался вносить ему ежегодно по 200 тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей. Этимъ униженіемъ императорскаго достоинства дѣло однако не ограничилось. Взявши Ло-янъ, уйгуры предали его разграбленію [3]) и покинули не раньше, какъ получивши условный выкупъ—10 тысячъ кусковъ шелковыхъ тканей. Вся имперія была разорена, и ея рессурсы были настолько истощены, что она оказалась не въ силахъ помѣшать наступленію на Ло-янъ новаго мятежника, Ши-чао-и. Когда столица была имъ взята, императоръ вновь обратился за помощью къ уйгурамъ (въ 762 г.). Послѣдніе и на этотъ разъ согласились выставить вспомогательный корпусъ, но предварительно

нумизматовъ-оріенталистовъ — Thornberg'a, Dorn'a и др.) и Ильханидской (у арабскихъ лѣтописцевъ—Ибнъ-эль-Эсира и Ибнъ-Хальдуна). Френъ считалъ эту династію уйгурской — ошибка, которую впервые доказалъ Григорьевъ (см. «Вост. или Кит. Туркестанъ», стр. 283—286). Первоначально столицей этихъ хановъ была Бухара, затѣмъ Самаркандъ. Первый ударъ нанесъ Караханидамъ Ѣлюй-Даши, который, хотя и овладѣлъ Мавераннагромъ, но не уничтожилъ царствовавшей тамъ династіи карлыкскихъ хановъ; она продержалась въ Самаркандѣ до начала XIII столѣтія (612 г. геджры), когда хорезмскій шахъ Алла эд-Динъ Махоммедъ взялъ приступомъ этотъ городъ и казнилъ послѣдняго ильхана Османа. Мунедджимъ-баши пишетъ: «Коренными владѣніями хакановъ туркестанскихъ (т. е. Караханидовъ) были города: Баласагунъ (лежалъ въ Чуйской долинѣ. См. Бартольдъ «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью», стр. 32—40), Кашгаръ или Ордукентъ, Хотанъ, Карокорумъ (?), Таразъ, Фарабъ (позднѣе — Отраръ) — всѣ три города важные; что касается Мавераннагра, то о немъ уже говорилось» («Труды Вост. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ.», XVII, стр. 105).

Ѣлюй-Даши покорилъ своей власти и кочевыхъ карлыковъ. Ихъ князь Арсланъ добровольно подчинился Чингисъ-хану.

[1]) Эти столицы были Чанъ-ань и Ло-янъ, близь Хэ-нань-фу.

[2]) Судя по описанію ихъ внѣшняго вида, это были таджики. Сомнительно, чтобы арабы могли рѣшиться отправить вспомогательный корпусъ такъ далеко на востокъ. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 384, и слѣд.; Gaubil — «Mémoires concernant les Chinois, XVI, стр. 67, 71; de Mailla, op. cit., VI, стр. 261, 264.

[3]) У de Mailla, op. cit., VI, стр. 268 — 269, говорится, что уйгуры разграбили Ло-янъ, получивъ на это разрѣшеніе императора.

потребовали, чтобы наслѣдникъ престола, стоявшій во главѣ посольства, преклонился предъ ханомъ; когда же китайскіе сановники, находившіеся въ свитѣ, вздумали воспрепятствовать этому, то были схвачены и побиты плетьми. Подобнаго безчестія еще ни разу не испытывала имперія. Тѣмъ не менѣе, китайцы принуждены были принять помощь уйгуровъ, которые съ успѣхомъ исполнили свою миссію, но при этомъ, по словамъ китайской лѣтописи, «кровь лилась на протяженіи 2000 ли пространства», и война сопровождалась такими неслыханными жестокостями, о которыхъ краснорѣчивѣе всего говоритъ нижеслѣдующій фактъ: въ 754 г. населеніе имперіи исчислялось въ 53 милл. душъ обоего пола, а въ 764 г., послѣ того, какъ голова Ши-чао-и была вывѣшена въ клѣткѣ, всего лишь въ 17 милліоновъ! «Въ селеніяхъ не осталось ни одной цѣлой хижины», добавляетъ при этомъ таже лѣтопись, «и жители вмѣсто одѣянія прикрывались листами бумаги!» [1]). Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ въ западные предѣлы имперіи вступили туфаньцы и почти безъ сопротивленія заняли области Хэси и Лунъ-ю (въ 763 г.) [2]).

Въ 764 г. возсталъ талантливѣйшій изъ китайскихъ полководцевъ, уйгуръ родомъ, князь Пугу Хуай-энь, успѣвшій многократно доказать свою беззавѣтную храбрость и вѣрность престолу, потерявшій въ войнахъ съ врагами имперіи 46 человѣкъ своихъ родственниковъ и не задумавшійся казнить своего родного сына за то только, что тотъ предпочелъ плѣнъ—смерти въ бою. Въ возстаніи онъ искалъ спасенія отъ неминуемо ожидавшей его казни по навѣтамъ евнуха.

Хуай-энь вступилъ въ соглашеніе съ уйгурами и туфаньцами, но вскорѣ послѣ того, какъ союзники вторглись въ предѣлы Китая, скоропостижно скончался. Смерть эта создала натянутыя отношенія между уйгурами и туфаньцами, разрѣшившіяся переходомъ уйгуровъ на сторону китайцевъ и открытіемъ военныхъ дѣйствій между обоими кочевыми народами.

Туфаньцы были изгнаны изъ Китая, но война съ ними не прекращалась до 781 г., когда утомившіеся противники рѣшили, наконецъ, заключить договоръ, въ основаніи коего легли нѣкоторыя территоріальныя уступки, сдѣланныя китайцами, и согласіе послѣднихъ на признаніе Тибета равной съ Китаемъ державой.

Въ 784 г. туфаньцы были вызваны въ Китай на помощь противъ мятежника Чжу-цы; когда же Чжу-цы былъ схваченъ и каз-

[1]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 398.
[2]) «Ист. Тибета и Хухунора», I, стр. 176.

ненъ, туфаньцамъ предложено было удалиться изъ предѣловъ Китая, при чемъ, вопреки условію, имъ не сдѣлано было никакой земельной прирѣзки. Это обстоятельство послужило поводомъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій на западной границѣ имперіи, прекратившихся лишь въ 822 году.

Въ 788 г., тѣснимые туфаньцами, китайцы заключили съ уйгурами оборонительный союзъ, но онъ не принесъ существенной пользы имперіи.

Къ этому времени оффиціально Западный край все еще находился подъ властью Китая [1]), такъ какъ въ городахъ Ань-си (Кучѣ), Бэй-тинѣ и Си-чжоу, начиная съ 755 г. отрѣзанныхъ отъ Китая, все еще продолжали какимъ-то чудомъ стоять китайскіе гарнизоны; фактически же онъ давно уже принадлежалъ: къ сѣверу отъ Тянь-шаня — уйгурамъ, къ югу — тибетцамъ, что можно заключить изъ нижеслѣдующихъ указаній китайской лѣтописи: во-первыхъ, шатосцы [2]), кочевавшіе въ окрестностяхъ Бэй-тина, хотя и имѣли опору въ этомъ городѣ [3]), тѣмъ не менѣе, считались данниками уйгуровъ; и, во-вторыхъ, поколѣнія Гэлу и другія, подвластныя также уйгурамъ и кочевавшія, вѣроятно, гдѣ-либо по сосѣдству, такъ какъ въ свое время явились пособниками тибетцевъ при взятіи Бэй-тина, «тайно преданы были тибетцамъ» [4]), что не могло бы случиться, если бы послѣдніе не господствовали въ это время въ Притяньшаньѣ; да, наконецъ, и по ходу событій нельзя предположить ничего другого. Если же въ китайскихъ лѣтописяхъ

---

[1]) О томъ, какъ китайцы распоряжались въ Восточномъ Туркестанѣ въ VII и въ началѣ VIII в. см. Григорьева «Восточный Туркестанъ», стр. 170 и слѣд.

[2]) Шатосцы, одно изъ тюркскихъ чуйскихъ (чуюе) племенъ, раньше кочевало къ югу отъ горъ Инсо, на сѣверной окраинѣ песчаной пустыни Шато, отъ которой и получило свое названіе. Инсо — это, безъ сомнѣнія, горы Джайръ (Ср. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», IV, стр. 36, съ картой, приложенной имъ же къ «Запискамъ о Монголіи»), пески же Шато — пески Заосты-Элисунъ. На картѣ, приложенной къ «Собр. св.», кочевья Шато показаны къ югу отъ Джаира.

[3]) Съ распаденіемъ тукіэской державы въ Джунгаріи продолжали кочевать тукіэсцы, главнымъ образомъ, чуйскаго племени: чуюэ (остатки коихъ сохранились и до сихъ поръ въ отдѣленіи чуэ между найманами рода садыръ, въ Лепсинскомъ уѣздѣ, въ урочищѣ Тантекъ-су), чуми (чумекей — родъ малой орды казаковъ), дулу (нынѣшніе дулаты) и шато. Шато первоначально жили западнѣе другихъ чуйскихъ родовъ, а именно, какъ сказано выше, у горъ Инсо; впослѣдствіи же, т. е. въ самомъ началѣ VIII в., изъ опасенія тибетцевъ, они прикочевали ближе къ Бэй-тину, подъ защиту его стѣнъ (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 454). Я думаю, однако, что не одна боязнь тибетцевъ побудила ихъ расположиться кочевьями ближе къ Бэй-тину, но и другое болѣе важное обстоятельство: дѣло въ томъ, что ихъ главарямъ наслѣдственно ввѣрялось китайцами управленіе Гиньманьскимъ (Цзиньманьскимъ) округомъ; ясное дѣло, что эти послѣдніе не могли не перевести ближе къ себѣ и все шатоское поколѣніе. О чуйскихъ племенахъ см. Аристова, op. cit., стр. 78.

[4]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 412.

*

мы не находимъ къ этому прямыхъ указаній, то объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (755—785 г.г.) китайцы не получали извѣстій изъ Восточнаго Туркестана. По этому поводу нельзя не указать на примѣръ Дунь-хуана (Шачжоу), который, будучи окруженъ туфаньскими владѣніями съ 755 г., палъ лишь въ 819 г. и то послѣ 11-ти-лѣтней осады! Нѣчто подобное могло случиться и съ городами Ань-си, Бэй-тиномъ и Си-чжоу. Впрочемъ, Бэй-тинъ завоеванъ былъ туфаньцами въ 790 г. [1]). Въ томъ же году шатосцы выведены были на востокъ и поселены въ Бэй-шанѣ, къ сѣверу отъ города Ганьчжоу [2]).

Подъ Бэй-тиномъ туфаньцы столкнулись съ уйгурами и нанесли имъ полное пораженіе. Такимъ образомъ между обоими государствами возгорѣлась война, различные фазисы которой намъ, однако, мало извѣстны. Она окончилась въ пользу уйгуровъ, которые не только обратно взяли Бэй-тинъ, но и отвоевали у туфаньцевъ округъ Лянъ-чжоу (въ 808 г.). Этимъ-то моментомъ и воспользовались шатосцы, рѣшившіеся бѣжать на востокъ; на пути туда они были, однако, настигнуты и частью перебиты погнавшимися за ними туфаньцами [3]).

Въ 839 г. среди уйгурскихъ родовичей начались междоусобія, которыя, въ соединеніи съ посѣтившими тогда Монголію бѣдствіями: засухой и порожденными ею—голодомъ, сильнымъ падежомъ скота и моровой язвой, быстро привели уйгурское ханство къ паденію. Въ 840 г. хагясы [4]), уже въ теченіе двадцати лѣтъ съ успѣхомъ

---

[1]) De Mailla, op. cit., VI, стр. 354. На стр. 229 перваго тома событіе это, согласно съ Іакинфомъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 455, отнесено къ 794 году. Дегинь (op. cit., II, стр. 23), въ свою очередь, помѣчаетъ это событіе 791 годомъ. О роли, какую при этомъ играли уйгуры, см. тамъ же.

Что же насается Си-чжоу, то городъ этотъ, вѣроятно, завоеванъ былъ позднѣе. Въ 861 г. Пугу-Цзунь отнялъ его уже у тибетцевъ. О семъ см. ниже.

[2]) «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 455.

[3]) Нѣкоторой части народа удалось, впрочемъ, добраться до границъ Китая, гдѣ они и были разселены къ сѣверу отъ горъ Инь-шань (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 456). Впослѣдствіи одинъ изъ шатоскихъ князей овладѣлъ императорскимъ престоломъ въ Китаѣ, основавъ династію Хэу-цзинь (937—947). De Mailla, op. cit., VII, стр. 319—384. Эта династія была свергнута шатосцемъ же Лю-чжи-юанемъ, давшимъ своей династіи наименованіе Хэу-хань (947—951). De Mailla, ib., стр. 385—422.

[4]) Предки нынѣшнихъ киргизъ. Жили въ горахъ бассейна верхняго Енисея. Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. 129) ошибочно пишетъ: «Ils (Hakas) avaient alors leur principal campement au nord de Yan-khy, ou Kharachar, et des monts Célestes».

Впервые имя «киргизъ» стало извѣстно въ Европѣ во второй половинѣ VI вѣка. «Ce fut là (на р. Таласѣ) que Dizaboul donna au préfet romain (византійскому послу Зимарху) son audience de congé et lui fit présent d'un esclave de la nation des Kherkhiz» (Klaproth, op. cit., стр. 117).

боровшіеся со своими поработителями — уйгурами [1]), нанесли имъ жестокое пораженіе и, благодаря измѣнѣ одного изъ уйгурскихъ старшинъ, овладѣли Кара-Корумомъ. Послѣ этого пятнадцать уйгурскихъ аймаковъ бѣжало въ Тарбагатайскія горы, нѣкоторые спаслись въ долинахъ Тянь-шаня и Бэй-шаня, 13 же родовъ ханскаго аймака, провозгласившіе своимъ ханомъ нѣкоего Уцзѣ-дэлэ, откочевало къ Великой стѣнѣ, гдѣ и заняло своими кочевьями мѣстность къ востоку отъ Гуй-хуа-чэна. Эта часть племени вся погибла или разсѣялась, преслѣдуемая съ одной стороны китайцами, не хотѣвшими допустить кочевниковъ селиться въ предѣлахъ имперіи, съ другой же — хагясами. Что же касается до уйгуровъ, бѣжавшихъ въ Тарбагатай, то они вскорѣ оправились отъ пораженія и, двинувшись на востокъ, безъ труда вернули себѣ всю южную Джунгарію, Бэй-шань и западную половину Хэси, чѣмъ и положили основаніе новому уйгурскому ханству.

Въ это время Туфань также переживала тревожную эпоху. Ее раздирали смуты, которыя къ пятидесятымъ годамъ IX столѣтія довели страну до такого истощенія силъ, что отпаденіе отъ нея прежнихъ китайскихъ областей: Лунъ-ю, Лань-чжоу и другихъ, совершилось само-собой. Въ 861 г. уйгурскій старшина Пугу-Цзунь, кочевавшій въ южной Джунгаріи, отнялъ у туфаньцевъ Турфанъ и Хами (Си-чжоу и И-чжоу) и, объединивъ подъ своею властью всю область Хэнти [2]), объявилъ себя ханомъ. Въ этомъ достоинствѣ онъ былъ утвержденъ китайскимъ правительствомъ въ 874 году [3]). Такимъ образомъ было положено основаніе новому госу-

---

По переводу Дестуниса («Византійскіе историки», стр. 379) это мѣсто у историка Менандра слѣдуетъ читать такъ: «Зимарха почтилъ онъ (Дизавулъ) плѣнницею; она была изъ народа такъ называемыхъ херхисовъ (Χέρχις)»; причемъ и самый фактъ этотъ имѣлъ мѣсто не на р. Таласѣ, а въ хаканской ставкѣ, въ горахъ Эктагъ (въ Алтаѣ?).

Оно упоминается также и въ орхонскихъ надписяхъ (см. Thomsen, op. cit., стр. 98 и 140).

[1]) Хагясы были покорены уйгурами въ 758 г.

[2]) Въ китайской лѣтописи («Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 424) сказано «Пугу-Цзунь изъ Бэй-тина напалъ на тибетцевъ, убилъ Лунь Шанжо и взялъ у нихъ Си-чжоу и Лунь-тай». Іакинфъ полагаетъ, что Лунь-тай, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Бугуръ, лежащій къ западу отъ Карашара. Но такъ какъ о Луньтаѣ-Бугурѣ уже въ теченіе многихъ вѣковъ китайскіе лѣтописцы вовсе не упоминали, да къ тому же, со времени разрушенія его Ли-гуанъ-ли, онъ потерялъ всякое значеніе, то я думаю, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ Лунь-таѣ, развалины коего найдены были нами къ западу отъ Джимысара (См. I томъ, стр. 121, 176 и 225).

Кстати исправлю ошибку: Лунь-тай неправильно писался мною въ I томѣ въ словѣ Лунь черезъ твердый знакъ — Лунъ-тай.

[3]) Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что въ это время Уйгурія стояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китаю.

дарству въ Притяньшаньскихъ земляхъ—впослѣдствіи столь извѣстной уйгурской державѣ [1]).

Во второй половинѣ IX вѣка стали замѣтно усиливаться тангуты, извѣстные подъ именемъ дансяновъ. Первоначально они жили въ Амдо (Си-чжи), въ горахъ, водораздѣльныхъ между бассейнами рѣкъ Янъ-Цзы и Хуанъ-хэ. Когда же страной этой овладѣли тибетцы (въ 660 г.), то дансяны (поколеніе Тоба [2]) выселились въ предѣлы Китая, въ область Цинъ-янъ-фу (въ провинціи Ганьсу), а затѣмъ и еще далѣе къ сѣверу, занявъ постепенно всю территорію до Великой стѣны. До половины VIII вѣка китайская исторія о дансянахъ почти вовсе не упоминаетъ, но съ этого времени начались ихъ безпрестанные набѣги на окрѣстныя китайскія поселенія. Въ 762 г. они даже разграбили предмѣстье Чанъ-ани, а годомъ позднѣе, въ составѣ войскъ Пугу-хуай-эня, доходили до стѣнъ Фынъ-сянъ-фу. Съ этихъ поръ, безпрестанно воюя и то вступая въ союзъ съ тибетцами противъ Китая, то снова заискивая у императоровъ, дансяны множились, богатѣли и, наконецъ, овладѣвъ городомъ Ся-чжоу (въ 873 г.), почувствовали себя достаточно сильными, чтобы основать государство, получившее у китайцевъ названіе Ся-го или царства Ся.

---

[1]) Историческія судьбы этого государства изложены въ I томѣ, стр. 230—232, 456 и слѣд. Къ тѣмъ фактамъ, которые тамъ сообщаются, не лишне будетъ, впрочемъ, присовокупить, что, когда китайскій посолъ Ванъ-Янь-дэ въ 981 г. проѣзжалъ черезъ Хами, то онъ засталъ тамъ правителемъ прямого потомка въ десятомъ колѣнѣ того лица, которое въ 714 г. было утверждено китайскимъ правительствомъ въ должности намѣстника. Такимъ образомъ, несмотря на то, что за протекшій огромный промежутокъ времени Хамійское княжество не разъ мѣняло своихъ сюзереновъ, династія туземныхъ правителей успѣла неизмѣнно въ немъ удержаться. Stanislas Julien — «Les Oïgours» (въ «Journal Asiatique», 1847, IX, стр. 52—53).

Говоря о границахъ Уйгуріи, Ванъ-Янь-дэ пишетъ, что на западъ территорія этого государства простирается до страны Аси (ib., стр. 64). Въ дѣйствительности, это едва ли было такъ — асы-аланы жили въ это время къ западу отъ Волги и Каспійскаго моря, а такъ далеко къ западу границы Уйгуріи простираться не могли. Объ аланахъ, которые были извѣстны китайцамъ еще до начала нашей эры (у Іакинфа «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 121, читаемъ: «владѣніе Яньцай (находившееся при старшихъ Ханяхъ, какъ кажется, въ нынѣшней Тургайской области) переименовалось въ Аланья»; мнѣ думается, что это слѣдуетъ такъ понимать, что Яньцай было завоевано аланами), можно найти нужныя свѣдѣнія у Neumann'a («Die Völker des südl. Russlands», etc., гл. 2), Bretscheider'a (op. cit., II, 84—90), Klaproth'a («Asia Polyglotta», стр. 85—97), въ «Живой Старинѣ» (1894, вып. I), etc.

Любопытное указаніе на существованіе прямыхъ торговыхъ сношеній между Уйгуріей и Тибетомъ находимъ мы у de Mailla (op. cit., VIII, стр. 203).

[2]) Тоба — сяньбійскій родъ, правившій сѣвернымъ Китаемъ подъ именемъ династіи Бэй-Вэй съ 386 до 557 г. Что тангутскіе князья, основавшіе впослѣдствіи царство Ся-го, были потомками, хотя, можетъ быть, и не въ прямой линіи, китайскихъ императоровъ этой династіи, видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ письма тангутскаго царя Юань-хао: «Предки мои происходятъ отъ императорской отрасли и еще при концѣ дома Цзинь положили первое основаніе дому Вэй» («Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 28).

Основатель этого царства Тоба-сы-гунъ былъ возведенъ императоромъ въ княжеское достоинство въ 883 г. и хотя фактически онъ уже владѣлъ обширными землями въ Шэнь-си, тѣмъ не менѣе, все же не безъ значенія для него остался фактъ оффиціальнаго признанія за нимъ и его потомствомъ наслѣдственныхъ правъ на удѣлъ Ся. Сверхъ того онъ былъ награжденъ высшимъ придворнымъ чиномъ, удостоенъ фамиліи Ли и сдѣланъ правителемъ пяти областей. Столь безпримѣрныя награды получилъ онъ за услуги, оказанныя имъ въ войнѣ съ отважнымъ мятежникомъ Хуанъ-чао, успѣвшимъ уже тогда овладѣть обѣими столицами имперіи. Подобнымъ же образомъ награжденъ былъ и шатоскій князь Ли-кэ-юнъ, получившій въ удѣлъ область Тай-юань, въ провинціи Шань-си.

Первыя серьезныя недоразумѣнія между тангутами и китайцами возникли только столѣтіе спустя, а именно, въ исходѣ X вѣка, когда одинъ изъ тангутскихъ родовичей, по имени Тоба-цзи-цзянь, бѣжалъ въ Ордосскія степи, откуда и сталъ производить набѣги на предѣлы Китая. Всѣ попытки усмирить его не привели ни къ чему, и въ 998 г. китайцы вынуждены были, наконецъ, возвратить ему незадолго передъ тѣмъ, путемъ мирнаго соглашенія, вновь присоединенныя къ имперіи области, входившія въ составъ земель удѣла Ся.

Въ 1001 и 1002 годахъ Тоба-цзи-цзянъ послѣдовательно овладѣлъ городами Нинъ-ся и Линъ-чжоу и, поселившись въ послѣднемъ, сдѣлалъ его столицей Ся-го [1]).

При сынѣ его столица перенесена была въ Нинъ-ся, при внукѣ значительно расширены предѣлы самаго государства и отнятъ у уйгуровъ городъ Гань-чжоу (въ 1028 г.) [2]). Въ 1035 г. тангуты

---

[1]) Къ этому же времени относятся и первыя столкновенія тангутовъ съ ганьчжоускими уйгурами (De Mailla, VIII, стр. 141). Васильевъ («Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка», стр. 86) совершенно справедливо замѣчаетъ о царствѣ Ся, что оно составляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи. «Занимая незначительную часть земли въ Китаѣ (его владѣнія охватывали, главнымъ образомъ, Ала-шань и восточную часть Бэй-шаня. Чингисъ-ханъ овладѣлъ прежде всего Хэ-шуй-чэномъ, а затѣмъ Су-чжоу и Гань-чжоу. См. Іакинфъ «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», стр. 133), оно умѣло сохранить внутреннюю свою независимость, находясь на границахъ такихъ великихъ державъ, каковы Киданьская, Цзиньская и Сунская, и только одинъ мечъ Чингисъ-хана могъ положить ей конецъ».

Китайскій историкъ по тому же поводу пишетъ: «Ils dûrent l'indépendance dans laquelle ils se soutinrent si longtemps à l'attention qu'ils eurent toujours d'agir suivant les circonstances et de se déclarer à propos pour ou contre les Song, les Leao et les Kin; ils ne faisaient point difficulté de se dire tributaires des uns ou des autres, pourvu qu'il y allât de leur intérêt. Cette politique leur réussit, et ils ne se perdirent, que lorsqu'ils s'en écartèrent en refusant de se joindre aux Kin contre les Mongous» (De Mailla, op. cit., IX, стр. 127).

[2]) Какъ кажется, уйгуры продолжали и послѣ того владѣть большей частью Бэй-шаня, считаясь, однако, вассалами тангутовъ. Въ началѣ же XI вѣка они были еще настолько сильны,

вторглись въ предѣлы Туботскаго княжества [1]), проникли на югъ за Хуанъ-хэ, но возвратились изъ этого похода безъ видимыхъ результатовъ; зато на западѣ они отняли у тибетцевъ Су-чжоу, Ань-си и Дунь-хуанъ [2]) и, кажется, въ этомъ же году Лянъ-

---

что съумѣли отстоять себя даже въ борьбѣ съ могущественными киданями; такъ, хотя послѣдніе въ 1008 г. и полонили ихъ князя Ѣ-ла-ли, но это былъ лишь частный успѣхъ, не имѣвшій дальнѣйшихъ послѣдствій. (См. Бретшнейдеръ — «Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources», I, стр. 242—243). Засимъ кидане предпринимали противъ ганьчжоускихъ уйгуровъ походы въ 1010 и 1026 гг. Первый окончился захватомъ г. Су-чжоу, второй же не имѣлъ и такого успѣха. Эти походы В. Григорьевъ («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 276—277) объясняетъ желаніемъ киданей «усмирить» непокорныхъ вассаловъ, но въ китайскихъ лѣтописяхъ я не нахожу указаній на существованіе такихъ отношеній между киданями и уйгурами. У Visdelou («Bibliotheque orientale», Suppl., стр. 86), мы читаемъ: «Le premier jour de l'onzième lune (924) l'Empereur prit Pi-li-gho, qui était Tou-tou des Hoei-hou de Kan-tcheou. Il prit de là occasion d'envoyer des Députés à leur Khan, nommé Ou-mou-tchu». И затѣмъ: «Ils lui (т. е. посланные императоромъ киданьскимъ Абаоки хану уйгурскому Умучу) portérent une lettre conçue, à peu près, en ces termes: «Pensez-vous encore à votre ancien pays (т. е. о долинѣ Орхона). Si vous y pensez, moi, Empereur, je veux vous la rendre; que si vous ne pouvez venir le reprendre de mes mains, je le retiendrai. C'est la même chose qu'il soit entre les votres ou entre les miennes» (стр. 11). На такое приглашеніе Умучъ-ханъ далъ нижеслѣдующій отвѣтъ: «Уже десять поколѣній смѣнилось послѣ того, какъ уйгуры, покинувъ свою родину, кочуютъ въ предѣлахъ Китая. Они довольны тѣмъ, что имѣютъ, и не стремятся отсюда на сѣверъ. А потому и я, съ своей стороны, не могу согласиться на переходъ въ долину Орхона». Эта переписка вполнѣ устанавливаетъ тотъ фактъ, что уйгуры не были покорены Амбагянемъ (Абаоки), основателемъ Киданьскаго царства; не были они покорены и позднѣе, такъ какъ лѣтописи Киданьскаго дома не упоминаютъ о какихъ либо войнахъ между уйгурами и киданями въ промежуткѣ времени между 924 и 1008 годами.

То же почти разсказываетъ и Дегинь (op. cit., II, стр. 30—31), относящій, однако, занятіе тангутами городовъ Су-чжоу, Ша-чжоу и Гуа-чжоу къ позднѣйшему времени, а именно, къ 1036 году. У того же Дегиня мы встрѣчаемъ интересное указаніе, свидѣтельствующее, что шачжоу'скіе (Cha-tcheou) уйгуры сохранили нѣкоторую самостоятельность до 1257 г.; не есть ли это, однако, ошибка? Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь о турфанскихъ (си-чжоу'скихъ) уйгурахъ?

De Mailla даетъ болѣе правильное объясненіе похода киданей противъ уйгуровъ въ 1026 г.: «Les Tartares Khitan, qui commençaient à se défier de Tchao-té-ming (Тоба-Дэ-минъ, сынъ Тоба-Цзи-цзяня), évitèrent de lui donner aucun prétexte de se plaindre d'eux, mais ils résolurent de l'enfermer entre leurs états en faisant la conquête du pays des Hoeï-ho, et ils allèrent mettre le siège devant la ville de Kan-tcheou» (op. cit., VIII, стр. 188—189). Но этотъ планъ былъ своевременно разгаданъ тангутами, которые и прогнали киданей изъ подъ стѣнъ этого города. Засимъ Тоба-Дэ-минъ «résolut d'enlever lui-même Kan-tcheou aux Hoeï-ho et d'annexer cette ville à ses états».

[1]) Въ исходѣ IX вѣка огромное Тибетское царство безъ какого либо толчка извнѣ распалось на части. Не только каждая изъ входившихъ нѣкогда въ его составъ народностей добилась самостоятельнаго управленія, но даже въ предѣлахъ сихъ послѣднихъ явились независимые владѣтели, къ которымъ ближе всего подходитъ титулъ князьковъ. Одинъ изъ такихъ князьковъ, потомокъ тибетскихъ царей, по имени Цинань-кябу (Госыло), собралъ окрестныя поколѣнія, кочевавшія между сѣверной цѣпью Нань-шаньскихъ горъ и р. Хуань-хэ, и основалъ, въ началѣ XI вѣка, княжество, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Туботскаго.

[2]) «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 26. De Mailla, op. cit., VIII, стр. 201. У Бретшнейдера (op. cit., стр. 243) мы читаемъ однако: «In 1028, the Hia, or Tanguts, who had founded a powerful empire in the present Ordos, attacked the Hui-hu, and succeeded in annexing to their dominions Kan-chou (Гань-чжоу), Kua-chou (Гуа-чжоу), Su-chou (Су-чжоу), and other places belonging to the Hui-hu». Я не берусь примирить это противорѣчіе. Укажу, однако, на то обстоятельство, что проѣзжавшій въ 938 г. областью Хэси въ Хотанъ китаецъ Гао-цюй-хой нашелъ уйгуровъ лишь въ городѣ Гань-чжоу; выйдя же изъ Цзя-юй-гуаньскаго ущелья, онъ ѣхалъ уже

чжоу [1]). Въ 1036 году они овладѣли Лань-чжоу и Цзинъ-Юань-сянемъ и, такимъ образомъ, стали обладателями всей Хэси, юго-восточной части Бэй-шаня [2]), Ала-шаня, Ордоса и сѣверныхъ окраинъ губерній Гань-су и Шэнь-си. Въ это время общая численность тангутской арміи, по словамъ китайской лѣтописи, достигала 500 тысячъ человѣкъ [3]); цвѣтъ ея составляли 5-ти тысячный корпусъ гвардейской легкой кавалеріи, набранный изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшей аристократіи страны, и 3-хъ тысячный корпусъ латниковъ. Эти цифры я привожу съ умысломъ, чтобы показать какъ густо въ то время населена была страна, которая нынѣ едва прокармливаетъ ничтожное по численности китайское населеніе.

Въ 1038 г. возгорѣлась война между царствомъ Ся и Китаемъ, окончившаяся семь лѣтъ спустя мирнымъ договоромъ, по которому Китай, признавая права Ся на всѣ земли, населенныя тангу-

---

сѣверными предѣлами тибетскихъ владѣній; по крайней мѣрѣ я такъ понимаю фразу: «On cotoie les limites du pays des Tibétains» (Ab. Rémusat — «Histoire de la ville de Khotan», стр. 77). Граница тибетская могла пролегать здѣсь или по р. Су-лай-хэ, что всего вѣроятнѣе, или идти по гребню Нань-шаня, и тогда Гао-цюй-хой не вправѣ былъ выразиться такъ, какъ это передаетъ намъ Ab. Rémusat. Во всякомъ случаѣ противорѣчіе это должно быть разрѣшено въ связи съ подобнымъ же противорѣчіемъ въ китайскихъ лѣтописяхъ, относящимся ко времени занятія Бэй-шаня и Хэси уйгурами. У Бретшнейдера читаемъ: «Панъ-дэлэ (т. е. Панъ-тёрэ, что значитъ царь Панъ) основалъ государство, къ которому принадлежали округа: Ша-чжоу, Си-чжоу и Гань-чжоу» (op. cit., стр. 243). То же, въ «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», пишетъ и Іакинфъ: «Въ 847 г. Энянь-дэлэ бѣжалъ на западъ и безъ вѣсти пропалъ; между тѣмъ Панъ-дэлэ уже объявилъ себя ханомъ, жилъ въ Гань-чжоу и владѣлъ городами, лежавшими далѣе на западъ за Песчаною степью, какъ-то Лянъ-чжоу (?) и Дунь-хуанъ» (т. I, стр. 426). Въ Исторіи же Тибета и Хухунора того же Іакинфа сказано, что туфаньскій предводитель Чжанъ-и-чао сдалъ въ 851 г. города Ша-чжоу, Гуа-чжоу и др. китайцамъ (т. I, стр. 232, II, стр. 123). Нельзя ли объяснить это разногласіе тѣмъ, что свѣдѣнія о границахъ Уйгуріи въ эпоху ея основанія Іакинфъ и Бретшнейдеръ почерпнули изъ исторіи Сунской династіи? Вѣдь не подлежитъ же сомнѣнію, что Си-чжоу отнялъ у тибетцевъ не Панъ-дэлэ въ 847 г., а Пугу-цзунь въ 861 г. (см. выше). Несомнѣнно также, что и городомъ Лянъ-чжоу уйгуры никогда не владѣли (о семъ см. ниже). Наконецъ, нельзя игнорировать и слѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Въ концѣ династіи Танъ округи Гуа-чжоу и Ша-чжоу были снова отрѣзаны (тибетцами) отъ Китая. Впрочемъ, и Туфаньское царство начало приходить въ упадокъ» и т. д. (т. II, стр. 123). Ср. Васильевъ, op. cit., стр. 92. De Mailla, op. cit., VIII, стр. 17.

[1]) Въ 927 г. округомъ Лянъ-чжоу управлялъ ставленникъ тибетцевъ, китаецъ Сунь-чао. Въ исходѣ же X вѣка этотъ округъ составлялъ уже княжество Хэси-цзюнь, коимъ владѣлъ наслѣдственно тибетскій князь Юйлунбо.

[2]) Іакинфъ на приложенной ко II тому «Исторіи Тибета и Хухунора» картѣ включаетъ въ предѣлы Ся-го весь восточный, а также и центральный Бэй-шань, но на какомъ основаніи — неизвѣстно.

[3]) Такъ какъ въ Ся-го въ войско зачислялись: одинъ изъ двухъ, два изъ четырехъ мужчинъ, достигавшихъ опредѣленнаго возраста, то, руководствуясь этими данными, можно опредѣлить, конечно лишь весьма приблизительно, общую численность населенія этого царства въ 4 мил. душъ обоего пола. Впрочемъ, у de Mailla (op. cit., VIII, стр. 201) общая численность тангутскихъ войскъ показана въ полтораста тысячъ человѣкъ.

тами, въ то же время обязывался выплачивать ему ежегодную дань въ размѣрѣ 250 тысячъ ланъ. Въ томъ же 1044 г. тангуты успѣшно отразили киданей, которые въ эту эпоху были наверху своей славы и могущества [1]). Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о внутренней мощи тангутскаго царства, занимавшаго, въ большей своей части, одни изъ самыхъ безплодныхъ участковъ Гобійской пустыни.

Дальнѣйшая исторія царства Ся вплоть до 1124 г., представляя пересказъ непрерывнаго ряда пограничныхъ столкновеній и кровопролитныхъ войнъ съ Китайской имперіей, имѣетъ мало поучительнаго и интереснаго [2]). О внутренней же жизни этого государства за столь долгій періодъ времени мы знаемъ лишь то, что элементы гражданственности стали довольно быстро проникать во всѣ слои его населенія. Такъ, военныя силы страны получили прочную организацію; гражданскія дѣла были выдѣлены въ вѣдѣніе особаго министра; введено было судопроизводство на основаніи писанныхъ законовъ [3]); открыты школы, высшее училище [4]) и академія [5]); изобрѣтенъ алфавитъ и переведены на тангутскій языкъ нѣкоторыя китайскія сочиненія; отлита была мѣдная монета; при дворѣ введенъ былъ китайскій церемоніалъ; вмѣстѣ съ симъ послѣдовали измѣненія и въ самой формѣ одежды, которая получила китайскій покрой; наконецъ, устроена была богадѣльня для престарѣлыхъ чиновниковъ [6]).

Въ 1124 г. тангуты признали себя данниками чжурчжэней. Въ 1131 г. чжурчжэни овладѣли Лань-чжоу, бассейнами Сининской рѣки и озера Куку-нора и округомъ Хэ-чжоу, послѣ чего миръ на западныхъ границахъ Китая въ теченіе почти трехъ четвертей

---

[1]) Іакинфъ («Ист. Тибета и Хухунора», II, стр. 49; de Mailla, op. cit., VIII, стр. 234). Въ отместку за понесенное въ этомъ году пораженіе, кидане въ 1049 году предприняли новую экспедицію противъ Ся-го; но пораженіе, которое они при этомъ понесли, было страшнѣе перваго. «Les Hia (Ся), читаемъ мы у de Mailla, ib., стр. 241, en firent une étrange boucherie».

[2]) Отмѣтимъ только, что въ 1082 году тангуты нанесли страшное пораженіе китайцамъ. У de Mailla, op. cit., VIII, стр. 301, читаемъ: «Depuis un temps immémorial la Chine n'avait point essuyé d'échec aussi terrible».

[3]) Это, впрочемъ, нѣсколько позднѣе. См. «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 108.

[4]) «Въ 1101 г. основанъ университетъ со штатомъ 300 студентовъ и опредѣлены ученымъ пенсіи для безбѣднаго ихъ содержанія. Впослѣдствіи число обучающихся въ этомъ училищѣ студентовъ доведено было до 3 тысячъ. См. «Ист. Тибета и Хухунора», II, стр. 93, 108 и 122. См., однако, de Mailla, op. cit., VIII, стр. 623, относящаго основаніе этого университета къ позднѣйшему времени.

[5]) Ib., стр. 109.

[6]) Обо всѣхъ этихъ нововведеніяхъ см. тамъ же, стр. 26, 29, 56, 93, 108, 113, 117 и 122.

столѣтія серьезнымъ образомъ ни разу не нарушался [1]). Столь продолжительный миръ въ значительной мѣрѣ ослабилъ воинственный духъ тангутскаго народа, сдѣлавъ его неспособнымъ оказать хотя бы сколько-нибудь серьезное сопротивленіе величайшему изъ азіятскихъ завоевателей—Чингисъ-хану.

Въ XIII столѣтіи монголы пріобрѣли выдающееся значеніе въ міровой исторіи [2]). Въ эту эпоху кочевыя пленена Средней Азіи, объединенныя подъ одной властью, могучимъ потокомъ разлились по всей Азіи и восточной Европѣ, заливъ свой путь кровью и оставивъ послѣ себя однѣ только развалины. Человѣкъ, который управлялъ этими дикими и буйными ордами, въ молодости былъ не болѣе какъ старшина нѣсколькихъ монгольскихъ родовъ, разсѣянно кочевавшихъ въ ущельяхъ Кэнтэя. Назывался онъ Темуцзинь. Объединивъ подъ своею властью большія и малыя поколѣнія монголовъ, а также тайджутовъ, татаръ [3]), кэрѣи-

---

[1]) Тѣмъ не менѣе, дѣятельныя сношенія, которыя поддерживались до этого времени между Восточнымъ Туркестаномъ съ одной стороны и Китаемъ съ другой, въ особенности же между Хотаномъ и имперіей, вдругъ прекратились. Послѣднее посольство изъ Хотана прибыло въ Китай въ 1124 г. (Ab. Rémusat, ib., стр. 100), изъ Уйгуріи въ 1172 г. (Бретшнейдеръ, op. cit., I, стр. 243). Повидимому, въ послѣднее время Хотанъ сносился съ Китаемъ по пути черезъ Цайдамъ, Кукуноръ и долину Сининской рѣки. Это видно, между прочимъ, изъ того факта, что хэ-чжоу'скіе (правильнѣе было бы сказать — хэ-хуанскіе) туфаньцы, «нечувствительно возгордившись, преградили путь Хотану и другимъ княжествамъ для представленія дани въ Китай и начали грабить посольства. Потомъ представили извиненіе» («Исторія Тибета и Хухунора», II., стр. 149). Черезъ Сыртынскую же долину, безъ сомнѣнія, ѣхалъ и посолъ Чжанъ-хуанъ-ѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ описаніи пути, даннымъ Гао-цюй-хоемъ, читаемъ: «A l'ouest de Cha-tcheau (Ша-чжоу) sont les Tchoung-yun; leur campement est dans le désert de Houliu (Хулю). On y manque d'eau, et le pays est *toujours froid*. Comme il y a beaucoup de neige, quand le temps s'adoucit, la neige se fond, et l'on se procure de l'eau de cette manière. Allant à l'occident on arrive à la ville de Ta-thun. A l'ouest... on entre dans le désert de Kian. Plus à l'ouest encore en arrive à Kan-tcheou (эта мѣстность должна соотвѣтствовать ур. Ганьсы. См. Пржевальскій. «Четвертое путешествіе», стр. 237), qui est au sud-ouest de Cha-tcheou (Ab. Rémusat, op. cit., стр. 78—79).

Кстати замѣчу, что Хотанъ въ это время (въ X и XI вѣкахъ) занималъ первенствующее положеніе среди владѣній Восточнаго Туркестана. Это видно уже изъ того, что въ 1097 г. хотанцы открыто вступили въ борьбу съ царствомъ Ся-го, пославъ корпусъ войскъ для завоеванія городовъ Ша-чжоу, Ань-си, Су-чжоу и Гань-чжоу (Ab. Rémusat, op. cit., стр. 97—98).

[2]) Китайская исторія впервые упоминаетъ о монголахъ, какъ о могущественномъ народѣ, въ 1139 г. (De Mailla, op. cit., VIII, стр. 529 и 545). Но какъ племенное названіе — имя «монголъ» было извѣстно китайцамъ еще въ танскія времена. Въ эту отдаленную эпоху монголы жили между Амуромъ, Сунгари и Нонью (Grosier въ «Histoire gén. de la Chine», IX, стр. 2—3). Въ настоящее время эта область Маньчжуріи населена манеграми, племенемъ, удержавшимъ еще много монгольскаго.

[3]) Въ секретной исторіи династіи Юань («Юань-чао-ми-ши», переводъ коей помѣщенъ архим. Палладіемъ въ IV т. «Трудовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», стр. 78) сказано: «всѣ татары мужскаго пола «выше колесной чеки» были умерщвлены, остальные же обращены въ рабство». См. также d'Ohsson — «Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour», I, стр. 92.

Принадлежность татаръ къ той или иной этнографической группѣ не достаточно еще вы-

*

товъ [1]), мэркитовъ [2]) и тюрковъ-найманов, Тэмуцзинь въ 1205 г. вторгся въ предѣлы Ся-го и, вернувшись оттуда съ богатой добычей, созвалъ въ верховьяхъ р. Онона курилтай (съѣздъ родовыхъ старшинъ), на которомъ и былъ провозглашенъ Чингисъ-ханомъ (1206 г.) [3]). Въ 1208 г. Чингисъ-ханъ покорилъ остатки поколѣній кемъ, кемжутовъ и киргизовъ, бѣжавшихъ за р. Иртышъ; въ 1209 г. вторично вторгся въ предѣлы тангутскаго царства [4]); въ 1210 г. принялъ въ подданство карлыковъ и уйгуровъ [5]) и, такимъ образомъ, окончательно утвердилъ власть свою надъ всѣми кочевыми народами Халхи, Джунгаріи и Бэй-шаня.

Въ 1211 г. Чингисъ-ханъ впервые обрушился на Гиньскую имперію, которая окончательно завоевана была монголами лишь въ

яснена; всего вѣроятнѣе однако допустить, что это были тюрки. Ср. Аристовъ, op. cit., стр. 21. Thomsen, op. cit., стр. 148, полагаетъ, что татары были монголы.

[1]) Этихъ кэрѣитовъ слѣдуетъ считать предками киреевъ.

[2]) Отуреченное самоѣдское племя. Не «милигэ» ли, о коихъ упоминаютъ китайцы VII в.? См. Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, стр. 447.

[3]) D'Ohsson переводитъ это прозваніе словами: «владыка сильныхъ» (т. I, стр. 99). Архим. Палладій («Труды россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 190) склоненъ думать, что «чингисъ» — титулъ, издавна существовавшій въ Средней Азіи и дошедшій до насъ въ искаженной китайцами передачѣ — «шанью». Съ этимъ мнѣніемъ, однако, нельзя согласиться, такъ какъ титулъ шанью и до сихъ поръ удержался въ Хами и Турфанѣ (у дунганъ), равно какъ и другой титулъ (монгольскій) «даруга» (нынѣ «дорга»), что прежде означало «намѣстникъ», а теперь — волостной управитель. Одного мнѣнія съ архим. Палладіемъ держится и Дорджи Банзаровъ (см. 3 приб. къ «Шейбаніадѣ», пер. Березина). Вообще, однако, слѣдуетъ признать, что титулъ Тэмуцзиня — «Чингисъ» составляетъ еще филологически неразъясненное слово. Полная литература по сему предмету приведена у Березина — «Шейбаніада», стр. 43. См. также Васильевъ — «Исторія и древности восточной части средней Азіи», стр. 218.

[4]) Іакинфъ въ своемъ сочиненіи «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», стр. 40, а за нимъ и Иванинъ («О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и среднеазіатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ», I, стр. 23) упоминаютъ еще объ одномъ набѣгѣ на Тангутское царство, въ 1207 г. Въ «Исторіи Тибета и Хухунора» объ этомъ набѣгѣ не говорится; но въ «Си-ся-шу-ши» мы находимъ указаніе, что монголы вторгались въ царство Ся-го не только въ 1205, 1207 и 1209, но и въ 1206, 1208 и 1210 годахъ; очевидно, однако, что это были лишь частныя вторженія, точнѣе — грабительскіе набѣги, которые предпринимались, можетъ быть, даже безъ вѣдома Чингизъ-хана (см. Архим. Палладій, ibid., стр. 241, а также de Mailla, op. cit., IX, стр. 42).

[5]) Историческія судьбы Уйгуріи намъ еще такъ мало извѣстны, что сказаннымъ въ первомъ томѣ вполнѣ исчерпывается запасъ имѣющихся о ней свѣдѣній. Вообще, принято думать, что Уйгурія, хотя номинально, но все же не переставала находиться въ вассальной зависимости сперва отъ императоровъ Танской династіи, затѣмъ, преемственно, отъ императоровъ киданьскихъ и, наконецъ, одновременно отъ императоровъ чжурчженскихъ и кара-киданьскихъ, въ виду чего добровольное прибытіе идикута Баурчака въ ставку Чингисъ-хана могло считаться лишь традиціонной необходимостью. Но въ исторической литературѣ Востока я не нахожу фактовъ, подтверждающихъ подобный взглядъ на международное положеніе Уйгуріи съ начала X столѣтія по 1125 годъ, когда Ѣлюй-Даши положилъ основаніе обширной Кара-Киданьской имперіи, въ составъ коей, между прочимъ, вошла и Уйгурія. Этотъ взглядъ сложился въ виду нижеслѣдующихъ данныхъ. Въ исторіи Киданьскаго дома сказано:

Въ 913 г. хой-хэ присылаютъ дань императору Ляо; эти хой-хэ были, дѣйствительно, тяньшанскіе уйгуры, такъ какъ названы хой-хэ изъ Хо-чжеу.

1234 г. Въ 1218 г. монголы овладѣли частью Кореи и южной

Въ 917 г. хой-хэ (какіе — неизвѣстно) шлютъ посольство съ тою же цѣлью.

Въ 932 г. Арсланъ, князь хой-хэ, присылаетъ дань.

Въ 988 г. Арсланъ снова присылаетъ дань императору Ляо.

Въ 996 г. Арсланъ присылаетъ пословъ ко двору съ цѣлью выпросить себѣ въ жены одну изъ княженъ императорской крови, въ чемъ ему, однако, было отказано.

Между 1101 и 1125 гг. упоминается о нѣсколькихъ посольствахъ хой-хэ къ киданямъ съ представленіемъ дани.

Не говоря уже о томъ, что всѣ эти посольства съ представленіемъ дани въ дѣйствительности могли имѣть иное значеніе, нежели выраженіе вассальной зависимости (напримѣръ, могли носить коммерческій характеръ по преимуществу, на подобіе русскихъ каравановъ, снаряжавшихся въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, начиная съ 1696 г.), что, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что подобныя же посольства снаряжались хой-хэ и къ Сунамъ, самая принадлежность всѣхъ ихъ однимъ только уйгурамъ едва ли можетъ считаться доказанной. Правда, китайскій посолъ Ванъ-Янь-дэ, посѣтившій Уйгурію въ 981 году, называетъ ея повелителя Арсланъ-ханомъ, но что такъ именовались не одни только уйгурскіе государи, но и государи другихъ тюркскихъ владѣній, это видно изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ исторіи. Въ «Юань-чао-ми-ши» сказано: «Чингисъ повелѣлъ Хубилаю воевать народъ харлуутъ. Владѣтель его, Арсылань, покорился и самъ явился къ Чингису» (ib., стр. 131). О томъ же читаемъ у d'Ohsson'a: «Tchinghiz-khan reçut, dans le même temps (1211), l'hommage de deux autres vassaux du Gourkhan du Cara-Khitai: l'un était Arslan-khan, chef des turcs carlouks et prince de Cayalik; l'autre était Ozar, prince d'Almalik» (I, стр. 111). Засимъ, у того же d'Ohsson'a о тюркскихъ князьяхъ, носившихъ имя Арсланъ, упоминается въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ: II, стр. 206 (сельджукскій князь Рохъ-эд-динъ Килиджъ Арсланъ), III, стр. 308 (мардинскій князь (въ верхней Месопотаміи) Музаффаръ Кара-Арсланъ) и т. д. Даже среди аланскихъ князей встрѣчаются лица, носящія подобныя же имена; такъ, китайскія лѣтописи удѣляютъ особенное вниманіе нѣкоему Арселану, князю А-су, современнику Мангу-хана (Бретшнейдеръ — «Русь и Асы на военной службѣ въ Китаѣ», въ «Живой Старинѣ», 1894, вып. I, стр. 72). Объ Арсланъ-ханахъ см. также у Григорьева «Караханиды въ Мавераннагрѣ по Тарихи Мунедджимъ-баши», въ «Трудахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.», XVII.

Приведенныя выдержки убѣждаютъ насъ въ томъ, что Арсланъ-ханы, упоминаемые въ лѣтописяхъ Киданьскаго дома, могли и не быть владѣтелями Уйгуріи; что же касается до наименованія «хой-хэ», то оно было общимъ для всѣхъ тюркскихъ народностей, населявшихъ осѣдло города Западнаго и Восточнаго Туркестановъ. Наконецъ, имѣется и болѣе прямое указаніе на то, что отношенія Уйгуріи къ имперіи Ляо не были отношеніями вассала къ своему сюзерену. Это письмо Ѣлюй-Даши къ идикуту Уйгуріи, приводимое Grosier въ прим. къ стр. 419 «Hist. génér. de la Chine» Маллья. Ср. H. C. von der Gabelentz «Geschichte der Grossen Liao», стр. 182—183. Приводимое здѣсь письмо представляетъ анахронизмъ. Умучъ-ханъ ганьчжоускихъ уйгуровъ не былъ предкомъ идикута Биликъ-бага.

Послѣдующія событія изъ жизни Уйгуріи намъ столь же мало извѣстны, какъ и предшествовавшія эпохѣ Чингисъ-хана. Все, что въ этомъ отношеніи могло быть мною собрано, уже изложено въ I томѣ, стр. 460—461. Объ идикутахъ Уйгуріи см. Григорьевъ «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 298. По объясненію Абульгази, идикутъ значитъ «давшій жизнь народу». Въ прежнія же времена ханы онъ-уйгуровъ титуловались иль-ильтереръ, ханы токусъ-уйгуровъ — куль-еркинъ (цит. по Cahun — «Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1,405», стр. 73).

Еще меньше знаемъ мы о судьбахъ другого отдѣла уйгурскаго племени, владѣвшаго нѣкогда частью Хэси. Въ 1028 г., т. е. безъ малаго за два столѣтія до покоренія Чингисъ-ханомъ тангутскаго царства, государи послѣдняго овладѣли землями ганьчжоускихъ уйгуровъ. Въ исторіи дома Ся объ этомъ событіи упоминается очень кратко, изъ чего, пожалуй, можно вывести заключеніе, что побѣда надъ уйгурами досталась тангутамъ сравнительно дешевой цѣной. Но что засимъ сталось съ уйгурами? Часть ихъ, конечно, примирилась со своей новой участью, но большая часть несомнѣнно покинула Гань-чжоу и откочевала съ одной стороны къ сѣверу, гдѣ и поселилась въ долинѣ р. Эцзинъ-гола, съ другой — на югъ, во владѣнія Госыло (de Mailla, op. cit., VIII, стр. 203).

Маньчжуріей, а въ слѣдующемъ году Чингисъ-ханъ предпринялъ

Не къ этому ли времени слѣдуетъ отнести постройку города Эцзины или, въ китайской транскрипціи, И-цзиная (не Кашинъ ли или Акашинъ персидскихъ историковъ?), развалины коего, извѣстныя у современныхъ монголовъ подъ именемъ Харчеджи-хана-хото, и до сихъ поръ еще сохранились на лѣвомъ берегу (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки и къ сѣверу отъ уроч. Хара-могты) р. Эцзинъ-гола? Впервые исторія упоминаетъ объ этомъ городѣ въ 1226 г., по случаю взятія его Чингисъ-ханомъ. Мѣстные монголы мнѣ разсказывали, что у торгоутовъ Эцзинъ-гола хранится преданіе, что Харчеджи-хана-хото палъ послѣ отвода осаждающими магистральнаго арыка, проходившаго тогда черезъ городъ, лѣтописи же сообщаютъ намъ, что послѣ взятія Эцзины все его населеніе было вырѣзано монголами (d'Ohsson, op. cit., стр. 370—371); а такъ какъ Чингисъ-ханъ не пощадилъ вѣроятно при этомъ и другихъ уйгурскихъ стойбищъ на Эцзинъ-голѣ, то очевидно, что въ этомъ безчеловѣчномъ актѣ монгольскаго завоевателя и должны мы искать главную причину исчезновенія эцзингол'ской отрасли ганьчжоу'скихъ уйгуровъ, если только за остатки таковыхъ мы не примемъ наньшаньскихъ хара-ёгуровъ.

Во время Юаньской династіи г. Эцзина, возстановленный изъ развалинъ, сдѣланъ былъ административнымъ центромъ обширной провинціи. Черезъ него пролегала большая дорога въ Каракорумъ.

Объ этомъ городѣ, между прочимъ, упоминаетъ и Марко-Поло.

Въ двѣнадцати дняхъ пути отъ Campichiu (т. е. Гань-чжоу, какъ доказалъ это Юль въ «The Book of Ser Marco Polo, the Venetian», etc., I, стр. 222), говоритъ онъ, лежитъ городъ Эцзина (Etzina), при началѣ песчаной пустыни. Онъ лежитъ въ провинціи Тангутъ. Его жители язычники, не занимаются ремеслами, но живутъ произведеніями земли и держатъ много верблюдовъ и другихъ животныхъ. Путники, проѣзжающіе черезъ этотъ городъ, запасаются въ немъ провизіей на сорокъ дней, ибо столько времени нужно употребить, чтобы проѣхать по пустынѣ, простирающейся къ сѣверу отъ Эцзины; въ ней нѣтъ признаковъ жилищъ и она бываетъ населена только лѣтомъ, когда люди заселяютъ тамъ нѣкоторыя горы и долины, въ коихъ имѣются лѣсъ и вода; зимой же тамъ очень холодно; тамъ водятся дикіе ослы и другія дикія животныя».

По изгнаніи монголовъ изъ Китая, китайскія войска дважды, а именно въ 1372 и въ 1380 гг., проходили мѣстностью И-цзи-най-лу (Покотиловъ — «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 5 и 9; de Mailla, op. cit., X, стр. 64 и 79). Въ той же мѣстности И-цзи-най-лу, въ первой половинѣ XV столѣтія, поселились остатки разбитыхъ ойратами восточныхъ монголовъ Арактая (Покотиловъ, ib., стр. 49). Но вскорѣ затѣмъ они были здѣсь поголовно уничтожены китайцами (Покотиловъ, ib., стр. 50). Въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія здѣсь поселены были торгоуты, которые извѣстны подъ именемъ старо-торгоутовъ. Ихъ кочевья и до сихъ поръ еще встрѣчаются въ этихъ мѣстахъ.

Для того, чтобы покончить съ уйгурами, о которыхъ исторія въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ уже болѣе не упоминаетъ, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ сары-уйгурахъ, которые, какъ мы ниже увидимъ, подъ именемъ шира-ёгуровъ или сары-калмаковъ, и до настоящаго времени кочуютъ въ Нань-шаньскихъ горахъ. Это, несомнѣнно, потомки ганьчжоускихъ уйгуровъ, бѣжавшихъ въ 1028 г., согласно съ de Mailla, op. cit., VIII, стр. 203 и 250, на югъ и поселившихся къ западу отъ Цинъ-хая, во владѣніяхъ Госыло. Не эти ли уйгуры, подъ именемъ ша-чжоу'скихъ, отправляли посольства чжурчженямъ? Или то были особые уйгурскіе князья, удержавшіе тѣнь самостоятельности? См. Deguignes, op. cit., III, стр. 28 и слѣд.

Первое извѣстіе о сары-уйгурахъ относится къ 1081 г. Именно, въ «Histoire de la ville de Khotan» par Ab. Rémusat, стр. 95, говорится, что хотанскому послу, на пути между Китаемъ и Хотаномъ, предстояло проѣхать страною желтоголовыхъ хойху (у Rémusat — «Hoeï-he à tête jaune»). Выше мы уже видѣли, что въ это время торная дорога изъ Хотана въ Китай пролегала черезъ ур. Гасъ, къ востоку отъ котораго она раздѣлялась: одна вѣтвь шла на Са-чжоу (путь посла Чжанъ-Хуанъ-ѣ), другая огибала Куку-Норъ и шла долиной Сининской рѣки. Вѣроятно, гдѣ нибудь къ востоку отъ ур. Гасъ и жили въ XI вѣкѣ сары-уйгуры. Повидимому, они не измѣнили мѣста своихъ кочевій и въ позднѣйшее время. Такъ, въ «Юань-ши» говорится, что въ 1226 г. Субутай (монгольскій полководецъ) получилъ приказаніе перейти каменистую пустыню Да-цзи и покорить поколѣнія сары-уйгуровъ, тэлэ и чиминь. Ближайшія указанія на то, гдѣ въ дѣйствительности кочевали сары-уйгуры, находимъ мы въ «Минъ-ши», гдѣ говорится, что

свой опустошительный походъ въ западную Азію, окончившійся покореніемъ Кара-каданьской [1]) и Харазмской имперій. Въ то же время его войска съ одной стороны громили чжурчженей, съ другой бѣшеннымъ потокомъ разлились по Персіи, грабили долины Синда, Ефрата и Куры (Грузію), послѣ чего проникли и далѣе къ сѣверу, разметали здѣсь кочевыя орды алановъ, черкесовъ и половцевъ (кипчаковъ) и, наконецъ, на земляхъ послѣднихъ впервые столкнулись съ русскою ратью, которой и нанесли, въ 1224 г., жестокое пораженіе при Калкѣ.

Опустошивъ западную Азію, Чингисъ-ханъ въ началѣ 1225 г. вернулся въ Монголію; но уже въ ноябрѣ того же года онъ лично повелъ свои войска противъ тангутовъ, царство коихъ и присоединилъ въ 1226 г. къ своимъ обширнымъ владѣніямъ; причемъ, по словамъ китайскаго лѣтописца, «погромъ былъ настолько силенъ, что отъ жителей изъ ста человѣкъ едва-ли остался въ живыхъ одинъ или два» [2]).

По возвращеніи изъ этого похода Чингисъ-ханъ скончался. Въ теченіе послѣдующихъ шестидесяти лѣтъ преемники его продолжали

укрѣпленіе Ань-динъ находилось въ странѣ сары-уйгуровъ, въ 1,500 ли на юго-западъ отъ Ганьчжоу, т. е. гдѣ-нибудь на сѣверной окраинѣ Цайдама. Эти сары-уйгуры, вѣроятно, составляли отрасль тѣхъ сары-уйгуровъ, что кочевали къ западу (?) отъ Charchan (Черченя) (Bretschneider — «Mediaeval researches», etc., I, стр. 263. Но В. Григорьевъ — «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 263, ссылающійся на другой источникъ — «Тарихи Рашиди», помѣщаетъ сарыгъ-уйгуровъ къ сѣверо-востоку отъ Лобъ-нора). Послѣднее извѣстіе о сары-уйгурахъ относится къ 1515 г., когда кашгарцы выступили въ походъ противъ этого племени, жившаго въ 12 дняхъ пути на востокъ отъ Хотана (Bellew «History of Kashgar», стр. 167).

Шира-ёгуры говорятъ въ настоящее время по монгольски. Это омонголеніе тюрковъ-уйгуровъ началось еще во время господства монголовъ въ Китаѣ, когда земли сары-уйгуровъ отошли въ удѣлъ князя (нинъ-вана) Буинь-Тэмура, и продолжалось въ эпоху Миновъ, когда изъ этихъ земель образованы были военные округа Ань-дин'скій и А-дуань'скій (у Бретшнейдера, op. cit., II, стр. 206, читаемъ, что страна Ань-динъ была раздѣлена на округа, точнѣе, хошуны (tribes) — Ань-динъ, А-джень (A-djen), Жо-сянь (Jo-sien) и Тэлэ (Tie-li), уничтоженные Ибулой-тайши въ 1512 г. (см. Бретшнейдеръ, ib., стр. 207, и Успенскій, «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 154—158).

[1]) Впрочемъ, могущество кара-киданей стало къ этому времени уже явно клониться къ упадку: отъ этой державы послѣдовательно отложились туркестанскія земли: Бухара, Самаркандъ, Фергана и южная часть Сыръ-дарьинской области, и Уйгурія. Да и внутри имперіи гурханъ Чилуку оказался не въ силахъ подавить возстаніе, поднятое его зятемъ Кучлукомъ, сыномъ послѣдняго найманскаго хана, и принужденъ былъ уступить ему свой престолъ. Событіе это относится къ 1211 году. Послѣдующіе года Кучлукъ употребилъ на то, чтобы возстановить Кара-Киданьскую имперію въ ея прежнихъ размѣрахъ: онъ схватилъ и казнилъ Озара, князя альмаликскаго, и овладѣлъ городами Кашгаромъ, Яркендомъ и Хотаномъ, гдѣ пытался силой уничтожить пустившее уже тамъ глубокіе корни магометанство. Но этимъ онъ навлекъ на себя лишь ненависть туркестанцевъ, которые привѣтствовали монголовъ какъ избавителей. Кучлукъ, преслѣдуемый монголами, погибъ въ Бадахшанѣ.

[2]) Іакинфъ — «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 116; de Mailla, op. cit., IX, стр. 118; d'Ohsson, op. cit., I, стр. 371. Въ «Юань-чао-ми-ши» однако сказано: «Большая часть народа Танъ-у отдѣлена была супругѣ Чингиса, Ѣсуй» (стр. 152).

расширять предѣлы огромной монгольской имперіи; такъ, въ 1229 г. завоевана была сѣверная часть Сы-чуани, въ 1234 г. пала подъ ихъ ударами имперія чжурчженей, въ 1236 г. болгарское царство [1]), въ 1237 г. Батый громилъ половцевъ (кипчаковъ), мордву и черемисовъ, въ 1238 и 1239 годахъ его полчища опустошали Россію, въ 1240 г. монголы вступили въ Польшу и въ теченіе этого и слѣдующаго года грабили Силезію, Моравію (до границъ Богеміи и Австрійской марки), Венгрію, Кроацію, Далмацію, Боснію, Сербію и Малдавію; въ то же время (въ 1241 г.) на дальнемъ Востокѣ монголы столь же побѣдоносно воевали въ Кореѣ. Но на этомъ завоеванія ихъ не остановились. Монгольскихъ императоровъ увлекала слава ихъ великаго родоначальника и они продолжали снаряжать экспедиціи во всѣ части Азіи: въ 1254 г. были завоеваны Тибетъ и Юнь-нань, въ 1256 г. былъ предпринятъ третій и послѣдній походъ въ Корею, въ 1257 г. палъ Тонкинъ, въ 1258 г., по вторичномъ завоеваніи Персіи, Хулагу уничтожилъ Багдадскій халифатъ, въ 1259 г. онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ верхнюю Мессопотамію и въ 1260 г. Сирію; въ то-же время монголы во второй разъ вторглись въ Польшу и въ 1259 г. опустошили Литву; затѣмъ наблюдался нѣкоторый перерывъ, который завершился завоеваніемъ въ 1279 г. имперіи Суновъ (южнаго Китая), въ 1282 г. Бирмы (въ то время Міамма) [2]) и, наконецъ, въ 1286 г. острововъ Зондскаго архипелага.

Но уже одновременно съ этими завоеваніями шло и внутреннее разложеніе обширной Монгольской имперіи. Чингисханиды, разбросанные на огромномъ протяженіи стараго континента, стали быстро утрачивать сознаніе связывающихъ ихъ родственныхъ узъ, честолюбія выступили на сцену и, превозмогая завѣты основателя имперіи, вызвали смуты, которыя, по смерти императора Мункэ (въ 1260 г.), привели къ распаденію монархіи Чингисханидовъ на части; такъ что, хотя Хубилай, царствовавшій съ 1261 г. по 1294 г., и унаслѣдовалъ императорскій титулъ, однако, непосредственная власть его уже не распространялась на западъ дальше Хангайскихъ горъ и Уйгуріи [3]). Впрочемъ, въ 1303 г., Чингисханиды, утомленные распрями, еще разъ объединились подъ главенствомъ Тэмура, внука

---

[1]) Первое столкновеніе съ болгарами монголы имѣли еще въ 1224 г. См. d'Ohsson, op. cit., I, стр. 345.

[2]) D'Ohsson, op. cit., II, стр. 442.

[3]) «Ханы прочихъ западныхъ странъ объявили себя независимыми и уже болѣе не относились къ обладателю Китая» («Записки о Монголіи», стр. 184). См. также d'Ohsson, op. cit., II, стр. 477.

и преемника Хубилая, но согласіе это продолжалось не долго [1]). Уже конецъ царствованія Тэмура былъ омраченъ новыми смутами. Въ послѣдующіе же года связь Востока съ Западомъ, никогда не отличавшаяся особенной крѣпостью, окончательно рушилась, и Китай зажилъ вновь своей прежней обособленной жизнью подъ властью окитаившихся монголовъ.

Надо, однако, замѣтить, что описываемая эпоха, внесшая огромныя перемѣны въ строй жизни азіатскихъ народовъ, не прошла безслѣдно и для Китая. Стоитъ хотя бы указать на тотъ фактъ, что при Чингисханидахъ здѣсь столкнулись двѣ, до тѣхъ поръ мало соприкосавшіяся между собой, культуры, а именно—культуры китайская и иранская, проводниками коей въ Китаѣ явились тѣ плѣнные ремесленники и художники, которые, по приказанію Чингисъ-хана, уводились массами на Востокъ [2]).

Фактъ этотъ интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что вполнѣ удовлетворительно разъясняетъ одну изъ этническихъ загадокъ, представляемыхъ современнымъ составомъ населенія Китайской имперіи. Эта загадка—происхожденіе дунганъ, въ которыхъ хотѣли видѣть то китайцевъ, принявшихъ магометанство, то окитаившихся уйгуровъ и хунновъ, но которые могутъ быть лишь потомками уроженцевъ Самарканда, Бухары и другихъ городовъ турано-иранскаго Запада, введенныхъ въ качествѣ плѣнныхъ и насильно поселенныхъ монголами въ предѣлахъ Китая.

Предположеніе это, высказанное еще архимандритомъ Палладіемъ [3]), находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ преданіяхъ этого

---

[1]) D'Ohsson, op. cit, II, стр. 519.

[2]) При взятіи Самарканда, мастеровыхъ и художниковъ, въ числѣ 30,000 человѣкъ, Чингисъ-ханъ раздарилъ своимъ женамъ и дѣтямъ; на востокъ же было отправлено множество жителей Трансоксіаны... По взятіи Ургенча, мастеровые и художники были пощажены и въ числѣ свыше 10,000 человѣкъ отправлены на востокъ (у Хондемира («Исторія Монголовъ», пер. Григорьева, стр. 25) ошибочно, вѣроятно, сказано: «сто тысячъ ремесленниковъ и разныхъ искусныхъ людей»). По взятіи Нишабура, только 400 мастеровыхъ были пощажены; ихъ отправили въ Монголію... и т. д. (Иванинъ — «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и среднеазіатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ», стр. 62, 70 и 72).

[3]) «О магометанахъ въ Китаѣ» (въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV). «Паденіе дома Чингисханидовъ въ Китаѣ и замѣна ихъ національною китайскою династіею не обрушились остракизмомъ на мусульманъ; они уцѣлѣли. Новый политическій порядокъ имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю организацію ихъ общества. Уже не пользуясь прежнимъ вліяніемъ, замкнутые въ странѣ, гдѣ на чужеземцевъ смотрѣли недружелюбно и гдѣ все, начиная съ кумировъ до всеобщаго употребленія вина и свинины, было противно духу исламизма, магометане имѣли время тѣснѣе сблизиться между собой, потеряли особенности разноплеменнаго происхожденія и образовали замѣчательный народъ или общину людей, безъ національнаго единства, но твердо связанныхъ узами религіи. Такими они являются уже въ эпоху новаго переворота въ Китаѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, кончившагося воцареніемъ въ Китаѣ

народа [1]), такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ дунгане, по типу столь еще отличные отъ природныхъ китайцевъ, исповѣдуютъ въ настоящее время исламъ: ясно, что предки ихъ должны были уже явиться въ Китай мусульманами.

Въ 1368 г. монголы были изгнаны изъ Китая.

За столѣтіе, протекшее со времени перенесенія Хубилаемъ столицы имперіи изъ Кара-корума въ Пекинъ (въ 1264 г.) до паденія Юаньской династіи, событія внутренней жизни земель, лежащихъ между Памиромъ и Ала-шанемъ, Тянь-шанемъ и Куэнъ-люнемъ, намъ очень мало извѣстны [2]).

Повидимому, не смотря на господство въ краѣ монголовъ, отуреченіе кореннаго населенія Восточнаго Туркестана (иранцевъ), начавшееся съ незапамятныхъ временъ [3]), продолжалось и при Джагатаидахъ. Но на ряду съ этимъ процессомъ шло и заселеніе сво-

---

маньчжурскаго дома — являются цѣльнымъ отдѣльнымъ племенемъ, глубоко сознающимъ себя и по духу совершенно независимымъ, среди языческаго населенія края» (стр. 441).

[1]) См. томъ I, стр. 5; а также А. Гейнсъ «О возстаніи дунганей въ Западномъ Китаѣ» («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1866) и Куропаткинъ — «Кашгарія», стр. 128.

[2]) Что же касается до внѣшнихъ историческихъ событій этой эпохи, то они мало касались интересующей насъ страны. Такъ, я могъ бы только отмѣтить, что въ 1260 г., къ сѣверу отъ Гань-чжоу, произошло кровопролитное столкновеніе между войсками Хубилая и сторонниками Ариқъ-бухи, окончившееся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ, и что въ 1301 г., въ Бэй-шаньскихъ горахъ, близь западныхъ границъ бывшаго Тангутскаго царства, тѣми же войсками Хубилая было вновь нанесено пораженіе непокорнымъ Чингисханидамъ.

При Юаняхъ восточная часть Бэй-шаня вошла въ составъ земель Тангутскаго намѣстничества.

[3]) См. томъ I, стр. 316—317.

Еще въ VI вѣкѣ китайцы писали: «Depuis Kao-tchang (Гао-чанъ), en allant vers l'occident, tous les habitants ont les yeux enfoncés et le nez proéminent. Au contraire, à l'orient de Kao-tchang, il n'y a que ce seul pays (de Ju-thian) dont les habitants n'ont pas une figure très extraordinaire, et ressemblent aux chinois» (Ab. Rémusat «Histoire de la ville de Khotan», стр. 29). Это указываетъ, что метисація кореннаго населенія Турфана тюркскимъ элементомъ не подвинулась еще въ VI в. настолько впередъ, чтобы въ замѣтной степени измѣнить расовыя особенности иранца. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что уже чешисцы, жившіе, какъ мы видѣли, въ этой странѣ за два столѣтія до начала нашей эры, были несомнѣнно народомъ смѣшаннаго происхожденія (это можно заключить, между прочимъ, изъ полукочеваго образа жизни сѣверныхъ чешисцевъ); дальнѣйшая же подмѣсь тюркской и китайской крови должна была явиться еще болѣе значительной. Впрочемъ, явленіе крайней устойчивости иранской расы подмѣчено было еще академикомъ Миддендорфомъ, который въ своихъ «Очеркахъ Ферганской долины» писалъ: «Изучивъ исторію Ферганы, развѣ мы не вправѣ сдѣлать предположеніе, что тюрко-монгольскій элементъ долженъ былъ бы поглотить всѣ другіе типы (т. е. главнымъ образомъ иранскій)? Отправляемся на мѣсто и — находимъ тамъ совсѣмъ другое (стр. 389). Только благодаря своему превосходству въ духовномъ отношеніи, также какъ во всякой житейской практикѣ, таджикъ и могъ сохранить свою этнографическую самостоятельность. Способность къ работѣ и великое искусство подчинять себѣ природу тяжелымъ трудомъ и обращать негостепріимныя пустыни въ райскіе оазисы выработали въ этихъ людяхъ особую выносливость, которой переходъ изъ рукъ въ руки, отъ одного тирана къ другому, придалъ еще большую эластичность. Не смотря на непрерывныя порабощенія; не смотря на историческія событія, которыя, казалось, складывались такъ, чтобы уничтожить всякія типическія особенности, какъ духовныя, такъ и физическія; не смотря на изолированіе отъ главной массы

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ II.

Таджи Абдулла-бекъ,
уроженецъ г. Хами.

Таджи Садыкъ-бекъ,
уроженецъ г. Хами.

Уроженецъ г. Хами.

Уроженцы Ташара.

Фототипія В. Классенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2
Правилъ И. Каменскій.

бодныхъ земель Джунгаріи, Восточнаго Туркестана и Нань-шаня монголами и омонголенными тюрками. По крайней мѣрѣ уже къ 1370 году китайцы застали всю страну къ сѣверу и западу отъ озера Куку-нора занятой этими племенами. Такъ, китайскіе лѣтописцы упоминаютъ о слѣдующихъ монгольскихъ княжествахъ, лежавшихъ къ западу и юго-западу отъ г. Ганьчжоу: Ха-мѣй-ли, Чи-гинь-мэнъ-гу, Хань-дунъ, лѣвое крыло Хань-дунъ, Ша-чжоу, Ань-динъ, А-дуань и Цюй-сянь [1]).

западно-иранскихъ единоплеменниковъ (для восточно-тяньшаньскихъ таджиковъ это изолированіе было еще болѣе полнымъ), персовъ, изъ страны которыхъ ни одна освѣжающая историческая волна не достигала таджиковъ съ той древнѣйшей эпохи, когда обѣ группы раздѣлились (?), не смотря на всѣ эти насильственныя вліянія, сохранился своеобразный укладъ, такъ что классическое изрѣченіе: «Graecia victa ferum victorem cepit», гораздо болѣе подходитъ къ таджикамъ, нежели къ грекамъ (стр. 402). Лишь въ одной духовной области таджикъ съ каждымъ годомъ теряетъ все болѣе и болѣе свою первоначальную оригинальность: это — языкъ» (стр. 403; ср. томъ I, стр. 317).

Всего сильнѣе отреченіе восточныхъ туркестанцевъ должно было идти съ конца IX вѣка, когда Восточнымъ Туркестаномъ овладѣли съ одной стороны карлыки (гэлолу — китайцевъ, хардухи — магометанскихъ авторовъ), съ другой — уйгурскія поколѣнія, бѣжавшія на юго-западъ послѣ паденія ихъ царства на Орхонѣ. Въ X вѣкѣ илеки карлыковъ приняли мусульманство и обратили въ исламъ сначала населеніе Кашгара, а затѣмъ, послѣ продолжительной борьбы, и населеніе Яркенда и Хотана, упорно державшееся буддизма и получавшее поддержку изъ Тибета. См. «Тезкереи Богра-ханъ» въ изложеніи Bellew въ «Report of a Mission to Jarkand in 1873 und. com. of sir F. D. Forsyth», стр. 121—129 (цит. по Аристову, op. cit., стр. 165); а также Валиханова — «О состояніи Алтышара или шести восточныхъ городовъ Малой Бухаріи», въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.», III, 1861 г., стр. 33, гдѣ читаемъ: «Въ IX вѣкѣ нѣсколькимъ мусульманскимъ проповѣдникамъ, изъ коихъ болѣе извѣстны Шейхъ-Хассанъ-Босри и Абу-Насаръ-Самани, удалось обратить въ исламъ хановъ кочевыхъ ордъ, которые владѣли городами Восточнаго Туркестана и были до такой степени сильны, что разрушили владычество Саманидовъ. Эти турки (карлыки), съ ревностью новообращенныхъ, принялись съ мечемъ въ рукахъ вводить всюду ученіе Магомета. Гробницы туркестанскихъ царей того времени сохранили имъ титулъ «гази». Обширныя мѣста религіозныхъ побоищъ около Хотана, а также между Еркендомъ и Янысаромъ, называемыя «Шайданъ», т. е. мѣстами успокоенія блаженныхъ, доказываютъ, что для введенія ислама нужно было много кровопролитія. Не смотря на это, область распространенія его долго ограничивалась только западными городами». Согласно съ персидской географіей «Гефтъ-иклимъ», первымъ изъ кашгарскихъ султановъ, принявшихъ мусульманство, былъ Сатунъ-Богра-ханъ. (Извлеченіе Quatremère въ «Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, 2, стр. 478). Уйгурія приняла мусульманство значительно позднѣе, а именно — при Джагатаидахъ; хотя несомнѣнно, что уже при первыхъ монгольскихъ императорахъ тамъ жило не мало приверженцевъ этой религіи (см. d'Ohsson, op. cit., II, стр. 272—274). Еще въ началѣ XV вѣка буддизмъ былъ довольно силенъ въ Хами (Григорьевъ, «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 333). Это отступаніе буддизма шагъ за шагомъ на востокъ должно быть поставлено въ связь съ усилившейся въ это время эмиграціей на тотъ же востокъ мусульманъ изъ Кашгаріи и Западнаго Туркестана (Григорьевъ, op. cit., стр. 342 и 343. Успенскій, «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1873, № 1, стр. 4). Нынѣшніе хамійцы почитаютъ себя выходцами съ запада; а турфанцы хорошо помнятъ, что уйгуры были отличнымъ отъ нихъ народомъ (см. томъ I, стр. 317).

[1]) У de Mailla, op. cit., X, стр. 247, сказано: «Yong-lo (императоръ Юнъ-ло) le (т. е. Ngan-kè-tiémour — Анкэ-тэмура, князя хамійскаго) créa prince de Tchong-chun (чжунъ-шуньваномъ) et il étendit sa domination sur les villes (?) de Hami, de Ngan-ting (Ань-динъ), de (?) Nachouï (На-шуй), de Tchi-king, de Mongou (Чигинь-мэнъ-гу), de Kusien (Цюй-сянь) et de Hantong (Хань-дунъ). Вѣроятно, всѣ эти округа были подчинены Анкэ-тэмуру лишь номинально.

*

Изъ этихъ княжествъ ближе другихъ къ г. Гань-чжоу лежало кочевое владѣніе Ха-мѣй-ли, но точныхъ свѣдѣній о его границахъ мы не имѣемъ [1]). Изъ того факта, однако, что однимъ изъ мотивовъ, вызвавшихъ его раннее присоединеніе къ имперіи Миновъ (1390), было желаніе китайцевъ открыть сквозной торговый путь между Западнымъ краемъ и Китаемъ, нельзя не вывести заключенія, что своими кочевьями оно занимало земли бассейна средняго теченія Эцзинъ-гола.

Княжество Чи-гинь [2]) обнимало земли нынѣшняго уѣзда Юймынь [3]). Въ 1380 г. это княжество было занято китайцами, и народъ уведенъ въ плѣнъ. Но уже четверть вѣка спустя мѣстность эта снова заселилась монголами, прикочевавшими сюда изъ уроч. Харату (Ha-la-to; не въ верховьяхъ-ли р. Урунгу?). Эти монголы во всѣхъ послѣдующихъ столкновеніяхъ ойратовъ и турфанцевъ съ китайцами неизмѣнно стояли на сторонѣ послѣднихъ, благодаря, вѣроятно, чему и удержали свои кочевья до 1513 г., когда этою частью Гань-су овладѣли турфанцы [4]).

Княжество Ханьдунъ лежало къ югу отъ Чигиня и къ западу отъ Цзя-юй-гуаня и, вѣроятно, занимало своими кочевьями горныя долины верховій Суръ-хэ. Въ столкновеніяхъ турфанскаго султана съ китайцами ханьдунцы держали обыкновенно сторону сихъ послѣднихъ; зато, когда, въ началѣ XVI вѣка, ихъ стали тѣснить кукунорскіе монголы, китайцы пришли имъ на помощь, отведя подъ ихъ кочевья земли въ Гань-чжоу'скомъ округѣ [5]).

Второе Ханьдунское владѣніе, отдѣлившееся отъ перваго въ 1446 г., въ томъ же году заняло округъ Ша-чжоу [6]). Въ началѣ XVI в. оно было покорено турфанцами [7]).

Владѣніе Ша-чжоу стало въ вассальныя отношенія къ Китаю

---

[1]) Бретшнейдеръ — «Mediaeval researches», etc., II, стр. 219—220.

[2]) У Бретшнейдера Ch'i-Ghin, что Покотиловъ переводитъ Чи-цзинь («Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 43). Между тѣмъ въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» мы читаемъ: «Чи-гинь при династіи Минъ былъ монгольскій военный округъ, впослѣдствіи упраздненный; при настоящей династіи, въ 1718 году, былъ учрежденъ военный округъ Чи-цзинь, упраздненный уже въ 1726 г.» (стр. 481).

[3]) Поповъ — «Зап. о монг. кочевьяхъ», стр. 481. Іакинфъ — «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 95.

[4]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 211—215.

[5]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 218.

[6]) У Покотилова (op. cit., стр. 57) событіе это отнесено къ болѣе раннему періоду, а именно, ко времени правленія императора Юнъ-ло (1403—1425 гг.). «Еще во времена правленія Юнъ-ло одинъ изъ такихъ владѣльцевъ, Янь-чжанъ, отдѣлившись отъ своего кореннаго племени, поселился со своимъ родомъ въ Ша-чжоу» и т. д.

[7]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 219.

въ 1404 г., послѣ чего правившіе тамъ монгольскіе князья стали получать китайскіе титулы. Въ 1434 г. ша-чжоу'скій князь Кунь-цзи-лай, ссылаясь на невозможность собственными средствами оградить свои владѣнія отъ грабительскихъ набѣговъ тангутовъ, обратился къ китайскому правительству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему со всѣмъ народомъ переселиться въ предѣлы Китая; но въ просьбѣ этой ему было отказано. Въ слѣдующемъ году на округъ Ша-чжоу обрушилось новое бѣдствіе: его опустошили хамійцы. Кунь-цзи-лай со свитой въ числѣ двухсотъ человѣкъ бѣжалъ въ предѣлы Китая. Оставшись безъ главаря, ша-чжоускіе монголы разбѣжались и часть ихъ добровольно (?) послѣдовала за побѣдителями въ Хами. Пользуясь такимъ бѣдственнымъ положеніемъ Ша-чжоу'скаго владѣнія, ханьдунцы лѣваго крыла вторглись въ эту страну и силой тамъ водворились; однако, они были прогнаны отсюда чигиньскимъ княземъ. Вскорѣ же затѣмъ Кунь-цзи-лай умеръ, передавъ свои наслѣдственныя права сыну. Однако, положеніе подданныхъ послѣдняго было въ это время уже настолько бѣдственнымъ, что въ крайности они рѣшились перекочевать на сѣверъ и передаться ойратамъ. Но ихъ перехватили китайцы, которые и поселили ихъ на свободныхъ земляхъ Ганьчжоу'скаго округа. Такимъ образомъ Ша-чжоу съ 1446 года опустѣлъ окончательно, но не надолго, такъ какъ сюда вновь спустились ханьдунцы, которые и оставались здѣсь до нашествія турфанцевъ, въ началѣ XVI столѣтія, на область Хэси [1]).

Территорія владѣнія Ань-динъ при Ханяхъ называлась Эръцзянъ, впослѣдствіи же была извѣстна подъ именемъ страны сары-уйгуровъ. Ань-динъ лежалъ къ югу отъ Ша-чжоу, къ западу отъ Хань-дуна и къ сѣверу отъ тангутскихъ земель, простираясь съ востока на западъ на тысячу ли. Изъ этихъ данныхъ видно, что княжество Ань-динъ занимало каменистую пустыню, лежащую къ сѣверу отъ Цайдама (Сэртэнъ или Сыртынъ), а можетъ быть и самый Цайдамъ. Аньдинскіе монголы признали себя вассалами Китая въ 1374 г., послѣ чего ихъ страна была раздѣлена на четыре хошуна. Одинъ изъ этихъ хошуновъ удержалъ древнее племенное

---

[1]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 215—218. Покотиловъ (op. cit., стр. 57) событія эти излагаетъ нѣсколько иначе. Такъ, вовсе не упоминая о вмѣшательствѣ чигиньцевъ въ ша-чжоу'скія дѣла, онъ заставляетъ ханьдунцевъ лѣваго крыла жить бокъ о бокъ съ ша-чжоу'скими монголами уже со временъ правленія императора Юнъ-ло; а въ переселеніи ша-чжоусцевъ въ округъ Гань-чжоу видитъ не китайскую, а ихъ собственную иниціативу, причемъ поводомъ къ такому переселенію выставляетъ притѣсненія, которыя испытывали ша-чжоусцы со стороны вновь осѣвшихъ въ Ша-чжоу ханьдунцевъ.

названіе уйгуровъ—Тэлэ что доказываетъ„что и во времена Юаньской династіи уйгуры продолжали еще кочевать къ западу отъ Куку-нора. Въ 1377 году въ Ань-динѣ вспыхнуло возстаніе. Князь Буинь-Тэмуръ былъ убитъ, и часть его народа съ родовымъ старшиной Ша-ла во главѣ откочевала въ пустыню Ша-мо (не на сѣверные-ли склоны Алтынъ-тага?), откуда Ша-ла и сталъ предпринимать частые грабительскіе набѣги на Ань-динъ. Только въ 1396 году, наконецъ, китайцы собрались возстановить порядокъ въ Ань-динѣ. Въ 1413 г. мы видимъ внука князя Буинь-Тэмура уже въ Линъ-цянѣ (нынѣ Линь-цянъ), уѣздномъ городѣ Синиńскаго округа. Въ 1490 г. аньдинскій князь Цянь-бэнь выставилъ свою кандидатуру на хамійскій престолъ, опираясь на свое происхожденіе изъ боковой линіи хамійскихъ вановъ, но китайское правительство приняло сторону его брата, цюйсяньскаго князя Шань-ба, и послѣдній былъ избранъ [1]). Въ 1512 г. Ань-динъ былъ разграбленъ монгольскимъ старшиной Ибулой (Ибурой)-тайши, послѣ чего свѣдѣнія о немъ прекращаются [2]).

Владѣніе А-дуань находилось въ вассальной зависимости отъ Ань-дина; оно занимало своими кочевьями пустыню Сыртынъ и долину верхняго теченія Данъ-хэ, граница на сѣверѣ съ Ша-чжоу, на востокѣ съ Хань-дуномъ. Въ 1406 г. владѣніе А-дуань отдѣлилось отъ Ань-дина, въ 1512 же году, вѣроятно, раздѣлило судьбу послѣдняго [3]).

Владѣніе Цюй-сянь граничило на востокѣ съ Ань-диномъ и, вѣроятно, занимало своими кочевьями западный Цайдамъ и урочище Гасъ. Китайцы полагаютъ, что въ древности эта страна называлась Си-юнъ, при Ханяхъ—Си-цянъ. При Юаняхъ здѣсь былъ учрежденъ военный постъ (Юань-ши-фу), называвшійся Цюй-сянь-да-линь. Безпорядки, вспыхнувшіе въ Ань-динѣ въ 1377 г., отразились и въ Цюй-сянѣ: онъ былъ опустошенъ, при чемъ спаслась едва половина его жителей, нашедшая убѣжище въ Ань-динѣ, на р. А-джень. Въ 1406 г. Цюй-сянь былъ вновь выдѣленъ въ военный округъ [4]), а 18 лѣтъ спустя въ немъ уже насчитывалось до 42 тысячъ семействъ (юртъ). Въ правленіе императора Чэнъ-хуа (1465—1488) тур-

---

[1]) У de Mailla (op. cit., X, стр. 256) сказано, что князь Hiapa (Сяба) былъ племянникомъ аньдинскаго князя. Съ нимъ вмѣстѣ переселилась въ Хами и орда Hotsié-hoeï (Хо-цзѣ-хуй).

[2]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 205—208. Klaproth «Mémoires relatifs à l'Asie», II, стр. 345.

[3]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 208—210.

[4]) У Бретшнейдера сказано: «In 1406 K'ü-sien was again separated from An-ting» (ib., стр. 210).

фанцы напали на Цюй-сянь и ограбили его жителей. Въ правленіе императора Хуанъ-чжи (1488—1506) цюй-сяньскій князь Шань-ба былъ призванъ править Хамійскимъ округомъ [1]). Въ 1512 г. Цюй-сянь былъ завоеванъ Ибулой-тайши, который и поставилъ здѣсь своего правителя.

При Юаняхъ же монголы заняли своими кочевьями и оба склона восточной оконечности Тянь-шаня [2]). Аньдинскіе князья, Чингисханиды по происхожденію, считали себя родственниками хамійскихъ вановъ. О монголахъ, жившихъ въ Хами на ряду съ уйгурами и выходцами изъ Западнаго и Восточнаго Туркестановъ, сообщаетъ намъ и китайская географія [3]). Наконецъ, мы имѣемъ и прямое китайское свидѣтельство въ томъ, что монголы, даже въ эпоху Миновъ, составляли еще преобладающій элементъ населенія Хамійскаго оазиса. Это—рѣчь, сказанная въ 1491 году сановникомъ Ма-вэнь-шэномъ въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ: «Въ Хами», говорилъ онъ, «съиздавна живутъ совмѣстно самые разнородные элементы; здѣсь есть мусульмане, уйгуры, въ горахъ къ сѣверу отъ Хами живутъ еще сяо-лѣ-ту (?) и мѣ-кэ-ли (?). Всѣ эти народности постоянно притѣсняютъ другъ друга, и никто изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы окончательно одержать верхъ надъ другими. *Одни монголы пользуются въ этихъ мѣстахъ несомнѣннымъ авторитетомъ, и безъ ихъ помощи добиться тамъ порядка невозможно.* Вотъ почему нужно избрать какого-нибудь потомка монгольскихъ хановъ, котораго и слѣдуетъ поставить управителемъ Хами» [4]).

---

[1]) De Mailla, op. cit., X, стр. 256, относитъ событіе это къ 1492 г. Въ слѣдующемъ году Шань-ба былъ взятъ въ плѣнъ турфанцами. Благодаря настойчивымъ требованіямъ китайцевъ, ему возвращена была въ 1498 г. свобода и хамійскій престолъ. Въ 1506 г. онъ скончался (ib., стр. 261, 266).

[2]) «При концѣ Монгольской династіи», читаемъ мы у Успенскаго («Нѣсколько словъ объ округѣ Хами», стр. 3), «Хами преобразовано было въ отдѣльное и болѣе стройное владѣніе, которымъ управлялъ родственникъ Монгольскаго дома На-у-ли, сначала съ титуломъ Вэй-у-вана, а потомъ Су-вана». См. однако de Mailla, op. cit., X, стр. 247, у котораго читаемъ, что На-у-ли или Ху-на-ши-ли принадлежалъ къ потомкамъ императорской фамиліи Ляо, т. е. былъ родомъ не монголъ, а киданецъ. Впрочемъ, дальше (стр. 257) онъ снова говоритъ о принадлежности хамійскихъ князей къ роду Чингисъ-хана. Въ примѣчаніи 596 къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 480, сказано: «При Юаньской династіи Хами былъ удѣломъ Вэй-у-вана».

О новомъ вторженіи монголовъ въ округъ Хами мы узнаемъ отъ de Mailla (op. cit., X, стр. 96). Подъ 1391 г. у него сказано: «L'empereur se vit obligé d'envoyer encore une armée du côté de l'ouest contre les Mongous qui s'étaient emparés de Hami». См. также de Mailla, ib., стр. 247.

[3]) Григорьевъ — «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 342. Успенскій «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1873, № 1, стр. 4.

[4]) Покотиловъ, op. cit., стр. 133.

Къ этому же времени слѣдуетъ, какъ кажется, отнести и заселеніе монголами Лобъ-норской котловины [1]). Множество монгольскихъ названій урочищъ, сохранившихся и до настоящаго времени повсемѣстно въ Бэй-шанѣ (въ особенности же въ его западной части), несомнѣнно также свидѣтельствуетъ, что и эта горная страна, въ сравнительно еще недавнее время, населена была монголами.

Начавшееся при Юаняхъ передвиженіе монголовъ и омонголенныхъ тюрковъ на западъ и югъ не только не остановилось при Минахъ, но и получило при нихъ особенную силу и значеніе.

Монголы, отброшенные китайцами въ 1368—1370 годахъ на сѣверъ, не покорились своей новой участи. Но жалкія попытки ихъ вернуть утерянныя земли вели за собой лишь новыя пораженія, которыя закончились въ 1388 г. катастрофой при озерѣ Пу-юй-эрръ-хай [2]). Монголы, застигнутые врасплохъ, понесли при этомъ огромныя потери. Насколько поспѣшно было ихъ бѣгство, видно изъ того факта, что китайцы, кромѣ 70 тысячъ плѣнныхъ, несмѣтнаго количества скота и другой добычи, успѣли захватить здѣсь также и всю ханскую семью.

Но кромѣ матеріальнаго ущерба пу-юй-эрръ-хай'ское пораженіе имѣло для монголовъ еще и иныя послѣдствія. Оно окончательно дискредитировало въ ихъ глазахъ центральную ханскую власть. Родовичи подняли голову, и одинъ изъ нихъ осмѣлился даже посягнуть на жизнь прямого потомка Чингисъ-хана и Хубилая. Это убійство послужило началомъ анархіи, которая, доведя къ 1400 году Халху до полнаго истощенія силъ, отдала ее въ руки ойратовъ.

Во времена Чингисъ-хана имя Ойратъ носило незначительное племя, жившее въ верховьяхъ Енисея. Оно было не монгольскаго, но тюрко-угро-финскаго происхожденія [3]), хотя, по словамъ Рашидъ-эд-Дина, и говорило на одномъ изъ монгольскихъ діалектовъ. Какимъ путемъ впослѣдствіи имя этого ничтожнаго «лѣснаго»

---

[1]) Пржевальскій, «Четвертое путешествіе», стр. 230 и 300. (Данджинъ-хунъ-тайджи, о которомъ разсказываетъ Пржевальскій, вѣроятно, никто другой, какъ Даньцзинь-Рабданъ-тайцзи). Пѣвцовъ, «Труды Тибетской экспедиціи», I, стр. 302.

[2]) По мнѣнію Бретшнейдера (op. cit., I, стран. 48—49, II, стр. 163), Пу-юй-эрръ-хай есть оз. Даалъ-норъ, ошибочно названный Пржевальскимъ Далай-норъ. Успенскій («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», etc., стр. 146) называетъ его Боиръ-норомъ. Описаніе этого сраженія можно найти у de Mailla, op. cit., X, стр. 92—93.

[3]) Рашидъ-эд-Динъ, относя ойратовъ къ вѣтви рода Огузъ-хана наравнѣ съ джалаирами, татарами и другими народами, утверждаетъ, что хотя въ его время ойраты и причислялись къ племенамъ, называвшимся монгольскими, но что въ сущности они ничего общаго съ монголами не имѣютъ («Записки Импер. Археол. Общ.», т. XIV, стр. 4, 7—8, 50). Банзаровъ названіе ойратъ объясняетъ черезъ «ой-аротъ» — «лѣсной народъ». См. Березинъ — «Зап. Имп. Археолог. Общ.», т. XIV, стр. 249 и V приб. къ «Шейбаніадѣ».

народа распространилось на ту амальгаму осколковъ преимущественно тюркскихъ племенъ (меркитовъ, киреевъ, абакъ-киреевъ, аргыновъ и телеутовъ) [1]), кои, успѣвъ омонголиться на службѣ у Чингисханидовъ, сплотились въ многочисленный калмыцкій союзъ, это—тайна, которую еще не удалось удовлетворительно разъяснить ни одному изъ изслѣдователей исторіи среднеазіатскихъ народовъ.

Поводомъ къ открытой враждѣ между западными (ойратами) и восточными монголами монгольская лѣтопись Алтанъ-тобчи выставляетъ убійство Элбэкъ-ханомъ ойратскаго тайфу Хутхая. Сыновья Хутхая возмутились и, убивъ въ свою очередь Элбэкъ-хана, отдѣлились со всѣмъ своимъ народомъ отъ остальныхъ монголовъ. «Но, какъ справедливо замѣчаетъ Успенскій [2]), такая наивность степнаго разсказа не исчерпываетъ, конечно, всѣхъ причинъ упорной вражды между монголами и ойратами. Надо полагать, это была борьба старой Монголіи съ новою, простоты старыхъ степныхъ порядковъ съ вычурностью новыхъ, словомъ — борьба старыхъ и дикихъ степняковъ съ цивилизованными монголами, возвратившимися изъ Китая съ новыми обычаями, съ новыми понятіями о государственной жизни и управленіи, съ стремленіями къ преобразованіямъ кочевой жизни, которыя они и старались проводить въ жизнь ревнивыхъ къ старинѣ ойратовъ».

Хотя главная арена дѣйствій этой борьбы лежала и внѣ предѣловъ Бэй-шаня, но такъ какъ передвиженія монголовъ, вызванныя ею, коснулись и интересующей насъ страны, то для того, чтобы сдѣлать послѣдующія событія понятными, мы не можемъ не упомянуть о ней вкратцѣ.

Убійство Элбэкъ-хана не могло, конечно, содѣйствовать умиротворенію Монголіи. Его два преемника пали также жертвой интригъ, и на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ Чингисханидовъ, по имени Бэнь-я-ши-ли, кочевавшій въ южной Джунгаріи, въ мѣстности Бѣ-ши-па-ли (Бишбалыкъ), т. е. въ степяхъ къ востоку отъ Джимысара [3]). Будучи ставленникомъ Аруктая, одного изъ могущественнѣйшихъ старшинъ восточныхъ монголовъ, Бэнь-я-ши-ли не замедлилъ возстановить противъ себя ойратовъ. Ки-

---

[1]) Потомковъ гаогюйскаго племени тэлэ.

[2]) «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай».

[3]) Такъ понимаю я слова Покотилова (op. cit., стр. 33): «Случилось это событіе въ мѣстности Бѣ-ши-па-ли, и Алутай вышелъ туда на встрѣчу къ вновь поставленному имъ хану».

тайцы, которые внимательно слѣдили за ходомъ событій въ Монголіи, рѣшились воспользоваться выгодно слагавшимися для нихъ обстоятельствами и, взявъ сторону, какъ имъ казалось, слабѣйшаго изъ противниковъ, объявили войну восточнымъ монголамъ. Но первое ихъ столкновеніе съ Бэнь-я-ши-ли окончилось не въ ихъ пользу (1410 г.); тогда самъ императоръ Юнъ-ло сталъ во главѣ китайскихъ войскъ, которыя и нанесли послѣдовательно два пораженія: одно Бэнь-я-ши-ли въ 1412 г., при р. Ононѣ, другое уже успѣвшему съ нимъ поссориться старшинѣ Аруктаю. Эти два пораженія, усиливъ ойратовъ, заставили Аруктая передаться китайцамъ, которые не только приняли въ подданство восточныхъ монголовъ, но и рѣшились оказать имъ матеріальную поддержку въ ихъ послѣдующей борьбѣ съ ойратами. Противъ послѣднихъ они двинули значительныя силы, которыя и нанесли своимъ бывшимъ союзникамъ рѣшительное пораженіе въ 1414 г. Ойраты бѣжали къ р. Тулѣ. Столкновеніе же между ними и восточными монголами произошло лишь два года спустя, причемъ, на этотъ разъ, окончилось не въ ихъ пользу. Но Аруктаю пришлось недолго пользоваться плодами своей побѣды. Еще разъ китайцы перешли на сторону ойратовъ; въ походъ противъ восточныхъ монголовъ, къ которымъ въ это время примкнули урянхайцы, выступилъ даже самъ императоръ Юнъ-ло. Узнавъ однако, что преслѣдуемый имъ Аруктай разбитъ на голову ойратами (въ 1423 г.), императоръ не пошелъ дальше, а отступилъ за Великую стѣну.

Въ этомъ поступкѣ императора Покотиловъ [1]) видитъ какую-то трудно объяснимую странность, мнѣ же сдается, что Юнъ-ло въ этомъ случаѣ руководился традиціоннымъ китайскимъ пріемомъ: уничтожать одного врага—другимъ. Юнъ-ло отступилъ, потому-что находилъ, что дальнѣйшее ослабленіе Аруктая не могло служить уже къ выгодѣ Китайской имперіи.

Пользуясь одержаннымъ успѣхомъ, ойратскій старшина Тогонъ поставилъ монгольскимъ ханомъ нѣкоего То-то-бу-хуа, хотя въ это же время надъ Монголіей еще царствовалъ Атай-ханъ, ставленникъ Аруктая. Нечего и говорить, что оба эти хана играли весьма жалкую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Халхи, которая до самой смерти Аруктая, послѣдовавшей въ 1434 г., испытывала всѣ ужасы междоусобной войны.

Пораженіе и смерть Аруктая послужили причиной разсѣянія

---

[1]) Op. cit., стр. 42.

восточныхъ монголовъ. Часть ихъ подчинилась ойратамъ, часть же бѣжала на западъ, гдѣ и осѣла въ долинѣ р. Эцзинъ-гола. Но такъ какъ заселеніе это сопровождалось насиліями и грабежомъ въ китайскихъ предѣлахъ, не прекращавшимися и въ послѣдующее время, то китайцы сочли себя, наконецъ, вынужденными выслать противъ нихъ войска, которыя и нанесли имъ рядъ пораженій, закончившихся почти поголовнымъ ихъ истребленіемъ въ уроч. Дяоли-гоу, лежавшемъ въ пятистахъ верстахъ къ сѣверу отъ Великой стѣны.

Объединивъ подъ своею властью всю Монголію, Тогонъ сталъ подумывать и объ нападеніи на Китай; но смерть помѣшала ему выполнить этотъ планъ. Ему въ 1439 г. наслѣдовалъ Эсень, столь-же предпріимчивый, какъ и его отецъ. Прежде всего онъ рѣшился подчинить себѣ Хами. Онъ этого достигъ въ 1445 г. послѣ двухъ опустошительныхъ набѣговъ, учиненныхъ въ союзѣ съ ханьдунцами и ша-чжоу'скими монголами. Затѣмъ онъ покорилъ урянхайцевъ, кочевавшихъ къ сѣверу отъ Пекина [1]), и, наконецъ, осенью 1449 г. предпринялъ свой замѣчательный походъ на Китай.

---

[1]) Вопросъ о томъ, кто такіе были эти урянхайцы, кочевавшіе между Великой стѣной и р. Нонью, не можетъ быть еще разъясненъ съ достаточной полнотой. Я склоненъ думать, что это были алтайскіе выходцы.

По словамъ Потанина («Очерки Сѣверо-Западной Монголіи», вып. 2, стр. 7), Адріанова («Записки Импер. Русск. Геогр. Общ.», т. XI, стр. 338) и др., названіе «урянхай» даютъ народу «туба» монголы. Объ этомъ народѣ туба китайцы писали уже въ VII вѣкѣ, включая и его въ число гаогюйскихъ поколѣній (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», I, стр. 439). «Дубо», пишетъ китайскій историкъ, «кочевали къ востоку отъ хагасовъ, къ сѣверу отъ уйгуровъ; земли ихъ примыкали къ Косоголу. Раздѣлялись на три аймака. Ловили рыбъ, птицъ и звѣрей и употребляли въ пищу». (Ср. также Іакинфъ, ib., стр. 447). Дальнѣйшее объ этомъ народѣ узнаемъ мы изъ лѣтописей монгольскихъ. Въ «Юань-чао-ми-ши» (стр. 131) говорится: «Когда Чжочи дошелъ до мѣста Шихшитъ, то ойра, тубасы и всѣ другіе роды покорились ему». И далѣе: «Ставъ (сказалъ Чингисъ Хорчи) свое становище среди лѣсныхъ народовъ». Архимандритъ Палладій, комментируя эту часть рѣчи Чингисъ-хана, говоритъ, что лѣсные народы носили у монголовъ общее названіе «урянха» («Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV, стр. 225). Нѣсколько выше (стр. 171) тотъ же синологъ, приводя выдержку изъ «Мынъ-да-бэй-лань», повѣствующую о трехъ родахъ дада — бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ, замѣчаетъ: «Дада дикіе суть племена охотничьи, лѣсныя и рыболовныя, а именно уранхи и проч.». Я думаю, что это о племени «туба» Рашидъ-эд-Динъ пишетъ: «Лѣсные урянхиты не имѣютъ связи съ другими урянхитами; такъ какъ юрты ихъ были въ лѣсахъ, то они и получили такое имя». И далѣе: «Народъ этотъ постоянно пребываетъ въ лѣсу; однако, въ благополучный вѣкъ Чингисъ-хана и великаго рода его, тѣ предѣлы стали юртами другихъ племенъ монгольскихъ (т. е. тюркскихъ) и они смѣшались съ другими монголами (т. е. съ тюрками)» («Записки Импер. Археолог. Общ.», т. XIV, стр. 90 и слѣд.). Этихъ урянховъ Рашидъ-эд-Динъ приводитъ въ числѣ турецкихъ племенъ, коихъ въ его время называли монгольскими (ib., стр. 32). Такимъ образомъ, у насъ имѣется полное основаніе думать, что урянхайцы — туба (т. е. сойоты или танну-урянхайцы, вѣроятная помѣсь уйгуровъ съ самоѣдами) являются аборигенами Саянъ, не покидавшими въ историческое время этой горной страны. Иное дѣло — урянхайцы-ойраты, являющіеся въ настоящее время совершенно омонголеннымъ племенемъ (ср. Потанинъ, ib., стр. 34).

*

Ойраты выступили туда четырьмя дорогами: на востокѣ монголы орудовали въ Ляодунѣ, на западѣ — въ области Гань-чжоу. Самъ Эсень двинулся противъ Да-туна. Цѣлый рядъ блестящихъ дѣлъ привелъ его, наконецъ, къ столкновенію съ главными силами китайцевъ, медленно отступавшими, подъ начальствомъ императора Инъ-цзуна, отъ Да-туна къ столицѣ. Генеральное сраженіе, окончившееся полнымъ пораженіемъ китайцевъ, произошло въ мѣстно-

---

Монголы всѣ лѣсныя племена называютъ безразлично урянха; одно изъ нихъ носило имя ойра. Отъ этихъ то ойра (ойратовъ) и ведутъ свое начало такъ называемые алтайскіе урянхайцы. Еще Рашидъ-эд-Динъ писалъ, что ойраты — народъ тюркскаго (турецкаго) происхожденія, но говорящій по монгольски. Это указаніе очень важно, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что уже во времена Чингисъ-хана ойраты были омонголеннымъ племенемъ. Далѣе, въ «Юань-чао-ми-ши», мы находимъ слѣдующее указаніе (стр. 131): «Чингисъ приказалъ Чжочи съ ратью правой руки идти войной на народъ, что въ лѣсахъ, а Бухѣ прокладывать дорогу. Ойра поддались Чжочи прежде вань-ойра и повели Чжочи противъ вань-ойра». Изъ этого указанія явствуетъ, что уже въ началѣ XIII вѣка ойраты распадались на два отдѣла, различавшіеся между собою настолько сильно, что у Рашидъ-эд-Дина они попали (если только мое отождествленіе «вань» съ «оинъ» — правильно) въ различныя группы народовъ: ойра въ группу народовъ турецкаго племени, вань-ойра или оинъ-урянха въ группу народовъ монгольскаго племени (коренныхъ монголовъ). Одинъ изъ этихъ отдѣловъ сталъ во главѣ ойратскаго союза омонголившихся тюркскихъ племенъ, другой, не покидавшій тайги, сохранилъ за собой монгольское прозваніе уранга. (Что о родствѣ своемъ съ урянхайцами помнили даже джунгары, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи «Цзасакту хану аймагун шастирун хуріянгуй»: «маньчжуры постоянно опасались возмущеній со стороны собственно урянхай'евъ, жившихъ въ Халхѣ, которые уже по одному родству своему легко могли войти въ связь съ чжунгарами». (Позднѣевъ, «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 279). Эти уранга въ настоящее время населяютъ ущелья Алтайскихъ горъ между вершинами рр. Кобдо и Булгуна (Потанинъ, ib., стр. 34). Такимъ образомъ, ихъ нынѣшнія кочевья отброшены къ юго-западу отъ истоковъ р. Енисея и оз. Коссогола, гдѣ ихъ застали полководцы Чингиса. Въ видахъ разъясненія времени и причинъ этого передвиженія мною собраны нижеслѣдующія историческія указанія.

Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 446, мы читаемъ: «По умиротвореніи урянхайцевъ въ 1756 г., имъ отданъ былъ Уланъ-комъ. Въ слѣдующемъ году, по случаю безпокойствъ, произведенныхъ на границѣ возмутившимися ойратами, дурботскіе князья просили о перекочевкѣ въ Уланъ-комъ съ тѣмъ, чтобы обратить его въ земледѣльческую колонію, а самимъ кочевать у оз. Ихэ-Аралъ, въ Кобдо'скомъ округѣ. На это послѣдовало разрѣшеніе. Но вскорѣ черезполосное кочевье найдено было неудобнымъ, и Уланъ-комъ окончательно былъ назначенъ для кочевья дурботамъ, а урянхайцамъ отведено было кочевье въ Кобдо'скомъ округѣ. Но они, въ виду плохого собольяго промысла здѣсь, перекочевали на южную сторону Алтая, къ Иртышу». Такимъ образомъ, мы съ точностью знаемъ время, когда алтайскіе урянхайцы поселились на мѣстахъ своихъ теперешнихъ кочевій; но въ поясненіе этого извѣстія я не могу найти въ исторической литературѣ Средней Азіи какихъ либо указаній на то, откуда прикочевали они въ Уланкомскую озерную котловину. Можетъ быть изъ Западнаго Алтая (см. «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», примѣчаніе 478), но можетъ быть также и изъ мѣстъ ихъ кочевій, лежавшихъ къ сѣверу отъ Пекина (указаніе на соболиный промыселъ не дѣлаетъ ли послѣднее предположеніе мало вѣроятнымъ?), потому что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что урянхи, о которыхъ упоминаетъ Минская исторія, были алтайскими выходцами, а не природными монголами, какъ это, повидимому, думаетъ Покотиловъ (op. cit., стр. 114). Существуетъ достовѣрное извѣстіе о переселеніи въ XIII вѣкѣ урянхайцевъ на востокъ. Архим. Палладій говоритъ, со словъ исторіи Юаньской династіи, объ урянхайцахъ, поселенныхъ въ 1293 г. въ районѣ земель Амурскаго бассейна. Но мнѣ кажется, что Палладій, помѣщая урянховъ, выведенныхъ Хубилаемъ изъ Алтайскихъ горъ, «по близости къ Амуру», руководствовался скорѣе догадкой, чѣмъ точными указа-

сти Ту-му [1]). Огромный обозъ и множество плѣнныхъ, среди коихъ былъ и самъ императоръ, достались на долю побѣдителей. Но тутъ только обнаружилось, что Эсень не обладалъ рѣшительностью и талантами настоящаго полководца. Онъ не съумѣлъ оцѣнить выгодъ своего положенія, созданнаго тумуской катастрофой, и вмѣсто того, чтобы идти прямо на Пекинъ, повернулъ на сѣверъ. Между тѣмъ въ Пекинѣ успѣли уже поставить на царство новаго императора, брата Инъ-цзуна, первое тяжелое впечатлѣніе отъ понесеннаго пораженія улеглось, и когда, наконецъ, Эсень появился подъ стѣнами столицы, населеніе послѣдней приготовилось дать кочевникамъ мужественный отпоръ. Видя это, Эсень не рѣшился

ніями. Дѣйствительно, Шоттъ, упоминающій о томъ же событіи («Ueber die ächten kirgisen», въ «Abhandlungen d. Kön. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin», 1864, стр. 461), говоритъ, что енисейскіе тюрки поселены были въ древней землѣ, называвшейся Наянъ («in dem fischreichen alten lande Najan»). Но о странѣ Но-янь авторы «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» (стр. 196) сообщаютъ, что это не какая-либо древняя область, а позднѣйшее измѣненіе слова До-янь. До-янь же есть наименованіе одного изъ трехъ военныхъ внѣшнихъ округовъ, на которые въ 1389 г. были раздѣлены урянхайскія земли, лежавшія къ сѣверу отъ Да-нинъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, мнѣ кажется, нельзя не вывести того заключенія, что Хубилай переселилъ урянхайцевъ (я думаю, что это были ойра-урянхайцы, состоявшіе въ родственныхъ связяхъ съ Чингисханидами) не куда-либо на Амуръ, а въ ту часть юго-восточной Монголіи, которая нынѣ занята кочевьями монголовъ-харачинъ (карцинь). Авторъ сочиненія «Си-чжай-оу-дэ» (Поповъ, «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ», стр. 199) считаетъ даже нынѣшнихъ карциньцевъ за прямыхъ потомковъ урянхайцевъ-цзирмотовъ (?). Но съ этимъ предположеніемъ, какъ кажется, не вполнѣ согласны авторы «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» (стр. 161—162), которые принимаютъ карциньцевъ за потомковъ Аруктая, нашедшихъ пріютъ среди урянхайцевъ. См. однако у Потанина («Очерки», etc., вып. IV, стр. 664) указаніе на Ровинскаго, который нашелъ имя урянхай, прилагаемое къ чистымъ монголамъ, въ Восточной Монголіи, на пути между Нерчинскомъ и Пекиномъ.

Начиная съ 1633 года, китайская исторія вовсе не упоминаетъ о восточныхъ урянхайцахъ, о западныхъ же говоритъ лишь то, что въ 1755 г. какъ алтайскіе, такъ и саянскіе (тубшинъ) урянхайцы добровольно подчинились маньчжурамъ, почему и остались на своихъ прежнихъ кочевьяхъ (извлеченіе, сдѣланное изъ «Зерцала маньчжурской словесности» синологомъ о. Аввакумомъ; приведено Сельскимъ въ введеніи къ статьѣ Пермикина «Озеро Коссоголъ и его нагорная долина», напечатанной въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Геогр. Общ.», XXIV, 1856) — извѣстіе, которое противорѣчитъ нѣсколько приведенному нами выше изъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи». Такимъ образомъ, намъ остается только предположить, что часть урянхайцевъ, смѣшавшись съ восточными монголами Аруктаева вѣдомства, образовали карциньскій аймакъ, другая же часть, стѣсненная надвинувшимися съ сѣвера маньчжурами, ушла на западъ (Покотиловъ, op. cit., стр. 217), гдѣ и поселилась первоначально въ области Западнаго Алтая. Отсюда уже они перешли сначала въ долину Уланъ-комъ, затѣмъ въ окр. Кобдо и, наконецъ, въ мѣста своихъ настоящихъ кочевій. Эта безпріютность и исканіе свободныхъ земель не доказываетъ ли косвенно, что алтайскіе урянхайцы были въ XVIII в. еще чуждымъ Алтаю народомъ?

Я заключу настоящую историческую справку указаніемъ на ошибку Іакинфа, который въ своей «Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», на стр. 41 писалъ: «Въ 1209 г. Чингисъ-ханъ еще завоевалъ урянхайцевъ, которые тогда кочевали на нынѣшнихъ карциньскихъ земляхъ».

[1]) Бретшнейдеръ (op. cit., II, стр. 165) замѣчаетъ, что ур. Ту-му находилось между Калганомъ и Пекиномъ, къ западу отъ Хуай-лай-сяня. Подробное описаніе этого сраженія и послѣдующихъ событій читатель найдетъ у de Mailla, X, стр. 210 и слѣд.

на генеральный приступъ и, ограничившись двумя-тремя мелкими схватками съ китайскимъ гарнизономъ, отступилъ къ Да-тунъ-фу. Послѣдующія дѣйствія ойратовъ отличались крайней нерѣшительностью и закончились безславнымъ для нихъ миромъ въ 1450 году.

Разногласія между ханомъ Токто-буха (То-то-бу-хуа) и Эсеномъ, возникшія еще до похода ойратовъ въ Китай, послѣ побѣдъ, одержанныхъ тамъ послѣднимъ, получили новую пищу и, наконецъ, привели къ открытому разрыву между ними. Токто-буха искалъ опоры у восточныхъ монголовъ, но союзники были разбиты въ рѣшительномъ сраженіи при Туруфану-хара; Токто-буха бѣжалъ, но былъ настигнутъ и убитъ [1]).

Шмидтъ пріурочиваетъ Туруфану-хара къ Турфану [2]), что уже потому недопустимо, что отсюда Токто-буха бѣжалъ къ Кэрулэну и Кэнтэйскимъ горамъ [3]).

Послѣ смерти Токто-бухи Эсень рѣшился объявить себя хаганомъ (1454 г.), съ чѣмъ безъ возраженій согласился и пекинскій дворъ. Но не такъ взглянули на этотъ поступокъ Эсеня ойратскіе главари, среди коихъ далеко еще не угасло уваженіе къ потомкамъ Чингисъ-хана. Противъ Эсеня составился заговоръ, который вскорѣ затѣмъ перешелъ въ открытое возмущеніе. Разбитый на голову бунтовщиками, Эсень бѣжалъ, бросивъ семью и имущество, и былъ убитъ (1456 г.). Такъ жалко кончилъ человѣкъ, испытавшій на себѣ всѣ милости и превратности судьбы и достигшій одно время такого могущества, что обладай онъ большими дарованіями, онъ легко могъ бы покончить съ Минской династіею и основать въ Китаѣ свою собственную [4]).

Со смертью Эсеня кончилось на время и политическое могущество ойратовъ; на сцену вновь выступили восточные монголы, которымъ удалось скинуть ненавистное иго, наложенное на нихъ Тогономъ.

Одинъ изъ ихъ главарей, Болай по имени, розыскалъ Маркэра (Мергусъ-хаса), сына Токто-бухи, и провозгласилъ его ханомъ съ

---

[1]) Согласно съ Сананъ-Сэцэномъ, своимъ тестемъ изъ личной къ нему непріязни. См. Schmidt «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», стр. 159.

[2]) «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», стр. 406.

[3]) «Taissong Chaghan (т. е. Токто-буха) floh aus der Schlacht auf seinem schellen Falben in der Absicht den Kentei-chan zu erreichen und über den Fluss Kerulen zu setzen». Schmidt, op. cit., стр. 159. Ср. Покотиловъ, «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 81.

[4]) Покотиловъ, op. cit., стр. 86. О послѣднихъ дняхъ жизни Эсеня см. «Алтанъ-Тобчи», перев. Гомбоева, въ «Зап. Имп. Археол. Общ.», XIV, 1858, стр. 56—57.

титуломъ сяо-ванъ-цзы. Маркэръ кочевалъ въ Чахарѣ, и съ этого момента вся жизнь и исторія Монголіи переносится на югъ, къ границамъ Китая.

Года правленія Маркэра сопровождались частыми грабительскими набѣгами восточныхъ монголовъ на сѣверные предѣлы Китайской имперіи, которые прекратились лишь въ 1462 году вслѣдствіе неурядицъ, возникавшихъ въ степи. Въ разгарѣ этихъ неурядицъ Маркэръ былъ убитъ. Слѣдовавшіе же за нимъ монгольскіе ханы стали столь быстро смѣняться, что, по словамъ «Минъ-ши», становится уже невозможнымъ въ точности услѣдить за ними [1]).

Такая непрочность ханскаго престола сопровождалась процессомъ децентрализаціи власти, усиленіемъ родовыхъ старшинъ и распаденіемъ монгольскихъ племенъ. Такого распаденія не избѣгли даже ойраты: часть ихъ ушла на р. Гань-гань [2]), имѣя во главѣ сына Эсеня, Хорхудая, часть же откочевала въ Хами, гдѣ, вѣроятно, и поселилась между Хотунъ-тамомъ, Баркулемъ и Номомъ. Къ исходу XV вѣка монголы, кочевавшіе вдоль всей сѣверной границы Китая, къ западу отъ урянхайцевъ, распадались уже на множество поколѣній [3]), которыя пользовались почти полной автономіей, причемъ власть хановъ, титуловавшихся Сяо-ванъ-цзы, признавалась еще только въ Чахарѣ и съ 1473 года въ Ордосѣ.

Въ XVI вѣкѣ среди монголовъ замѣтно усилилось стремленіе къ передвиженію на югъ—въ Ордосъ, Куку-норъ, Амдо и Тибетъ. Это влеченіе на югъ одинъ китайскій сановникъ мѣтко характеризовалъ въ такихъ выраженіяхъ: «всѣ племена монгольскія разсѣялись въ поискахъ за водой и хорошими пастбищами, и войска ихъ разъединились».

Первыя попытки монголовъ проникнуть въ Ордосъ (Хэ-тао) относятся еще ко времени правленія императора Чжэнъ-туна (1445—1450). Во времена же правленій императоровъ Тянь-шуня и Чэнъ-хуа (1457—1488) передвиженіе это приняло настолько внушительные размѣры, что китайцамъ пришлось здѣсь снять свои аванпосты и отодвинуть на югъ свои поселенія.

Въ 1473 г. ордосскіе монголы избрали своимъ ханомъ нѣкоего Маньдагула. У этого Маньдагула оказались, однако, соперники: урян-

---

[1]) Покотиловъ, op. cit., стр. 89.

[2]) Успенскій («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай») приравниваетъ р. Гань-Гань къ Кэму, т. е. верхнему Енисею; Покотиловъ же (op. cit., стр. 91) полагаетъ, что правильнѣе отождествить ее съ р. Орхономъ.

[3]) Успенскій, ib., стр. 98—99.

хайскій князь Доголанъ-тайши и могущественный старшина Маоли-хай, съ которыми ему на первыхъ же порахъ и пришлось помѣриться силами. Но онъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ и на короткое время сталъ единственнымъ повелителемъ восточныхъ монголовъ. Однако время его правленія все же не обошлось безъ внутреннихъ смутъ, которыя послѣ его смерти перешли въ открытое столкновеніе между его преемникомъ, правнукомъ Эсеня, Даянъ-ханомъ и Измаиломъ-тайши (Исама), правившимъ поколѣніями монголовъ, кочевавшихъ къ западу отъ урянхайцевъ. Междоусобная война эта окончилась лишь со смертью Измаила, послѣдовавшей по однимъ источникамъ въ 1483 г., по другимъ же въ 1488 г.

Изъ послѣдующихъ событій внутренней жизни монголовъ пріобрѣтаетъ особое значеніе бунтъ Ибура-тайши (Ибарай, Ибири). Ибура хотя и убилъ ордосскаго намѣстника Даянъ-хана, но былъ не въ силахъ оказать серьезное сопротивленіе послѣднему и бѣжалъ со своими приверженцами [1]) на западъ, къ Куку-нору [2]).

Монголы, явившіеся съ Ибурой-тайши на Куку-норъ, проявили себя тамъ грабежомъ и насиліями. Въ очень короткое время они опустошили всю страну между Хуанъ-хэ и уроч. Гасъ, между Гань-чжоу и Сунъ-панемъ. Впрочемъ, съ ихъ дѣятельностью мы успѣли уже познакомиться нѣсколько выше: это они положили конецъ существованію Аньдинскаго и Цюйсяньскаго княжествъ въ 1512 г.

Съ легкой руки Ибуры на Куку-норъ стали отовсюду стекаться монголы, недовольные общимъ положеніемъ дѣлъ у себя на родинѣ; самъ же Ибура не долго тамъ оставался, и уже около 1530 г. мы его снова видимъ кочующимъ близь Ордоса, въ горахъ Хэ-лань-шань, [3]), гдѣ онъ и былъ убитъ ордосскимъ княземъ Цзи-нанемъ (въ 1533 году).

Несмотря на возникавшія время отъ времени безпорядки въ степи, восточные монголы къ началу XVI столѣтія замѣтно усилились. Это усиленіе прежде всего сказалось въ цѣломъ рядѣ опустошительныхъ набѣговъ, предпринятыхъ ими въ предѣлы Китая. Собственно говоря, со времени смерти Эсеня пограничныя китайскія области въ рѣдкіе годы не испытывали нашествій кочевниковъ, но

---

[1]) Принадлежавшими къ поколѣнію Ордосъ. Ср. «Алтанъ-Тобчи», стр. 74—76.

[2]) Успенскій, ib., стр. 157.

[3]) Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 415, сказано: «Горы Хэ-лань извѣстны у туземцевъ подъ именемъ Ала-шань».

эти нашествія, въ особенности въ первое время, имѣли скорѣе характеръ разбойничьихъ набѣговъ, чѣмъ правильно организованныхъ экспедицій; и только со времени вступленія на престолъ Даянъ-хана монголы стали уже предпринимать болѣе отдаленные и правильно задуманные походы въ Китай.

Особенно участились вторженія восточныхъ монголовъ въ сѣверные предѣлы Китая въ послѣдніе 15—20 лѣтъ правленія императора Цзя-Цзина (1522—1567). Въ 1550 и 1567 годахъ монголы, дѣйствовавшіе обыкновенно въ такихъ случаяхъ порознь, соединялись даже для совмѣстнаго нападенія на имперію, причемъ главныя ихъ силы доходили до Пекина. И хотя миръ, заключенный въ 1568 г. съ однимъ изъ монгольскихъ князей Алтанъ-ханомъ (Аньда китайскихъ лѣтописей [1]) и обезпечилъ на нѣкоторое время спокойствіе на границѣ, однако оно далеко не было полнымъ; со смертью же Алтанъ-хана, послѣдовавшей въ 1582 году, когда децентрализація монголовъ достигла наивысшаго развитія, не проходило уже года, чтобы чахары и урянхайцы не безпокоили сѣверо-восточныхъ предѣловъ имперіи. Такъ продолжалось до покоренія восточныхъ монголовъ маньчжурами, которые начали свое сплошное передвиженіе на югъ въ 1633 году. Впрочемъ, въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія покорены были маньчжурами далеко не всѣ восточные монголы [2]). Ордосцы и халхасцы еще долго послѣ того пользовались полной самостоятельностью.

Послѣ удачныхъ похожденій Ибуры-тайши въ области Кукунора, страна эта стала пользоваться завидной славой у ордосскихъ монголовъ. Въ 1559 г., какъ ею, такъ и сопредѣльной съ нею горной страною Амдо, овладѣлъ вышепомянутый ханъ Алтанъ [3]), который, посадивъ одного изъ своихъ сыновей на Куку-норѣ [4]), другого въ Сунъ-панѣ, къ югу отъ Хуанъ-хэ, въ 1561 г. возвратился обратно въ Ордосъ. Одновременно съ Алтанъ-ханомъ откочевали на западъ и роды Чэчень-тайши, занявшіе подъ свои кочевья столь извѣстныя въ исторіи «Ильмовыя долины» (Юй-гу).

---

[1]) De Mailla, op. cit., X, стр. 318, пишетъ Yenta (Яньда).

[2]) Въ 1634 г. Тай-цзунъ, желая возможно болѣе подорвать силы Китая, отправилъ свои войска на чахаровъ и разбилъ на голову ихъ хана Ликданя, со смертью котораго прекратилось поколѣніе монгольскихъ хановъ на югѣ Гоби (Позднѣевъ, «Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ Эрихэ», стр. 124). Подробнѣе это важное событіе изложено у Горскаго — «Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома» (въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», I, стр. 147).

[3]) «Алтанъ-Тобчи», стр. 80.

[4]) Власть куку-норскихъ монголовъ распространялась въ это время и на земли, лежавшія къ западу отъ Цзя-юй-гуаня.

Въ 1588 г. въ Сининской области впервые появились бѣжавшіе отъ турфанцевъ ойраты; будучи однако послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ китайскими войсками отброшены къ сѣверу, они поселились на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня [1]). Для поясненія этого факта мы должны еще разъ вернуться къ культурнымъ странамъ Восточнаго Тянь-шаня.

---

[1]) Успенскій, ib., стр. 164.

ГЛАВА III.

Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи.

(Продолженіе).

Исторія умалчиваетъ о томъ, какой конецъ постигъ династію идикотовъ Уйгуріи [1]). Между тѣмъ этотъ моментъ обусловилъ распаденіе, а потому и временное ослабленіе княжества. Идикотамъ наслѣдовали Чингисханиды, которые, введя удѣльную систему дробленія земель, очень скоро довели нѣкогда богатую страну до бѣдности и ничтожества.

Еще при Юаняхъ отъ нея отдѣлилось Хами [2]). Въ то же время коренныя уйгурскія поселенія стали обособляться въ самостоятельныя владѣнія; таковы—Турфанъ, Хо-чжоу и Лукчинъ. Исторія Турфана, какъ и всѣхъ остальныхъ княжествъ, на которыя распалась Уйгурія, вплоть до половины XV вѣка представляется мало интересной; но съ этого времени политическое значеніе этого владѣнія быстро усиливается, что подтверждается и китайскою лѣтописью: «Въ началѣ Минской династіи, говоритъ историкъ «Минъ-ши», Турфанъ, находясь между двумя сильными государствами:

---

[1]) Мы знаемъ только, что идикоту Баурчаку (Klaproth считаетъ болѣе правильнымъ писать — Barchu-Alte-Tieghen; см. «Mémoires relatifs à l'Asie», II, стр. 332) наслѣдовали его сыновья и внуки (Klaproth, ib., стр. 336). Засимъ, въ «Географіи Китайскоѣ имперіи», составленной въ концѣ XVIII столѣтія по повелѣнію императора Цянь-луна, мы находимъ еще нижеслѣдующее важное указаніе: «Dans le territoire de Karachar il y a *encore* dix beg ou princes de la troisième à la septième classe, qui gouvernent les mahométans d'Yugour» (Klaproth, ib., стр. 346). Нѣтъ ли здѣсь, однако, какой-либо ошибки въ передачѣ китайскаго текста Клапротомъ? Впрочемъ, это указаніе вполнѣ согласуется съ сохранившимся въ Турфанѣ и Хами преданіемъ, что уйгуры продолжали еще долго жить въ окрестностяхъ этихъ городовъ послѣ того, какъ потеряли первенствующее положеніе въ земляхъ восточнаго Притяньшанья (см. т. I, стр. 458). Въ той же книгѣ Klaproth'a (стр. 358) имѣется указаніе: «Sous Chi-tsou (Khoublai-khan) on y (т. е. въ Бишбалыкѣ) établit un gouvernement sous le titre de Youan-saï-fou (Юань-сай-фу). При этомъ, однако, не говорится, кому было ввѣрено управленіе этой страной.

[2]) Успенскій, «Нѣсколько словъ объ окр. Хами», стр. 3.

Хотаномъ [1]) и Могулистаномъ, былъ слабъ. Впослѣдствіи же, съ паденіемъ могущества этихъ двухъ сосѣдей, онъ сталъ понемногу усиливаться и даже подчинилъ небольшія сосѣднія княжества: Лючэнъ и Хо-чжоу» [2]).

Это китайское указаніе требуетъ, впрочемъ, значительныхъ поясненій и исправленій, ибо Турфанъ возвысился не самъ по себѣ, а потому, что могулистанскіе ханы, присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ въ 1422 году [3]), впослѣдствіи перенесли сюда и свою резиденцію.

Хотя Джучи и Джагатай получили изъ арміи отца только по 4 тысячи человѣкъ [4]), большею частью притомъ изъ невполнѣ еще омонголенныхъ тюрковъ, а потому военныя силы ихъ состояли изъ подвластныхъ тюркскихъ племенъ, тѣмъ не менѣе власть Джучидовъ и Джагатаидовъ была крѣпка, пока не исчезъ страхъ, вну-

---

[1]) О границахъ Хотана временъ Минской династіи мы находимъ нижеслѣдующее указаніе въ китайской географіи: «Le pays de Ju-thian est limitrophe à l'orient de la forteresse de Khiou-sian (Цюй-сянь), au nord de I-li-pa-li (Или-балыкъ; такъ назывался Могулистанъ), et du côté du nord-est de Soutcheou». Ab. Rémusat — «Histoire de la ville de Khotan», стр. 103.

[2]) Покотиловъ, op. cit., стр. 98.

[3]) Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 194. Григорьевъ («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 330), ссылаясь на мусульманскаго историка Хайдеръ-Рази, автора «Тарихи-Хайдери», полагаетъ, что Турфанъ былъ присоединенъ къ Могулистану нѣсколько ранѣе, а именно въ 1369 г., одновременно съ Бишбалыкомъ. Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ извѣстіемъ находятся слѣдующія показанія китайскихъ историковъ: «Въ 1377 г. китайцы предпринимали походъ противъ Турфана (какъ отдѣльнаго владѣнія) ради наказанія его князя за проявленныя имъ хищническія наклонности (Покотиловъ, op. cit., стр. 97); и въ 1422 г. Увейсъ-ханъ овладѣлъ Турфаномъ, изгнавъ оттуда владѣтеля, нѣкоего «In-ghi-rh-ch'a (Ингырча). Оба факта доказываютъ, что до 1422 г. Турфаномъ управляла особая линія князей. Впрочемъ, возможно допустить, что Хызръ-ходжа удовольствовался лишь обложеніемъ Турфана данью, Увейсъ же ханъ рѣшилъ уничтожить и послѣдніе признаки самостоятельности Турфана. (Помянутая выдержка изъ «Тарихи Хайдери» находится у Quatremère въ «Not. et Extr. des man.», XIV, 1, стр. 512).

Считаю умѣстнымъ исправить здѣсь ошибку Григорьева, писавшаго: «Въ Кара-Ходжа встрѣтили пословъ Шахъ-Рока, для составленія списка ихъ свитѣ, китайскіе чиновники, изъ чего приходится заключить, что городъ этотъ въ означенное время (т. е. въ 1420 г.) находился уже опять въ зависимости отъ Китая («Китайскій или Восточный Туркестанъ», стр. 323). Заключеніе это неправильно и основано на невполнѣ ясно усвоенномъ текстѣ. У Абдеръ-Раззака сказано: «Les envoyés partis de ce lieu (Tourfan) le 2e jour de redjeb, arrivèrent le 5 à Karakhodjah. Le 10e jour du même mois, des habitants du Khata se présentèrent, inscrivirent les noms des ambassadeurs et le nombre des personnes attachées à leur suite. Le 19e on s'arrêta dans la ville Ata-Soufi. Le 21e on arriva dans la ville de Kamil» («Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, 1, стр. 389). Изъ сего слѣдуетъ, что китайскіе чиновники встрѣтили посольство Шахъ-Рока не въ Кара-Ходжѣ, а гдѣ то на восточной границѣ тогдашнихъ турфанскихъ владѣній, можетъ быть, въ Янчи. Въ самомъ дѣлѣ, посольство прошло путь отъ Кара-Ходжа до Хами въ 16 дней. Мы сдѣлали тотъ же путь въ 14 дней, считая же дневки — также въ 16 дней. Взявъ за мѣрило длину нашихъ переходовъ, которые, впрочемъ, въ пустынѣ и не могутъ особенно сильно варьировать, мы должны будемъ принять, что пограничная станція между Хами и Турфаномъ находилась въ котловинѣ Янчи.

[4]) Березинъ. Переводъ Рашидъ-эд-Дин'овой «Исторіи Чингисъ-хана», стр. 144.

шенный завоеваніемъ и пока тюркскіе роды и племена, продолжавшіе сохранять родовой бытъ и кочевой образъ жизни, не почувствовали своей силы, благодаря въ особенности раздорамъ между Чингисханидами за власть и удѣлы, при которыхъ одерживали верхъ тѣ, кто привлекалъ на свою сторону сильнѣйшіе роды тюрковъ. Сознаніе родами своей силы, при естественномъ ихъ стремленіи къ самостоятельности, неизбѣжно должно было привести къ разложенію улусовъ Джучіева и Джагатаева [1]).

Уже въ началѣ XIV столѣтія населенныя кочевниками сѣверныя земли Джагатаева улуса стали явно обнаруживать признаки самостоятельности. Послѣдняя усилилась послѣ того, какъ въ 1346 году Джагатаидъ Хассанъ-ханъ былъ убитъ возмутившимися противъ него родовичами, и въ Мавераннагрѣ возникли смуты [2]). Пользуясь ими, Тоглукъ-Тимуръ успѣлъ подобрать подъ свою власть всѣ племена, кочевавшія между Тянь-шанемъ и истоками Оби и Иртыша, и съ огромною арміей перешелъ въ 1359 г. черезъ Сейхунъ [3]). Въ очень короткое время онъ покорилъ весь Мавераннагръ и, такимъ образомъ, вновь соединилъ подъ однимъ скипетромъ почти всѣ земли, входившія нѣкогда въ составъ Джагатаева улуса.

Преемники Тоглукъ-Тимура оказались, однако, уже не въ силахъ удержать въ своей власти всей унаслѣдованной ими территоріи. Уступая значительно въ военныхъ талантахъ знаменитому своему современнику Тамерлану [4]), они отступили сперва за Сейхунъ (въ 1307 г.), а затѣмъ и далѣе на востокъ. Не довольствуясь, однако, и этимъ, Тимуръ въ 1389 г. предпринялъ свой опустошительный походъ внутрь Могулистана [5]), причемъ его войска до-

---

[1]) Аристовъ, «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», etc. (Отд. оттискъ изъ «Живой Старины» за 1896 г., вып. III и IV, стр. 39).

[2]) Исторію этой эпохи читатель найдетъ у Хондемира («Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane», extr. du «Habib essiier» de Khondemir par Defrémery въ «Journal Asiat.» 1852, XIX, стр. 274—279), а также у Шерефъ-эд-Дина — «Histoire de Timur-bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan», trad. en français par Petis de la Croix, I, и у d'Ohsson'a, op. cit., IV.

[3]) Такъ называлась въ то время Сыръ-Дарья. Cherefeddin-Ali — «Histoire de Timur-bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan», trad. en français par Petis de la Croix, I, стр. 26—27.

[4]) Исторія возвышенія Тамерлана и его войнъ съ могулистанскими ханами довольно полно изложена у Иванина — «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-ханѣ и Тамерланѣ». См. также Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 226—230.

[5]) Могулистаномъ называлась восточная часть Джагатаева улуса; западной его границей была р. Или; такимъ образомъ, онъ обнималъ Илійскій край, Джунгарію и Вочточный Туркестанъ до границъ Уйгуріи.

ходили до крайнихъ предѣловъ владѣній Хызръ-ходжи, сына Тоглукъ-Тимурова [1]).

Послѣдній походъ Тамерлана въ Могулистанъ, не имѣвшій особенныхъ результатовъ, такъ какъ войска его, не видя нигдѣ непріятеля, уже отъ береговъ Иртыша возвратились обратно, относится къ 1400 г. [2]). Въ этомъ же году скончался и Хызръ-ходжа, оставивъ послѣ себя четырехъ сыновей, не замедлившихъ вступить въ открытую борьбу между собой изъ за престола и власти.

Этимъ моментомъ рѣшилъ воспользоваться внукъ Тамерлана, мирза Искендеръ, правившій въ Андиджанѣ. Онъ вторгся въ Кашгарію и почти безъ сопротивленія овладѣлъ всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ до Кучи и Хотана. Однако, онъ не сумѣлъ закрѣпить за собой этихъ земель и уже въ слѣдующемъ году вынужденъ былъ вернуться въ Фергану.

Кто въ это время властвовалъ въ остальномъ Могулистанѣ въ точности неизвѣстно. Мохаммедъ-Хайдеръ-Гуреканъ, авторъ «Тарихи-Рашиди», называетъ Мохаммедъ-хана, второго сына Хызръ-ходжи; китайская же лѣтопись утверждаетъ, что Мохаммедъ-ханъ вступилъ на престолъ лишь послѣ смерти своего старшаго брата Шама-Джигана [3]). И въ дальнѣйшемъ ходѣ престолонаслѣдія мы видимъ такія же несогласія обоихъ источниковъ: Хайдеръ-мирза преемникомъ Мохаммедъ-хана, умершаго въ 1415 г., ставитъ сына его, Ширъ-Мохаммеда, китайская же лѣтопись между обоими помѣщаетъ еще и имя Накши-Джигана, сына Шама-Джигана [4]).

---

[1]) У Шерефъ-эд-Дина читаемъ: «Mirza-Omar-cheik traversa la montagne Doubechin Andour et arriva à Cara-Coja» («Histoire de Timur-bec», etc., II, стр. 46). Это, несомнѣнно, сел. Кара-Ходжа въ Турфанскомъ округѣ.

[2]) Всѣхъ походовъ Тамерлана противъ могуловъ было восемь. См. «Histoire de Timur-bec», I, стр. 220, 223, 255, 264, 274, 367; II, стр. 35—55, 66—70. Ср., однако, Хондемира «Исторію монгольскихъ хановъ Туркестана», гдѣ говорится, что между Тимуромъ и Хызръ-ходжей заключенъ былъ мирный договоръ (ib., стр. 282).

[3]) Согласно съ этой лѣтописью показываютъ и нѣкоторые мусульманскіе историки. См. Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 233.

Абдеръ-Раззакъ («Malta-assaadeïn ou madjma-albahreïn», перев. Quatremère, въ «Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques», XIV, 1843, стр. 156) пишетъ совершенно опредѣленно: «L'émir Khodaïdad avait compté sur les secours du Mongolistan, et se flattait que Mohammed-khan, souverain de cette contrée, le seconderait de tout son pouvoir. Mahommed-khan envoya à son secours son frère nommé Schama-Djihan ou Schah-Djihan...» И далѣе (стр. 197 и 199): «L'émir, Scheïkh Nour-eddin s'étant rendu auprès de Mohammed-khan, souverain des Mongols, ce prince avait envoyé à son secours Schama-Djihan, et que tous deux étaient arrivés près de Sairam». «Mohammed-khan désigna un corps de 15,000 hommes, qui, sous le commandement de son frère Schama-Djihan, fit une incursion dans le Ma-wara-annahar».

[4]) Согласно съ нею говоритъ и Абдеръ-Раззакъ: «Un serviteur apporta la nouvelle, que Mohammed-khan, roi du Mongolistan, était mort et avait eu pour successeur au trône son petit-fils

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что съ 1420 [1]) по 1425 годъ, когда въ Могулистанъ вторгся самаркандскій правитель Мирза Улугъ-бекъ [2]), страною этой управлялъ уже Ширъ-Мохаммедъ.

Ширъ-Мохаммеду наслѣдовалъ его племянникъ Вейсъ (Увейсъ)-ханъ. Китайскіе и мусульманскіе историки вполнѣ согласно рисуютъ его мужественнымъ и энергичнымъ правителемъ. Съ небольшой кучкой своихъ приверженцевъ онъ успѣшно боролся со своимъ дядей и неизмѣнно оставался побѣдителемъ во всѣхъ своихъ безчисленныхъ стычкахъ съ ойратами. Въ 1422 г. онъ овладѣлъ Турфаномъ и, поселившись въ его окрестностяхъ, не разъ предпринималъ оттуда далекія поѣздки на югъ, въ горы Чолъ-тагъ и котловину Лобъ, для охоты на дикихъ верблюдовъ [3]). Но охотясь и воюя, Вейсъ-ханъ не забывалъ и другихъ обязанностей правителя. Такъ, мусульманскіе историки упоминаютъ о томъ, что, благодаря его заботамъ, въ окрестностяхъ Турфана было проведено много новыхъ карысей [4]).

По смерти Вейсъ-хана, послѣдовавшей въ 1428 году, между двумя его сыновьями—Юнусомъ и Иса-Буга возгорѣлась борьба за престолъ, которая окончилась торжествомъ послѣдняго и бѣгствомъ Юнуса къ Мирзѣ Улугъ-беку. Какія событія внѣшней жизни сопровождали правленіе Иса-Буги, въ точности намъ неизвѣстно. Надо думать однако, что, возникшая при Вейсъ-ханѣ, борьба съ ойратами не прекращалась и при его преемникѣ. Это я заключаю изъ того факта, что между 1452 и 1455 годами Узъ-Тимуръ-тайши, предводительствуя калмыками, прошелъ не только Могулистанъ и Четэ [5]), но и вторгся въ предѣлы Кипчакскаго царства, откуда,

---

Khizr-khodjah-oglan-Nakschi-Djihan, fils du Schama-Djihan (ib., стр. 277). Извѣстно также, что въ 1416 г. Шахъ-Рокъ принималъ пословъ Накши-Джигана (Абдеръ-Раззакъ, ib., стр. 296).

[1]) Вейсъ-ханъ воевалъ со своимъ дядей Ширъ-Мохаммедомъ уже въ 1420 году.

[2]) Улугъ-бекъ былъ сыномъ Шахъ-Рока и внукомъ Тимура.

[3]) Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 234.

[4]) О томъ, что такое «карысь», см. т. I, стр. 326.

[5]) Подъ именемъ Четэ, Четэйскаго улуса, была извѣстна сѣверо-западная часть улуса Джагатаева. Границами его были на востокѣ р. Или, на западѣ Кипчакское царство, на югѣ Кара-тау и Тянь-шань. Дегинь и другіе оріенталисты производятъ это имя отъ нѣкогда здѣсь обитавшаго народа юэчжи, ѣда, ѣта, геты и проч. (см. Bretschneider, op. cit., II, стр. 225, прим. 1013). Это словопроизводство Григорьеву («Восточный Туркестанъ», стр. 314) не кажется невѣроятнымъ. По китайскимъ извѣстіямъ, въ V вѣкѣ къ сѣверу отъ Полоны (Ферганы) существовало владѣніе Чжеше (см. Іакинфъ, «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», III, стр. 138); это — Ташкентъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что нѣкоторые мусульманскіе историки употребляютъ терминъ Четэ въ качествѣ синонима Могулистана. См. объясненіе слова «Четэ» у Аристова, op. cit., стр. 343. Совершенно новое толкованіе этому географическому наименованію даетъ L. Cahun («Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405», стр. 44): «Les Turcs l'appelaient d'un nom commun à leur langue et à celle des Mongols: *tchétè*, «la frontière, les Marches». C'était là, que les anciens

повернувъ къ югу, долиной Сейхуна достигъ предѣловъ Мавераннагра и, опустошивъ какъ эту страну, такъ и Ташкентъ, вернулся назадъ въ западную Монголію [1]). Въ 1456 г. Иса-Буга вторгся въ Фергану, въ отместку за что тогдашній правитель Самарканда Абу-Саидъ освободилъ Юнуса и, снабдивъ войсками, отправилъ его противъ брата. Юнусъ взялъ Кашгаръ, но при Аксу, столкнувшись съ Исанъ-Бугой, потерпѣлъ полное пораженіе, послѣ чего едва спасся бѣгствомъ въ Самаркандъ.

Иса-Буга умеръ въ 1462 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его Дусть-Мохаммедъ, который умеръ въ 1466 году, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Кепека. Престолъ перешелъ къ Юнусу, первой заботой котораго было удалить Кепека въ Турфанъ, гдѣ мальчикъ вскорѣ затѣмъ и былъ умерщвленъ [2]).

Въ 1472 г. въ предѣлы Могулистана вторглись ойраты, которые нанесли Юнусу жестокое пораженіе при р. Или и преслѣдовали остатки его арміи до р. Сейхуна. Юнусъ нашелъ убѣжище у правителя Ташкента и вернулся назадъ [3]) лишь послѣ того, какъ ойраты покинули его земли.

Въ это время въ Кашгаріи, находившейся въ зависимости отъ хановъ Могулистана и управлявшейся со временъ Тоглукъ-Тимура наслѣдственными беками, возникли крупные безпорядки. Столь извѣстный въ исторіи Восточнаго Туркестана Абу-Бекръ возсталъ противъ своего дяди Мохаммедъ-Хайдеръ-мирзы и, нанеся какъ ему, такъ и Юнусу, рядъ пораженій, объявилъ себя въ 1480 г. правителемъ Алтышара [4]).

Турфанъ, не играя роли столицы Могулистана, тѣмъ не менѣе много выигралъ отъ своего присоединенія къ владѣніямъ этого полукочеваго государства [5]). Онъ богатѣлъ и развивался съ каж-

---

Turcs, et leurs prédécesseurs, les Tie-le, et les prédécesseurs des Tie-le, connus ou anonymes, faisaient séjour pour réposer leurs chevaux, reprenaient haleine avant de risquer le passage du Yaxartes», etc.

[1]) Howorth — «History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century», II, стр. 688.

[2]) Существуетъ, однако, указаніе, что Кепекъ княжилъ въ Турфанѣ, хотя и недолго, такъ какъ уже въ 1469 году исторія застаетъ тамъ нѣкоего Али, правившаго страной съ титуломъ султана. Мнѣ не удалось выяснить, въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находился этотъ Али къ хану Юнусу. Судя однако по титулу — «султанъ», что соотвѣтствуетъ русскому — «царевичъ», можно думать, что Али былъ однимъ изъ сыновей Юнуса или его ближайшимъ родственникомъ.

[3]) Магометанскіе историки сообщаютъ, что ташкентскій правитель держалъ Юнуса у себя въ плѣну и что изъ этого плѣна послѣдній былъ освобожденъ однимъ изъ могулистанскихъ эмировъ.

[4]) Эпоха царствованія Абу-Бекра довольно полно изложена у Quatremère («Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, 2, стр. 482—487) и у Григорьева («Китайскій или Восточный Туркестанъ», стр. 316—322).

[5]) Указать съ точностью, какой изъ городовъ Могулистана служилъ ему столицей, трудно. Юнусъ нѣкоторое время жилъ въ Аксу; но родовичи потребовали отъ него перехода на сѣверные

дымъ годомъ и вскорѣ пріобрѣлъ такое политическое значеніе, что ему китайская лѣтопись стала приписывать дѣйствія, которыя несомнѣнно совершены были силами всего Могулистана. Къ такимъ дѣйствіямъ прежде всего слѣдуетъ отнести завоеваніе княжества Хами, а затѣмъ и набѣги на область Хэси.

Ко времени усиленія Турфана Хами переживалъ бурную эпоху: прямая линія правившихъ въ оазисѣ Чингисханидовъ пресѣклась; и это обстоятельство незамедлило вызвать въ странѣ крупные безпорядки, которые вскорѣ и довели ее до полнаго истощенія силъ и невозможности противустоять грабительскимъ набѣгамъ кочевыхъ монголовъ. Наконецъ, перевѣсъ получилъ нѣкій Ба-та-му-эрръ и ханьша Ну-вэнь-да-ши-ли, мать покойнаго князя, державшая сторону аньдинскаго князя, другого претендента на хамійскій престолъ, должна была временно удалиться въ Ку-юй [1]). Событіе это слѣдуетъ отнести къ концу шестидесятыхъ годовъ XV столѣтія, а въ 1472 году, вслѣдствіе смерти князя Ба-та-му-эрръ, въ Хами вновь возникли междоусобія.

Этимъ-то моментомъ, по словамъ китайской лѣтописи, и рѣшилъ воспользоваться турфанскій владѣтель Али, съ 1469 года правившій областью съ титуломъ султана [2]). Какъ и слѣдовало

склоны Тянь-шаня. Мы видѣли также, что Вейсъ-ханъ облюбовалъ Турфанъ. Однако, несомнѣнно, что не эти города, а или древній Бишбалыкъ или Или-Балыкъ долженъ былъ служить столицей Могулистану; можетъ быть даже, оба въ этой роли чередовались, а потому Могулистанъ и отождествлялся то съ Бишбалыкомъ, то съ Или-балыкомъ. Безусловно, однако, невѣрно указаніе проф. Н. Веселовскаго, что столицею Джагатаидовъ былъ городъ Бишбалыкъ на р. Или («Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, 20 полутомъ, стр. 516). Такого города никогда не существовало. Немаловажную ошибку дѣлаетъ и Хондемиръ («Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane», extraite du «Habib essiier» de Khondémir par Defrémery въ «Journal Asiatique», 1852, XIX, стр. 77), указывающій на Бишбалыкъ, какъ на столицу Джагатая. Какъ мы видѣли выше, Бишбалыкъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ Джагатаева улуса лишь Хызръ-ходжей. У Джувейни (Ala-Eddin-Ata-Mélik-Djouveïni, въ «Journal Asiatique», 1852, XX, стр. 399) читаемъ: «Ses quartiers (т. е. Джагатаевы), pendant le printemps et l'été, se trouvaient dans Almalik et Koutak».

[1]) Покотиловъ (op. cit., стр. 94) не даетъ указанія на мѣстоположеніе этого Куюй'я. Я отыскалъ такое указаніе у Палладія, въ его письмѣ къ А. Е. Влангали, опубликованномъ въ «Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» за 1873 г., IX, стр. 304—306. Вотъ, что онъ пишетъ: «Когда хамильцы были тѣснимы отъ турфанскихъ султановъ, минское правительство построило для нихъ особый городъ въ 400 ли отъ Су-чжоу, на пути къ Хами, гдѣ и поселило ихъ. Этотъ городъ извѣстенъ въ китайской исторіи подъ именемъ Ку-юй-чэнъ (обширныя его развалины и слѣды водопроводовъ видны до сихъ поръ), но сами туземцы называли его Далту, неизвѣстно на какомъ языкѣ. Черезъ нѣсколько времени турфанцы двинулись на Куюй и поселенцы его бѣжали въ Ганьсу». Вышеприведенное разстояніе отъ Су-чжоу указываетъ, что Ку-юй долженъ былъ находиться гдѣ-то близъ Юй-мыня. Мѣстное преданіе свидѣтельствуетъ, однако, что древнѣйшимъ поселеніемъ туркестанцевъ въ этомъ краю является сел. Хуй-хуй-пу. Къ вопросу о мѣстоположеніи Ку-юя мы, впрочемъ, будемъ имѣть еще случай вернуться ниже.

[2]) Изъ того факта, что Али сносился съ Пекиномъ какъ самостоятельный правитель, слѣдуетъ вывести заключеніе, что въ это время Турфанъ пріобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность.

ожидать, въ Хами онъ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія, но, присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ, онъ сразу же поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ пекинскому двору, считавшему хамійскаго князя въ числѣ вассаловъ Китая. Впрочемъ, китайское правительство не обнаружило особаго желанія съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту попранныхъ правъ. Это видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что сперва оно пыталось натравить на турфанскаго султана ханьдунцевъ и чигиньцевъ, и только тогда уже, когда этотъ планъ совершенно не удался, оно рѣшилось, наконецъ, снарядить экспедицію противъ Турфана. Но походъ этотъ ничѣмъ не окончился; экспедиціонный отрядъ, составленный изъ всякаго сброда, разбрелся, не дойдя даже до Булунгира. Между тѣмъ легко доставшаяся Али побѣда надъ хамійцами возбудила въ немъ жажду къ новымъ завоеваніямъ. Онъ напалъ на ойратовъ, разбилъ ихъ и, полонивъ до 10,000 человѣкъ, вернулся обратно. Въ 1478 г. Али скончался, а съ нимъ вмѣстѣ закончилось и кратковременное существованіе Турфана, какъ полунезависимаго владѣнія.

Юнусъ-ханъ умеръ въ Ташкентѣ въ 1496 г. Но еще задолго до его смерти его обширная монархія распалась на двѣ части, причемъ на долю его старшаго сына, Махмуда, унаслѣдовавшаго титулъ «старшаго хана», достался Ташкентъ и земли Четэйскаго улуса, на долю же младшаго сына, султана Ахмеда [1]), Или-балыкъ, весь Уйгуристанъ и Кашгарія, находившаяся, впрочемъ, отъ могулистанскихъ хановъ лишь въ номинальной зависимости.

Ахмедъ-ханъ былъ человѣкомъ большой энергіи. За нимъ сохранилось прозвище «Аладжи-ханъ», что значитъ — «ханъ, жаждущій крови», данное ему за его частыя стычки съ ойратами [2]). Его борьба съ хамійскими князьями была, однако, не столь удачной, такъ какъ привела, послѣ возстаній въ 1482, 1489 и 1495 годахъ, къ признанію за ними полной самостоятельности. Впрочемъ, въ это время все вниманіе Ахмеда сталъ отвлекать Западъ, гдѣ

Али наслѣдовалъ Кепеку и умеръ раньше Юнуса. Со смертью Али престолъ турфанскій перешелъ къ младшему сыну Юнуса — Ахмеду, который правилъ здѣсь нѣкоторое время съ титуломъ султана почти совершенно самостоятельно.

[1]) Китайцы считаютъ этого Ахмеда сыномъ Али. Принятіе же имъ ханскаго титула относятъ къ 1494 г. (De Mailla, op. cit., X, стр. 258).

[2]) Quatremère (въ «Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, стр. 485) пишетъ: «le prince sanguinaire».

совершенно неожиданно выдвинулась новая сила въ лицѣ узбековъ [1]).

Махмудъ-ханъ, покоривъ г. Туркестанъ въ 1497 г., ввѣрилъ его управленіе узбеку Мохаммедъ-Шейбани-хану, который нѣсколько лѣтъ спустя вмѣшался въ династическія распри изъ-за обладанія наслѣдствомъ Тимура и овладѣлъ Самаркандомъ (1500 г.). Съ этимъ Шейбани-ханомъ поднялось и прикочевало изъ Кипчакскихъ степей въ Мавераннагръ значительное число узбекскихъ поколѣній, которыя и осѣли въ долинѣ р. Зеравшана. Но такое усиленіе Шейбани-хана не входило въ разсчетъ Махмудъ-хана; между эмиромъ и ханомъ возникли натянутыя отношенія, не замедлившія перейти въ открытую вражду. Шейбани собралъ войска, переправился черезъ Сейхунъ и подступилъ къ Ташкенту. Въ эту критическую минуту подоспѣлъ на помощь брату Ахмедъ-султанъ съ 1,500 чел. конницы [2]). Но этихъ вспомогательныхъ силъ оказалось слишкомъ недостаточно; оба брата были разбиты и въ бѣгствѣ захвачены въ плѣнъ. Ахмедъ-султанъ освободился изъ него только въ 1504 году, но по дорогѣ въ Могулистанъ умеръ [3]).

Ахмеду наслѣдовалъ сынъ его Мансуръ, правившій Могулистаномъ съ 1504 по 1544 г.

Въ 1513 г. онъ покорилъ Хами [4]). Выше мы видѣли, что та же участь постигла и владѣнія ша-чжоу'скихъ и чигиньскихъ монголовъ. Въ 1518 г. Мансуръ-ханъ, не довольствуясь захватомъ

[1]) Имя узбековъ первоначально давалось тюркскимъ племенамъ восточной части Джучіева улуса для отличія ихъ отъ джагатайцевъ или племенъ улуса Джагатаева. Ранѣе Узбекъ-хана, царствовавшаго съ 1312 по 1342 г., оно не встрѣчается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало отъ имени этого государя. Во второй половинѣ XV вѣка, когда отложившіяся части тюркскихъ родовъ приняли наименованіе казаковъ, оставшіяся вѣрными Абулъ-хаиръ-хану и его потомству, части тѣхъ же родовъ удержали названіе узбековъ. Въ составѣ узбековъ играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренныхъ монголовъ и сѣверо-восточныхъ тюркскихъ племенъ, составлявшихъ «полкъ» Джучи, и жившее службою ханамъ и вообще Чингисханидамъ служилое сословіе (Аристовъ, op. cit., стр. 146—147). Хондемиръ («Исторія Монголовъ», пер. Григорьева, стр. 40) пишетъ: «Улусъ узбековъ ведетъ свое начало отъ Узбекъ-хана».

[2]) Это была не первая помощь, оказанная Ахмедъ-султаномъ своему брату. Еще раньше онъ прогналъ изъ подъ Ташкента казаковъ, нанеся имъ послѣдовательно три пораженія.

[3]) Что касается Махмудъ-хана, то онъ былъ нѣсколько позднѣе умерщвленъ по приказанію Шейбани-хана (см. Хондемиръ, «Ист. монг. хан. Туркестана», l. c., стр. 287). Событіе это имѣло мѣсто въ Ходжентѣ.

[4]) Всѣ войны Хами и Турфана сопровождались эмиграціей коренныхъ хамійцевъ въ Хэси. Китайская лѣтопись утверждаетъ даже, что въ 1526 г., когда Мансуръ-ханъ въ послѣдній разъ занялъ своими войсками Хами, изъ послѣдняго бѣжали всѣ его жители и поселились частью въ Су-чжоу, частью въ Ша-чжоу (De Mailla, op. cit., X, стр. 305). Это извѣстіе подтверждается преданіемъ современныхъ хамійцевъ, которые разсказываютъ, что они—пришлый народъ (см. Матусовскій въ «Очеркахъ Сѣверо-Западной Монголіи» Потанина, I, стр. 166; а также I т., стр. 317). Мансуръ-ханъ былъ приверженцемъ ислама. Не подъ его ли давленіемъ послѣдніе буддисты-уйгуры покинули Хамійскій оазисъ?

*

китайскихъ земель, лежавшихъ къ западу отъ Цзя-юй-гуаня, проникъ за Великую стѣну и осадилъ Су-чжоу. Однако, осада эта должна была быть вскорѣ снята, такъ какъ изъ Турфана получились тревожныя вѣсти о нашествіи на Могулистанъ ойратовъ подъ предводительствомъ нѣкоего Болю-вана [1]). Изъ этого факта мы должны заключить, что побѣдоносные походы Вейсъ-хана и султана Ахмеда ни мало не ослабили ойратовъ, которые нѣтъ-нѣтъ да и заявляли о себѣ опустошительными набѣгами на Бишбалыкъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, столкновеніе закончилось миромъ. Нѣсколько времени спустя мы даже видимъ Мансуръ-хана въ союзѣ съ Болю-ваномъ вторично нападающимъ на Су-чжоу. Но затѣмъ наступаетъ новый разладъ между турфанцами и ойратами, завершившійся полнымъ разгромомъ послѣднихъ въ 1530 г. Получивъ отпоръ на западѣ, ойраты устремили свои взоры на югъ. По словамъ китайской лѣтописи, нападенія ихъ на Су-чжоу, Гань-чжоу и Куку-норъ участились настолько, что не на шутку встревожили даже восточныхъ монголовъ. Алтанъ-ханъ [2]) двинулся противъ нихъ лично, но былъ ими разбитъ и отброшенъ къ границамъ Гань-су [3]). Послѣдующія событія намъ неизвѣстны, но уже въ 1588 г. мы снова встрѣчаемся съ партіей ойратовъ, которые, спасаясь отъ меча турфанцевъ, проникаютъ въ долину Сининской рѣки.

Это бѣгство ойратовъ заставляетъ насъ думать, что къ концу XVI вѣка восточный Могулистанъ былъ еще достаточно силенъ. Но исторія не сохранила намъ имени того, кто въ это время управлялъ имъ. Изъ преемниковъ Мансура намъ извѣстенъ только его сынъ Ша-ханъ (1545 - 1570), о которомъ упоминаютъ какъ мусульманскіе, такъ и китайскіе историки [4]). Но какая судьба постигла это

---

[1]) У de Mailla, op. cit., X, стр. 288, читаемъ, что Болю-ванъ дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ китайцами.

[2]) О немъ см. выше, стр. 81.

[3]) Успенскій, op. cit., стр. 163. Ср., однако, «Алтанъ Тобчи», стр. 80, и монгольскую лѣтопись Сананъ-Сэцэна («Geschichte der Ost-Mongolen u. ihres Fürstenhauses», etc., aus dem mongolischen übersetzt von S. Schmidt, стр. 209), утверждающихъ нѣчто совершенно обратное, а именно, что Алтанъ-ханъ нанесъ ойратамъ рѣшительное пораженіе въ 1552 году.

[4]) Согласно китайскимъ извѣстіямъ, Ша-хану наслѣдовалъ его братъ Ма-хей-ма (Мохаммедъ), ранѣе отнявшій у Ша-хана, при помощи ойратовъ, часть Хамійскаго оазиса; но противъ него тотчасъ же возстали три его брата, причемъ одинъ изъ нихъ, по имени Софэй (Суфи?), поспѣшилъ даже принять титулъ султана и отъ своего имени снарядилъ посольство въ Китай, что случилось до 1573 г. Все это достаточно темно. Откуда взялись у Мохаммеда еще три брата? И не слѣдуетъ ли считать Софэй-султана за Суфи-султана кашгарскаго, пятаго сына Рашида? Тогда и время присоединенія Уйгуристана къ Кашгаріи опредѣлится 1570 годомъ (ср. Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 198). Предположеніе это подтверждается словами Хайдеръ-Рази, который писалъ: «Абдъ-эл-Латифъ-Султанъ правилъ городомъ Аксу и всѣмъ остальнымъ Могулистаномъ». Quatremère, въ «Notices et Extraits des manuscrits», XIV, стр. 511.

государство засимъ? Патеръ Гоэсъ, который посѣтилъ Восточный Туркестанъ въ 1603—1605 годахъ, утверждаетъ, что Турфанъ и Хами въ его время входили въ составъ земель Кашгарскаго царства и управлялись намѣстникомъ изъ Чалыша, т. е. Карашара. Это возможно, такъ какъ со временъ Абу-Саида, второго сына султана Ахмеда, Кашгаріей правила преемственно младшая линія хановъ Могулистана. Въ 1514 году Абу-Саидъ отнялъ у Абу-Бекра Яркендъ, а вскорѣ затѣмъ овладѣлъ и всей остальной его территоріей [1]). Историки рисуютъ этого правителя крайне предпріимчивымъ человѣкомъ, что, впрочемъ, легко заключить и изъ его дѣйствій; такъ, онъ перенесъ свое оружіе на западъ и югъ отъ Памира и овладѣлъ какъ Бадакшаномъ, такъ и всей Пригиндукушской страной. Онъ умеръ въ 1533, передавъ свой престолъ сыну Абдъ-эр-Рашиду, правившему государствомъ до 1566 года и прославившемуся побѣдой надъ казаками, съ которыми дотолѣ могулы не могли помѣряться силами [2]). Борьба съ казаками [3]) и киргизами [4]) продолжалась и при сынѣ Абдъ-эр-Рашида, Абдъ-эль-

[1]) За исключеніемъ, однако, Бая и Кучи (Вельяминовъ-Зерновъ, «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», т. II, стр. 200), въ которыхъ княжилъ единоутробный братъ Мансура — Бабачакъ-султанъ.

[2]) Григорьевъ, op. cit., стр. 322. Въ союзѣ съ узбеками шейбанидскими (Вельяминовъ-Зерновъ, т. II, стр. 220—223 и 331).

[3]) Объ образованіи киргизъ-казачьяго союза мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія у Аристова (op. cit., стр. 40—41). Распаденіе улуса Джучіева началось во второй четверти XV вѣка образованіемъ въ западной половинѣ улуса независимыхъ ханствъ Крымскаго и Казанскаго и довершилось въ третьей четверти того же вѣка гибелью Абулъ-хаиръ-хана и образованіемъ союза киргизъ-казачьяго. Въ 1455 г. отъ Абулъ-хаира отложились султаны Гирей и Джанибекъ, которые съ присоединившимися къ нимъ частями различныхъ тюркскихъ родовъ нашли убѣжище въ Джагатаевомъ улусѣ, на р. Чу. Недовольство ханомъ продолжало, однако, возрастать и закончилось въ 1465—1466 гг. со смертью Абулъ-Хаиръ-хана и нѣсколькихъ его сыновей въ бою съ возставшими родоначальниками. Тогда восточная часть улуса Джучи распалась окончательно. Часть составлявшихъ его родовъ присоединилась къ казакамъ, собравшимся около султановъ Гирея и Джанибека, часть же, оставшаяся на нѣкоторое время безъ главы и организаціи, ушла затѣмъ съ Шейбани-ханомъ въ Самаркандъ.

Это толкованіе происхожденія казацкаго союза заимствовано Аристовымъ у Мохаммедъ-Хайдера, автора «Тарихи-Рашиди» (см. Вельяминовъ-Зерновъ, «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», II, стр. 271—273).

[4]) По мнѣнію Аристова (op. cit., стр. 121), нынѣшніе кара-киргизы суть потомки отдѣлившейся ранѣе III вѣка до Р. Хр. вѣтви киргизскаго племени, которая кочевала въ III столѣтіи до Р. Хр. между Танну-ола и восточнымъ Тянь-шанемъ и которая образовала на западной границѣ хунновъ союзъ усуньскій. Отсюда покоренные хуннами усуни, около половины II вѣка до Р. Хр., были двинуты въ западный Тянь-шань. Здѣсь усуньскій союзъ послѣ Р. Хр. распался и составлявшіе его роды и второстепенные союзы были послѣдовательно подчиняемы тукіэсцами, карлыками, кара-киданями, монголами, коканцами и, наконецъ, русскими Занимавшіе горную часть западнаго Тянь-шаня роды кара-киргизовъ успѣли и до настоящаго времени сохранить свою племенную обособленность, обитавшіе же въ прилегающихъ съ сѣвера къ Тянь-шаню степяхъ, должны были вступить въ сложные союзы съ племенами кангловъ и дулатовъ и потерять самостоятельное родовое существованіе, за исключеніемъ поколѣнія сары-уйсунъ, которое со-

Латифѣ, который даже погибъ съ ними въ бою, имѣя всего лишь 29 лѣтъ отъ роду. Ему наслѣдовалъ на престолѣ Кашгаріи его братъ Абдъ-эль-Керимъ, на которомъ всѣ наши свѣдѣнія о Джагатаидахъ Могулистана, къ сожалѣнію, и прекращаются. Однако, въ мусульманскихъ лѣтописяхъ находится еще одно, крайне для насъ важное, указаніе, а именно, что правителемъ г. Кашгара послѣ смерти Суфи-султана, послѣдовавшей около 1570 года, былъ его

хранило свое имя и нѣкоторую обособленность среди дулатовъ и прочихъ поколѣній большой орды.

Самыхъ усуней Аристовъ считаетъ народомъ смѣшаннаго происхожденія, помѣсью динлиновъ (бѣлокурой и голубоглазой расы) и тюрковъ («Живая Старина», 1894 г., вып. III и IV, стр. 459—465).

Такъ какъ Аристовъ напечаталъ еще не вполнѣ законченное изслѣдованіе о происхожденіи кара-киргизовъ, причемъ не указалъ даже всѣхъ тѣхъ данныхъ, на основаніи коихъ онъ пришелъ къ столь интересному выводу, то теперь еще не время заниматься его провѣркой. Я позволю себѣ только вывести на справку нижеслѣдующія свидѣтельства китайской исторіи. Комментаторъ «Исторіи Старшаго Дома Хань» Янь Шы-гу, жившій въ половинѣ VII вѣка, писалъ нижеслѣдующее: «Усуньцы обликомъ весьма отличны отъ другихъ иностранцевъ Западнаго края. Нынѣ иностранцы съ голубыми глазами и рыжими бородами, похожіе на обезьянъ, суть потомки ихъ». Это означаетъ, что усуни, жившіе между Куръ-кара-усу и Иссыкъ-кулемъ, могли имѣть лишь ничтожную примѣсь тюркской крови. Далѣе въ китайской исторіи говорится: «Жеужане нѣсколько разъ нападали на Усунь, что и заставило усуньцевъ переселиться въ Луковыя горы», т. е. на Памиры (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о народахъ Ср. Азіи», III, стр. 162). Мнѣ кажется, это важное указаніе, котораго не слѣдовало бы обходить при обсужденіи столь сложнаго вопроса, какимъ является, несомнѣнно, вопросъ о происхожденіи кара-киргизской народности. «Усуни ушли на Памиръ...» Не они ли должны считаться предками голубоглазыхъ и бѣлокурыхъ-шугнанцевъ и другихъ гальча? Впрочемъ, для объясненія бѣлокураго цвѣта волосъ шугнанцевъ можно обойтись и безъ этой гипотезы, такъ какъ извѣстно, что древніе иранцы принадлежали къ бѣлокурой расѣ. У кашгарцевъ (Іакинфъ, ib., стр. 224) эти особенности древнеиранскаго типа сохранились даже въ VII вѣкѣ.

Если бы усуни положили основаніе народу кара-киргизскому, то несомнѣнно, что въ его средѣ мы встрѣтили бы и теперь не мало бѣлокурыхъ. Между тѣмъ этого нѣтъ. За свои многолѣтнія странствованія по Памиру, Алаю и Тянь-Шаню я только однажды встрѣтилъ рыжеволосаго, съ зеленовато-голубыми глазами, но съ совершенно монгольскимъ складомъ лица, кара-киргиза рода Барги (въ Талдыкскомъ ущельѣ). Шатеновъ было достаточно, преимущественно среди родовъ: Канглы, Команъ и Кара-Багышъ (въ Андижанскомъ уѣздѣ), Монголъ, Тогай, Саякъ и Султы (въ дол. Нарына), Барги и Кипчакъ (на Алаѣ); среди киргизовъ родовъ Сары-Багышъ и Чирыкъ (въ долинѣ Нарына), Чумъ-багышъ (на кашгарскомъ склонѣ Тянь-шаня), Таитъ (на Алаѣ), Кыдырша (въ Каратегинѣ), Кипчакъ, Чигитыръ, Кыдырша, Найманъ (на Памирѣ) шатены—большая рѣдкость. Я не видѣлъ послѣднихъ среди памирскихъ кара-киргизъ родовъ: Дульбаръ-наурусъ, Сары-таитъ (на р. Мургабѣ), Кара-таитъ (у подошвы Музъ-тага), Кизылъ-аякъ, Утынчи, Кочкаръ (въ ур. Тагарма), Таитъ (на р. Акъ-су), Бустангъ и Туллясъ (на р. Мазаръ) и среди кара-киргизъ р. Ульджакъ, кочующихъ близъ укр. Гульчи. Наиболѣе свѣтловолосымъ изъ всѣхъ каракиргизскихъ родовъ я считаю родъ Барги, кочевья котораго находятся на сѣверныхъ склонахъ Алайскихъ горъ.

При этомъ считаю не лишнимъ отмѣтить странное противорѣчіе между вышеприведенными извѣстіями, приводимыми Іакинфомъ, и тѣмъ, что пишетъ Klaproth («Tableaux historiques de l'Asie», стр. 166): «Quand les Sian-pi (сяньбійцы) devinrent puissants, ils subjuguèrent aussi les Ou-sun (насколько, однако, извѣстно, сяньбійцы только во II вѣкѣ распространили свою власть такъ далеко на западъ), et les forcèrent, par des incursions continuelles, d'abandonner leur pays et de se retirer à l'occident et au nord-ouest. Cet événement eut lieu au commencement du IV siècle. Une partie de la nation se diispersa dans le pays situé sur le Iaxartes supérieur (стало быть

братъ Мохаммедъ-султанъ, шестой сынъ Рашида. Не этого-ли Мохаммедъ-султана засталъ іезуитъ Гоэсъ правителемъ всей Кашгаріи [1])?

Если это предположеніе вѣрно, то вся дальнѣйшая исторія Могулистана намъ становится ясной. Со смертью Ша-хана власть надъ всѣмъ Притяньшаньемъ переходитъ къ потомкамъ Рашида, правившимъ страной изъ Яркенда. Интересы этихъ послѣднихъ

въ Ферганѣ?) et dans la Transoxiane, une autre se retira dans la partie méridionale de la steppe des Kirghiz, qui avoisine l'Irtyche. En 619 ils devinrent sujets des Thou-khiu, et il parait qu'ils ont fini par ce confondre avec cette dernière nation». Я не знаю, гдѣ во всемъ изложенномъ кончается китайскій авторъ, а гдѣ начинается Клапротъ, но во всякомъ случаѣ указаніе на начало IV вѣка, когда усилившіеся сяньби, будто бы, покорили усуньцевъ, не совсѣмъ точно.

Краткая исторія сяньбійцевъ слѣдующая: Въ 93 г. по Р. Хр. они овладѣли наслѣдіемъ хунновъ — почти всей Монголіей. Однако, они не имѣли общаго главы и каждый ихъ аймакъ управлялся самостоятельно (см. Іакинфъ «Записки о Монголіи», II, стр. 53). Около 150 г. нѣкто Таньшихай объединилъ сяньбійскія поколѣнія и простеръ свои завоеванія на сѣверъ до Томска, на западъ до р. Или; но въ 235 г. могущество сяньбійцевъ пало окончательно и союзъ ихъ распался. Впрочемъ, два восточныхъ поколѣнія ихъ, Мужунъ и Тоба, успѣли быстро усилиться и даже основать въ сѣверномъ Китаѣ двѣ смѣнившія одна другую династіи — Янь (352—440) и Вэй (386—557). Въ 399 г. первый императоръ послѣдней династіи Тоба-Гуй простеръ свои завоеванія до Тарбагатая, но эта страна вскорѣ отнята была у него жеужаньцами, которые овладѣвъ Джунгаріей и Халхою, основали здѣсь, въ 402 г., независимое царство. Къ этому времени именно и слѣдуетъ пріурочить бѣгство усуней на югъ, въ Цунъ-линь, гдѣ ихъ, вѣроятно, и засталъ уже, въ 436 г., посолъ императора Тоба-Дао. Что касается до нижеслѣдующихъ мѣстъ китайской лѣтописи: «При дворѣ (рѣчь идетъ о княжествѣ Тоба) произошло великое смятеніе.... Юйлюй возведенъ на престолъ. Онъ на западѣ завоевалъ *древнія* усуньскія земли, на востокѣ покорилъ все, лежащее отъ Уги на западъ. Имѣя отборную конницу, Юйлюй въ 318 г. сдѣлался сильнымъ воиномъ въ сѣверной странѣ. Но уже въ 321 г. открылись смятенія въ его домѣ и... Юйлюй былъ убитъ» (Іакинфъ, op. cit., I, стр. 193). И дальше: «Поколѣнія раздѣлились и разсѣялись. Но Шеигянь соединилъ ихъ, установилъ штатъ чиновниковъ и издалъ уголовные законы; наконецъ... народъ успокоился. Послѣ сего съ востока отъ Сумо на западъ до Полона (Ферганы?), съ юга отъ Инь-шань на сѣверъ до песчаной степи, все покорилось ему» (Іакинфъ, ib., стр. 194) — то я толкую ихъ иначе, чѣмъ Клапротъ, Іакинфъ и Аристовъ. Въ первой выдержкѣ я обращаю вниманіе на слова «*древнія* усуньскія земли». Я думаю, что если бы здѣсь рѣчь шла объ Илійскомъ краѣ, то китайскій лѣтописецъ не вправѣ былъ бы употребить такое выраженіе. Ясно, что онъ говоритъ здѣсь о мѣстахъ болѣе раннихъ кочевій усуней, которыя я пріурочиваю къ южному Алтаю (ср. Бретшнейдеръ, op. cit., I, стр. 123). Сверхъ того, Юйлюй княжилъ всего лишь 3--4 года и ему некогда было думать о столь дальнихъ завоеваніяхъ. Равнымъ образомъ и Шеигянь въ два года (337 — 339) не могъ оборудовать всего того, что ему приписываетъ лѣтопись, если предположить, что онъ оружіемъ подчинилъ себѣ всѣ земли до Ферганы. Гораздо естественнѣе представить себѣ, что нравственное обаяніе этого князя было столь велико, что ему охотно подчинились многіе народы и въ ихъ числѣ восточно-туркестанцы. То же самое повторилось и столѣтіемъ позже, что видно изъ нижеслѣдующаго мѣста китайской лѣтописи: «Владѣтель усуньскій былъ въ восторгѣ отъ даровъ дома Вэй и, принимая ихъ, сказалъ: Слышно, что владѣнія Полона и Чжеше, представляя въ мысляхъ доброты дома Юань-вэй, желаютъ быть его вассалами и представлять ему дань, но сожалѣютъ, что не имѣютъ дороги», etc. (Іакинфъ, op. cit., III, стр. 138).

Предположеніе Риттера («Землевѣдѣніе Азіи», II, 1859 г., стр. 130), что усуни, покинувъ Тянь-шань, частью удалились въ Уральскія горы, послѣ всего вышесказаннаго, конечно, не нуждается въ опроверженіи.

[1]) Или, можетъ быть, его младшаго брата Мохаммедъ-Баки? (См. Quatremère въ «Notices et Extraits des manuscrits», etc., XIV, стр. 488).

сосредоточились преимущественно на Западѣ; Востокъ же, главнымъ образомъ Уйгуристанъ, управляемый намѣстникомъ изъ Чалыша, теряетъ свое первенствующее значеніе и мало по малу поглощается ойратами.

«Бытъ джунгарскихъ родовъ, пишетъ Позднѣевъ [1]), за вторую половину XVII вѣка представляетъ собою одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ въ исторіи джунгарскихъ поколѣній. Причины этой темноты лежатъ, конечно, отчасти въ сложности самой джунгарской жизни того времени, отчасти въ незначительности нашихъ свѣдѣній о ней». Мнѣ кажется, однако, что темнота эта сопровождаетъ всю исторію калмыковъ, съ самаго момента возникновенія ойратскаго союза до эпохи Амурсаны. Всего же менѣе извѣстна намъ исторія вторичнаго усиленія калмыковъ, связаннаго съ паденіемъ могущества хановъ Могулистана.

Послѣ смерти Эсеня, послѣдовавшей въ 1457 году, ойраты всего только однажды, а именно въ 1472 году, проникли до р. Или. Засимъ мы слышимъ о нихъ очень мало, хотя надо думать, что пограничныя столкновенія между ними и ханами Могулистана не прекращались до 1530 года, когда имъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ султаномъ Мансуромъ. Лишившись надежды овладѣть южной Джунгаріей, ойраты, тѣснимые съ востока монголами [2]), съ одной стороны двинулись долиной Чернаго Иртыша [3]) на сѣверо-западъ и тамъ достигли рѣкъ Ишима и Тобола [4]), съ другой устремились на югъ, за Нань-шань, къ Куку-нору.

Эти передвиженія ойратовъ въ поискахъ свободныхъ земель особенно усилились въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, когда къ вызвавшей ихъ причинѣ присоединилась другая, а именно, когда во главѣ чоросовъ всталъ воинственный и энергичный потомокъ Эсеня,—Хутугайту Хара-хула [5]), предпринявшій объединеніе всѣхъ орайтскихъ поколѣній подъ своею властью.

Властолюбивые замыслы Хара-Хулы встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны родовичей, причемъ слабѣйшіе изъ нихъ

---

[1]) Письмо, приложенное къ книгѣ Н. И. Веселовскаго — «Посольство къ зюнгарскому Хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану Ивана Унковскаго». стр. 239.

[2]) Pallas — «Samlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften», I, стр. 36—37; Позднѣевъ—Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ Эрихэ», стр. 103—104.

[3]) Schmidt, op. cit., стр. 211; Галсанъ-Гомбоевъ—«Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ ойратами» въ «Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.», т. XIV, стр. 86-87.

[4]) Впрочемъ, такъ далеко на западъ выдвинулись торгоуты лишь въ 1620 году.

[5]) Съ конца XVI в. до 1634 г. (Григорьевъ, op. cit., стр. 351; Іакинфъ, «Историческое обозрѣніе ойратовъ», стр. 44). Палласъ, однако, пишетъ: «In den Kindheitsjahren des Charachulla und also ohngefähr zu Anfang des 17-ten Jahrhunderts, waren, etc.» (op. cit., стр. 36).

должны были уклониться въ стороны наименьшаго сопротивленія, а именно, въ слабо заселенныя Прииртышскія степи и на Кукуноръ [1]).

Хара-Хулѣ наслѣдовалъ Хотохоцзинь, болѣе извѣстный подъ именемъ Батуръ хунъ-тайши (1634 — 1653) [2]). Преслѣдуя программу своего отца, онъ вынудилъ большую часть торгоутовъ покинуть Семипалатинскія и Акмолинскія степи и откочевать еще далѣе къ западу, на Каспій и Волгу (1636 г.), остальную же часть присоединиться къ хошоутамъ, которые, во главѣ со своимъ княземъ Туру-Байху Гуши-ханомъ, незадолго передъ симъ ушли за Нань-шань. Событіе это, имѣвшее крупное значеніе для послѣдующей исторіи Тибета, слѣдуетъ отнести къ 1638 году [3]).

Тибетъ управлялся въ это время двумя владыками: свѣтская власть сосредоточивалась въ рукахъ тангутскаго князя Цзанба, духовная въ рукахъ далай-ламы и его перваго министра (диба)-Сангэ.

Въ 1643 году диба Сангэ, поссорившись съ княземъ Цзанба, убѣдилъ далай-ламу просить помощи у Гуши-хана противъ сего послѣдняго. Гуши-ханъ не замедлилъ отозваться на зовъ живого Будды, но разъ утвердившись въ Тибетѣ, не пожелалъ уже возвращать захваченную такъ легко власть въ руки честолюбиваго министра и, оставивъ при далай-ламѣ и баньчэнѣ-эрдени въ качествѣ совѣтниковъ своихъ двухъ сыновей, обложилъ провинцію Камъ податью въ свою пользу [4]). Такимъ образомъ совершилось объединеніе всѣхъ земель между Бэй-шанемъ [5]) и Гималаями, Батангомъ и Лехомъ, подъ властью хошоутскихъ князей, которые, на первыхъ

---

[1]) О внутреннемъ состояніи калмыцкихъ кочевій этой эпохи даетъ намъ вѣрное понятіе нижеслѣдующее представленіе телентутскаго князя русскимъ властямъ, сдѣланное въ 1608 году: «Калмыковъ уже нельзя застать на домашнихъ кочевьяхъ; они не токмо съ Алтынъ-ханомъ урянхайцевъ и Козачьею ордою войну ведутъ, но и сами между собою въ несогласіи; нѣкоторые же улусы отъ нихъ отпали и никого не пропускаютъ». Цитировано Іакинфомъ изъ «Сибирской Исторіи» Фишера, стр. 212 и слѣд. (см. «Истор. обозр. ойратовъ», стр. 34).

[2]) У Палласа, op. cit., стр. 39, читаемъ: «Er (Baatur) starb um 1665».

[3]) Успенскій, op. cit., стр. 166; Іакинфъ, «Историческое обозрѣніе ойратовъ», стр. 46.

[4]) Отецъ Иларіонъ, «Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ», въ «Трудахъ членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ», II, стр. 455.

[5]) Хошоуты кочевали не только къ югу отъ Нань-шаня, но и къ сѣверу отъ него (Успенскій, op. cit., стр. 167). «Въ 1660 г., читаемъ мы у Успенскаго далѣе (стр. 169), внукъ Гуши-хана Гуньбу сдѣлалъ покушеніе напасть на Гань-чжоу, желая вымѣстить на яркендскомъ посольствѣ обиды, причиненныя яркендцами подвластнымъ ему кочевникамъ. Гуньбу кочевалъ за проходомъ Цзя-юй-гуань, въ сосѣдствѣ съ Хами, такъ что чжунгарскіе и магометанскіе послы изъ Туркестана неминуемо должны были проходить чрезъ его кочевье. Когда посольство пришло въ Сучжоу, Гуньбу рѣшился сдѣлать нападеніе; но губернаторъ перевелъ посла для безопасности въ Гань-чжоу; Гуньбу, собравъ тысячу всадниковъ, двинулся на Гань-чжоу, гдѣ уже все было подготовлено, чтобы дать ему отпоръ, почему онъ и долженъ былъ возвратиться».

порахъ, пользовались особымъ расположеніемъ богдаханскаго правительства, въ особенности послѣ существенной помощи, оказанной ими маньчжурскимъ войскамъ, въ дѣлѣ усмиренія возстанія саларскихъ магометанъ (въ 1653 году). Гуши-ханъ скончался въ 1660 г., передавъ власть надъ хошоутскимъ аймакомъ своему сыну Даши-Батуру.

Между тѣмъ на сѣверѣ, со смертью Батура хунъ-тайши, успѣвшаго распространить свои владѣнія на западъ до р. Чу (въ 1643 году) [1]), центральная власть въ Джунгаріи пала. Исторія не сохранила намъ имени того изъ сыновей Батура, который унаслѣдовалъ его верховную власть надъ всѣми ойратами [2]); да этотъ пробѣлъ и неваженъ, такъ какъ уже въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ въ средѣ ойратовъ возникли междоусобія. Такъ, намъ извѣстно, что «въ 1659 году Цэцэнъ-батуръ [3]), Сэнгэ [4]), Цуйкеръ (Цохоръ?) и другіе покорили Джунгарію» [5]) или, точнѣе, Джунгарскій аймакъ, и что въ слѣдующемъ году Цэцэнъ-ханъ вкупѣ съ уже помянутымъ Сэнгэ и хойтскимъ княземъ Султаномъ-тайши предпринялъ походъ противъ хошоутскаго князя Аблая [6]), закончившійся взятіемъ Аблай-кита и бѣгствомъ части хошоутовъ на Волгу. Но если ойраты и не имѣли послѣ смерти Батура общаго, всѣми признаннаго, главы, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что уже около 1660 г. всѣ джунгарскіе отоки были объединены подъ властью Сэнгэ, который простеръ свои завоеванія на сѣверъ до Красноярска (1667 г.) [7]).

Сэнгэ былъ убитъ своими старшими братьями Цзотба Батуромъ и Цэцэномъ-тайши въ 1671 году [8]). Это убійство вызвало на сцену знаменитаго Галдана Бошокту, единоутробнаго брата Сэнгэ.

---

[1]) Аристовъ, op. cit., стр. 45. Мы не знаемъ, откуда заимствовалъ Аристовъ столь точное указаніе. У Фишера («Сибирская Исторія», стр. 444—445) говорится только, что въ 1635 году глава калмыковъ Батуръ хунъ-тайши воевалъ съ туркестанскимъ (казацкимъ) ханомъ Ишимомъ и успѣлъ даже плѣнить его сына Джегангиръ-султана (у Фишера — Янгиръ-султана); въ 1643 же году Батуръ овладѣлъ лишь двумя казацкими родами Алатъ-киргизскимъ и Токманскимъ. Если «Токманскій» производить отъ Токмакъ, русскаго поселенія, а, можетъ быть, тогда урочища на р. Чу, то Аристовъ, конечно, правъ. Ср. Вельяминовъ-Зерновъ, op. cit., II, стр. 378; Іакинфъ, op. cit., стр. 55.

[2]) См. то, что пишетъ Позднѣевъ по сему поводу. Op. cit., стр. 241—246.

[3]) Вѣроятно, старшій сынъ Батура.

[4]) По однимъ источникамъ 5-й, по другимъ — 6-й сынъ Батура.

[5]) Позднѣевъ, l. c.

[6]) Аблай былъ однимъ изъ сыновей Гуши-хана.

[7]) Палласъ, op. cit., стр. 40. См. также «Примѣчанія» Арсеньева къ «Путешествію Николая Спафарія», стр. 189.

[8]) Палласъ пишетъ: «въ январѣ 1671 года». Такое точное опредѣленіе времени дѣлаетъ излишнимъ то, что по этому поводу пишетъ Позднѣевъ въ своихъ комментаріяхъ къ историческимъ извѣстіямъ, сообщаемымъ И. Унковскимъ, стр. 247.

Галданъ, получивъ извѣстіе о случившемся, сложилъ съ себя духовное званіе, немедленно покинулъ Тибетъ [1]) и уже осенью того же года объявился въ своихъ родныхъ кочевьяхъ, въ долинѣ Чернаго Иртыша. Хотя первоначальная дѣятельность Галдана въ Джунгаріи и не вполнѣ намъ извѣстна, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые факты, которые сохранила исторія, позволяютъ думать, что, едва вступивъ на родную почву, онъ уже принялся за осуществленіе своихъ властолюбивыхъ мечтаній. Такъ, еще въ томъ же, 1671, году онъ съумѣлъ привлечь на свою сторону Алдара-тайши, а два года спустя и своего брата Даньджина хунъ-тайши [2]). Усилившись такимъ образомъ, онъ въ 1673 году объявилъ войну своему дядѣ Цохоръ-тайши, но былъ имъ разбитъ и бѣжалъ въ Ала-шань, къ хошоутамъ. Не смотря на эту первую неудачу, онъ къ 1675 году успѣлъ уже настолько оправиться, что съ успѣхомъ отразилъ нападеніе Цохора-Убаши; въ слѣдующемъ же году нанесъ Цэцэнъ-хану рядъ пораженій въ долинѣ р. Или и тѣмъ самымъ до такой степени устрашилъ своихъ братьевъ Цзотба-батура и Цзорикту-хотоци, что тѣ рѣшились бѣжать на Куку-норъ, гдѣ и присоединились къ хошоутамъ подъ общей фамиліей Чоросъ.

Въ 1678 году [3]) Галданъ перенесъ свое оружіе за предѣлы Джунгаріи. Онъ проникъ въ Ала-шань и здѣсь нанесъ рѣшительное пораженіе Очирту-Цэцэнъ-хану, котораго поймалъ и убилъ, а аймакъ его разсѣялъ. Нѣкоторыя поколѣнія хошоутовъ успѣли, однако, спастись бѣгствомъ въ предѣлы Китая, откуда они возвратились въ покинутыя кочевья лишь въ 1686 году [4]).

Въ 1679 году [5]) Галданъ овладѣлъ Восточнымъ Туркестаномъ. Совершилось это событіе при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ 1603 года всѣ историческія свѣдѣнія о Восточномъ Туркестанѣ, какъ мы это видѣли, прекратились; тѣмъ не менѣе мы съ увѣренностью можемъ сказать, что тамъ по прежнему продолжали властвовать Джагатаиды, которые, слѣдуя обычаю дробить свои владѣнія на удѣлы, снова выдѣлили къ сороковымъ годамъ XVII столѣтія Турфанъ въ полунезависимое владѣніе. Это мы заклю-

---

[1]) По другимъ извѣстіямъ, Галданъ въ 1671 году былъ въ гостяхъ у Алашаньскихъ хошоутовъ.

[2]) См. родословную у Палласа.

[3]) У Позднѣева (Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ Эрихэ», стр. 175) событіе это отнесено къ 1676 году.

[4]) «Мэнъ-гу-ю-му-цзи»; стр. 116.

[5]) По другимъ же источникамъ въ 1680 г. См. Позднѣевъ — комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 249.

*

чаемъ изъ факта установившихся, начиная съ 1646 года, посольскихъ сношеній между маньчжурами и турфанскими владѣльцами [1]), которые искали въ Пекинѣ защиты отъ ойратовъ, успѣвшихъ уже къ этому времени подчинить себѣ всѣ коренныя земли Могулистана [2]).

Послѣдующія двадцать лѣтъ еще болѣе усилили ойратовъ. Что касается Восточнаго Туркестана, то его раздирали въ это время внутреннія распри, порожденныя борьбою религіозныхъ партій Ишкія и Исакія [3]).

XIV и XV столѣтія особенно замѣчательны для среднеазіатскаго мусульманства появленіемъ многихъ учителей, которые пріобрѣли славу святыхъ и чудотворцевъ. Самаркандъ и Бухара были средоточіемъ религіозной учености востока, и развившійся тамъ казуизмъ достигъ, наконецъ, и Кашгара. Одинъ изъ потомковъ Мохаммеда, происходившій въ ближайшемъ колѣнѣ отъ Имама-Ризы, ходжа Махтуми-азямъ пріобрѣлъ богословскую извѣстность въ Бухарѣ. По пріѣздѣ около половины XV вѣка въ Кашгаръ [4]), онъ былъ встрѣченъ народнымъ уваженіемъ и получилъ отъ кашгарскихъ хановъ обширныя помѣстья. Послѣ его смерти его сыновья Имамъ-Калянъ и ходжа Исаакъ-Вали были почтены такимъ же уваженіемъ и сдѣлались религіозными патронами мусульманъ Восточнаго Туркестана. Съ этого времени ходжи начали пользоваться большимъ значеніемъ, причемъ образовались двѣ партіи, отличавшіяся не столько существомъ ученія, сколько характеромъ и качествами лицъ, стоявшихъ во главѣ ихъ. Послѣдователи Имамъ-Каляна стали называться Ишкія, а послѣдователи ходжи Исаака-Вали—Исакія; впослѣдствіи же было усвоено первымъ названіе «бѣлогорцевъ», а послѣднимъ «черногорцевъ».

Вскорѣ послѣ зарожденія этихъ партій проявилась и вражда между ними, сперва, конечно, лишь религіознаго характера, но затѣмъ, когда кругъ каждой партіи значительно расширился, когда

---

[1]) Григорьевъ, op. cit., стр. 352; Позднѣевъ, l. c., стр. 252.

[2]) Событіе это слѣдуетъ отнести къ 1643 году. Впрочемъ, уже со смертью Юнусова сына Мохаммедъ-султана, убитаго Шейбани-ханомъ въ 1508 году, кочевыя племена, населявшія Четэ и долину Или, присоединились къ союзу казаковъ Касимъ-хана, сына Джанибека (см. Вельяминовъ-Зерновъ, op. cit., II, стр. 139—383).

[3]) Валихановъ — «О состояніи Алтышара въ 1858—1859 гг.» (въ «Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1861, III, стр. 34 и слѣд.).

[4]) Григорьевъ, op. cit., стр. 355. Согласно свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Мирзой-Шемсомъ Бухари въ его «Запискахъ», изд. Григорьевымъ, стр. 33. Наливкинъ («Краткая исторія Кокандскаго ханства», стр. 50) даетъ болѣе опредѣленное указаніе: «Махдумъ-Азамъ былъ уроженцемъ Касана, жилъ по большей части въ Самаркандѣ и похороненъ неподалеку отъ этого города, въ Дахбидѣ, въ 949 (1542) году».

все населеніе Алтышара раздѣлилось на два непріязненные лагеря, къ религіознымъ распрямъ присоединились уже и стремленія къ политическому преобладанію.

Вѣроятно въ 1678 году кашгарскій ханъ Измаилъ, ревностный черногорецъ, принудилъ Аппака-ходжу, главу бѣлогорской партіи, человѣка, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ среди кашгарскаго населенія, покинуть отечество. Ходжа пробрался въ Кашмиръ, оттуда въ Тибетъ, представился далай-ламѣ и успѣлъ настолько расположить его въ свою пользу, что тотъ отправилъ его къ Галдану съ письмомъ, въ коемъ излагалась просьба помочь Аппаку утвердиться въ Кашгаріи. Галданъ воспользовался случаемъ и при содѣйствіи приверженцевъ ходжи взялъ Яркендъ, послѣ чего, повидимому, безъ всякаго труда покорилъ и весь остальной Восточный Туркестанъ. Аппака онъ оставилъ правителемъ въ Яркендѣ, семью же хана увелъ за собою въ Джунгарію.

Вскорѣ затѣмъ Аппакъ-ходжа, можетъ быть, для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ мусульманъ, которые, конечно, не могли не смотрѣть на него какъ на предателя своего отечества, сложилъ съ себя свѣтскую власть, вызвалъ изъ Ушъ-Турфана брата Измаилъ-хана, Мохаммедъ-Эмина, и, объявивъ его ханомъ, убѣдилъ его сдѣлать набѣгъ на джунгаровъ. Мохаммедъ-Эминъ вторгся въ калмыцкіе улусы, разбилъ ихъ стойбища и возвратился съ 30 тысячами плѣнныхъ обоего пола, скотомъ и имуществомъ; но затѣмъ до того испугался своего поступка, что бѣжалъ въ горы, гдѣ и былъ убитъ однимъ изъ своихъ спутниковъ.

Аппакъ снова принялъ свѣтскую власть. Послѣ же его смерти, вдова его, желая доставить верховную власть своему сыну Мехди, успѣла, при помощи дервишей, убить старшаго сына Аппака, ходжу-Яхью, но вслѣдъ затѣмъ и сама пала подъ ножомъ какого-то фанатика. Пользуясь раздорами въ семьѣ Аппака, другой братъ Измаилъ-хана, Акбашъ, утвердился въ Яркендѣ и вызвалъ туда же главу черногорской партіи Даніеля-ходжу. Между тѣмъ кашгарцы, бывшіе всегда ревностными бѣлогорцами, призвали къ себѣ Ахмеда-ходжу, сына ходжи Яхьи, и провозгласили его ханомъ. Какъ и слѣдовало предвидѣть, обстоятельство это вызвало кровопролитную войну между Кашгаромъ и Яркендомъ. Кашгарцы, вспомоществуемые кара-киргизами, осадили Яркендъ. Яркендскій ханъ Ашемъ, изъ казацкихъ султановъ, призванный въ этотъ городъ послѣ того, какъ Акбашъ-ханъ, неизвѣстно почему, вмѣстѣ съ сыномъ Аппака, Мехди, уѣхалъ въ Индустанъ, разбилъ съ своими казаками на голову кашгарцевъ; но

вскорѣ и этотъ ханъ изъ боязни интригъ покинулъ Яркендъ, оставивъ въ немъ правителемъ Даніеля-ходжу.

Въ это время полчища калмыковъ вступили въ предѣлы Восточнаго Туркестана съ тѣмъ, чтобы отомстить кашгарцамъ за набѣгъ Мохаммедъ-Эмина. Даніель-ходжа воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подслужиться къ хунъ-тайшѣ, и со своими яркендцами присоединился къ калмыцкому войску. Но Галданъ, взявъ Кашгаръ и поставивъ тамъ правителемъ не хана, а указанное народомъ лицо, съ титуломъ хакимъ-бека, не оставилъ и Даніеля въ Яркендѣ. Оба ходжи должны были раздѣлить одинаковую участь и въ роли почетныхъ узниковъ поселиться въ Джунгаріи [1]).

Пока все изложенное происходило въ Алтышарѣ, Галданъ продолжалъ свои завоеванія на западѣ.

Еще въ 1598 г. казацкій ханъ Тевеккель, пользуясь безпорядками, сопровождавшими паденіе Шейбанидовъ въ Мавераннагрѣ, овладѣлъ городами Ташкентомъ и Туркестаномъ (Ессы) [2]) со всей окрестной страной. Съ тѣхъ поръ эти города почти постоянно находились въ рукахъ казаковъ, такъ какъ астраханская династія, замѣстившая бухарскихъ Шейбанидовъ, была не въ силахъ вытѣснить ихъ изъ завоеваннаго ими края. Только послѣ того, какъ на сцену выступили новые ихъ враги въ лицѣ джунгаровъ, казаки начали понемногу слабѣть. Слабость эта и принудила ихъ впослѣдствіи, т. е. уже въ XVIII столѣтіи, покинуть сначала Ташкентъ, а потомъ и Ессы съ близь-лежащими городами, и искать спасенія въ подданствѣ Россіи [3]).

Мы видѣли, что уже въ 1643 году Батуръ хунъ-тайши отнялъ у казаковъ Илійскій бассейнъ. Послѣдовавшія затѣмъ среди ойратовъ смуты пріостановили дальнѣйшее ихъ движеніе на западъ, но послѣднее стало неизбѣжнымъ [4]) послѣ того, какъ Галданъ вновь объединилъ подъ своею властью большинство калмыцкихъ поколѣній [5]).

Въ 1681 г. Бошокгу проникъ за р. Чу и осадилъ Сайрамъ, но не могъ взять этого города, вслѣдствіе чего въ 1683 г. вновь послалъ туда войско, которое, впрочемъ, едва-ли имѣло лучшій успѣхъ, хотя и захватило въ плѣнъ двухъ казацкихъ султановъ.

---

[1]) Валихановъ, ibid.

[2]) И даже на время Ферганой и Самаркандомъ. Вельяминовъ-Зерновъ, op. cit., стр. 348—349.

[3]) Вельяминовъ-Зерновъ, ib., стр. 382.

[4]) Вельяминовъ-Зерновъ, ib., стр. 380—381.

[5]) Аристовъ пишетъ (op. cit., стр. 45), что калмыки уже въ 1625 г. утвердились на Таласѣ, но онъ не указываетъ источника, откуда заимствовалъ это свѣдѣніе.

Осенью того же года онъ покорилъ тянь-шаньскихъ кара-киргизовъ и проникъ въ Фергану, гдѣ воевалъ въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ, причемъ одинъ изъ его отрядовъ, какъ кажется, доходилъ до р. Мургаба, на Памирѣ, и даже до Сарыкола [1]). Въ томъ же 1685 г. его полководцемъ Рабтаномъ былъ взятъ и разрушенъ Сайрамъ [2]).

Въ 1688 г. Галданъ впервые вступилъ въ Халху, чѣмъ и положилъ начало войнамъ, обезсилившимъ оба отдѣла монголовъ и сдѣлавшимъ ихъ вскорѣ легкой добычей маньчжуровъ.

Даянъ-ханъ, о которомъ упоминалось выше, правилъ восточными монголами изъ Халхи, гдѣ кочевья его находились у южныхъ подножій Хангая [3]). Послѣ его смерти, старшіе его сыновья откочевали къ югу и, основавшись у Великой стѣны, сдѣлались родоправителями поколѣній, принадлежащихъ нынѣ цзасакамъ такъ называемыхъ «внутреннихъ монгольскихъ хошуновъ»; самый же младшій изъ сыновей Даянъ-хана—Гэрэсанцза, согласно обычаю монголовъ, остался у очага своего отца и, получивъ въ удѣлъ 13 отоковъ, жилъ на старыхъ его кочевьяхъ, у южныхъ отроговъ Хангайскихъ горъ.

Гэрэсанцза Цзалаиръ хунъ-тайши, умирая, раздѣлилъ свой аймакъ по числу сыновей на семь хошуновъ или удѣловъ, обосновавъ при этомъ дѣленіе Халхи на двѣ стороны—правую и лѣвую. Отъ этихъ-то семи сыновей и ведутъ свою родословную всѣ современные намъ князья и ханы Халхи [4]).

Въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ поколѣній халхаскіе князья сохранили еще живую связь съ чахарскими владыками, признавая ихъ старшинство надъ собою. Но затѣмъ связь эта утерялась и въ Халхѣ объявились свои ханы въ нисходящихъ линіяхъ трехъ сыновей Гэрэсанцзы: старшаго—Ашихая и двухъ другихъ, получившихъ въ удѣлъ восточныя, самыя отдаленныя земли Халхи, граничащія на западѣ съ рѣкою Тола. Такъ какъ дробленіе земель на удѣлы продолжалось и впослѣдствіи, причемъ каждый изъ родо-

---

[1]) Дангнымъ-баш'скіе киргизы, передавая мнѣ легенду о происхожденіи развалинъ «Кызъ-курганъ», лежащихъ нѣсколько ниже Гуджадбая, по р. Дангнымъ-дарьѣ, начали свой разсказъ словами: «Это было задолго до прихода сюда калмыковъ. Одинъ ханъ захотѣлъ жениться на своей родной сестрѣ. Дѣвушка убѣжала въ эти горы и построила себѣ курганъ на неприступной скалѣ» и т. д. Въ долинѣ р. Акъ-Байталъ указываютъ на мѣсто, служившее сборнымъ пунктомъ для калмыцкихъ отрядовъ. Вообще, о калмыкахъ еще не забыли на Памирѣ.

[2]) Позднѣевъ — Комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 249—250.

[3]) Позднѣевъ — Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ Эрихэ», стр. 94.

[4]) Позднѣевъ, op. cit., стр. 96.

правителей удерживалъ свою внутреннюю самостоятельность, то ко времени возникновенія у ойратовъ единодержавія мы видимъ Халху раздѣленной на множество княжествъ, изъ коихъ каждое руководилось въ своей внѣшней политикѣ не общими для всей Халхи интересами, а, главнымъ образомъ, своими собственными.

Такое внутреннее состояніе Халхи, не смотря на то, что князья ея не болѣе столѣтія тому назадъ тѣснили и громили ойратовъ, какъ нельзя болѣе способствовало планамъ Галдана, и, конечно, вся Монголія, а съ ней вмѣстѣ и вся средняя Азія отъ Сыръ-Дарьи до Большаго Хингана и отъ Великой стѣны до Сибири вновь объединилась бы подъ его властью въ одну обширную степную монархію, если бы такому объединенію не воспрепятствовали маньчжуры.

Первые шаги Галдана въ Халхѣ были, однако, несовсѣмъ удачны. Посланный имъ въ началѣ 1688 г. отрядъ подъ начальствомъ Дорчжи-чжоба былъ разбитъ на голову Чихунемъ-дорчжи, главой Тушету-хановскаго аймака. Тогда Галданъ во главѣ 30 тысячнаго отряда самъ перешелъ черезъ Хангайскія горы и, не встрѣчая нигдѣ серьезнаго сопротивленія, побѣдоносно прошелъ черезъ всю Халху до р. Кэрулэна. При приближеніи его войскъ цэцэнъ-хан'овцы и тушету-хан'овцы, бросая на произволъ судьбы свое достояніе, бѣжали массами на югъ, ища защиты у маньчжуровъ [1]). Паника и анархія, охватившія Халху, поставили въ самое затруднительное положеніе энергичнаго Чихуня-дорчжи, который съ трудомъ могъ сосредоточить на р. Толѣ сравнительно небольшія силы халхасовъ своего и Сайнъ-нойон'овскаго аймаковъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство побудило Галгана повернуть отъ Кэрулэна назадъ. Обѣ арміи сошлись близь ур. Уругай, гдѣ и произошло генеральное сраженіе, длившееся три дня и рѣшившее судьбу Халхи окончательно. Чихунь-дорчжи былъ разбитъ, бѣжалъ къ сунитскимъ границамъ [2]) и, собравъ здѣсь сеймъ, объявилъ, что дальнѣйшее

---

[1]) Только немногіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ на сѣверъ, въ предѣлы Россіи, еще менѣе халхасцевъ успѣло добраться до привольныхъ пастбищъ на Куку-норѣ (см. Успенскій, op. cit., стр. 172).

[2]) Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 36, сказано: «Черезъ одно поколѣніе отъ Туру-болота, потомка Чингисъ-хана въ 16 колѣнѣ, земля перешла къ тайцзи Хунцзиту-мэргэну, давшему своему племени названіе Сунитъ». Несомнѣнно, однако, что племенное наименованіе «Сунитъ» болѣе ранняго происхожденія, да и носящій его народъ не монгольскаго, а тюркскаго корня. Въ «Documents historiques sur les Tou-kioue» мы читаемъ: «Au jour Ting-weï du deuxième mois de la quatrième année de la période de Khaï-hoang (584), dix mille personnes, hommes et femmes, de la horde turque appelée Sou-ni vinrent faire leur soumission». («Journal Asiatique», 1864, III, стр. 493). Къ тюркамъ же причисляетъ сунитовъ и Рашидъ эд-Динъ («Исторія монголовъ». Введеніе. «Зап. Импер. Археол. Общ.», XIV, 1858, стр. 7).

самостоятельное существованіе Халхи невозможно, а потому ей остается только вступить въ чье-либо подданство: Россіи или Китая. Большинство сейма склонилось на сторону послѣдней державы, и осенью 1688 года главная масса халхасовъ присягнула маньчжурамъ.

Вмѣшательство послѣднихъ въ монгольскія дѣла стало съ этой поры неизбѣжнымъ; тѣмъ не менѣе императоръ Канси медлилъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и только тогда уже, когда всѣ средства къ мирному ихъ улаженію были исчерпаны, онъ отдалъ, наконецъ, приказъ маньчжурскимъ войскамъ выступить за границу.

Первое столкновеніе маньчжуровъ съ джунгарами закончилось не въ ихъ пользу. Ихъ полководецъ Аранай, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, главнымъ образомъ, сборныя дружины халхасовъ, былъ разбитъ на голову, послѣдствіемъ чего было вторженіе Галдановыхъ войскъ въ кочевья внутреннихъ монголовъ. Почти не встрѣчая сопротивленія, Галданъ дошелъ до ур. Уланъ-бутунъ, находящагося всего лишь въ 700 ли разстоянія отъ Пекина. Но здѣсь онъ столкнулся съ главными силами маньчжуровъ, которые и нанесли ему жестокое пораженіе (1690 г.). Джунгары бѣжали. Китайскій лѣтописецъ говоритъ, что «Галданъ побѣжалъ на сѣверъ Шамо какъ безумный». Оно такъ и было. Галданъ бѣжалъ, не зная ни дня, ни ночи; онъ потерялъ почти всѣхъ своихъ верблюдовъ, весь свой багажъ; умершихъ дорогой отъ голода и изнеможенія было такое множество, что когда онъ, наконецъ, прибылъ въ Кобдо, отъ его стотысячной арміи едва осталось нѣсколько тысячъ воиновъ [1]).

Это пораженіе Галдана хотя и не заставило его разстаться съ мечтами о покореніи Халхи, тѣмъ не менѣе было столь полно, что ему понадобилось не менѣе четырехъ лѣтъ, чтобы уврачевать свои раны и собрать достаточно сильную армію для новаго нападенія на своихъ восточныхъ сосѣдей.

Лѣтомъ 1695 г. онъ перешелъ р. Орхонъ и быстрыми переходами направился въ долину р. Кэрулэна; на этотъ разъ, однако, онъ не посмѣлъ приблизиться къ границамъ Китайской имперіи и, ограбивъ цэцэнъ-хан'овцевъ, вернулся обратно.

Канси рѣшился выступить противъ джунгаровъ лишь въ слѣдующемъ году. Лично предводительствуя среднимъ корпусомъ маньчжурской арміи, онъ встрѣтился съ Галданомъ на берегахъ р. Кэрулэна; но Галданъ не осмѣлился дать здѣсь сраженіе императорскимъ войскамъ и отступилъ къ р. Толѣ, гдѣ, однако, неожи-

[1]) Позднѣевъ, op. cit., стр. 217—218.

данно для себя, столкнулся съ западнымъ корпусомъ той же арміи, который, преодолѣвъ чрезвычайныя трудности и потерявъ при этомъ около половины лошадей, только что прибылъ сюда изъ Нинъ-ся [1]); тѣмъ не менѣе маньчжуры одержали настолько полную побѣду, что Галданъ бѣжалъ съ поля битвы всего лишь во главѣ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ [2]). Почти одновременно другая армія Галдана, подъ начальствомъ Арабтана, была на голову разбита хотохойскимъ (урянхайскимъ) княземъ Гэндуномъ.

Но всѣ эти неудачи не сломили упорства Галдана, который, будучи доведенъ даже до такой крайности, при которой главной заботой являлся вопросъ о дневномъ пропитаніи, не соглашался склонить свою шею передъ могущественнымъ маньчжурскимъ монархомъ, дѣлавшимъ ему съ этою цѣлью самыя лестныя предложенія. Это вынудило Канси отправить противъ него въ 1697 г. новую армію. Галданъ не дождался, однако, ея прибытія и отравился [3]). Его вѣрный сподвижникъ Даньцзила взялъ тогда его прахъ, жену и дѣтей и съ ними направился въ становище Цэванъ-Рабтана, но по пути раздумалъ и рѣшилъ передаться маньчжурамъ. Этотъ планъ ему, однако, не удался, такъ какъ, будучи настигнутъ отрядомъ Цеванъ-Рабтана, онъ долженъ былъ бросить все и искать спасенія въ бѣгствѣ. Такимъ образомъ уже на долю Цэванъ-Рабтана выпала обязанность представить Канси Галдановъ прахъ и его

---

[1]) Очевидно, что корпусъ этотъ шелъ тѣмъ же путемъ, коимъ дважды пользовался и Пржевальскій для пересѣченія Гоби между Ала-шанемъ и Ургой (см. «Монголія и страна тангутовъ», I, гл. XIV, «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 87 и слѣд.)

[2]) Эти побѣды маньчжуровъ объясняются, главнымъ образомъ, превосходствомъ ихъ вооруженія. У ойратовъ почти вовсе не было тогда ружей, маньчжуры же располагали даже артиллеріей.

[3]) Палласъ, op. cit., стр. 41, Іакинфъ — «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ», стр. 87, Позднѣевъ — «Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ Эрихэ», стр. 257, Унковскій — «Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану», стр. 186. Надо думать, однако, что это — позднѣйшая версія. Современники этого событія, сообщая въ своихъ донесеніяхъ императору Канси о скоропостижной смерти Газдана, ни словомъ не упоминаютъ о томъ, чтобы смерть эта послѣдовала отъ самоотравленія. Такъ, главнокомандующій маньчжурской арміей писалъ императору: «Le Séssan Eleute Tsikir (ойратскій зайсанъ Цигиръ), à qui je demandai ensuite quel avait été le genre de mort du Kaldan, me répondit:—Le Kaldan tomba malade le 13 de la troisième lune à la pointe du jour et mourut la nuit suivante: nous ne savons point de quelle maladie» (de Mailla, op. cit., XI, стр. 279). Генералъ Хонанта, командовавшій другимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Хами, доносилъ въ свою очередь: «Le mahométan, porteur de la lettre de Tarhanbec, a qui je demandai de quelle maladie était mort le Kaldan: — Ce prince, répondit-il, voyant que les peuples de Koentchar lui avaient manqué de parole, se livra aux accès de la plus noire mélancolie; il n'écouta plus, que son désespoir, et passa plusieurs jours sans qu'on pût lui persuader de prendre de la nourriture. Il lui survint un violent mal de tête; au fort des douleurs il fit appeler Tantsila et le 13, sur le midi, il expira» (ib., стр. 282). Наконецъ, китайскій посолъ, котораго извѣстіе о смерти Галдана застигло въ ставкѣ Цэванъ-Рабтана, рапортовалъ такъ: «Le Kaldan a été frappé d'une mort presque subite» (ib., стр. 292).

семью [1]). Тогда, говоритъ китайскій лѣтописецъ, все на востокъ отъ Алтая стало принадлежать имперіи и предѣлы Халхи были отодвинуты на западъ на тысячу ли [2]). Къ западу же отъ Иртыша утвердился Цэванъ-Рабтанъ.

Цэванъ-Рабтанъ былъ сыномъ Сэнгэ. Убѣдившись, что Галданъ ищетъ его смерти [3]), онъ въ 1690 г. бѣжалъ отъ него въ

---

[1]) Позднѣевъ пишетъ слѣдующее: «Даньцзила спѣшилъ представить ко двору его трупъ, его жену и его дѣтей, но Цэванъ-Рабтанъ напалъ на Даньцзилу у горъ Алтайскихъ и, отнявъ у него его драгоцѣнные подарки (т. е. трупъ, жену и дѣтей Галдана), представилъ ихъ отъ себя императору («Матер. для ист. Халхи», стр. 257). Но фактъ передачи Цэванъ-Рабтаномъ императору Канси праха Галдана и членовъ его семьи получаетъ совершенно иное освѣщеніе, если мы обратимся къ подлиннымъ документамъ, касающимся этого дѣла и опубликованнымъ de Mailla (op. cit., XI, стр. 292—304).

На требованіе выдать дѣтей и останки Галдана, Цэванъ-Рабтанъ отвѣчалъ: «Quand à la fille de ce rebelle, ce n'est point l'usage des Eleutes d'étendre leur vengeance sur les filles de leurs ennemis; et les cendres du Kaldan, quand même ou les remettrait entre les mains de l'empereur, ne pourraient rien ajouter au triomphe de Sa Majesté». Когда и на повторенное требованіе, мотивированное необходимостью, согласно существующему въ Китаѣ обычаю, истребить весь родъ бунтовщика, Цэванъ-Рабтанъ отвѣчалъ отказомъ, то ему было послано письмо, въ коемъ императоръ Канси, между прочимъ, писалъ: «Si vous refusez de le faire, non seulement vous perdrez dans mon esprit tout ce que vous avez fait ci-devant pour obtenir mon amitié, je vous interdirai encore toute communication avec la Chine et ne permettrai plus à aucun de vos sujets d'y venir faire le commerce». Но и эта угроза не имѣла желаннаго дѣйствія. Цэванъ-Рабтанъ отвѣчалъ: «J'ai déjà fait entendre plus d'une fois aux envoyés de l'empereur, que, suivant la coutume de nous autres Eleutes, notre vengeance ne s'étend pas jusqu'aux os d'un ennemi mort, ni jusqu'à ses femmes et ses filles. Cependant comme je craindrais en refusant cette satisfaction à l'empereur, qu'il conçût quelque fâcheux soupçon contre moi, je remettrai ces tristes restes du Kaldan qu'il me demande. Pour ce qui est de Tchontsihaï, fille de ce malheureux han, outre qu'elle est ma cousine germaine, encore un coup, notre vengeance, à nous autres Eleutes, ne s'étend point aux personnes du sexe, et je prie l'empereur de ne point incister sur cet article». Но императоръ оказался неумолимъ и Цэванъ-Рабтанъ долженъ былъ исполнить его волю (ib., стр. 304).

[2]) Въ 1703 г., по распоряженію Канси, цзасактухановцы, бѣжавшіе на Куку-норъ, были возвращены и поселены въ Алтаѣ, на урочищахъ, прилегающихъ къ Черному Иртышу и по р. Урунгу. (Позднѣевъ—«Матер. для исторіи Халхи», стр. 271).

[3]) Палласъ, op. cit., I, стр. 42; Іакинфъ, op. cit., стр. 65; Позднѣевъ — Комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 252. Это наиболѣе распространенная версія причины разрыва между Цэванъ-Рабтаномъ и его дядей Галданомъ. Мнѣ сдается, однако, что распространителемъ этихъ слуховъ явился самъ Цэванъ-Рабтанъ, который такимъ путемъ хотѣлъ замаскировать главную причину своего разрыва съ дядей, коренившуюся въ его непомѣрномъ честолюбіи. Унковскій передаетъ намъ, что Цэванъ-Рабтанъ былъ въ отсутствіи, когда Галданъ рѣшился устранить со своего пути обоихъ племянниковъ. Какъ убилъ онъ Сономъ-Рабтана — неизвѣстно. Одни говорятъ, что при помощи веревки, другіе — что при помощи яда. Какъ бы то ни было, объ этомъ фактѣ Цэванъ-Рабтанъ узнаетъ уже только по возвращеніи въ ставку Галдана и послѣ свиданія съ этимъ послѣднимъ и притомъ отъ какого то ламы. Все это крайне неправдоподобно, и я охотнѣе допускаю, что лама, изъ за личныхъ видовъ, воспользовавшись скоропостижной смертью Сономъ-Рабтана, выдумалъ всю эту исторію о покушеніи. Во всякомъ случаѣ, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла не слѣдуетъ упускать изъ вида, что помимо Сонома и Цэвана у Сэнгэ былъ еще третій сынъ Данжимъ Умбу, на жизнь коего, насколько то намъ извѣстно, Галданомъ покушенія сдѣлано не было.

У de Mailla (op. cit., XI, стр. 224) приведена другая причина ссоры Галдана и Цэванъ-Рабтана: «La cause des démêlés de ce dernier (т. е. Цэванъ-Рабтана) avec le Kaldan venait de ce que celui-ci avait enlevé à Tséouang-rabdan la princesse Hohaï, qui lui était promise en mariage.

*

Турфанъ [1]). Въ Турфанѣ онъ собралъ своихъ привержен-

D'ailleurs, en 1688, le Kaldan étant venu camper à Op, Sounomou-rabdan, frère de Tséouang-rabdan, qui l'accompagnait, mourut subitement. Tséouang-rabdan, qui soupçonna le Kaldan, d'être l'auteur de sa mort, marcha contre lui à la tête de 5,000 hommes, le défit, et le poursuivit jusqu'au pays de Pouctacrin-habitchar. Il répondit au Kaldan, qui lui envoya demander la cause de cette attaque imprévue, que c'était pour le punir de l'affront qu'il lui avait fait en enlevent la princesse Hohaï, et venger la mort de son frère. Après la défaite de son ennemi, Tséouang-rabdan entra dans ses états et enleva sa femme avec une partie de ses sujets; depuis ce temps leur inimitié s'était accrue au point, qu'ils étaient devenus irréconciliables». Эти слова принадлежатъ ойратамъ, передавшимся маньчжурамъ. Эта же версія помѣщена и въ «Общей біографіи торгоутовъ» (см. «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 442).

[1]) Позднѣевъ полагаетъ (Комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 252), что этотъ фактъ служитъ надежнымъ доказательствомъ тому, что Турфанъ ни въ это, ни въ предшествовавшее сему событію время не находился въ зависимости отъ Галдана. Онъ подкрѣпляетъ свой выводъ нижеслѣдующими мѣстами лѣтописи «Ванъ-гунъ-сай илэтунь улабунь». «Въ 1646 г. турфанцы добровольно подчинились маньчжурамъ. Въ 1667 г. Канси утвердилъ правителемъ Турфана Кумуда. Въ 1671 г. этотъ Кумуда за преданность маньчжурскому дому былъ повышенъ въ своемъ званіи. Въ 1686 г. онъ со своими турфанцами, по повелѣнію Канси, охранялъ кочевья поддавшагося въ ту пору маньчжурамъ Хороли». Но, мнѣ кажется, что всѣ эти факты доказываютъ лишь то, что уже съ половины XVII вѣка турфанцы стали отчаяваться въ возможности отстоять свою самостоятельность собственными силами, почему и старались заручиться поддержкой маньчжуровъ. Но въ эту эпоху маньчжуры были еще не въ состояніи оказать Турфану существенной помощи, такъ какъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ боролись съ многочисленными претендентами на наслѣдіе Миновъ, и Турфанъ долженъ былъ раздѣлить участь остальныхъ земель Восточнаго Туркестана.

Палласъ, op. cit., I, стр. 40, пишетъ, что Турфанъ и Хами были завоеваны Галданомъ въ 1679 г. Другихъ указаній на время присоединенія Турфана къ владѣніямъ Галдана мы не имѣемъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ фактѣ такого присоединенія сомнѣваться нельзя въ виду нижеслѣдующихъ указаній китайской исторіи:

«Когда китайскій посолъ въ 1692 г. прибылъ въ Хами, то въ 5 ли отъ города на него напали джунгары, въ числѣ 500 человѣкъ» (de Mailla, op. cit., XI, стр. 165).

«Путь отступленія въ сторону Хами и Турфана былъ отрѣзанъ Галдану, такъ какъ въ обоихъ городахъ Цэванъ-Рабтанъ содержалъ гарнизоны силой въ 500 человѣкъ каждый» (ib., стр. 227).

«Въ 1696 г. Канси предложилъ Цэванъ-Рабтану узнать, не скрылся ли Галданъ въ Хами (ib., стр. 231), гдѣ у него оставалось еще много сторонниковъ среди мусульманъ» (ib., стр. 225).

«Боязнь встрѣтить недружелюбный пріемъ въ Турфанѣ и другихъ городахъ, зависимыхъ отъ Цэванъ-Рабтана, заставила яркендскаго хана Абдъ-эр-Рашида (Абдулишэ) просить у Канси охранныхъ граматъ» (ib., стр. 231).

«Въ своей рѣчи къ высшимъ сановникамъ государства императоръ Канси сказалъ: Галданъ былъ сильнымъ противникомъ. Отнятые имъ у мусульманъ города въ числѣ 1,200 и среди нихъ Самаркандъ, Бухара, Сайрамъ, Яркендъ, Кашгаръ, Турфанъ и Хами, а также захваченныя имъ земли бурутовъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ его военныхъ талантахъ и храбрости его войскъ. Халха напрасно старалась противупоставить ему всѣ свои силы: въ теченіе одного года онъ успѣлъ разсѣять ихъ и уничтожить» (ib., стр. 284—285).

«На вопросъ Цэванъ-Рабтана, добровольно ли онъ призналъ себя вассаломъ Китая, хамійскій князь отвѣчалъ, что къ этому склонилъ его императоръ, который далъ ему понять, что послѣ пораженія Галдана сюзеренныя права послѣдняго на Хами должны перейти къ нему, побѣдителю джунгаровъ» (ib., стр. 269).

Считая, что вышеприведенными свидѣтельствами исторіи вполнѣ устанавливается фактъ присоединенія Галданомъ къ владѣніямъ Джунгарскаго царства Хами и Турфана, я рѣшаюсь далѣе утверждать, что тогда какъ Хамійское княжество уже въ 1696 г. отдѣлилось отъ Джунгаріи, Турфанъ не переставалъ и въ послѣдующее время нести иго калмыковъ (ср. Klaproth —

цевъ [1]), послѣ чего, воспользовавшись оплошностью Галдана, напалъ на него врасплохъ (гдѣ—неизвѣстно) и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Послѣдствіемъ этого удачнаго набѣга было быстрое усиленіе Цэванъ-Рабана. Ему уже незачѣмъ было скрываться въ Турфанѣ. Онъ перешелъ на Бороталу [2]) и овладѣлъ всей страной на западъ отъ Джунгарскаго Ала-тау. Послѣ пораженій, понесенныхъ Галданомъ въ Халхѣ, всѣ земли до Иртыша были уже въ его власти; сторонники Галдана рѣдѣли, и къ 1697 г. фактическимъ

«Abhandlung über die Uiguren», стр. 47 и 51). Заключаю я это изъ того факта, что Цэванъ-Рабтанъ предъявилъ хамійскому вану требованіе выслать въ Турфанъ людей, принадлежавшихъ къ свитѣ несчастнаго сына Галдана, противузаконно, будто бы, задержанныхъ имъ въ Хами въ качествѣ плѣнныхъ (ib., стр. 268). См. также карту Унковскаго и текстъ, стр. 191, гдѣ говорится: «войска китайскія шли черезъ пограничный городъ Камылъ, который съ Контайшею граничитъ къ городу Турфану»; а также Позднѣева, ib., стр. 259.

Что касается года бѣгства Цэванъ-Рабтана въ Турфанъ, то я остановился на 1690 по нижеслѣдующимъ соображеніямъ:

Передавшіеся маньчжурамъ ойраты донесли правительству богдохана, что Сономъ-Рабтанъ скоропостижно скончался въ 1688 г.

Въ 1690 г. императоръ Канси, который внимательно слѣдилъ за событіями въ Монголіи, послалъ узнать у «Цэванъ-Рабтана, скитавшагося въ изгнаніи, о причинѣ ссоры его съ дядей» (Іакинфъ, op. cit., стр. 73; de Mailla, op. cit., XI, стр. 153).

Первое посольство, отправленное Цэванъ-Рабтаномъ, прибыло ко двору въ 1691 г.

Между тѣмъ Позднѣевъ пишетъ (комментаріи къ сообщеніямъ Унковскаго, стр. 251): «Я могу, какъ мнѣ кажется, указать совершенно точно годъ бѣгства Цэванъ-Рабтана изъ Чжунгаріи. Я нашелъ его, читая изданный на маньчжурскомъ языкѣ дневникъ китайскаго посланника Боочжу, командированнаго къ Цэванъ-Рабтану въ 1702 г. Боочжу влагаетъ, между прочимъ, въ уста Цэванъ-Рабтана слѣдующія слова: «послѣ того, какъ убѣжалъ я отъ Галдана въ лѣто лошади...» Соображая всѣ, какъ предъидущія, такъ и послѣдующія обстоятельства, мы находимъ, что Сэнгэ былъ убитъ, а Галданъ возвратился изъ Тибета въ Зюнгарію въ годъ свиньи — 1671; послѣ этого года свиньи ближайшіе годы лошади падаютъ на 1678 и 1690 года. Но въ 1690 г. мы видимъ Цэванъ-Рабтана уже сильнымъ зюнгарскимъ княземъ (ср. съ тѣмъ, что пишетъ о семъ Позднѣевъ ниже, на стр. 253; мѣсто это мнѣ кажется совершенно неяснымъ. Какъ могъ Цэванъ-Рабтанъ попасть въ ур. Уланъ-Бутунъ? Въ «Матеріалахъ для исторіи Халхи», стр. 275, положеніе Цэванъ-Рабтана въ эту эпоху рисуется изъ слѣдующихъ словъ: «Послѣ пораженія Галдана при Уланъ-Бутунѣ (въ 8 лунѣ 1690 г). Цэванъ-Рабтанъ *тайкомъ вернулся* въ Или, расположилъ свои кочевья на р. Бороталѣ *и съ помощью семи своихъ друзей* началъ собирать своихъ разсѣявшихся данниковъ». Что же заставило Позднѣева, 4 года спустя, измѣнить свое мнѣніе о «силѣ» Цэванъ-Рабтана?) и слѣдовательно бѣжать отъ Галдана онъ могъ только въ 1678 г.». Выводъ этотъ, однако, уже потому ошибоченъ, что въ 1678 г. Цэванъ-Рабтану было всего лишь 13 лѣтъ. (Онъ родился въ 1665 г.; Палласъ, op. cit., I, стр. 42). Унковскій же сообщаетъ намъ, что во время покушенія Галдана на жизнь своихъ племянниковъ всѣ три сына Сэнгэ «были уже въ возрастѣ и въ службѣ быть имѣли при дядѣ своемъ начальными людьми, паче же Цаганъ Араптанъ и Соломъ Араптанъ въ службѣ счастіе имѣли» (ib., стр. 184).

[1]) Послѣдующій ходъ историческихъ событій въ Джунгаріи изложенъ мною такъ, какъ я его себѣ представляю.

[2]) Такъ какъ Цэванъ-Рабтанъ пробылъ въ Турфанѣ лишь весьма короткое время, то понятна и ошибка Унковскаго, заставившаго Цэванъ-Рабтана бѣжать изъ Галдановой ставки прямо на Бороталу. Впрочемъ, въ ту же ошибку впали и китайцы. Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» мы читаемъ: «Во время возмущенія Галдана, Цэванъ-Рабданъ перекочевалъ на Боротала» (стр. 137). См. Ком. Позднѣева на сообщ. Унк., стр. 252.

владѣтелемъ Джунгаріи былъ уже не грозный нѣкогда Бошокту-ханъ, а его болѣе податливый и ловкій племянникъ [1]).

Войны Галдана совершенно истощили страну [2]). Но Цэванъ-Рабтанъ не далъ ей времени оправиться. Едва успѣлъ утвердиться онъ на престолѣ, какъ предпринялъ походъ противъ казаковъ. Чѣмъ окончился этотъ походъ, въ точности намъ неизвѣстно [3]), хотя мы и имѣемъ указанія на то, что побѣдителями остались джунгары [4]).

Въ 1702, а, можетъ быть, и въ 1703 г. [5]), часть волжскихъ торгоутовъ подъ предводительствомъ Санджи-Чжаба, сына Аюки-хана, возвратилась въ Джунгарію [6]). Цэванъ-Рабтанъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятно слагавшимися для него обстоятельствами, выгналъ Санджи-Чжаба изъ Джунгаріи, подданныхъ-же его разселилъ по разнымъ улусамъ [7]). Китайцы пишутъ, что усилившись такимъ образомъ, Цэванъ-Рабтанъ сталъ надменно сноситься съ пекинскимъ дворомъ. Дѣйствительно, есть основаніе думать, что именно въ это время Цэванъ-Рабтанъ замыслилъ сдѣлаться самостоятельнымъ ханомъ всѣхъ ойратскихъ поколѣній и возстановить сполна прежнія границы Джунгаріи. Извѣстно, что до времени возникновенія войнъ Галдана джунгары занимали своими кочевьями мѣста вплоть до низовьевъ р. Кобдо, далѣе же къ востоку, въ Уланъ-комѣ и урочищахъ по Кэму и Кэмчику жили смѣшанно съ халхасами [8]); послѣ же пораженія Галдана кочевья халхасовъ раздвинулись далеко на западъ, такъ что заходили на юго-западные склоны Алтая и простирались вплоть до р. Чернаго Иртыша. На эти то земли и предъявилъ свои притязанія Цэванъ, заявивъ маньчжурскому правительству, что мѣста къ востоку отъ р. Или вплоть до Кэми и Кэмчика искони принадлежали джун-

---

[1]) Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить то бѣдственное положеніе въ какомъ очутился Галданъ послѣ своего пораженія на р. Толѣ, а также его бѣгство на сѣверо-западъ, а не на западъ, въ Тарбагатайскія горы или на берега р. Или. Маньчжуры, покоривъ Галдана, овладѣли и всѣми его землями. Ясно, что къ 1697 г. онѣ уже не простирались къ западу отъ Урунгу.

[2]) Позднѣевъ — «Матер. для исторіи Халхи», стр. 275; ком. на сообщ. Унк., стр. 262; Іакинфъ, op. cit., стр. 90.

[3]) Іакинфъ, ib., стр. 90.

[4]) Позднѣевъ — Ком. на сообщ. Унк., стр. 257; de Mailla, op. cit., XI, стр. 539. Какъ кажется, походъ этотъ открылъ цѣлый рядъ пограничныхъ войнъ съ казаками, успѣхъ коихъ клонился то въ одну сторону, то въ другую (Унковскій, op. cit., стр. 193).

[5]) Позднѣевъ — Ком. на сообщен. Унк., стр. 256; Палласъ, op. cit., стр. 69, событіе это относитъ къ началу 1704 г.

[6]) Торгоуты, какъ кажется, остановились въ долинѣ р. Караталъ. Цэванъ-Рабтанъ обманнымъ образомъ захватилъ Санджи-Чжаба въ горахъ Алтынъ-Емель (Унковскій, op. cit., стр. 189).

[7]) Унковскій, op. cit., стр. 189.

[8]) Позднѣевъ — «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 276.

гарамъ и должны быть теперь возвращены имъ. Маньчжуры, получивъ это дерзкое требованіе Цэвана-Рабтана, отвѣтили на него отказомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядились принять соотвѣтствующія мѣры къ обузданію дерзкихъ стремленій властолюбиваго князя.

Мѣры эти сводились, главнымъ образомъ, къ укрѣпленію пограничной линіи въ области Алтая и Иртыша. Но сюда Цэванъ-Рабтанъ и не направилъ своихъ главныхъ силъ. Превосходно знакомые съ характеромъ и особенностями этой страны, его полководцы, располагавшіе ничтожными силами, держались здѣсь особой тактики; не доводя дѣла до рѣшительнаго сраженія, они старались безпокоить маньчжуровъ мелкими стычками, появлялись то здѣсь, то тамъ, и хотя всегда побитые, они, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ успѣхомъ исполняли свое назначеніе—удерживать непріятеля за Иртышомъ [1]).

Главное вниманіе Цэванъ-Рабтана обращено было на югъ, въ сторону Тибета и Куку-нора, гдѣ, на пространствѣ отъ Гималаевъ до Ала-шаня, продолжали безгранично властвовать хошоуты.

Въ эту эпоху Тибетъ переживалъ смутное время. Диба все еще не могъ помириться съ мыслью играть въ Тибетѣ подчиненную роль, навязанную ему еще Гуши-ханомъ [2]). Интригуя противъ преемниковъ послѣдняго и ихъ покровителей — маньчжуровъ, онъ игралъ въ распряхъ Галдана и Канси видную, но двусмысленную роль. Пораженіе и смерть Галдана поколебали, но не рушили его плановъ. Успѣвъ завлечь въ сѣти своихъ интригъ и Цэванъ-Рабтана, онъ въ то-же время рѣшилъ дѣйствовать за свой рискъ и страхъ, и когда его попытка отравить Лацзанъ-хана [3]) не удалась, онъ выступилъ противъ него съ войскомъ, но былъ имъ разбитъ и убитъ (1705) [4]).

Лишившись въ лицѣ диба дѣятельнаго союзника, Цэванъ-Рабтанъ, тѣмъ не менѣе, не оставилъ своего плана овладѣть

---

[1]) De Mailla, op. cit., XI, стр. 540. Къ различнымъ эпизодамъ этой партизанской войны должны мы, безъ сомнѣнія, отнести тѣ побѣды маньчжуровъ и ихъ союзниковъ халхасовъ и хотохойтовъ, о которыхъ такъ много разсказываютъ намъ монгольскія лѣтописи. См. Позднѣевъ, «Матер. для ист. Халхи», стр. 277—285.

[2]) Хотя Успенскій («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай») и от. Иларіонъ («Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ» въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ») согласно показываютъ, что диба, погубившій тангутскаго хана Цзанба, продолжалъ заправлять дѣлами въ Тибетѣ и въ началѣ XVIII столѣтія, тѣмъ не менѣе, протекшій шестидесятилѣтній періодъ времени не можетъ не возбудить на этотъ счетъ нѣкоторыхъ сомнѣній.

[3]) Лацзанъ-ханъ — титулъ. Потомки Гуши-хана, правившіе въ Тибетѣ, именовались Лацзанъ-ханами, на Куку-норѣ же и въ Ала-шанѣ—Очирту-ханами (Позднѣевъ — «Мат. для ист. Халхи», стр. 313).

[4]) От. Иларіонъ, op. cit., стр. 467.

кочевьями хошоутовъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился овладѣть Хами и въ 1713 году, подъ пустымъ предлогомъ, вторгся въ этотъ оазисъ. Въ слѣдующемъ году онъ на голову разбилъ высланную противъ него китайскую армію въ уроч. Отунъ-коза [1]), преслѣдовалъ ее до Хами, взялъ этотъ городъ и подвергъ всю страну полному разоренію [2]). Засимъ онъ предпринялъ рядъ вторженій въ предѣлы хошоутскихъ владѣній, однако безъ особеннаго успѣха. Но на ряду съ этимъ онъ задумалъ и привелъ въ исполненіе безпримѣрный по своей смѣлости планъ. Расчитывая застать Лацзанъ-хана врасплохъ, онъ въ ноябрѣ 1716 года отправилъ въ Тибетъ отрядъ въ 6,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Цэрэна-дундоба, съ приказаніемъ пробраться къ Лхассѣ черезъ Тенгринорскій проходъ. Положительно неизвѣстно, гдѣ шелъ Цэрэнъ со своимъ отрядомъ до Хотанской области; но надо думать, что онъ прошелъ черезъ г. Аксу [3]). «Вступивъ затѣмъ въ Хотанскую область, Цэрэнъ уклонился въ горы, чтобы миновать степныя мѣста, гдѣ обиталъ народъ монгольскаго племени; опасаясь, чтобы здѣсь не открыли его отряда и не дали о томъ вѣсти китайскимъ карауламъ [4]), онъ шелъ только ночью, а днемъ скрывался въ глубокихъ долинахъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ пути отрядъ джунгаровъ долженъ былъ потерпѣть много отъ суроваго времени года, отъ трудныхъ переходовъ черезъ снѣжныя горы, подъ вліяніемъ сильно разряженнаго воздуха на высокомъ безплодномъ плоскогоріи и отъ недостатка провіанта [5]). Наконецъ, въ августѣ слѣдующаго года джунгары вышли на Тэнгри-норъ». Сторонникъ Цэванъ-Рабтана, Шандуръ-Чжабъ, открылъ имъ ворота Будалы. Цэрэнъ, вступивши въ столицу Тибета, схватилъ и умертвилъ

---

[1]) Унковскій подробно описываетъ это сраженіе (ib., стр. 191). На всемъ пространствѣ между Хами и Турфаномъ подходящимъ для засады мѣстомъ можетъ быть только котловина Отунъ-коза. Сюда же выходитъ и такъ называемая калмыцкая дорога. Описаніе ея и всей окрестной мѣстности см. въ I томѣ, стр. 242—243.

[2]) У Григорьева («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 361) сказано: «Поразивъ китайцевъ, калмыки вслѣдъ затѣмъ овладѣли Турфаномъ и разорили Хами». Откуда почерпнулъ Григорьевъ это свѣдѣніе о Турфанѣ — мнѣ неизвѣстно.

[3]) Палладій Кафаровъ — «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1850, IV, стр. 256. Дальше мы продолжаемъ его словами.

[4]) Передовой постъ китайцевъ стоялъ въ ур. Гасъ. См. Примѣчанія къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 475; ср. Успенскій, op. cit., стр. 93.

[5]) Путь, пройденный Цэрэномъ, настолько труденъ, пишутъ китайцы, что имъ очень рѣдко пользуются; торговые караваны, идущіе изъ Яркенда въ Тибетъ, избираютъ кружный путь черезъ Ладакъ. См. «Цзинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-лю» въ переводѣ St. Julien'a («Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 246).

Лацзанъ-хана, послѣ чего, овладѣвъ всей страной, двинулся на сѣверъ, къ Куку-нору, избивая всюду родственниковъ Лацзановыхъ. Разгромъ хошоутскихъ улусовъ продолжался въ теченіе всего слѣдующаго и начала 1719 года. Но въ этомъ году Цэрэнъ былъ отовсюду окруженъ хошоутскими и маньчжурскими войсками, которыя надвигались на него тремя дорогами, изъ Алтая, изъ Синина, и изъ Да-цзянъ-лу, черезъ Литанъ; разбитый, тѣснимый отовсюду врагами, Цэрэнъ съ остатками своего отряда долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и прежнею дорогой вернуться въ Джунгарію. Тибетъ остался во власти маньчжуровъ. Такъ безрезультатно окончился походъ, подобнаго которому не знаетъ исторія Средней Азіи.

Не менѣе крупную неудачу потерпѣлъ Цэванъ-Рабтанъ и въ Джунгаріи. Въ 1719 г. онъ лишился княжествъ Хами и Турфана, а въ 1720 г. долженъ былъ допустить переходъ императорскихъ войскъ и на сѣверные склоны Тянь-шаня [1]). Это послѣднее обстоятельство заставило Цэванъ-Рабтана покориться и просить мира, по заключеніи котораго, Канси вывелъ свои войска изъ Джунгаріи, оставивъ, однако, сильные гарнизоны въ Турфанѣ, Хами и Баркулѣ [2]). Такіе же гарнизоны были поставлены и къ западу отъ Цзя-юй-гуаня, причемъ изъ этихъ земель образованъ былъ военный округъ Чи-цзинь, въ 1726 г., вмѣстѣ съ его расширеніемъ, переименованный въ Цзинъ-ни-тинъ.

Въ 1722 г. императоръ Канси скончался. Этимъ моментомъ рѣшилъ воспользоваться внукъ Гуши-хана Лубцзанъ-даньцзинь для того, чтобы устранить вліяніе Китая на дѣла Тибета и Куку-нора. Положившись на поддержку Цэванъ-Рабтана и ламы Цаганъ-Номынъ-хана, пользовавшагося неограниченнымъ вліяніемъ среди тангутовъ, онъ собралъ сеймъ, на которомъ и предложилъ свергнуть иго маньчжуровъ. Но предложеніе это встрѣчено было далеко не сочувственно: не многіе изъ князей приняли его сторону. Тогда Лубцзанъ неожиданно напалъ на остальныхъ и, поразивъ ихъ, заставилъ бѣжать въ предѣлы Китая. Одновременно до 200 тысячъ тангутовъ вторглись въ Сининскую область, предавая все на пути

---

[1]) Позднѣевъ — «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 288. Баркульская долина, впрочемъ, еще въ 1715 г. была занята маньчжурскими войсками. См. Примѣчанія къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 481.

[2]) У Позднѣева, ib., стр. 288, сказано: «Канси оставилъ гарнизоны въ Урумчи, въ Баркулѣ и въ Хами». Но далѣе (стр. 338) у того же автора читаемъ: «Чтобы раздѣлить силы противниковъ, Юэ-чжунъ-ци командировалъ Цзи-чэнъ-биня напасть на Урумчи, но элюты сами оставили этотъ городъ и еще прежде ушли изъ него неизвѣстно куда».

огню и мечу. Положеніе стало серьезнымъ. Но маньчжурскія власти не растерялись и цѣлымъ рядомъ рѣшительныхъ мѣръ быстро подавили мятежъ. Лубцзанъ, будучи неоднократно разбитъ, бѣжалъ въ Джунгарію, гдѣ и нашелъ пріютъ у Цэвана-Рабтана.

Это возстаніе дало поводъ маньчжурамъ реформировать самоуправленіе кукунорскихъ монголовъ, раздѣливъ ихъ по числу родовъ на знамена и отдѣливъ отъ хошоутовъ (21 знамя), торгоутовъ (4 знамени), хойтовъ (1 знамя), чоросовъ (2 знамени) и халхасовъ (1 знамя). Одновременно отъ Тибета отняты были округа Батанъ и Литанъ и въ Лхассу посланы были китайскіе чиновники и гарнизонъ. Засимъ въ 1726 г. для всѣхъ 48 родовъ фаней (тангутовъ) учреждены были управленія въ городахъ Гуйдэ-тинъ и Сюнь-хуа-тинъ. Всѣми этими мѣрами маньчжуры добились установленія болѣе устойчиваго положенія дѣлъ въ Тибетѣ и Куку-норѣ. Лишенные единаго главы, ойраты уже не въ силахъ были организовать сколько нибудь серьезнаго возстанія; послѣднія повторялись все рѣже и рѣже; народъ быстро терялъ свою воинственность и, наконецъ, погрузился въ сонъ и апатію, которые и привели его мало-по-малу въ состояніе, которое даже китайцами признано было жалкимъ. Такъ, шэнь-гань-цзунь-ду На-янь-ченъ въ 1822 г. доносилъ: «Монголы большею частью разбѣжались и кочуютъ вблизи китайскихъ лагерей и пикетовъ; другіе поселились вблизи городовъ, ища защиты. Особенно много ихъ бродитъ безъ занятій и безъ средствъ къ жизни по области Синингъ, въ мѣстности Даньгаръ и уѣздѣ Да-тунъ [1]), и по округамъ Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню. Бѣдность между ними невообразимая и возбуждающая крайнее состраданіе; собрать ихъ и водворить среди нихъ какой-либо порядокъ нѣтъ никакой возможности. Земли къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ на нѣсколько тысячъ ли совершенно опустѣли и по нимъ всюду и свободно разгуливаютъ степные (ѣ) фани, переселившіеся съ южнаго берега Желтой рѣки, собираясь толпами и производя грабежи» [2]).

Желтая рѣка была положена сѣверной границей тангутскихъ земель въ 1726 г. На лѣвый ея берегъ фани перешли въ 1796 г.; съ этихъ же поръ стремленіе ихъ къ Куку-нору не прекращалось, и въ настоящее время, не смотря на принимавшіяся противъ нихъ

---

[1]) Въ настоящее время здѣсь кочуетъ только нѣсколько семействъ монголовъ. Мы ихъ встрѣтили ниже пикета Пый-фу-хуръ.

[2]) Успенскій, op. cit., стр. 185.

репрессивныя мѣры, они вытѣснили монголовъ даже изъ ближайшихъ окрестностей озера [1]).

Въ 1723 г. одинъ изъ сыновей Цэванъ-Рабтана, Шуно-Даба, побѣдоносно закончилъ войну съ казаками, отнявъ у нихъ города Сайрамъ и Ташкентъ [2]), а четыре года спустя Цэванъ-Рабтанъ скончался, передавъ престолъ сыну своему Галданъ-Цэрэну, при которомъ война между маньчжурами и ойратами возобновилась.

Поводъ къ этой новой войнѣ подали сами джунгары своими разбойничьими набѣгами на предѣлы Китая [3]).

Въ 1729 г. императоръ Юнъ-чжэнъ двинулъ противъ нихъ двѣ арміи: одна изъ нихъ должна была оперировать въ Тянь-шанѣ, другая въ Алтаѣ; одновременно были усилены гарнизоны въ Гуйхуа-ченѣ и на оз. Гасъ [4]).

Первое столкновеніе соединенныхъ силъ маньчжуровъ и монголовъ Халхи съ джунгарами окончилось побѣдой послѣднихъ. Полководцы Галданъ-Цэрэна — старшій и младшій Цэрэнъ-дундобы [5]), нанесли цзянь-цзюню Фурданю жестокое пораженіе при озерѣ Даинъ-голѣ [6]), послѣ чего, минуя только что основанный китайскій городъ Кобдо [7]), вторглись въ Халху. Послѣдовавшее здѣсь раздѣленіе силъ погубило джунгаровъ. Ихъ отряды во всѣхъ послѣдующихъ стычкахъ съ халхасами были разбиты и съ большимъ урономъ должны были отступить обратно въ Джунгарію.

Въ отместку за это пораженіе Галданъ-Цэренъ двинулъ противъ халхасцевъ огромную армію, которая въ слѣдующемъ 1732 г.,

---

[1]) Еще Пржевальскій («Четвертое путешествіе», стр. 130) писалъ: «По пути, какъ и ранѣе при слѣдованіи къ устью р. Балема, намъ часто попадались стойбища тангутовъ, рѣже монголовъ. Первые сильно тѣснятъ послѣднихъ и съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе хозяевами Куку-нора». Мы же, въ 1890 году, обогнувъ озеро, нигдѣ больше монголовъ не встрѣтили.

[2]) Унковскій, op. cit., стр. 193. Палласъ, op. cit., стр. 43, называетъ Шуно-Даба Лузангъ-Шуну. Левшинъ («Описаніе киргизъ-кайсакскихъ ордъ и степей», II, стр. 69) ошибочно приписываетъ этотъ походъ Галданъ-Цэрэну, причемъ, ссылаясь на донесенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ Рычкова и Неплюева, говоритъ, что сверхъ помянутыхъ городовъ былъ взятъ джунгарами еще и г. Турфанъ. Балкашинъ же пишетъ, что въ этомъ году джунгары покорили не только Большую орду и часть Средней, но и Западный Туркестанъ («Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 42).

[3]) Такъ, напримѣръ, въ 1729 г. джунгары сдѣлали нападеніе на караулъ, стоявшій въ ур. Гасъ. Успенскій, op. cit., стр. 183.

[4]) Прим. къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 475.

[5]) Цэрэнъ-дундобъ старшій былъ полководцемъ Цэванъ-Рабтана. Это онъ совершилъ безпримѣрный переходъ съ войскомъ черезъ пустынное, высокое плоскогоріе Хачи и завоевалъ Тибетъ.

[6]) Иначе Хотунъ-хурха-норъ, лежитъ въ верховьяхъ р. Кобдо.

[7]) Городъ Кобдо основанъ былъ въ 4 лунѣ 1731 года. См. Позднѣевъ, «Матеріалы для исторіи Халхи», стр. 335.

подъ его личнымъ предводительствомъ, перешла Черный Иртышъ и вторглась въ Халху. Грабя встрѣчныя кочевья, джунгары добрались до р. Орхона, но здѣсь ихъ настигъ халхаскій князь эфу Цэрэнъ, который и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе [1]). Преслѣдуя ихъ по пятамъ, эфу Цэрэнъ вторично разбилъ Галданъ-Цэрэна при Эрдэни-цзу, гдѣ потоплено было и убито джунгаровъ до 3 тысячъ человѣкъ. За всѣмъ тѣмъ, благодаря бездѣятельности маньчжурскихъ генераловъ, стоявшихъ лагеремъ на р. Байдарикѣ и у крѣпости Ха-линь, Галданъ-Цэрэну удалось спасти остатки своей арміи и сравнительно безъ особенно большихъ потерь добраться до р. Биджи, лежавшей уже въ джунгарскихъ предѣлахъ. Не смотря на столь чувствительныя пораженія, миръ, заключенный въ 1735 году [2]) съ пекинскимъ правительствомъ, оказался для Галданъ-Цэрэна очень выгоднымъ: онъ получилъ обратно Турфанъ и земли между Урунгу и гребнемъ Алтая [3]).

Вызванное войною съ Китаемъ отвлеченіе значительныхъ силъ отъ западной границы государства соблазнило казаковъ, которые, воспользовавшись временнымъ ослабленіемъ Галдана, рѣшились отвоевать у него свои земли. Хотя они и успѣли въ этомъ [4]), но торжество ихъ было непродолжительнымъ: уже около 1738 г. [5]) Галданъ-Цэрэнъ напалъ на Большую орду, разгромилъ ее и покорилъ [6]); засимъ въ 1741 г. онъ предпринялъ противъ казаковъ

---

[1]) При Кэрсэнь-чилуту («Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 410).

[2]) Въ періодъ времени между 1732 и 1735 годами маньчжуры не переставали дѣятельно укрѣплять границу. Съ этою цѣлью былъ, между прочимъ, построенъ въ 1733 г. городъ Уляссутай (Прим. къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 374), и гор. Баркуль соединенъ колеснымъ путемъ, черезъ пер. Кошеты-дабанъ, съ гор. Хами. См. «Цзинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-ліо», въ перев. St. Julien'a («Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 239).

[3]) Граница направлялась вверхъ по Кэмчику до Алтая, засимъ по гребню Алтая, примѣрно, до верховій Урунгу; отсюда сворачивала на югъ, проходила между горами Байтыкъ-Богдо и Хабтыкъ-Богдо, шла далѣе по перевалу Уланъ-усу, восточной окраиной турфанскихъ оазисовъ на Лобъ-норъ и упиралась въ ур. Гасъ (см. «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 442; Позднѣевъ — «Матер. для исторіи Халхи», стр. 92). Такимъ образомъ, Турфанъ вновь отошелъ къ Джунгаріи; китайцы же оставили свои гарнизоны лишь въ Хами и Баркулѣ (Позднѣевъ, ib., стр. 365). Ср. Іакинфъ, op. cit., стр. 101, который ошибочно отнесъ заключеніе мирнаго договора къ 1739 г. и къ тому же писалъ, что послѣдній заключенъ къ невыгодѣ Галданъ-Цэрэна.

Надо думать, что китайцы потому такъ легко разстались съ Турфаномъ, что въ это время онъ представлялъ уже безлюдную область, такъ какъ еще въ 1732 году населеніе его, имѣя во главѣ своего князя Эмина-ходжу, бѣжало отъ жестокостей джунгаровъ въ Са-чжоу. Обратно на родину турфанцы вернулись въ 1755 году (Klaproth—«Abhandlung über die Uiguren», стр. 47 и 51; Ab. Rémusat—«Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale», стр. 66; Іакинфъ — «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 112).

[4]) Левшинъ — «Описаніе киргизъ-кайсакскихъ ордъ и степей», II, стр. 71.

[5]) Годъ перваго похода Галданъ-Цэрэна противъ казаковъ въ точности неизвѣстенъ.

[6]) Левшинъ, op. cit., стр. 79.

новый походъ и, предавая все огню и мечу, достигъ рѣки Ори [1]). Послѣдующіе четыре года жизни Галданъ-Цэрэна Джунгарія пользовалась полнымъ спокойствіемъ, послѣ же его смерти стала очагомъ междоусобій, которыя и подготовили быстрое паденіе этого царства.

Его преемникъ Цэванъ-Дорчжи-Ачжанъ былъ убитъ [2]) въ 1750 г. старшимъ братомъ своимъ Ламой-Дарчжи [3]), который съ титуломъ Эрдэни-лама-Батуръ-хунъ-тайши и принялъ власть въ свои руки. Уже будучи ханомъ, онъ умертвилъ втораго брата своего Цэвана-Даши и Даву, сына младшаго Цэрэнъ-дундоба, чѣмъ, однако, не устранилъ всѣхъ своихъ соперниковъ на джунгарскій престолъ. Противъ него выступилъ Даваци, внукъ Цэрэнъ-дундоба старшаго, за спиной котораго орудовалъ столь извѣстный впослѣдствіи Амурсана. Лама-Дарчжи былъ убитъ, и Даваци провозгласилъ себя ханомъ. Но съ его воцареніемъ смуты въ Джунгаріи не прекратились. Противъ него поднялъ оружіе тайши Номохонь-Цзиргалъ, который принудилъ его бѣжать къ Амурсанѣ. Однако и торжество Номохонь-Цзиргала было непродолжительно. Онъ былъ схваченъ Амурсаной и казненъ. Даваци снова вернулся на р. Или. Боясь, однако, все возрастающаго могущества Амурсаны, который сталъ явно стремиться къ захвату ханской власти, онъ порѣшилъ заблаговременно съ нимъ покончить. Но Амурсана ушелъ на Иртышъ.

Амурсана хотя и приходился Галданъ-Цэрэну внучатнымъ племянникомъ, но такъ какъ былъ хойтомъ по происхожденію, то и не могъ найти поддержки своимъ притязаніямъ среди чоросскихъ родовичей. Отчаявшись составить себѣ среди этихъ послѣднихъ сильную партію, онъ рѣшился передаться китайцамъ, дабы съ ихъ помощью достичь желанной цѣли—верховной власти въ Джунгаріи. Но Цянь-лунъ разгадалъ его замыслы и если и помогъ ему свергнуть Даваци [4]), то вовсе не для того, чтобы передать затѣмъ власть въ его руки. Согласно его инструкціямъ, маньчжурскіе генералы остались въ странѣ въ роли правителей, предоставивъ Амур-

---

[1]) Іакинфъ «Ист. обозр. ойратовъ», стр. 102. Левшинъ, op. cit., стр. 148. У Палласа, op. cit., стр. 4, событіе это отнесено къ 1742 г.

[2]) Іакинфъ — «Ист. обозр. ойратовъ», стр. 106; de Mailla, op. cit., стр. 545. Палласъ, op. cit., стр. 44, пишетъ, что Цэванъ-Дорчжи-Ачжакъ былъ не убитъ, а только ослѣпленъ и сосланъ на житье въ одинъ изъ городовъ Восточнаго Туркестана.

[3]) Лама-Дарчжи былъ сыномъ наложницы.

[4]) Послѣ неудачнаго сраженія Даваци бѣжалъ черезъ перев. Музъ-артъ въ Учъ-Турфанъ гдѣ и былъ схваченъ желавшимъ выслужиться передъ маньчжурами правителемъ (хакимъ-бекомъ) города. Вмѣстѣ съ Даваци былъ схваченъ и Лубцзанъ-Даньцзинь. Оба были затѣмъ препровождены въ клѣткахъ въ Пекинъ.

санѣ лишь право титуловаться хошуннымъ правителемъ и помощникомъ илійскаго цзянь-цзюня.

Такимъ образомъ надежды Амурсаны рушились. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы примириться съ постигшей его неудачей. Онъ поднялъ возстаніе и на первыхъ порахъ имѣлъ успѣхъ: два маньчжурскихъ генерала, видя себя не въ силахъ сопротивляться, отравились, третій бѣжалъ въ Баркуль. Такимъ образомъ вся Джунгарія вновь очутилась во власти калмыковъ, но не на долго, такъ какъ уже въ началѣ слѣдующаго 1756 года подоспѣвшія новыя силы маньчжуровъ быстро и почти безъ сопротивленія прошли всю Джунгарію и вступили въ долину р. Или [1]). Амурсана бѣжалъ къ казакамъ.

Но маньчжуры не успѣли еще утвердиться въ странѣ, какъ новыя волненія среди калмыковъ, вспыхнувшія одновременно съ возстаніемъ въ Халхѣ, поставили ихъ въ крайне опасное положеніе. Почти всѣ ихъ отряды были или истреблены или разсѣяны. На ихъ счастье, однако, среди калмыковъ не было никакого единодушія. Чжана-Гарбу убилъ своего дядю, хана чоросскаго Галцзана Дорцзи, и овладѣлъ его кочевьями; въ свою очередь онъ былъ умерщвленъ Галданомъ Дорчжи. Но и Галдана Дорчжи незамедлила постигнуть таже участь. Онъ былъ схваченъ и казненъ тайши Даву, который и поспѣшилъ переслать его голову Императору Цянь-луну [2]). Съ своей стороны Амурсана, вернувшійся въ Джунгарію, пользуясь раздорами среди чоросскихъ князей, сталъ собирать вокругъ себя своихъ приверженцевъ и, достаточно усилившись, готовился уже объявить себя ханомъ, какъ ему противусталъ со своими свѣжими силами генералъ Чжао-хой.

Чжао-хой былъ единственнымъ изъ маньчжурскихъ генераловъ, который не потерялся среди волненій и безпорядковъ, охватившихъ Джунгарію, и сумѣлъ безъ потерь отступить съ р. Джиргалана [3]) на соединеніе съ высланными къ нему свѣжими подкрѣпленіями. Мѣсто его встрѣчи съ Амурсаной въ точности неизвѣстно [4]); но послѣдній, узнавъ о приближеніи императорскихъ войскъ, не довелъ

---

[1]) Въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» сказано: «Генералъ Цэрэнъ преслѣдовалъ Амурсану до Талкинскаго перевала» (перев. St. Julien'a въ «Journal Asiatique», 1846, VIII, 4 série, стр. 389).

[2]) De Mailla, op. cit., XI, стр. 566.

[3]) Вѣроятно, здѣсь говорится не о мѣстности къ востоку отъ Кульчжи, а о правомъ притокѣ Текеса, гдѣ находилась лѣтняя резиденція чоросскихъ хановъ.

[4]) Іакинфъ, op. cit., стр. 123, говоритъ только, что Амурсана соединился съ прочими князьями на Бороталѣ. Во всякомъ случаѣ, встрѣча его съ Чжао-хоемъ не могла произойти далегко отсюда. Ср. de Mailla, op. cit., XI, стр. 556.

даже дѣла до столкновенія. Онъ бѣжалъ сначала къ казакамъ, а затѣмъ, преслѣдуемый Фудэ по пятамъ, и боясь измѣны, въ Россію. Здѣсь онъ заболѣлъ оспой, отъ которой и умеръ.

Между тѣмъ генералы Чжао-хой и Фудэ продолжали свои завоеванія въ Притяньшаньѣ, причемъ Фудэ прошелъ до крайнихъ западныхъ предѣловъ Джунгаріи, т. е. до Сайрама и Ташкента [1]). Въ слѣдующемъ же году (1758) эти генералы привели въ исполненіе «планъ, достойный твердой политики китайскаго кабинета» [2]), т. е. произвели поголовное избіеніе джунгарскаго народа на всемъ пространствѣ между Сайрамомъ [3]) и ур. Боробогосунъ [4]). Одновременно избивались калмыки и далѣе къ востоку, въ южной Джунгаріи [5]). Эта безчеловѣчная мѣра навела ужасъ на все калмыцкое населеніе Притяньшанья. Несчастные, избѣгая неволи [6]) и смерти, искали убѣжища у своихъ заклятыхъ враговъ—у казаковъ, киргизовъ, въ городахъ Восточнаго Туркестана; нѣкоторые, боясь и тутъ быть застигнутыми неумолимыми преслѣдователями, бѣжали еще дальше, въ Тибетъ. Десять тысячъ семействъ ушло въ предѣлы Россіи [7]). Такимъ образомъ сокрушено было могущество джунгаровъ. Ихъ царство пало и земли ихъ вошли въ границы китайской державы, причемъ, для закрѣпленія за послѣдней новыхъ владѣній, въ занятомъ краѣ былъ построенъ рядъ укрѣпленій и городовъ [8]), въ коихъ и размѣщены гарнизономъ знаменныя войска.

---

[1]) «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» въ перев. Klaproth'a, въ «Magasin Asiatique», I, стр. 89.

[2]) Слова Іакинфа, op. cit., стр. 124.

[3]) Іакинфъ, op. cit., стр. 125, думаетъ, что Фудэ шелъ, избивая джунгаровъ, отъ оз. Сайрамъ-нора, а не отъ города Сайрама; но такое предположеніе невѣроятно уже потому, что между Сайрамъ-номомъ и Боробогосуномъ могло кочевать всего лишь нѣсколько десятковъ семействъ чоросовъ, а не весь джунгарскій народъ; что джунгары въ XVIII в. кочевали въ западныхъ отрогахъ Александровскаго хребта и въ горахъ Кара-тау, видно изъ слѣдующаго мѣста «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи»: «Таласъ лежитъ къ западу отъ Или. Прежде (anciennement) здѣсь пасли свои стада джунгары и дурбёты« («Journal Asiatique», 4 série, VIII, стр. 403). См. также Балкашинъ, «Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 42.

[4]) «Они обыскали всѣ мѣста, куда только беззащитные старики, женщины и дѣти могли укрыться въ сію несчастную для нихъ годину и до единаго человѣка предали острію меча» Іакинфъ, op. cit., стр. 125. См. также de Mailla, op. cit., XI, стр. 559.

При этомъ, говорятъ, погибло до милліона народа.

[5]) De Mailla, op. cit., XI, стр. 561.

[6]) «Les restes furent distribués aux Mantchéoux et aux Mangous, qui en firent leurs esclaves». De Mailla, ib.

[7]) Іакинфъ, op. cit., стр. 126 и 229; Левшинъ, op. cit., стр. 250; у de Mailla сказано, что 20 тыс. семействъ калмыковъ бѣжало въ Россію (ib.).

[8]) Въ 1672 г. основаны были города Суйдунъ (Суй-динъ-чэнъ) и Кульчжа (Нинъ-юань-чэнъ); въ 1764 г. Новая Кульчжа (Хой-юань-чэнъ), впослѣдствіи (въ 60-хъ годахъ XIX ст., см. т. I, гл. I) разрушенная дунганами; въ 1765 году на мѣстѣ нынѣшняго Урумчи построенъ былъ импань, въ 1773 г. перестроенный и сдѣланный окружнымъ городомъ (Ди-хуа-чжоу); въ томъ же году построены укрѣпленія Цитай (преобразовано въ уѣздный городъ въ 1776 г.) и Фуканъ

Одновременно киргизамъ и казакамъ, признавшимъ китайское подданство [1]), было дозволено занимать опустѣвшія калмыцкія земли [2]).

Послѣ завоеванія Джунгаріи Кашгарія наслѣдственно должна была сдѣлаться достояніемъ маньчжуровъ. Но въ это время тамъ разыгрались событія, которыя вынудили Цянь-луна оружіемъ подчинить себѣ эту страну.

Даніель-ходжа оставался въ почетномъ плѣну у калмыковъ до 1720 г., когда Цэванъ-Рабтанъ не только возвратилъ ему свободу, но и ввѣрилъ его управленію всю Кашгарію. Послѣ смерти же Даніеля страна эта раздѣлена была на четыре удѣла: Яркендъ, Кашгаръ, Аксу и Хотанъ, правителями коихъ поставлены были его сыновья. Одинъ изъ послѣднихъ, Юсуфъ-ходжа кашгарскій, воспользовавшись смутами въ Джунгаріи, свергнулъ въ 1754 г. калмыцкое иго, успѣвъ вовлечь въ свои замыслы и остальныхъ князей Алтышара. Такимъ образомъ, когда маньчжуры овладѣли Джунгаріей, Кашгарія уже не входила въ составъ земель, подвластныхъ ханамъ Чоросскимъ.

Первыя попытки китайцевъ овладѣть Восточнымъ Туркестаномъ относятся къ 1755 г. Въ то время въ горахъ Эрень-Хабирга жили въ изгнаніи два сына помянутаго выше Ахмеда-ходжи. Старшимъ изъ нихъ, Бурханъ-эд-Диномъ, и рѣшилъ воспользоваться Цянь-лунъ для своихъ цѣлей.

Когда по Кашгаріи разнеслась вѣсть, что Бурханъ-эд-Динъ выступилъ къ Аксу во главѣ соединенныхъ силъ маньчжуровъ и калмыковъ, приверженцы бѣлогорской партіи стали стекаться къ нему въ огромномъ числѣ. Онъ безъ сопротивленія овладѣлъ Аксу

(преобразовано въ уѣздный городъ, равнымъ образомъ, въ 1776 г.); въ 1766 г. Чугучакъ («Мэнъ-гу-ю-му-цзи», примѣчанія, стр. 452; у Матусовскаго — «Географическое обозрѣніе Китайской имперіи», стр. 317, основаніе этого города отнесено къ 1758 г.); въ 1772 г. Гу-чэнъ; въ 1776 г. Манасъ (Суй-лай) и, наконецъ, въ 1781 г. — Куръ-кара-усу. См. «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 465—467, 484—486; Іакинфъ «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXXVI и 99; Матусовскій «Географич. обозр. Китайской имперіи»; «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», переводъ St. Julien, въ «Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 391—392.

[1]) «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», въ перев. Klaproth'a, въ «Magasin Asiatique», стр. 110, 113, 116; то же сочин. въ перев. St. Julien'a, въ «Journal Asiatique, 1846, 4 série, VIII, стр. 409; Іакинфъ, «Опис. Чжунг. и Вост. Турк.», стр. 144.

[2]) Левшинъ, op. cit., стр. 83. Пользуясь безпорядками въ Джунгаріи, казацкій ханъ Аблай уже въ 1755 г. овладѣлъ частью калмыцкихъ земель («Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», въ перев. Klaproth'a, въ «Magasin Asiatique», I, стр. 99). Къ исходу XVIII столѣтія казаки заняли уже Тарбагатай и долины Зайсана и Чернаго Иртыша («Синь-цзянъ-чжи-лю» въ перев. St. Julien'a въ «Journal Asiatique», 4 série, 1846, VIII, стр. 236); въ началѣ XIX в. Путимцевъ нашелъ кочевья казацкихъ родовъ (кара-киреевъ, кызаевъ, байджигитовъ, найманов и др.) южнѣе Тарбагатая, въ горахъ Барлыкскихъ и у южной оконечности оз. Ала-куля. Нынѣ кызаи занимаютъ всю западную часть хр. Боро-хоро до меридіана Джинъ-хо.

и Учъ-Турфаномъ, разбилъ здѣсь, съ помощью передавшихся ему киргизовъ и кашгарцевъ, яркендское ополченіе и, преслѣдуя черногорскихъ ходжей по пятамъ, подступилъ къ Кашгару. Юсуфъ-ходжа незадолго передъ тѣмъ умеръ и кашгарцы, бывшіе всегда приверженцами бѣлогорскихъ ходжей, съ радостью отворили передъ побѣдителями городскія ворота.

Бурханъ-эд-Динъ не надолго задержался въ Кашгарѣ. Не давая черногорцамъ времени оправиться отъ пораженія, онъ двинулся противъ нихъ со всѣми своими силами и осадилъ Яркендъ. Благодаря измѣнѣ, городъ былъ вскорѣ взятъ. Ходжи черногорской партіи бѣжали, но были настигнуты, захвачены въ плѣнъ и казнены [1]). Такимъ кровавымъ путемъ удалось, наконецъ, Бурханъ-эд-Дину возстановить единодержавіе въ Алтышарѣ. Но его угнетало сознаніе своей зависимости отъ маньчжуровъ. Проведя всю свою молодость въ плѣну, испытавъ гнетъ и всевозможныя униженія и достигнувъ теперь свободы и власти, онъ желалъ уже пользоваться ими неограниченно. Таковы были причины перваго бунта кашгарцевъ. Но Бурханъ-эд-Динъ плохо разсчиталъ свои силы. Послѣ незначительнаго, одержаннаго имъ, успѣха онъ былъ разбитъ въ нѣсколькихъ стычкахъ знаменитыми китайскими полководцами Чжао-хоемъ и Фудэ и, сдавая городъ за городомъ, долженъ былъ, наконецъ, искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ бѣжалъ въ Бадакшанъ, но тамъ былъ убитъ мѣстнымъ владѣтелемъ. Такимъ образомъ къ 1759 году маньчжуры стали обладателями всѣхъ земель до Памира, Иссыкъ-куля [2]) и Бухтармы [3]), гдѣ владѣнія ихъ и сошлись съ пограничной сибирской областью Россіи.

Но и далеко за предѣлами этой пограничной линіи народы другъ передъ другомъ спѣшили склониться передъ могущественнымъ Цянь-луномъ. Въ числѣ добровольно покорившимся маньчжурамъ были, между прочимъ, и ханы кокандскіе [4]).

Не довольствуясь этими завоеваніями, Цянь-лунъ въ 1762 г. сталъ готовиться къ походу на Сайрамъ, Ташкентъ и Самаркандъ, но походу этому не суждено было осуществиться. Слухи о дѣлаемыхъ приготовленіяхъ встревожили весь мусульманскій міръ и побудили казацкихъ султановъ и кокандскаго и уратюбинскаго біевъ

[1]) Спасся бѣгствомъ въ Индію только сынъ Юсуфа — Назаръ-ходжа.

[2]) Валихановъ, op. cit., стр. 49. Бассейнъ Нарына былъ отнятъ у китайцевъ кокандцами въ 1831 г.; въ слѣдующемъ же году на Нарынѣ было выстроено кокандцами укр. Куртка.

[3]) Балкашинъ — «Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 45.

[4]) Ирдана-бій, умершій въ 1778 г., и наслѣдовавшій ему послѣ 3-мѣсячнаго перерыва Нарбута-бій.

просить помощи у могущественнаго кандагарскаго владѣтеля Ахмедъ-шаха. Послѣдній не остался глухимъ къ этой просьбѣ и, несмотря на свою войну съ сейками, выслалъ въ 1763 г. вспомогательный отрядъ на защиту Ташкента. Обстоятельство это заставило Цянь-луна пріостановить отправку войскъ на западъ, а вскорѣ затѣмъ его вниманіе отвлекли безпорядки въ Кашгаріи.

Въ 1765 г. населеніе Учъ-Турфана возстало; броженіе умовъ стало явно обнаруживаться въ Аксу и Яркендѣ. Но китайцы не дали ему разыграться; своевременно двинувъ войска, они приступомъ взяли Учъ-Турфанъ и, вырѣзавъ поголовно все его населеніе, этой жестокой расправой навели такой ужасъ на все населеніе Восточнаго Туркестана, что послѣднее въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти послѣдующихъ лѣтъ уже не осмѣливалось посягать на сверженіе китайскаго ига [1]).

Послѣ завоеванія Алтышара китайцами, тамъ уже не оставалось лицъ изъ владѣтельныхъ фамилій. Джагатаидовъ смѣнили ходжи; эти же послѣдніе частью пали въ междоусобной борьбѣ, частью были истреблены китайцами. Изъ потомковъ Аппака-ходжи уцѣлѣлъ только малолѣтній сынъ Бурханъ-эд-Дина Сарымсакъ, заблаговременно увезенный въ Западный Туркестанъ,—обстоятельство, имѣвшее огромное значеніе для дальнѣйшей исторической судьбы Кашгаріи.

Китайцы, сдѣлавшись обладателями Восточнаго Туркестана, внесли мало существенныхъ измѣненій въ административное устройство края. Стала лишь еще болѣе, чѣмъ прежде, чувствоваться децентрализація власти. Каждый изъ городовъ Восточнаго Туркестана: Хотанъ, Яркендъ, Янги-Гиссаръ, Кашгаръ, Учъ-Турфанъ, Аксу и

---

[1]) За этотъ промежутокъ времени изъ событій, имѣвшихъ отношеніе къ интересующей насъ части Средней Азіи, слѣдуетъ упомянуть объ обратномъ переселеніи волжскихъ калмыковъ въ Джунгарію. Они были разселены по Тянь-шаню (въ долинѣ р. Хайду-гола, на Юлдусахъ и въ горахъ отсюда къ сѣверу, востоку и западу, гдѣ они стали граничить съ кочевьями сюда же, незадолго передъ симъ, переселенныхъ чахаровъ; въ долинѣ р. Джиргалты и въ горахъ Борохоро, на востокъ до р. Кійтына; въ долинѣ р. Джинъ-хо и въ ур. Тойли), по Тарбагатаю (въ долинѣ р. Кобукъ) и отсюда на востокъ до кочевій алтайскихъ урянхайцевъ, по Джаиру и, наконецъ, по Алтаю (по р. Булгуну).

Съ небольшими измѣненіями въ размѣщеніи кочевій, вызванными, главнымъ образомъ, дунганскимъ возстаніемъ 1863—1873 гг., торгоуты и до настоящаго времени занимаютъ вышепоименованныя урочища (см. «Опис. пут. въ З. Кит.» т. I; Матусовскій — «Геогр. обозр. Китайск. импер.», Костенко — «Чжунгарія» въ «Сборникѣ географическ., топографическ. и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», вып. XXVIII). Сверхъ того торгоуты кочуютъ еще и по Эцзинъ-голу. Изъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ объ этихъ торгоутахъ можно сказать лишь слѣдующее. Въ 1705 г. Рабчжуръ, родственникъ Аюки-хана, въ сопровожденіи свиты изъ 500 человѣкъ, отправился въ Тибетъ на богомолье; на обратномъ пути онъ былъ задержанъ (по распоряженію императора Канси) и поселенъ въ пустынѣ Сыртынъ; впослѣдствіи же, а именно въ 1731 г., потомки этихъ торгоутовъ переведены были въ долину р. Эцзинъ-гола.

Куча получили отдѣльное управленіе, во главѣ коего поставленъ былъ хакимъ-бекъ, непосредственно подчинявшійся лишь китайскимъ властямъ [1]). За всѣмъ тѣмъ туземное населеніе съ ненавистью взирало на господство китайцевъ. Главными причинами тому были: высокомѣріе послѣднихъ [2]), произволъ и лихомства, плохой подборъ туземныхъ должностныхъ лицъ, зачастую выходцевъ изъ Турфана и Хами, которые, будучи китайскими ставленниками и притомъ чужеземцами, мало входили въ интересы ввѣреннаго ихъ попеченію населенія, и, наконецъ, разница религій. Авторъ «Си-юй-вынь-цзянь-лу» въ такихъ выраженіяхъ клеймитъ представителей высшей туземной администраціи въ Алтышарѣ: «Беки любятъ наживаться насиліемъ. Тѣснятъ слабыхъ. Если бѣдный скопитъ сколько нибудь имущества, то и стараются высосать оное; почему въ странѣ достаточныхъ домовъ нѣтъ» [3]). Не щадитъ тотъ же писатель и китайскихъ администраторовъ края: «Правитель (амбань) былъ безтолковъ, распутенъ и золъ, а сынъ его еще подлѣе и глупѣе. Увидя на улицѣ туркестанскую женщину или дѣвушку нѣсколько красивую, не спросивъ даже чья она, забирали ее въ ямынь, гдѣ отецъ съ сыномъ вмѣстѣ беззаконничали. Сверхъ сего, для забавы, приказывали слугамъ и солдатамъ, раздѣвшись до нага, бѣгать съ ними въ запуски, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обратно отпускали» [4]). При такомъ характерѣ управленія краемъ только страхъ передъ китайскимъ оружіемъ могъ сдерживать въ границахъ покорности туземное его населеніе. Съ годами, однако, воспоминаніе объ учъ-турфанскихъ казняхъ изгладилось изъ памяти народной, слава китайскаго оружія померкла, и населеніе Кашгаріи съ радостью привѣтствовало въ лицѣ Джегангира-турё [5]), младшаго сына Сарымсака-ходжи, своего избавителя отъ китайскаго ига.

Джегангиръ-ходжа, познакомившись съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Восточномъ Туркестанѣ и воспользовавшись смертью кокандскаго хана Омара, который за ежегодную субсидію въ 200 ямбъ обязался передъ китайскимъ правительствомъ имѣть строгій при-

---

[1]) Резиденція китайскаго амбаня, управлявшаго Кашгаріей, мѣнялась довольно часто и въ такой послѣдовательности: Яркендъ, Кашгаръ, Учъ-Турфанъ и вновь Яркендъ.

[2]) «При встрѣчѣ съ китайскимъ чиновникомъ на улицѣ, всѣ мусульмане должны были слѣзать съ лошадей. При объѣздѣ города амбанемъ народъ долженъ былъ стоять на улицахъ на колѣняхъ. Если амбань шелъ въ капище, то всѣ мусульманскіе чины, не исключая хакимъ-бека, становились у входа на колѣна, со сложенными назади руками» (Куропаткинъ — «Кашгарія», стр. 106).

[3]) Іакинфъ, «Опис. Чжунг. и Вост. Турк.», стр. 136 и 179

[4]) Іакинфъ, op. cit., стр. 179.

[5]) Валихановъ пишетъ Дженгиръ, Наливкинъ — Джаангиръ.

смотръ за ходжами [1]), бѣжалъ въ 1822 году къ киргизамъ [2]), гдѣ и сталъ готовиться къ вторженію въ Алтышаръ.

Первая его попытка въ этомъ направленіи была, однако, неудачна. Преданный ему старшина киргизовъ рода Чонъ-багышъ съ урономъ отступилъ отъ стѣнъ Кашгара, и такая же судьба постигла послѣдующія попытки киргизовъ рода Саякъ. Но засимъ послѣднимъ удалось уничтожить высланный противъ нихъ китайскій отрядъ, и эта побѣда была сочтена за счастливое предзнаменованіе. Къ Джегангагиру на «газатъ» стали стекаться ревнители ислама со всѣхъ концовъ Туркестана, и въ 1826 г. союзная армія подъ общимъ начальствомъ андиджанца Иса-датхи вступила въ предѣлы Восточнаго Туркестана. Въ ур. Даулетъ-бахъ Иса-датха нанесъ рѣшительное пораженіе илійскому цзянь-цзюню и при радостныхъ кликахъ народа ввелъ Джегангира въ Кашгаръ [3]). Послѣ этого города Яркендъ, Янги-Гиссаръ и Хотанъ возстали противъ китайцевъ, перерѣзали гарнизонъ и разрушили до основанія китайскіе укрѣпленные города (маньчэны, у туркестанцевъ—гульбахи).

Джегангиръ былъ, повидимому, хорошимъ администраторомъ, но плохимъ воиномъ и стратегомъ. Легко овладѣвъ Кашгаромъ, онъ почилъ на лаврахъ и далъ время китайцамъ не только оправиться отъ пораженія, но и стянуть значительныя силы къ Кульчжѣ и Аксу. Со своимъ сбродомъ онъ выступилъ противъ нихъ лишь въ началѣ 1828 г., но при первомъ же столкновеніи былъ разбитъ ими на голову и бѣжалъ къ киргизамъ на Нарынъ. Здѣсь онъ былъ схваченъ своимъ другомъ, упальскимъ бекомъ [4]), и выданъ китайцамъ, которые отвезли его въ Пекинъ и предали здѣсь ужасной казни [5]).

Не смотря на успѣшный для китайцевъ исходъ борьбы съ Джегангиромъ, престижъ ихъ власти въ Восточномъ Туркестанѣ былъ сильно поколебленъ. Ходжи убѣдились въ возможности овла-

---

[1]) Валихановъ, op. cit., стр. 53. Mir Abdoul Kerim Boukhary — «Histoire de l'Asie Centrale» trad. par Ch. Schefer («Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», 1876, стр. 217).

[2]) Впрочемъ, это было уже не первое его бѣгство. См. Наливкинъ — «Краткая исторія Коканскаго ханства», стр. 117.

[3]) У Наливкина (ib., стр. 126) обстоятельства бѣгства Джегангира и завоеваніе имъ Алтышара разсказаны иначе. Уже по занятіи Кашгаріи Джегангиромъ, на помощь послѣднему Мадали-ханъ коканскій привелъ 15-тысячное войско; но съ первыхъ же шаговъ онъ не поладилъ съ Джегангиромъ и послѣ 12-дневной безплодной осады кашгарскаго гульбаха вернулся назадъ.

[4]) Это извѣстіе взято у Куропаткина — «Кашгарія», стр. 116.

[5]) О послѣднихъ дняхъ Джегангира, со словъ Гюка, подробно разсказано у Куропаткина, ib., стр. 116.

дѣть достояніемъ предковъ, и съ этого времени начались ихъ частыя, хотя и неудачныя, попытки утвердиться на престолѣ Кашгаріи.

Уже въ 1830 г. старшій братъ Джегангира, Мохаммедъ-Юсуфъ-ходжа, во главѣ союзныхъ войскъ, состоявшихъ изъ кокандцевъ, ташкентцевъ, кашгарскихъ эмигрантовъ и таджиковъ Каратегина, вторгся вновь въ эту страну и безъ особаго труда овладѣлъ городами: Кашгаромъ, Янги-Гиссаромъ, Яркендомъ, Хотаномъ и Аксу. Съ уходомъ, однако, вспомогательныхъ войскъ, онъ почувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ китайцами, перешедшими въ наступленіе, и бѣжалъ въ Кокандъ, процарствовавъ въ Алтышарѣ всего лишь три мѣсяца [1]).

Слѣдующая попытка ходжей утвердиться въ Кашгаріи относится къ 1847 г. Сюда вторглись съ ничтожными силами семь ходжей изъ фамиліи Аппаковъ, но успѣли взять только Кашгаръ; да и этотъ городъ затворилъ передъ ними ворота, когда до него дошли слухи о пораженіи, нанесенномъ сброду Катта-хана (Ишана-хана-турё) въ долинѣ Яркендской рѣки передовымъ отрядомъ китайскихъ войскъ, шедшихъ изъ городовъ Урумчи и Лянъ-чжоу на выручку яркендскаго гарнизона [2]).

Въ 1855 и 1856 годахъ Кичикъ-ханъ-турё и Вали-ханъ-турё пытались овладѣть Кашгаромъ, но безуспѣшно. Наконецъ, въ 1857 г. это удалось Вали-хану. Въ сопровожденіи всего лишь семи человѣкъ онъ перешелъ границу кокандскихъ владѣній, переправился черезъ Кизыль-су, вырѣзалъ по пути китайскіе сторожевые пикеты и, взорвавъ городскія ворота, неожиданно явился на улицахъ Кашгара. Онъ былъ прогнанъ китайцами въ томъ же году, и на этотъ разъ кашгарцы, утомленные войнами, разоренные поборами и обезсиленные предшествовавшими эмиграціями [3]), главное же, возмущенные явнымъ предпочтеніемъ, которое оказывалъ Вали-ханъ кокандскимъ выходцамъ, и его непомѣрной жестокостью, привѣтствовали китайскія войска какъ избавителей.

Изгнавъ въ 1857 г. Вали-хана-турё и снова овладѣвъ всѣмъ Алтышаромъ, китайцы недолго, однако, пользовались своею побѣдою. Возстаніе дунганъ въ западныхъ китайскихъ провинціяхъ Гань-су

---

[1]) Обстоятельства этого вторженія всего подробнѣе изложены у Григорьева «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 450 и слѣд.

[2]) Валихановъ, op. cit., стр. 64 и слѣд. Ср. Наливкина, op. cit., стр. 168, и Куропаткина, op. cit., стр. 120—122.

[3]) Послѣ каждаго бѣгства ходжей изъ Кашгара, народъ эмигрировалъ въ Кокандъ массами. Такъ, въ 1830 г., вслѣдъ за Мохаммедомъ-Юсуфомъ-ходжей, эмигрировало въ Фергану до 70,000 и въ 1847 г. до 20,000 человѣкъ кашгарцевъ.

и Шэнь-си, быстро распространяясь на западъ, охватило всю Джунгарію, а затѣмъ, въ 1862—1863 годахъ, и Кашгарію. Китайцы были поставлены въ отчаянное положеніе. Многія тысячи ихъ погибли; но засимъ они, шагъ за шагомъ, въ теченіе послѣдующихъ 13 лѣтъ, усмирили возстаніе до города Чугучака къ западу, до Манаса и Урумчи къ югу. Въ 1877 г. ихъ войска стянулись къ городу Урумчи и открыли военныя дѣйствія противъ Якубъ-бека, самаго талантливаго и могущественнаго противника ихъ, выдвинутаго событіями предшествовавшихъ 13 лѣтъ [1]). Его полководцы были ими разбиты подъ Гумиды, послѣ чего онъ принужденъ былъ очистить Урумчи и отступить къ укрѣпленію Даванчинъ.

Это отступленіе оказалось для него роковымъ. Его приближенные, извѣрившись въ его силахъ и непобѣдимости, другъ передъ другомъ спѣшили передаться китайцамъ, а затѣмъ и самъ онъ палъ отъ руки убійцы [2]).

Замѣшательства, вызванныя его смертью, грозная молва о жестокихъ казняхъ, сопровождавшихъ паденіе Манаса, и, наконецъ, слухи о надвигавшихся на Восточный Туркестанъ огромныхъ силахъ непріятеля побудили многихъ патріотовъ искать спасенія своей родинѣ въ добровольномъ ея подчиненіи Китаю. Первый примѣръ въ этомъ смыслѣ подалъ Турфанъ, а засимъ съ повинной къ Цзо-цзунъ-тану и Лю-цзинь-таню явились депутаты и отъ другихъ городовъ Восточнаго Туркестана. Бекъ-кулы-бекъ, старшій сынъ Якуба, чувствуя себя не въ силахъ, въ виду такого оборота дѣлъ, продолжать борьбу съ китайцами, бѣжалъ въ русскіе предѣлы, съ чѣмъ вмѣстѣ пало и эфемерное царство, основанное Якубъ-бекомъ.

По завоеваніи Кашгаріи, китайцы нашли уже за ея рубежомъ русскія войска,—мощную преграду дальнѣйшаго распространенія своихъ владѣній на западъ, но въ то же время и прочную гарантію спокойнаго обладанія занятыми землями. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ миръ въ этой части Средней Азіи не нарушался.

Въ 1881 г. состоялась передача временно занятой нами Кульджи китайцамъ; она сопровождалась массовымъ переселеніемъ таранчей и илійскихъ дунганъ въ наши предѣлы. Этимъ эпизодомъ и закон-

---

[1]) Всего полнѣе эпоха Якубъ-бека изложена у Куропаткина, op. cit., гл. IV, и у Роберта Ша (Shaw) — «Очерки Верхней Татаріи, Ярканда и Кашгара», гл. III.

[2]) Мнѣ передавали, что Якубъ-бекъ былъ отравленъ хакимъ-бекомъ хотанскимъ Ніязомъ при помощи подговореннаго имъ чилимчи. По совершеніи убійства, Ніязъ бѣжалъ въ Хотанъ, гдѣ и объявилъ себя самостоятельнымъ правителемъ. Самостоятельность эта длилась однако не болѣе года, и, когда Лю-цзинь-тань вступалъ въ Кашгаръ, Ніязъ былъ въ числѣ первыхъ, изъявившихъ свою покорность богдохану.

чился послѣдній актъ исторіи интересующей насъ части Внутренней Азіи.

Изложенный въ этихъ трехъ главахъ ходъ историческихъ событій за 2000-лѣтній періодъ времени ясно обрисовываетъ ту значительную роль, которую нѣкогда игралъ Бэй-шань и его ближайшія окраины въ политической жизни Средней Азіи.

Отсюда вышли юэчжи и жеужани; здѣсь же черпали свои силы хунны, тукіэ, уйгурскія поколѣнія и государи Тангутскаго царства. Эпоха Чингисъ-хана имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Бэй-шаня. Увлеченныя этимъ великимъ полководцемъ въ его стремленіи покорить весь міръ, волны кочевниковъ уже не вернулись обратно. Бэй-шань опустѣлъ. Его источники живой воды, забитые копытами дикихъ животныхъ, изсякли или образовали соленыя грязи. И вотъ, постепенно, онъ сталъ еще негостепріимнѣе, еще пустыннѣе... Но не навсегда онъ останется такимъ. Человѣческій геній съумѣетъ вызвать его къ новой жизни и залогомъ этому являются его рудныя богатства: его золото, желѣзо, свинецъ и каменный уголь. Но, конечно, не намъ, а только нашимъ потомкамъ доведется быть свидѣтелями зарожденія новой жизни въ Бэй-шанѣ [1]).

---

[1]) Интересно, что тѣ же мысли о будущности Тянь-шаня, а вмѣстѣ съ нимъ и Бэй-шаня, уже давно высказывались китайцами. Такъ, авторъ оды Хунъ-лянъ-цзи писалъ слѣдующее: «При Ханьской династіи были постоянныя сношенія съ сѣверо-западными государствами, но такіе люди, какъ Пяо-ци (знаменитый полководецъ Ханьской династіи Хо-цюй-бинъ, прославившійся въ концѣ II вѣка до Р. Хр. своими походами на западъ и принесшій изъ одного изъ этихъ походовъ золотаго идола, котораго чтили хуннскіе владѣтели) и Чжо-ѣ (извѣстный куртизанъ и знаменитый полководецъ императора Вуди, Вэй-цинъ, возведенный въ достоинство чжо-ѣ-хоу; умеръ въ 106 г. до Р. Хр.), попирали ногами эти пустыни съ оружіемъ въ рукахъ и потому не имѣли въ виду заниматься изслѣдованіемъ чудесъ этихъ странъ. Бо-ванъ (т. е. Чжанъ-цянь, первый изслѣдователь Восточнаго и Западнаго Туркестановъ, пожалованный титуломъ бо-ванъ-хоу) и Динъ-юань (т. е. извѣстный полководецъ Бань-чао, награжденный титуломъ динъ-юань-хоу) ходили въ отдаленныя страны для того, чтобы прорубить въ нихъ окно изъ Китая и сдерживать ихъ, а потому также не имѣли времени заниматься созерцаніемъ красотъ природы. *Быть можетъ, пройдутъ еще сотни лѣтъ прежде, чѣмъ одаренный необыкновенными способностями человѣкъ откроетъ міру сокровенныя богатства этихъ горъ*».

ГЛАВА IV.

Поперекъ Бэй-шаня.

Утро 13 февраля было теплое, свѣтлое, радостное. Въ 6 часовъ, при слабомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, термометръ показывалъ еще 13^0 мороза, но едва выше поднялось солнце, какъ лучи его стали разливать давно забытое нами тепло; въ 8 час. утра подулъ вѣтерокъ съ юга, въ 9 час. термометръ стоялъ уже на 0^0, а къ полудню поднялся до $6^0,5$.

Пройдя Мазаръ-тагъ по сквозному ущелью [1]), мы вышли въ каменистую пустыню, въ которой, мало по малу, терялось русло ключа Ходжамъ-булакъ, разбившись на нѣсколько вѣерообразно расходившихся рукавовъ. Здѣсь, какъ и въ ущельи, еще виднѣлась мѣстами растительность: чахлый саксаулъ (Haloxylon ammodendron) и хвойникъ (Ephedra sp.?) [2]), но дальше и эти признаки органической жизни пустыни исчезли, и только небольшіе наметы грязнаго снѣга мѣстами разнообразили монотонный ландшафтъ широко раскинувшейся передъ нами равнины.

Однообразіе пустыни не нарушалось на всемъ протяженіи пройденныхъ нами въ этотъ день 35 верстъ. Только уже къ концу пути на южномъ краю горизонта обозначилась черная полоска высотъ лѣваго берега Яньдуньскаго протока [3]). Въ послѣдній мы спустились по кручѣ и очутились въ глубоко врѣзанномъ, широкомъ руслѣ періодической рѣки, обставленномъ причудливо изваянными стѣнами, сложенными изъ красной глины, въ порахъ коей

---

[1]) Стѣны его слагалъ плотный хлоритовый діабазъ.

[2]) Въ ущельи сверхъ того замѣчены были: чій, шиповникъ, Tamarix sp., Nitraria Shoberi и нѣкоторыя травянистыя растенія.

[3]) Въ I томѣ я ошибочно писалъ Яндунъ вмѣсто Янь-дунь.

отложилась кристаллами соль [1]). Это русло и вывело насъ къ Гэцзы-янь-дуню, первой станціи [2]) Хамійской пустыни, въ столь мрачныхъ краскахъ описанной Пржевальскимъ [3]).

Казенный тань [4]), въ которомъ мы остановились, оказался огромнымъ, но уже пришедшимъ въ достаточную ветхость, зданіемъ. Воды было много, хотя и не совсѣмъ хорошаго качества; она добывалась изъ неглубокихъ колодцевъ, находившихся по сосѣдству.

Съ вечера подулъ восточный вѣтеръ, который ночью усилился, нагналъ тучи и вскорѣ перешелъ въ снѣжный буранъ [5]). Снѣгъ держался до 9 час. утра слѣдующаго дня и стаялъ, едва изъ-за тучъ выглянуло солнце. Къ десяти часамъ послѣднія облака скрылись за горизонтомъ, вѣтеръ стихъ, и мы, пообѣдавъ наскоро, стали собираться въ дальнѣйшій путь.

Мы выступили изъ Яньдуня въ часъ пополудни. Выбравшись на лѣвый берегъ протока и миновавъ пикетъ, расположенный на пригоркѣ, мы увидѣли передъ собой безбрежную, слегка волнистую равнину, на которой то тамъ, то сямъ, подымались столообразныя возвышенія, сложенныя изъ такихъ же ханхайскихъ отложеній— красной глины съ примѣсью гравія и мелкой гальки [6]), какія обнажались и въ бортахъ Яньдуньскаго русла. Эти столообразныя возвышенія, показывающія прежній уровень равнины, являются конечнымъ результатомъ работы господствующихъ здѣсь восточныхъ вѣтровъ, которые, оставивъ на мѣстѣ крупную гальку, кое-гдѣ теперь сплошнымъ ковромъ устилающую вязкую, бурую почву пустыни, унесли на западъ болѣе мелкія отложенія Ханхайскаго моря [7]).

Когда стало смеркаться, вправо отъ дороги показались болѣе значительныя высоты; еще дальше одну изъ такихъ высотъ обогнула дорога. Одновременно копыта нашихъ лошадей застучали по бѣловатымъ плитамъ кварцеваго песчаника.

---

[1]) Въ этой глинѣ мѣстами замѣчалась значительная примѣсь гравія и мелкой гальки.

[2]) До дунганскаго возстанія станція Янь-дунь расположена была версты на полторы восточнѣе нынѣшней; стѣны ея и посейчасъ еще цѣлы.

[3]) «Третье путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 86 и слѣд.

[4]) Китайскій «тань» всего болѣе соотвѣтствуетъ русскому — «заѣзжій дворъ». Кромѣ казеннаго таня въ Янь-дунѣ имѣется также четыре частныхъ.

[5]) Снѣгъ былъ сухой, иглистый и падалъ рѣдко.

[6]) Но безъ кристалловъ соли. Впрочемъ, нѣкогда каменная соль выламывалась въ 30 ли къ югу отъ Янь-дуня. Здѣсь еще и до настоящаго времени сохранились кое-какія постройки, служившія пріютомъ рабочимъ и китайскому надсмотрщику.

[7]) Такія же столообразныя возвышенія, обязанныя своимъ происхожденіемъ процессу развѣванія, встрѣчены были нами впослѣдствіи какъ въ верховьяхъ Янь-дунь'скаго русла, такъ и вдоль южнаго склона Бэй-шаня.

Къ 10 час. вечера подулъ не сильный, но непріятный встрѣчный вѣтеръ. Морозъ крѣпчалъ, темнота до такой степени усилилась, что мы еле-еле разбирали колею колесной дороги, которая, какъ мнѣ казалось, шла теперь логомъ. Но гдѣ начался этотъ логъ, куда направлялся и гдѣ затѣмъ кончился—это осталось невыясненнымъ. Китайцы называютъ станцію Куфи также Жо-шуй, что значитъ—мертвая рѣка. Не имѣетъ-ли это названіе какого-либо отношенія къ пройденному логу, который могъ бы, дѣйствительно, быть ложемъ «умершей рѣки», несшей когда-то свои воды къ Яньдуньскому руслу? Нашъ проводникъ не сумѣлъ ничего на это отвѣтить. Да къ тому же онъ былъ и не въ духѣ; онъ замерзъ [1]) въ своемъ легкомъ одѣяніи и пытливо всматривался впередъ, точно ждалъ, что вотъ-вотъ вынырнутъ передъ нами изъ темноты стѣны Куфи. Того же ждали и мы, не разъ принимая снѣговые наметы и выщвѣты соли за эти стѣны, хотя по времени знали, что конецъ пути не можетъ быть еще близокъ. Но на этотъ разъ разсчеты наши оказались ошибочными—разстояніе между Яньдунемъ и Куфи оказалось почти на пять верстъ короче предполагавшагося [2]).

Куфи (иначе—Ку-шуй)—это небольшой оазисъ, полузасыпанный надвинувшимися на него съ сѣверо-востока песками; его почва представляетъ солончакъ, только кое-гдѣ поросшій Lasiogrostis splendens, Lycium sp., Nitraria Schoberi, Alhagi kirghisorum и нѣкоторыми травянистыми растеніями, среди которыхъ проворно шмыгаетъ Podoces Hendersoni, почти единственная обитательница этой части пустыни [3]). Вода здѣсь солоноватая. Тани, которыхъ три, убоги, малы и грязны. Китайская администрація не озаботилась постройкой въ Куфи чего-либо приличнаго, и намъ, съ грѣхомъ пополамъ, пришлось помѣститься въ крошечной, закоптѣлой и грязной коморкѣ съ двумя отверстіями вмѣсто окна и дверей. Кромѣ этихъ жалкихъ построекъ, понятіе о коихъ даетъ прилагаемая при семъ фототипія, въ Куфи имѣется пикетъ съ нѣсколькими, расквартированными въ немъ, солдатами-почтарями и развалившаяся кумирня съ тремя колоссальными идолами, которымъ не хватало головъ и конечностей, отбитыхъ еще партизанами Баянъ-ху.

---

[1]) Къ полуночи морозъ достигъ 16°.

[2]) Китайцы считаютъ между Янь-дунемъ и Куфи 140 ли, Пржевальскій 52 версты; по нашему же счету между этими станціями оказалось нѣсколько болѣе 47 верстъ. На всемъ этомъ протяженіи только въ одномъ мѣстѣ найдена была вода, а именно, на 18 верстѣ отъ Янь-дуня. Нѣкогда здѣсь стоялъ полустанокъ; теперь же виднѣются однѣ лишь развалины.

[3]) Между Янь-дунемъ и Куфи мы видѣли еще рогатыхъ жаворонковъ — Otocorys Elwesi, Brandt, и обыкновенныхъ воробьевъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Станція Куфи.

Нашъ бивуакъ у монастыря Гу-мань-сы.

Фототипія В. Клапанъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Печатн. Н. Кожинскій.

Въ Куфи мы дневали ради опредѣленія координатъ этой важной точки пустыни [1]).

Въ дальнѣйшій путь мы выступили 16 февраля. Утро было ясное, но холодное (въ 8 ч. у.—8^0,5); дулъ средней силы сѣв.-сѣв.-зап. вѣтеръ, который и восьми-градусный морозъ дѣлалъ чувствительнымъ. Но вскорѣ захватывающій интересъ развернувшейся передъ нами картины заставилъ меня позабыть всѣ невзгоды пути и всецѣло отдаться изученію страны, которая проходилась многими европейскими путешественниками, но которая, тѣмъ не менѣе, рисовалась намъ въ нашемъ воображеніи совершенно иной, чѣмъ оказалась въ дѣйствительности. Я говорю о Бэй-шанѣ, сѣверные уступы котораго обрывались въ пустыню Куфи въ семнадцати верстахъ къ югу отъ станціи.

О Бэй-шань'скихъ горахъ китайцы писали, что, «начинаясь отъ Эгярцы-тага [2]), онѣ простираются черезъ песчаную степь въ непрерывномъ рядѣ холмовъ и бугровъ» [3]). И еще: «Горы, (Снѣжныя) простираются отъ Цзя-юй-гуаня къ западу въ разныхъ изворотахъ. Онѣ то возвышаются или понижаются; то пресѣкаются или вновь продолжаются, то раздѣляются на отрасли или соединяются въ одну массу; то восходятъ до чрезвычайной высоты и касаются облачнаго неба или уравниваются въ низменныя гряды и окружаютъ великое пространство. По южную сторону этихъ горъ лежатъ—Комуль, Пичанъ и другіе города, по сѣверную—Баркуль и Урумчи. Горы эти лежатъ за Цзя-юй-гуанемъ, содержатъ 9 тысячъ ли протяженія и служатъ рубежомъ между Бэй-лу и Нань-лу» [4]).

Такимъ образомъ въ представленіи китайскихъ географовъ Бэй-шань'скія горы сливаются Тянь-шанемъ, образуя съ послѣднимъ одну непрерывную горную цѣпь, уходящую далеко на западъ, «до Западнаго моря». О той же связи Тянь-шаня съ Бэй-шанемъ говорятъ и другіе китайскіе источники. Въ «Сань-чжоу-цзи-ліо» [5]) встрѣчается, напримѣръ, слѣдующее описаніе Тянь-шаня: «Еще черезъ сто слишкомъ ли онъ *вдругъ обрывается, скрываясь у горъ Яньчи* [6]). Песчаныя степи на югъ отъ горъ Яньчи—это Сирха-

---

[1]) Абсолютная высота Куфи равняется 3,379 ф.

[2]) Карашарскій отрогъ Тянь-шаня.

[3]) Іакинфъ — «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXXVII.

[4]) Іакинфъ, ib., стр. 91.

[5]) Примѣчаніе 557 къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи».

[6]) Я думаю, что здѣсь идетъ рѣчь о горахъ, окружающихъ котловину Яньчи. Ср. съ тѣмъ, что мною писалось о Тянь-шаньскихъ горахъ къ востоку отъ меридіана Пичана (томъ I, стр. 242—244, 287, 288, 424, 495, 498—500). О станціи Яньчи упоминается уже въ китайскихъ дорожни-

гоби, называемая безконечнымъ Ханъ-хаемъ. Сѣверо-Тяньшаньскія горы, скрываясь въ землѣ на протяженіи болѣе тысячи ли, вдругъ выдвигаются за Ша-чжоу и Цзя-юй-гуанемъ и идутъ на востокъ подъ именемъ Ци-лянь-шань [1]). Это, такъ называемый, южный Тянь-шань». Въ одѣ Хунъ-лянъ-цзи въ честь Небесныхъ горъ говорится: «Отъ Лянъ-чжоу до Или на западъ земля подымается чрезвычайно высоко, небо же, какъ бы, опускается. Пересѣкающіе это пространство и служащіе гранью между Китаемъ и чужими краями, увѣнчанные снѣгами высокіе пики и окутанныя облаками гряды горъ, въ верхнемъ поясѣ которыхъ не летаютъ пернатыя— это все Тянь-шань'скія горы, у сѣверныхъ народовъ называемыя Ки-лянь» [2]).

Наконецъ, и Успенскій, описывающій оазисъ Хами на основаніи китайскихъ источниковъ, замѣчаетъ: «По китайскимъ картамъ южные предѣлы Хами изрѣзаны горами, но мы не рѣшаемся дать имъ какія-либо названія и опредѣлить ихъ направленіе, потому что въ китайскихъ источникахъ, имѣвшихся у насъ подъ руками, не нашлось никакихъ свѣдѣній объ этихъ горахъ, исключая не вполнѣ ясныхъ указаній въ дорожникахъ на нѣкоторые перевалы, названія коихъ едва-ли простираются на самыя горы. Такимъ образомъ округъ Хами представляетъ низменное, плодородное пространство, окруженное съ трехъ сторонъ горами, а на западѣ, по границѣ съ Турфаномъ, упирающееся въ песчаную и безлюдную степь» [3]).

Эти китайскія извѣстія о Бэй-шанѣ мы можемъ дополнить лишь весьма немногими описаніями европейскихъ путешественниковъ и извлеченіями изъ дорожниковъ русскихъ прикащиковъ.

Такъ, Матусовскій, топографъ экспедиціи Сосновскаго, сообщаетъ намъ слѣдующее объ этихъ горахъ: «Отъ г. Аньси-чжоу до Хами, на разстояніи около 340 верстъ, лежитъ *пустынная степь Гоби*. Поверхность ея представляетъ волнообразную мѣстность, по которой тянутся съ запада на востокъ гранитные уступы, между которыми проходитъ дорога совершенно удобная для колесной

кахъ прошлаго вѣка (Іакинфъ—«Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 237). Но возможно также предположить, что здѣсь говорится и объ оз. Тузъ-кулѣ, которое у китайцевъ также носитъ названіе Янь-чи.

[1]) Этотъ взглядъ на связь Тянь-шаньскихъ и Нань-шанскихъ горъ между собой принадлежитъ глубокой древности. Кажется, уже во времена Старшихъ Ханей и тѣ и другія носили общее названіе Небесныхъ горъ.

[2]) «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 455.

[3]) «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» въ «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1873 г., № 1, стр. 6.

ѣзды. Полотно дороги всюду твердое, мѣстами каменистое, но большею частью глинистое, усыпанное мелкимъ щебнемъ. Растительность очень бѣдна. Всѣ колодцы, встрѣчающіеся на пути, находятся на незначительной глубинѣ, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ горько-соленую воду и сѣрнистый запахъ» [1]).

Пржевальскій пишетъ: «Въ 40 верстахъ отъ собственно Хамійскаго оазиса оканчивается площадь, покрытая кое-какою растительностью и мѣстами представляющая возможность осѣдлой жизни. Далѣе отсюда разстилается страшная пустыня Хамійская, которая залегла между Тянь-шанемъ съ сѣвера и Нань-шанемъ съ юга; *на западѣ она сливается съ пустынею Лобъ-норскою*, а на востокѣ съ центральными частями великой Гоби. Въ направленіи, нами пройденномъ, описываемая пустыня представляетъ въ своей серединѣ обширное вздутіе (120 верстъ въ поперечникѣ), приподнятое надъ уровнемъ моря среднимъ числомъ около 5,000 футовъ [2]) и испещренное *на сѣверной и южной окраинахъ* двойнымъ рукавомъ невысокихъ горъ Бэй-шань. Къ сѣверу отъ этого вздутія до самаго Тянь-шаня разстилается слегка волнистая безплодная равнина, дважды покатая: отъ подошвы Тянь-шаня къ югу, а затѣмъ, достигнувъ наименьшей (2,500—2,600 ф.) абс. выс. въ оазисѣ Хами и прилегающей къ нему полуплодородной площади [3]), эта равнина снова начинаетъ повышаться къ горамъ Бэй-шань, недалеко отъ которыхъ, *близъ* колодца Куфи, достигаетъ уже 3,700 ф. абс. поднятія [4]).

---

[1]) «Краткій топографическій очеркъ пути, пройденнаго русской экспедиціей по Китаю въ 1875 г. отъ г. Хань-коу до Зайсанскаго поста» въ «Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ.» (по общей географіи), 1879, VIII, 2, стр. 270.

[2]) И даже до 5,500 ф. близъ колодца Ма-лянь-чуань. *Прим. Пржевальскаго.*

[3]) Это не совсѣмъ такъ. Всѣ хамійскія рѣчки текутъ на югъ и одна изъ нихъ впадаетъ даже ва Яньдуньское русло, которое и имѣетъ, на меридіанѣ Хами, наименьшую абсолютную высоту, а именно 2,553 ф. Кстати замѣчу, что площадь Хамійскаго оазиса представляетъ болѣе значительное склоненіе на западъ, чѣмъ на югъ. Такъ, по широтѣ мы имѣемъ слѣдующія абсолютныя высоты:

Тогучи	2,306 футовъ.	
Астына.	2,508 »	
Хами.	2,762 »	
(Кит. нов. городъ).		
Ташаръ	2,946 »	
Моръ-голъ.	3,839 »	(на обр. пути—4,111 ф.).
По долготѣ же:		
Хами.	2,762 »	
Янь-дунь.	2,553 »	
Куфи	3.379 »	

[4]) Столь значительная разница между нашимъ показаніемъ абсолютной высоты колодца Куфи и показаніемъ Пржевальскаго объясняется, какъ мнѣ кажется, подчеркнутымъ мною словомъ *близъ*.

Точно также, съ южной стороны средняго вздутія Хамійской пустыни, отъ южной подошвы горъ Бэй-шань потянулась къ югу совершенная равнина, значительно (на 1,000 ф.) покатая до русла р. Булюнцзиръ, а затѣмъ, до поднятія Нань-шаня, выровненная въ одинаковую абсолютную высоту 3,700 ф.». «Горы Бэй-шань, по словамъ китайцевъ, тянутся съ запада отъ Карашара (составляя, быть можетъ, продолженіе Курукъ-тага), а на востокѣ соединяются съ юго-восточными отрогами Тянь-шаня. По своему характеру горы Бэй-шань, за небольшими исключеніями, представляютъ отдѣльные холмы или группы холмовъ, достигающихъ лишь незначительной (отъ 100—300 ф., рѣдко болѣе) относительной высоты и набросанныхъ въ безпорядкѣ на высокомъ (около 5 тыс. фут. абс. выс.) поднятіи этой части Хамійской пустыни. Опредѣленнаго гребня въ описываемыхъ горахъ нѣтъ, хотя общее ихъ направленіе отъ запада къ востоку. Изъ горныхъ породъ здѣсь встрѣченъ темно-сѣрый доломитъ, *но исключительно преобладаютъ наносныя толщи глины съ галькою*». «Вслѣдъ за пройденными горами (сѣверной грядой) раскидывается, верстъ на 50 въ поперечникѣ, безплодная равнина, къ востоку и западу убѣгающая за горизонтъ. За этою равниною вновь стоятъ горы съ такимъ же характеромъ и высотой, какъ предыдущія. Они также называются Бэй-шань и, вѣроятно, *составляютъ южную вѣтвь сѣверной группы*. Дорога идетъ поперекъ этихъ горъ на протяженіи 40 верстъ. *По прежнему здѣсь вездѣ преобладаютъ наносы глины съ галькою. Только въ южной окраинѣ*, тамъ, гдѣ горы дѣлаются круче и выше, *появляется сначала темно-сѣрый доломитъ, а затѣмъ глинистый сланецъ*» [1]).

Драгоцѣнныя данныя о Бэй-шанѣ собраны также Потаниным, который въ своей статьѣ «Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Нань-шанемъ, Хангаемъ, Хами и Утай-шанемъ» [2]) приводитъ, между прочимъ, слѣдующее описаніе пути между Хами и Юй-мынемъ, сообщенное ему прикащикомъ Ерзовскимъ. «Отъ Хами до Утунъ-казы, говоритъ этотъ послѣдній, простирается степь, по которой разсѣяны небольшія горки. Отъ Утунъ-казы дорога входитъ въ горы. Къ Ешоу идутъ ущельемъ. Миньшоу прежде, повидимому, была рѣчка; дорога подымается вверхъ по ея сухому руслу. До Лаванчена медленный подъемъ, настоящаго хребта нѣтъ, но отъ Утунъ-казы все подъемъ. Высшая точка дороги находится

---

[1]) «Третье путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 85, 89 и 90.
[2]) «Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.», 1887, вып. IV.

между Миньшоу и Лаваченомъ. Отъ Лавачена идетъ спускъ степью. Горы отсюда видны на западѣ. Ночлеги Шивунху, Орчаутунъ и Луцугу находятся въ горахъ. Отъ стоянки Урумчи 40 первыхъ ли идутъ между горъ, а остальные 50 ли по ровной степи, которая представляетъ крутой спускъ къ рѣкѣ Моготунъ-голу».

Говоря о томъ же пути, другой прикащикъ, Васеневъ, пишетъ слѣдующее [1]): «Приближаясь къ Минъ-шую, дорога пересѣкаетъ невысокій отрогъ, а затѣмъ идетъ равниной, которая постепенно переходитъ въ долину, обставленную горами. Отъ Минъ-шуя дорога идетъ пространной равниной, послѣ чего пересѣкаетъ возвышенную, холмистую мѣстность, но на 18 верстѣ снова выходитъ въ равнину. Отъ ключа Ема-ченъ она идетъ прямо на югъ и пересѣкаетъ *глинистые холмы*, по южную сторону коихъ имѣется колодецъ. Отъ этого колодца дорога проходитъ по отлогому перевалу и спускается къ оазису Ню-чжанъ. Ключъ Ню-чжанъ лежитъ въ пространной котловинѣ, покрытой рыхлымъ солончакомъ и травянистой растительностью. Дорога пересѣкаетъ восточную часть оазиса и входитъ въ холмистую мѣстность; далѣе она идетъ нагорной равниной, постепенно втягивается въ лощину и выходитъ на перевалъ. Отсюда дорога идетъ по наклонной мѣстности верстъ 5, затѣмъ входитъ въ сухое русло и, наконецъ, вступаетъ въ скалистыя горы, при выходѣ изъ которыхъ находится колодецъ Шаньту-цзы. Отсюда дорога идетъ снова лощиной, постепенно суживающеюся, послѣ чего, версты двѣ дальше, выходитъ на равнину, склоняющуюся на югъ. Отъ колодца Утунъ-цзы дорога *идетъ между глинистыми невысокими буграми*».

Вышеприведенными данными исчерпывался весь запасъ имѣвшихся у насъ свѣдѣній о Бэй-шанѣ [2]). Несомнѣнно, однако, что

---

[1]) «Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», XXX, 1888, стр. 122—123. Опубликованіемъ этого маршрута мы обязаны капитану Евтюгину.

[2]) Пясецкій («Путешествіе по Китаю») и Сосновскій («Русская учено-торговая экспедиція въ Китай въ 1874—1875 годахъ») прибавляютъ весьма немного штриховъ къ той картинѣ, которую можно составить себѣ о Бэй-шанѣ по вышеприведеннымъ выпискамъ. Такъ, Пясецкій даетъ такую характеристику Гобійской пустыни между Ань-си и Хами: «Гоби представляетъ въ означенномъ мѣстѣ большую площадь земли, за исключеніемъ четырехъ оазисовъ, необитаемую и безплодную, — по характеру почвы каменистую, а по строенію — *равнину, слегка волнующуюся* и перерѣзанную четырьмя (?) грядами также каменистыхъ *пригорковъ*. Пески въ ней встрѣчаются лишь отдѣльными островами» (II, стр. 907). Это общую характеристику мы дополнимъ слѣдующими выписками, взятыми у Пясецкаго изъ дальнѣйшаго его описанія пути по пустынѣ.

Переходъ 15 августа. «Мѣстность у родника Тунъ-хо представляетъ небольшія неровности, между которыми проходитъ какъ бы неширокое русло съ влажной почвой. У основанія одной гранитной глыбы, торчащей изъ земли»... и т. д. (стр. 910).

16 августа. «Цѣлыхъ 30 верстъ проѣхали мы по мѣстности, покрытой желто-краснымъ пескомъ, сквозь который, мѣстами, виднѣлся гранитъ, какъ бы истрескавшійся и спаянный жи-

характеръ нѣкоторой опредѣленности они получили только теперь, послѣ нашихъ изслѣдованій этой горной страны, до 1890 же года они годились лишь на то, чтобы, согласно съ китайскими картами, заполнять бѣлыя пространства неизслѣдованной Гоби между Нань-шанемъ и Тянь-шанемъ гадательно вычерченными горами, которыя частью неопредѣленно заканчивались на меридіанѣ Ань-си или Су-чжоу [1]), частью вытягивались на востокъ въ длинный хребетъ, пересѣкавшій сыпучіе пески и достигавшій, подъ именемъ горъ

лами кварца. Встрѣчались глинистые холмы съ торчащими на нихъ пластинками темнаго сланца, попадалась бѣдная, сѣренькая растительность—вотъ и все, что видѣли сегодня за дорогу» (стр. 913)... «Дорога пошла по страшно пустынной мѣстности, представлявшей обнаженную землю, съ холмистой поверхностью, по сторонамъ стояли довольно высокіе пригорки, сплошь усыпанные кусками, какъ-будто, искусственно набитаго сланца»... (стр. 915).

17 августа. «Мѣстность въ этотъ четвертый день нашего странствованія черезъ Гоби имѣла совершенно пустынный характеръ и только представляла нѣсколько болѣе разнообразія, благодаря холмамъ и неглубокимъ оврагамъ, да весьма разнообразной окраскѣ ея почвы. Въ одномъ мѣстѣ бѣлѣли известковые и кварцовые холмы; тутъ виднѣлись пригорки изъ краснаго песчаника, тамъ желтая глина и пестрый гранитъ, по которому разбросаны обломки почти чернаго сланца. Куда не поглядишь — все одинъ камень, да голая земля» (стр. 919). «Цѣлый день мы тащились поперекъ помянутой однообразной равнины» (стр. 921).

18 августа. «Мѣстность разнообразнѣе и всѣ очертанія находящихся здѣсь неровностей почвы носятъ характеръ величія»... (стр. 923; въ чемъ сказывалось это величіе — не говорится). «Ѣдемъ по гладкой поверхности земли, сплошь усыпанной крупными зернами вывѣтрившагося гранита. Мѣстами послѣдній является здѣсь совсѣмъ на поверхности, въ видѣ огромныхъ площадей или слегка округленныхъ бугровъ» (стр. 924).

19 августа. «На сегодняшнемъ переходѣ характеръ пустыни былъ совершенно другой: мы переѣзжали послѣднюю гряду упомянутыхъ пригорковъ съ красивыми очертаніями гранитныхъ скалъ и обрывовъ, въ которыхъ лежали прохладныя голубыя тѣни» (стр. 925)... «Отправились дальше и вышли опять на равнину, однообразную и безконечную. И цѣлый день ѣхали мы, не видя ничего, кромѣ равнины и миражей. Только къ вечеру достигли мы края равнины. Этотъ край круто спускается здѣсь въ обширный логъ или къ другой, подобной же, равнинѣ, только лежащей значительно ниже первой, такъ что обѣ эти площади представляютъ какъ бы двѣ ступени одной необозримо большой лѣстницы (?), или берегъ и дно изсохшей рѣки» (стр. 927).

Вотъ и все, что мы могли выбрать для характеристики Бэй-шаня изъ 22 страницъ текста Пясецкаго, посвященнаго описанію перехода черезъ пустыню.

У Сосновскаго (стр. 90—91) мы находимъ лишь слѣдующія указанія на неровности почвы Гобійской пустыни между тѣми же пунктами:

На второмъ переходѣ отъ Ань-си «дорога идетъ нѣсколько песчанымъ и дресвянымъ грунтомъ, потомъ входитъ въ холмообразныя высоты, частью глинистыя, а частью каменистыя изъ глинистаго сланца и обломковъ кварца». На третьемъ переходѣ дорога идетъ по открытой мѣстности съ твердоглинистой почвой. Далѣе, на протяженіи 41 версты дорога идетъ «совершенно открытой равниной, замыкаемой на горизонтѣ небольшими возвышенностями». Наконецъ, «весь пятый переходъ и половина слѣдующаго дорога пролегаетъ среди каменистыхъ высотъ».

Кромѣ Сосновскаго и Пясецкаго до 1889 г. поперекъ Бэй-шаня прошелъ еще англичанинъ Кэри, но въ своемъ предварительномъ отчетѣ, помѣщенномъ въ декабрьской книжкѣ 1887 г. «Proceedings of the Royal Geographical Society» (A. D. Carey — «A journey round Chinese Turkistan and along the Northern Frontier of Tibet, стр. 731—753), онъ вовсе не касается этой части своего пути по Восточному Туркестану и сѣверной окраинѣ Тибета. Переводъ этого отчета на русскій языкъ помѣщенъ въ XXX вып. (1888 г.) «Сборника географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи».

[1]) Какъ, напримѣръ, на картахъ Рихтгофена.

Чухунъ-шань, Ала-шаня. [1]) О геологическомъ строеніи этого широкаго пояса горъ мы знали также немного. Матусовскій, Пясецкій и Сосновскій кое-гдѣ видѣли гранитъ, кварцъ, песчаникъ и глинистый сланецъ, Пржевальскій встрѣтилъ лишь доломитъ и глинистый сланецъ, сообщая въ то же время, что горы эти почти исключительно состоятъ изъ наносовъ глины и гальки и притомъ сравнительно невысоки, достигая 100—300 футовъ относительнаго поднятія. Ниже мы, однако, увидимъ, что физіономія Бэй-шаня совершенно иная; что это—горная страна, въ которой тектоническіе процессы давно уже, можетъ быть, со временъ тріаса, смѣнились денудаціей, успѣвшей не только расчленить хребты поперекъ и вдоль ихъ оси, но и похоронить нѣкоторые изъ нихъ среди продуктовъ вывѣтриванія, заполнившихъ межгорныя долины и поднявшихъ уровень послѣднихъ до значительной высоты; что въ ея предѣлахъ нѣтъ горъ, сложенныхъ изъ наносовъ глины и гальки, и что, наконецъ, третичныя отложенія встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ периферическихъ ея частяхъ, гдѣ и занимаютъ глубочайшія впадины, бывшія нѣкогда заливами Ханхайскаго моря.

Такимъ образомъ, допуская, что о неровностяхъ рельефа центральной части Гобійской пустыни было извѣстно задолго до нашей экспедиціи, я все же думаю, что о Бэй-шанѣ въ его цѣломъ, какъ о горной странѣ, бывшей материкомъ въ эпоху существованія Ханхайскаго моря, какъ о системѣ горъ, выдвинутой горообразовательными силами на поверхность земли въ самыя отдаленныя геологическія эпохи и съ тѣхъ поръ отставшей въ своемъ ростѣ отъ сосѣднихъ хребтовъ Тянь-шаня и Нань-шаня, наука узнала впервые лишь въ 1890 году.

Послѣ этого отступленія, на которое, я вызванъ былъ Обручевымъ [2]), я возвращаюсь къ прерванному описанію нашего пути по пустынѣ.

У станціи Куфи дороги расходятся: одна идетъ въ Дунь-хуанъ, другая, избранная нами, въ Ань-си. Послѣдняя болѣе наѣзжена и первыя шесть верстъ бѣжитъ по рыхлой глинистой почвѣ, рѣдко гдѣ усыпанной галькой.

Слабый подъемъ мѣстности замѣчается уже на седьмой верстѣ.

---

[1]) Какъ на сто-верстной картѣ Главнаго Штаба и даже позднѣе изданныхъ, лучшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ картахъ. См., напримѣръ, хотя бы карту № 65 Stielers «Hand-Atlas» исправленную по нашимъ съемкамъ 1889 г., но на которую не попала еще съемка, произведенная моимъ братомъ въ 1890 г. на обратномъ пути черезъ Бэй-шань.

[2]) См. томъ I, стр. 491—500.

Здѣсь дорога взбирается на невысокій увалъ, за которымъ появляется и кое-какая растительность: хвойникъ (Ephedra) и низкорослый камышъ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла станція [1]), отъ которой теперь остались лишь безформенныя кучи глины и сырцоваго кирпича, виднѣлись два-три кустика тамариска. Но оазисъ вскорѣ кончился, и впереди отчетливо обозначились горы. Ихъ сѣверные уступы образованы были выходами яркокраснаго діабазоваго порфирита, который имѣлъ здѣсь почти W—O простираніе [2]). Порфиритовыя горы, отличаясь массивностью своихъ формъ, въ особенности къ востоку отъ дороги, относительно, были, однако, не высоки, подымаясь высшими своими точками всего лишь футовъ на 400 надъ уровнемъ окрестной пустыни. Впрочемъ, вскорѣ онѣ смѣнились болѣе высокими, темно-сѣраго цвѣта, горами, сложенными, главнымъ образомъ, изъ кремнистыхъ сланцевъ; только въ немногихъ мѣстахъ однообразіе геогностическаго строенія этихъ горъ нарушалось выходами темныхъ глинистыхъ сланцевъ (метаморфическихъ) и красновато-сѣрыхъ гранитовъ, хранившихъ слѣды глубокаго разрушенія: коренная порода оказывалась почти всюду прикрытой толстымъ слоемъ обломковъ—конечнымъ продуктомъ вывѣтриванія ея поверхности.

Кремнистые сланцы не образуютъ здѣсь ясно намѣченнаго хребта. Огромныя толщи его выступаютъ на дневную поверхность въ видѣ отдѣльныхъ возвышенностей различнаго очертанія, которыя то обступаютъ со всѣхъ сторонъ котловинообразныя долины, то громоздятся въ безпорядкѣ, лишая наблюдателя возможности прослѣдить главное направленіе ихъ простиранія. Относительная высота ихъ вершинъ колеблется въ довольно значительныхъ предѣлахъ достигая 700 футовъ, при абсолютной высотѣ, приблизительно равной 5200—5400 футамъ [3]). Одна изъ такихъ вершинъ поды-

[1]) Ея забытое названіе—«Гэ-да-цзинь» даетъ намъ Сосновскій («Русская учено-торговая экспедиція въ Китай», стр. 111). Онъ же сообщаетъ, что на полпути между Яньдунемъ и Куфи имѣется колодецъ Хунъ-шань-дунь. Вѣроятно, китайскій источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ это свѣдѣніе, указываетъ на 18-ую версту отъ Яньдуня, гдѣ мы, дѣйствительно, встрѣтили развалины полустанка.

[2]) Выходы на сѣверной окраинѣ Бэй-шаня порфирита, въ связи съ найденными мною вдоль южной подошвы восточнаго Тянь-шаня (см. томъ I, стр. 431, 433, 435) обнаженіями порфировъ и мелафировъ, вполнѣ подтверждаютъ выводъ Обручева, который писалъ, что окраины Притяньшанской впадины характеризуются многочисленными выходами изверженныхъ породъ типа порфировъ, порфиритовъ и мелафировъ («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1895, XXXI, 3, стр. 301). См. также Богдановичъ—«Геологическія изслѣдованія въ Восточномъ Туркестанѣ», въ «Трудахъ Тибетской экспедиціи», II, стр. 69.

[3]) Такой характеръ передовой цѣпи Бэй-шаня на меридіанѣ Куфи не вполнѣ отвѣчаетъ описанію ея, даваемому намъ Обручевымъ (см. «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1895, XXXI, 1, стр. 303).

мается, не доходя до станціи Са-чанзы (правильнѣе—Ша-цюань-цзы), состоящей изъ трехъ частныхъ, довольно опрятныхъ и обширныхъ дворовъ.

Сверхъ ожиданія, не смотря на пустынный характеръ окрестныхъ горъ [1]), мы нашли близь Са-чанзы довольно разнообразное пернатое населеніе: вороновъ, Podoces Hendersoni, Montifringilla alpicola, Otocorys Elwesi, обыкновенныхъ воробьевъ и затѣмъ одного какого-то хищника, можетъ быть, Accipiter virgatus, по которому далъ досадный промахъ казакъ Комаровъ.

Вода оказалась здѣсь слегка солоноватой; сѣно (нарубленный камышъ) и хворостъ для топлива (карагана и гребенщикъ) крайне дорогими: мы платили за камышъ 1 р. 20 к. за пудъ, за небольшую вязку хвороста 20 к. Въ виду этого пришлось поневолѣ бросить намѣреніе остаться здѣсь на дневку для обслѣдованія окрестныхъ высотъ, что представлялось желательнымъ какъ въ топографическомъ, такъ и геологическомъ отношеніяхъ. Сверхъ того намъ говорили, что къ востоку отъ станціи, по дорогѣ къ меншуйскимъ золотымъ пріискамъ [2]), имѣется нѣсколько глухихъ ущелій съ порядочной кустарной растительностью — посѣтить ихъ, конечно, было заманчиво!

Съ самаго момента вступленія нашего въ Бэй-шаньскія горы дорога шла по твердой почвѣ изъ слежавшагося хряща и щебня, на которой колеса оставляли еле замѣтные слѣды; нерѣдко ее пересѣкали выходы массивныхъ породъ или сланцевъ, которые, въ такихъ случаяхъ, выступали обыкновенно на дневную поверхность въ видѣ щетокъ, хрустѣвшихъ и ломавшихся подъ копытами нашихъ лошадей. Только въ рѣдкихъ случаяхъ дорога пролегала по солончакамъ, то почти обнаженнымъ, то довольно густо поросшимъ разнообразными растеніями пустыни, главнымъ же образомъ: камышемъ, Artemisia sp. (fragrans?), Zygophyllum Potanini, Halogeton arachnoides, Statice aurea, Reaumuria songarica, Ephedra sp., Nitraria Schoberi, Tamarix sp. (Pallasii?), Haloxylon ammodendron и Caragana arenaria; еще рѣже взбиралась она на перевалы, которые уже самой природой приспособлены были для колеснаго движенія. Всего лишь однажды, на перевалѣ черезъ хребетъ Да-бэнь-мяо, о которомъ я буду имѣть случай говорить ниже, понадобились скальныя работы, да и тѣ ограничились снесеніемъ каменнаго откоса на протяженіи всего лишь нѣсколькихъ саженъ. Такой именно характеръ дороги наблюдался

[1]) Мы только изрѣдка встрѣчали кустики Nitraria и Ephedra.

[2]) Меншуй мы посѣтили на обратномъ пути черезъ Бэй-шань.

и на переходѣ отъ Са-чанзы къ Шинъ-шинъ-ся (Синъ-синъ-ся, по пекинскому произношенію), измѣряемомъ китайцами въ 90 ли, а нами въ 35 верстъ.

Сейчасъ за станціей Са-чанза обнажился протеробазъ, который вскорѣ смѣнился амфиболитомъ, высокія скалы котораго громоздились по обѣ стороны отъ дороги; далѣе слѣдовалъ кременистый сланецъ, смѣнявшійся въ свою очередь зеленовато-сѣрымъ діабазомъ и яркозеленымъ хлоритовымъ діабазомъ, огромныя массы котораго выступили на дневную поверхность благодаря денудаціи, что легко заключить изъ сохранившихся еще кое-гдѣ слѣдовъ налеганія на него кременистаго сланца [1]). Этотъ же кремнистый сланецъ, мѣстами испещренный прожилками кварца, чередуясь далѣе съ подстилающимъ его краснымъ роговообманковымъ гранитомъ [2]), обнаруживаетъ интенсивную складчатость, причемъ въ настоящее время онъ уцѣлѣлъ далеко даже не во всѣхъ мульдахъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ производятъ нынѣ впечатлѣніе огромныхъ, высѣченныхъ въ гранитѣ, чашъ, заполненныхъ до сильно отъ времени зазубренныхъ краевъ гравіемъ, щебнемъ и еще кое-гдѣ уцѣлѣвшими скалами кремнистаго сланца [3]). Черезъ такія зазубрины, служащія относительно крайне невысокими перевалами [4]), пролегаетъ дорога и, вступивъ въ мульду, капризно бѣжитъ среди одиноко торчащихъ скалъ до противуположнаго ея края (крыла), гдѣ, отыскавъ наиболѣе глубокую брешь (черезъ сѣдло антиклинальной складки), и попадаетъ въ слѣдующую, совершенно подобную описанной, мульду.

На 18-ой верстѣ отъ Са-чанзы въ одной изъ котловинъ дорога пересѣкла солончакъ, поросшій камышомъ, тамарискомъ, Nitraria Shoberi, караганой и другими растеніями пустыни, среди котораго уныло поднимались развалины заброшеннаго пикета. Здѣсь же мы спугнули небольшое стадо джерановъ (Gazella subgutturosa), изъ коихъ одинъ тотчасъ же и поплатился жизнью за свою излишнюю довѣрчивость къ людямъ. Въ слѣдующей мульдѣ мы снова встрѣтили солончакъ [5]). Миновавъ его, а затѣмъ и ограничивающій его съ юго-востока, разъѣденный временемъ, гранитный (все тотъ же

---

[1]) Даже съ поверхности діабазъ былъ уже значительно вывѣтрившимся.

[2]) Этотъ гранитъ къ востоку отъ дороги слагаетъ массивныя и высокія горы.

[3]) Среди скалъ, поднимающихся со дна котловинъ, я только однажды встрѣтилъ скалу иной породы, а именно, андалузитоваго гнейса.

[4]) Первый изъ этихъ переваловъ имѣетъ абсолютную высоту, равную 4,810 футамъ, второй — 5,115 футамъ.

[5]) Почва этихъ солончаковъ была тускло-сѣрой, лёссовидной.

роговообманковый красный гранитъ) барьеръ, мы очутились въ долинѣ почти WO простиранія, на южной сторонѣ которой поднимался значительной высоты хребетъ Да-бэнь-мяо, заслоненный почти на всемъ видимомъ своемъ протяженіи крайне развитыми предгоріями, слагающимися, главнымъ образомъ, изъ гранитита. Пока мы шли среди неособенно высокихъ гранитовыхъ скалъ, долина продолжала оставаться широкой; но затѣмъ она мало по малу съузилась, справа и слѣва появились крутобокія скалы, которыя, все возвышаясь, достигли, наконецъ, въ сѣверномъ крылѣ относительной высоты футовъ въ тысячу [1]); одновременно, наносная почва изъ подъ ногъ почти что изчезла, дорога пошла ложемъ горнаго потока, выбитымъ въ сплошной скалѣ кремнисто-глинистаго сланца, и, слѣдуя имъ и сдѣлавъ крутой поворотъ сначала на югъ, потомъ на сѣверо-востокъ, поставила насъ здѣсь лицомъ къ лицу съ картиной, которую нельзя было расчитывать встрѣтить въ центрѣ Хамійской пустыни.

Я нѣсколько поотсталъ отъ своихъ, но когда догналъ ихъ за поворотомъ, то помню, что первое, что меня поразило, это—столпившіеся въ одну кучу люди и лошади нашего каравана.

— Что случилось?!

Отвѣтомъ на этотъ окликъ послужили два выстрѣла, стократнымъ эхомъ пронесшіеся въ горахъ. По дыму я тотчасъ же нашелъ казаковъ Комарова и Колотовкина, которые въ своихъ полушубкахъ едва выдѣлялись на сѣро-желтомъ фонѣ исполинскихъ мраморныхъ скалъ.

— По комъ стрѣляли?

— Да, вотъ, аркары... Убѣгли, чтобъ имъ!...

Только теперь я обратилъ вниманіе на тѣсно обступившія насъ отовсюду горы, въ общемъ сочетаніи представлявшія ландшафтъ, который по своей дикой красотѣ не затерялся бы и на Памирѣ. Относительная высота этихъ горъ несомнѣнно превышаетъ 1,500 футовъ; главный же матеріалъ, ихъ слагающій, составляетъ безслюдистый гнейсъ, который и образуетъ ось хребта Да-бэнь-мяо. Съ сѣвера на него налегаютъ мраморы [2]), а потомъ кремнисто-глинистые сланцы, которые и слагаютъ всю массу горъ въ сѣверномъ боку описаннаго ущелья.

---

[1]) Скалы эти слагалъ кремнисто-глинистый сланецъ.

[2]) Желтоватаго, сѣраго и темно-сѣраго цвѣтовъ, въ зависимости отъ заключающагося въ нихъ углерода, который въ видѣ зеренъ до 1 mm. въ діаметрѣ отложился въ нихъ довольно неравномѣрно.

Не смотря на произведенныя здѣсь скальныя работы, подъемъ на перевалъ черезъ хребетъ съ сѣвера крутъ и труденъ для колеснаго движенія. Дорога дѣлаетъ по направленію къ нему крутой поворотъ и, миновавъ кумирню, отъ которой эти горы и получили свое названіе, по глубокой сѣдловинѣ (6,221 ф.) вступаетъ на южные склоны хребта, сложенные на всемъ своемъ протяженіи изъ сплошныхъ массъ сѣраго роговообманковаго гнейса [1]).

Поверхность этого гнейса представляетъ рѣдкій случай раздуванія массивныхъ породъ. Смотря сверху, она выглядитъ окаменѣвшей морской зыбью или еще лучше — бугристыми песками, сходство съ коими дополняется кустарными растеніями, пріютившимися почти у каждой кочки, которыя хорошо видны на прилагаемой фототипіи и состоятъ изъ возвышеній коренной породы, прикрытыхъ вершка на полтора почвой изъ продуктовъ ея же поверхностнаго разрушенія. Такую поверхность съ слабымъ склоненіемъ къ югу, гнейсъ сохраняетъ версты двѣ, послѣ чего, безъ замѣтной постепенности, переходитъ въ скалистыя высоты, гребень коихъ параллеленъ оси главнаго кряжа. Это вторая гнейсовая гряда, мѣстами сильно разрушенная, прорѣзана глубокими сѣдловинами и ущельями, въ одномъ изъ которыхъ и расположена станція Шинъ-шинъ-ся (6,027 ф.), состоящая изъ 4 частныхъ и одного казеннаго таня. Въ послѣднемъ квартировали солдаты хамійскаго гарнизона. Оказалось, что хребетъ Да-бэнь-мяо служитъ административной границей двухъ военныхъ округовъ—Су-чжоу'скаго и Хамійскаго [2]). Воды Шинъ-шинъ-ся очень много и она хорошаго качества.

---

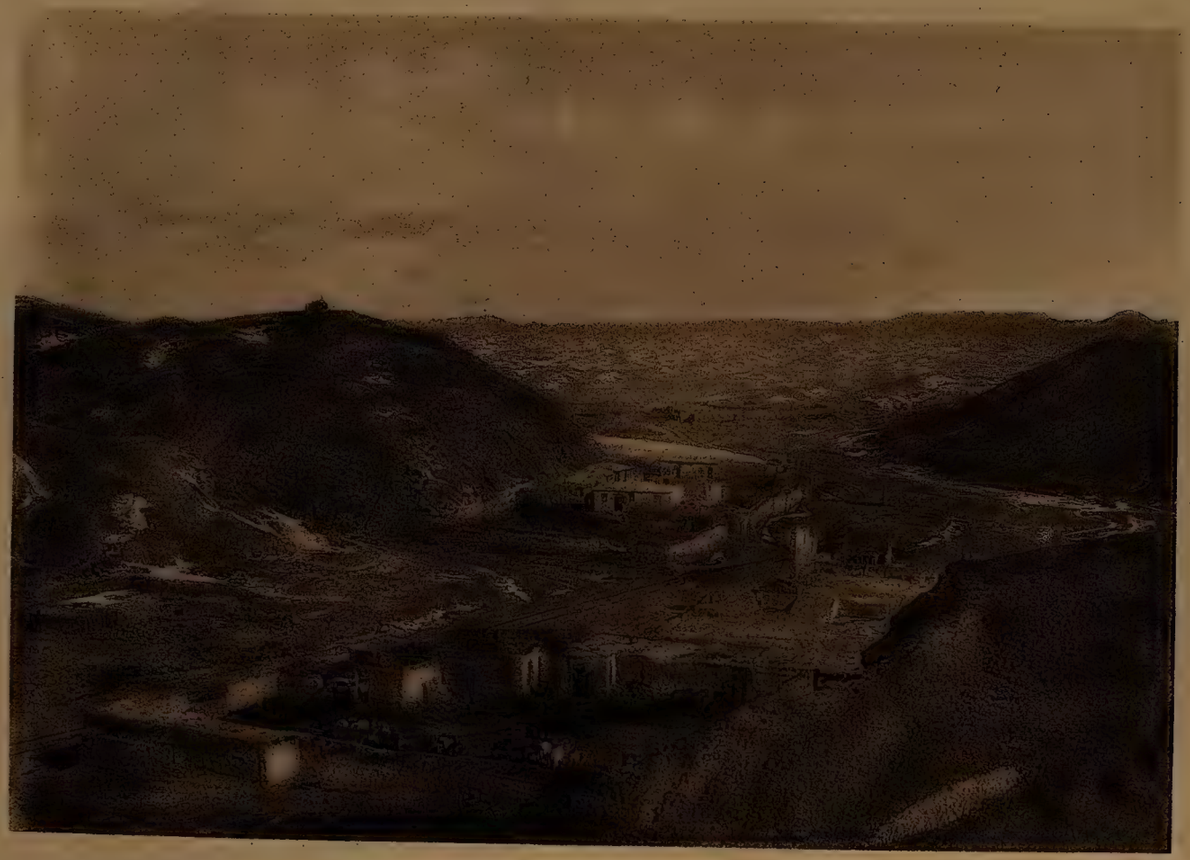
[1]) Бель, который еще въ 1887 г. прошелъ нашимъ путемъ изъ Ань-си въ Хами, въ опубликованномъ имъ лишь въ 1890 г. предварительномъ отчетѣ (Colonel M. S. Bell—«The great Central Asian trade route from Peking to Kashgaria» въ «Proceedings of the Royal Geographical Society», II, 1890) пишетъ объ окружающихъ ст. Шинъ-шинъ-ся горахъ, что онѣ состоятъ изъ гранитовъ, песчаниковъ и известняковъ («About Sin-sin-sha the hills are granitic and felspathic, or of sandstone or limestone veined with felspar. No mica was seen»). Граниты—это, конечно, гнейсы, известняки—мраморы; песчаниковъ же въ горахъ Да-бэнь-мяо я не встрѣчалъ.

Другой европеецъ, австрійскій купецъ Мандль, побывавшій въ 1880 г. въ Хами (его дневникъ въ той его части, которая касается перехода черезъ Гоби, опубликованъ лишь Крейтнеромъ и появился въ печати на нѣмецкомъ языкѣ въ 1893 г.), слѣдующимъ образомъ говоритъ о тѣхъ же горахъ: «Um Mitternacht erreichten wir nach einem bequemen Marche in der ebenen Wüste den Fuss eines zerklüfteten Gebirgsrückens. Der Weg über den (relativ) 450 Fuss hohen Sattel (относительная высота южнаго склона перевала черезъ Да-бэнь-мяо, дѣйствительно, не больше этой цифры) ist steinig und beschwerlich. Von hier windet er sich in scharfen Serpentinen über den steilen Absturz zu dem am Fusse gelegenen Weiler Scha-tschung-tse (Са-чанза)». См. «Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien», I, 1893, стр. 209).

[2]) Я долженъ отмѣтить здѣсь фактъ, который нелегко поддается объясненію. Къ сѣверу отъ хребта Да-бэнь-мяо мы не видѣли снѣга, на южныхъ же его склонахъ и далѣе въ пустынѣ онъ лежалъ во всѣхъ ложбинахъ и защищенныхъ мѣстахъ, достигая 1½—2 и болѣе футовъ глубины.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.



Станція Шинъ-шинъ-ся.

Фототипія В. Клясинъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресвѣ Н. Каминскій

Въ Шинъ-шинъ-ся мы дневали ради охоты на аркаровъ. Но эта охота оказалась неудачной: наши казаки аркаровъ не встрѣтили; зато настѣрляли кэкликовъ (Caccabis huckar). Для коллекціи же были убиты: Podoces Hendersoni и 25 экземпляровъ Montifringilla alpicola, Pall, которые въ большомъ числѣ слетались къ станціи, прельщаясь сѣмянными коробочками въ изобиліи росшихъ здѣсь ирисовъ.

Морозъ при тихой погодѣ достигалъ въ этихъ горахъ 21°, днемъ же въ тѣни термометръ показывалъ выше 0°.

19 февраля мы покинули Шинъ-шинъ-ся. Ущелье скоро кончилось, и мы вышли въ узкую долину съ глинистой почвой бураго цвѣта [1]); отдѣльные холмики, виднѣвшіеся кое-гдѣ, состояли изъ той же глины яснослоистаго сложенія съ примѣсью песка, гравія и гнейсовой и известняковой гальки. Южную окраину этой долины, которая на востокѣ и западѣ упиралась въ неяснаго очертанія возвышенности, составляла невысокая гряда горъ, носящая у китайцевъ названіе Ло-я-гу. Она слагалась изъ переслаивающихся кремнистыхъ и глинистыхъ сланцевъ, смѣнившихся далѣе пестрыми песчаниками и известняками, обширная свита коихъ заканчивалась выходами глинисто-слюдянаго сланца, образующаго, какъ кажется, дно слѣдующей, менѣе широкой, долины и выступающаго по южную ея сторону въ цѣломъ рядѣ гривъ, сильно разрушенныхъ въ своихъ вершинахъ.

Эта долина, подобно предшествовавшей, имѣла глинистую почву и покрыта была возвышеніями съ обрывистыми краями, состоящими изъ значительныхъ толщъ буро-красной глины, песка и гальки, въ каковыхъ толщахъ я не могу признать ханхайскихъ отложеній, не смотря на ихъ наружное сходство съ послѣдними.

На пути между Куфи и Ань-си эти загадочныя отложенія красныхъ глинъ встрѣчаются только однажды, а именно въ только что описанныхъ долинахъ, окаймляющихъ съ юга и сѣвера хребетъ Ло-я-гу; на пути между Юй-мынь-сянемъ и Хами, о которомъ рѣчь будетъ ниже, также всего лишь однажды, а именно, къ югу отъ хребта Лу-чжа-чжинъ; наконецъ, братъ на своемъ пути, пересѣкавшемъ западный Бэй-шань [2]), этихъ отложеній вовсе не видѣлъ; не видѣлъ ихъ, какъ кажется, и позднѣйшій изслѣдователь той же части Бэй-шаня — Козловъ [3]). Что касается Обручева, то

[1]) Скудная растительность ея состояла изъ саксаула, бортекена и гребенщика.

[2]) См. т. I, гл. XVII.

[3]) «Русскій Инвалидъ», 1895, № 37 и 184; «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1897, вып. 2.

онъ резюмировалъ результаты своихъ изслѣдованій Гобійской пустыни въ слѣдующей стройной гипотезѣ [1]).

«Границы Ханъ-хая опредѣлены еще не вездѣ; по сѣверной и восточной окраинамъ Центральной Азіи, благодаря отсутствію геологическихъ изслѣдованій, онѣ могутъ быть намѣчены только предположительно южной подошвой Хангая и западнымъ склономъ Хингана; на югѣ море немного не доходило до границы провинцій Чжили и Шаньси, заливалось бухтой въ сѣверный Ордосъ, далѣе покрывало весь Ала-шань и значительную часть Ганьсу, проникая мимо Лань-чжоу заливомъ на востокъ, вдоль подошвы восточнаго Куэнъ-луня, а на югъ даже за Минъ-чжоу: въ Нань-шанѣ оно заполняло всѣ продольныя долины между хребтами, которые представляли длинные гористые острова, и, вѣроятно, заливало весь Цайдамъ; на западѣ, наконецъ, оно доходило до Памира и окаймляло съ сѣвера и съ юга восточный Тянь-шань, соединяясь двумя проливами—въ области современнаго Чатыръ-куля и въ области современнаго Эби-нора съ Туркестанскимъ бассейномъ той же эпохи. Кромѣ высокихъ цѣпей Нань-шаня и Тянь-шаня, надъ поверхностью водъ Ханъ-хая возвышались еще гористые острова во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ что, въ общемъ, площадь, занятая водой, едва-ли на много превышала площадь всѣхъ этихъ острововъ» [2]).

«Во время существованія Ханъ-хая геологическіе процессы во внутренней Азіи состояли, съ одной стороны, въ размывѣ и сглаживаніи морскими волнами окраинъ этихъ многочисленныхъ острововъ и въ накопленіи подъ его водами кирпично-красныхъ отложеній, съ другой—въ разрушеніи атмосферными дѣятелями горныхъ цѣпей, поднимавшихся надъ моремъ; поэтому въ предѣлахъ распространенія Ханъ-хая получились двоякія формы поверхности—съ одной стороны скалистые хребты, изрѣзанные безчисленными ущельями, съ другой—плоскіе, сглаженные холмы и увалы и ровныя столовыя возвышенности; не смотря на огромный промежутокъ времени, протекшій со дня осушенія Ханъ-хая, эти двѣ категоріи формъ рельефа сохранились въ существенныхъ чертахъ до сихъ поръ» [3]).

---

[1]) «Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины» въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Об.», 1895, XXXI, вып. 3, стр. 84—85.

[2]) Если даже считать, что Бэй-шань, въ его цѣломъ, представлялъ огромный островъ, чего, однако, не допускаетъ Обручевъ, то и тогда водная поверхность Ханъ-хая должна была значительно преобладать надъ общей площадью острововъ этого моря.

[3]) Съ этимъ я не могу согласиться, такъ какъ, если когда-либо воды Ханъ-хая и сгладили хребты, образовавъ увалы, сглаженные холмы и ровныя столообразныя возвышенія, то теперь,

«Къ концу эпохи существованія Ханъ-хая произошли новыя горообразовательныя движенія земной коры, главнымъ образомъ, по сосѣдству съ Нань-шанемъ и Тянь-шанемъ, быть можетъ, связанныя съ общимъ поднятіемъ внутреннихъ частей азіатскаго материка; послѣдствіемъ этихъ движеній было распаденіе Ханъ-хая на мелкія, изолированныя озера, разбросанныя среди осушившейся площади бывшаго морского дна; самое обширное изъ этихъ озеръ, повидимому, занимало мѣсто нынѣшней При-тяньшаньской впадины; многія изъ озеръ высохли совершенно, оставивъ послѣ себя пропитанныя солью и гипсомъ отложенія; другія сохранились до настоящаго времени, благодаря притоку прѣсной воды, уравновѣшивающему убыль отъ испаренія; эти остатки Ханъ-хая разсѣяны по всему пространству Центральной Азіи; такой же остатокъ представляетъ и озеро Куку-норъ».

Въ настоящее время не можетъ подлежать, конечно, сомнѣнію, что Ханъ-хай заливалъ нѣкогда глубокую долину р. Эцзинъ-гола, а также болѣе или менѣе широкія полосы земли вдоль южной подошвы Тянь-шаня и сѣверной Нань-шаня, но я положительно не нахожу основаній къ тому, чтобы считать, что волны того же моря заливали одновременно и промежутки между хребтами Бэй-шаня.

Обручевъ, допуская, что послѣдніе выступали надъ водною поверхностью Ханъ-хая, въ то же время даетъ имъ такую характеристику [1]).

Простираніе Бэй-шань'скихъ хребтовъ не однообразно; вмѣстѣ съ тѣмъ оно не всегда ясно, въ особенности въ томъ случаѣ, если вмѣсто опредѣленнаго хребта является широкій поясъ низкихъ горъ съ цѣлымъ лабиринтомъ долинъ и котловинъ и съ крайне неправильными окраинными очертаніями, обилующими выступами и вогнутостями, подобно мысамъ и заливамъ береговой линіи. Среди этихъ неправильныхъ возвышенностей, кромѣ отдѣльныхъ, болѣе высокихъ группъ, можно, конечно, различить и отдѣльные кряжи и гряды опредѣленнаго простиранія; однако, не смотря на это, «правильныхъ продольныхъ долинъ въ Бэй-шанѣ все же нѣтъ, такъ

по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ изслѣдованныхъ мною частей Тянь-шаня, Бэй-шаня и Нань-шаня, слѣдовъ чего-либо подобнаго уже не сохранилось; если же здѣсь и попадаются кое-гдѣ сглаженныя формы рельефа (за исключеніемъ, однако, столообразныхъ возвышеній, коихъ, кромѣ вышеуказанныхъ, незначительной высоты, и вовсе не встрѣчается), то онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію не морскихъ водъ, а атмосферныхъ агентовъ, которые не только успѣли разрушить горы, сгладить ихъ, но, благодаря отсутствію текучихъ водъ, и зарыть ихъ въ детритусѣ, снесенномъ съ высотъ. Особенно много такихъ увалов въ Бэй-шанѣ; но они очень рѣдки въ областяхъ восточнаго Тянь-шаня и средняго Нань-шаня.

[1]) «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXXI, 3, стр. 279.

какъ правильность существующихъ долинъ между сосѣдними, болѣе ясно выраженными хребтами нарушается менѣе высокими возвышенностями, разсѣянными неправильными группами среди этихъ долинъ или примыкающими къ хребтамъ, выдаваясь широкимъ мысомъ въ долину». Въ общемъ же, Бэй-шань'скія долины представляютъ, въ большинствѣ случаевъ, мульды и котловины различныхъ очертаній, *изолированныя или соединенныя въ цѣпи и цѣпи* [1]).

Вѣроятно, и Обручевъ согласится со мной, что такой современный характеръ горнаго рельефа Бэй-шаня исключаетъ возможность покрытія этой горной страны водами Ханъ-хай'скаго моря?

Описывая геологическое строеніе Центральной Монголіи, Обручевъ обращаетъ вниманіе на характерную особенность ея горъ. «Глубокая ихъ расчлененность», говоритъ онъ [2]), «указываетъ, что онѣ не были покрыты волнами Ханъ-хая, а образовывали цѣпи скалистыхъ острововъ, размывъ которыхъ атмосферными агентами и прибоемъ волнъ доставлялъ этому морю матеріалъ для его отложеній; верхняя граница прибоя, уровень бывшаго моря, обозначена очень рѣзко подошвой скалистыхъ расчлененныхъ частей хребтовъ, ниже которой разстилается (столь характерный для этихъ горъ) широкій плоскій пьедесталъ, состоящій изъ красныхъ песчаниковъ, глинъ и конгломератовъ Ханъ-хая». А такъ какъ въ предѣлахъ Бэй-шаня, по крайней мѣрѣ между меридіанальными долинами Тарима и Эцзинъ-гола, такихъ пьедесталовъ обнаружено не было [3]), то Обручевъ, вѣрный своему желанію видѣть во всей Гоби однообразное строеніе, высказываетъ такую смѣлую мысль: «весь Бэй-шань, говоритъ онъ [4]), въ своей совокупности можетъ быть разсматриваемъ какъ широкій и сложный хребетъ, состоящій изъ грядъ различнаго направленія и расположенный на обширномъ пьеде-

---

[1]) Въ западномъ Бэй-Шанѣ (въ горахъ Чолъ-тагъ), гдѣ хребты выражены рѣзче, преобладаетъ не циркообразный, а продольный типъ долинъ.

[2]) «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1894, XXX, вып. стр. 244.

[3]) Такой пьедесталъ, впрочемъ, имѣется въ западномъ Бэй-шанѣ, вдоль сѣверной подошвы хребта Тюге-тау. Но онъ образованъ не дѣйствіемъ водъ, а путемъ отложенія продуктовъ разрушенія этого хребта въ разстилающейся здѣсь продольной долинѣ, причемъ отложенія эти возрастали въ своей мощности одновременно съ пониженіемъ гребня передовой цѣпи Тюге-тау, такъ что въ настоящее время на пьедесталъ хребта Тюге-тау приходится взбираться по узкимъ, крутобокимъ ущельямъ, стѣны коихъ сложены изъ метаморфическихъ глинистыхъ сланцевъ, прорѣзанныхъ жилами кварца. На южной сторонѣ Тюге-тау такого пьедестала нѣтъ, такъ какъ тамъ не было подходящихъ условій для его образованія.

Обручевъ, впрочемъ, пишетъ, что «пьедесталы попадаются и въ Бэй-шанѣ, только въ меньшихъ (чѣмъ въ Центральной Монголіи) размѣрахъ» («Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXXI, 3, стр. 264). Подождемъ этихъ указаній.

[4]) «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXX, 3, стр. 264.

сталѣ». Это положеніе, примѣнимое столь же мало къ Бэй-шаню, какъ и къ Нань-шаню, я принимаю однако, если Обручевъ хотѣлъ имъ выразить, что Бэй-шань, во всей своей совокупности, окруженъ поясомъ ханхайскихъ отложеній, которыя и составляютъ его пьедесталъ, подобно тому, какъ далѣе на сѣверо-востокъ такія же отложенія составляютъ пьедесталъ каждой отдѣльной горной группы—бывшихъ острововъ Ханъ-хай'скаго моря.

И такъ, мы, мало по малу, приходимъ къ заключенію, что нѣтъ пока основаній считать Бэй-шань дномъ Ханъ-хая. Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить его странный рельефъ и его особенности, которыя дали поводъ китайцамъ высказать очень тонкую мысль, что, на востокѣ отъ Хами уходя подъ поверхность земли, изъ подъ которой торчатъ лишь величайшіе его пики, Тянь-шань за Цзя-юй-гуанемъ вновь подымается до недосягаемой высоты, почему вся масса горъ отъ Лянъ-чжоу до Или и имѣетъ одно только названіе—Небесныхъ (Тянь) или Снѣговыхъ (Сюѣ) горъ (шань)?

Самыя новыя изъ отложеній, найденныхъ до настоящаго времени въ Бэй-шанѣ, принадлежатъ къ каменноугольному, но, можетъ быть, и къ юрскому возрасту [1]). Дислокаціей ихъ толщъ закончился періодъ роста хребтовъ этой части Гоби [2]), послѣ чего начался періодъ разрушенія послѣднихъ атмосферными агентами. Эти разрушающія вліянія дѣйствовали на поверхность Бэй-шаня съ все увеличивающейся энергіей, и нынѣ, послѣ многихъ милліоновъ лѣтъ работы, достигли наибольшей силы, такъ какъ, сухой уже въ ханъ-хай'скую эпоху [3]), климатъ Внутренней Азіи долженъ былъ сдѣлаться съ тѣхъ поръ еще болѣе континентальнымъ. Какъ шло это разрушеніе и къ какимъ результатамъ привело, это разсказываетъ намъ Обручевъ [4]). «Благодаря скудости растительнаго покрова и сухости воздуха, при континентальномъ и суровомъ климатѣ, колебанія температуры въ поверхностныхъ

---

[1]) О каменныхъ углякъ Бэй-шаня я буду еще имѣть случай говорить ниже.

[2]) Обручевъ. — «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1894, вып. 2, стр. 244.

[3]) Richthofen «China», I, стр. 109—110. Къ тому же выводу, какъ кажется, приходитъ и Лочи, который пишетъ: «Ich halte es für wahrscheinlich, dass dieser Sandstein aus der Zusammenbackung irgend eines alten Flugsandes entstanden ist. Nachdem ich an den N.-Gehängen des Nan-shan nirgends zwischen den marinen obercarbonischen und den pliocenen Seeablagerungen eine andere Formation gefunden habe, bin ich geneigt, diesen Sandstein, welcher discordant über den Carbonschichten liegt, *als eine subärische Ablagerung der pliocenen Periode zubetrachten*». (Loczy «Geologie» въ «Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien. 1877—1880», I, стр. 548.) Этому предположенію противорѣчитъ однако красный цвѣтъ ханхайскихъ отложеній, заставляющій думать, что въ третичный періодъ климатъ Средней Азіи былъ теплымъ и влажнымъ.

[4]) «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXXI, 1895, вып. 3, стр. 285—286.

слояхъ почвы весьма значительны даже въ предѣлахъ однѣхъ сутокъ, особенно весной и осенью; эта смѣна жары и холода въ теченіе тысячелѣтій успѣла раздробить утесы на мелкіе куски, которые еще держатся на своихъ мѣстахъ, часто отдѣленные другъ отъ друга незамѣтными для невооруженнаго глаза трещинами, но подъ легкимъ ударомъ молотка цѣлый уголъ утеса разсыпается на остроугольные обломки; утесы породъ крупнозернистыхъ, состоящихъ изъ минеральныхъ зеренъ различнаго цвѣта и состава, какъ граниты, гнейсы, конгломераты, песчаники, разрушены еще болѣе съ поверхности и на нѣсколько вершковъ въ глубину—они раздроблены на отдѣльныя зерна, такъ что подъ молоткомъ разсыпаются въ дресву или грубый песокъ и нерѣдко можно безъ особаго труда отломать руками кусокъ гранитнаго утеса въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Вслѣдствіе такой растресканности и разрушенности поверхности утесовъ, на менѣе крутыхъ склонахъ, плоскихъ холмахъ и увалахъ почва, хотя и представляетъ непосредственные выходы горныхъ породъ, но сплошной, хотя уже разрушенный и растресканный, камень прикрытъ еще тонкимъ слоемъ дресвы и угловатыхъ обломковъ той же породы въ смѣси съ небольшимъ количествомъ песка и глины; такимъ образомъ, на подобныхъ возвышенностяхъ не трудно опредѣлить, изъ какихъ горныхъ породъ онѣ сложены, но зато очень трудно, а иногда и невозможно безъ земляныхъ работъ опредѣлить съ точностью, каково залеганіе этихъ горныхъ породъ и ихъ взаимныя отношенія, и такъ же трудно взять свѣжій образчикъ горной породы достаточно большой величины съ свѣжимъ изломомъ на двухъ-трехъ граняхъ; обломки, покрывающіе поверхность, обыкновенно мелкіе. Тѣ же обломки и дресва, но съ большимъ количествомъ песка и глины, образуютъ почву пьедесталовъ и впадинъ вообще, за исключеніемъ центральныхъ частей впадинъ, представляющихъ обыкновенно болѣе или менѣе оголенныя, ровныя, глинистыя площадки, покрытыя бѣлыми выцвѣтами соли и нерѣдко окаймленныя небольшими скопленіями песка въ видѣ бугровъ или холмиковъ. Но, такъ какъ эти низшія части впадинъ занимаютъ сравнительно небольшія пространства, то преобладающей почвой въ Центральной Азіи является вышеупомянутая смѣсь болѣе или менѣе песчанистой глины съ дресвой и угловатыми обломками горныхъ породъ, т. е. щебнемъ, причемъ величина обломковъ уменьшается, съ удаленіемъ отъ подошвы горъ; тѣ же обломки и дресва покрываютъ поверхность почвы, такъ что, вообще, впадины Центральной Азіи представляютъ щебневую степь,

переходящую въ наиболѣе безплодныхъ участкахъ въ шебневую пустыню, подобную хаммадамъ Сахары и Аравіи».

Огромный періодъ, протекшій, со времени возникновенія суши Бэй-шаня, въ относительномъ геологическомъ покоѣ и въ этой непрестанной разрушительной работѣ атмосферныхъ дѣятелей, объясняетъ, такимъ образомъ, вполнѣ удовлетворительно современный сглаженный и до извѣстной степени однообразный рельефъ этой горной страны; и намъ поэтому пока незачѣмъ заставлять Ханъ-хай'ское море надвигаться на Бэй-шань, тѣмъ болѣе, что и доказательствъ того, что его равнины, всхолмленныя остатками бывшихъ хребтовъ, являются площадями морскаго смыва, т. е. обрадированными, мы не имѣемъ.

Не считая возможнымъ видѣть въ буро-красныхъ глинахъ, опоясывающихъ и даже частью налегающихъ на хребты Да-бэнь-мяо и Ло-я-гу, отложенія Ханъ-хая, я рѣшаюсь высказать предположеніе, что глины эти, съ примѣсью песка и гальки, отложились въ озерахъ, которыя еще, можетъ быть, и въ постъ-пліоценовое время [1]) покрывали нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, части Бэй-шаня [2]).

Къ югу отъ горъ Ло-я-гу снѣгъ виднѣлся во всѣхъ углубленіяхъ; въ мѣстахъ защищенныхъ онъ образовалъ даже наметы до двухъ аршинъ высотой [3]), и, должно быть, эти наметы нане-

---

[1]) Богдановичъ («Труды Тибетской экспедиціи», II, стр. 112 и далѣе) высказываетъ предположеніе, что была эпоха, не позднѣе постъ-пліоцена, когда Куэнъ-лунь (а стало быть, вѣроятно, и Бэй-шань) получалъ большее, чѣмъ нынѣ, количество водныхъ осадковъ.

[2]) Къ сожалѣнію, примѣсь песка и гальки (правильнѣе было бы сказать—едва окатаннаго щебня) является причиной того, что отложенія эти не обнаруживаютъ ясно выраженной слоистости; кое-гдѣ, впрочемъ, мнѣ удалось прослѣдить послѣднюю, причемъ напластаніе глинъ казалось совершенно горизонтальнымъ.

Подобныя же озерныя отложенія встрѣчены были мною на Памирѣ (буро-красныя возвышенности лѣваго берега Музъ-кола, недалеко отъ выхода послѣдняго въ котловину оз. Каракуля), Пржевальскимъ и Свенъ-Гединомъ, а, вѣроятно, и другими путешественниками, на сѣверныхъ окраинахъ Тибета. Вотъ, что читаемъ мы, напримѣръ, у Пржевальскаго объ окрестностяхъ оз. Незамерзающаго. «Насколько хваталъ глазъ къ югу-востоку и югу сплошь тянулись лёссовые (Пржевальскій нерѣдко принималъ за лёссъ глинистыя отложенія, ничего общаго съ лёссомъ не имѣющія; это, впрочемъ, ясно вытекаетъ изъ нижеслѣдующаго) холмы. Они были безплодны и, какъ обыкновенно, изуродованы всевозможнымъ образомъ: здѣсь стояли башни, крѣпости, конусы различныхъ формъ и величины, мосты, подземные ходы, вертикальныя стѣны, корридоры и т. п. Средняя высота этихъ холмовъ достигала отъ 300 до 500 футовъ; нѣкоторые же изъ нихъ подымались футовъ на 800 и даже на тысячу. Притомъ къ сторонѣ озера Незамерзающаго эта гряда холмовъ обрывалась отвѣсною стѣной. Мѣстами рыхлый лёссъ былъ сцементированъ въ твердую массу, мѣстами подымались небольшіе слои гипса, на вершинахъ же холмовъ и по дну рытвинъ, сверхъ лёсса, лежала крупая галька». («Четвертое путешествіе», стр. 260).

[3]) О томъ, что снѣгъ выпадаетъ иногда въ большомъ количествѣ въ Бэй-шань'скихъ горахъ говоритъ и Роборовскій. (См. «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1898, XXXIV, стр. 14.) Намъ снѣгъ

сены были давно, такъ какъ успѣли не только слежаться, но и окраситься въ розовый цвѣтъ.

За красной долиной мы вступили въ выравненную мѣстность, весьма лишь незначительно приподнятую надъ дномъ этой долины. Впрочемъ, на глазъ даже, она продолжала повышаться, всхолмленная сперва выходами глинисто-слюдянаго сланца, а затѣмъ песчаниковъ и кремнистаго сланца (съ выходами кварца), причемъ простираніе свиты этихъ пластовъ было ONO при углѣ паденія на югъ около 80°. Промежутки между этими относительно невысокими, но крайне разрушенными съ поверхности гривками заполняли щебень и дресва, весьма однородные по составу и заставлявшіе подозрѣвать, что они составляли нѣкогда одно цѣлое съ подстилающей ихъ породой [1]). Дѣйствительно, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, взятыхъ случайно, я, снявъ толщу щебня вершка въ три, добирался и до коренной породы. Этотъ фактъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ снесеніи хребта, который несомнѣнно когда-то возвышался между красной долиной и солончаковой равниной Ма-лянь-цзинъ-цзы повинны исключительно только атмосферные дѣятели.

Помянутая равнина Ма-лянь-цзинъ-цзы поросла густымъ, хотя и невысокимъ, камышомъ и по своей обширности не имѣетъ себѣ равныхъ въ среднемъ Бэй-шанѣ [2]). Станція расположена почти въ центрѣ этой котловины и состоитъ изъ пяти заѣзжихъ дворовъ и караульни, въ которой квартируетъ нѣсколько солдатъ сучжоу'скаго гарнизона. Воды здѣсь вдоволь; она прекраснаго вкуса и находится на неназначительной глубинѣ.

Ночь на 20 февраля была еще довольно холодна: термометръ показывалъ—14°,5 Ц.; но уже въ моментъ нашего выступленія ртуть стояла на 0°, а къ полудню поднялась до 5° тепла въ тѣни, что соотвѣтствовало 15° на солнцѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ небо было совершенно ясное, а въ воздухѣ была тишь; только временами налеталъ вѣтерокъ съ запада и, обдавъ насъ облакомъ пыли, уносилъ ее дальше на востокъ.

помѣшалъ даже идти такъ называемой «вьючной дорогой» въ Юй-мынь, о чемъ я имѣлъ уже случай упоминать выше, томъ I, стр. 486.

[1]) Только въ одномъ мѣстѣ, на 15-й верстѣ отъ Шинъ-шинъ-ся, мы встрѣтили солончакъ и развалины полустанка. По даннымъ Сосновскаго («Русская учено-торговая экспедиція въ Китай въ 1874—1875 годахъ», стр. 111), на пути между Шинъ-шинъ-ся и Ма-лянь-цзинь-цзы встрѣчаются два ключа, одинъ въ 10, другой въ 30 ли отъ Шинъ-шинъ-ся. Этихъ ключей (Хунъ-моюань и Хунъ-мо-хэ) мы не видѣли.

[2]) Равнина эта на востокѣ замыкалась горами, на западѣ же была открытой.

Отъ станціи Ма-лянь-цзинъ-цзы [1]) солончакомъ мы шли еще версты три; затѣмъ сѣровато-желтая глина смѣнилась хрящемъ, и мы поровнялись съ огромнымъ монолитомъ—горой изъ кварцита почти W—O простиранія, выглядѣвшей точно облитой масломъ темнокоричневой массой значительной относительной высоты (не менѣе 1,200 ф., при 7,200 ф. абс. высоты). Одновременно дорога стала пересѣкать выходы кварцитовъ и кварца, которые тянулись на востокъ до встрѣчи съ такими же кварцитовыми горами, выступавшими въ видѣ совершенно разобщенныхъ между собою холмовъ. Такая мѣстность, выровненная у дороги и заполненная горами по всѣмъ сторонамъ далекаго горизонта, простиралась верстъ на десять. Судя по продолжавшимъ еще намъ попадаться выходамъ кварца и кварцитовъ, кое-гдѣ лишь переслаивавшихся кремнистымъ сланцемъ, возвышенности, замыкавшія съ востока Ма-лянь-цзинъ-цзы'скую котловину, должны были состоять изъ тѣхъ же породъ. На 13 верстѣ отъ станціи мы, наконецъ, вступили въ настоящія горы, которыя у китайцевъ носятъ названіе общее со всею этою мѣстностью и слагаются изъ переслаивающихся глинисто-слюдяныхъ (филлитовъ), кремнистыхъ и глинистыхъ сланцевъ съ частыми выходами кварца. Относительная ихъ высота переходитъ во многихъ точкахъ за 700—800 футовъ, но перевалъ черезъ нихъ пологъ и не представляетъ какихъ-либо затрудненій для колеснаго движенія. По южную сторону этихъ горъ [2]) встаютъ новыя, но уже менѣе высокія; въ ихъ образованіи принимаютъ участіе, главнымъ образомъ, песчаники, которые переслаиваются кремнистыми сланцами. Еще далѣе горы изчезаютъ, горизонтъ расширяется, дресва уступаетъ мѣсто глинѣ, кое-гдѣ поросшей тростникомъ, и передъ путникомъ встаютъ стѣны заѣзжихъ дворовъ, образующихъ здѣсь цѣлую улицу [3]). Въ Да-цюани имѣлась даже лавочка, въ которой, впрочемъ, нашлось не болѣе 40 джиновъ муки, но мы и этому количеству были рады, такъ какъ наши хлѣбные запасы приходили къ концу. Вода здѣсь оказалась солоноватой, не смотря на то, что доставалась изъ колодцевъ на глубинѣ четырехъ саженъ, абсолютная же высота мѣста нѣсколько большей, чѣмъ на предъидущей станціи, а именно, равной 5,925 футамъ.

---

[1]) По даннымъ Сосновскаго (ib.), отъ этой станціи имѣется своротъ къ городу Дунь-хуану. Намъ говорили о такомъ своротѣ у станціи Да-цюанъ.

[2]) У того же Сосновскаго мы находимъ крайне важное указаніе, относящееся къ горамъ, норужающимъ циркообразную равнину Ма-лянь-цзинъ-цзы, а именно, что онѣ рудоносны (ib.).

[3]) На полпути между Ма-лянь-цзинъ-цзы и Да-цюаномъ имѣется колодецъ Ди-во-пу. (Сосновскій, ib.).

Не успѣлъ еще на слѣдующій день послѣдній эшелонъ вьюковъ выступить со двора станціи, какъ ѣхавшій впереди казакъ Колотовкинъ спѣшился, торопливо выхватилъ дробовикъ и выстрѣлилъ.

— Въ кого стрѣлялъ?

— Да, вотъ, хамійская птичка...

Дѣйствительно, въ его рукахъ мы увидѣли красивую Ampelis garrulus! Но какими судьбами попала она сюда, въ эти, столь неблагопріятныя для жизни пернатыхъ, мѣста?

Бесѣдуя объ этой находкѣ, мы незамѣтно достигли края солончака, который рѣзко обозначался выходами мелкозернистыхъ песчаниковъ. Здѣсь еще разъ наши охотники разволновались, замѣтивъ въ ближайшихъ камышахъ стадо кара-куйрюковъ (Gazella subgutturosa). Но и тѣ ихъ замѣтили и такъ какъ были проворнѣе людей, то и незамедлили скрыться за сосѣднимъ пригоркомъ. Тѣмъ временемъ караванъ уже втянулся въ горы — предгорье хребта Ю-ханъ-лу, имѣвшаго сначала NO простираніе, а затѣмъ замѣтно отклонявшагося на югъ.

На первыхъ порахъ вездѣ обнажались песчаники, но затѣмъ ихъ смѣнили довольно разнообразные по составу граниты, которые, не образуя высокихъ горъ, въ ширину занимали нѣсколько верстъ; ихъ поверхность мѣстами была до такой степени разрушена, что удара по скалѣ молоткомъ было иногда уже достаточно для того, чтобы вызвать осыпаніе наружныхъ, вывѣтрившихся частей ея въ видѣ небольшихъ осколковъ, которые, въ свою очередь, легко ломались въ рукахъ.

Едва мы вступили въ эти горы, какъ передъ нами развернулась небольшая котловина, середину которой занималъ солончакъ. На краю послѣдняго расположенъ былъ полустанокъ Сяо-цюань, который получалъ воду изъ неглубокаго, но не особенно богатаго водою колодца.

Отсюда мѣстность стала довольно замѣтно возвышаться, а горы Ю-ханъ-лу принимать болѣе дикій, скалистый характеръ. Граниты смѣнились столь распространенными въ Бэй-шанѣ кремнистыми сланцами съ жилами кремня, очень скоро выклинивавшимися вглубь, а затѣмъ красными гранититами, мощные выходы которыхъ заставляли дорогу не разъ давать большія излучины. Гранититы, сложивъ гребень хребта, который возвышался надъ дорогой футовъ на тысячу, вскорѣ понизились, образовали сѣдловину и, выступивъ еще разъ въ южныхъ бокахъ послѣдней, скрылись подъ круто-приподнятыми толщами кремнистаго сланца, который, переслаиваясь далѣе съ

известняками, образовалъ новый горный подъемъ OSO простиранія. Въ то же время на востокѣ, верстахъ въ 15 отъ дороги, ясно обозначились высоты, имѣвшія NNW направленіе, которое онѣ сохраняли и въ теченіе всего послѣдующаго дня до встрѣчи съ западнымъ продолженіемъ горъ Бо-сянь-цзы [1]).

Еще далѣе на югъ кремнистые сланцы изчезаютъ; ихъ окончательно смѣняютъ известняки, которые, чередуясь съ песчаниками, и обрываются въ всхолмленную невысокими грядками котловину Хунъ-лю-юань [2]), по которой протекалъ небольшой ключикъ. Здѣсь выстроено четыре просторныхъ таня; въ одномъ изъ нихъ мы застали въ числѣ другихъ постояльцевъ и нѣсколько ишакчей изъ Хами, которые везли на родину сырыя кожи яковъ и гаотайскій рисъ. Абсолютная высота этой станціи оказалась еще большей, чѣмъ высота Да-цюана, и равнялась 5,975 футамъ.

Выступивъ на слѣдующій день изъ Хунъ-лю-юаня [3]), мы сразу же стали втягиваться въ невысокія горы Ша-цюань, сложенныя на сѣверныхъ своихъ склонахъ, главнымъ образомъ, изъ песчаниковъ и известняковъ [4]). Эта свита породъ налегала на несогласно съ ними пластующіеся глинистые сланцы, которые далѣе выходили на дневную поверхность и образовывали наивысшія части сильно разрушеннаго хребта, подымающагося въ среднемъ футовъ на 500 надъ полотномъ дороги. Пройдя эти горы, мы вступили въ мѣстность, представляющую почти выровненную поверхность гнейсовъ и слюдяныхъ сланцевъ, переходящихъ въ гнейсъ [5]), прикрытыхъ коегдѣ дресвой и щебнемъ, среди коего въ изобиліи попадалась кварцевая галька; кварцъ, впрочемъ, выклинивался на поверхность довольно часто, въ особенности въ области простиранія гнейсовъ, рѣзко выдѣляясь на ихъ темномъ фонѣ въ видѣ яркобѣлыхъ пятенъ.

---

[1]) Я подозрѣваю, что наименованіе этихъ горъ записано у меня неправильно; не слѣдуетъ ли читать Бэй-сянь-цзы?

Гряда горъ NNW простиранія сопровождаетъ дорогу до параллели станціи Бай-дунь-цзы; здѣсь она замѣтно отклоняется къ востоку и сталкивается съ горами, служащими сѣверной окраиной долины р. Су-лай-хэ.

[2]) На сѣверной окраинѣ этой котловины мы встрѣтили густые камыши; ближе же къ станціи, по мѣрѣ измѣненія состава почвы, которая становилась все болѣе и болѣе песчаной, камыши эти рѣдѣли.

[3]) Изъ Хунъ-лю-юаня имѣется прямая дорога въ Дунь-хуанъ.

[4]) Какъ эти, такъ и, вообще, всѣ бэй-шаньскіе известняки въ значительной степени метаморфизованы (имѣютъ сланцеватое сложеніе) и нерѣдко переходятъ въ кристаллическіе; какихъ-либо окаменѣлостей я въ нихъ не нашелъ, вѣроятно, потому, что слѣды органической жизни въ нихъ исчезли, но, можетъ быть, также и потому, что я не имѣлъ достаточной для сего опытности.

[5]) Среди слюдяныхъ выступалъ въ одномъ мѣстѣ и тальковый сланецъ.

Такою мѣстностью, обнаруживавшей замѣтное склоненіе къ югу, мы шли верстъ десять [1]), когда неожиданно очутились на берегу сухого русла рѣки, которое скалой слюдяного сланца разбивалось на два рукава, изъ коихъ южный былъ глубже сѣвернаго, менѣе занесенъ глиной и галькой и хранилъ ясные слѣды временами текущихъ здѣсь водъ. Вершина этой рѣки терялась въ дали, но въ принятомъ ею направленіи мы замѣтили значительныя высоты (вѣроятно, продолженіе хребта Ю-ханъ-лу), позади которыхъ подымался огромный голецъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ Баинъ-ула.

По южную сторону сухого русла снова выступилъ слюдяной сланецъ, а дальше, на протяженіи 8 верстъ, дорога пересѣкала невысокія гривы чередующихся между собою глинистыхъ сланцевъ и гнейсовъ [2]). Наконецъ, мы вышли въ солончаковую котловину Бай-дунь-цзы, отовсюду замкнутую горами, въ которой протекалъ ручей, составлявшійся изъ ключиковъ и наполнявшій затѣмъ два обросшихъ камышомъ пруда [3]). Расположенная здѣсь станція представляла уже настоящее поселеніе: одинъ казенный, два частныхъ таня, пикетъ, кумирня, двѣ-три лавочки и, наконецъ, еще какія-то постройки въ развалинахъ.

На станціи съѣздъ проѣзжающихъ былъ настолько великъ, что мы едва могли размѣститься, да и то только по отбытіи ка-

---

[1]) Здѣсь (на 13-ой верстѣ отъ ст. Хунъ-лю-юань) мы встрѣтили развалины, должно быть, пикета.

[2]) Bell («The great Central Asian trade route from Peking to Kashgaria» въ «Proc. of the Royal Geogr. Soc.», 1890, February, стр. 77) утверждаетъ, что встрѣтилъ здѣсь выходы діорита («The second stage to Hung-leo-chuan is through low hills, the Pejsan range of indurated clay and diorite, by easy slopes.»).

[3]) Абсолютная высота котловины Бай-дунь-цзы равняется 5,266 футамъ.

Высоты, которыя даетъ Bell на пути между Хами и Аньси, разнятся отъ нашихъ, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	по Грумъ-Гржимайло.	по Белю.	
г. Хами	2,762 ф.	2,650 ф.	
ст. Хунъ-лю-юань. .	5,975 »	5,500 »	
» Бай-дунь-цзы. .	5,266 »	4,850 »	
г. Аньси	3,310 »	4,120 »	(по Крейтнеру—3,750 ф., по Сосновскому—4,810 ф.)

По отношенію къ Аньси слѣдуетъ оговориться, что мы опредѣляли высоту къ западу отъ города, расположившись лагеремъ въ долинѣ р. Су-лай-хэ, которая лежитъ, можетъ быть, футовъ на сто ниже города.

Что же касается до высотъ, приводимыхъ Кэри, то онѣ должны считаться прямо ошибочными:

	по Грумъ-Гржимайло.	по Кэри.
Г. Хами.	2,762 ф.	3,600 ф.
ст. Янь-дунь	2,553 »	3,750 »
ст. Ша-цюанъ-цзы	4,610 »	6,300 »
ст. Шинъ-шинъ-ся. . . .	6,027 »	7,900 »
ст. Хунъ-лю-юань.	5.975 »	7,600 »

кого-то мандарина, который совершалъ свой переѣздъ на мѣсто новаго служенія въ сопровожденіи не малаго числа слугъ. Отъ него мы узнали чрезвычайно встревожившее насъ извѣстіе: на р. Су-лай-хэ показались полыньи, дѣлающія переходъ черезъ нее если еще и возможнымъ, то далеко не безопаснымъ. Какъ нарочно, день 22 февраля былъ необычайно теплымъ: около полудня термометръ въ тѣни подымался до 14°, а къ 9 часамъ вечера спустился всего лишь до —0°,5. Итакъ, слѣдовало торопиться перешагнуть это послѣднее препятствіе, отдѣлявшее насъ отъ полосы культурныхъ земель вдоль сѣверныхъ склоновъ Нань-шаня.

Къ Су-лай-хэ мы выступили ночью. Горы, окаймляющія котловину Бай-дунь-цзы съ юга, а за ними и послѣдующія возвышенности, оказались сложенными изъ переслаивающихся между собою гнейсовъ и кристаллическихъ (глинистыхъ) сланцевъ, которые, какъ мы это видѣли выше, выступали и въ горахъ между сухимъ русломъ и станціей. Эта огромная свита кристаллическихъ сланцевъ заканчивалась выходами песчаниковъ, которые и служатъ въ этомъ мѣстѣ южной гранью Бэй-шаня [1]).

Къ югу отсюда потянулась галечная пустыня, надъ которой, въ фіолетовой мглѣ, уже ясно рисовался снѣговой гребень Нань-

Духъ земли—Ло-ву.

шаня — обиталище духа земли (линъ-цзы) Ло-ву или Гянь-ву, котораго китайцы изображаютъ чудовищемъ, имѣющимъ лицо человѣка и тѣло тигра, съ ожерельемъ изъ девяти человѣческихъ головъ.

[1]) Окрайніе къ югу сѣрые гнейсовые холмы на южныхъ склонахъ были изрыты пещерами, которыя, можетъ быть, указываютъ на уровень нѣкогда омывавшаго Бэй-шань Хан-хай'скаго моря. Гнейсы эти имѣли сильно разрушенную поверхность.

ГЛАВА V.

Долиной рѣки Су-лай-хэ.

Послѣднія скалистыя высоты встрѣчены были нами на девятой верстѣ отъ станціи Бай-дунь-цзы [1]); отсюда же, на протяженіи цѣлыхъ двадцати верстъ, потянулась равнина, представлявшая характеръ типичнѣйшей, почти вовсе лишенной растительности [2]), каменистой пустыни [3]). Галька только въ непосредственной близости отъ рѣки смѣнилась глиной, поверхность коей была изрыта старицами и еще заливаемыми въ половодье рукавами рѣки. Здѣсь кое-гдѣ росъ камышъ, чій (Lasiogrostis splendens), гребенщикъ и другія растенія пустыни, а также небольшими площадками виднѣлись и такъ называемыя въ Туркестанѣ «сазовыя», т. е., преимущественно, осоковыя травы.

Въ сотнѣ шаговъ отъ р. Су-лай-хэ высилась большая кумирня Лунъ-хуанъ, входъ въ которую стерегли два безобразныхъ съ отбитыми конечностями идола; впрочемъ, она производила впечатлѣніе поддерживаемаго зданія.

Плёсъ Су-лай-хэ [4]), разбившійся на два протока, имѣлъ здѣсь въ общей сложности до 25 саженъ ширины, но рѣка, судя по ха-

---

[1]) Здѣсь же мы миновали покинутый полустанокъ.

[2]) Попадался только росшій островками какой-то низкій полукустарникъ, который не могъ быть опредѣленъ въ Петербургѣ.

[3]) Съ той, впрочемъ, особенностью, что поверхность ея усыпана была не галькой, а слабо окатаннымъ щебнемъ, не успѣвшимъ принять однообразной темной окраски.

[4]) Мѣстные жители называютъ ее Су-лай-хэ. Также и въ «И-тунъ-чжи» говорится: «Согласно картамъ и новой географіи, р. Сула протекаетъ» и т. д. Въ 589 примѣчаніи къ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» сказано: «Р. Сулай беретъ начало изъ Южныхъ горъ подъ именемъ р. Чанъ-ма, течетъ на сѣверъ и, поворотивъ на западъ, проходитъ уже подъ именемъ р. Су-лай на сѣверъ отъ округа Лю-гоу». У Матусовскаго («Географическое обозрѣніе Китайской имперіи», стр. 230) названіе этой рѣки передѣлано въ Шу-лэй-хэ. Монгольское ея наименованіе — Булунгиръ, что

рактеру ея весьма отлогихъ береговъ, не могла быть особенно глубока [1]). Китайцы насъ не обманули: ледъ, дѣйствительно, мѣстами отсталъ отъ береговъ и кое-гдѣ далъ значительныя, пересѣкающіяся между собою, трещины.

Такъ какъ подо мною была самая сильная изъ лошадей каравана, то я и рѣшился прежде, чѣмъ допустить переправу, лично испробовать крѣпость ледяного покрова [2]). Рискованнѣе всего былъ первый прыжокъ черезъ небольшой ручеекъ, который стремительно несся по льду у самаго берега, но затѣмъ все пошло гладко, и я почти рысью выбрался на травянистую площадку лѣваго берега Су-лай-хэ, куда вскорѣ собрался и весь остальной караванъ. Такъ какъ площадка эта была сырая, то мы поднялись выше, на слѣдующую рѣчную террасу, гдѣ и остановились, не доходя саженъ 300 до городка Ань-си.

Едва мы разбили свой лагерь, какъ къ намъ явились китайцы съ предложеніемъ купить у нихъ пару фазановъ. Это были великолѣпные экземпляры самцовъ Phasianus Satscheuensis, Przew.

Николай явился тотчасъ же на сцену.

— Спроси у нихъ, гдѣ добыли они этихъ птицъ.

— Да тутъ вотъ, въ полуверстѣ отсюда, въ кустарникахъ, около фанзъ, ихъ сколько угодно.

Радости нашей не было конца.

— Ну, ребята, завтра охота!

Но радость эта была преждевременной.

Въ 7 часовъ вечера подулъ западный вѣтеръ, принесшій тучи и холодъ. Погода вдругъ измѣнилась до неузнаваемости. Еще наканунѣ мы радовались наступленію тепла и весны [3]), а теперь мы принуждены были вновь вынуть запрятанные уже валенки, фуфайки и другія теплыя вещи. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ дней, проведенныхъ нами на стоянкѣ у г. Ань-си, вѣтеръ мѣнялъ нѣсколько разъ направленія, будучи то западнымъ, то

значитъ — «мутная», и до сихъ поръ за ней удержалось, хотя и произносится здѣсь — Булунзиръ, Булунцзи, Булунджи.

Въ древности рѣка эта была извѣстна подъ именемъ Нань-цзи-дуань (см. «Мэнъ-гу-юму-цзи», стр. 424, 474).

[1]) Впрочемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкалъ зимній путь, ея глубина у берега составляла почти 2 аршина.

[2]) Ледъ на р. Су-лай былъ совершенно чистымъ, что доказываетъ, что пыльные туманы въ зимнее время года — явленіе далеко здѣсь не частое.

[3]) Первымъ признакомъ близкаго ея наступленія былъ начавшійся перелетъ журавлей на сѣверъ. Впрочемъ, китайцы намъ говорили, что птица эта нерѣдко остается зимовать въ долинѣ Булунгира.

сѣверо-западнымъ, то, наконецъ, сѣверо-восточнымъ. Ночью съ 24 на 25 февраля дулъ сильнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ, который нагналъ тучи темносвинцоваго цвѣта. Въ часъ пополудни повалилъ снѣгъ при температурѣ $-2^0,5$ Ц.; въ 6 часовъ вечера къ снѣгу присоединился сильный вѣтеръ, который свирѣпствовалъ часа три и чуть не причинилъ намъ порядочной бѣды. Онъ застигъ возвращавшихся съ охоты на джерановъ (Gazella subgutturosa) казаковъ Глаголева и Колотовкина, которые вскорѣ потеряли дорогу и, изнемогая отъ усталости, брели уже на удачу, когда вдругъ заслышали сигнальные выстрѣлы. На радостяхъ они выпустили въ отвѣтъ послѣдній патронъ, послѣ чего безъ дальнѣйшихъ злоключеній добрались до нашего лагеря. Пурга окончилась, но снѣгъ продолжалъ валить въ теченіе всей почти ночи, такъ что утромъ намъ пришлось отгребаться, точно мы находились не на краю Гобійской пустыни, а у себя на родинѣ. Замѣчательно, что и въ послѣдующіе дни небо оставалось пасмурнымъ; оно нѣсколько расчистилось только вечеромъ 26 февраля, да и то ненадолго; вмѣстѣ же съ симъ холодъ усилился, и въ ночь на 27 февраля морозъ достигъ 24^0.

Такая погода очень мѣшала нашей охотѣ; тѣмъ не менѣе намъ все же удалось добыть здѣсь для коллекціи нѣсколько превосходныхъ экземпляровъ Phasianus Satscheuensis, которые, дѣйствительно, во множествѣ держались въ кустарниковыхъ зарослях къ юго-западу отъ Ань-си[1]). Сверхъ того нашими охотниками убито было нѣсколько экземпляровъ горныхъ куропатокъ (Caccabis hukar), встрѣченныхъ ими у городскихъ стѣнъ. Но всего удачнѣе оказалась охота на джерановъ, которые держались въ непосредственной близости отъ нашего лагеря стадами головъ до двадцати и были настолько мало запуганы, что подпускали къ себѣ нерѣдко охотника на мѣру прямаго выстрѣла. Свою стоянку на р. Су-лай-хэ мы покинули 28 февраля. Поднявшись на верхнюю терассу, поверхность коей состояла изъ рыхлой, пропитанной солью, песчано-глинистой почвы, мы очутились въ виду городскихъ стѣнъ.

Ань-си оказался въ развалинахъ. Со времени разгрома его дун-

---

[1]) Эти заросли, главнымъ образомъ, состоятъ изъ гребенщика (Tamarix Pallasii) и караганы; близъ фанзъ попадались и молодые тополи. Что касается травянистой растительности, то я могъ отличить здѣсь среди камыша и чія только Glycyrrhiza glandulifera, Statice sp., Apocynum sp., Saussurea, Convolvulus, Iris, Artemisia, Psamma villosa, Alhagi camelorum; въ изобиліи росла также Nitraria.

ганскимъ партизаномъ Баянъ-ху прошло уже восемнадцать лѣтъ [1]), а между тѣмъ онъ остался почти такимъ-же, какимъ его описываетъ Пясецкій [2]).

Ань-си стоитъ на окраинѣ пустыни и на главномъ пути, соединяющемъ востокъ и западъ Китайской имперіи. Казалось-бы, какъ не возстать ему изъ развалинъ? А между тѣмъ онъ не привлекаетъ охотниковъ въ немъ селиться; его торговые ряды попрежнему составляютъ рядъ жалкихъ лавчонокъ, въ которыхъ можно достать лишь самое необходимое [3]); его гарнизонъ слабъ, а чиновники смотрятъ на назначеніе ихъ сюда, какъ на ссылку. Впрочемъ, исторія показываетъ, что городъ этотъ, который въ 1889 году могъ праздновать двухтысячный юбилей своего существованія, никогда не игралъ видной въ ней роли. Онъ былъ основанъ подъ именемъ Минъ-ань [4]) въ 111 г. до Р. Хр. При Суйской династіи, въ 581 году, его переименовали въ Чанъ-лэ-сянь. При Танахъ, когда предѣлы Китайской имперіи были отодвинуты далеко на западъ и сношенія съ Западнымъ краемъ участились, значеніе его возросло: онъ былъ сдѣланъ окружнымъ и переименованъ въ Гуа-чжоу [5]). Съ X вѣка исторія о немъ вовсе не упоминаетъ. Долину рѣки Су-лай занимали послѣдовательно тибетцы, уйгуры и тангуты, при коихъ край этотъ совершенно заглохъ; даже торговые и посольскіе караваны избирали въ это время другіе пути: направлявшіеся къ киданямъ и чжурчженямъ шли вдоль южной подошвы Хангайскихъ горъ, направлявшіеся же къ Сунамъ, въ южный Китай, черезъ Цайдамъ и мимо оз. Куку-нора. Въ XIII вѣкѣ тангутовъ смѣнили монголы, при которыхъ особенно ожи-

---

[1]) Согласно съ Сосновскимъ («Русская учено-торговая экспедиція въ Китай въ 1874—1875 годахъ», стр. 90), Баянъ-ху взялъ приступомъ и разрушилъ Ань-си въ маѣ 1872 г.; Крейтнеръ же даетъ болѣе раннюю дату, а именно 1868 г. («Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien», I, стр. 206).

[2]) «Путешествіе по Китаю», II, стр. 204.

[3]) Зато это необходимое очень дешево; такъ, мы платили за 1 фунтъ печенаго хлѣба копѣйку, за пудъ гороху — 60 коп., за пудъ сѣна — 40 коп., за фунтъ сала — 7 коп., мяса бараньяго — 5 коп. и т. д.

[4]) См. выше, стр. 8.

[5]) «Исторія Тибета и Хухунора», II, стр. 188. То же наименованіе носилъ въ IV—VI вѣкахъ и городъ Дунь-хуанъ, только въ началѣ VII вѣка переименованный въ Ша-чжоу (Са-чжоу). Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Гуа-чжоу Танскихъ временъ не находился на мѣстѣ нынѣшняго Ань-си, а лежалъ отъ него къ юго-западу, гдѣ и до сихъ поръ еще сохранились его развалины (Kreitner, op. cit., стр. 206, и карточка на стр. 211). Такое перемѣщеніе городовъ—явленіе обычное въ Средней Азіи, гдѣ предпочитаютъ не возобновлять разрушенныхъ городовъ, а строить новые или рядомъ съ послѣдними, или отнеся ихъ на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Ань-си испытывалъ подобныя перемѣщенія неоднократно и послѣдній разъ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія.

вилась долина р. Эцзинъ-гола, служившая торнымъ путемъ для сообщенія западныхъ областей Китая съ Кара-корумомъ. Продолжалъ-ли существовать въ это время Гуа-чжоу или лежалъ въ развалинахъ, положительно неизвѣстно. Марко Поло о немъ вовсе не упоминаетъ. Столь же мало извѣстна судьба этого города и въ послѣдующую историческую эпоху. Наконецъ, при императорѣ Цянь-лунѣ, мы вновь слышимъ о немъ, но уже подъ современнымъ названіемъ — Ань-си-чжоу. Сперва здѣсь былъ учрежденъ военный постъ, но послѣ упорядоченія дѣлъ въ Джунгаріи и постройки тамъ цѣлаго ряда укрѣпленныхъ поселеній, китайское правительство сочло необходимымъ продолжить линію послѣднихъ и далѣе на востокъ, за Гобійскую пустыню, до западныхъ воротъ Великой стѣны. Тогда-то были, между прочимъ, построены города Ань-си (1759 г.) и Юй-мынь (1760) [1]).

Стѣны Ань-си, высокія, но растрескавшіяся и уже частью осыпавшіяся, имѣютъ почти правильную четыреугольную форму и вытянуты съ сѣверо-запада на юго-востокъ; въ этомъ же направленіи отъ воротъ до воротъ пересѣкаетъ городъ и главная улица, обстроенная жалкими лачужками и мало-привлекательными танями и ларями; подъ прямымъ угломъ къ этой улицѣ отходитъ другая, упирающаяся въ сѣверо-восточныя, вѣроятно, съ дунганскихъ временъ задѣланныя ворота. Заглянувъ въ эту улицу, мы увидали только развалины; такія же развалины заполняли и всю южную половину Ань-си. Но что особенно насъ въ немъ поразило — такъ это песокъ, который успѣлъ затянуть въ городѣ многія неровности почвы. Этотъ песокъ мѣстами, какъ напримѣръ, близъ восточныхъ воротъ, будучи присыпанъ къ городской стѣнѣ, достигалъ тамъ до высоты ея зубчатаго карниза, производя впечатлѣніе типичнѣйшаго бархана. Еще болѣе значительные налеты песку прислонялись къ наружной сторонѣ этихъ стѣнъ. Здѣсь они успѣли даже порости кое-какою растительностью: у подошвы Alhagi, а выше—солянками. На этотъ заносъ пескомъ города обратилъ уже вниманіе докторъ Пясецкій, который, подъѣзжая въ 1875 году съ востока къ Ань-си, «могъ разглядѣть огромные сугробы песка, образовавшіеся у городскихъ стѣнъ и достигающіе высоты послѣднихъ [2])». По мнѣнію Лочи, этотъ песокъ, главнымъ образомъ, мѣстнаго происхожденія, освободившійся, благодаря проведенію въ

---

[1]) Ср. съ тѣмъ, что говорится о роли Ань-си въ эту эпоху въ концѣ настоящей главы.

[2]) Op. cit., II, стр. 900.

песчаныхъ наносахъ Су-лай-хэ системы оросительныхъ канавъ [1]). Какъ бы то ни было, но въ настоящее время песокъ этотъ засыпаетъ Ань-си, такъ что правъ былъ Пясецкій, когда писалъ, что на этомъ примѣрѣ мы воочію видимъ, какимъ путемъ погребаются города, «сходя со сцены и исчезая подъ почвою» [2]).

Пройдя городъ, мы вышли въ солончаково-глинистую равнину, кое-гдѣ вспаханную [3]), кое-гдѣ затянутую пескомъ, на всемъ же остальномъ пространствѣ поросшую чіемъ, къ которому только въ немногихъ мѣстахъ примѣшивалась кустарная поросль, состоящая изъ гребенщика, караганы и чингиля (Halimodendron argenteum). Чій ближе къ рѣкѣ смѣнялся камышомъ, а за рѣкой, которая бѣжала и здѣсь нѣсколькими рукавами, снова виднѣлся чій, но уже рѣдкими островками среди огромныхъ пространствъ каменистой пустыни, заполнявшей весь сѣверный горизонтъ до невысокихъ скалистыхъ пригорковъ — южной грани Бэй-шаня. Въ одномъ мѣстѣ эта пустыня перешагнула даже на южный берегъ рѣки, но здѣсь она скоро выклинивалась въ чіевой степи.

Весной, пишетъ Козловъ [4]), здѣсь все зелено, и ландшафтъ ласкаетъ взоръ путешественника; въ февралѣ же мѣстность эта представляется довольно унылой, и, если мы не соскучились качаться въ сѣдлѣ, то единственно только благодаря частымъ встрѣчамъ съ пѣшеходами-китайцами, которые длинной вереницей, съ коромыслами на плечахъ, бодро шли по пыльной дорогѣ.

— Куда? зачѣмъ?

— Въ Или-хо . . . селиться . . . тамъ намъ дадутъ землю, деньги, пару воловъ...

И, соблазнившись такой перспективой, они шли теперь на легкѣ, имѣя при себѣ не болѣе пуда багажа, въ далекій, невѣдомый край! Какая энергія!

На двѣнадцатой верстѣ отъ Ань-си мы прошли мимо небольшого селенія Нань-гань-лу, расположеннаго у края верхней береговой террасы р. Су-лай-хэ. Отсюда мы завидѣли впереди лѣсъ, который начинался довольно рѣдкими насажденіями, но затѣмъ все болѣе и болѣе густѣлъ и, наконецъ, переходилъ въ сплошную чащу, скрывавшую въ себѣ цѣлый рядъ хуторовъ, которые то группиро-

---

[1]) Op. cit., стр. 521.

[2]) Op. cit., II, стр. 904.

[3]) Главная масса полей находилась къ югу отъ города, гдѣ мы насчитали свыше десятка отдѣльныхъ хозяйствъ.

[4]) «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1895, XXXI, 5, стр. 439.

вались у какого-нибудь арыка, образуя селеніе, то стояли особнякомъ, но всегда въ сторонѣ отъ дороги. Этими насажденіями, состоявшими, главнымъ образомъ, изъ карагачей [1]), мы шли около пяти верстъ до крѣпосцы Сяо-вань [2]), служащей обычнымъ этапомъ для каравановъ, слѣдующихъ этимъ путемъ. Близъ нея остановились и мы и, въ надеждѣ добыть для нашей орнитологической коллекціи въ окрестныхъ садахъ зимующихъ птицъ, рѣшились дневать. Къ сожалѣнію, наши ожиданія не оправдались въ той мѣрѣ, какъ мы этого желали. Птицъ было поразительно мало [3]), и намъ, послѣ долгихъ поисковъ, пришлось, наконецъ, удовольствоваться слѣдующими видами: Astur palumbarius, Lanius borealis sibiricus, Ampelis garrulus и Turdus pilaris. Зато мы вдоволь наохотились здѣсь на сачжоускихъ фазановъ, въ чемъ намъ усиленно помогалъ и ретивый понтеръ Васька, получившій свое охотничье воспитанье въ Закаспійской области, въ восьмидесятыхъ годахъ еще изобиловавшей фазанами.

3 марта мы выступили дальше. Пройдя Сяо-вань, мы вышли на чіевую степь, по которой то тамъ, то сямъ разбросаны были хутора и обсаженныя тополями поля. Степь эта оканчивалась у покинутаго пикета Са-чу-вань, къ востоку отъ котораго высилась гряда горъ Сань-сянь-цзы [4]). Хотя пустынная и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ дорога — невысокая, гряда эта, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ, служа, подъ именемъ горъ Дабанъ-шань, передовой цѣпью Нань-шаня, она въ этомъ мѣстѣ уклоняется къ сѣверовостоку, пересѣкаетъ долину р. Сулай-хэ и, выклиниваясь въ пустынѣ, служитъ орографической связью Нань-шаня и Бэй-шаня, который, именно въ этомъ мѣстѣ, своими южными уступами всего ближе подступаетъ къ рѣкѣ.

Обручевъ, который задался цѣлью доказать существованіе вдоль подножій Нань-шаня непрерывной впадины, аналогичной Притянь-шанской, пишетъ о ней слѣдующее [5]).

«Южная впадина простирается отъ оз. Хала-чи (Хара-норъ) вверхъ по теченію р. Булунцзиръ, затѣмъ, черезъ бывшія озера Хуахэйцза и Алакъ-чій, пересѣкаетъ долину р. Эдзинъ-голъ между городами Тинъ-та-сы (т. е. Цзинь-та-сы) и Мо-минъ и, повидимому, тя-

[1]) Попадались также джигда (Eleagnus hortensis spinosa) и тополи.

[2]) По мѣстному произношенію — Шао-вань.

[3]) Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что этой охотѣ неблагопріятствовала крайне вѣтряная погода и холодъ; 28 февраля выпалъ даже сухой снѣгъ.

[4]) Лочи называетъ эту гряду Ло-янь-сянь, Козловъ — Ши-шаку-сянь.

[5]) «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXXI, стр. 280—281.

нется и далѣе на востокъ, вмѣщая въ себѣ озера Чанъ-нинъ-ху и Юй-хай, показанныя на существующихъ картахъ верстъ на 150—170 сѣвернѣе ихъ истиннаго положенія, и, наконецъ, оканчивается въ пескахъ южнаго Алашаня, въ окрестностяхъ городка Чжэнь-фань, гдѣ также находятся небольшія озера. Между меридіанами городовъ Са-чжоу и Юй-мынь простираніе впадины широтное и она окаймляетъ непосредственно подошву пустынныхъ передовыхъ грядъ Нань-шаня, заключая въ себѣ поясъ подгорныхъ оазисовъ западной Ганьсу; ширина этой части впадины отъ 60 до 100 верстъ, низшая часть ея дна, пересѣкаемая многочисленными рукавами и развѣтвленіями р. Булунцзира, кромѣ культурныхъ земель, представляетъ обширныя заросли камыша и кустовъ хармыка и тамариска на рыхлой солонцовой почвѣ, а мѣстами голые солончаки и бугристые пески, поросшіе, главнымъ образомъ, вышеупомянутыми тремя представителями растительнаго царства; къ сѣверу и къ югу отъ этой низшей, орошенной части тянутся пологимъ подъемомъ къ Нань-шаню съ одной и къ Бэй-шаню съ другой стороны глинисто-песчано-щебневыя пустыни. Къ востоку отъ меридіана г. Юй-мынь простираніе впадины переходитъ въ WNW-OSO и она отдѣлена отъ подошвы Нань-шаня и сопровождающей ее полосы подгорныхъ оазисовъ Ганьсу прерывистой цѣпью скалистыхъ и пустынныхъ кряжей, которые у населенія упомянутыхъ оазисовъ также называются Бэй-шань, а на китайскихъ картахъ Хэ-ли-шань; важнѣйшій изъ этихъ кряжей называется у мѣстнаго населенія Лунъ-ту-шань, Лунъ-шань и Лунъ-коу-шань и обозначенъ на моей картѣ подъ общимъ именемъ Лунъ-шань; онъ представляетъ самый сѣверный изъ хребтовъ Нань-шаньской системы, который восточнѣе меридіана г. Юй-мынь измѣняетъ свое WNW простираніе на OW и примыкаетъ къ слѣдующему съ юга хребту Рихтгофена [1]); это отдѣлившееся отъ пояса оазисовъ продолженіе южной впадины сначала представляетъ тотъ же характеръ зарослей камыша и солончаковъ съ отдѣльными оазисами Ши-тунзе и Хоръ-хейцзе и группами холмовъ и низкихъ горъ, затѣмъ къ востоку отъ Хоръ-хейцзе тянется обширная площадь бугристыхъ и барханныхъ песковъ и за ней широкая сѣдловина съ глинисто-щебневой пустыней, шириной верстъ 20 (самое

[1]) Это именно соединеніе Хэ-ли-шаня съ Нань-шанемъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло принялъ за связь между послѣдней горной системой и Бэй-шанемъ, относя Хэ-ли-шань къ Бэй-шаню, что основано на неопредѣленности термина Бэй-шань, т. е. Сѣверныя горы.

Прим. Обручева.

Обручевъ, однако, ошибается. Въ основаніе своихъ сужденій я кладу матеріалъ болѣе прочный, чѣмъ «неопредѣленные китайскіе термины», и это онъ сейчасъ же увидитъ.

*

узкое мѣсто южной впадины), между группой Цзя-юй-гуань-шаня (По-шаня, по Крейтнеру) и подошвой Бэй-шаня образуетъ соединеніе этой западной части южной впадины съ восточной, пересѣкающей долину Эдзинъ-гола и его лѣваго притока Та-пей-хэ, между городами Тинъ-та-сы и Мо-минъ; къ востоку отъ Эдзинъ-гола до меридіана города Гань-чжоу впадина пролегаетъ по неизслѣдованному европейцами пространству» — а потому и писать объ этомъ продолженіи можно лишь въ предположительномъ, а не положительномъ смыслѣ.

Приступая къ обсужденію вышеизложеннаго, я прежде всего долженъ остановиться на той схематической картѣ, на которую ссылается Обручевъ [1]). Она вполнѣ отвѣчаетъ тексту, но въ значительной степени грѣшитъ противъ дѣйствительности; для того же, чтобы исправить ее, слѣдовало бы:

Гряду Дабанъ-шань вытянуть до р. Су-лай-хэ и даже за эту рѣку до встрѣчи съ Бэй-шань'скими горами (Бо-сянь-цзы), которыя, отступая на меридіанѣ Ань-си отъ плёса названной рѣки на двадцать съ небольшимъ верстъ, здѣсь близко подходятъ къ нему и затѣмъ сопровождаютъ его вверхъ до устья р. Чи-дао-гоу, послѣ чего, образовавъ выгибъ, глубиной до 17 верстъ, вновь подходятъ гранитными скалами къ рѣкѣ въ мѣстѣ крутого измѣненія ею своего русла; чтобы не возвращаться еще разъ къ Бэй-шаню, замѣчу, что далѣе на востокъ мы прослѣдили южную гряду этихъ горъ верстъ на шестьдесятъ, причемъ общее ея простираніе продолжало неизмѣнно слѣдовать WNW—OSO направленію.

Уничтожить кряжъ горъ NO простиранія, на картѣ узкимъ языкомъ подходящей къ Юй-мыню [2]), и, наконецъ, вытянуть горы праваго берега Булунгира (Чи-цзинь-шань) далѣе на сѣверъ. Какъ мы ниже увидимъ, дорога входитъ въ нихъ уже на 22-ой верстѣ отъ г. Юй-мыня. Ближайшія къ этому городу возвышенія состоятъ изъ мелкозернистыхъ конгломератовъ и песчаниковъ, отнесенныхъ Лочи къ тріасу; ихъ прорываютъ сіениты; а еще дальше на востокъ выступаютъ гнейсовыя скалы, которыя къ сѣверу отъ дороги образуютъ цѣпь гольцовъ, круто заканчивающихся въ пустынѣ, не доходя 12—15 верстъ до крайнихъ къ югу утесовъ, принадлежащихъ уже къ Бэй-шань'скимъ горамъ. Прямымъ продолженіемъ этихъ

---

[1]) Она приложена къ тому же 3 вып. XXXI т. «Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общ.».

[2]) Подобная же, трудно объяснимая, ошибка вкралась и на картѣ Роборовскаго, приложенной къ тому же выпуску «Извѣстій». На хранящейся въ картографическомъ отдѣлѣ Главнаго Штаба подлинной съемкѣ Козлова этого кряжа горъ не показано.

горъ на сѣверъ является возвышенное, водораздѣльное плато, почва коего состоитъ изъ глины и щебня.

Эти горы, носящія названіе Чи-цзинь-шань [1]), двурядныя; ихъ восточную вѣтвь слагаютъ песчаники гуронской и каменноугольной формацій; тѣ же песчаники, прорванные выходами гранитовъ, образуютъ и слѣдующую гряду горъ, ограничивающую съ запада долину р. Тао-лай. Какъ далеко въ пустыню уходитъ эта послѣдняя (Цзя-юй-гуань-шань Обручева, По-шань Крейтнера), мнѣ неизвѣстно [2]), но во всякомъ случаѣ ея простираніе NNO, а не WNW, какъ это изображено на картѣ Обручева и какъ Обручевъ самъ о томъ пишетъ.

Въ этихъ горахъ Обручевъ видитъ тектоническое продолженіе хребта Лунъ-шань, который, согласно съ Рихтгофеномъ и Лочи, онъ и принимаетъ за передовую цѣпь Нань-шаня. Именно, онъ пишетъ [3]):

«Первой съ сѣвера цѣпью Наньшаньской горной системы являются кряжи, ограничивающіе съ сѣвера поясъ оазисовъ западной Гань-су между городомъ Лянъ-чжоу и селеніемъ Чи-чжинъ-ху (Чи-цзинь-ся?), которые я, на основаніяхъ орографическихъ и геологическихъ, также причисляю къ Нань-шаню, хотя у мѣстнаго населенія, видящаго ихъ на сторонѣ сѣвера, они называются Бэй-шань, т. е. сѣверныя горы, и Г. Е. Грумъ-Гржимайло также причисляетъ ихъ къ своей системѣ Бэй-шаня; но я уже указалъ, что отъ настоящаго (?) Бэй-шаня, составляющаго часть (?) Центральной Азіи, они отдѣлены непрерывной впадиной [4]), которую я назвалъ Принаньшаньской. Въ своей высшей группѣ Лунгъ-ту-шаня эта цѣпь достигаетъ около 10,000 футовъ абсолютной и до 5.000 футовъ относительной высоты; на меридіанѣ же города Су-чжоу цѣпь понижается настолько, что переходитъ въ низкую столовую возвышенность, состоящую изъ однихъ ханхайскихъ отложеній, но затѣмъ, на меридіанѣ Цзя-юй-гуаня, опять возникаютъ на линіи ея продолженія скалистые кряжи Цзя-юй-гуань-шань и Па-линъ-шань,

[1]) Это названіе, сохранившееся и до сихъ поръ, присвоено имъ издавна. Въ «Исторіи Тибета и Хухунора», II, стр. 255, читаемъ: «Горы Чи-цзинь-шань лежатъ въ уѣздѣ Юй-мынь, въ 30 ли отъ Чи-цзинь-со (не «пу»-ли?) на западъ».

[2]) Судя по словамъ Обручева, гряда эта отдѣляется отъ Бэй-шань'скихъ горъ каменистой пустыней, шириной въ 20 верстъ; такъ какъ въ то же время пустыня эта является и водораздѣломъ, то я склоненъ думать, что здѣсь мы имѣемъ явленіе, аналогическое съ уже указаннымъ выше. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ рѣчныя долины между Юй-мынемъ и Су-чжоу имѣютъ меридіанальное, а не широтное простираніе.

[3]) Ibid., стр. 323—325.

[4]) Эта-то непрерывность мною теперь и оспаривается.

отдѣленные другъ отъ друга брешью, заполненной дисцилированными новѣйшими отложеніями; въ западномъ концѣ Па-линъ-шаня отъ него отдѣляется вѣтвь, немного не доходящая до меридіана города Юй-мынь, гдѣ она теряется въ видѣ холмовъ на площади (?) бывшаго озера Хуа-хейцзе, тогда какъ главная, но понизившаяся часть хребта изгибается близь сел. Чи-чжинъ-ху на WSW и въ видѣ скалистыхъ, разорванныхъ грядъ приближается къ сѣверному подножію хр. Рихтгофена, съ которымъ и сливается нѣсколько восточнѣе меридіана г. Юй-мыня».

Это и все. Но вотъ, что читаемъ мы у Потанина, пересѣкшаго Лунъ-шань Обручева по пути въ Цзинь-та-сы-пу и у города Мо-мина вышедшаго въ долину р. Эцзинъ-гола [1]).

«Дорога входитъ въ холмы, протянувшіеся вдоль сѣверной окраины солончака Янь-чи. Хотя издали эти холмы казались увѣнчанными каменными обнаженіями, но при ближайшемъ ихъ осмотрѣ они оказались сплошь состоящими изъ смѣси песка съ галькой; только, когда мы глубже вошли въ эти холмы и стали переваливать на покатость Чжинъ-та-сы, показались обнаженія известняка. Съ этого перевала мы увидѣли впереди степное пространство или широкую долину, *протянувшуюся съ юга на сѣверъ*; въ серединѣ ея расположенъ городокъ Чжинъ-та-сы; по другую его сторону поверхность земли опять медленно подымается и образуетъ плоскую возвышенность, гребень которой не имѣетъ зубчатаго очертанія, а образуетъ ровный и чрезвычайно далекій горизонтъ; только мѣстами замѣчаются въ немъ неровности». «Невысокія возвышенности, которыя тянутся вдоль дороги слѣва отъ самаго Чжинъ-та-сы, здѣсь (у Су-вань-пу, т. е. уже въ предѣлахъ «настоящаго», по выраженію Обручева, Бэй-шаня) приближаются къ дорогѣ».

Изъ этого описанія части потанинскаго пути нельзя не усмотрѣть, что на меридіанѣ г. Су-чжоу Лунъ-шань Обручева тѣсно связанъ съ горами Бэй-шаня. Конечно, характеръ этой связи намъ не вполнѣ ясенъ; мы ничего не знаемъ о природѣ возвышеній, сопровождающихъ съ запада дорогу Потанина (а на востокъ мѣстность была затянута песками), но если даже онѣ и сложены исключительно только изъ ханхайскихъ отложеній, то все же рельефъ пустыни не позволяетъ намъ видѣть здѣсь продолженія Принань-шаньской впадины.

---

[1]) «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія», стр. 453—454.

Что касается до ссылокъ Обручева на Рихтгофена и Лочи, то я не могу не признать ихъ крайне неудачными. Рихтгофенъ судилъ лишь на основаніи матеріала, доставленнаго китайскими картами, Лочи же высказалъ такой взглядъ на геологическое строеніе всего Принаньшанья, который трудно согласовать съ вышеизложенными выводами Обручева.

Хребетъ Лунъ-шань въ томъ объемѣ, который даетъ ему Обручевъ, Лочи подробно изслѣдовалъ только на западѣ, и вотъ что онъ пишетъ:

«Не невозможно, что холмы (Чи-цзинь-шаня) слѣдуетъ разсматривать, какъ первые восточные форпосты той горной цѣпи, которая тянется между Ань-си и Дунь-хуаномъ (горы Дабанъ-сянь)» [1]).

«Между Чи-цзинь-ся (Tscha-tjen-hia) и Дунь-хуаномъ, говоритъ онъ далѣе [2]), выступаетъ вѣроятное продолженіе Алтынъ-тага», который Лочи относитъ, предположительно, къ системѣ горъ, отличной отъ Куэнъ-лунь'ской, можетъ быть, даже Тянь-шань'ской [3]).

Пусть взглядъ Лочи на природу Алтынъ-тага и ошибоченъ, но въ его желаніи связать съ послѣднимъ Чи-цзинь-шаньскія высоты я вижу стремленіе геолога-спеціалиста выдѣлить послѣднія или западное звено Лунь-шань'ской горной цѣпи изъ состава горъ Нань-шань'ской системы. Надо помнить, что Лочи о Бэй-шанѣ, какъ объ отдѣльной горной системѣ, не имѣлъ опредѣленнаго представленія и относилъ высоты Гобійской пустыни къ Небеснымъ горамъ.

Лочи писалъ и о Принаньшаньской впадинѣ, но онъ нашелъ ее не тамъ, гдѣ розыскиваетъ ее Обручевъ.

«Между главнымъ, альпійскимъ, гребнемъ Нань-шаня и большой Гобійской впадиной, говоритъ онъ [4]), находится тектоническая продольная котловина (ein tektonisches Längenbecken), которую пересѣкаютъ двѣ, параллельныя между собою, горныя перемычки (Zwischenketten), связывающія Нань-шань съ сѣверными горами»; это—Дэнъ-тянь-чэн'скія высоты, подымающіяся между Гань-чжоу и Лянъ-чжоу, и горы Чи-цзинь-шань между Су-чжоу и Юймынемъ [5]). Это долинообразное (Thalformation) пониженіе раз-

[1]) «Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien, 1877—1880», I, стр. 556.
[2]) Ibid, стр. 662.
[3]) Ibid., стр. 642.
[4]) Ibid., стр. 502.
[5]) Ibid., стр. 514.

дѣляется названными перемычками на три впадины: Лянъ-чжоу'скую на востокѣ, Гань-чжоу—Су-чжоу'скую въ центрѣ и Юй-мынь—Ань-сійскую, протянувшуюся за озеро Хара-норъ на западѣ [1]).

Наконецъ, Лочи говоритъ и о восточной части хребта Лунъ-шань. Ему кажется, что въ каменноугольную эпоху процессъ образованія хребта Хэ-ли-шаня [2]) и Нань-шаня [3]) уже закончился; послѣ чего, однако, въ тектонической долинѣ (Becken), залегающей между ними, произошло опусканіе сѣвернаго ея крыла, что и обусловило значительную разницу въ абсолютной высотѣ тѣхъ и другихъ горъ [4]).

Я не вхожу въ обсужденіе тѣхъ фактовъ, которыми Лочи подкрѣпляетъ такую гипотезу. Я замѣчу только, что нынѣ можно считать доказаннымъ, что Нань-шань поднялся до своей теперешней высоты въ сравнительно недавнее время, такъ какъ въ его долинахъ третичныя отложенія восходятъ до высоты, превышающей 12.000 футовъ. Не правильнѣе ли было бы поэтому сказать, что тогда какъ Хэ-ли-шань, или все тоже — Бэй-шань, закончилъ свой ростъ въ каменноугольную эпоху, Нань-шань продолжалъ возвышаться и, можетъ быть, не закончилъ своего роста и въ настоящее время? Во всякомъ случаѣ изъ вышеприведеннаго должно быть совершенно ясно, что Обручеву въ вопросѣ о Лунъ-шанѣ не слѣдовало бы ссылаться на авторитетъ венгерскаго геолога.

Здѣсь я считаю вполнѣ умѣстнымъ высказать свой взглядъ на отношеніе Бэй-шань'скихъ горъ къ сосѣднимъ горнымъ системамъ.

«Въ одинъ изъ геологическихъ моментовъ, пишетъ Богдановичъ [5]), до наступленія девонскаго періода, точнѣе—средне-девонской эпохи, на мѣстѣ средняго Куэнъ-луня, можетъ быть, только его западной и восточной оконечностей — Мустагъ-ата и восточнаго Тянь-шаня [6]) — поднималась суша гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ. Древняя структура этихъ породъ показываетъ, что поднятіе ихъ въ среднемъ Куэнъ-лунѣ происходило въ восточно-сѣверо-восточномъ направленіи, т. е. въ тѣхъ же направленіяхъ, которыя являются характерными для этихъ хребтовъ въ настоящее

---

[1]) Ibid., стр. 515.

[2]) Ho-li-schan или Ho-yen-schan, древнее названіе Бэй-шаня.

[3]) Лочи говоритъ только о сѣверной цѣпи Нань-шаня.

[4]) Ibid., стр. 559.

[5]) «Труды тибетской экспедиціи», II, стр. 81—82.

[6]) Восточнымъ Тянь-шанемъ Богдановичъ называетъ ту часть этой горной системы, которая приходится на востокъ отъ Чатыръ-куля до группы Богдо-Ола, дальше которой на востокъ его изслѣдованія не простирались.

время. Въ средне-девонскую эпоху воды моря стали наступать на эту сушу, смывая все на своемъ пути. Къ концу этой эпохи на мѣстѣ средняго Куэнъ-луня поднимались лишь незначительные острова гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ, окруженные уже мелководнымъ девонскимъ моремъ, а сѣвернѣе — въ восточномъ Тянь-шанѣ — глубокое море продолжало еще развиваться. Въ одинъ изъ слѣдующихъ моментовъ геологической жизни на мѣстѣ средняго Куэнъ-луня, гдѣ передъ тѣмъ мы видѣли мелководное девонское море и разрозненные острова, поднимается снова материкъ изъ отвердѣвшихъ осадковъ этого моря. Поднятіе и этой суши происходило въ восточно-сѣверо-восточномъ направленіи. Въ западномъ Куэнъ-лунѣ и Тянь-шанѣ вокругъ гнейсовыхъ острововъ продолжаетъ существовать въ это время еще глубокое море, но уже не девонское, а каменноугольное. Это глубокое каменноугольное море къ концу этого геологическаго періода стало наступать на сушу средняго Куэнъ-луня. Слѣдствіями этого возобновившагося морскаго покрытія въ среднемъ Куэнъ-лунѣ мы видимъ въ настоящее время значительные мелководные прибрежные осадки, слагающіе поверхность сѣверо-западнаго Тибета и южнаго склона Куэнъ-луня. Этимъ наступленіемъ моря, которое я называю тибетской трансгрессіей, закончилось и его существованіе. Трансгрессія эта сопровождалась, быть можетъ, удивительнѣйшими по своимъ результатамъ явленіями абразіи рельефа площади сѣверо-западнаго Тибета; средній Куэнъ-лунь, быть можетъ, представляетъ только остатокъ сложнаго древняго рельефа этой страны. Послѣ этой трансгрессіи началось образованіе материка, которое на площади средняго Куэнъ-луня и Тянь-шаня выразилось интенсивною складчатостью однообразнаго уже сѣверо-западнаго направленія. Съ этой эпохи и по настоящее время вся нынѣшняя система Куэнъ-луня и Тянь-шаня подчиняется одному общему ходу материковаго развитія съ западо-сѣверо-западнымъ направленіемъ поднятій. Сбросы въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи нарушаютъ въ третичный періодъ однообразный ходъ такого развитія. Ингрессивные слои юрскихъ угленосныхъ осадковъ и мѣловыхъ морскаго характера служатъ единственными болѣе или менѣе достовѣрными свидѣтелями дальнѣйшей судьбы этой суши. Части ея, съ окончанія тибетской трансгрессіи не покрывавшіяся больше моремъ, пока остаются для насъ нѣмыми».

Эта широко и ясно нарисованная картина геологическаго прошлаго части Центральной Азіи даетъ намъ тѣ необходимыя рамки,

въ которыя легко укладываются и изложенныя выше данныя о геологическомъ строеніи Бэй-шаня, собранныя мною въ надеждѣ передать ихъ когда-либо для обработки спеціалисту-геологу. Къ сожалѣнію, обстоятельства такъ сложились, что мнѣ самому приходится теперь браться за непривычную работу и писать о предметѣ, недостаточно мнѣ знакомомъ.

Мы уже видѣли, какое огромное распространеніе имѣютъ гнейсы и полукристаллическіе сланцы въ Бэй-шанѣ [1]). Можно сказать, что они то, главнымъ образомъ, и слагаютъ Бэй-шань, образуя какъ значительнѣйшіе изъ его хребтовъ, такъ и почву котловинообразныхъ долинъ между ними. Главныхъ направленій, коимъ слѣдуютъ хребты Бэй-шаня, а равно и Нань-шаня, два: WNW (восточно-тяньшаньское) и ONO (средне-куэнлуньское); комбинація этихъ направленій въ мелкомъ масштабѣ даетъ еще третье направленіе OW; наконецъ, можно встрѣтить и еще одно направленіе—NW, но рѣже, чѣмъ первыя три [2]). Это обстоятельство указываетъ на то, что въ Бэй-шанѣ столкнулись два направленія древнѣйшихъ стяжаній Центральной Азіи—куэнлуньское и тяньшаньское [3]). Вѣроятно, въ каменноугольную, а, можетъ быть, еще и въ девонскую эпоху, воды моря, говоря словами Богдановича, стали наступать на эту сушу, смывая все на своемъ пути. Наступаніе это шло съ юга, причемъ, какъ кажется, каменноугольное море не проникало за хребетъ Да-бэнь-мяо, предоставивъ всю сѣверную часть Бэй-шаня дѣйствію другихъ разрушителей — атмосферныхъ агентовъ, которые, снеся на его глубины огромныя толщи сланцевъ (главнымъ образомъ—кремнистыхъ), обнажили массивные выходы гранитовъ, сіенитовъ, діоритовъ и діабазовъ, изверженныхъ, вѣроятно, еще въ азойскій періодъ, когда впервые намѣчался горный скелетъ Азіатскаго континента.

Съ концомъ каменноугольной эпохи [4]) закончился и періодъ размыва морскими водами бэй-шаньскихъ хребтовъ. Интенсивная складчатость каменноугольныхъ песчаниковъ и известняковъ показываетъ, что послѣдніе моменты роста Бэй-шаня сопровождались

[1]) А также кварциты и другіе метаморфическіе песчаники и кристаллическіе известняки этой свиты, слагающіе гребни высочайшихъ хребтовъ Бэй-шаня. Замѣчательно, что древнѣйшихъ гнейсовъ и гнейсо-гранитовъ до сихъ поръ еще не было обнаружено въ этой горной странѣ.

[2]) См. мое письмо изъ Кульчжи въ «Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXVII, стр. 56; Обручевъ, ib., стр. 279.

[3]) Изъ того факта, что позднѣйшія каменноугольныя отложенія несогласно пластуются съ метаморфическими сланцами и известняками нельзя не заключить, что Бэй-шань представлялъ горную страну уже въ докаменноугольную эпоху.

[4]) Но, можетъ быть, и нѣсколько позднѣе, съ началомъ мозозойской эпохи.

энергичной дислокаціей, нагромоздившей хребты западо-сѣверо-западнаго простиранія, что доказывается тѣмъ, что гряды, въ сложеніи коихъ принимаютъ участіе почти исключительно одни только осадочныя образованія, какъ напримѣръ, гряды каменноугольныхъ песчаниковъ къ сѣверу отъ кряжа Бага-Ма-цзунь-шань, имѣютъ строго WNW простираніе.

Когда закончился ростъ бэйшаньскихъ хребтовъ — опредѣлить не берусь; но что онъ закончилея значительно раньше, чѣмъ въ горныхъ областяхъ, примыкающихъ къ нимъ съ юга и сѣвера, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Главное поднятіе Нань-шаня, совершившееся въ томъ же западо-сѣверо-западномъ направленіи, вознесло ханхайскія отложенія на огромную высоту, превышающую 12.000 футовъ абсолютнаго поднятія. Это грандіозное стяжаніе земной коры, всего сильнѣе проявившееся въ области Чатыръ-куля, въ Тянь-шанѣ, и въ Нань-шанѣ, конечно, должно было отразиться и въ периферическихъ частяхъ Бэй-шаня, гдѣ мы, дѣйствительно, и видимъ изогнутіе толщъ ханхайскихъ отложеній, какъ въ долинѣ р. Эцзинъ-гола [1]), такъ и на нашемъ пути къ сѣверу отъ Хуй-хуй-пу, гдѣ на нижнемъ дислоцированномъ ярусѣ ханхайскихъ отложеній, состоящихъ изъ голубовато-зеленыхъ и бурокрасныхъ песчанистыхъ глинъ [2]), трансгрессируютъ ханхайскіе же грубые красные конгломераты и глинистые песчаники верхняго яруса. Эти самыя позднія, отразившіяся только на южной окраинѣ Бэй-шаня, движенія земной коры могли нагромоздить новыя складки и на линіи хр. Лунъ-шань, гдѣ мы, дѣйствительно, и видимъ ханхайскія толщи приподнятыми на нѣкоторую высоту, но были не въ силахъ значительно измѣнить первоначальнаго древне-куэнлуньскаго направленія кряжей Чи-цзинь-шань'скаго и Сань-сянь-цзы.

Чтобы не возвращаться еще разъ къ Чи-цзинь-шань'скимъ горамъ, я замѣчу, что, глубоко вдаваясь между хребтами Нань-шаня, Ханъ-хай заливалъ и всю подгорную его часть; но тогда какъ въ области собственно Нань-шаня, гдѣ хребты достигали уже значительной относительной высоты, море это было лишь ингрессивнымъ, здѣсь оно успѣло смыть многія неровности почвы и, между прочимъ, отдѣлить Чи-цзинь-шань'скія высоты отъ остальной части Бэй-шаня, сохранивъ намъ, однако, ясныя указанія на нѣкогда суще-

[1]) Обручевъ — «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXX, стр. 245.

[2]) Если только ихъ не принимать за отложенія юрскаго возраста, эквивалентныя глинистымъ песчаникамъ хребта Тузъ-тау, въ Турфанѣ.

ствовавшую взаимную связь между ними въ видѣ водораздѣльныхъ вздутій, о которыхъ я буду имѣть случай говорить ниже подробнѣе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что до конца нижняго яруса Ханъ-хая центральная часть Гоби имѣла общую исторію развитія съ Нань-шанемъ, который не отличался отъ нея и орографически, представляя, подобно современному Бэй-шаню, очень сложный горный рельефъ, обусловленный столкновеніемъ дислокацій по двумъ различнымъ направленіямъ—WNW и ONO. При этомъ, однако, абсолютная высота всей площади Бэй-шаня была большей, чѣмъ Нань-шаня, хотя и тутъ многія точки и даже цѣлые гребни подымались до высоты 8—9 тысячъ футовъ.

Въ концѣ мѣловой эпохи Ханхайское море стало наступать съ востока на Центральную Азію. Оно залило, какъ выше было замѣчено, всѣ продольныя долины Нань-шаня, но въ предѣлахъ Бэй-шаня проникло лишь заливами или рукавами, изъ коихъ самый широкій совпадалъ съ направленіемъ нынѣшней Эцзинголской долины. Въ одинъ изъ моментовъ существованія этого моря въ области Нань-шаня обнаружились грандіозные горообразовательные процессы, которые и приподняли Нань-шань'скіе хребты до современной ихъ высоты. Ханхайское море отступило, но затѣмъ оно еще разъ залило подгорье Нань-шаня, смывая на своемъ пути вновь образовавшіяся складки изъ толщъ, отложившихся на его же днѣ нѣсколько ранѣе.

На сѣверной окраинѣ Бэй-шаня дислокаціонные процессы закончились еще раньше, чѣмъ на южной. Они ознаменовались грандіозными сбросами на востокѣ и флексурнымъ изогнутіемъ пластовъ на западѣ, обусловившими образованіе открытой нами впадины вдоль подножій Тянь-шаня. Такой сбросъ представляетъ уже Тянь-шань къ западу отъ Чоглу-чай'ской гряды, далѣе же къ югу ступенчатое пониженіе замѣчается въ юрскихъ [1]) угленосныхъ кварцевыхъ песчаникахъ [2]), съ которыми несогласно пластуются (напримѣръ, въ окрестностяхъ Турачи) отложенія Ханхайскаго моря. Эта дислокація сопровождалась въ Бэй-шанѣ, какъ и въ Тянь-шанѣ, изверженіями по линіямъ сбросовъ порфировъ, порфиритовъ и мелафировъ. Какихъ-либо признаковъ поднятія

---

[1]) По опредѣленію Обручева; мнѣ неизвѣстно однако, чѣмъ руководствовался Обручевъ, давая такое опредѣленіе.

[2]) Кварцевые песчаники эти, какъ кажется, вновь выступаютъ на дневную поверхность южнѣе ст. Янь-дунь.

Карлыкъ-тага въ эту эпоху, по крайней мѣрѣ на южныхъ его склонахъ, мною обнаружено не было. Его южная подошва, образованная хлоритовыми діабазами и эпидотовыми и хлоритовыми гранитами, прорѣзанными жилами плотнаго хлоритоваго діабаза, покрыта только аллювіемъ; равнымъ образомъ и въ глубинѣ горъ я нигдѣ не видѣлъ какихъ-либо слѣдовъ новѣйшихъ морскихъ отложеній, такъ какъ весь хребетъ состоитъ изъ свиты массивныхъ породъ и кристаллическихъ и полукристаллическихъ сланцевъ [1]). Впервые ханхайскія отложенія на пути отъ Карлыкъ-тага къ югу встрѣчены южнѣе Моргол'ской гряды, что, впрочемъ, и было уже отмѣчено выше.

Выше мы видѣли, что Принаньшанской впадины тамъ, гдѣ ее ищетъ Обручевъ, и въ томъ объемѣ, который онъ ей придаетъ, не существуетъ въ дѣйствительности. Не смотря на позднѣйшую дислокацію въ области Нань-шаньскихъ горъ, мѣстность, разстилающаяся вдоль сѣверной ихъ подошвы, успѣла вполнѣ сохранить всѣ особенности рельефа Бэй-шаня и въ настоящее время представляетъ рядъ мульдъ, вытянутыхъ то въ WNW—OSO направленіи, то въ направленіи NO—SW.

Самая обширная изъ этихъ мульдъ—западная, вмѣщающая нижнее теченіе р. Су-лай и котловину оз. Хала-чи (оз. Хара-норъ). На востокѣ она упирается въ гряду Сань-сянь-цзы, которая, пересѣкая долину р. Су-лай-хэ, почти сливается съ горами Бэй-шаня, близко подходящими здѣсь къ руслу названной рѣки и вновь отклоняющимися на сѣверъ, лишь немного не доходя до меридіана

---

[1]) Ср. Пржевальскій—«Третье путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 65, и Потанинъ—«Очерки сѣверо-западной Монголіи», II, стр. 157.

Я думаю, что Карлыкъ-тагъ не моложе Бэй-шань'скихъ горъ, а такъ какъ съ одной стороны онъ примыкаетъ къ кряжу Мэчинъ-ола, въ которомъ нельзя не видѣть южной складки Алтая, а съ другой находится въ несомнѣнной связи съ Бэй-шанемъ, если только не представляетъ его передовой гряды, то я и считалъ возможнымъ еще съ дороги писать, что Бэй-шань, связывая Алтай съ Нань-шанемъ, въ горахъ Карлыкъ-тагъ достигаетъ огромной высоты («Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ.», XXVII, стр. 42). И дальше: если же ограничивать эту горную страну на сѣверѣ Тянь-шанемъ (т. е. Карлыкъ-тагомъ), а на югѣ Нань-шанемъ, то «въ ея предѣлахъ уже не найдется ни одного хребта, который имѣлъ бы относительную высоту, бо́льшую 2.000 ф.» (ib., стр. 57)—высота для Гоби, гдѣ я ожидалъ встрѣтить пригорки не свыше 300 ф., конечно, большая. Но Обручевъ не пожелалъ обратить на эти строчки вниманія, когда иронизировалъ на мой счетъ и писалъ свои замѣчанія, имѣвшія цѣлью умалить значеніе достигнутыхъ нашей экспедиціей результатовъ. Эта обручевская манера писать, впрочемъ, уже знакома читателю и въ свое время была отмѣчена Коншинымъ, у котораго мы читаемъ: «Вся полемика (по вопросу объ Узбоѣ) въ перечисленныхъ статьяхъ, несмотря на нерѣдкое проявленіе страстности, велась поименованными авторами, за исключеніемъ Обручева, въ формѣ спора, отнюдь не выходящаго изъ границъ приличія» и т. д. («Разъясненіе вопроса о древнемъ теченіи Аму-дарьи» въ «Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общей географіи», XXXIII, № 1, стр. 8).

укр. Чи-дао-гоу. Это отклоненіе невелико, и уже нѣсколько верстъ дальше Бэй-шань вновь подходитъ къ плёсу Су-лая, оставляя между собою и этимъ послѣднимъ неширокую (отъ 3 до 8 верстъ) полосу земли, въ обводненныхъ мѣстахъ поросшую камышомъ, въ остальныхъ—лишенную всякой растительности, если не считать изрѣдка попадающихся кустиковъ Eurotia ceratoides и чія. Такой рельефъ мѣстности далъ мнѣ поводъ писать, что не только рисуемыхъ на нашихъ картахъ озеръ Чинъ-шэнъ-хэ и Хуа-хай-цзы не существуетъ въ настоящее время, но что они здѣсь и существовать не могли. Равнымъ образомъ, какъ мы ниже увидимъ, едва-ли существовало къ востоку отъ послѣдняго, по крайней мѣрѣ въ историческое время, и оз. Алакъ-чій.

Съ этимъ выводомъ, однако, не соглашается Обручевъ, который пишетъ, что названныя озера, «оставивъ послѣ себя болота, солончаки и заросли камышей, проходимые мѣстами не во всякое время года вслѣдствіе топкаго грунта», несомнѣнно должны были существовать еще въ историческое время, такъ какъ «иначе не были бы показаны на китайскихъ картахъ» [1]).

Такъ какъ Обручевъ шелъ къ Бэй-шаню по нашимъ слѣдамъ, то мнѣ совершенно ясно, что принялъ онъ за слѣды «историческаго» озера Хуа-хай-цзы. Это—въ монгольскія времена [2]) искусственно затоплявшіяся пространства, примыкающія къ р. Булунгиру. По прорытому тогда руслу и въ настоящее время воды этой рѣки проникаютъ довольно часто на сѣверъ, добѣгая до колодца Сыдунь и образуя здѣсь то, что въ низовьяхъ р. Оби туземцы зовутъ «соръ». Но развѣ такія искуственныя обводненія можно называть озерами? Что же касается ссылки Обручева на китайскія карты, то я долженъ по сему поводу сказать нижеслѣдующее.

На картѣ д'Анвиля, изданной въ 1737 г. [3]), озера Чинъ-шэнъ-хэ и Хуа-хай-цзы не показаны вовсе; не показаны они и на позднѣе изданныхъ—картѣ Гримма (1833 г.) [4]), составляющей копію съ карты Клапрота, и картахъ Іакифа [5]). *Впервые же* они появ-

---

[1]) Ibid., стр. 282.

[2]) Такъ говоритъ преданіе; но, можетъ быть, подобныя же обводненія производились здѣсь и раньше, въ уйгурскія, напримѣръ, времена?

[3]) «Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Thibet», 1737. Копія этой карты издана была въ Россіи въ 1793 г. и составила 39 и 40 листы «Новаго атласа или собранія картъ всѣхъ частей земнаго шара», изд. въ Санктпетербургѣ.

[4]) «Atlas von Asien», zu C. Ritter's allgemeiner Erdkunde, II Abtheil., 1 Liefer., entworfen und bearbeitet von Grimm, 1833. Herausgeg. durch C. Ritter und T. O'Etzel.

[5]) Эти карты приложены къ «Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», къ 2 ч. «Исторіи Тибета и Хухунора» и къ 3 ч. «Собранія свѣдѣній о народахъ Средней Азіи».

ляются на китайской картѣ Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту, *изданной въ 1864 г.*, и съ нея переходятъ уже сперва на карты Рихтгофена, а затѣмъ и на другія карты, издававшіяся въ Европѣ, причемъ составителей ихъ не смущала даже явная несообразность проведенія вьючной дороги поперекъ значительной водной поверхности. Отсюда ясно, что фабрикація означенныхъ озеръ должна быть отнесена къ новѣйшему времени.

Относительно же озера Алакъ-чій вопросъ стоитъ иначе. На картѣ д'Анвиля это озеро (Алакъ-норъ) показано въ устьяхъ двухъ безъимянныхъ рѣчекъ (Чи-ю-хэ и Ма-гэ-чэнъ); на картѣ Гримма мы имѣемъ тутъ уже два озерка: Алтанъ-норъ и Алакъ-норъ; наконецъ, на картахъ Іакинфа безымянныя озера [1]) показаны: западное при устьѣ одного изъ руслъ Булунгира, восточное при устьѣ р. Ма-гэ-чэнъ, берущей начало въ ключахъ и болотахъ Чи-цзинь-ху. Это второе озеро, дѣйствительно, существуетъ; его окрестности изобилуютъ камышевыми зарослями и до настоящаго времени составляютъ достояніе монголовъ — вѣроятныхъ потомковъ чигиньцевъ [2]).

Изъ всего вышеизложеннаго я дѣлаю такой выводъ.

Въ юаньскія времена, когда разселенные въ Юй-мынь'скомъ округѣ монголы нуждались въ лугахъ для зимовокъ, луга эти создавались искусственнымъ спускомъ водъ Булунгира на земли, уровень коихъ не превышалъ рѣчнаго уровня въ половодье. Вотъ эти то временныя водныя пространства, соры, и занесены были на китайскія карты въ качествѣ постоянныхъ озеръ; на картахъ же Іакинфа они фигурируютъ въ видѣ значительной, безымянной, водной поверхности при устьѣ одного изъ руслъ Булунгира. Можетъ быть, это Хуа-хай-цзы китайскаго атласа Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту. Далѣе къ востоку отъ этого періодически затопляемаго пространства находилось и настоящее озеро, составляющее стокъ р. Ма-гэ-чэнъ; оно существуетъ и понынѣ, хотя сократилось въ своихъ размѣрахъ значительно; на картѣ Крейтнера оно носитъ названіе Па-линъ-хай. Засимъ никакихъ другихъ озеръ къ сѣверу отъ большой дороги изъ Юй-мыня въ Су-чжоу нѣтъ и, думаю, быть не могло.

Къ востоку отъ Ань-си—Дунь-хуанской мульды, находится долина, которую можно было бы назвать Юй-мынь'ской. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ она ограничивается горами Сань-сянь-цзы и ихъ

[1]) На картѣ, приложенной къ 3 ч. «Собр. свѣд. о нар. Средн. Аз.», эти озера носятъ названія: западное—Дабасунъ-нора, восточное—Бай-шенту-нора.

[2]) См. выше, стр. 68.

продолженіемъ — кряжемъ Дабанъ-сянь, на югѣ и юго-востокѣ — Наньшань'скимъ подгорьемъ и горами Чи-цзинь-шань. Къ востоку отъ этихъ горъ находится третья мульда, имѣющая почти меридіанальное направленіе; на сѣверѣ она упирается въ Бэй-шань. Ея сѣверо-западной окраиной служитъ плоскій, еле примѣтный увалъ — несомнѣнное продолженіе западной вѣтви горъ Чи-цзинь-шань. Прикрытый нынѣ толщей глины и гальки, онъ представляетъ, вѣроятно, абрадированные Ханъ-хаемъ выходы плотныхъ породъ, послужившіе препятствіемъ къ изліянію водъ Булунгира (абсол. высота уровня — 4.754 ф.) въ нижележащую котловину Инь-пань-фу-цзы (4.255 ф.). Послѣдующія двѣ мульды: Су-чжоу—Гань-чжоу'ская и Лянъ-чжоу'ская, отовсюду ограничены горами и составляютъ совершенное подобіе котловинообразныхъ долинъ, лежащихъ къ сѣверу отъ долины р. Су-лай-хэ, т. е. уже въ предѣлахъ Бэй-шаня.

На этомъ я покончу свои возраженія Обручеву и перехожу къ дальнѣйшему описанію Принаньшанья, вдоль пройденнаго нами пути.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаетъ гряду Сань-сянь-цзы большая дорога, гряда эта имѣетъ въ ширину 7½ верстъ и разбита на три рукава скалистыхъ пригорковъ, имѣющихъ почти одинаковое превышеніе надъ уровнемъ долины р. Су-лай-хэ [1]). Главную массу послѣднихъ, а также почву продольныхъ ложбинъ составляетъ мелкозернистый гнейсъ [2]) съ выдѣленіемъ кварца, пересѣченный въ одномъ только мѣстѣ (въ центральномъ массивѣ) мощной сіенитовой жилой; на обоихъ склонахъ этой гряды гнейсъ прикрытъ мелкозернистымъ, по опредѣленію Лочи [3]), каменноугольнымъ песчаникомъ. Лочи же видѣлъ въ этихъ горахъ выходы слюдяныхъ и амфиболовыхъ сланцевъ, пересѣченныхъ жилами кварцеваго діорита и амфиболоваго гранита, но я думаю, что эти выходы находятся гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ дороги.

Спустившись съ горъ Сань-сянь-цзы и пройдя версты двѣ среди поросшихъ чіемъ и мѣстами занесенныхъ снѣгомъ лёссовыхъ бугровъ, мы вышли къ селенію Шуанъ-та-пу, въ которомъ и остановились. Подобно селенію Сяо-вань, Шуанъ-та-пу состояло изъ нѣсколькихъ, окруженныхъ полями, хуторовъ, группировавшихся вокругъ небольшой крѣпостцы, вмѣщавшей, кромѣ казармъ, кро-

---

[1]) Относительная ихъ высота равняется приблизительно 800 футамъ; абсолютная высота перевала черезъ нихъ—4774 ф.

[2]) Въ I томѣ, стр. 496, ошибочно сказано—гранитъ.

[3]) Op. cit., стр. 557—558.

шечный базаръ и постоялый дворъ. Въ его окрестностяхъ мы снова натолкнулись на сачжоускихъ фазановъ, которые въ числѣ восьми экземпляровъ и попали въ нашу коллекцію.

Только переночевавъ въ Шуанъ-та-пу, мы на слѣдующій день тронулись дальше и, пройдя по льду рѣчку Я-ма-чу, берущую начало въ горахъ Сань-сянь-цзы, вышли на солончаково-глинистую равнину, поросшую чіемъ и мѣстами, на цѣлыя версты, потянутую ледяною корой, которая образовалась вслѣдствіе спуска на степь арычной воды. Кое-гдѣ ледъ этотъ успѣлъ уже растаять и развелъ такую грязь, что намъ пришлось оставить дорогу и идти цѣлиной. Но и здѣсь было не лучше. Размякшая почва сдавалась, и лошади съ трудомъ вытягивали ноги изъ вязкаго солонца. Наконецъ, отойдя отъ станціи 5 верстъ, мы выбрались на болѣе твердый грунтъ, а затѣмъ и на дорогу, которая не замедлила вывести насъ къ пикету Пэнь-чжанъ-жань, расположенному на правомъ берегу рѣчки Чуань-шу-гэ. Отсюда мѣстность вновь получила волнистый характеръ: солончаковая глина смѣнилась лёссомъ, а грязь—пылью, которая при малѣйшемъ порывѣ вѣтра подымалась въ воздухѣ и живою стѣною шла намъ на встрѣчу. Въ одинъ изъ моментовъ затишья мы вдругъ увидѣли впереди себя лѣсъ. Это и были сады Булунгира, въ окрестностяхъ котораго мы разсчитывали дневать. Мы выбрали заброшенный дворъ и подъ защитой его полуразрушенныхъ стѣнъ разбили свой лагерь.

Едва мы успѣли устроиться и напиться чаю, какъ были удивлены появленіемъ китайца, подавшаго намъ визитныя карточки.

— Отъ кого?

Оказалось, что ихъ посылаетъ намъ какой-то ссыльный китайскій чиновникъ, занимавшій еще недавно важный административный постъ, но, благодаря, будто-бы, интригамъ, смѣщенный съ него, лишенный всѣхъ знаковъ отличія, водворенный, такъ сказать, снова въ народъ и теперь доживающій свой вѣкъ въ захолустьѣ, по богдохановскому указу.

— Хочетъ васъ видѣть...

— Что-же, милости просимъ!

Минутъ двадцать спустя показался и ссыльный — пожилой, невысокаго роста китаецъ, который одѣтъ былъ развѣ только немного чище своего слуги. Онъ скромно усѣлся на предложенномъ ему почетномъ мѣстѣ и самъ началъ разсказывать свою грустную повѣсть, изъ которой мы узнали, что онъ несказанно томится въ такой глуши, какой нынѣ является Булунгиръ; что онъ обвиненъ

былъ въ злоупотребленіи властью, въ дѣйствительности же никакого злоупотребленія не было, такъ какъ онъ освободилъ одного преступника не за взятку, а по внутреннему убѣжденію въ его невиновности. Такъ какъ утѣшить его въ его горѣ мы не могли, то и поспѣшили перевести нашу бесѣду на другіе предметы. Къ сожалѣнію, нашъ гость оказался не мѣстнымъ уроженцемъ и ничего не зналъ объ окрестной странѣ. Знакомство это, тѣмъ не менѣе, принесло намъ нѣкоторую пользу: на слѣдующій день онъ много помогъ намъ въ розысканіи украденной у насъ лошади, что, конечно, дало поводъ къ новымъ его посѣщеніямъ и даже взаимнымъ подаркамъ, причемъ мы получили ишака и нѣсколько пачекъ арбузныхъ сѣмячекъ и вермишели.

Насъ онъ принялъ въ кумирнѣ, которая строилась на пожертвованныя имъ средства. Здѣсь былъ сервированъ чай и дессертъ, состоявшій изъ печенья, сахара и засахаренныхъ фруктовъ; прислуживали хошани. Почему онъ предпочелъ принять насъ именно здѣсь, а не у себя на дому—мы не знали, но обстановка, въ которой мы очутились, оказалась крайне оригинальной.

Небольшая кумирня представляла деревянную постройку, возведенную на высокомъ фундаментѣ, почти въ уровень съ полуразвалившейся стѣной Булунгира. Ея фасадъ былъ открытъ и обращенъ въ сторону пустыря, заключеннаго въ названныхъ стѣнахъ, на противуположномъ концѣ котораго виднѣлись небольшія мазанки, скромно ютившіяся подъ сѣнью огромныхъ тополей; внизу стояли наши лошади и окружавшая ихъ толпа зѣвакъ, не спускавшая глазъ со стола, за которымъ сидѣли братъ мой и я. Мы чувствовали себя точно на подмосткахъ и вдобавокъ стѣснялись въ необычной для насъ компаніи ярко размалеванныхъ истукановъ [1]), которые обступили насъ со всѣхъ сторонъ и въ которыхъ стоявшая внизу толпа видѣла изображенія высшихъ существъ. Это сознаніе невольно связывало свободу нашихъ движеній, а тутъ еще рѣзала глаза и чрезвычайная яркость, вообще, балаганная внѣшность всей

---

[1]) На заднемъ планѣ, одѣтый въ шелка, возсѣдалъ на возвышеніи жирный Та-мо. У подножія этого возвышенія стояла женоподобная фигура Гуань-инь. Далѣе, справа и слѣва, слѣдовали, выстроенные шеренгами «шани»: пестро разодѣтый Юй-ди, окруженный воинами—Линь-гуаномъ съ краснымъ лицомъ и Ву-гю съ чернымъ, Шао—съ большой сѣдой бородой и краснымъ лицомъ и др.; на флангахъ стояли гуи—діаволы, которыхъ противуполагаютъ добрымъ геніямъ—шанамъ, причемъ Гуй-Синь почему-то имѣлъ бирюзоваго цвѣта лицо.

Такимъ образомъ въ этой кумирнѣ были собраны буддійскія божества (Та-мо и Гуань-инь) и боги даосовъ (всѣ остальные)—смѣшеніе довольно обычное въ Китаѣ, гдѣ говорятъ: «сань-цзяо-и-цзяо», т. е. три вѣроученія (конфуціанство, даосизмъ и буддизмъ) одна религія, и «сань-цзяо-и-дао», т. е. три вѣроученія, но одно творящее начало.

обстановки кумирни... Нечего и говорить, что мы постарались, на сколько то дозволяли приличія, сократить этотъ визитъ...

Современный Булунгиръ представляетъ небольшое селеніе, пріютившееся въ сѣверо-восточномъ углу обширной и высокой ограды, намѣчающей границы стараго города, о которомъ китайская исторія упоминаетъ еще въ XV вѣкѣ [1]). Говоря «старый городъ», я выражаюсь, впрочемъ, не вполнѣ точно. Булунгиръ никогда не былъ городомъ въ общепринятомъ значеніи этого слова; это была хырма — резиденція какого-нибудь монгольскаго князька, ограда, защищавшая его становище отъ неожиданныхъ нападеній сосѣдей. Оттого-то пустошь, заключенная въ этихъ стѣнахъ, и не хранитъ слѣдовъ какихъ-либо глинобитныхъ построекъ, а самыя стѣны не имѣютъ, какъ въ китайскихъ городахъ, фланкирующихъ башенъ, зубцовъ и валганга.

Въ его окрестностяхъ мы въ послѣдній разъ охотились на сачжоускаго фазана [2]). Сверхъ же того въ его садахъ мы добыли для коллекціи: Falco regulus, Pall., Cerchneis tinnunculus, L., Emberiza schoeniclus, L., Leptopoecile Sophiae, Sew., Saxicola deserti, Temm., Sax. montana, Gould, и Ruticilla erythrogastra Sewerzowi, Lor. Menzb. Впрочемъ, успѣху этой охоты въ значительной мѣрѣ мѣшали вѣтры, дувшіе съ особенной напряженностью и притомъ поперемѣнно то съ востока, то съ запада; 7 марта выпалъ даже снѣгъ — сухой, мелкій, иглистый, но пролежалъ недолго, скорѣе испарившись, чѣмъ стаявъ подъ лучами солнца, показывавшагося лишь изрѣдка и притомъ на одно лишь мгновеніе.

8 марта мы покинули Булунгиръ и вышли на степь, поросшую чіемъ. Дорога круто отклонилась къ юго-востоку и на шестой верстѣ пересѣкла рѣчку Ши-дао-гоу, на правомъ берегу которой виднѣлось небольшое селеніе Ши-дао. Тою же степью мы прошли еще шесть верстъ до слѣдующаго селенія, которое расположено было на краю довольно крутого оврага, по которому протекала рѣчка Чжу-дао-гоу. Подобный же оврагъ, но гораздо шире и глубже, пересѣкли мы и двѣ версты дальше. По дну его протекала рѣчка Па-дао-гоу, пользующаяся у извощиковъ дурной славой, такъ какъ лѣтомъ ея разливы образуютъ невылазныя топи. Обходя послѣднія, дорога дѣлаетъ здѣсь излучину, отклоняющую ее отъ плёса Булунгира верстъ на десять; но и эта излучина, очевидно,

[1]) См. выше, стр. 90.

[2]) Эти фазаны встрѣчались намъ и дальше, до селенія Сань-дао, но лишь отдѣльными экземплярами.

еще недостаточна, такъ какъ мы видѣли колеи, уходившія еще далѣе въ сторону.

Оврагъ Па-дао-гоу, да и пройденный ранѣе Чжу-дао-гоу, изобилуютъ ключами, питающими обѣ эти рѣчки, которыя, не смотря на свое стремительное теченіе, успѣваютъ разбѣгаться ручейками во всю ширь овраговъ, образуя водную сѣть среди густыхъ зарослей тростника. Эти мѣста—приволье для голенастыхъ и плавающихъ, и, дѣйствительно, мы здѣсь видѣли бѣлыхъ цапель, черныхъ аистовъ, куликовъ, гусей, турпановъ и утокъ во множествѣ. Нечего и говорить, что это обиліе водяной птицы разожгло аппетиты нашихъ охотниковъ, которые, сдавъ своихъ лошадей товарищамъ, незамедлили открыть ожесточенную пальбу, въ особенности по кряковнымъ уткамъ.

Они насъ догнали, когда мы подходили уже къ Чи-дао-гоу. Ихъ трофеи состояли изъ десятка утокъ (Anas boscas, Dafila acuta) и одного экземпляра Nyroca ferruginea, Gmel., для коллекціи.

Чи-дао — такое же небольшое укрѣпленьице, какъ и Сяо-вань [1]), но оно оказалось оставленнымъ; равнымъ образомъ покинуты были и близъ лежащіе хутора. Только въ одномъ изъ нихъ мы нашли старика китайца, согласившагося продать намъ нѣсколько пудовъ камыша и просяной соломы. Чи-дао расположенъ на арыкѣ, выведенномъ изъ р. Чи-дао-гоу; зимой же вода получается изъ колодцевъ: ее немного, она находится глубоко, но хорошаго качества.

Рѣчка Чи-дао-гоу протекаетъ въ 5 верстахъ къ востоку отъ укрѣпленія Чи-дао. Ея ложе также глубоко врѣзалось въ почву, которая стала все болѣе и болѣе напоминать лёссъ; все же, однако, и тутъ этотъ желтый мелкоземъ имѣлъ мѣстами яснослоистое сложеніе и содержалъ въ обиліи гальку и гравій. За этой рѣчкой, къ сторонѣ Су-лай-хэ, мы увидѣли лѣсъ, который уходилъ далеко на востокъ и, сопровождая теченіе послѣдней верстъ на двадцать, заканчивался на лѣвомъ берегу рѣчки Мѣ-дао-гоу. Такихъ значительныхъ и притомъ сплошныхъ древесныхъ насажденій мы нигдѣ болѣе не встрѣчали въ равнинномъ Китаѣ.

Пройдя ключевыя рѣчки Лю-дао-гоу и У-дао-гоу и миновавъ развалины импаня [2]) и нѣсколькихъ хуторовъ, мы на 11 верстѣ

---

[1]) Благодаря близости его къ рѣчкѣ Па-дао-гоу, его называютъ также Па-дао. Подъ этимъ именемъ оно и упоминается въ дорожникѣ XVIII вѣка. См. Іакинфъ — «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 236.

[2]) Далѣе по пути къ Юй-мыню мы встрѣтили немало подобныхъ же заброшенныхъ импаней; всѣ они были выстроены во времена Цзо-цзунъ-тана.

отъ Чи-дао пересѣкли широкій, каменистый и глубоко врѣзанный въ почву плёсъ рѣки Сы-дао-гоу—одного изъ рукавовъ, на которые разбивается по выходѣ изъ горъ, въ уроч. Да-ба [1]), Булунгиръ. Отсюда дорога вступила въ лѣсъ. Иначе я не умѣю назвать эти обширныя поросли вяза [2]) и тополя, къ которымъ въ оградахъ, близъ многочисленныхъ здѣсь хуторовъ, примѣшивались джигда (Eleagnus hortensis), яблони и абрикосовыя деревья. Среди этого лѣса мелькали и пашни. И когда мы спросили, какъ называется вся эта мѣстность, то намъ объяснили, что все пространство отъ рѣки Сы-дао-гоу до рѣки Мѣ-дао-гоу носитъ одно общее названіе Сань-дао, по имени главной водной артеріи оазиса — рѣки Сань-дао-гоу, текущей черезъ него двойнымъ русломъ и въ такомъ же каменистомъ и глубоко врѣзанномъ ложѣ, какъ и р. Сы-дао-гоу. Эту р. Сань-дао-гоу мы пересѣкли на 14 верстѣ отъ Чи-дао; полторы версты дальше мы прошли мимо импаня и, наконецъ, вступили въ большое базарное селеніе Сань-дао, расположенное на лѣвомъ обрывистомъ берегу р. Мѣ-дао-гоу, составляющей восточный рукавъ р. Сань-дао-гоу. Черезъ Мѣ-дао-гоу имѣется мостикъ для пѣшеходовъ; телѣгамъ же предоставляется проѣзжать ее въ бродъ, что не такъ-то легко, благодаря крутому спуску къ рѣкѣ. Такъ какъ намъ не было разсчета останавливаться въ танѣ, то мы перешли на правый берегъ р. Мѣ-дао-гоу и разбили свой бивуакъ въ оградѣ заброшеннаго хутора, уже полузасыпаннаго пескомъ.

Въ Сань-дао мы впервые послѣ Хами нашли въ продажѣ люцерну и притомъ по сходной цѣнѣ, такъ какъ платили за сотню большихъ сноповъ три рубля на русскія деньги.

Сильный вѣтеръ съ сѣверо-запада, перешедшій къ 8 ч. у. слѣдующаго дня въ бурю, задержалъ наше выступленіе въ дальнѣйшій путь до 10 ч. у., когда наступило временное затишье. Мы имъ воспользовались для сборовъ, но не успѣли поравняться съ ближайшимъ импанемъ, въ которомъ стояло нѣсколько десятковъ солдатъ, какъ сильный порывъ вѣтра явился предвѣстникомъ новой бури. Она разыгралась нѣсколько минутъ спустя. Тучи пыли неслись намъ въ догонку и до боли били насъ въ лицо крутящимся въ воздухѣ пескомъ.

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ урочищѣ мы находимъ у Козлова («Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1895, XXXI, 5, стр. 440—441).

[2]) Нѣкоторые экземпляры вязовъ (карагачей, Ulmus sp.) поражали своими необычайными размѣрами.

— Бѣда, не могу вести съемку... Ничего впереди не вижу и отчаянно смерзъ...

Дѣйствительно, можно было пожалѣть брата; но помочь ему было нечѣмъ. Къ тому же мы почти тутъ же потеряли дорогу.

— Фатѣевъ, вѣдь ты идешь цѣлиной...

— Такъ точно, давно ужъ такъ-то идемъ.

Пришлось остановить караванъ и послать казаковъ на розыски пути. Оказалось, что мы шли прямо на востокъ, а дорога отъ импаня свернула на юго-востокъ.

Выйдя на нее у рѣчки Ту-дао-гоу, протекавшей въ широкой долинѣ съ пологими берегами, мы безъ особенныхъ приключеній добрались до развалинъ, расположенныхъ вдоль берега р. Эръ-дао-гоу; но миновавъ ихъ и пройдя эту рѣчку, мы вновь заблудились. Буря достигла здѣсь наибольшей напряженности; порывы ея участились до того, что слились въ непрерывный токъ воздуха удивительной силы, несшій пыль сплошной, непроницаемой для глаза, стѣной.

— Ну теперь насъ выручитъ только компасъ!

И съ этими словами братъ поѣхалъ впередъ. Вскорѣ, дѣйствительно, мы наѣхали на селеніе—группу большей частью заброшенныхъ фанзъ. Подъ защитой ихъ стѣнъ мы нѣсколько оправились, да и буря стала быстро стихать.

Но гдѣ же Николай со своими баранами?

Отставъ отъ насъ гдѣ-то еще за Ту-дао-гоу, онъ оказался теперь впереди насъ, нигдѣ не сбившись съ пути. Его велъ нашъ джаркентецъ, неуклонно державшійся колеи избранной нами дороги. Нельзя было не остановиться и не приласкать этого замѣчательнаго барана, который съ большимъ достоинствомъ подошелъ на нашъ зовъ и, получивъ кусокъ хлѣба, какъ должное за свою вѣрную службу, столь же гордо удалился на свое обычное мѣсто — во главѣ бараньяго стада.

За селеніемъ древесныя насажденія кончились, а дальше потянулась каменистая пустыня, производящая своимъ видомъ странное впечатлѣніе, благодаря столообразнымъ возвышеніямъ, сложеннымъ изъ гальки (главнымъ образомъ, голубовато-сѣраго кремнистаго сланца), сцементированной красной глиной. Большинство этихъ возвышеній имѣло отъ 3 до 8 футовъ высоты, но попадались и обдутыя вѣтромъ гривки, высотой въ нѣсколько саженъ.

Каменистая почва степи, не доходя р. Та-ча-хо, смѣнилась лёссовой, поросшей колючкой (Alhagi camelorum), ирисами, чіемъ и

другими травянистыми растеніями. Здѣсь снова появились деревья, а за ними вскорѣ показались и высокія стѣны Юй-мыня.

Рѣка Та-ча-хо показалась мнѣ не рѣчнымъ русломъ, а магистральнымъ арыкомъ, до того напоминала она канавообразной формой своего ложа искусственныя сооруженія этого типа; но если это и такъ, то теперь уже никто изъ туземцевъ не помнитъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести проведеніе этого канала. Равнымъ образомъ никто изъ нихъ не можетъ сказать, кѣмъ и когда были возведены высокія и толстыя стѣны, развалины коихъ почти вплотную примыкаютъ къ современнымъ стѣнамъ Юй-мыня.

Исторія же говоритъ намъ слѣдующее.

Городъ этотъ основанъ былъ въ 111 г. до Р. Хр. и названъ Юй-мынь-гуанемъ [1]). Въ III вѣкѣ по Р. Хр. онъ переименованъ былъ въ Гуй-цзи-цзюнь и сдѣланъ областнымъ [2]), но это названіе продержалось лишь до конца VI вѣка, когда ему вновь возвращено было его прежнее наименованіе—Юй-мынь. Въ VIII вѣкѣ имъ овладѣли тибетцы, въ половинѣ IX—уйгуры, съ 1028 же года здѣсь утвердились тангуты. При Юаняхъ его окрестности отошли подъ кочевья монголовъ, съ чѣмъ вмѣстѣ пало и значеніе Юй-мыня, какъ административнаго центра [3]); послѣдній перемѣстился въ Чигинь, о чемъ сообщаетъ намъ, между прочимъ, и Марко Поло [4]). Въ

---

[1]) См. выше, стр. 8.

[2]) У Іакинфа («Описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XLIV) сказано: «Юй-мынь основанъ былъ при династіи Хань, но послѣ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто». Къ сожалѣнію, при этомъ не пояснено, откуда перенесенъ и къ какой эпохѣ должно относиться это перенесеніе. У Бретшнейдера («Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources», II, стр. 215, note 999) читаемъ однако: Yü-men-kuan stood on the same place where now-a-days the city of Yü-men-hien lies».

[3]) Существовалъ-ли, однако, вообще этотъ городъ въ юаньскій періодъ? На это мы не имѣемъ указаній; но при Минахъ здѣсь находилось поселеніе, называвшееся Нижнимъ Дариту. Такъ, по крайней мѣрѣ, со словъ китайскихъ историковъ, говоритъ намъ Успенскій на стр. 88 своего сочиненія—«Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай». Къ этому вопросу мы будемъ имѣть, впрочемъ, случай вернуться еще разъ въ слѣдующей главѣ.

[4]) Марко Поло пишетъ: «За округомъ Комулемъ слѣдуетъ земля Чингинталасъ, которая на сѣверѣ граничитъ съ пустынею; она въ длину имѣетъ 16 дней ѣзды; въ ней много городовъ и замковъ». «Отсюда на востокъ приходится ѣхать по мѣстности, гдѣ въ продолженіе 10 дней ѣзды встрѣчаемъ только изрѣдка какое-нибудь жилище вплоть до округа Сухура (Су-чжоу), гдѣ много селеній и городовъ». Въ книгѣ Юля первая фраза изложена нѣсколько иначе: «Chingintalas is also a province at the verge of the Desert, and lying between north-west and north» (Yule—«The book of Ser Marco Polo, the Venetian», I, стр. 214).

Послѣдній изъ комментаторовъ Марко-Поло — архимандритъ Палладій, въ своей статьѣ «Elucidations of Marco Polo's travels in North-China drawn from Chinese sources», помѣщенной въ «Journal of the North-China branch of the Royal Asiatic Society», new series, № X, 1876, стр. 7, высказываетъ по этому поводу нижеслѣдующія соображенія.

«Предполагая, что подъ именемъ Чингинталасъ Марко Поло упоминаетъ о мѣстности, лежащей на пути его слѣдованія между Ша-чжоу и Су-чжоу, естественно думать, что это долина

1726 г. Чигиньскій, теперь уже Чи-цзинь'скій, военный округъ былъ упраздненъ, а земли его присоединены къ округу Цзинъ-ни-

---

Чигинь. Чигинь есть, собственно, названіе озера («чигинь» есть слово монгольское и обозначаетъ — «ухо»); отъ него уже получило свое названіе и ущелье; озеро находится у большой дороги изъ Цзя-юй-гуаня въ Ань-си. Насколько знаю, имя Чигинь впервые упоминается въ китайской исторіи только послѣ изгнанія монголовъ изъ Китая. Когда войска основателя Минской династіи изгоняли монголовъ изъ предѣловъ внутренняго Китая, они нашли за предѣлами послѣдняго, къ западу отъ Цзя-юй-гуаня нѣсколько монгольскихъ аймаковъ, которые и поспѣшили признать себя вассалами китайскаго императора (см. выше, стр. 67 и слѣд.); между этими аймаками былъ одинъ, владѣвшій окрестностями озера Чигинь и состоявшій изъ пятисотъ семействъ. Здѣсь было устроено военное окружное управленіе, во главѣ котораго былъ поставленъ сынъ главы аймака. Это случилось въ 1370 — 1380 годахъ, и съ этихъ поръ во всѣхъ географическихъ и историческихъ китайскихъ сочиненіяхъ временъ династіи Минъ, отдѣльная глава посвящалась «Чигинь-вэю» и «Чигинь-мэнъ-гу», т. е. «монголамъ Чигиня». Къ половинѣ XV вѣка джагатайскіе султаны овладѣли Восточнымъ Туркестаномъ (не Восточнымъ Туркестаномъ, а только Турфаномъ и Хами) и, изгнавъ изъ Хами Чингисханидовъ восточной вѣтви, простерли свои набѣги до Су-чжоу. Въ виду сего китайское правительство перевело чигиньцевъ и другихъ монголовъ за Великую Стѣну и поселило въ Су-чжоу'скомъ округѣ (не въ Су-чжоу'скомъ, а въ Ганьчжоу'скомъ; вообще же судьба чигиньцевъ была нѣсколько иной; см. выше, стр. 68). Во время войны Канъ-си съ джунгарами военный постъ Чигинь былъ возстановленъ, но когда миръ былъ заключенъ, то его вновь упразднили, низведя до степени пикета и почтовой станціи, причемъ управленіе краемъ перенесено было въ Ань-си.

Во времена династіи Минъ Чигинь'скій округъ славился разными естественными богатствами: «ганъ-ша» (амміачными квасцами), нефтью, «цунъ-юй'омъ» (Orobanche borealis), золотымъ пескомъ, находимымъ въ сѣверныхъ «Черныхъ холмахъ», и т. д. Такимъ образомъ, китайскія извѣстія объ этой странѣ вполнѣ согласны съ тѣмъ, что говоритъ намъ объ ней и Марко Поло (онъ упоминаетъ о желѣзѣ, сѣрнистой сурьмѣ и азбестѣ, но ничего не говоритъ о вышеупомянутыхъ произведеніяхъ), и единственно, что препятствуетъ намъ отождествить «Чингинталасъ Марко Поло съ долиной Чигинь, это приводимыя венеціанскимъ путешественникомъ разстоянія. Между Чигинемъ и Су-чжоу считаетея отъ 250 до 260 ли, по разсчету же Марко Поло десять дней пути. Поэтому надо допустить одно изъ двухъ: либо Чингинталасъ не «долина Чигинь», либо Марко Поло ошибся, память ему измѣнила. Послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ подобныя ошибки часто (?) встрѣчаются въ описаніяхъ Марко Поло; однако, я предоставляю читателю дѣлать свои заключенія изъ вышеприведенныхъ фактовъ и цифръ».

Въ сообщеніи Марко Поло о странѣ Чингинталасъ нельзя не обратить вниманія на ея значительные размѣры: въ длину она имѣла 16 дней пути. Это, стало быть, уже не котловина Чигинь, а область, обнимавшая, можетъ быть, нынѣшніе округа Ань-си и Юй-мынь. Отъ Ань-си до Цзя-юй-гуани насчитывается 224 версты (а по Сосновскому—234). Если допустить, что память Марко Поло ему не измѣняла и что, дѣйствительно, онъ прошелъ это разстояніе въ 16 дней, то окажется, что его переходы въ среднемъ равнялись 14 верстамъ—разстояніе, которое, пожалуй, не покажется черезчуръ малымъ, если вспомнить, что Марко Поло шелъ съ торговымъ караваномъ и что въ его интересахъ было не обходить населенныхъ мѣстъ. Разстояніе между Лобомъ и Са-чжоу, правда, было пройдено имъ сравнительно скорѣе, но все же и тутъ ему понадобилось времени на десять дней больше, нежели Козлову. Если же принять цифру 14 верстъ за среднюю скорость движенія маркополовскаго каравана, то окажется, что его Чингинталасъ долженъ лежать въ 140 верстахъ къ западу отъ Су-чжоу, а на такомъ именно разстояніи отъ послѣдняго находится городъ Юй-мынь (по нашему вычисленію между Юй-мынемъ и Су-чжоу 131 в., по вычисленію же Сосновскаго 142 в.). Такой выводъ, какъ будто, подтверждается и китайскими извѣстіями о прошломъ Юй-мыня. Не выясненнымъ остается лишь то, какимъ образомъ маленькое озеро Чигинь (Чи-цзинь-ху) могло передать свое названіе всей странѣ отъ Ань-си до Цзя-юй-гуаня? Не слѣдуетъ-ли объяснять это такъ, что Приналышанье къ западу отъ Великой Стѣны составляло владѣніе одного аймака (по крайней мѣрѣ въ исходѣ XIII вѣка), главари котораго имѣли свое мѣстопребываніе попеременно то въ Чигиньской долинѣ, то на среднемъ теченіи Булунгира (въ Юй-мынѣ, но можетъ въ хырмѣ Булунгира?).

тинъ [1]), о которомъ мы знаемъ лишь то, что въ его предѣлахъ находились верховья р. Булунгира. Засимъ, въ 1760 г., послѣдовала новая административная перемѣна, ознаменовавшаяся перенесеніемъ центра управленія краемъ въ современный Юй-мынь [2]). У Іакинфа [3]) мы находимъ, однако, указаніе, что городъ этотъ первоначально имѣлъ всего лишь 2 ли, т. е. не болѣе 500 саженъ, въ окружности, что позволяетъ намъ думать, что помянутыя развалины стѣнъ и служатъ остатками Юй-мыня прошлаго вѣка; когда же состоялась постройка новаго Юй-мыня, этого китайскія лѣтописи не сообщаютъ.

Соглашаясь съ архимандритомъ Палладіемъ, что «Чингинталасъ» Марко Поло слѣдуетъ искать гдѣ-либо близъ Юй-мыня, я тѣмъ самымъ отвергаю гипотезу Потье (Pauthier «Le livre de Marco Polo», стр. 160), пріурочивающаго эту страну къ юго-восточной Джунгаріи.

[1]) «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 481.

[2]) На картѣ д'Анвиля, изданной въ 1737 году, этотъ городъ не показанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, не показанъ и городъ Цзинъ-ни-тинъ.

[3]) «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XLIV.

ГЛАВА VI.

Большой дорогой изъ Юй-мыня въ Су-чжоу.

Мы расположились бивуакомъ внутри старыхъ городскихъ стѣнъ.

Едва мы здѣсь устроились, какъ нашъ лагерь былъ наводненъ большой толпой туземцевъ, по типу отличавшихся отъ прочихъ китайцевъ: они имѣли очень смуглый, почти бронзовый цвѣтъ кожи, сильно выдававшіяся скулы, небольшіе, но прямо поставленные глаза, а нѣкоторые изъ нихъ и крупные носы, что ясно указывало на ихъ смѣшанное происхожденіе и замѣтную примѣсь тангутской крови.

Кто-то изъ этой толпы укралъ у насъ термометръ, другой — полотенце, и это дало намъ предлогъ разогнать докучливыхъ посѣтителей. На сцену тотчасъ же явились солдаты, вызванные какимъ-то чиновникомъ, а засимъ, въ теченіе всего остальнаго времени, проведеннаго нами подъ стѣнами Юй-мыня, туземцы уже не безпокоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Это было очень любезно со стороны китайскихъ властей и вызвало, послѣ изъявленной нами десятнику (ба-цзуну) благодарности, обмѣнъ визитными карточками съ чжи-сянемъ и начальникомъ мѣстнаго гарнизона [1]). Послѣдній поспѣшилъ даже намъ лично представиться. Это былъ высокій, сухой старикъ, съ лицомъ, мало напоминавшимъ китайца. Дѣйствительно, это былъ не китаецъ.

— Я его знаю, замѣтилъ мнѣ Сарымсакъ. Это всѣмъ извѣстный дунганинъ Ма-да, измѣнникъ и главный виновникъ паденія Манаса...

---

[1]) Гарнизонъ состоялъ изъ двухъ сотенъ луиновъ (войскъ зеленаго знамени), помѣщавшихся не въ городѣ, а въ рядомъ съ нимъ выстроенномъ импанѣ.

И при этомъ онъ разсказалъ мнѣ то, что уже извѣстно читателю [1]).

Юй-мынь небольшой, но чистенькій городокъ. Дома его малы и низки, но ихъ неприглядная архитектура скрашена развѣсистыми тополями. Улицы узки; даже главная изъ нихъ, ведущая отъ сѣверо-западныхъ воротъ къ ямыню и дѣлающая здѣсь крутой поворотъ къ юго-восточнымъ воротамъ, не шире двухъ саженъ и еле достаточна для проѣзда двухъ телѣгъ рядомъ. Вдоль этой улицы вытянуты лавки базара. Эти лавки—скорѣе лари, гдѣ продается товара на десятокъ рублей; здѣсь всего мало и притомъ все дороже, чѣмъ въ Ань-си и базарномъ селеніи Сань-дао. Въ Юй-мынѣ, нѣтъ пустопорожнихъ пространствъ, нѣтъ и развалинъ. Населеніе, стѣсненное городскими стѣнами, скучилось внутри этихъ послѣднихъ и, очевидно, дорожитъ здѣсь каждою пядью земли. Не смотря на эту тѣсноту, городъ оставляетъ по себѣ очень пріятное впечатлѣніе. Уже подъѣзжая къ нему, поражаешься непривычной картиной прекрасно содержанныхъ стѣнъ [2]); въѣзжаешь во внутренній, облицованный кирпичомъ, дворикъ воротъ [3]), оттуда на улицу, и вездѣ видишь ту же, столь необычайную для китайскаго города, чистоту и порядокъ.

Юй-мынь мы покинули 12 марта.

За городомъ развернулась травянистая равнина, по которой-небольшими островками разбросаны были, окруженные деревьями, хутора. Вдоль этой равнины, т. е. съ юга на сѣверъ, извилистымъ русломъ, обрамленнымъ мягкой муравой, протекала рѣчка Кунчанъ-хо — одинъ изъ протоковъ рѣки Су-лай-хэ, которая четыре версты дальше [4]) широкимъ, каменистымъ ложемъ окаймляла съ востока Юй-мынь'скій оазисъ [5]). Теперь въ рѣкѣ воды почти не было, но сай хранилъ ясные слѣды высокаго стоянія водъ въ лѣтнее время.

---

[1]) См. томъ I, стр. 133.

[2]) Вмѣсто сбитыхъ изъ глины фланкирующихъ башенъ, по ихъ угламъ возвышались деревянныя башни.

[3]) Деревянныя ворота были здѣсь окованы желѣзомъ и имѣли отверстія для ружей.

[4]) Въ семи верстахъ отъ Юй-мыня.

[5]) На новой китайской картѣ провинціи Гань-су, изданной на 80 листахъ въ 1893 году, главное русло Су-лай-хэ показано не здѣсь, а къ западу отъ селенія Сань-дао. Можетъ быть, китайскіе картографы и правы, такъ какъ, дѣйствительно, Сань-дао-гоу самая крупная изъ рѣкъ, составляющихъ Су-лай-хэ.

На той же картѣ восточный рукавъ Су-лай-хэ показанъ протекающимъ черезъ болотистую мѣстность, лежащую къ сѣверо-востоку отъ Юй-мыня.

Правый берегъ Су-лай-хэ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на него взбирается большая дорога, крутъ и высокъ, а дальше раскидывается галечная степь, ровная и пустынная на всемъ видимомъ пространствѣ; только изрѣдка попадались намъ на пути кустики Horaninovia ulicina, да у пикета Сань-ши-ли-чэнъ-цзы, на окружающихъ его глинисто-песчаныхъ буграхъ, росла Nitraria Schoberi; встрѣчались и птицы: Podoces Hendersoni, жаворонки и чекканы; былъ убитъ даже тушканчикъ (Dipus sagitta, Pall.); но все же эти встрѣчи были рѣдки, и вся мѣстность представлялась намъ столь же мертвенной, какъ и большинство среднеазіатскихъ каменистыхъ пустынь.

На 21 верстѣ отъ Юй-мыня, за импанемъ Га-чжэ-тай, степь получила волнистыя очертанія; появились глинистые гривки и холмики, промежутки между коими заполнялъ гравій — продуктъ вывѣтриванія нижележащихъ толщъ пестрыхъ песчаниковъ и мелкозернистыхъ конгломератовъ, прорванныхъ жилами сіенита. Эти песчаники выходили далѣе на дневную поверхность и, образуя гряды въ 200 футовъ относительной высоты, слагали предгорія Чи-цзинь-шаня [1]), который къ сѣверу отъ дороги подымался огромными скалами сѣраго и краснаго гнейса, на югѣ же замѣтно понижался и, въ видѣ невысокаго увала, сложеннаго изъ тѣхъ же гнейсовъ, добѣгалъ до предгорій Нань-шаня.

Эта гряда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ дорога, образуетъ глубокую сѣдловину, сообщающуюся почти подъ прямымъ угломъ съ продольной долиной рѣки Чи-ю-хэ. На ея берегу раскинулось селеніе Чи-цзинь-ся, близь котораго мы и остановились, избравъ для стоянки дворъ покинутой фанзы.

Рѣка Чи-ю-хэ оказалась многоводной и быстрой. Какъ кажется, она беретъ начало въ ключахъ [2]), послѣ чего протекаетъ мимо мѣстечка Чи-цзинь-пу [3]) и помянутаго селенія Чи-цзинь-ся

---

[1]) На упомянутой выше китайской картѣ пров. Гань-су горы эти носятъ названіе Чао-цзянь-шань.

[2]) Не въ ключахъ ли болотистой котловины Чи-цзинь-ху, подобно р. Ма-гэ-чэнъ? Въ гипсометрическомъ отношеніи это предположеніе не представляется невѣроятнымъ, такъ какъ котловина эта лежитъ выше (5.637 ф.) долины р. Чи-ю-хэ у сел. Чи-цзинь-ся (менѣе 5.295 ф.).

[3]) У меня записано Ши-чинъ-фо. Вообще, я долженъ замѣтить, что проводникъ, взятый изъ Юй-мыня, выговаривалъ слова очень неясно, такъ что, послѣ многихъ переспросовъ, мы записали—Чи(нь)-чинъ-ша вмѣсто Чи-цзинь-ся, Ши(нъ)-шинъ-хо вмѣсто Чи-цзинь-ху; впрочемъ, это были самыя грубыя ошибки, которыя я и спѣшу здѣсь исправить. (См. т. I, приложеніе I, таблица B, стр. 510).

Это мѣстечко, которое намъ не пришлось посѣтить, кратко описано Пясецкимъ. Op. cit., стр. 889.

и вступаетъ въ глубокое ущелье Чи-цзинь-коу [1]), по выходѣ изъ котораго орошаетъ оазисъ Инь-пань-фу-цзы; остатки ея водъ уходятъ затѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ и иногда добѣгаютъ до болотъ, находящихся при устьѣ р. Ма-гэ-чэнъ.

Въ селеніи Чи-цзинь-ся, имѣющемъ до пятидесяти дворовъ, скученныхъ между р. Чи-ю-хэ и высокими скалами сѣраго гнейса, мы снова нашли люцерну и притомъ по цѣнѣ около 10 копѣекъ за пудъ; такая дешевизна побудила насъ на слѣдующій день нанять телѣгу, нагрузить ее сѣномъ и отправить вслѣдъ каравану. И опять съ насъ взяли очень дешево, что-то по фыну [2]) за каждую ли.

Когда мы, пройдя селеніе, вышли на мостъ черезъ р. Чи-ю-хэ передъ нами открылся чудный видъ на долину этой рѣки, могущую, безспорно, считаться живописнѣйшимъ уголкомъ во всемъ Принаньшаньѣ.

Рамку картины составляютъ горы: голыя, разноцвѣтныя, онѣ образуютъ кольцо, разомкнутое лишь для того, чтобы поглотить рѣку, которая тутъ же, на глазахъ, исчезаетъ, точно въ пучинѣ,— въ сумракѣ ранняго утра, еще царствующаго въ ущельѣ, тогда какъ вся котловина потянулась уже золотомъ и сіяетъ отъ блеска первыхъ лучей вставшаго солнца. Почва котловины имѣетъ зимой однообразную сѣрую окраску, но теперь этотъ монотонный колоритъ скрытъ въ волнахъ оптическаго тумана, который придаетъ фантастическія очертанія разбросаннымъ вдоль рѣки — фанзамъ, деревьямъ и, наконецъ, стѣнамъ городка Чи-цзинь-пу [3]), кажущимся то несоразмѣрно большими, то точно приподнятыми надъ землей и висящими въ воздухѣ.

Но эта фантастическая картина длится одно лишь мгновеніе. Туманъ поднимается выше, поглощаетъ дома и заборы... еще виднѣются вершины голыхъ деревьевъ... но вотъ, и онѣ уже исчезли, а вслѣдъ затѣмъ исчезли и горы, и только ихъ неопредѣленные силуэты говорятъ еще наблюдателю, что все, что онъ только что видѣлъ — не сонъ.

Но терпѣніе. Пройдетъ часъ, много — два, выше поднимется солнце, ровнѣе согрѣетъ воздухъ каменистую почву, и мгла раз-

---

[1]) Стѣны его состоятъ изъ гнейсовъ, пересѣченныхъ жильнымъ гранитомъ.

[2]) Здѣсь произносятъ не фынь, а фынъ (0,01 лана); равнымъ образомъ всюду въ западномъ Китаѣ цянь (0,1 лана) выговариваютъ цанъ и даже еще тверже—цэнъ.

[3]) Въ этомъ мѣстечкѣ насчитывается 100 домовъ. Сверхъ того стоитъ гарнизонъ, состоящій изъ полу-лянзы.

сѣется, какъ дымъ... И снова выступятъ горы, деревья, дома, и еще ярче, еще прелестнѣе засіяетъ долина, богатая отъ природы, а потому и быстрѣе другихъ оправившаяся послѣ разгрома шестидесятыхъ годовъ.

А вечеромъ опять тоже явленіе... опять туманъ и фантастическія картины, которыя только и возможно наблюдать тамъ, гдѣ камень обнажается сплошными и притомъ значительными площадями [1]).

Къ востоку отъ Чи-ю-хэ котловина [2]) имѣла каменистый грунтъ: глина, песокъ и щебень заполняли всѣ впадины между складками крупнозернистаго песчаника, которыя, будучи абрадированы, имѣли почти меридіанальное простираніе [3]). Эти же песчаники, относимые Лочи къ каменноугольному возрасту, слагаютъ и горы, съ востока ограничивающія Чи-цзинь'скую котловину. Дорога пересѣкаетъ ихъ почти подъ прямымъ угломъ, пролегая по сквозному ущелью, кое-гдѣ поросшему чіемъ, камышомъ и свитой обыкновенно сопутствующихъ имъ растеній. Это ущелье, имѣвшее въ длину около трехъ верстъ, вывело насъ въ огромную, цирковидную равнину Чи-цзинь-ху, поросшую камышомъ и блестѣвшую небольшими пятнами льда — разливами во множествѣ здѣсь бьющихъ ключей. Пройдя ею версты двѣ, мы завидѣли впереди убогую группу строеній при двухъ маленькихъ и тоже убогихъ постоялыхъ дворахъ—поселокъ Чи-цзинь-ху, въ которомъ и остановились.

Котловина Чи-цзинь-ху, которую намъ предстояло пересѣчь на слѣдующій день, можетъ быть, еще недавно представляла дно обширнаго озера. Ея почва состоитъ изъ лёссоподобнаго мелкозема (озернаго лёсса?), съ примѣсью мелкой гальки и гравія, кое-гдѣ подернутаго вышвѣтами соли и во всѣхъ видѣнныхъ мною почвенныхъ разрѣзахъ имѣющаго яснослоистое, горизонтальное, сложеніе.

Существуютъ ли остатки этого озера еще и понынѣ? Повидимому, да, такъ какъ къ собственному имени котловины китайцы прибавляютъ и нарицательное — «ху», что значитъ — озеро. Но утверждать я этого не хочу, такъ какъ чего либо похожаго на озеро я не видѣлъ [4]).

---

[1]) Пясецкій, op. cit., стр. 889, замѣтилъ здѣсь тоже явленіе: «утро настало, пишетъ онъ, сѣрое и холодное; въ воздухѣ какая-то мгла, похожая на туманъ».

[2]) Въ двадцати ли отъ селенія Чи-цзинь-ся мы встрѣтили развалины постоялаго двора; такія же развалины попались намъ и дальше, при поворотѣ дороги къ Чи-цзинь-пу.

[3]) Единственное, встрѣченное нами здѣсь, растеніе была Nitraria Schoberi.

[4]) Сосновскій, который пересѣкъ котловину Чи-цзинь-ху южнѣе нашей дороги, пишетъ объ озерѣ слѣдующее: Дорога идетъ «подлѣ загадочнаго озера Чи-цзинь-ху, о которомъ упо-

Поверхность почвы котловины, благодаря кустикамъ Nitraria, имѣетъ бугристый характеръ, но не вездѣ; въ болѣе низкихъ мѣстахъ, въ особенности, гдѣ растетъ камышъ, она вполнѣ выровнена; къ камышу здѣсь кое-гдѣ присоединяются: Zygophyllum sp., Artemisia sp., Lycium ruthenicum, Caragana arenaria, въ особенности же чій, достигающій кое-гдѣ саженной высоты.

Первымъ жилымъ мѣстомъ, встрѣченнымъ нами на слѣдующій день по выходѣ со станціи Чи-цзинь-ху, былъ полуразрушенный пикетъ Бардунъ (Ба-ла-дунъ), близъ котораго мы нашли двѣ-три плохенькія мазанки, два-три дерева и небольшой участокъ вспаханнаго поля. Въ трехъ верстахъ отъ него и девяти отъ Чи-цзинь-ху мы прошли селеніемъ Бургацзы (Бу-лу-гэ-цзы), гдѣ большая часть домовъ и пикетъ были въ развалинахъ; такія же развалины попались намъ на глаза и въ слѣдующихъ селеніяхъ: Гашигунь (Хаши-гу), расположенномъ между двумя рукавами ключевой рѣчки Гань-гоу, и Ло-то-чжэнь, мазанки котораго размѣщались частью на краю, частью же на днѣ неглубокой ключевой балки.

За селеніемъ Ло-то мѣстность получила волнистый характеръ, и вскорѣ [1]) мы вышли на многоводную и быструю рѣчку Ма-гэ-чэнъ, о которой уже не разъ говорилось выше, и съ которой мы будемъ имѣть еще случай познакомиться ближе. Правый берегъ ея былъ высокъ и обрывистъ и, безъ сомнѣнія, когда-то служилъ берегомъ и изчезнувшему озеру Чи-цзинь-ху. Отсюда страна получила иной характеръ: позади оставалась равнина, здѣсь же вставали за холмами—холмы, все выше и выше, сложенные исключительно изъ гальки, мѣстами очень крупной, сцементированной у р. Ма-гэ-чэнъ желтовато-красной, а далѣе къ востоку сѣровато-желтой глиной. Холмы эти были совершенно безплодны, и только въ логахъ, часто ключевыхъ, ютилась кое-какая растительность. Всѣ ключи текли на сѣверъ, но достигали ли они р. Ма-гэ-чэнъ

минается въ древнихъ лѣтописяхъ (?); теперь же оно не болѣе, какъ обширный поемный (?) лугъ. Мѣстность открытая и ровная». («Русская учено-торговая экспедиція въ Китай», стр. 89), Въ другомъ своемъ сочиненіи («Экспедиція въ Китай», I, 1, стр. 479) онъ высказывается, однако, уже нѣсколько иначе: «То камень и песокъ, то роскошные луга, какъ у загадочнаго озера Чи-цзинь-пу, нѣкогда большаго озера, а теперь *почти* высохшаго и представляющаго обширный поемный лугъ»... Крейтнеръ (op. cit., стр. 205) повидимому, однако, видѣлъ это озеро, такъ какъ замѣчаетъ: «Zwischen Wej-wej-pu (Хуй-хуй-пу) und Tscha-tjen-hia (Чи-цзинь-ся) durchzieht der Weg die grosse Prairieparcelle im Osten des Steppensees Tscha-tjen-chai (Чи-цзинь-хай), welche sich durch einen üppigen Graswuchs zeichnet, und übersetzt viele Wasserrinnen, welche dieselbe von Süd nach Nord durchfurchen». На картѣ іезуитовъ на мѣстѣ озера показано болото.

[1]) На двадцатой верстѣ отъ Чи-цзинь-ху; такимъ образомъ котловина имѣетъ вдоль дороги около 22 верстъ ширины.

или постепенно терялись въ рыхлой почвѣ своихъ руслъ, этого прослѣдить мы не могли. Самый значительный изъ нихъ называется Чанъ-шуй, другіе же, какъ кажется, безымянны. Наконецъ, на седьмой верстѣ отъ р. Ма-гэ-чэнъ мы достигли станціи — обильнаго родниковой водой лога, въ которомъ расположилось селеніе Хуй-хуй-пу.

Мѣстные жители мнѣ передавали, что поселеніе это очень древнее, и что въ немъ искони жили мусульмане, пришедшіе съ запада. Эта легенда дала мнѣ поводъ одно время думать, не Куюй-ли это XV столѣтія [1])? Долженъ, однако, замѣтить, что китайскія извѣстія объ этомъ послѣднемъ городѣ противорѣчатъ такому предположенію [2]). Какъ бы то ни было, были ли первоначальные жители Хуй-хуй-пу выходцами изъ Хами или не были ими, но къ шестидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія они успѣли уже вполнѣ окитаиться и слиться съ приселявшимися къ нимъ дунганами, тоже, какъ мы видѣли [3]), окитаившимися тюр-

---

[1]) См. выше, стр. 89.

[2]) Такъ, въ не разъ уже цитированномъ сочиненіи Успенскаго «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай» (стр. 87) я встрѣтилъ еще слѣдующее важное указаніе относительно этого города: «Рѣка Су-лэ-хэ, иначе называемая Суръ-хэ, протекаетъ мимо Гу-юй-ченъ (Ку-юй), основаннаго при Минской династіи и называемаго инородцами Дариту верхнимъ, въ отличіе отъ Дариту нижняго или восточнаго (сѣверо-восточнаго?), на мѣстѣ коего основанъ Юй-мынь-сянь; эти два Дарату отстоятъ одинъ отъ другого на 250 ли. Мѣстность верхняго Дарату отличается плодородіемъ и представляетъ полосу, на которой съ успѣхомъ занимались хлѣбопашествомъ даже монголы, жившіе среди китайскихъ военныхъ поселеній. Въ этой долинѣ рѣка Су-лэ-хэ сливается съ западнымъ своимъ истокомъ, называемымъ Чанъ-ма-хэ, вытекающимъ изъ горъ того же имени». Это послѣднее названіе и понынѣ сохранилось за оазисомъ, лежащимъ при сліяніи помянутыхъ рѣкъ. (Козловъ, «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1895, XXXI, V, стр. 441).

Это опредѣленное указаніе на мѣстоположеніе верхняго Дариту; однако, подъ сомнѣніемъ все же остается вопросъ, насколько правильно отождествленіе Ку-юй'я съ этимъ послѣднимъ. Ку-юй, будучи административнымъ центромъ земель, отведенныхъ эмигрировавшимъ хамійцамъ, былъ окруженъ стѣнами и, повидимому, находился на большой дорогѣ изъ Хами въ городъ Су-чжоу. Будучи выстроенъ исключительно для хамійцевъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и императоръ Цянь-лунъ въ своей «Исторіи династіи Минъ» («Histoire de la dynastie des Ming», composée par l'empereur Khian-Loung, traduite du chinois par M. l'abbé Delamarre, I, стр. 361), Ку-юй не могъ, конечно, быть въ тоже время и китайскимъ военнымъ поселеніемъ и, сверхъ того, пріютомъ какихъ-то монголовъ. Итакъ, остается еще предположить, что Ку-юй былъ восточнымъ Дариту (Далту, можетъ быть, было бы правильнѣе?); но если онъ былъ, дѣйствительно, «восточнымъ», то не могъ находиться на мѣстѣ нынѣшняго Юй-мыня, такъ какъ Чанъ-ма находится не на западъ отъ Юй-мыня, а на юго-западъ отъ него. Кстати отмѣчу, что императоръ Цянъ-лунъ даетъ другое наименованіе городу хамійцевъ, а именно Ку-гу (Khou-kou; ib., стр. 361, 380, 415).

На китайской картѣ «Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту» Ку-юй показанъ къ западу отъ Юй-мыня; такъ какъ карта эта издана въ 1864 г., то спрашивается: сохранилось ли это наименованіе въ памяти народной и притомъ пріуроченное къ какимъ-либо развалинамъ или это не болѣе, какъ новый произволъ ея составителя? На большой картѣ провинціи Ганьсу, изд. въ 1893 г., Ку-юй не показанъ.

[3]) Стр. 65.

ками. Когда вспыхнуло возстаніе мусульманъ въ Китаѣ, населеніе Хуй-хуй-пу примкнуло къ нему, за что и поплатилось впослѣдствіи, когда армія Цзо-цзунъ-тана перешла за Великую стѣну.

Хуй-хуй-пу не былъ взятъ приступомъ: жители покинули его добровольно и своевременно; тѣмъ не менѣе китайцы не оставили въ немъ камня на камнѣ. До этого прискорбнаго событія Хуй-хуй-пу былъ обнесенъ стѣной и вмѣщалъ нѣсколько сотенъ семействъ, существовавшихъ, главнымъ образомъ, горнымъ промысломъ [1]). Нынѣ селеніе это почти пусто; пережившихъ грозныя событія шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ осталось немного; да и тѣ предпочитаютъ почему-то селиться внѣ ограды, поближе къ ключамъ, осѣненнымъ огромными тополями [2]). Въ нихъ все еще не остыла любовь къ горному дѣлу, но пока они занимаются только ломкой жернового камня, да батрачатъ на каменноугольныхъ копяхъ за Цзя-юй-гуанемъ.

Мы остановились въ казенномъ танѣ, но не успѣли еще и развьючиться, какъ во дворъ ворвался какой-то китаецъ и сталъ насѣдать на Глаголева, вѣроятно, потому, что въ эту минуту тотъ стоялъ бариномъ и крутилъ папиросу.

Николай куда-то запропастился и на сцену пришлось вывести Сарымсака.

— Чего онъ шумитъ?

— Да вотъ требуетъ паспортъ.

— Да самъ-то онъ кто такой?

Не знаю, какъ передалъ мой вопросъ Сарымсакъ, но на китайца онъ, повидимому, произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ круто повернулся назадъ и, скороговоркой насказавъ чего-то, что мнѣ перевели однимъ словомъ: «грозится!», скрылся въ воротахъ. А минутъ черезъ десять оттуда же показался китайскій чиновникъ съ бѣлымъ фарфоровымъ шарикомъ (тинъ-цзо) на форменной шляпѣ и грубо предложилъ намъ вопросъ: кто мы, откуда и съ чьего разрѣшенія путешествуемъ? Для того, чтобы долго не разговаривать, я показалъ ему «ху-чжоу» (охранный листъ).

— Очень хорошо. Я немедленно дамъ знать въ Су-чжоу о вашемъ прибытіи.

---

[1]) Они добывали золото въ горахъ, лежащихъ къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ Хуй-хуй-пу, т. е. въ Бэй-шанѣ и Хэй-шанѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и «Цзянь-цё-лэй-шу» въ отдѣлѣ «Су-чжоу-чжи», и каменный уголь въ Нань-шань'скихъ горахъ (въ долинѣ Пинъгоу). Замѣчательно, что Марко Поло писалъ о горныхъ богатствахъ Чингинталаса также со словъ тюрка Зурфикара, бывшаго главноуправляющимъ рудниками въ этой странѣ.

[2]) Здѣсь была убита Limosa melanura.

Однако онъ не рѣшился на это, потому что контроль надъ пріѣзжающими вовсе не входилъ въ кругъ прямыхъ его обязанностей; продѣлалъ же онъ всю эту комедію единственно изъ желанія поломаться надъ проѣзжающими. И на такихъ-то господъ, къ сожалѣнію, очень часто приходится наталкиваться путешествующему въ Китаѣ!

15 марта мы выступили къ Цзя-юй-гуаню.

Путь нашъ пролегалъ по каменистой степи, имѣвшей слабый наклонъ къ востоку [1]) и довольно замѣтное паденіе на сѣверъ, куда сбѣгали и всѣ, пересѣкавшіе намъ дорогу, ключевые логи и сухіе, но неглубокіе раздолы, сливавшіеся тамъ въ одно безводное русло; это русло, огибая высокія скалы Хэй-шаня (Бэй-шаня, Пошаня—Крейтнера, Цзя-юй-гуань-шаня — Обручева), выходило затѣмъ въ широкую долину рѣки Тао-лай.

На седьмой верстѣ отъ Хуй-хуй-пу мы прошли мимо укрѣпленія Хунъ-шань-цзя; еще дальше мы поровнялись съ развалинами укрѣпленія Бай-лянь-сы и, наконецъ, увидѣли передъ собой невысокія, но заново отдѣланныя стѣны крѣпосцы Шуанъ-цзинъ-цзы, о которой упоминаетъ и китайскій дорожникъ прошлаго вѣка. Вблизи стѣнъ этой крѣпосцы какой-то предпріимчивый китаецъ держалъ харчевню, въ которой за небольшую плату можно было получить чай, водку и нѣсколько незатѣйливыхъ блюдъ. Нѣсколько поодаль высились неизвѣстно по какому поводу выстроенныя тріумфальныя ворота (пай-лоу) обычной китайской архитектуры и тутъ же рядомъ утверждена была деревянная доска, на которой съ одной стороны надпись гласила: «граница Юймынь'скаго уѣзда», а съ другой: «граница Су-чжоу'скаго уѣзда».

---

[1]) Станція Хуй-хуй-пу представляетъ наивысшую точку большой Ань-си—Су-чжоу'ской дороги, что видно изъ слѣдующей таблицы:

	Грумъ-Гржимайло.	Крейтнеръ.
Ань-си	3.310 ф.	3.753 ф.
Сяо-вань	4.154 »	3.943 »
Перевалъ черезъ гряду Сань-сянь-цзы	4.774 »	» »
Шуанъ-та-пу	4.501 »	3.953 »
Булунгиръ	5.351 »	4.121 »
Сань-дао-гоу	5.020 »	4.696 »
Юй-мынь-сянь	5.085 »	4.997 »
Чи-цзинь-ся	5.295 »	5.325 »
Чи-цзинь-ху	5.637 »	» »
Хуй-хуй-пу	6.168 »	6.217 »
Цзя-юй-гуань	5.860 »	5.600 »
Су-чжоу { въ мартѣ	4.977 »	4.610 » (по даннымъ
Су-чжоу { въ сентябрѣ	4.994 »	

Сосновскаго—5.540 ф.).

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Цзя-юй-гуань.

Городъ Су-чжоу съ сѣверной стороны.

Фототипія В. Кенсель, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Printed in Russia

Отсюда уже считалось 40 ли до Великой стѣны, которыя мы и сдѣлали въ сообществѣ съ нагнавшимъ насъ дунганиномъ, ѣхавшимъ на прекрасномъ, увѣшенномъ, согласно китайскому обычаю, бубенчиками, конѣ.

Онъ спѣшилъ въ г. Су-чжоу, гдѣ у него были дѣла.

— А какъ вамъ, дунганамъ, здѣсь нынѣ живется?

— Да, ничего...

— Притѣсняютъ васъ китайцы?

— Нѣтъ, они насъ боятся... Стѣсняютъ, впрочемъ, гдѣ могутъ. Вотъ и въ Су-чжоу насъ не пускаютъ...

— Но вы же вотъ ѣдете.

— Остановлюсь въ предмѣстьѣ, а тамъ куплю пропускъ и въ городъ...

Дорога бѣжитъ все тою же, изрѣзанною оврагами, каменистою, безплодною степью. Горы съ юга все ближе и ближе подходятъ къ дорогѣ и, наконецъ, круто поворачивая на сѣверъ, почти смыкаются съ горнымъ массивомъ Хэй-шаня. На оставшійся просвѣтъ намъ указали, какъ на мѣстоположеніе Цзя-юй-гуаня. Дѣйствительно, мы вскорѣ увидѣли тамъ ея крылатыя башни. А вотъ, наконецъ, и самая крѣпость...

Сѣроватое небо, сѣрыя горы, сѣрая почва и сѣрыя стѣны.., Но какъ все это выглядѣло красиво въ своемъ сочетаніи! Какъ изящны были эти деревянныя башни, вѣнчавшія высокую стѣну Цзя-юй-гуаня! Во всемъ пройденномъ нами Китаѣ мы не встрѣчали стѣнъ выше и массивнѣе этихъ. Но, подъѣзжая къ нимъ, невольно спрашиваешь себя: къ чему онѣ? Неужели китайцы еще не поняли, что при дальности современнаго орудійнаго и ружейнаго боя по меньшей мѣрѣ безцѣльны укрѣпленія, подобныя Цзя-юй-гуаню, который распланированъ такимъ образомъ, что съ сосѣднихъ высотъ легко обстрѣливается вся его внутренность? Или рутина такъ глубоко въѣлась въ природу китайца, что дѣлаетъ его слѣпымъ ко всему окружающему? Какъ бы то ни было, но съ точки зрѣнія китайскаго военнаго искусства, закончившаго свое развитіе въ эпоху существованія лучнаго боя и фитильнаго гладкоствольнаго ружья (эта эпоха не пережита еще, впрочемъ, западнымъ Китаемъ и до настоящаго времени), Цзя-юй-гуань представляетъ неприступную твердыню, въ особенности съ запада, куда крѣпость обращена своимъ фасомъ.

Отсюда воротъ крѣпости не видно: ихъ защищаетъ естественное возвышеніе, сложенное изъ глины и гальки. Только обогнувъ по-

слѣднее, дорога вступаетъ въ ворота Цзя-юй-гуаня, миновать которыя нѣтъ возможности каравану; или иначе надо избрать кружный путь на Инь-пань-фу-цзы и Цзинь-та-сы.

Ворота — самая слабая сторона китайскихъ укрѣпленій — здѣсь массивны и окованы желѣзомъ, но подвѣшены не снаружи, какъ обыкновенно, а внутри стѣннаго проема, имѣющаго значительную глубину и высоту. Изъ этого проема дорога вступаетъ въ почти квадратный дворъ, въ которомъ помѣщается караульня съ обычной арматурой и таможенный постъ, а затѣмъ сворачиваетъ вправо и, минуя ворота въ крѣпость, обходитъ послѣднюю по довольно узкому корридору между двухъ стѣнъ, наружной и собственно крѣпостной, заново отштукатуренныхъ и имѣющихъ не менѣе 15 аршинъ высоты [1]). Этотъ корридоръ-улица выходитъ къ южнымъ воротамъ крѣпости, при поворотѣ къ которымъ выстроена изящная кумирня, посвященная богу войны — Гуанъ-ди.

Итакъ, стѣны Цзя-юй-гуаня великолѣпны. Но если пробраться черезъ внутреннія ворота въ самую крѣпость, то нельзя не поразиться господствующимъ тамъ запустѣніемъ.

Правительство озаботилось постройкой стѣнъ, кумиренъ и ямыней, предоставивъ остальное частной иниціативѣ; эта же послѣдняя выразилась въ возведеніи лачугъ, которыя такъ ужасно дисгармонируютъ съ опоясывающей ихъ величественной постройкой [2]). Впрочемъ, кто же и захочетъ селиться въ крѣпости! Офицерство, чиновники? И тѣхъ и другихъ немного въ Цзя-юй-гуани, да къ тому же всѣ они имѣютъ казенныя помѣщенія. Богатые купцы? Но ихъ, во-первыхъ, здѣсь нѣтъ, а во вторыхъ, если бы они и были, то какой же торговецъ рѣшился бы связать свои дѣйствія часами открытія и запора крѣпостныхъ воротъ? И вотъ, какіе и были здѣсь купцы, тѣ выселились въ предмѣстье — шумное, людное, но небольшое и поразительно грязное. Грязное даже зимой! Что же дѣлается здѣсь лѣтомъ?

Миновавъ предмѣстье, мы поравнялись съ новой крѣпостной стѣной, имѣвшей аршинъ семь высоты; она была унизана китайцами, которые привѣтствовали насъ дружнымъ «янъ-гуй-цзы» — заморскіе черти!

— Это что же тутъ такое?

---

[1]) До зубчатаго карниза.

[2]) На прилагаемой фототипіи изображены западныя внутреннія крѣпостныя ворота, вблизи которыхъ видна одна изъ такихъ лачугъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Кумирня у восточныхъ воротъ Цзя-юй-гуаня.

Фототипія В. Клясонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмы В. Кожинскій.

— Импань. Здѣсь квартируетъ цзя-юй-гуаньскій гарнизонъ; въ крѣпости же живетъ не болѣе сотни солдатъ.

Отъ импаня дорога спустилась внизъ, къ рѣчкѣ Туй-па-хо, не доходя которой, въ полуразвалившемся постояломъ дворѣ, мы и остановились.

Цзя-юй-гуань только западныя ворота Великой стѣны. Гдѣ же эта стѣна, столь прославленная Ванъ-ли-чанъ-чэнъ? Осмотрѣвшись, мы увидѣли, что она осталась у насъ позади, примыкая къ восточной стѣнѣ крѣпости и протягиваясь отсюда невысокимъ глинобитнымъ валомъ съ одной стороны до предгорій Нань-шаня, съ другой вдоль подошвы Бэй-шаня (Хэй-шаня) до р. Тао-лай, гдѣ она и измѣняетъ свое сѣверовосточное направленіе на восточное.

Не успѣли мы, какъ слѣдуетъ устроиться, какъ намъ доложили:

— Чиновники ѣдутъ!

На дворъ, дѣйствительно, въѣзжали въ форменныхъ шляпахъ два китайца, изъ коихъ одинъ имѣлъ прозрачный синій шарикъ, а другой — хрустальный бѣлый. Это были почтенные старики, къ которымъ мы и поспѣшили выйдти навстрѣчу. Поздоровавшись, мы усѣлись пить чай; но говорили о пустякахъ, такъ какъ наши посѣтители оказались весьма сдержанными и на всѣ наши даже пустые вопросы давали лишь уклончивые отвѣты. Они къ намъ пріѣхали для того, чтобы визировать охранный листъ, а не для того, чтобы давать разъясненія географическаго и статистическаго характера!

Въ этотъ день солнце грѣло сильно, и термометръ поднялся въ тѣни до 3°. На солнечномъ припекѣ летали мухи. Это были первые изъ видѣнныхъ нами насѣкомыхъ [1]).

16 марта мы, наконецъ, выступили въ г. Су-чжоу и до самыхъ почти стѣнъ послѣдняго шли каменистой пустыней вдоль рѣки Тао-лай, одной изъ главныхъ въ системѣ рѣкъ, составляющихъ Эцзинъ-голъ. О ней китайскія извѣстія говорятъ намъ слѣдующее [2]).

Рѣка Тао-лай-хэ (Заячья рѣка) [3]) вытекаетъ изъ долины Тао-лай-чуань, находящейся отъ г. Су-чжоу въ 400 ли разстоянія къ юго-юго-западу, среди Южныхъ горъ (Нань-шаня). Длина

---

[1]) Пауки попадались, однако, и раньше. Въ Хуй-ху-пу мы поймали на нашей собакѣ перваго клеща, вѣроятно—Ixodes ricinus.

[2]) «И-тунъ-чжи» и др. На русскомъ языкѣ наиболѣе обстоятельное извлеченіе сдѣлано Успенскимъ («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 85—87). См. также «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», примѣчаніе 498, гдѣ встрѣчаются противорѣчія съ текстомъ Успенскаго, а также явныя ошибки.

[3]) Тао-лай—китайское произношеніе болѣе коротkаго киргизскаго и монгольскаго «толай», что значитъ—заяцъ.

этой долины отъ востока къ западу 200 слишкомъ ли, а ширина съ юга на сѣверъ гдѣ 50, гдѣ 60 ли—неодинаково. Посреди долины протекаетъ Тао-лай, составляющаяся изъ трехъ рѣчекъ. Одна изъ нихъ называется Хату-барху и впадаетъ въ Тао-лай съ запада, другая, имѣющая два истока и называемая Бага-Эцзинэй, сливается съ послѣдней, приходя съ юго-востока. По обоимъ берегамъ рѣки раскидываются превосходные луга, составляющіе государственную собственность. Здѣсь расположено девять пастбищъ, отстоящихъ одно отъ другого на 3, 4, 5, 6 и 10 ли. Къ югу отъ долины Таолай-чуань, за пограничнымъ столбомъ, находится обширная мѣстность Су-лэ (Су-лай), гдѣ кочуютъ кукунорскіе монголы. Къ востоку Таолай-чуань граничитъ съ Ѣ-ма-чуань (т. е. долиной верховій Хый-хэ, съ которой сообщается черезъ Басытунъ или Бастанъ), къ западу съ горами Цинъ-тоу-шань [1]). Горы, окружающія эту долину, въ древности были извѣстны подъ именами Хунъ-лу-шань и Бию-шань, а р. Тао-лай при Ханяхъ называлась Ху-цань-шуй или короче—Цань-шуй. По выходѣ изъ горъ, она принимаетъ сначала западное направленіе, а потомъ неуклонно течетъ къ сѣверо-востоку; обходя г. Су-чжоу съ запада [2]), она вскорѣ (у Ся-гу-чэна) соединяется съ р. Хунъ-шуй-хэ [3]), вытекающей также изъ Нань-шаня, къ востоку отъ Тао-лай. Ся-гу-чэнъ находится въ 45 ли къ сѣверо-востоку отъ г. Су-чжоу; отсюда Тао-лай выходитъ за Великую стѣну и черезъ 50 ли проходитъ къ западу отъ Цзинь-та-сы. Къ сѣверо-востоку отъ Цзинь-та-сы Тао-лай сливается съ Хэй-хэ, въ древности Чжанъ-ѣ, послѣ чего, подъ именемъ Эцзинъ-гола, течетъ прямо на сѣверъ, гдѣ и образуетъ оз. Эцзинъ (Гашіунъ-норъ, въ древности Цзюй-янь-чи). По долинѣ р. Тао-лай проходитъ большая дорога на Куку-норъ.

Точность этого описанія вполнѣ подтверждается топографическими работами, произведенными въ среднемъ Нань-шанѣ членами послѣдней экспедиціи Роборовскаго; съ своей же стороны я могу добавить къ нему весьма немногое.

Огромной высоты хребетъ, ограничивающій съ сѣвера долину верховій р. Тао-лай, носитъ названіе Ихуръ, въ китайской передѣлкѣ

---

[1]) Этимъ горамъ дано теперь названіе хребта Александра III.

[2]) Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр 423, ошибочно сказано: «огибая Су-чжоу съ южной стороны и достигнувъ сѣверо-восточной его стороны, Тао-лай соединяется съ рѣкою, протекающею съ запада и т. д.». У Успенскаго это мѣсто «И-тунъ-чжи» изложено совершенно иначе и притомъ соотвѣтственно съ тѣмъ, что мы видимъ въ дѣйствительности.

[3]) Это, безъ сомнѣнія, Линь-шуй-хэ, которая на большой китайской картѣ пров. Ганьсу показана какъ восточный рукавъ р. Тао-лай.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Ворота Цзя-юй-гуаня.

Маньчжурки (дѣвицы).

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
Прессм. Н. Каминскій.

И-ху-лу-шань; съ него собираютъ свои воды величайшія изъ рѣкъ этой части Куэнъ-луня [1]): Да-тунъ, Хый-хэ и Тао-лай, о чемъ мнѣ доведется еще говорить ниже.

По выходѣ изъ горъ, р. Тао-лай, всего лишь нѣсколько верстъ не доходя до Цзя-юй-гуаня, разливается, образуя кочковатое болото, которое и даетъ начало рѣчкѣ Туй-па-хо.

И, наконецъ, что монголы называютъ эту рѣку также Бодай, а китайцы—Бэй-хэ, что значитъ—«Сѣверная рѣка», т. к. она, дѣйствительно, протекаетъ къ сѣверу отъ г. Су-чжоу [2]).

Долина рѣки Тао-лай вдоль дороги имѣетъ мало привлекательнаго: монотонная каменистая степь, ограниченная къ югу пустынными холмами и къ сѣверу полосой древесныхъ насажденій, скрывающей рядъ хуторовъ, разнообразилась только сторожевыми башнями (янь-дай), попадавшимися черезъ каждыя пять ли.

На девятой верстѣ мы пересѣкли одинъ изъ рукавовъ р. Тао-лай, на 15 прошли мимо харчевни, а тамъ передъ нами развернулось и широкое снѣговое поле плёса сучжоускай рѣки, бурно несшей свои мутныя воды среди затянутыхъ еще льдомъ береговъ. Лошади прошли ее прекрасно, но за ишаковъ и барановъ мы опасались. Тѣмъ не менѣе все обошлось благополучно. Джаркентецъ, уже всего наглядѣвшійся на пути, не задумываясь бросился въ воду и увлекъ за собою все стадо, которое сомкнутой массой хорошо справилось и съ шугой и съ бурнымъ теченіемъ р. Тао-лая. Пройдя ее, мы остановились на кочковатой солончаковой равнинѣ, густо поросшей осоковыми травами, у развалинъ какой-то постройки, отъ которой до города считалось еще немного болѣе одной ли. Часъ же спустя, сидя за чаемъ, мы вдругъ услыхали окрикъ на русскомъ языкѣ, но съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ: здорово ребятушки!

Это былъ Сплингардъ, бельгіецъ, дослужившійся на китайской службѣ до генеральскаго чина. Мы живо перезнакомились и вечеромъ, какъ старые пріятели, уже весело бесѣдовали у него на дому, въ кругу его многочисленной семьи, состоявшей изъ жены, младшаго сына и девяти дочерей. Его жена, китаянка, уроженка Калгана, и старшія дочери ни слова не понимали ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, самъ Сплингардъ плохо говорилъ по французски,

---

[1]) Я принялъ для этихъ словъ наиболѣе распространенную транскрипцію; правильнѣе было бы, однако, писать—Кунь-лунь, что, впрочемъ, уже и дѣлаетъ Успенскій.

[2]) На большой китайской картѣ пров. Ганьсу она носитъ названіе Бэй-да-хэ, что значитъ — «Сѣверная большая рѣка».

еще хуже по нѣмецки, тѣмъ не менѣе мы отлично понимали другъ друга, пустивъ въ ходъ мимику и жестикуляцію. Сплингардъ жилъ внѣ городской стѣны, на окраинѣ предмѣстья, занимая весь ямынь — обширное помѣщеніе съ тремя дворами, нѣсколькими пріемными и особыми внутренними покоями. Я опишу это помѣщеніе, такъ какъ оно представляетъ типъ домовъ, занимаемыхъ въ Китаѣ чиновниками, вѣдающими отдѣльную часть.

Ямынь находился нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Его издали было видно по двумъ исписаннымъ китайскими іероглифами флагамъ, между которыми находилась стѣнка—щитъ съ нарисованнымъ на немъ миѳическимъ звѣремъ «танъ». Этотъ рисунокъ, составляющій вывѣску всякаго присутственнаго мѣста въ Китаѣ, имѣетъ символическое значеніе.

Благодаря четыремъ талисманамъ, которыми онъ владѣетъ, ни одна изъ окружающихъ его стихій: огонь, вода и воздухъ, не страшны тану. Но обладая всѣмъ, онъ все же томится желаніемъ проглотить солнце. Съ разинутой пастью стоитъ онъ передъ нимъ, испытывая танталовы муки, потому что, увы! одна только попытка схватить солнце должна повлечь за собой потерю талисмановъ и смерть самую ужасную, какую только можетъ представить себѣ человѣческое воображеніе. Это апологъ по адресу мандариновъ: всемогущій, но все же недовольный своею судьбою танъ, это онъ, мандаринъ, тогда какъ солнце, разливающее во вселенной свѣтъ и добро — императоръ.

Противъ «тана» находятся главныя ворота въ ямынь. Къ нимъ съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ караульныя комнаты со стѣнами изъ сырцоваго кирпича, отштукатуренными глиной и выбѣленными известкой [1]). Каждая комната снабжена каномъ и освѣщается круглымъ окномъ, забраннымъ деревяннымъ фасоннымъ переплетомъ, выкрашеннымъ въ красный цвѣтъ. Эти двѣ караульныя комнаты и ворота подведены подъ одну общую двускатную и притомъ вогнутую крышу, крытую черепицей съ коньками на углахъ и на верхнемъ ребрѣ. Крыша образуетъ навѣсъ, украшенный деревянной рѣзьбой и упирающійся на деревянныя же колонки, исписанныя іероглифами (дуй-лянь) и зачастую служащія для на-

[1]) Соединеніе караульныхъ комнатъ съ главными воротами (да-мынь) подъ одной крышей встрѣчается далеко не всегда; въ послѣднемъ случаѣ онѣ помѣщаются во внѣшнемъ дворѣ въ видѣ отдѣльныхъ, симметрично расположенныхъ построекъ между да-мынемъ и въѣздными, легкой конструкціи, воротами. Внѣшній дворъ обыкновенно окруженъ невысокой стѣной, часто составляющей одно цѣлое съ «таномъ».

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

„Танъ."

Ворота въ Я-мынь.

Фототипія В. Киванъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. №7-2.

Правил. Н. Каминскій.

клейки правительственныхъ сообщеній. Ворота, двустворчатыя и деревянныя, приходятся въ линію съ внѣшней стѣной постройки. Они загрунтованы бѣлой краской, на которой вырисованы фигуры грозныхъ воиновъ. По поводу послѣднихъ Сплингардъ, смѣясь, замѣтилъ:

— Это мои единственные сторожа. И надо отдать имъ справедливость, они такъ хорошо исполняютъ эту обязанность, что я не нуждаюсь въ наймѣ другихъ, и обѣ караульни вѣчно пустуютъ.

Въ дѣйствительности же страшныя фигуры эти изображаютъ духовъ—покровителей дома (мынь-шань).

За этими воротами слѣдуетъ дворикъ, вымощенный кирпичомъ только посерединѣ. Эта дорожка ведетъ къ главному корпусу зданія съ такой же крышей и съ такимъ же, украшеннымъ деревяннымъ орнаментомъ, навѣсомъ, какъ только что описанные, но только, конечно, въ большемъ масштабѣ. Двери, на этотъ разъ безъ живописи, но зато до половины рѣзныя, вводятъ посѣтителя въ сквозной корридоръ (го-данъ), изъ котораго вправо и влѣво имѣются двери въ пріемныя комнаты, служащія въ то же время и присутственнымъ мѣстомъ. Эти пріемныя обставлены очень просто. Противъ двери возвышается широкій, обтянутый красной матеріей канъ, вдоль же стѣнъ разставлены табуреты и столики, на которыхъ разложены книги—сводъ китайскихъ законовъ и постановленій. Единственнымъ украшеніемъ этихъ огромныхъ, плохо отштукатуренныхъ и выстланныхъ сырцовымъ кирпичомъ комнатъ являются свитки съ изрѣченіями китайскихъ философовъ и мудрецовъ, развѣшенные противъ кана, по обѣимъ сторонамъ входной двери.

Дальше этого зданія посторонніе не допускаются. Дверь гэ-дана, выводящую на внутренній дворъ, кромѣ хозяина, имѣютъ право открывать только члены семьи, ближайшіе родственники и, конечно, слуги; но для того, чтобы нескромный глазъ все же не проникалъ черезъ запретную дверь, противъ нея во внутреннемъ дворѣ воздвигается стѣнка-щитъ (бинь-фынъ), обыкновенно покрытая вычурною живописью или надписями [1]).

Внутренній дворъ вполнѣ напоминаетъ передній, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что здѣсь имѣются флигеля (сянъ-фанъ),

[1]) Мнѣ кажется, что Коростовецъ ошибается, когда пишетъ, что эти стѣнки «воздвигаются суевѣрными китайцами, дабы помѣшать доступу въ домъ злого духа, который, по мнѣнію ихъ, настолько простъ, что, при видѣ стѣны, повернетъ вспять» («Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 304).

тамъ же — высокія стѣны, отдѣляющія отъ двора — конюшни, сараи и службы. Въ этихъ флигеляхъ, выстроенныхъ по типу, общему для всѣхъ китайскихъ жилыхъ покоевъ (фанъ), помѣщаются обыкновенно прислуга, кухня, склады рухляди и т. д., иногда же и дѣти. Что касается до задняго корпуса [1]), то хотя своимъ внѣшнимъ видомъ онъ и не разнится отъ центральнаго, но по внутренней распланировкѣ комнатъ очень часто (въ многочисленныхъ семьяхъ) представляетъ существенныя отличія. Такъ, напримѣръ, въ домѣ Сплингарда имѣлась продольная перегородка, дѣлящая его на двѣ части, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, дѣлилась на четыре. У китайцевъ, даже среди этихъ комнатъ имѣется всегда одна, исполняющая назначеніе пріемной, въ которой, въ извѣстные дни, передъ таблицею предковъ, хранимой въ особыхъ шкапчикахъ, собирается для жертвоприношеній вся семья. Она называется данъ-ву, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ комнатъ — чжань-фанъ, въ которыхъ семья размѣщается не такъ, какъ удобнѣе, а въ извѣстномъ порядкѣ, предписываемомъ обычаемъ. Конечно, Сплингардъ не слѣдовалъ этому обычаю и изъ угловой комнаты устроилъ нѣчто въ родѣ мастерской, «данъ-ву» обратилъ въ столовую и т. д. Комнаты его старшихъ дочерей, наполовину занятыя канами, устланными коврами, были заполнены сундуками и увѣшаны свитками съ изрѣченіями, причемъ іероглифы на нѣкоторыхъ изъ нихъ были искусно скомпанованы изъ цвѣтовъ и листьевъ.

Рядомъ съ описаннымъ, у Сплингарда было еще и другое помѣщеніе, выстроенное по нѣсколько иному плану и обращенное фасадомъ къ винограднику. Большая пріемная зала была здѣсь украшена китайскими картинами и, вообще, имѣла болѣе уютный видъ, чѣмъ мрачная оффиціальная пріемная главнаго корпуса. Это была его «ву-цзё», т. е. пріемная для лицъ, являвшихся къ нему не по служебнымъ дѣламъ.

Въ этой именно пріемной даотай отдалъ намъ сначала визитъ, а потомъ устроилъ въ нашу честь и обѣдъ, на который пригласилъ лишь своихъ интимныхъ друзей. По объясненію Сплингарда, это была очень удачная комбинація, освобождавшая даотая отъ необходимости звать на обѣдъ весь оффиціальный Су-чжоу, а такъ какъ именно оффиціальный Китай насъ всего менѣе интересовалъ, то мы и не задавались цѣлью провѣрить, насколько было искреннимъ это объясненіе Сплингарда.

---

[1]) Корпусъ этотъ носитъ названіе «главнаго дома»—шанъ-фанъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Китайскій театръ.

Фототипія В. Клавонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. Н. Каминскій.

Благодаря любезности послѣдняго, мы имѣли возможность видѣть китайскій театръ у него на дому.

Театръ возникъ въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ. Происхожденіе его такое же, какъ и на западѣ. И китайцы начали съ того, что воспѣвали своихъ боговъ и героевъ, которымъ въ уста влагали высокопарныя рѣчи и благородныя мысли, кончили же тѣмъ, чѣмъ кончили европейцы — циничными фарсами [1]). Зародившись у алтарей, драматическія произведенія запада перешли сначала на паперть, затѣмъ на церковный дворъ и, наконецъ, на улицу, послѣ чего, преобразившись окончательно, вызвали нападки со стороны своихъ прежнихъ творцовъ — служителей церкви. Ту же судьбу испыталъ театръ и въ Небесной имперіи, гдѣ уже Конфуцій (или ученики его?) воздвигъ на него гоненіе, объявивъ проповѣдуемыя съ подмостковъ идеи не только противными здравому смыслу, но и безнравственными. Императоры—послѣдователи Конфуція, отнеслись къ нему еще строже: актеры были объявлены внѣ закона, а профессія ихъ приравнена къ профессіи палача, т. е. къ самой позорной въ Китаѣ. Тѣмъ не менѣе театръ тамъ не исчезъ. Зародившійся при храмѣ, вѣроятно, въ эпоху существованія шаманизма въ Китаѣ, онъ нашелъ пріютъ и защиту у даосовъ, а затѣмъ и у буддистовъ, которые и понынѣ гостепріимно открываютъ ворота своихъ кумиренъ и монастырей странствующей труппѣ актеровъ. Замѣчательно, что въ Китаѣ еще до сихъ поръ сохранился обычай приглашать актеровъ по обѣту, напримѣръ, въ случаѣ исцѣленія отъ тяжкой болѣзни, выигрыша судебнаго процесса, полученія крупнаго наслѣдства, повышенія по должности и т. д., что ясно указываетъ на объясненное выше происхожденіе китайской драмы.

Гоненія на театръ въ Китаѣ, не успѣвъ убить его окончательно, остановили, однако, его развитіе. Лучшіе китайскіе беллетристы стали пренебрегать драмой, декоративное искусство, связанное временными подмостками, не могло выйти изъ своего младенческаго состоянія [2]). Зато костюмы въ историческихъ пьесахъ

---

[1]) У китайцевъ имѣется большой репертуаръ пьесъ скабрезнаго свойства. Легкія двусмысленности и каламбуры французскихъ комедій того же жанра замѣнены здѣсь циничными выраженіями и мимикою, не говорящею въ пользу китайской нравственности. (Коростовецъ «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 423).

Такихъ пьесъ мы, конечно, не видѣли.

[2]) О кулисахъ, декораціяхъ, занавѣсѣ и какихъ-бы то ни было механическихъ приспособленіяхъ нѣтъ конечно, и рѣчи. Какъ видно и на прилагаемыхъ фототипіяхъ, обстановку сцены составляютъ лишь столы и табуреты. При помощи этой мебели китайцы изображаютъ все, что

заслуживаютъ самаго детальнаго изученія этнографовъ и историковъ, оставшись, повидимому, точными воспроизведеніями китайскихъ одѣяній, прически и головныхъ уборовъ прежнихъ эпохъ.

Конечно, и тутъ есть условности; такъ, напримѣръ, лица измѣнниковъ и разбойниковъ должны быть непремѣнно разрисованы яркими красками, придающими имъ страшный видъ, причемъ носы, какъ это видно и на прилагаемыхъ фототипіяхъ, почему-то обязательно должны быть вымазаны бѣлилами; равнымъ образомъ, воины и герои появляются на сценѣ не иначе, какъ въ маскахъ, которыя должны наводить ужасъ на враговъ; статистамъ не полагается имѣть костюмовъ, отвѣчающихъ той эпохѣ, къ которой дѣйствіе относится, и т. д.

Изучая историческую драму, нельзя не придти къ заключенію, что почти каждая эпоха китайской исторіи вносила значительныя реформы въ китайское одѣяніе [1]). Такъ, въ эпоху династіи Хань (съ 206 г. до Р. Хр. по 22 г. нашей эры) высшіе чины государства поверхъ исподняго платья одѣвали два шелковыхъ татарскаго покроя кафтана: нижній доходилъ до колѣнъ и даже еще ниже— до икръ (родъ чекменя) и застегивался слѣва направо, почему и былъ вышитъ только по вороту и лѣвому борту; верхній былъ короче, доходилъ только до бедръ, имѣлъ расшитые шелками и золотомъ лацканы и носился то нараспашку, то подпоясывался широкимъ шелковымъ шарфомъ съ бахрамой; шарфъ этотъ составлялъ непремѣнную часть одежды и когда не подпоясывался имъ верхній кафтанъ, то подпоясывался нижній. Воины брили подбородки и носили только усы.

Въ Танскія времена (618 — 907) мы видимъ уже вмѣсто кафтановъ съ узкими рукавами широкіе халаты съ широкими рукавами, покроемъ своимъ напоминающіе рясу нашихъ священнослужителей; обыкновенно они были богато расшиты шелками и золотомъ и

вамъ угодно. Слѣдуетъ, напримѣръ, изобразить тронъ, на столъ ставятъ стулъ и покрываютъ его кускомъ матеріи (а иногда и вовсе ничѣмъ не покрываютъ); если требуется представить гористую мѣстность, табуреты нагромождаются кучей, причемъ зрителямъ предоставляется видѣть въ нихъ скалы и неровности почвы, и т. д.

[1]) «Въ Китаѣ, пишетъ Іакинфъ («Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе», стр. 272), отъ самаго основанія имперіи правительство имѣло вліяніе какъ на покрой одѣянія, такъ и на самые цвѣта тканей; и сіе дѣлалось не только для отличенія состояній одного отъ другого, но даже для отличенія чиновниковъ одного класса отъ другого. Каждая династія китайская касательно сего предмета дѣлала свои постановленія; а иностранныя династіи, царствовавшія въ Китаѣ, предписывали китайцамъ употреблять одѣяніе побѣдителей. Такимъ образомъ въ царствованіе династій Юань-вэй, Ляо (?) и Юань китайцы одѣвались по монгольски, а при династіи Гинь по тунгузски. Нынѣ царствующая династія Цинъ снова облекла Китай въ тунгузское одѣяніе».

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Китайскій театръ.

Фототипія В. Клясинъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмн. Н. Каминскій.

подпоясывались по животу кушаками съ металлическими (золотыми и серебряными) бляхами и такими же застежками. Евнухи (и вообще прислуга) имѣли въ эту же эпоху покрой платья иной. Это были тоже халаты съ широкими рукавами, но они не застегивались вплотную слѣва направо, начиная отъ ворота до пояса, а имѣли обѣ полы одинаковыя, которыя запахивались одна на другую, подобно современнымъ халатамъ туркестанцевъ. Прислуга въ это время не носила ни бороды, ни усовъ; усовъ не носили и высшіе сановники государства, но зато они отпускали козлиныя бороды и пряди волосъ отъ висковъ (еврейскія пейсы), подбривая одновременно щеки.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что до конца Танской эпохи платье китайцевъ отличалось весьма мало отъ платья другихъ среднеазіатскихъ народовъ, почему становятся понятными и безпрестанныя посылки въ даръ князьямъ сосѣднихъ кочевыхъ ордъ почетныхъ халатовъ.

У китайскихъ историковъ мы находимъ слѣдующіе два любопытныхъ указа, относящіеся ко времени правленія Суйской династіи (581—618).

Гаочанскій владѣтель, вернувшись изъ Китая, объявилъ своимъ подданнымъ: «Мы до сего времени, обитая на пустынныхъ предѣлахъ, заплетали косы [1]) и носили лѣвую полу наверху. Нынѣ домъ Суй единодержавствуетъ, и вселенная соединена въ одно царство. Я уже принялъ обычаи просвѣщеннаго народа; подданнымъ моимъ также надлежитъ расплести косы и уничтожить лѣвую полу». Императоръ, узнавъ объ этомъ, издалъ слѣдующій указъ: «Владѣтель Кюй Бо-я прежде, по причинѣ многихъ трудныхъ обстоятельствъ, одѣвался по-тукіэски. Но съ того времени, какъ нашъ домъ Суй утвердилъ единодержавіе во вселенной, Бо-я, преодолѣвъ препятствія, перешелъ пески и явился къ нашему двору съ дарами; уничтожилъ лѣвую полу и распустилъ крылья на кафтанѣ; отмѣнилъ кочевыя обыкновенія и принялъ китайскія. И такъ должно наградить его одѣяніемъ и шляпою, и снабдить образцами для покроя».

Мнѣ не случилось видѣть китайскіе костюмы VI и VII вѣковъ, но изъ этихъ указовъ видно, что главнѣйшая разница между одѣяніемъ гаочанцевъ (а стало быть и одѣяніемъ тукіэсцевъ) и китай-

[1]) У Іакинфа («Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», III, стр. 157) сказано—«распускали волосы», причемъ пояснено: «т. е. заплетали въ косу, спускаемую назади; китайцы, наоборотъ, собирали волосы въ пукъ, связываемый на макушкѣ».

скимъ заключалась, во первыхъ, въ отсутствіи на парадныхъ кафтанахъ гаочанцевъ крыльевъ, этого своеобразнаго украшенія китайскихъ парадныхъ одѣяній, введеннаго, какъ кажется, послѣ Р. Хр. и неизмѣнно продержавшагося до XIV столѣтія, и, во вторыхъ, въ томъ, что у однихъ запахивалась правая пола кафтана, а у другихъ—наоборотъ. Нѣтъ ли тутъ, однако, какой либо ошибки? Въ Турфанѣ и до сихъ поръ еще народъ запахиваетъ свои джаймэки и халаты справа налѣво [1]), между тѣмъ какъ въ Китаѣ я не знаю времени, когда бы верхняя часть одежды застегивалась на эту сторону [2]).

Въ эпоху Суновъ впервые появляется короткая, такъ называемая «конная» курма (ма-гуа-цзы), но только въ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ властвовали сначала кидане, а затѣмъ чжурчжени; въ южномъ же Китаѣ продолжалъ удерживаться халатъ, обыкновенно книзу отъ пояса расшивавшійся характернымъ рисункомъ—косыми цвѣтными съ золотомъ полосами, поверхъ котораго одѣвался съ широкими рукавами полукафтанъ, стягивавшійся поясомъ, пышнымъ бантомъ и длинными кистями ниспадавшимъ вдоль лѣваго бока.

Костюмъ китайца временъ династіи Минъ хорошо видѣнъ на прилагаемой фототипіи.

Не менѣе разнообразны одѣянія женщинъ [3]), ихъ головные уборы, а также головные уборы мужчинъ, но я на нихъ не останавливаюсь, такъ какъ мои записи ограничиваются лишь вышеизложеннымъ.

Хорошимъ пособіемъ къ изученію древнихъ одѣяній китайцевъ могутъ служить лубочныя картины китайцевъ. Большинство ихъ легендарно-историческаго содержанія. Обыкновенно жизнь какого нибудь государственнаго дѣятеля воспроизводится или на 12 или на 24 картинахъ, печатающихся по три на каждомъ свиткѣ. На прилагаемой таблицѣ воспроизведена одна такая серія, изображающая въ 24 картинахъ жизнь мандарина Іо-фея, одного изъ сподвижниковъ основателя Сунской династіи Лю-юя Сунъ-вана (V в.).

---

[1]) См. т. I, стр. 331.

[2]) Впрочемъ, я не имѣлъ случая обстоятельно познакомиться съ затрогиваемымъ здѣсь предметомъ; и если я все же включаю въ свою хронику путешествія эту запись, то только потому, что въ библіографіи Китая я не нашелъ работъ, посвященныхъ обозрѣнію историческихъ китайскихъ одѣяній.

Въ книгѣ графа d'Escayrac de Lauture—«Mémoires sur la Chine» можно найти нѣсколько хорошо исполненныхъ изображеній актеровъ въ историческихъ костюмахъ.

[3]) Ср. Іакинфъ «Китай» и проч., стр. 273.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Китайскій театръ.

Фототипія В. Клясенъ; С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмн. Н. Каминскій.

Я передаю здѣсь содержаніе этой серіи со словъ китайца—секретаря Сплингарда; но предварительно не могу не отмѣтить, что трудно согласовать этотъ разсказъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о жизни и дѣяніяхъ Сунъ-вана, который къ тому же среди своихъ приближенныхъ не имѣлъ лица, носившаго имя Іо-фея.

Картины 1 и 2 представляютъ сцену благословенія новорожденнаго Іо-фея хошанемъ, который на рисункѣ изображенъ по правую руку отца.

3 и 4 изображаютъ семейныя сцены въ домѣ родителей Іо-фея.

5 и 6 представляютъ Іо-фея уже молодымъ человѣкомъ; онъ отправляется на государственный экзаменъ и дорогой встрѣчается съ веселой компаніей студентовъ, спѣшившихъ въ столицу съ тѣми же цѣлями. Среди этихъ студентовъ оказались бѣдные и богатые; сыновья ремесленниковъ съ котомками за плечами, сыновья именитыхъ воиновъ (условно изображены въ маскахъ) и, наконецъ, сыновья высшихъ сановниковъ государства, среди коихъ Іо-фей выдѣляется роскошью своего одѣянія (условно онъ изображенъ въ одѣяніи, на которое имѣлъ право только его отецъ). Дорогой онъ успѣваетъ сдружиться съ сыномъ полководца, по имени Ню-го, съ которымъ и вступаетъ въ побратимство.

7 и 8 переносятъ насъ въ столицу южнаго Китая временъ Цзиновъ—Нанькинъ (Цзянь-канъ). Картины должны изображать государственный экзаменъ. Іо-фей блестяще выдерживаетъ его, послѣ чего выказываетъ свою необыкновенную силу и ловкость въ бою съ извѣстнымъ мастеромъ фехтовальнаго искусства, загримированнымъ татариномъ [1]). Послѣ этого экзамена Іо-фей получилъ видное назначеніе. Но онъ вступилъ въ жизнь, когда Китай волновали возстанія. Цзиньская династія явно клонилась къ упадку. Взоры всѣхъ обращались невольно къ Сунъ-вану, въ которомъ видѣли человѣка, способнаго укрѣпить имперію. Сунъ-ванъ томился однако въ плѣну у татаръ [2]).

9 и 10 изображаютъ явленіе Сунъ-вану во снѣ старца, который сказалъ: „встань, изъ глины сдѣлай коня, садись на него и скачи на югъ, гдѣ вокругъ тебя соберется народъ, который подъ твоей сильной рукой побѣдитъ всѣхъ своихъ враговъ“. Проснувшись, Сунъ-ванъ тотчасъ же вылѣпилъ изъ глины коня, но едва сѣлъ на него, какъ позади себя услышалъ погоню. Когда татары его уже настигали, Сунъ-ванъ достигъ берега рѣки. Еще разъ явившійся передъ нимъ ста-

---

[1]) Такъ переводилъ мнѣ слова китайца Сплингардъ.

[2]) У какихъ татаръ, это мнѣ, при помощи Сплингарда, не удалось разъяснить. Въ «Histoire générale de la Chine» не находится свѣдѣній о плѣненіи Сунъ-ванъ; наоборотъ, онъ является тамъ во всѣхъ случаяхъ побѣдителемъ.

рецъ воскликнулъ: „мужайся!“ Сунъ-ванъ бросился въ рѣку; въ то же время поднявшійся вихрь поднялъ страшную пыль, которая и скрыла его изъ глазъ преслѣдователей.

11 и 12 представляютъ объявленіе татарамъ войны. Іо-фей находится во главѣ войска и, по приказанію Сунъ-вана, посылаетъ одного изъ своихъ офицеровъ къ татарскому князю Лоу-вэнь-луну [1]) съ требованіемъ покорности; это требованіе отвергнуто.

13 и 14 изображаютъ временное разставаніе Іо-фея съ арміей. Ввѣривъ ее цзунъ-туну, онъ, съ разрѣшенія Сунъ-вана, отправляется на родину, въ отчій домъ. Здѣсь отецъ и мать торжественно беруть съ него клятву въ вѣрности Сунскому дому и вырѣзаютъ слова этой клятвы на его правой рукѣ.

15 и 16 переносятъ насъ уже въ Монголію, гдѣ Ню-го, предводительствуя авангардомъ, наноситъ пораженіе татарамъ.

17 и 18 изображаютъ дальнѣйшую борьбу императорскихъ войскъ съ Лоу-вэнь-луномъ.

19 и 20 представляютъ одинъ изъ моментовъ этой борьбы; сынъ Іофея вступаетъ въ единоборство съ Лоу-вэнь-луномъ и побѣждаетъ его.

21 и 22 вновь переносятъ насъ на югъ, на берега Янъ-цзы-цзяна. Здѣсь Ню-го наноситъ полное пораженіе пиратамъ, которые незадолго предъ симъ захватили нѣсколько областей вдоль этой рѣки.

23 и 24 изображаетъ представленіе Іо-феемъ императору Гао-цзу-ву-ди (Сунъ-вану) отличившагося Ню-го.

Возвращаясь къ театру, я ничего не могу добавить къ словамъ Коростовца, который очень живо описываетъ игру китайскихъ актеровъ [2]).

---

[1]) Въ тотъ моментъ, когда Сунъ-ванъ вступилъ на престолъ, сѣверный Китай былъ раздѣленъ на шесть государствъ, а именно:

1) Царство сяньбійцевъ, домъ Тоба, правившій надъ большей частью сѣвернаго Китая подъ именемъ династіи Юань-вэй. Тоба-Сы (Тай-цзунъ-Минъ-юань-ди) въ 420 г. былъ на двѣнадцатомъ году своего царствованія.

2) Княжество Пинъ-Лянъ, въ Шэнь-си, основанное также сяньбійцами. Въ двадцатыхъ годахъ V вѣка тамъ княжилъ Цзи-фо-чжи-бань.

3) Княжество Ся на земляхъ Си-ань-фу и Ордоса (столица въ Ся-чжоу); княжествомъ въ это же время правилъ Хэй-лянь-бо-бо.

4) Княжество Янь, въ Чжи-ли; современникомъ Сунъ-вана былъ здѣсь князь Фынъ-бо.

5) Княжество Бэй-Лянъ, въ Ганъ-су (столица въ Ганъ-чжоу); здѣсь княжилъ Цзюй-цюй-Мэнъ-сунь, о которомъ говорилось уже выше (стр. 31);

и 6) княжество Си-Лянъ (западный Лянъ), въ Ганъ-су (столица въ Су-чжоу), гдѣ властвовалъ Ли-сюнь, сынъ Ли-хао.

Изъ сего видно, что татарскаго князя, который носилъ бы имя Лоу-вэнь-луна, среди современниковъ Сунъ-вана не было.

[2]) Op. cit., стр. 421—422.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Китайскія лубочныя картины.

Фототипія В. Кенсонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. И. Кошинскій

Выходя на сцену [1]), актеръ говоритъ свое имя, докладываетъ, кто онъ такой, что онъ совершилъ и намѣревается совершить и какія его отношенія къ остальнымъ играющимъ. Воображенію зрителей приходится дополнять очень многое, только намѣчаемое въ словахъ актера или указанное въ либретто; о сценической же иллюзіи нѣтъ и помину. Такъ, если по пьесѣ происходитъ убійство, убивающій указываетъ на убиваемаго мечомъ или копьемъ и тотъ убѣгаетъ со сцены; если нужно отправить курьера, актеръ, играющій эту роль, дѣлаетъ видъ, что садится на лошадь, беретъ бичъ и, помахивая имъ, скачетъ по сценѣ.

Вообще, актеры очень часто прибѣгаютъ къ выразительной, хоть и не особенно изящной мимикѣ. Особенно хороша мимика артистовъ, исполняющихъ роли женщинъ. Для большей реальности они втискиваютъ ноги въ миніатюрные женскіе башмаки и ходятъ въ припрыжку [2]). Мимика театральной поступи требуетъ также большого искусства и оставляетъ далеко позади знаменитый шагъ трагиковъ старой школы на Западѣ. Артистъ, играющій важное лицо, ступаетъ, отчеканивая и соразмѣряя каждый шагъ; онъ высоко приподнимаетъ ноги, ухарски вывертываетъ ступни и ударяетъ пяткою одной ноги по колѣнкѣ другой—это называется «тигровою поступью». По мѣрѣ увлеченія игрою, шаги его становятся быстрѣе; онъ начинаетъ прыгать и кружиться на одной ногѣ, дѣлая необычайныя ужимки и принимая странныя позы, означающія трагизмъ положенія.

Актеры произносятъ роли нараспѣвъ, непремѣнно въ минорномъ тонѣ и подъ аккомпаниментъ музыки. Въ патетическихъ или трагическихъ мѣстахъ речитативъ повышается и переходитъ въ пронзительный визгъ въ ускоренномъ темпѣ. Хорошимъ актеромъ почитается тотъ, кто умѣетъ взять вѣрный тонъ, т. е. издать и продлить съ извѣстными модуляціями звукъ, ласкающій китайскій слухъ. Музыканты, сидящіе въ глубинѣ сцены [3]) за столомъ, вторятъ при помощи гонговъ, бубенъ, колотушекъ и балалаекъ [4])

---

[1]) Китайскіе актеры непритязательны и играютъ всюду, гдѣ случится, обращая въ сцену любую свободную площадку; въ деревняхъ, гдѣ разсчитывается имѣть толпу зрителей, балаганъ изъ циновокъ подымается на высокіе козлы; позади сцены устраивается изъ циновокъ же общая уборная. Постоянныхъ театровъ намъ не доводилось видѣть.

[2]) Актеры труппы, игравшей у Сплингарда, этого не продѣлывали.

[3]) Это не правило; музыканты размѣщаются, гдѣ удобнѣе.

[4]) Китайскіе струнные инструменты имѣютъ много общаго съ уже описанными туркестанскими: «юэ-чэнь» это «рабабъ» (отличіе заключается въ томъ, что у «юэ-чэня» кувовъ округлый, а не вытянутый); «хунъ-чэнь» напоминаетъ «гырджакъ», и т. д. См. томъ первый, стр. 341.

голосамъ играющихъ, и, не щадя барабанныхъ перепонокъ слушателей, валяютъ, что называется, во всю ивановскую [1]). Сколько бы ни изощрялся китайскій музыкантъ, но для европейца, обладающаго хоть небольшимъ музыкальнымъ чутьемъ, звуки, имъ издаваемые, всегда покажутся какофоніею. -

---

[1]) Выраженіе это вполнѣ пригодно для того впечатлѣнія, которое производитъ игра китайскаго оркестра на европейца. Игра эта просто ужасна.

ГЛАВА VII.

По землямъ осѣдлыхъ тангутовъ.

Су-чжоу подъ современнымъ названіемъ сталъ извѣстенъ со временъ Тоба-Дао; до половины же V вѣка онъ назывался Цьюцюань-гюнь, подъ каковымъ наименованіемъ и былъ основанъ въ 121 г. до Р. Хр. [1]).

Краткая исторія его была слѣдующей.

Со времени своего основанія до начала IV вѣка этотъ городъ находился неизмѣнно во власти китайцевъ. Въ началѣ IV вѣка Китайская имперія распалась на шестнадцать владѣній (эпоха «ши-лю-го») [2]), и г. Су-чжоу сталъ столицей одного изъ нихъ. Въ качествѣ стольнаго города княжества Си-лянъ (Западнаго Ляна) Су-чжоу оставался до 421 года. Въ этомъ году Цзюй-цюй Мэнъсунь овладѣлъ Западнымъ Ляномъ и, объединивъ подъ своею властью земли древней Хэ-си, провозгласилъ себя ваномъ Хэ-си. Его преемникъ Мугянь Цзюй-цюй потерялъ это княжество въ 440 году. Войдя въ составъ владѣній дома Тоба, г. Су-чжоу, съ паденіемъ этого царства, преемственно перешелъ во власть императоровъ династій Суй (581—618) и Танъ (618—907) до 764 года, когда всею страною къ сѣверу отъ Нань-шаня овладѣли тибетцы [3]). Въ 850 году, во время междоусобій, возникшихъ въ Тибетѣ, городъ Су-чжоу былъ разграбленъ узурпаторомъ Кунжо, а въ слѣдующемъ году онъ былъ въ числѣ прочихъ городовъ Хэси переданъ тибетскимъ

---

[1]) См. выше, стр. 8.

[2]) См. выше, стр. 31.

[3]) Іакинфъ въ своей «Исторіи Тибета и Хухунора», на стр. 179, пишетъ, что въ 764 г. тибетцы овладѣли только областью Лянъ-чжоу; надо думать, однако, что тогда же, если не раньше, они овладѣли и г. Су-чжоу (ср., ib., стр. 176 и 190). У Pauthier («Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise», etc, I, стр. 164.) находимъ указаніе, что г. Су-чжоу былъ взятъ тибетцами въ 766 г.

*

главаремъ Чжанъ-и-чао китайцамъ [1]). Въ это же время выступили на сцену уйгуры, которые заняли долину р. Эцзинъ-гола и утвердились въ г. Гань-чжоу [2]). Вѣроятно, вскорѣ засимъ они овладѣли и г. Су-чжоу.

Въ 1028 г. Уйгурское царство присоединили къ своимъ владѣніямъ тангуты. Они владѣли Су-чжоу до 1226 г., когда городъ этотъ взялъ приступомъ и разрушилъ до основанія Чингисъ-ханъ. Раздраженный упорной защитой, онъ предалъ смерти всѣхъ его жителей, пощадивъ всего лишь 150 семействъ [3]). Марко Поло нашелъ его, однако, уже вновь возстановленнымъ, а его окрестности—заселенными. Въ эпоху Миновъ Су-чжоу былъ уже большимъ городомъ и крупнымъ торговымъ центромъ; такимъ, по крайней мѣрѣ, описываютъ его послы Шахъ-Рока (1419) [4]), купецъ Хаджи Мохаммедъ (1550) [5]) и іезуитъ Гоэсъ (1606) [6]), который нашелъ здѣсь даже два города: одинъ—китайскій, другой — магометанскій, я же думаю—дунганскій, что явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ іезуита: «Многіе изъ сарациновъ (т. е. магометанъ) обзавелись женами и дѣтьми, такъ что считаются почти за туземцевъ, подобно тѣмъ португальцамъ, которые поселились въ Макао. Но разница между ними та, что португальцы живутъ по своимъ обычаямъ и подъ управленіемъ собственныхъ своихъ чиновниковъ, тогда какъ сарацины состоятъ подъ начальствомъ у китайскихъ, которые и запираютъ ихъ на ночь въ отведенной имъ части города (надо думать—въ отдѣльномъ городѣ), обведенной стѣной. Во всемъ прочемъ (?) сарацины эти *ничѣмъ не отличаются отъ туземцевъ* (т. е. китайцевъ), начальствомъ которыхъ наравнѣ съ ними и вѣдаются». Въ эту же эпоху Су-чжоу неоднократно подвергался нападеніямъ со стороны турфанцевъ, ойратовъ и монголовъ, но взятъ ими ни разу не былъ.

За симъ въ теченіе послѣдующихъ 250 лѣтъ мы не имѣемъ объ этомъ городѣ никакихъ извѣстій.

---

[1]) «Исторія Тибета и Хухунора», стр. 232.

[2]) «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 424.

[3]) «Си-ся-шу-ши»; цитировано Палладіемъ въ «Elucidations of Marco Polo's Travels in North-China, drawn from Chinese sources» въ «Journal of the North-China branch of the Royal Asiatic Society», 1876, new series, № X, стр. 9. Ср., однако, A. Bürck и K. Neumann «Die Reisen des Venezianers Marco Polo im dreizehnten Jahrhundert», стр. 183.

[4]) Quatremère—«Notices et Extraits», etc., XIV, 1, стр. 394; Yule—«Cathai and the way thither», note XVII; Bürck и Neumann, ibid.; Pauthier—«Le livre de Marco Polo», I, стр. 164.

[5]) «Hajji Mahomed's account of Cathay, as delivered to messer Giov. Battista Ramusio» въ H. Yule—«Cathai and the way thither», I, стр. ccxv.

[6]) Григорьевъ—«Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 339; Yule — «Cathai and the way thiter», II, стр. 581—582.

Дунгане, овладѣвъ имъ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, благодаря измѣнѣ гарнизона, властвовали въ немъ, однако, недолго; уже въ 1872 году городъ былъ осажденъ Цзо-цзунъ-таномъ, который, взявъ его послѣ упорнаго сопротивленія, не оставилъ въ немъ, по словамъ Пясецкаго, камня на камнѣ. И до сихъ поръ еще «дунганскій» городъ представляетъ груду развалинъ. Указывая на его глинобитныя стѣны, Сплингардъ какъ-то замѣтилъ:

— Посмотрите на эти выемки въ стѣнномъ карнизѣ. Это слѣды веревокъ, на которыхъ втаскивали корзины съ провіантомъ.

— Но, позвольте, значитъ въ рядахъ осаждавшихъ были тайные союзники дунганъ?

— Ничуть не бывало. Вы забываете, что у дунганъ было серебро. Имъ продавали, потому что они хорошо платили...

— Но кто же были эти измѣнники?

— Ужь и измѣнники! Конечно, они поплатились бы, еслибы ихъ поймали; однако, на нихъ посмотрѣли бы здѣсь иными глазами, чѣмъ у насъ, въ Европѣ. Можетъ быть, это были маркитанты, но столь же вѣроятно, что это были солдаты и даже офицеры. И знаете что—послѣднее я охотнѣе всего допускаю. Въ Китаѣ мандарины, военные и гражданскіе—это безразлично, зачастую до такой степени привыкаютъ красть, что перестаютъ видѣть въ подобнаго рода проступкахъ нѣчто несовмѣстимое съ человѣческимъ достоинствомъ.

Но намъ этотъ разсказъ показался неправдоподобнымъ. Сарымсакъ, однако, подтвердилъ слова Сплингарда.

— При осадѣ Манаса, говорилъ онъ, я былъ свидѣтелемъ подобныхъ же фактовъ. Торгъ происходилъ по ночамъ. Дунгане спускали корзины, въ которыхъ лежало сговоренное количество серебра, взамѣнъ же втаскивали въ нихъ жизненные припасы — рисъ, мясо, муку. Все это было тѣмъ легче производить, что временной базаръ былъ расположенъ между городской стѣной и бивуакомъ китайскаго осаднаго корпуса...

— А продавцы были китайцы?

— Были и китайцы, но были и таранчи...

Современный Су-чжоу имѣетъ 7¾ ли въ окружности. Стѣны его облицованы кирпичемъ, имѣютъ трое воротъ: сѣверныя, южныя и восточныя, и приблизительную высоту въ десять аршинъ [1]). На-

[1]) Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, я всегда бралъ высоту стѣнъ до основанія зубцовъ.

селеніе его составляютъ три тысячи семействъ китайцевъ и до ста семействъ дунганъ и окитаившихся тангутовъ. Значительныхъ и красивыхъ сооруженій въ городѣ нѣтъ. Ямынь даотая—обширная, но неопрятная постройка, имѣющая четыре двора. Насъ сановникъ Чанъ встрѣтилъ на третьемъ и съ обычными церемоніями проводилъ въ пріемную комнату — непривѣтливой внѣшности полутемное помѣщеніе, вполнѣ шаблонно обставленное и скорѣе заслуживающее названіе сарая, чѣмъ парадной комнаты. Не смотря на то, что я нѣсколько разъ побывалъ въ городѣ, я не успѣлъ освоиться съ распланированіемъ его улицъ. Ихъ тамъ много; онѣ узки, неправильны и очень грязны. Главнѣйшія изъ нихъ, на пространствѣ между сѣверными и восточными воротами, обстроены магазинами, лавками и ларями. Это — базаръ, который, какъ и всѣ китайскіе базары—оживленъ, интересенъ съ бытовой точки зрѣнія, но крайне непривлекателенъ, весной въ особенности. Земля оттаиваетъ, и черное, жидкое, вонючее, переполненное всевозможными отбросами, мѣсиво, разливающееся въ это время по улицамъ, въ соединеніи съ грязной толпой, одѣтой во все синее, сѣрое и черное, и чадомъ трактировъ, придаетъ ему самую отталкивающую внѣшность.

Богатыхъ лавокъ въ Су-чжоу немного. Посѣтивъ нѣкоторыя, мы въ одной изъ нихъ пріобрѣли замѣчательную картину—кроки художника Чао-шуа, уроженца Тянь-шуй (нынѣ Цзинь-чжоу, въ Гонь-су), жившаго въ XVI вѣкѣ. Эта большая акварель интересна какъ образецъ живописи одной изъ старыхъ китайскихъ школъ, послѣдователи которой предпочитали смѣлый и грубый штрихъ тонкому письму и полный жизни экскизъ изящно, но ненатурально вырисованной картинѣ [1]). Акварель изображаетъ старика, согнувшагося подъ тяжестью лѣтъ, но еще полнаго жизни, которая свѣтитъ въ его глазахъ, написанныхъ такъ искусно, что кажется, будто они именно на васъ только и смотрятъ. Если принять во вниманіе, что акварель исполнена на весьма тонкой, непроклеенной бумагѣ (немного лишь плотнѣе папиросной), то нельзя не согласиться съ китайцами, что Чао-шуа-чжэнъ обладалъ недюжиннымъ художественнымъ талантомъ и смѣ-

[1]) Объ эти школы не болѣе, однако, какъ крайнія вѣтви еще болѣе древней школы, соединявшей въ себѣ лучшія ихъ стороны, съ одной стороны—вѣрность природѣ, съ другой—тонкость и изящество выполненія. Образцомъ такой живописи можетъ служить безподобно выполненный рисунокъ «карпъ въ водѣ», снимокъ съ коего приложенъ къ брошюрѣ Hirth'a: «Ueber die einheimischen Quellen zur Geschichte der Chinesischen Malerei von den ältesten Zeiten bis zum XIV Jahrhundert», 1897. Этотъ рисунокъ принадлежитъ кисти художника Танъ-инъ, прозваннаго Люй-жу (1470—1523), и исполненъ въ 1508 году.

лою кистью; тѣмъ не менѣе картину эту все же нельзя считать верхомъ искусства, даже китайскаго, и прежде всего потому, что художнику не удалась мысль, положенная въ ея основу—изобразить счастливую старость. Подъ рисункомъ стоятъ іероглифы «шоу—шэнъ», что значитъ, по объясненію Сплингарда,—«старая звѣзда». Китайцы, видѣвшіе впослѣдствіи у насъ эту картину, отзывались о ней восторженно; при этомъ они съ сожалѣніемъ замѣчали, что нынѣ въ Китаѣ такихъ мастеровъ уже нѣтъ. Если это и такъ, то все же нельзя не замѣтить, что школа, къ которой принадлежалъ Чао-шуа-чжэнъ, исчезла въ Китаѣ недавно. Вотъ, что по сему поводу пишетъ графъ d'Escayrac de Lauture [1]): «On m'en offrit une (esquisse), un jour, d'un grand maître; elle représentait en demi grandeur et avec d'excellents raccourcis un mantchou et son cheval. Je refusai d'en donner neuf cents francs; je l'ai regretté depuis. La figure humaine est rarement bien traitée; la perspective n'est pas toujours mauvaise, mais elle est toujours prise d'en haut, comme à Pompéi et en général dans les oeuvres anciennes». Авторъ этой картины жилъ еще въ прошломъ столѣтіи и былъ уроженцемъ Цзянъ-наня.

Въ Су-чжоу мы простояли 12 дней. За это время охота, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, дала намъ немного; самымъ интереснымъ нумеромъ была Anas zonorhyncha, Swinh., подстрѣленная братомъ въ камышахъ небольшаго пруда, находящагося въ верстѣ къ сѣверо-востоку отъ города. 23 марта въ окрестностяхъ Су-чжоу появились во множествѣ плиски — Motacilla alba baicalensis, Swinh.; 28 же онѣ столь же неожиданно исчезли, какъ передъ тѣмъ появились.

Съ перваго же дня прибытія нашего въ Су-чжоу погода рѣзко измѣнилась къ теплу. Небо хотя все еще продолжало оставаться временами пасмурнымъ, но вѣтеръ пересталъ уже дуть съ прежнимъ постоянствомъ и силой; только 20 марта онъ замѣтно усилился и къ 6 часамъ вечера перешелъ въ бурю; эта буря понизила температуру слѣдующаго дня на 9°, но засимъ мы снова имѣли слѣдующіе максимумы температуръ въ тѣни: 23 марта 18°, 24 — 18°, 25 — 24°, 26 — 23°, при минимумахъ: 23 марта — -9°, 24 — -6°, 25 — -7° и 26 — 0°; 21 была поймана первая бабочка — Pieris bellidice, O., 26 — другая — Pieris rapae, L. Всюду начинала пробиваться трава, верхушки ивъ зеленѣли. Весна надвигалась. Пора было и въ горы!

---

[1]) «Mémoires sur la Chine». «Coutumes», стр. 38.

28 марта, въ сопровожденіи Сплингарда, который взялся проводить насъ до Гао-тая, мы, наконецъ, выступили въ дальнѣйшій путь. По его совѣту мы избрали проселокъ, ближе къ горамъ, который былъ короче и въ эту пору суше [1]) большой колесной дороги.

Обогнувъ городъ съ запада и юга, мы вступили въ аллею высокихъ тополей и карагачей. Къ этой аллеѣ съ обѣихъ сторонъ примыкали сады, фанзы, различныя казенныя зданія. Это былъ красивый уголокъ, и видъ его былъ для насъ тѣмъ большею неожиданностью, что Су-чжоу, какъ центръ дунганской крамолы, былъ, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, до тла, будто бы, разоренъ Цзо-цзунъ-таномъ.

На второй верстѣ отъ города мы миновали бывшій губернаторскій ямынь, на пятой — казармы — помѣщеніе цѣлаго ина [2]), а затѣмъ передъ нами развернулась равнина, перерѣзанная широкимъ и сухимъ въ эту пору саемъ рѣки Линь-шуй-хэ [3]). Правый берегъ этого сая былъ окаймленъ невысокими грядами песку, пройдя которыя, мы вступили въ оазисъ Цюнъ-цзы, орошавшійся въ западной своей половинѣ неизвѣстными мнѣ рѣчками, а въ восточной водами р. Вань-сао-хэ. Въ центрѣ этого обширнаго оазиса находится небольшое укрѣпленное мѣстечко съ постоялымъ дворомъ, харчевнями и небольшимъ базаромъ. Это укрѣпленіе служитъ исходнымъ пунктомъ для дороги на золотые пріиски и далѣе въ Сининъ, доступной, впрочемъ, для вьючнаго движенія лишь въ лѣтніе мѣсяцы (съ половины іюня до двадцатыхъ чиселъ сентября). Отсюда мы верстъ десять шли среди хуторовъ, воздѣланныхъ полей и древесныхъ насажденій и, пройдя рѣчку Хунъ-шуй, вступили въ селеніе Инъ-гэ-чжа, иначе называемое еще Хунъ-шуй-пу, гдѣ и остановились [4]).

---

[1]) Эта дорога обходитъ съ юга топкую котловину соленаго озерка Янь-чи.

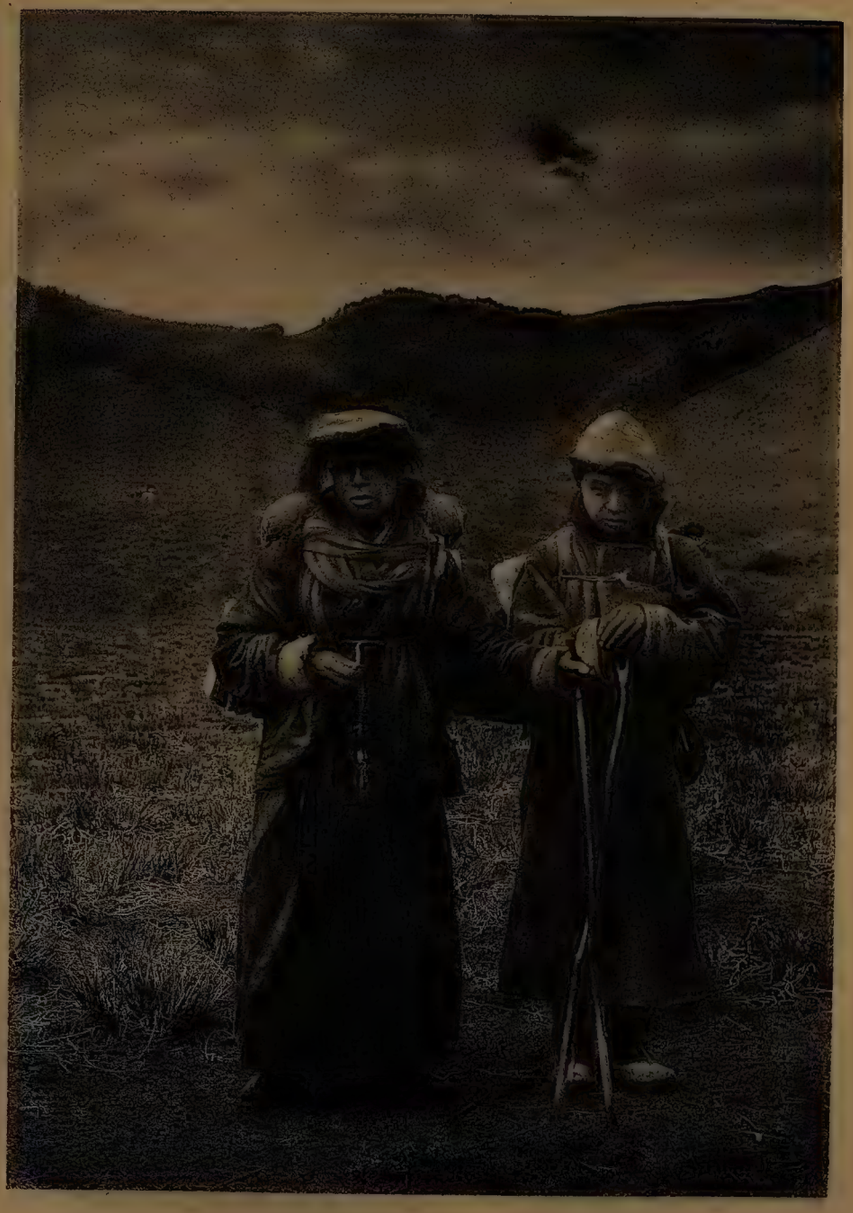
[2]) Списочный составъ гарнизона Су-чжоу мнѣ неизвѣстенъ; но въ 1890 году здѣсь числилось до 1,500 человѣкъ луиновъ, размѣщенныхъ не въ чертѣ города, а въ его окрестностяхъ. Г. Су-чжоу служитъ мѣстопребываніемъ главному начальнику войскъ, расположенныхъ въ округѣ. Онъ титулуется чинъ-сэй (?). Въ его распоряженіи находятся два генерала для порученій (цзунъ-инъ и юнь (ю ?)-инъ). Сплингардъ мнѣ говорилъ, что въ Су-чжоу имѣется еще и четвертый генералъ — чэнъ-цзунъ-инъ, завѣдующій городской стѣной и въ то же время — начальникъ артиллеріи; послѣдняя въ Су-чжоу состоитъ изъ 5 стальныхъ орудій, доведенныхъ до самаго жалкаго состоянія и къ тому же не имѣющихъ снарядовъ, которые давно раскрадены.

[3]) На большой китайской картѣ провинціи Гань-су р. Линь-шуй-хэ показана восточнымъ рукавомъ р. Тао-лай.

[4]) Дорогой намъ попались первые жуки (изъ семейства Tenebrionidae) и ящерицы (Phrynocephalus sp. ?).

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.



Тангуты паломники.

Фототипія В. Клевенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Провин. Н. Каминскій.

Въ Инъ-гэ-чжа мы встрѣтили первыя семьи осѣдлыхъ тангутовъ; дальше же вступили въ районъ съ сплошнымъ тангутскимъ населеніемъ. Еще Марко Поло замѣтилъ, что жители Су-чжоу'скаго округа имѣютъ темный цвѣтъ кожи. Онъ разумѣлъ, конечно, тангутовъ.

Тангуты очень смуглы; въ среднемъ они выше и плечистѣе китайцевъ, имѣютъ жесткіе (иногда слегка волнистые) черные волосы, грубыя черты лица, глубже, чѣмъ у монголовъ, сидящіе глаза, высокій носъ. Одѣваются сходно съ китайцами [1]), но голову накрываютъ черной поярковой шляпой съ широкими, загнутыми кверху полями. Знаютъ по китайски, но между собой говорятъ на родномъ языкѣ. Дома ихъ не отличаются отъ китайскихъ, хотя именно здѣсь, между Инъ-гэ-чжа и Гаотаемъ, мы встрѣчали всего чаще двухъэтажныя постройки, а также хутора-остроги, такъ называемые «цай-цза».

Эти сооруженія очень интересны. Въ горахъ стѣны цайцзъ невысоки и сложены изъ скрѣпленныхъ глинянымъ цементомъ голышей; въ равнинахъ же цайцзы напоминаютъ настоящія укрѣпленія. Ихъ стѣны сбиты изъ глины, хорошо отштукатурены, имѣютъ валгангъ и снабжены по угламъ башнями. Мы видѣли такія, которыя сверхъ того имѣли внутри не то цитадель, не то сторожевую башню, значительно возвышавшуюся надъ стѣнами, которыя, въ свою очередь, отличались высотой, достигая аршинъ девяти. Воротъ цайцзы не имѣютъ; ихъ замѣняетъ калитка, запирающаяся дверью изъ толстыхъ, обмазанныхъ глиной досокъ. Внутри такая цайцза представляетъ дворъ, обстроенный вдоль стѣнъ жилыми помѣщеніями, сараями и кладовыми. Мнѣ говорилъ Сплингардъ, что рѣдко кто изъ собственниковъ этихъ хуторовъ-остроговъ имѣетъ огнестрѣльное оружіе, въ случаѣ же нападенія, какъ это, напримѣръ, не разъ случалось въ эпоху послѣдняго возстанія дунганъ, жители защищаются камнями, которые въ этихъ видахъ и сложены большими кучами на валгангахъ.

Селеніе Инъ-гэ-чжа [2]) находится на краю равнины, затянутой песками и только мѣстами поросшей жалкой, тусклой раститель-

[1]) Дальше къ востоку стали попадаться тангуты, одѣтые или въ халаты особаго покроя, чаще темнокраснаго и вишневаго цвѣта, или въ бараньи шубы, которыя, по тангутскому обычаю, подпоясывались по животу и носились спущенными съ праваго плеча; раза два тангуты попались въ армякахъ изъ грубой бумажной матеріи со стеганнымъ высокимъ воротникомъ, которые застегивались справа налѣво. Всѣ эти тангуты уже не носили косъ.

[2]) Отсюда также отходитъ дорога къ горамъ, на золотые пріиски; она ведетъ туда ущельемъ Динъ-фу-сы.

ностью пустыни. Пески эти сѣраго цвѣта, содержатъ много глинистыхъ частей и очень вязки; кое-гдѣ они слагаютъ барханы, но эти барханы невысоки и раздѣлены большими интервалами; впрочемъ, къ сѣверу отъ дороги они нѣсколько повышаются, взбираясь въ то же время на виднѣющуюся тамъ глинистую возвышенность. Этими песками мы шли верстъ десять, послѣ чего вновь вступили въ культурную полосу — группу хуторовъ, имѣющую своимъ центромъ селеніе Ологой-пу. Эта культурная полоса имѣетъ въ ширину верстъ шесть и заканчивается тамъ, гдѣ лёссъ смѣняется галькой, нанесенной рѣкой Фынъ-лянъ-цюань-хэ, которая, повидимому, давно уже отклонилась къ востоку и протекаетъ теперь въ семи верстахъ отъ своего первоначальнаго русла.

Какъ кажется, именно эта рѣка въ своихъ верховьяхъ называется Ма-су-хэ [1]). По выходѣ изъ горъ, Фынъ-лянъ-цюань-хэ широко разливается по равнинѣ, капризно направляя свои воды то въ одну, то въ другую изъ старицъ. При помощи особаго рода загражденій (чжа) китайцы, однако, регулируютъ теперь ихъ теченіе, направляя по двумъ рукавамъ, между которыми и расположилась группа хуторовъ, имѣющая своимъ центромъ укрѣпленное селеніе Шанъ-хо-чэнъ, въ которомъ мы замѣтили нѣсколько лавокъ и заѣзжихъ дворовъ. Въ серединѣ селенія находился прудъ — неизбѣжное сооруженіе въ этой части Принаньшанья, гдѣ почти всѣ рѣки перестаютъ течь въ холодное время года. Оба русла Фынъ-лянъ-цюань-хэ, которые мы пересѣкли на разстояніе шести верстъ одно отъ другого, были также сухими. За этой рѣкой мѣстность не измѣнилась: та же галька, перемежающаяся съ глинисто-песчаными пространствами, и тѣ же сухія, то круто, то плоскоберегія старицы. Наконецъ, однако, мы снова завидѣли древесныя насажденія. Это былъ городокъ, правильнѣе было бы сказать — укрѣпленное мѣстечко Цзинъ-шуй-чэнъ [2]), близъ котораго мы и остановились.

Цзинъ-шуй-чэнъ, не смотря на свою жалкую внѣшность, служитъ административнымъ центромъ тангутскихъ поселеній. Въ немъ имѣетъ мѣстопребываніе довольно значительный чиновникъ, нѣчто вродѣ коммисара, подчиненный непосредственно су-чжоу'скому дао-таю. Не смотря на такое видное его положеніе, обстановка, въ которой живетъ этотъ чиновникъ, крайне убога. Его ямынь

---

[1]) О рѣкѣ Ма-су-хэ мы будемъ имѣть еще случай говорить впослѣдствіи.

[2]) На картѣ д'Анвиля онъ носитъ названіе Цзинъ-шуй-пу.

невеликъ и невзраченъ; улица, ведущая къ послѣднему, представляетъ корридоръ, обстроенный лачугами, изъ коихъ двѣ-три обращены въ лавки, въ которыхъ можно достать жизненные припасы и кое-какую необходимую мелочь. Стѣны городка пришли въ ветхость и едва-ли ремонтировались за послѣднія 25 лѣтъ.

Цзинъ-шуй-чэнъ расположенъ у подошвы плоской возвышенности, незначительно приподнятой надъ уровнемъ сосѣдней рѣчной долины и представляющей послѣдній сѣверный уступъ Наньшанскаго подгорья. Почву этой возвышенности составляетъ конгломератъ, кое-гдѣ прикрытый пескомъ или толщами лёссоподобной глины. Повидимому, воды здѣсь достаточно, такъ какъ арыки и поля встрѣчаются часто, но ясно обозначеннаго русла рѣки или рѣчки мы не встрѣчали, и можно только догадываться, что послѣдняя выбѣгаетъ на плоскогоріе изъ ущелья, устье котораго находится верстахъ въ двѣнадцати къ югу отъ Цзинъ-шуй-чэна. Всѣ встрѣченные нами здѣсь хутора группируются около двухъ селеній Шао-сай и Ма-инъ; послѣднее расположено на правомъ крутомъ берегу рѣчки Ма-инъ-хэ, глубоко-врѣзанное русло которой оказалось также сухимъ.

Отсюда мѣстность стала замѣтно повышаться; одновременно чіевую формацію смѣнила полынная, причемъ изъ кустарниковъ появились кой-кыльча (Ephedra sp.), Eurotia ceratoides и по окраинамъ росточей — карагана. Пройдя этой степью верстъ двадцать, мы прибыли въ селеніе Хуа-ши-пу, въ которомъ и остановились [1]).

Выступивъ отсюда на слѣдующій день далѣе, мы сразу же стали втягиваться въ горы. Гряда, которую мы пересѣкли, имѣла почти меридіанальное простираніе и состояла изъ толщъ конгломерата и глинъ, настилавшихъ каменноугольный песчаникъ [2]). Въ распадкахъ холмовъ виднѣлся кое-какой кустарникъ; но въ общемъ растительность въ этихъ горахъ показалась намъ еще болѣе скудной, чѣмъ въ пройденной степи. Горячіе лучи солнца не успѣли вывести органическую жизнь изъ ея оцѣпенѣлаго состоянія, и открывавшіеся передъ нами ландшафты все еще имѣли вполнѣ зимній отпечатокъ: точно мы не находились въ исходѣ марта и притомъ на 39 параллели!

---

[1]) Здѣсь мы платили за пудъ люцерны 16 коп.; цѣну не выше этой мы платили и на всѣхъ предшествовавшихъ ночлегахъ.

[2]) Въ этихъ горахъ туземцы добываютъ каменный уголь, который и возятъ для продажи въ Гао-тай.

Спустившись съ горъ, мы снова очутились въ каменистой пустынѣ, далѣе на сѣверъ занесенной песками. Здѣсь, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлись развалины городка Ло-то-чэнъ, о которомъ преданіе гласитъ, что разрушенъ онъ былъ еще въ монгольскія времена. За песками, поросшими только мѣстами кое-какою растительностью (солянками и Nitraria Schoberi), дорога вступила въ прекрасно орошенную низменность, гдѣ, на пространствѣ десяти верстъ, и шла зигзагами вплоть до стѣнъ города Гао-тая.

Гао-тай славится своими рисовыми плантаціями [1]); и хотя качествомъ гаотайскій рисъ ниже ганьчжоускаго, зато онъ урожайнѣе послѣдняго. Отъ самыхъ окраинъ оазиса до его центра—города Гао-тая, рисовыя поля не прерывались. Почва пропитана здѣсь до такой степени водой, что колеблется и даже разрывается подъ ногами животныхъ, причемъ на поверхность выступаетъ жидкая черная грязь. Замѣчательно, что даже въ городѣ приходилось иногда испытывать ощущеніе, точно ходишь по сильно размягченному асфальту; на дворѣ заѣзжаго дома, въ которомъ мы остановились, вогнанный въ землю колъ показалъ, что почвенная кора имѣла всего лишь 4 вершка толщины!

Гао-тай — уѣздный городъ (сянь). Въ окружности онъ имѣетъ болѣе 5 ли; стѣны его средней высоты и обычной китайской конструкціи, но содержатся въ полной исправности [2]); воротъ двое; къ каждому изъ нихъ примыкаетъ предмѣстье, вытянувшееся широкой улицей вдоль большой дороги. Внутри городъ довольно опрятенъ, но, повидимому, не богатъ. Хорошихъ лавокъ мы вовсе не видѣли. Цѣны на жизненные припасы стояли въ немъ, впрочемъ, невысокія: за доу [3]) риса мы платили 65 коп., за доу гороха — 30 коп., за пудъ люцерны около 27 коп., за пудъ сѣна — 13 коп., примѣрно столько же за просяную солому, за пудъ дровъ — 20 коп., за фунтъ хлѣба менѣе 1 коп., за сотню яицъ — 50 коп., за сытаго, но небольшого барана — 2 рубля.

Гао-тай не былъ взятъ инсургентами. Говорятъ, этому помѣ-

---

[1]) Въ окрестностяхъ Гао-тая кромѣ риса, дающаго нерѣдко урожай самъ 50, воздѣлываютъ еще: яровую пшеницу (средній урожай — самъ 10 — 12), просо (самъ 10 — 15), кунакъ (Panicum italicum; самъ 10 — 15), горохъ (самъ 15 — 20) и джугару (Sorghum cernuum, самъ 10—15). Почва здѣсь мало выщелочена, что указываетъ на ее сравнительно недавнюю культуру; конечно, обиліе соли въ почвѣ понижаетъ урожайность полей, но главная бѣда мѣстнаго земледѣльца состоитъ не въ этомъ, а въ частыхъ утренникахъ. Гао-тай лежитъ на абсолютной высотѣ, равной 4,426 футамъ.

[2]) Гарнизонъ Гао-тая составляютъ 150 человѣкъ луиновъ.

[3]) Доу равенъ 1½ четверику съ небольшимъ.

шали болотистыя окрестности города и заблаговременно затопленныя поля. Но вода — этотъ недавній союзникъ гаотайцевъ и источникъ ихъ богатства, въ то же время является и злѣйшимъ ихъ врагомъ: будучи спущена на поля, она порождаетъ здѣсь изнурительныя лихорадки и, вѣроятно, вызываетъ образованіе зобовъ и опухолей лица, которыми страдаетъ такъ много народа въ городѣ и его окрестностяхъ.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести основаніе Гао-тая — неизвѣстно [1]); но онъ уже показанъ на картѣ д'Анвиля; о немъ также упоминается въ маршрутѣ Хаджи Мохаммеда, купца, ѣздившаго около половины XVI вѣка въ Су-чжоу и Гань-чжоу за ревенемъ [2]).

Въ Гао-таѣ мы разстались съ Сплингардомъ. Отсюда намъ дали въ провожатые солдатъ, вооруженныхъ допотопнымъ оружіемъ: трезубцами, бердышами, ружьями съ пистолетнымъ ложемъ, конечно, кремневыми, двуствольными кремневыми же пистолетами и пиками. Смѣняясь на пути нѣсколько разъ, они довели насъ до Гань-чжоу-фу.

Изъ Гао-тая мы шли большой дорогой вдоль рѣки Хэй-хэ, которая въ эту пору несла уже высокую воду. Мѣстами послѣдняя вышла изъ береговъ и широко разлилась по долинѣ, образовавъ болота [3]) и соленыя грязи; даже почва дороги мѣстами до такой степени размякла, что лошади еле-еле выбирались изъ грязи. И съ каждой верстой дальше эти болотистыя пространства попадались

---

[1]) Въ бывшихъ мнѣ доступными сочиненіяхъ о Китаѣ я не нашелъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ на этотъ счетъ указаній.

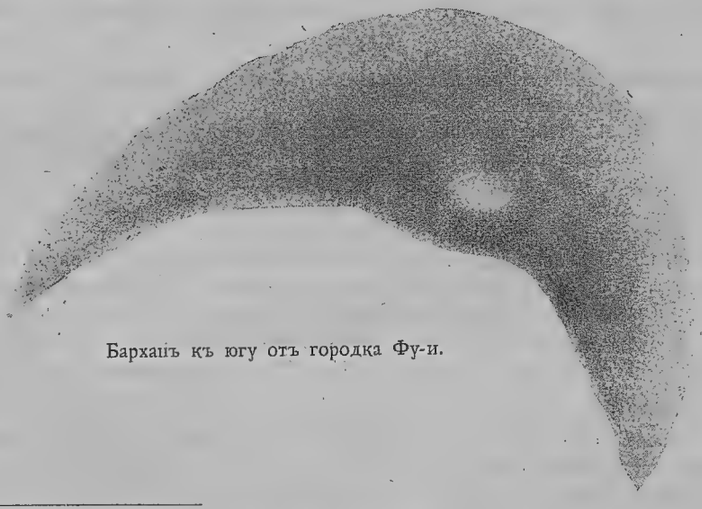
[2]) Yule—«Cathai and the way thither», I, стр. ccxvii. Хаджи Мохаммедъ возвращался изъ Гань-чжоу черезъ Хами, Турфанъ и Кашгаръ. Отъ Гао-тая (Gauta) до Су-чжоу (Succuir) онъ считаетъ 5 переходовъ (по большой дорогѣ ихъ, дѣйствительно, столько); отъ Су-чжоу до Хами 15 переходовъ (мы черезъ Цзя-юй-гуань, Инь-пань-фу-цзы и Мынъ-шуй совершили путь до Хами въ 19 переходовъ; Хаджи Мохаммедъ шелъ, вѣроятно, кратчайшимъ путемъ, черезъ Цзинь-та-сы, Мо-чэнъ, по р. Ма-цзунь-шань-голу и Мынъ-шуй); въ Хами (Camul) онъ встрѣтилъ первыхъ мусульманъ, до этого же города шелъ землей язычниковъ (ср. съ показаніями Марко Поло и Гоэса о мусульманахъ въ Су-чжоу и Гань-чжоу); отъ Хами до Турфана (Turfon) 13 переходовъ (столько ихъ, дѣйствительно, и насчитывается); отъ Турфана до Карашара (Chialis) 10 переходовъ (по китайскому дорожнику XVIII вѣка 8 переходовъ); отсюда до Кучи (Chuche) 10 переходовъ (по тому же дорожнику 9 переходовъ), отъ Кучи до Аксу (Aksu) 20 переходовъ (эта цифра ошибочна; Куропаткинъ насчитываетъ между Кучей и Аксу 236 верстъ, сдѣланныхъ имъ въ десять переходовъ; китайскій же дорожникъ насчитываетъ между этими городами всего лишь 8 переходовъ); наконецъ, отъ Аксу до Кашгара (Cascar) 20 переходовъ по самой дикой пустынѣ (Куропаткинъ прошелъ это разстояніе въ 17 переходовъ).

[3]) Въ этихъ болотахъ держались во множествѣ гуси (Anser segetum Middendorfii, Sew.) утки (Anas boscas, Dafila acuta, Casarca rutila и др.) и кулики (Totanus calidris); мы видѣли здѣсь даже лебедя. Гуси на р. Хэй-хэ гнѣздятся, а китайцы утверждаютъ, что и зимуютъ. Ср. Сѣверцовъ «Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ», стр. 37 и слѣд., а также стр. 149.

все чаще, отнимая огромные участки у культуры, и безъ того стѣсненной на сѣверѣ горами праваго берега Хэй-хэ, на югѣ — песками, широкой полосой тянущимися вдоль сѣверной подошвы Наньшаньскаго нагорья. Эти пески впервые подошли къ большой дорогѣ у селенія Шэнъ-чанъ-пу [1]), затѣмъ снова отклонились на югъ и, обойдя обширное болотистое пространство, перекинулись черезъ нее между городкомъ Фу-и и селеніемъ Ху-чжа-и-пу двумя языками, имѣющими въ общей сложности до двухъ верстъ ширины.

Не доходя этой полосы песковъ, мы остановились на дневку въ Фу-и-чэнѣ [2]). Здѣсь намъ отвели казенный тань — изящную, деревянную, выкрашенную въ красный цвѣтъ постройку, давно, впрочемъ, остающуюся безъ ремонта. Главной цѣлью нашей остановки въ Фу-и была охота въ пескахъ на ночныхъ бабочекъ; несмотря, однако, на теплое время (термометръ въ 9 часовъ вечера показывалъ 17°, въ 1 часу ночи — 15° тепла), бабочекъ еще не было [3]).

4 апрѣля мы выступили дальше. Тотчасъ же за предмѣстьемъ Фу-и мы вступили въ вышеупомянутую полосу песковъ, которые представляли ряды короткихъ и высокихъ (до 150 футовъ), болѣе или менѣе неправильной формы бархановъ, съ крутыми южными и пологими сѣверными склонами; нѣкоторые изъ нихъ имѣли форму, изображенную на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ.



Барханъ къ югу отъ городка Фу-и.

[1]) На маршрутной картѣ Скасси—Финъ-ганъ-пу.

[2]) О городкѣ Фу-и упоминается уже въ «Шуй-дао-ти-ганъ»; см. «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 477.

[3]) Днемъ была поймана первая оса (Vespa sp.).

Пески эти почти совершенно безплодны [1]) и залегаютъ на глинистой почвѣ.

По выходѣ изъ песковъ, мы вновь вступили въ культурную полосу. Это было селеніе Ху-чжа-и-пу, за которымъ хутора, сады и поля слѣдовали почти безъ перерыва до городка Ша-хэ, когда-то имѣвшаго размѣры значительные, нынѣ же представляющаго укрѣпленное поселеніе, свободно расположившееся со своими новыми стѣнами [2]) внутри стараго городища. Ша-хэ — городокъ бѣдный; базаръ его состоитъ изъ небольшого ряда ларей и лавченокъ, въ которыхъ можно достать далеко даже не все необходимое; такъ, напримѣръ, мы не нашли въ нихъ свѣжаго хлѣба! Фуражъ продавался дороже, чѣмъ въ Гао-таѣ, но разница эта уравновѣшивалась болѣе здѣсь высокой цѣной серебра; такъ, въ Гао-таѣ на одинъ ланъ серебра давали 1,350, въ Фу-и даже 1,300, здѣсь же 1,400 дачановъ.

Въ Ша-хэ отвѣтвляется дорога черезъ Наньшань'скія горы въ Синингъ. Ею прошла экспедиція Потанина въ 1886 г. Рѣка, на лѣвомъ берегу которой стоитъ городокъ Ша-хэ, носитъ названіе у Потанина [3]) Лонсыръ или Ли-юань-хэ; намъ ее называли Казанъ-хэ [4]). Мы перешли ее на слѣдующій день, послѣ чего вступили въ оазисъ Ша-хо-тянь или короче Хо-тянь [5]), который можетъ считаться богатѣйшимъ въ западной половинѣ Хэ-си. Его древесныя насажденія занимаютъ огромное пространство, хутора и поля тѣснятся другъ къ другу.

Болотистая равнина, шириной не болѣе версты, и узкая полоска песковъ отдѣляла Ша-хо-тянь отъ импаня и селенія Ша-чинъ-

---

[1]) Я не нашелъ здѣсь и признаковъ растительности, но Пясецкій (cp. cit., стр. 867) упоминаетъ о найденномъ здѣсь особомъ видѣ тростника (?) и Sueda ampallacea.

[2]) Не смотря на весьма малые размѣры городка, стѣны эти довольно высоки, а именно до основанія зубцовъ имѣютъ болѣе 9 аршинъ; воротъ въ Ша-хэ двое.

[3]) «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія», I, стр. 445.

[4]) Кажется, что именно эта рѣка на большой китайской картѣ провинціи Гань-су (изд. въ 1893 г.) называется Сянъ-шань. Между гор. Ша-хэ и гор. Фу-и мы пересѣкли два-три ручья, названій коихъ нашъ проводникъ не зналъ.

[5]) Въ произношеніи нашего проводника—тангута—Хотанъ. Не является-ли это селеніе колоніей хотанцевъ? Подтверждающихъ такое предположеніе извѣстій мы не находимъ, однако, въ исторіи.

Въ Хо-тянѣ множество фруктовыхъ садовъ; въ этихъ садахъ я, между прочимъ, замѣтилъ старыя деревья «чилана» (туркестанское наименованіе красной крушины, шипижника—Zizyphus vulgaris), плоды котораго составляютъ любимое лакомство тюркскаго населенія бассейна Тарима. Нигдѣ въ предѣлахъ западной части Гань-су я дерева этого болѣе не встрѣчалъ. Другой фактъ, говорящій въ пользу высказаннаго мною предположенія, представляютъ старыя деревья (ива, тополь и, кажется, тутъ), обрубленныя (обезглавленныя) по принятой въ Туркестанѣ (и у дунганъ) манерѣ.

цзы, не вполнѣ еще отстроившагося послѣ дунганскаго погрома. Развалины хуторовъ виднѣлись здѣсь всюду и сопровождали русло главнаго рукава рѣчки Ху-хэй-хэ [1]) вплоть до селенія Бамо, лежащаго верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ дороги. Пройдя послѣдній изъ рукавовъ помянутой рѣчки, мы очутились снова въ пескахъ [2]). Эти пески затягивали обширную площадь, нигдѣ, однако, не образуя бархановъ, сколько нибудь замѣтныхъ своей высотой [3]). Изъ подъ этихъ песковъ то тамъ, то сямъ торчали обломки стѣнъ и груды обожженнаго кирпича. То были развалины стараго Ганьчжоу, о которомъ мѣстные жители передавали намъ слѣдующее преданіе.

Старый Гань-чжоу былъ огромный и богатый городъ. Жители его были горды и своевольны. Однажды они умертвили своего правителя и отказались впустить слѣдователей по этому дѣлу, присланныхъ богдоханомъ. Тогда богданъ повелѣлъ собрать войска, взять городъ, вырѣзать всѣхъ его жителей и не оставить въ немъ камня на камнѣ. И когда это повелѣніе въ точности было исполнено, и груды человѣческихъ тѣлъ покрывали всю площадь, затянутую развалинами, то всевышній, ужаснувшись безпредѣльности человѣческой жестокости, послалъ сюда песчаную бурю, которая и прикрыла общимъ песчанымъ саваномъ всѣ слѣды людскаго звѣрства. Оттого-то, когда теперь кладоискатели роются въ этихъ развалинахъ, то ничего, кромѣ черепковъ разбитой посуды и костей, не находятъ.

Миновавъ эти пески и небольшое селеніе Ха-чай-цзы, существующее ради постоялыхъ дворовъ, которыхъ здѣсь нѣсколько, мы вышли, наконецъ, на рѣку Хэй-хэ, или, какъ здѣсь говорятъ — Хэй-хо. Эта близость большой рѣки вполнѣ объясняетъ одновременное существованіе въ селеніи Ха-чай-цзы нѣсколькихъ таней: когда вода въ ней высока и переправа черезъ нее становится затруднительной, здѣсь скопляются десятки, сотни проѣзжихъ.

Сай р. Хэй-хэ имѣетъ около пяти верстъ въ ширину. Но рѣка, повидимому, давно уже отступила къ востоку и теперь всѣ шесть ея рукавовъ текутъ съ небольшими интервалами на пространствѣ

---

[1]) На большой китайской картѣ провинціи Гань-су рѣка Ху-хэй показана западной протокой рѣки Хэй-хэ.

[2]) Здѣсь намъ попалось нѣсколько жуковъ изъ семейства Tenebrionidae и первая ночная бабочка—Palpangula cestis, Mén.

[3]) Пески эти, какъ мнѣ кажется, мѣстнаго происхожденія и выдуты съ широкаго сая р. Хэй-хэ.

послѣдней версты этого сая. Впрочемъ, это еще не вся вода Хэй-хэ; огромный ея рукавъ обходитъ городъ съ востока и отдѣляетъ отъ себя бездну арыковъ, которые въ это время были переполнены водой. Мѣстами вода неслась даже по дорогамъ и притомъ иногда въ такихъ массахъ, что переправа черезъ эти потоки становилась затруднительной не только для барановъ, но и для ишаковъ.

О рѣкѣ Хэй-хэ писали всѣ путешественники, посѣщавшіе городъ Гань-чжоу-фу, но писали до такой степени разно, что я считаю нелишнимъ свести эти отзывы.

Потанинъ пишетъ: «Хэй-хо или Едзинъ, вырвавшись изъ тѣснины Наньшаня, пробѣгаетъ по плоскости немного далѣе къ сѣверу, чѣмъ стоитъ Гань-чжоу и потомъ принимаетъ направленіе на западъ. Гдѣ онъ протекаетъ мимо Гань-чжоу, западнѣе-ли этого города или восточнѣе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Г. Паркеръ, ѣздившій изъ Ли-юань-ина въ Гань-чжоу съ китайскимъ чиновникомъ Чжанъ-лао-ѣ, разсказывалъ мнѣ потомъ, что они переѣзжали черезъ Хэй-хо между деревнями Най-цза и Па-ли-пу, въ 20 ли западнѣе города Гань-чжоу. Чжанъ-лао-ѣ прибавилъ, что крестьяне указывали ему въ хребтѣ и вырѣзку, черезъ которую Едзинъ изливается на плоскость. Вода въ Хэй-хо, по словамъ г. Паркера, была велика, такъ что доходила до брюха лошади. Но А. И. Скасси, также ѣздившій въ Гань-чжоу нѣсколько дней спустя послѣ г. Паркера, хотя и переправился черезъ рѣку, но нашелъ ее незначительной, такъ что усомнился, Хэй-хо ли это; можетъ быть, г. Паркеръ и Чжанъ-лао-ѣ приняли за Хэй-хо нижнее теченіе рѣки Лонсыръ (?) [1]).

Крейтнеръ [2]) обѣ рѣки, омывающія съ востока и запада Гань-чжоу'скій оазисъ, считаетъ за притоки Хэй-хэ, называя ихъ: западный — Сахъ-хо (Sach-ho) и восточный — Ни-суй-хо (Ni-suj-ho) [3]).

---

[1]) Op. cit., стр. 446—447.

[2]) Cp. cit., стр. 203.

[3]) Этотъ взглядъ на соотношеніе между собою рѣкъ системы Эдзинъ-гола заимствованъ Крейтнеромъ у китайскихъ географовъ; у нихъ же заимствовалъ онъ и наименованіе Ni-suj-ho, которое пріурочено имъ, однако, не къ той рѣкѣ, къ которой пріурочиваютъ его китайцы. Вотъ, что читаемъ мы по сему предмету въ «Шуй-дао-ти-ганъ: «Рѣка Шань-дань, т. е. древняя Жошуй (въ Ханьской географіи говорится, что рѣка эта называется также Ни-шуй-хэ), беретъ начало изъ горы Цюнъ-ши-шань, на юго-зап. отъ округа Шань-дань, и, протекши болѣе ста ли на сѣв.-вост., проходитъ на зап. отъ Ма-инъ-дуня; затѣмъ, протекая на сѣв. 50 ли, она проходитъ на западѣ г. Юнъ-гу-чэна, потомъ, протекая въ томъ же направленіи 20 ли, она проходитъ на востокъ отъ Хунъ-ша-ина, поворачиваетъ на сѣв.-зап. и, слѣдуя въ этомъ направленіи 120 ли, достигаетъ юго-восточныхъ предѣловъ Гань-чжоу; направляясь отсюда на сѣв.-зап., проходитъ

Для Лочи [1]) наименованіе Хэй-хэ не существуетъ: онъ называетъ ганьчжоу'скую рѣку Сань-да-хо (San-ta-ho), а оба главные рукава Хэй-хэ, подобно Крейтнеру, — правый — Ни-суи-хо или Хунъ-шуй-хо (Hung-shui-ho), лѣвый — Сахъ-хо или Ко-хо (Ko-ho); но къ этимъ двумъ рѣкамъ онъ присоединяетъ еще и третью — Сянъ-суй-хо (Hiang-suj-ho), которая, судя по его же картѣ, можетъ быть только или Ху-хэй или даже Казанъ-хэ [2]).

Пясецкій [3]) находитъ къ западу отъ г. Гань-чжоу-фу небольшую рѣчку Хэй-хо, о правомъ же притокѣ этой рѣки вовсе не упоминаетъ.

Наоборотъ, Сосновскій [4]), одновременно съ Пясецкимъ выѣхавшій изъ Гань-чжоу, говоритъ, что переправлялся черезъ нѣсколько рукавовъ р. Хэй-шуй, изъ коихъ первый и послѣдній глубже другихъ и при высокомъ стояніи воды представляютъ даже нѣкоторыя трудности для переправы.

Изъ Гань-чжоу-фу мы совершили поѣздку на югъ; въ семи верстахъ отъ города мы видѣли раздѣленіе Хэй-хэ на два плёса, такъ что въ настоящее время не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію, что Гань-чжоу'скій оазисъ представляетъ островъ, омываемый двумя значительнѣйшими руслами Хэй-хэ, причемъ главнымъ русломъ этой рѣки слѣдуетъ все же считать лѣвый, какъ прямое продолженіе горнаго ущелья, изъ котораго выбѣгаетъ Хэй-хэ.

Пройдя послѣднюю протоку Хэй-хэ, мы вступили въ предѣлы Гань-чжоу'скаго оазиса, отъ западныхъ окраинъ котораго до города считается около десяти ли. Все это пространство представляетъ сплошной садъ, въ которомъ то тамъ, то сямъ разбросаны хутора, окруженные вспаханными полями.

Близъ одного изъ такихъ хуторовъ, въ полуверстѣ отъ городскихъ стѣнъ, намъ и предложено было остановиться. Хотя ука-

---

по сѣвернымъ предѣламъ округа; въ дальнѣйшемъ теченіи на сѣв.-зап. встрѣчаетъ р. Чжанъ-ѣ (Хэй-хэ), которая впадаетъ въ нее съ юго-зап.—это древняя Цянъ-чу-шуй; еще черезъ 100 ли на сѣв.-зап. она подходитъ къ южной сторонѣ крѣпостцы Пинъ-чуань-пу и къ сѣверной Фу-и-пу и, спускаясь на сѣв. вдоль Великой стѣны, подходитъ къ сѣв.-зап. сторонѣ крѣпостцы Гао-тай». и т. д.

На большой китайской картѣ провинціи Гань-су р. Хэй-хэ показана къ западу отъ г. Гань-чжоу-фу.

[1]) Op. cit., стр. 504.

[2]) Лочи, впрочемъ, говоритъ, что Hiang-suj-ho во всякое время года имѣетъ воду, что для р. Казанъ-хэ не вѣрно.

[3]) Op. cit., стр. 864.

[4]) Op. cit., стр. 88.

занная лужайка, на берегу протекавшаго тутъ арыка, и показалась намъ тѣсноватой, но такъ какъ разсчитывать на что либо лучшее мы не могли, то и приняли это предложеніе съ благодарностью. Не успѣли мы однако еще порядкомъ устроиться, какъ къ нашему бивуаку рысью подъѣхалъ китаецъ.

— Миссіонеръ, патеръ Киссельсъ, проситъ къ себѣ... Онъ ждетъ васъ съ обѣдомъ.

Новая встрѣча съ европейцемъ въ дебряхъ Китая! Конечно, мы не заставили себя долго ждать.

Киссельсъ (Kissels) жилъ въ городѣ. Нашъ проводникъ изъ воротъ свернулъ вправо и сперва вдоль стѣны, а потомъ узкими переулками привелъ къ дому, который своей внѣшностью ничѣмъ не отличался отъ прочихъ жилыхъ китайскихъ построекъ; только на обширномъ его дворѣ возвышался осѣненный крестомъ Божій храмъ—длинный, въ китайскомъ вкусѣ выстроенный корпусъ, съ прорѣзанными въ немъ окнами, въ которыя были вставлены цвѣтныя стекла. Въ воротахъ насъ встрѣтилъ одѣтый въ китайское платье высокій блондинъ. Мы догадались, что передъ нами находился самъ Киссельсъ. Дѣйствительно, мы тотчасъ же услышали:

— Добро пожаловать, господа.

И мы крѣпко пожали другъ другу руки, точно давно невидавшіеся пріятели.

Въ прошломъ городу Гань-чжоу-фу суждено было играть видную роль; были даже моменты въ исторіи Хэ-си, когда онъ возвышался до степени столичнаго города.

Гань-чжоу'скій округъ—это древняя земля Юнъ-чжоу, бывшая, будто-бы, извѣстной китайцамъ за 2.200 лѣтъ до христіанской эры! За V вѣковъ до Р. Хр. въ ней поселились юэчжи [1]), а затѣмъ она перешла во владѣніе хунновъ. Въ 121 г. до Р. Хр. въ ней впервые утвердились китайцы, которые десять лѣтъ спустя и построили здѣсь городъ Чжанъ-ѣ [2]). Современное названіе послѣдній получилъ въ началѣ III вѣка по Р. Хр. (при западныхъ Вэяхъ), но уже въ концѣ того же столѣтія, при Цзиняхъ, онъ сталъ вновь именоваться Чжанъ-ѣ. Императоры Танской династіи три раза мѣняли эти названія (послѣдній разъ въ 758 г.); наконецъ, при ти-

---

[1]) См. выше, стр. 4—6.
[2]) См. выше, стр. 8.

бетцахъ, въ VIII вѣкѣ, современное названіе восторжествовало и окончательно утвердилось за этимъ городомъ. Въ эпоху «Ши-люго» Гань-чжоу былъ стольнымъ городомъ сперва княжества Бэй-Лянъ, затѣмъ княжества Хэ-си [1]); позднѣе же, а именно между 850 и 1028 годами, онъ служилъ резиденціей уйгурскимъ ханамъ. Въ 1028 году онъ былъ завоеванъ тангутами, которые, сдѣлавъ его своимъ главнымъ опорнымъ пунктомъ на западѣ, дали ему наименованіе «города, защищающаго отъ варваровъ» — Чжэнь-и-цзюнь, округа Сюань-хуа [2]). Въ 1226 году онъ былъ взятъ приступомъ Чингисъ-ханомъ [3]), а при Хубилаѣ не только возстановленъ подъ своимъ прежнимъ названіемъ — Гань-чжоу (1260), но и получилъ наименованіе — «цунъ-гуань-фу», т. е. «департамента главнаго управленія» (провинціей Гань-су); въ 1281 г. онъ былъ даже сдѣланъ губернскимъ городомъ. Марко Поло называетъ Гань-чжоу большимъ и великолѣпнымъ городомъ, главнымъ въ провинціи Тангутъ; и тоже подтверждаютъ и послы Шахъ-Рока, которые довольно подробно останавливаются на описаніи его достопримѣчательностей [4]). Изъ этихъ описаній видно, что еще въ началѣ XV вѣка Гань-чжоу былъ очень богатымъ городомъ, но теперь отъ всѣхъ этихъ роскошныхъ построекъ и слѣда не осталось [5]). Его обѣдненіе, кажется, можно поставить въ связь съ ростомъ города Лань-чжоу: въ 1677 г. этотъ послѣдній былъ сдѣланъ областнымъ, а въ 1738 г. туда перенесено было и главное управленіе провинціей Гань-су.

Наименованіе Чжанъ-ѣ и понынѣ здѣсь сохранилось: такъ называется уѣздъ, въ которомъ расположенъ городъ Гань-чжоу-фу.

Современный Гань-чжоу-фу обнесенъ стѣной, облицованной сырцовымъ кирпичемъ и имѣющей $9^1/_3$ ли въ окружности [6]). Во-

---

[1]) См. выше, стр. 31.

[2]) Pauthier—«Le livre de Marco Polo», etc., I, стр. 166.

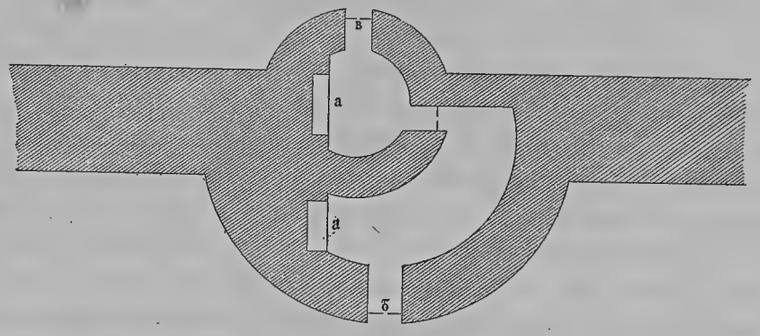
[3]) При этомъ, городъ былъ разоренъ, но жители его благодаря просьбѣ Чагана (Chacan), мѣстнаго уроженца и воспитанника Чингисъ-хана, были пощажены (см. de Mailla, op. cit., IX, стр. 117; Howorth—«The northern frontagers of China», part VI, «Hia or Tangut» въ «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1883, XV, стр. 476—477).

[4]) Quatremère — «Not. et Extr. des man.», XIV, стр. 396.

[5]) Я затрудняюсь объяснить себѣ это обстоятельство. О разрушеніи стараго и постройкѣ новаго Гань-чжоу на мѣстѣ нынѣшняго китайскія лѣтописи ничего намъ не сообщаютъ. Что касается до видѣнныхъ нами развалинъ стараго Гань-чжоу, то послѣднія служатъ лишь нѣмымъ свидѣтелемъ того, что когда-то такое перенесеніе имѣло, дѣйствительно, мѣсто. Но когда?

[6]) Высота этой стѣны до основанія зубцовъ имѣетъ около 11 аршинъ, ширина валганга, устланнаго мѣстами также кирпичемъ, около $2^1/_2$ аршинъ, ширина основанія стѣны — около $4^1/_2$ аршинъ.

рота въ этой стѣнѣ построены по плану, ранѣе намъ не встрѣчавшемуся; онъ изображенъ на прилагаемомъ чертежѣ, въ поясненіе котораго слѣдуетъ лишь сказать, что оба дворика, а равно и ворота настолько лишь широки, чтобы пропустить китайскій фургонъ [1]).



Планъ воротъ Гань-чжоу-фу.

а—помѣщеніе караула, *б*—внѣшнія и в—внутреннія ворота.

Внутри городъ имѣетъ много своеобразнаго, благодаря обилію деревьевъ и пустырямъ; деревья, главнымъ образомъ тополи, попадаются здѣсь даже и въ переулкахъ, до того узкихъ, что проѣхать по нимъ можно только верхомъ. Главная масса красивыхъ зданій (нѣсколько кумиренъ) сгруппировалась въ восточной части города; западная же имѣетъ довольно невзрачный видъ и даже носитъ печать какого-то запустѣнія, не смотря на то, что именно тутъ сосредоточена вся городская торговля: ужъ очень обвѣтшали глинобитныя ограды и глинобитныя же постройки, примыкающія отовсюду къ базару! Большихъ магазиновъ въ Гань-чжоу много, но, по отзыву Киссельса, купцы давно уже жалуются на застой въ торговыхъ дѣлахъ. Это, впрочемъ, общая болѣзнь всего западнаго Китая, а не одного только Гань-чжоу-фу.

Крейтнеръ вынесъ хорошее впечатлѣніе изъ своего посѣщенія этого города: въ «великолѣпныхъ кумирняхъ» (?), въ «прекрасно отстроенныхъ казенныхъ зданіяхъ», въ «большихъ магазинахъ» онъ усмотрѣлъ даже доказательство благосостоянія его жителей, общую численность коихъ опредѣлилъ въ 150,000 человѣкъ [2]), т. е. цифрой, которая почти въ пять разъ превышаетъ цифру Соснов-

---

[1]) Чертежъ этотъ не можетъ, конечно, претендовать на точность, такъ какъ исполненъ по кроки, вачерченному на память.

[2]) Op. cit., стр. 203.

скаго и въ десять разъ цифру Беля [1]). Трудно съ нимъ согласиться также и въ томъ, что прекрасно отстроенныя правительственныя зданія и кумирни (что одно и тоже) могутъ служить доказательствомъ благоденствія населенія, на гроши и руками котораго такія постройки возводятся; въ Китаѣ—въ особенности. Что же касается магазиновъ, то, увы! подобно тому, какъ въ Хами и Сучжоу, они и здѣсь происхожденія весьма недавняго. Выстроенные въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ эпоху огромнаго прилива серебра въ уцѣлѣвшій отъ дунганскаго погрома городъ, они служатъ теперь мѣстнымъ купцамъ лишь досаднымъ напоминаніемъ о болѣе счастливыхъ дняхъ, когда, по ихъ же словамъ, «все было дорого за исключеніемъ серебра».

Но серебро это не удержалось въ Гань-чжоу-фу: оно ушло туда, откуда было сюда доставлено—въ производительные округа имперіи, и нынѣ городъ этотъ поражаетъ своей бѣдностью не менѣе, чѣмъ всѣ остальные города западнаго Китая; такъ что я готовъ подтвердить слова Пясецкаго, писавшаго, между прочимъ, о Гань-чжоу, что хотя главныя его улицы и удивили его пестротой (?) своихъ красокъ и степенью своего оживленія [2]), но что тутъ же бросился ему въ глаза болѣзненный видъ и бѣдность окружавшихъ его китайцевъ: «по платью ихъ всѣхъ безъ исключенія можно назвать нищими ... просто отдохнуть глазу не на комъ!» [3]).

Изъ Гань-чжоу-фу мы повернули на югъ и надолго покинули южную окраину Гобійской пустыни; но прежде, чѣмъ окончательно съ ней распроститься, не лишнимъ будетъ познакомиться съ ея климатическими особенностями за періодъ времени съ 13 февраля по 8 апрѣля.

Пройденный нами за это время путь равняется 750 верстамъ, изъ коихъ первыя 300 верстъ пролегали черезъ безплодный Бэйшань, а остальныя 450 верстъ по культурной полосѣ Принаньшанья, едвали въ климатическомъ отношеніи существенно отличающейся отъ сосѣдней пустыни. На всемъ указанномъ протяженіи путь держался на средней абсолютной высотѣ 5.400 фут., только однажды спустившись до абсолютной высоты 2.553 фута (ст. Янь-дунь) и

---

[1]) Сосновскій (ib., стр. 87). опредѣляетъ общую численность населенія г. Гань-чжоу въ 32 тыс.; Бель же («The great Central Asian trade route from Peking to Kashgaria», стр. 73) въ 15—20 тысячъ. Патеръ Киссельсъ отказался дать точную цифру населенія г. Гань-чжоу, но думаетъ, что она не превосходитъ 30 тысячъ.

[2]) Op. cit., стр. 859.

[3]) Op. cit., стр. 862.

въ немногихъ случаяхъ поднимаясь за 6.000 фут. абс. выс., а именно въ нижеслѣдующихъ пунктахъ:

на перевалѣ черезъ хр. Да-бянь-мяо . . .	6,221 ф.
» станціи Шинъ-шинъ-ся	6,027 »
въ селеніи Хуй-хуй-пу	6,168 »
» » Хуа-ши-пу	6,453 » [1]

Общее число дней наблюденія равнялось—54; изъ нихъ дней, когда небо было совершенно безоблачнымъ [2]) или подернутымъ только перистыми (cirrus), перисто-слоистыми (cirro-stratus) и перисто-кучевыми (cirro-cumulus) облаками было 19; облачныхъ — 18, пасныхъ — 2 и пасмурныхъ, когда небо было сплошь затянуто дождевыми или слоистыми облаками—15. Снѣгъ выпалъ обильно только однажды, а именно 25 февраля, близъ Ань-си, когда онъ прикрылъ всѣ окрестности пеленой, глубиной до фута и болѣе; но кромѣ того онъ падалъ еще пять разъ, причемъ каждый разъ испарялся въ воздухѣ очень быстро, не дождавшись даже яркихъ лучей солнца; въ окрестностяхъ Янь-дуня выпавшій въ порядочномъ количествѣ снѣгъ (на глубину одного вершка) пролежалъ, однако, часовъ двадцать, причемъ мѣстами его успѣла даже занести тонкая красноватая пыль. Первый дождь (ситникъ) выпалъ 6 апрѣля, въ окрестностяхъ Ганьчжоу-фу. Какъ этому дождю, такъ и снѣгу каждый разъ предшествовали бури или сильные вѣтры. Въ одномъ случаѣ густаго выпаденія снѣга (25 февраля) буря шла съ сѣверо-востока, въ двухъ—съ востока и въ трехъ—съ сѣверо-запада; въ шестой разъ снѣгъ выпалъ при сильномъ вѣтрѣ съ запада.

Вѣтряныхъ дней было 33, что составитъ 75% общаго числа дней наблюденія; изъ нихъ сильный вѣтеръ наблюдался 11 разъ. Вѣтеръ чаще усиливался послѣ полудня, затѣмъ спадалъ; ночи, даже

---

[1]) Въ VI гл. были приведены абсолютныя высоты, опредѣленныя нами на пути между г. Ань-си и г. Су-чжоу; здѣсь я считаю умѣстнымъ привести взятыя нами высоты на пути между г. Су-чжоу и г. Гань-чжоу.

	Грумъ-Гржимайло.		Крейтнеръ.	Бель.	Сосновскій.	Потанинъ.
Г. Су-чжоу	4,985 ф.		4,610 ф.	4,800 ф.	5,540 ф.	
(средн. изъ двухъ опред.).						
сел. Инъ-гэ-чжа	5,046 »		—	—	—	
г. Цзинъ-шуй-чэнъ . . .	5,226 »		—	—	—	
сел. Хуа-ши-пу	6,453 »		—	—	—	
г. Гао-тай	44,26 »		4,300 »	—	—	
г. Фу-и.	4,961 »	(предмѣстье гор. Фу-и).	4,498 »	—	—	4,574 ф.
г. Ша-хэ	5,440 »	(Sach-ho).	4,803 »	—	—	4,918 »
г. Гань-чжоу	4,961 »		4,924 »	5,300 »	5,572 »	—

[2]) Безоблачныхъ въ теченіе полныхъ сутокъ не наблюдалось вовсе.

въ томъ случаѣ, если днемъ дулъ рѣзкій вѣтеръ, обыкновенно были тихи; но бывали случаи и обратные, когда вѣтеръ возникалъ ночью и къ утру переходилъ въ бурю; такой, напримѣръ, случай наблюдался 14 февраля, въ Янь-дунѣ. Сильный вѣтеръ переходилъ въ бурю шесть разъ: одинъ разъ при сѣверо-восточномъ, два при восточномъ и три при сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Средней силы вѣтеръ наблюдался 17 разъ [1]), слабый — 10; такой вѣтеръ дулъ обыковенносъ большими интервалами и нерѣдко мѣнялъ направленія.

Періодическихъ вѣтровъ, съ горъ въ нагрѣтую днемъ пустыню, я не подмѣтилъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и можно было наблюдать вѣтры съ юга, возникавшіе около 11 часовъ дня и утихавшіе около 3 часовъ пополудни.

Распредѣленіе вѣтровъ по румбамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

				Ясно.	Облачно.	Пасно.	Пасмурно.
Тихо	26	изъ	нихъ	14	7	2	3
N	—	»	»	—	—	—	—
NW	12	»	»	2	5	—	5
W	7	»	»	5	2	—	—
SW	3	»	»	3	—	—	—
S	3	»	»	3	—	—	—
SO	1	»	»	1	—	—	—
O	11	»	»	—	4	—	7
NO	7	»	»	2	2	—	3

Изъ этой таблицы усматривается, что въ пройденной нами мѣстности въ февралѣ и мартѣ преобладаютъ восточные и сѣверо-западные вѣтры; первые при этомъ исключительно влажные, вторые же преимущественно влажные. Въ теченіе зимы, проведенной нами на горныхъ склонахъ Тянь-шаня, сколько-нибудь сильныхъ восточныхъ вѣтровъ вовсе не наблюдалось, и первый такой вѣтеръ, перешедшій въ бурю и принесшій снѣгъ, пришелся на 14 февраля. Пржевальскій также отмѣчаетъ въ мартѣ 1873 г., на берегахъ оз. Куку-нора, частое возникновеніе восточныхъ вѣтровъ; такъ, онъ насчитываетъ на общее число 66 вѣтровыхъ наблюденій: 5 съ NO, 17 съ O и 3 съ SO [2]), но при этомъ онъ, какъ кажется, допускаетъ, что происхожденіе этихъ вѣтровъ мѣстное. «На Куку-норѣ, говоритъ онъ, въ мѣстѣ нашей стоянки на западномъ берегу этого озера, въ мартѣ 1873 г., господствовали два направленія—восточ-

[1]) Я считаю только такіе дни, когда вѣтеръ дулъ непрерывно 6 или болѣе часовъ въ сутки.
[2]) «Монголія и страна тангутовъ», т. II, стр. 8.

ное и западное, смотря по тому, дулъ-ли вѣтеръ съ озера или со стороны, противуположной ему». Изъ собранныхъ имъ здѣсь метеорологическихъ наблюденій видно, однако, что единственная буря, наблюдавшаяся въ это время на Куку-норѣ, налетѣла съ востока, а изъ пяти случаевъ выпаденія снѣга, въ трехъ, если только не въ четырехъ, снѣгъ падалъ при восточномъ или сѣверо-восточномъ вѣтрѣ [1]). Снѣгъ, который выпадалъ при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, былъ сухъ и крайне мелокъ.

Выше было замѣчено, что на Булунгирѣ полыньи образовались уже въ концѣ февраля. Пахло весной. 21—23 февраля при полномъ затишьѣ или слабыхъ вѣтрахъ съ юга и запада, при ясномъ небѣ, термометръ въ тѣни подымался до 14^0, на солнцѣ же, среди каменистыхъ высотъ, было настолько тепло, что мы ѣхали, облекшись совершенно по лѣтнему; какъ вдругъ, въ ночь на 25 февраля, погода разомъ и надолго измѣнилась: мы снова точно вернулись къ зимѣ. Сѣверо-восточный вѣтеръ утромъ перешелъ въ бурю, а тамъ повалилъ снѣгъ, который съ небольшими интервалами шелъ въ теченіе двадцати часовъ, причемъ его навалило гдѣ на футъ, а гдѣ такъ и больше! На слѣдующій день максимумъ температуры былъ $-4^0{,}5$, а въ ночь на 27 февраля грянулъ морозъ въ $23^0{,}5$. Прежнее тепло вернулось къ намъ лишь 3 марта, но со слѣдующаго же дня началось новое пониженіе температуры и 7 марта ея максимумъ равнялся лишь 1^0 выше 0; затѣмъ температура стала возрастать до новой бури со снѣгомъ, понизившей максимумъ (10 марта) до 1^0 ниже 0.

Весеннее тепло установилось вполнѣ только послѣ 20 марта, хотя только 26 марта впервые термометръ не опускался ниже 0^0; засимъ къ минусу мы возвращались еще раза три, причемъ термометръ не опускался ниже -4^0 (въ ночь на 30 марта); даже буря 6 апрѣля не понизила температуры ниже $+6{,}5^0$.

Въ концѣ марта суточныя амплитуды были еще велики; такъ:

	Минимумъ.	Максимумъ.	Амплитуда.
23 марта	въ 4 ч. ночи -9^0	въ 1 ч. дня 18^0	27^0
24 »	» 1 » » -6^0	» 1 » » 18^0	24^0
25 »	» 4 » » -7^0	» 1 » » 24^0	31^0
26 »	» 4 » » 0^0	» 1 » » 23^0	23^0

[1]) Воейковъ — «Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи». «Отдѣлъ метеорологическій», стр. 52. На стр. 9 второго тома «Монголіи и страны тангутовъ» Пржевальскій пишетъ однако: «На Куку-норѣ мы наблюдали въ теченіе марта шесть бурныхъ дней».

Но уже въ апрѣлѣ онѣ замѣтно сократились, и мы имѣли:

	Минимумъ.	Максимумъ.	Амплитуда.
1 апрѣля въ	4 ч. ночи	3° въ 1 ч. дня	19°,5	16°,5
3 » »	5 » »	11° » — » »	23°,5	12°,5
4 » »	5 » »	11° » — » »	25°	14°
5 » »	5 » »	10° » — » »	24°	14°
6 » »	3 » »	11° » полдень	16°	5°
7 » »	3 » »	6°,5 » »	21°	14°,5

Такъ какъ мартъ мѣсяцъ мы провели въ культурной полосѣ Принаньшанья, между городами Ань-си и Су-чжоу, къ тому же почти на одной и той же абсолютной высотѣ, колебавшейся между 4,154 ф. и 6,168 ф., то всѣ произведенныя здѣсь наблюденія можно было бы пріурочить къ одному среднему пункту, расположенному примѣрно, на высотѣ 5.200 ф. надъ ур. ок. При такомъ допущеніи мои метеорологическія наблюденія за мартъ покажутъ:

средняя температура мѣсяца	2°,6
наибольшая средняя температура дня	18°,3 (25 марта).
(отъ 6 ч. утра до 6 ч. вечера).	
наименьшая средняя температура дня	— 6°,2 (10 марта).
наибольшая средняя температура ночи	7°,1 (на 27 марта).
(отъ 6 ч. вечера до 6 ч. утра).	
наименьшая средняя температура ночи	— 15° (на 8 марта).
наибольшая средняя температура сутокъ	13°
наименьшая » » »	— 8°,5
максимальная температура въ теченіе мѣсяца (въ тѣни)	24° (въ 1 ч. дня, 25 марта)
минимальная » » »	— 19° (въ ночь на 8 марта).
число дней, когда термометръ не подымался выше 0°	1 (10 марта).
» » » » опускался ниже 0°	3 (26, 27 и 31 марта).
» сутокъ, средняя температура коихъ была ниже 0°	9
» » » » равнялась 0°	1
» » » » была выше 0°	21
число дней, средняя температура коихъ была ниже 0°	4
число ночей, средняя температура коихъ была выше 0°	8
наибольшая суточная амплитуда	31°
общее число вѣтровыхъ дней	22
число дней *съ преобладаніемъ* сѣвернаго вѣтра	0
» » » сѣв.-зап. »	8 (два раза этотъ вѣтеръ переходилъ въ бурю; вообще же, сѣверо-западные вѣтры дули въ мартѣ съ большой силой).
» » » западнаго »	3
» » » юго-зап. »	1
» » » южнаго »	0
» » » юго-вост. »	1
» » » восточнаго »	5
» » » сѣв.-вост. »	4
число дней, когда наблюдалось затишье въ теченіе свыше 6 час.	16
» ясныхъ дней	12
» облачныхъ дней	9
» пасмурныхъ »	8
» пасныхъ »	2

снѣгъ выпадалъ два раза при сѣв.-зап. вѣтрѣ.
пыльный туманъ наблюдался дважды при западн. вѣтрѣ.

Какой моментъ слѣдуетъ принять за начало весны? Рѣки начали вскрываться еще въ февралѣ, но наступившіе засимъ морозы снова сковали ихъ льдомъ. Однако, уже къ 8 марта всѣ рѣки и рѣчки очистились отъ ледяного покрова, который продолжалъ держаться еще только у береговъ. На р. Тао-лаѣ мы застали 16 марта уже послѣднія льдины, несшіяся съ верховьевъ рѣки. Примѣрно около этого же времени выразился и рѣзкій переломъ въ погодѣ, точно съ переходомъ за Великую стѣну мы оставили за собой и самое постылое, переходное отъ зимы къ веснѣ, время года. Земля стала оттаивать даже въ тѣневыхъ мѣстахъ 17 марта; 18 на солнечномъ припекѣ, по краямъ канавъ, я замѣтилъ первыя былинки травы. Около этого же времени на верхушкахъ ивъ появились первые листочки, а тополи стали раскрывать свои сережки; 20 марта почки карагачей стали замѣтно набухать; 25-го зацвѣлъ урюкъ, 4 апрѣля онъ уже сталъ отцвѣтать, но на смѣну ему явились яблони. Въ это время талъ уже окончательно распустился, карагачи же лишь начали зеленѣть, наполовину прираскрывъ листовыя мутовки; 6 апрѣля разцвѣлъ первый цвѣтокъ—Viola sylvatica rupestris.

Первыя насѣкомыя (мухи и сѣтчатокрылыя) замѣчены были 15 марта; первая дневная бабочка (Pieris bellidice, O.) поймана была 21 марта; первый жукъ (изъ сем. Tenebrionidae) 28 марта. Тогда же попалась намъ и первая ящерица (Phrynocephalus sp.?). 23 марта прилетѣли плиски (Motacilla alba baicalensis, Swinh.), 4 апрѣля — стрижи (Cypselus sp.); 2 апрѣля гуси стали гнѣздиться.

Такимъ образомъ, къ 1 апрѣля весна уже вполнѣ установилась, и китайцы приступили къ обычнымъ работамъ на поляхъ и огородахъ.

ГЛАВА VIII.

О рыжеволосыхъ автохтонахъ Центральной Азіи.

Въ Принаньшаньѣ къ полевымъ работамъ приступаютъ въ концѣ февраля, когда свозится на поля минеральное удобреніе въ видѣ почвы цѣлинъ [1]), глыбъ, выламываемыхъ изъ старыхъ глинобитныхъ построекъ [2]), и, въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, рѣчного ила [3]). Это удобреніе складывается на поляхъ кучками въ количествѣ иногда до тысячи пудовъ на десятину. Въ такомъ видѣ оно остается здѣсь до середины марта, когда земля начинаетъ оттаивать; тогда его разбрасываютъ ровнымъ слоемъ по полю, тщательно при этомъ разбивая комья деревянными колотушками.

Въ началѣ апрѣля изъ горныхъ ущелій показываются первые потоки мутной снѣговой воды [4]), которая тотчасъ же и разбирается арыками на поля. Подъ водой поля стоятъ день, послѣ чего сохнутъ съ недѣлю. Тогда впервые на сцену является соха [5]). Но еще раньше на нѣкоторыя поля свозятъ перегной на удобреніе, которое раскидывается въ количествѣ отъ 40 до 50 возовъ на десятину рисоваго поля и отъ 20 до 40 возовъ на десятину всякаго другого поля [6]). Я видѣлъ обработку земли только подъ хлѣбъ.

---

[1]) Въ Гао-тай'скомъ округѣ ею полей не удобряютъ; земля содержитъ тамъ еще въ избыткѣ соли.

[2]) Эти глыбы содержатъ въ нѣкоторомъ количествѣ азотистыя соединенія, такъ какъ обыкновенно, при возведеніи стѣнъ, къ лёссу или вообще глинистопесчаному мелкозему прибавляется наземъ; благодаря послѣднему, стѣна при ссыханіи даетъ меньше трещинъ.

[3]) Т. е. глинисто-песчанаго наноса съ ничтожнымъ содержаніемъ гумуса.

[4]) Къ востоку отъ г. Гань-чжоу еще позднѣе; мы проходили сухія русла даже въ двадцатыхъ числахъ апрѣля.

[5]) Соха эта самаго первобытнаго устройства; я видѣлъ сохи, у которыхъ даже лемехи были изъ дерева (карагача, Iuniperus); чаще, однако, попадались сохи съ чугунными лемехами.

[6]) Мнѣ не довелось видѣть этого перегнойнаго удобренія, но не подлежитъ сомнѣнію, что это не сырье, а въ различной степени переработанные туки; оттого-то и вывозится этого удобренія такъ мало на десятину.

Кстати замѣчу, что китайцы уже въ VII вѣкѣ, если только не раньше, стали переходить

Пашутъ не глубоко, на глубину 3/4, много, если полнаго фута [1]). Землю бороздятъ во всѣхъ направленіяхъ: и вдоль, и поперекъ, и по діагоналямъ. Независимо отъ сего, колотушками разбиваютъ всѣ комья земли, даже такіе, которые не превосходятъ величиной кулака. Иногда, вмѣсто того, чтобы разбивать комья колотушками, по полю съ этою цѣлью катаютъ каменные валы, съ выдающимися ребрами [2]).

Когда земля достаточно разрыхлена, что, между прочимъ, достигается также и при помощи бороны, приступаютъ къ посѣву. Сѣютъ [3]) изъ горсти, но сѣютъ также и при помощи машинъ-сѣялокъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ получается рядовой посѣвъ.

Картина сѣянія очень оригинальна. Это — цѣлая процессія, которая медленно движется отъ одного края поля къ другому. Впереди обыкновенно выступаетъ подростокъ, который изъ всѣхъ своихъ силъ тянетъ впряженнаго въ соху (лэй, ли) осла, рѣже лошадь; эту соху ведетъ китаецъ, который проводитъ въ рыхлой землѣ борозду, глубиной въ 4—6 дюймовъ; за нимъ слѣдуютъ еще два китайца: первый методически, привычнымъ взмахомъ, разсыпаетъ зерно по бороздѣ, а второй эту борозду забрасываетъ землей изъ заранѣе для сего приготовленныхъ кучъ; наконецъ, иногда шествіе это замыкаютъ грачи, которые безбоязненно, чуть-ли не изъ подъ ногъ китайцевъ, выхватываютъ свою добычу — червей и личинокъ. Когда сѣютъ при помощи сѣялки, то эта процессія сокращается всего лишь на одного члена, да и то не всегда, такъ какъ одному китайцу не легко управиться съ забрасываніемъ землей трехъ бороздъ.

Видѣнныя мною сѣялки устроены были слѣдующимъ образомъ. На распашникѣ съ тремя сошниками (въ большинствѣ случаевъ роль послѣднихъ играютъ заостренные колья), изъ коихъ средній посаженъ ниже и глубже другихъ, утверждаются два ящика; большій изъ нихъ, служащій магазиномъ для зерна, располагается сзади и на полъ своей высоты выше передняго; изъ него зерно

отъ сырыхъ къ переработаннымъ тукамъ, къ чему они были вынуждены значительно сократившимся у нихъ скотоводствомъ. (См. Скачковъ—«Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ въ Китаѣ» въ журналѣ «Сельск. Хоз. и Лѣсов.», 1867 г., стр. 54, отд. оттискъ).

[1]) При первомъ проходѣ сохи борозда въ глубину не превосходитъ 6 дюймовъ; но при слѣдующихъ ея проходахъ земля разрыхляется глубже и глубже. Иногда землю пашутъ до 5 разъ.

[2]) Этимъ же валомъ вымолачивается и хлѣбъ; впрочемъ, онъ имѣется далеко не во всѣхъ хозяйствахъ.

[3]) Передъ посѣвомъ зерно нѣкоторое время вымачивается въ навозной жижѣ.

пересыпается въ маленькій ящикъ черезъ небольшое круглое отверстіе, передъ которымъ на нити изъ стороны въ сторону болтается шарикъ. Назначеніе этого шарика — распредѣлять зерно поровну между тремя отверстіями, продѣланными въ днѣ маленькаго ящика; чрезъ эти-то отверстія, по трубочкамъ, и высыпается зерно въ борозду тотчасъ позади сошника. Такимъ путемъ достигается правильный рядовой посѣвъ.

Послѣ посѣва не боронятъ, чтобы не смѣшать рядовъ, а только выравниваютъ землю при помощи катковъ. Затѣмъ пускаютъ воду.

Всѣ эти работы заканчиваются, примѣрно, къ 15—18 апрѣля, смотря по абсолютной высотѣ мѣста. Въ мѣстностяхъ, получающихъ воду круглый годъ, посѣвъ заканчивается гораздо раньше, и къ половинѣ апрѣля хлѣба тамъ уже зеленѣютъ. Близъ Гань-чжоу, гдѣ воды много, ее спускаютъ на поля два раза, причемъ полютъ послѣ каждаго такого посѣва, пользуясь мягкостью грунта.

Въ Принаньшаньѣ воздѣлываютъ: пшеницу озимую (сѣютъ мало) и яровую, ячмень, просо (сяо-ми), Panicum italicum (со), Sorghum cernuum (чао-лянъ), рисъ, нѣсколько сортовъ гороха (дао), бобы, картофель (только въ окрестностяхъ Гань-чжоу-фу и Лянъ-чжоу-фу), кунжутъ (Sesamum indicum, чжи-ма), люцерну (мо-су) [1]), макъ и, кажется, хлопокъ [2]). Ячмень засѣвается почти исключительно двухъ сортовъ: остистый (да-ми) и голый (чэнъ-ко) [3]); пшеница, главнымъ образомъ, яровая, безостная (ханъ-да-ми); она обладаетъ способностью, преимущественно передъ другими сортами, куститься, но требуетъ сильнаго удобренія; ее сѣютъ рѣдко; мнѣ даже говорили здѣсь: «гдѣ всякаго хлѣба слѣдуетъ высѣять «доу» зерна, пшеницы «ханъ-да-ми» достаточно одинъ «шэнъ»; поэтому, если она гдѣ-либо всходитъ густо, часть ея обязательно вырываютъ. Названные сорта пшеницы и ячменя не особенно чувствительны къ холоду. Они высѣваются на значительныхъ высотахъ въ горахъ, и случается, что жать ихъ приходится по снѣгу [4]).

Это все, что я могу сообщить пока о сельскомъ хозяйствѣ въ Принаньшаньѣ.

---

[1]) Люцерна занесена въ Китай изъ Давани въ I в. до Р. Хр.

[2]) Хлопковыхъ плантацій я самъ не видѣлъ.

[3]) Оба сорта, главнымъ образомъ, тангутами; равнинные китайцы не вводятъ ячменя въ свой сѣвооборотъ.

[4]) На высотѣ 9 тыс. футовъ, на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня, снѣгъ выпадаетъ иногда уже въ концѣ августа мѣсяца.

8 апрѣля мы покинули Гань-чжоу. Обогнувъ съ юга городъ и пройдя здѣсь въ бродъ правый рукавъ Хэй-хэ, мы вышли на колесную дорогу, ведущую къ городку Нань-гу-чэнъ и монастырю Ма-ти-сы. Говорятъ, что изъ рѣки Хэй-хэ выведено въ обѣ стороны 54 оросительныя канавы. Очень возможно, такъ какъ арыковъ, переполненныхъ мутной водой, мы встрѣтили здѣсь, дѣйствительно, очень много; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вода выходила изъ береговъ и грязными каскадами изливалась на дорогу [1]), по которой и продолжала уже течь далѣе до встрѣчи съ первымъ поперечнымъ арыкомъ.

Окрестности Гань-чжоу въ эту сторону густо заселены: хутора, поля и древесныя насажденія тянутся почти безъ перерыва на протяженіи цѣлыхъ двадцати верстъ, т. е. до селенія Пинъ-фынъ-ча, расположеннаго на самомъ крайнемъ изъ арыковъ, выведенныхъ изъ р. Хэй-хэ, и въ то же время на рубежѣ лёссовой площади и каменистой степи съ наметенными на нее горами сыпучихъ песковъ [2]).

Лёссъ Гань-чжоу'скаго оазиса совершенно типиченъ, безъ слѣдовъ какой-либо слоистости. Онъ не содержитъ также гальки и нерѣдко образуетъ совершенно вертикальные обрывы, высотой въ нѣсколько саженъ; такіе обрывы особенно многочисленны у укрѣпленнаго селенія Сань-ши-ли-пу, и здѣсь, мѣстами, дорога идетъ по глубоко врѣзанному въ лёссовую почву тальвегу. Мощности лёссоваго пласта опредѣлить мнѣ не удалось, но я думаю, что онъ даже у помянутаго селенія не превышаетъ въ глубину 150—200 футовъ. Отсюда же толщина пласта убываетъ постепенно на сѣверъ и быстрѣе на югъ, гдѣ изъ подъ него, за селеніемъ Пинъ-фынъ-ча, и выступаетъ подстилающій его рыхлый конгломератъ.

Въ Пинъ-фынъ-ча мы ночевали. Каменистая степь, которая разстилается къ югу отъ этого селенія, не вполнѣ еще пробудилась отъ продолжительнаго зимняго сна, не смотря на то, что вотъ уже около мѣсяца, какъ стояли очень теплые дни; но она уже стала пробуждаться, и признаковъ этого пробужденія было много, но только они еще не бросались въ глаза: нужно было хорошо всмотрѣться, чтобы замѣтить фіалку (Viola sylvatica rupestris, Rgl.), сиротливо пріютившуюся подъ сѣнью прошлогодней полыни или зеленый молодой побѣгъ въ чіевой поросли; надо было поднять

[1]) Оросительныя канавы проведены здѣсь мѣстами выше полотна дороги.

[2]) Эти пески остались у насъ влѣво; вдоль дороги они тянулись нѣсколько верстъ.

камень, чтобы найти подъ нимъ рѣзвыхъ жучковъ изъ рода Sclеroparrum или Tentyria, и напряженно присматриваться къ ярко освѣщенной полуденнымъ солнцемъ поверхности какого нибудь глинистаго бугра, чтобы уловить быстрыя движенія красивой Cicindela tricolor, Adams (var). Изъ птицъ мы здѣсь встрѣтили пустынныхъ чекановъ (Saxicola isabellina, Cretzchm.) и первые экземпляры Podoces humilis, Hume. Объ этой послѣдней будетъ сказано нѣсколько словъ ниже.

Этой степью дорога шла около шести верстъ, потомъ, за безымяннымъ саемъ, галька почти совершенно исчезала, и передъ нами развернулась песчано-глинистая равнина, поросшая лишь эфедрой и чіемъ. Сперва почва имѣла красноватый оттѣнокъ, затѣмъ глина стала все болѣе и болѣе цвѣтомъ напоминать лёссъ и, наконецъ, верстахъ въ пяти не доходя до селенія Лянъ-чжо-чэна [1]), перешла въ этотъ послѣдній. Отсюда до селенія Лянъ-чу-чэна [2]), на протяженіи шести верстъ, мѣстность получила волнистый характеръ; дорога шла въ гору и, подымаясь съ одной лёссовой террасы на другую [3]), достигла, наконецъ, наивысшей своей точки, откуда открылся чудный видъ на глубокую долину р. Су-юй-хэ [4]).

Оставивъ селеніе позади, миновавъ затѣмъ и красиво расположенную на полусклонѣ кумирню, мы спустились къ рѣкѣ, которая здѣсь еле-еле струилась: почти вся вода ея была уже разобрана на арыки и неслась теперь высоко надъ ея ложемъ. Вода бѣжитъ въ гору! — вотъ впечатлѣніе, которое производятъ на наблюдателя подобнаго рода сооруженія. И хотя въ горной Бухарѣ я видѣлъ и болѣе замѣчательныя постройки — канавы-корыта, прилѣпленныя къ отвѣсной скалѣ, но и здѣсь я не могъ не полюбоваться крайне простыми, но отъ того ничуть не менѣе удивительными твореніями китайскаго простолюдина — арыками, выносящими воду на площадь, лежащую футовъ на триста выше рѣчнаго уровня.

Дорога пересѣкаетъ долину р. Су-юй-хэ и, круто поднявшись на противуположный ея склонъ, бѣжитъ среди воздѣланныхъ полей вплоть до города Нань-гу-чэна, т. е. «южнаго стараго города»,

[1]) Лочи (op. cit., стр. 544) называетъ это селеніе Ха-чуань-гоу (Cha-tschuen-kou) или Чжа-чжуань-гоу (Tsha-tshwan-kou). Ни одного изъ этихъ названій намъ не довелось слышать.

[2]) Лочи (ib.) называетъ это селеніе Жуй-юй-гоу (Shuj-yü-kou).

[3]) Подъемъ мѣстности выражался въ среднемъ половиной фута на сажень.

[4]) Р. Су-юй-хэ — лѣвый притокъ р. Да-тунъ-ма-хэ. Верхняя часть ея долины будетъ описана мною ниже.

о прошломъ котораго намъ, однако, ничего неизвѣстно. Онъ стоитъ вправо отъ дороги и имѣетъ высокія, но уже мѣстами осыпавшіяся стѣны. Проѣхавъ по его предмѣстью, состоящему изъ ряда убогихъ лачужекъ, тыломъ обращенныхъ къ городской стѣнѣ, мы остановились въ небольшой и уже довольно ветхой кумирнѣ, расположенной на пригоркѣ, отдѣляющемся отъ предмѣстья широкимъ, но неглубокимъ логомъ.

Эта кумирня по внѣшности не отличалась отъ подобнаго же рода построекъ, попадавшихся намъ ранѣе въ Китаѣ, но на внутреннихъ стѣнахъ ея главнаго корпуса мы нашли живопись, по поводу которой мнѣ приходится дать читателю длинное объясненіе.

Картина изображаетъ нѣкоторые отдѣлы ада, въ которыхъ грѣшниковъ подвергаютъ всевозможнымъ истязаніямъ: ихъ варятъ въ кипяткѣ, распинаютъ на крестѣ головой вверхъ и головой внизъ, имъ вылущиваютъ глаза, вырываютъ языкъ, ихъ четвертуютъ, рѣжутъ на куски, обдираютъ съ нихъ кожу, сажаютъ на колъ, толкутъ въ ступѣ, поджариваютъ на сковородѣ, скальпируютъ, распиливаютъ пополамъ, у нихъ вырѣзаютъ внутренности, имъ разбиваютъ черепъ и предаютъ множеству другихъ мученій. Все это дѣлаютъ «гуи» — демоны по приказанію князей — вановъ, управляющихъ десятью отдѣлами ада. Фигуры этихъ палачей и одного изъ десяти князей ада — Янъ-вана въ точныхъ копіяхъ предста-

Янъ-ванъ.

влены на прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ. Въ художественномъ отношеніи они не заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія, но зато они представляютъ крупный интересъ въ другомъ отношеніи.

Художникъ хотѣлъ придать «шоу-гуямъ» отталкивающій, свирѣпый видъ, князь же ада нарисованъ безъ всякой утрировки: это рыжеволосый, краснолицый и широкоскулый субъектъ съ большимъ, круглымъ носомъ и голубыми, глубокосидящими глазами, густыми нависшими бровями, столь же густыми усами и бородой клиномъ. Это не плодъ воображенія художника, это — портретъ. Но кто могъ служить ему оригиналомъ? Ужь, конечно, не современный европеецъ, такъ какъ китайцы только потому и величаютъ европейцевъ «янъ-гуй-цзы» — заморскими чертями, что своихъ гуевъ искони рисовали рыжеволосыми.

Въ послѣднее время вновь было сдѣлано нѣсколько попытокъ доказать, что китайцы пришли въ бассейнъ р. Хуанъ-хэ (т. е. въ «Страну цвѣтовъ») съ запада [1]). Но нѣкоторые синологи [2]) отнеслись попрежнему къ этой гипотезѣ отрицательно; однако, и тѣ и другіе сошлись въ томъ, что, примѣрно, за XXV столѣтій до Р. Хр. китайцы занимали лишь ничтожную часть территоріи современной Китайской имперіи, а именно, южную половину Шаньси съ прилегающими къ ней частями провинцій Шэнь-си, Хэ-нань и Чжи-ли [3]). Эта страна называлась «Страною цвѣтовъ»; во всѣ

---

[1]) Terrien de Lacouperie (труды, въ которыхъ онъ проводилъ эту мысль, слѣдующіе: «Early history of chinese civilisation» (1880); «The Yh-king» въ «The Athenaeum», 1882, № 21 Jan., 9 и 30 Sept.; «Chinese and Akkadian Affinities» въ «The Academy», 1883, № 20 Jan.; «Early Chinese literature», ib., № 28 jul.; «The affinity of the Ten Stems of the Chinese cycle with the Akkadian Numerals», ib., № 1 Sept.; «The Chinese mythical kings and the Babylonian Canon», ib., № 6 Oct.; «Traditions of Babylonia in early Chinese documents», ib., № 17 Nov.; «The oldest book of the Chinese and its authors» въ «Journ. R. Asiat. Soc.», n. s., 1882, XIV, 4, 1883, XV, 2; «Babylonian and old Chinese measures» въ «The Academy», 1885, № 10 Oct.; «Babylonia and China», ib., 1886, № 7 Aug.;; «The languages of China before the Chinese», 1887; «Origin from Babylonia and Elam of the early Chinese civilisation» въ «Babylonian and Oriental Record», 1889; №№ 3—8 и 10; «The old Babylonian characters and their Chinese derivates», ib., 1888, № 4; «From ancient Chaldea and Elam to early China: au historical loan of culture», ib., 1891, № 2—4, и друг.). Къ нему примкнулъ de Harlez («Les religions de la Chine» въ «Muséon», 1891, стр. 157). Но еще раньше высказалъ ту же мысль Deguignes («Mémoire dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne», 1758; полемическую литературу по сему предмету см. у Cordier — «Bibliotheca sinica», I, стр. 230), а затѣмъ Biot («Le Tcheou-li ou rites des Tcheou», I, стр. V, и «Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise» въ «Journal Asiatique», 4 série, VII, стр. 174—175), Legge («The Chinese Classics: with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes», III, 1, prolegomena, стр. 189, V, proleg., стр. 134) и мн. др. См. также Richthofen — «China», I, стр. 339—343 и 428; Георгіевскій — «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», стр. 61, 65; оба выводятъ китайцевъ изъ бассейна Тарима; наконецъ, Klaproth («Asia polyglotta», стр. 356) полагаетъ, что китайцы спустились въ долину Хуанъ-хэ съ Куэнъ-луня. Того же мнѣнія держался и Biot.

[2]) Hirth («Ueber fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst», 1896, стр. 2); Chavannes «Journal Asiatique», 1897, стр. 531).

[3]) См., однако, Richthofen — «China», I, стр. 340—341.

же стороны отъ нея въ необозримую даль уходили лѣса и луга, заселенные дикими пастушескими и охотничьими племенами [1]).

Много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ китайцы, раздвигая свои владѣнія въ ширь и глубь, вырубая лѣса и осушая болота, побѣждая дѣвственную природу и оттѣсняя дикарей, достигли, наконецъ, береговъ Янъ-цзы-цзяна и Желтаго моря [2]). Ихъ колонизаціонное движеніе въ восточной Азіи въ эту эпоху можно сравнить съ колонизаціоннымъ движеніемъ европейцевъ въ Сѣверной Америкѣ. Подобно краснокожимъ индѣйцамъ, автохтоны, населявшіе бассейны огромныхъ китайскихъ рѣкъ, уходили передъ китайцами, не столько побѣждаемые оружіемъ, сколько надвигавшейся на нихъ культурой.

Шоу-гуй.

Это было время Яо, Шуня и Юя, славныхъ устроителей Китайскаго государства [3]).

Шоу-гуй.

И такъ, китайцы уже на зарѣ своей исторической жизни являются культурнымъ народомъ; разсадникомъ же этой культуры служитъ страна, обнимающая едва 1/30 часть современнаго Китая. Лучи китайской культуры освѣщаютъ нынѣ болѣе половины стараго континента; но никто изъ синологовъ, отрицающихъ гипотезу Terrien de Lacouperie, не отвѣтилъ еще на вопросъ, какъ могла эта культура зародиться, раз-

---

[1]) Richthofen, op. cit., стр. 344—345; Георгіевскій — «Первый періодъ Китайской исторіи», стр. 258.

[2]) Plath — «Ueber die Verfassung und Verwaltung China's unter den drei ersten Dynastieen» въ «Abhandlungen der k. bay. Akademie der Wiss.», I Cl., X, 2, стр. 7; Terrien de Lacouperie — «Les langues de la Chine avant les Chinois» въ «Le Muséon», 1887, VI, стр. 107, и др.

[3]) Китайцы никогда не забывали ставить въ примѣръ своимъ государственнымъ дѣятелямъ этихъ первыхъ вождей китайскаго народа. Такъ, въ «Го-юй» мы читаемъ: «Les anciens rois faisaient briller leurs vertus et ne montraient point leurs armes (ils gagnaient, soumettaient les peuples bien plus par leurs vertus en leur gouvernement que par la force des armes)», говорилъ Ма-фу, князь удѣла Цзи, князю Му-вану... «Ainsi nos anciens rois ne recouraient pas principalement aux armes. Ils avaient surtout à cœur de montrer leur bienveillance au peuple en ses peines, de lui donner la paix et d'écarter de lui tous les maux. Ainsi nos anciens rois réglaient les choses de leur

виться и достичь высокаго совершенства у одинокаго небольшого племени короткоголовыхъ [1]), разобщеннаго со всѣмъ остальнымъ міромъ волнами дикихъ народовъ и необъятными пространствами дѣвственныхъ странъ. Hirth довольствуется тѣмъ, что указываетъ, что въ области чистыхъ искусствъ Китай развивался самостоятельно до начала нашей эры, когда впервые на его орнаментахъ стали обнаруживаться чуждыя западныя вліянія [2]). Но такъ-ли это, и на столько-ли намъ извѣстна археологія Востока, чтобы строить такія смѣлыя заключенія? Не окажутся-ли, напримѣръ, такъ называемые «гу» — высокія башни, возводившіяся государями Чжоуской династіи и совершенно забытыя только при Юаняхъ, копіями съ уступчато-пирамидальныхъ храмовъ Ассиріи? А ирригаціонное искусство? Оно могло зародиться въ сухой Сиріи и Иранѣ, но не въ «Странѣ цвѣтовъ», не въ прежнемъ Китаѣ, обильномъ лугами и лѣсами и прекрасно орошенномъ огромными водными системами Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Нынѣ Китай весь распаханъ, его лѣса уничтожены, его лёссовая поверхность изрѣзана оврагами и тальвегами; все это въ совокупности высушило его почву, во много разъ увеличивъ и ея испаряемость; теперь онъ, дѣйствительно, нуждается въ орошеніи; но тогда? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ мы видимъ китайцевъ, занимающихся канализаціей уже за двадцать вѣковъ до Р. Хр. Ясно, что при обработкѣ полей ими примѣнялись не ими самими выработанные, а унаслѣдованные пріемы. Не доказываетъ ли это, что китайцы были народомъ пришлымъ, а не аборигенами земель бассейна р. Хуанъ-хэ? Но если они были пришельцами, то откуда же, какъ не изъ окрестностей того древнѣйшаго очага культуры, который находится въ перед-

---

domaine à l'intérieur de leurs états particuliers et celles des princes feudataires en dehors de ces états» (de Harlez — «Koue-Yu ou Discours des Royaumes» въ «Journal Asiatique», IX série, II, стр. 379—383).

Замѣчательно, что слова — «правительство» и «теченіе рѣки» обозначались у китайцевъ однимъ и тѣмъ же іероглифомъ. Это доказываетъ, что государственный строй Китая развивался постепенно изъ первобытнаго земледѣльческаго коммунизма, центральная же власть появилась впослѣдствіи и обязана своимъ возникновеніемъ ирригаціонной системѣ и необходимости поддерживать ее въ порядкѣ (см. Крживицкій — «Антропологія», стр. 133).

[1]) Георгіевскій, op. cit., стр. 259, высказываетъ предположеніе, что первобытные китайцы были бѣлокурой расой; но приводимое имъ въ защиту этого предположенія доказательство (іероглифъ «хуанъ», обозначающій понятіе «государь», состоитъ изъ іероглифовъ «бай» — бѣлый и «ванъ» — царь) опровергается ниже имъ же самимъ; у монголовъ, говоритъ онъ, князья именуются «бѣлой костью».

[2]) «Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst»; «Zur kulturgeschichte der Chinesen» Sonderabdruck aus der Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», № 147 и 148 vom 6 und 7 Juli 1898 (стр. 8).

ней Азіи и куда искони сходились народы разныхъ расъ и языковъ какъ бы для того только, чтобы сложить тамъ въ одну сокровищницу знаній созданія своего генія [1])?

Китайцы нѣкогда называли себя «народомъ ста семействъ» [2]), какъ бы указывая на свою первоначальную малочисленность. Иначе они называли себя еще «черноволосыми» [3]), можетъ быть, въ отличіе отъ племенъ, тогда обитавшихъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки [4]).

О послѣднихъ китайцы сообщаютъ намъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были рыжеволосыми [5]).

Уже за XV столѣтій до Р. Хр. китайцы различали четыре расы

---

[1]) Припомнимъ также, что китайцы понятіе «умереть» выражаютъ словами «гуй-си», что значитъ — возвратиться на западъ, что у нихъ существуетъ легендарное сказаніе о томъ, что они пришли въ бассейнъ Желтой рѣки съ запада (см. Георгіевскій — «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», стр. 61).

Наконецъ, нельзя также не обратить вниманія на тождественность китайскихъ словъ для обозначенія — «обрабатывать землю» (ли, лю) и соха (лэй) съ соотвѣтственными словами западныхъ народовъ; но тогда какъ у китайцевъ они имѣютъ узко-техническое значеніе, на западѣ они захватываютъ и понятія, свойственныя менѣе высокой культурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ:

I. Въ арійскихъ языкахъ:

корни типа RK

RUK греч. ὀρύσσω, болѣе древнее ορυκ (рыть); латинск. — *runco* (полоть).

RU русск. — *ровъ, рыть, рвать*, и т. д.

ARU греч. ἀρόω, русск. *орать*, и т. д.

RIK древн. *roika* = *рѣка;* RJGH латинск. *rigare* (орошать), готское — *rign* (дождь).

RIV, RI латинск. *rivus* (ручей, потокъ, канава), русск. *ринуться*, кельтск. *renos* (Рейнъ).

II. Въ семитическихъ языкахъ:

RWJ {еврейск. *ri*, болѣе древн. *rawi* (орошеніе), *reweh* (орошаемый).
{арабск. *rawaj* (орошать), *rajjun*, болѣе древн. *rawjun* (дождь).

Наконецъ, въ тибетскомъ письменномъ языкѣ имѣются также слова этого типа; такъ, *rko* значитъ — онъ роетъ (канаву), *rka* — отверстіе изъ большого водоема въ меньшій, мѣсто развѣтвленія арыковъ, мѣсто выхода арыка изъ рѣки. Конечно, и слово «арыкъ» того же происхожденія. Бельтиры называютъ сентябрь — *ориак-ай*, т. е. мѣсяцемъ *жатвы*.

Этой справкой я обязанъ г. Маршаллю, которому и приношу здѣсь глубочайшую благодарность.

[2]) Plath, ib.; Biot, ib.; de Harlez — «Les religions de la Chine» въ «Le Muséon», 1891, стр. 157; Terrien de Lacouperie не соглашается съ такимъ объясненіемъ словъ «бэ-цзя-синъ» (peh-kia-sing). См. «Le Muséon», 1888, стр. 208—209.

[3]) De Harlez, ib.; Plath, ib.; Biot, ib.; ср., однако, Георгіевскаго — «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 240, примѣчаніе.

[4]) Biot, ib., говоритъ даже: «*sans doute* par opposition à la couleur différente ou mêlée des cheveux de la race indigène», etc.; см. его же — «Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise» въ «Journal Asiatique», 4 série, VII, 1846, стр. 174. Того же взгляда держится и Legge — «The Chinese classics», III, 1, proleg., стр. 191.

[5]) Правильнѣе было бы сказать: «не черноволосыми», потому что у китайцевъ и японцевъ подъ именемъ «рыжихъ» были извѣстны не только, дѣйствительно, рыжеволосыя племена, но и бѣлокурыя, а также темнорусыя.

дикарей. Жившихъ на сѣверѣ они называли «ди», жившихъ на востокѣ — «и», на югѣ — «мань» и на западѣ — «жунъ». Георгіевскій такъ и говоритъ, что инородцы различались китайцами по четыремъ странамъ свѣта [1]). Но такое разселеніе главныхъ инородческихъ расъ, составлявшихъ первобытное населеніе Китая, конечно, только случайность; къ тому же мы видимъ жуновъ не только на западѣ, но и въ провинціяхъ Хэ-нань, Ань-хой, Чжи-ли и Шань-дунъ [2]), изъ чего не можемъ не заключить, что китайцы различали окружающихъ ихъ инородцевъ не по мѣсту ихъ жительства, а по расовымъ ихъ особенностямъ.

Къ какимъ же расамъ относились эти четыре группы инородцевъ? Объ этомъ судить теперь съ достовѣрностью трудно, но, вообще, принято думать, что «и» по языку и по расѣ принадлежали къ тагало-малайскому типу, «жуны» по языку къ тибетско-бирманскому, по расѣ же къ переходному типу между малайскимъ [3]) и монгольскимъ, «мани» по языку частью къ индо-китайскому, частью же къ тибетско-бирманскому, по расѣ же, главнымъ образомъ, къ европейскому типу, значительно, однако, смѣшавшемуся съ первобытнымъ чернымъ. Къ европейскому же типу отношу я и «ди».

Инородцевъ «ди» принято почему-то считать народомъ тюрко-монгольской расы и языка [4]). Я постараюсь доказать, что мнѣніе это ошибочно.

Первыми тюрками, съ которыми насъ знакомитъ исторія Средней Азіи, были хунны.

Сы-ма-цянь говоритъ: «еще до временъ государей Тханъ (Яо) и Юй (Шунь) находились поколѣнія «хянь-юнь» и «хунь-юй» [5]). Цзинь-чжо, комментируя это мѣсто «Шы-цзи», пишетъ: «во времена государя Яо (хунны) назывались «хунь-юй», при династіи Чжоу — «хянь-юнь», при династіи Цинь — «хунъ-ну» [6]). Вообще же, мы *нигдѣ* у китайскихъ историковъ не встрѣчаемъ *отождествленія ди*

---

[1]) «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 236.

[2]) Георгіевскій, ib., стр. 237—238.

[3]) Малайскій типъ въ свою очередь является смѣшаннымъ; вѣроятно, здѣсь говорится объ индонезійцахъ, наиболѣе чистыми представителями коихъ являются нынѣ даяки (о. Борнео), баттаки (о. Суматра), макассары и бугисы (о. Целебесъ).

[4]) Даже Terrien de Lacouperie держится этого взгляда. См. «Le Muséon», 1887, стр. 148, примѣчаніе. Георгіевскій («О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», стр. 79) очень увѣренно высказывается даже за ихъ тунгузское происхожденіе!

[5]) Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народ. Средн. Азіи», I, 1, стр. 1.

[6]) Іакинфъ, ib., стр. 2.

съ хуннами [1]). Что же касается первыхъ, то у Сы-ма-цяня мы находимъ слѣдующія, относящіяся къ нимъ, указанія: При упадкѣ благоустройства въ государствѣ Ся (2205 — 1766), пишетъ онъ, Гунъ-лю лишенъ былъ должности главнаго попечителя земледѣлія. Онъ бѣжалъ къ западнымъ инородцамъ и построилъ городокъ Бинь [2]). По прошествіи слишкомъ 300 (болѣе 400) лѣтъ инородцы «жунъ-ди» стали тѣснить потомка Гунъ-лю, князя Шань-фу. Послѣдній бѣжалъ къ горѣ Ци-шань, гдѣ построилъ городъ, и положилъ основаніе дому Чжоу [3]). Далѣе же сказано: «Вынь Вунъ, князь удѣла Цзинь, прогналъ «жунъ-ди», поселившихся въ Хэ-си, между рѣкъ Инь-шуй и Ло-шуй, подъ названіями «чи-ди» и «бай-ди» [4]).

Отсюда видно, что «жунъ-ди» были предками красныхъ и бѣлыхъ ди; дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у Іакинфа переведено «жунъ-ди», Георгіевскій говоритъ или о «жунахъ» или только объ однихъ «ди» [5]). Plath также пишетъ: «Als Tscheu Thai-wang (Tan-fu, у Іакинфа — Шань-фу), 1327 v. Chr., in Pin (Бинь) wohnte, machten, nach Mengtseu, I, 2, 15, 1, die *Ti*-jin (Männer) beständig Einfälle [6])». «Der Sse-ki Tscheu pen-ki B. 4. f. 4. v. flg. lässt die «Jung» und «Ti» den alten Tan-fu angreifen. Nach f. 2 und 15 gab Pu-kho, der Nachkomme Heu-tsi's (der Ahn's der Dynastie Tscheu), dessen Amt auf und entfloh zwischen den «Jung» und «Ti». Der 2 Nachkomme Kung-lieu nahm, obwohl er mitten zwischen den «Jung» und «Ti» war, Heu-tsi's Amt indess wieder auf, beackerte das Feld, etc [7]).»

Итакъ ясно, что Гунъ-лю удалился къ «ди», гдѣ и принялъ ихъ полукочевой образъ жизни, «претворился въ жуна», по выраженію Іакинфа [8]). Его потомки положили основаніе удѣлу Чжоу, а засимъ и китайской династіи Чжоу (1122 — 225), которая была

---

[1]) Наоборотъ, у этихъ историковъ мы находимъ, напримѣръ, такое опредѣленіе границъ хуннскихъ земель: на западъ онѣ простираются до юэчжи, цяновъ и ди (Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 1, стр. 15).

[2]) Въ пров. Шэнь-си. См. Biot — «Études sur les anciens temps de l'histoire Chinoise», въ «Journal Asiatique», 4 série, VII, стр. 407.

[3]) Іакинфъ, ib., стр. 3.

[4]) Іакинфъ, ib., стр. 6.

[5]) Ср., напримѣръ, Іакинфъ, ib., стр. 6, и Георгіевскій — «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 102.

[6]) «Die fremden barbarischen Stämme im alten China» (Sitzungsber. d. philos.-philol. Cl. der Akademie d. Wiss., 1874, I, стр. 457).

[7]) Ib., стр. 458, и далѣе стр. 463.

[8]) Ib., стр. 3. Китайцы, переселяясь въ страну дикарей, принимали ихъ образъ жизни, одежду и проч.; даже татуировались; см. Biot — «Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise» въ «Journal Asiatique», 4 série, VII, стр. 410. То же совершается и понынѣ. У marquis d'Hervey de Saint-Denys — «Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin» («Atsume Gusa»), II, стр. 40,

рыжеволосой [1]). Такъ какъ Гунъ-лю былъ китаецъ, то свѣтлый цвѣтъ волосъ у царей династіи Чжоу могъ явиться только какъ результатъ метисаціи съ инородцами ди. О случаяхъ подобной метисаціи говоритъ намъ и исторія [2]). Китайскій іероглифъ «ди» составленъ изъ двухъ іероглифовъ: огонь и собака; поэтому Plath переводитъ слово «ди» выраженіемъ: «Hunde, die sich am Feuer wärmen [3])». Но не проще-ли передать этотъ іероглифъ словами «огненныя (т. е. рыжія) собаки»? Что «ди» принадлежали къ бѣлой (и, вѣроятно, бѣлокурой) расѣ, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что среди нихъ были великаны (чанъ-ди) [4]).

Terrien de Lacouperie допускаетъ, что народъ чжоу, т. е. метисы китайцевъ и ди, а, стало быть, и эти ди, имѣли примѣсь арійской крови [5]); но съ этимъ выводомъ не вполнѣ соглашаются другіе оріенталисты; такъ, de Harlez, напримѣръ, пишетъ: «Дарместетеръ правъ, высказывая сомнѣніе въ арійскомъ происхожденіи [6]) народа чжоу (tcheou), такъ какъ въ пользу такой гипотезы можно привести лишь этническія особенности этого народа и сходство его нравовъ съ нравами арійцевъ, чего, конечно, еще недостаточно для приданія ей желательной достовѣрности; вотъ почему въ своей книгѣ «Les religions de la Chine» я и назвалъ чжоу'цевъ народомъ докитайскимъ, приближающимся къ арійцамъ своими обычаями [7]).

читаемъ: «Les Chinois... subissent l'influenee de leurs (Yao) usages, acquièrent leur agilité robuste, exercent les mêmes industries et contractent des mariages avec eux».

[1]) «Toutes les contrées soumises au grand empereur (Yu) n'étaient point placées directement sous son autorité; plusieurs avaient conservé leur chef propre qui se reconnaissait simplement vassal du monarque suprême. Il en était ainsi spécialement de l'état de Tcheou situé au nord-ouest de la Chine actuelle, à l'ouest du coude formé par le Hoang-ho et habité par une population préchinoise, Ce dernier fait est attesté et par la couleur des cheveux de ce peuple qui est uniformément signalé comme étant de couleur rousse, et par les traditions chinoises soigneusement concervées (Legge — «The Chinese classics», IV, p. 484) et par le témoignage même du Shi-king dans les odes consacrées à la gloire de la maison de Tcheou» (de Harlez — «Les religions de la Chine» въ «Le Muséon», X, 1891, стр. 158). См. также Terrien de Lacouperie — «Les langues de la Chine avant les Chinois» въ «Le Muséon», VII, 1888, стр. 215. Китайцы также считаютъ династію Чжоу инородческой; по крайней мѣрѣ, инородцевъ «яо мяо» они считаютъ потомками чжоу'цевъ (см. Ивановскій — «Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», I, 1, стр. 99).

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 6; Plath, ib., стр. 464.

[3]) Ib., стр. 451.

[4]) Ib., стр. 469, 471.

[5]) «Le Muséon», VII, 1888, стр. 215—216; этотъ ученый замѣчаетъ также: «C'est l'explication scientifique la plus vraie qui puisse être fournie au sujet des mots aryens qu'on trouve en chinois».

[6]) Это выраженіе должно быть оставлено: есть арійская группа языковъ, но нѣтъ арійской группы народовъ, такъ какъ на арійскихъ языкахъ говорятъ самыя различныя человѣческія расы.

[7]) «La nationalité du peuple de Tcheou», въ «Journal Asiatique», 8 série, 1892, XX, стр. 335—336.

Darmesteter не возражалъ, однако, de Harlez'у. Онъ замѣтилъ тодько: «Cette religion (т. е.

Но вѣдь подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго? Въ доисторическія времена бѣлая раса имѣла совершенно иное распространеніе, чѣмъ теперь. Ея остатки въ различныхъ градаціяхъ метисаціи и теперь еще сохранились на островахъ Полинезіи и Зондскихъ (индонезійцы — даяки, баттаки, съ острововъ Самоа и т. д.), въ Индо-Китаѣ (въ горахъ Ассама, Бирмы, Читтагонга), въ южномъ Китаѣ (о нихъ мы будемъ говорить ниже [1]), въ Маньчжуріи, въ Японіи (высшій классъ населенія, ай-

религія первобытныхъ китайцевъ), relativement pure et simple, s'altère, selon M. de Harlez, sous la dynastie des Tcheous qui développent le culte des esprits, obscurcissent la personnalité de Schang-ti, introduisent dans la religion à la fois le naturalisme et l'apothéose des héros. M. de Harlez considère cette dynastie comme étrangère et comme ayant subi des influences aryennes. Il y a là une idée certainement nouvelle et qui étonne un peu d'abord, et l'on voudrait trouver exposées avec plus de développement les raisons qui forcent à voir l'action aryenne dans cette vieille période de l'histoire chinoise, les traits précis ou les textes qui la révèlent ou l'attestent, et les voies par lesquelles elle se serait introduite» («Rapport annuel» въ «Journal Asiatique», 1892, стр. 130—131).

[1]) Здѣсь, однако, я считаю умѣстнымъ привести нижеслѣдующую выдержку изъ книги Desgodins — «Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires», стр. 255—256, о внѣшнемъ видѣ населенія юго-восточныхъ окраинъ Тибета.

«On rencontre aussi un certain nombre d'individus au Thibet qui ont absolument le type caucasique ou européen, surtout dans leur jeunesse: figure ovale, front droit, yeux grands et horizontaux, pommettes non saillantes, nez aquilin. Une autre observation est celle-ci: c'est que presque tous les enfants à leur naissance ont les cheveux d'un brun pâle qui disparait peu à peu et tourne au noir brillant vers l'âge de dix à douze ans. Quelques-uns conservent la couleur châtain foncé toute leur vie. Les yeux thibétains sons bruns ou d'un jaune très foncé»... «La race mosso (это «мосѣ» въ переводѣ Ивановскаго; о ней ниже) est venue dans la partie S.-E. du Thibet par la conquête, il y a peut être trois et quatre cents ans. Le roi mosso de Ly-Kiang-fou, pour maintenir son autorité plaça des colonies de distance en distance, et ces colonies formèrent des villages que l'on rencontre encore aujourd'hui sur les bords de la Salouen, du Mékong et du Fleuve-Bleu, jusque vers le 30° de lat. nord. Toutes les forteresses sont actuellement en ruines, mais la race mosso s'est perpétuée, a conservé son langage plus ou moins altéré, et à pris presque toutes les coutumes thibétaines. Pour connaître le vrai Mosso, il faudrait aller l'étudier près de Ly-Kiang-fou dans le Yun-nan. Les Thibétains méprisent les Mosso incorporés au Thibet, très probablement métisés et surtout dégradés. Quand aux traits physiques, ils sont bien altérés et ne représentent plus le vrai type mosso; cependant on peut encore le reconnaître à certains caractères: front plus fuyant, nez plus aquilin, les os maxillaires inférieurs moins écartés, menton plus fuyant que chez le Thibétain. Ces différences donnent quelque chose de plus délicat à la figure des enfants et des jeunes gens».

Не менѣе интересны и замѣчанія Colborne Baber'a о черныхъ лоло (хэй-лоло):

«Les Lolos sont d'une race dont la taille dépasse de beaucoup celle des chinois; leur taille dépasse même peut être celle d'aucun peuple d'Europe. Ils sont, presque sans exception, remarquablement bien bâtis, sveltes et musclés. Leur poitrine est forte.. Leur résistance à la fatigue et l'allure rapide avec laquelle ils escaladent leurs montagnes sont prodigieuses et devenues proverbiales parmi les chinois. De grands yeux horizontaux éclairent leur belle face ovale qui est brun rouge chez ceux qui vivent le plus au grand air. L'os des pommettes est saillant sans exagération, le nez est arqué et plutôt large, la forme pointue de leur menton épilé est caractéristique» («Travels and Reséarches in the interior of China», стр. 58 и слѣд.; цитировано по Devéria — «La frontière sino-annamite», стр. 143—145).

Francis Garnier пишетъ о Ho-nhi (во-ни у Ивановскаго): «La population de T'a-lang se mélange dans une proportion très considérable de sauvages auxquels les chinois donnent le nom de Ho-nhi. Ils ressemblent comme costume aux Khas khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les têtes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental. Les femmes sont excessivement

но), на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири (коряки, чукчи) и въ Сѣверной Америкѣ (калоши и др. племена) [1]; наконецъ, въ сѣверномъ Китаѣ и по настоящее время сохранился еще длинноголовый типъ [2]. Слѣды крови бѣлой расы видны и въ современныхъ тангутахъ. Бель пишетъ даже, что встрѣченные имъ ганьсуйскіе тангуты напомнили ему цыганъ [3]. Тоже говоритъ и Пржевальскій [4]. Среди сфотографированныхъ нами тангутовъ имѣется одинъ съ римскимъ профилемъ [5]. Правда, нѣкоторые антропологи полагаютъ, что тангуты произошли отъ смѣшенія желтыхъ коротконоловыхъ съ дравидійскими племенами, подобно населенію нѣкоторыхъ частей Бутана, Непала и Кашмира, чѣмъ, между прочимъ, будто-бы, и объясняется ихъ длинноголовость, темный цвѣтъ кожи, прямо поставленные глаза и тонкій, прямой носъ; но подобное предположеніе ничѣмъ не доказано.

Итакъ, изъ вышеизложеннаго нельзя, какъ кажется, не вывести заключенія, что племя «ди» было рыжеволосымъ (можетъ быть, правильнѣе было бы сказать — бѣлокурымъ?); среди нихъ попадались люди атлетическаго сложенія (чанъ-ди), тоже этническая особенность, указывающая на то, что въ жилахъ этихъ «ди» текла если не чистая кровь бѣлой расы, то въ примѣси очень значительной. Въ дальнѣйшемъ мы, впрочемъ, увидимъ не мало подтвержденій этой гипотезѣ.

---

vigoureuses... A Yuan-kiang la physionomie des habitants est assez profondément altérée par le mélange avec les races sauvages des environs, surtout avec les Ho-nhi, pour perdre presque complètement son caractère chinois» («Voyage d'exploration en Indo-Chine», I, стр. 437; цит. по Devéria, op. cit., стр. 136—137).

Kreitner (op. cit., стр. 293), въ свою очередь, нашелъ у племени Ра-уй особенности кавказскаго типа ясно выраженными.

Возможно также, что отраслью дисцевъ, въ доисторическія времена проникшею далеко на югъ, до центральныхъ провинцій Индіи, должны считаться и такъ называемыя арійскія племена, удержавшія еще свою независимость, напримѣръ, «бильсы», живущіе въ горахъ бассейна верхней Нербудды. Ихъ характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: «Бильсы отважные и воинственные горцы. Они распадаются на многочисленные роды, находящіеся во взаимной враждѣ. Поселки ихъ окружены изгородью; каждая хижина является въ то же время и укрѣпленіемъ. Опояска на бедрахъ составляетъ весь ихъ костюмъ. Земледѣліе въ соединеніи съ охотою — ихъ главные источники существованія». Эти слова могли бы быть съ полнымъ правомъ отнесены и къ любому изъ дискихъ племенъ, продолжающихъ и понынѣ жить въ южномъ Китаѣ (см. ниже).

[1]) Топинаръ — «Антропологія»; Крживицкій — «Антропологія».

[2]) Какъ извѣстно, китайцы отпускаютъ себѣ бороду лишь въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ очень рѣдко; и все же въ Ганьсу намъ попалось нѣсколько мѣстныхъ уроженцевъ, имѣвшихъ большіе усы и бороды.

[3]) «The Tangutans resemble Gipsies»... (op. cit., стр. 68).

[4]) «Монголія и страна тангутовъ», I, стр. 223.

[5]) Этотъ снимокъ будетъ приложенъ къ слѣдующему тому «Описанія путешествія въ Западный Китай».

Въ VII вѣкѣ до Р. Хр. ди распались на два отдѣла — бѣлыхъ и красныхъ ди [1]), и множество родовъ, изъ коихъ китайскіе историки называютъ: «сянь-юй», «фэй» и «гу» среди бѣлыхъ ди и «цзяши», «гао-ло-ши», «цянъ-цзю-жу», «лу-ши», «лю-сюй» и «дочэнъ» среди красныхъ ди [2]).

Всѣ эти роды жили частью въ Чжилійской, частью въ Шаньсійской провинціи. Но сверхъ того были поколѣнія «ди», которыя жили и въ западныхъ провинціяхъ Китая, а именно въ Ганьсу и Сы-чуани. Многочисленныя данныя, сохраненныя намъ исторіей, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ди были даже единственными коренными обитателями этихъ провинцій, изчезнувшими только съ теченіемъ вѣковъ, подъ напоромъ двухъ темноволосыхъ родственныхъ расъ: цяновъ съ запада и китайцевъ съ востока [3]). Это исчезновеніе было вызвано съ одной стороны плохо организованной, но не прекращавшейся борьбой съ пришельцами, съ другой смѣшеніемъ побѣдителей съ побѣжденными, о чемъ говорятъ намъ даже китайскіе историки, перечисляющіе смѣшанные роды жуновъ и ди, жившіе въ Ганьсу [4]); несомнѣнно также, что такимъ же смѣшаннымъ народомъ были и чжоу'цы, овладѣвшіе въ 1122 г. до Р. Хр. Китайской имперіей.

О ганьсуйскихъ и сычуаньскихъ ди китайская исторія говоритъ намъ очень мало; тѣмъ не менѣе и этого немногаго вполнѣ достаточно для того, чтобы возстановить постепенный ходъ угасанія здѣсь этой расы.

«Сянь, князь удѣла Цинь, говоритъ эта исторія, прошелъ съ войсками къ вершинамъ р. Вэй-шуй, гдѣ и покорилъ *ди*-жуновъ и вань-жуновъ [5])». Его же преемникъ, князь Сяо, царствовавшій

---

[1]) Plath — «Die fremden barbarischen Stämme im alten China», стр. 463.

[2]) Plath, ib., стр. 464; Георгіевскій — «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 237.

[3]) Предположеніе, высказанное Terrien de Lacouperie («Le Muséon», 1888, стр. 35), что «ди» вторглись въ Китай лишь за XIII вѣковъ до Р. Хр. основано, какъ кажется, на томъ соображеніи, что первыя извѣстія о столкновеніяхъ китайцевъ и ди относятся къ этому времени. Но въ «Исторіи младшей династіи Хань» сказано: «Als Thai-khang, der 3 Kaiser der 1 Dyn. Hia (1957—1955) das Reich verliess, fielen die vier Barbaren alle ab.» (Plath — «Fremde barbarische Stämme im alten China», стр. 457). Упоминаются они также и въ древней китайской географіи «Шу-цзинъ»: V, 22, 14, stellten sie (т. е. «ди») nach Tsching-wang's Tode bei der Thronbesteigung von Tschao-wang Schirme mit Verzierungen auf» (Plath, ib.). Наконецъ, не надо забывать, что китайцы сы-чуаньскихъ и ганьсуйскихъ ди (напримѣръ, «ба-цзюнь'скихъ ди») считаютъ потомками Пань-ху, пѣгой собаки императора Дику (2435—2375). Ср. также Ивановскій — «Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», I, 1, стр. 93—94, гдѣ говорится, что инородцы, жившіе къ западу отъ Шу (Чэнъ-ду-фу), къ востоку отъ Жань-манъ (Мао-чжоу), принадлежали къ различнымъ племенамъ «ди», изъ коихъ племя «бо-ма» было славнѣйшимъ.

[4]) Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 1, стр. 7.

[5]) Іакинфъ — «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 15.

*

съ 361 по 337 годъ до Р. Хр., еще далѣе распространивъ свои владѣнія, отослалъ ко двору 92 старшинъ жуновъ и *ди* [1]).

Эти завоеванія вызвали массовыя переселенія ди на югъ, въ горныя дебри Шу-цзюня (Чэнъ-ду-фу) и Хань-чжуна. Среди переселившихся туда въ эту эпоху родовъ наиболѣе значительными были: «мао-ню» (косматыхъ буйволовъ) и «бо-ма» (пѣгихъ лошадей); съ отдѣлами этихъ племенъ мы будемъ имѣть еще случай встрѣтиться на сѣверѣ, въ горахъ Алтайской системы. Но далеко не всѣ «ди» ушли на югъ; оставшіеся въ провинціи Ганьсу просуществовали тамъ еще семь вѣковъ. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ относящіяся къ нимъ извѣстія, помѣченныя 323 годомъ; именно, въ этомъ году, по словамъ китайскаго историка [2]), Чэнь-ань, правитель области Цинь-чжоу, отложился отъ дома Чжао и возвратился въ Лунъ-си [3]), гдѣ тамошніе цяны и *ди* поддались ему [4]).

Что касается до поколѣній «мао-ню» и «бо-ма», то имъ еще долго суждено было играть видную роль въ исторіи Сы-чуани и южной Гань-су [5]).

Бо-ма поселились въ скалистыхъ, высокихъ и неприступныхъ горахъ Чэу-чи [6]). Съ теченіемъ времени они настолько усилились, что китайцы вынуждены были признать за ихъ главаремъ право на княжескій титулъ. Такимъ образомъ съ 322 г. по Р. Хр. оффиціально было признано существованіе дискаго княжества (царства Ву-ду [7]), одно время (въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка) распространявшаго свою власть на сѣверъ до Цинь-чжоу и Ци-шань (ны-

---

[1]) Іакинфъ, ib., стр. 16.

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 101.

[3]) Область Лунъ-си заключала въ это время земли двухъ нынѣшнихъ областей — Лань-чжоу-фу и Гунъ-чанъ-фу.

[4]) Еще подъ 394 годомъ значится: «Князь (царь) Янъ-динъ (очевидно ди'ецъ, такъ какъ былъ двоюроднымъ братомъ ву-ду'скаго князя (царя) Янъ-шэна), въ Лунъ-си, выступилъ съ 30.000 войска противъ Ци-фу-цянь-гуй, но былъ убитъ» (Іакинфъ, ib., стр. 102).

[5]) Исторія племени мао-ню извѣстна намъ только въ отрывкахъ. Оно поселилось въ области Чэнъ-ду-фу. Въ китайской исторіи упоминается о немъ въ послѣдній разъ въ 123 г. по Р. Хр.

[6]) Несомнѣнно, — Лунъ-мынь-шань. Одно время столицей ихъ былъ городъ Лё-янъ.

[7]) Это наименованіе дано было Бо-ма'ской землѣ еще при Ханяхъ (см. Ивановскій, op. cit., I, стр. 100).

Бо-ма въ Ву-ду застали уже населеніе, состоявшее изъ дисцевъ поколѣнія «ба» (ба-ди), которые управлялись князьями изъ фамиліи Ли. Столицей этого княжества былъ городъ Лё-янъ. При князѣ Ли-тэ «ба-ди» овладѣли Лянь-чжоу и Чэнъ-ду-фу. Преемникъ Ли-тэ — Ли-сюнъ въ 306 году провозгласилъ себя императоромъ. Но уже сорокъ лѣтъ спустя это царство пало (Ивановскій, I, 1, стр. 15—16, примѣчаніе; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., стр. 51—53) и на смѣну ему стало возвышаться царство дисцевъ «бо-ма».

Китайцы также передаютъ, что въ Юнь-нани издавна существовало «Бѣлое царство» (Бо-го), населенное «бо-минъ» (бѣлымъ народомъ), извѣстнымъ еще подъ названіями — «а-бо»,

нѣ округъ Фынъ-сянъ-фу), на востокъ до Хань-чжунъ-фу и на югъ до Лянь-чжоу. Въ 436 году дискій князь (царь) Янъ-нанъ-динъ провозгласилъ себя государемъ великаго царства Цинь; онъ «учредилъ штатъ чиновъ, подобный императорскому; но не смотря на сіе неупустительно представлялъ дань обоимъ дворамъ: Вэй и Сунъ, т. е. сѣверному и южному [1])». Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ успѣховъ государство это, наконецъ, пало въ 506 году, истощенное непосильной борьбой съ сѣвернымъ Китаемъ (имперіей Юань-вэй), причемъ царство Ву-ду переименовано было въ область Дунъ-и-чжоу [2]).

Дальнѣйшая судьба дисцевъ рода «бо-ма» намъ неизвѣстна [3]), какъ равно неизвѣстна судьба и другихъ сы-чуань'скихъ поколеній ди, жившихъ въ округахъ Инь-пинъ (въ области Лунь-ань-фу), Пинъ-гу (Лунь-ань-фу) Янь-ши (округъ, находившійся, какъ кажется, къ западу отъ Пинъ-гу) [4]) и мн. др. [5]). Вѣроятно, они были частью истреблены, частью поглощены сосѣдними народностями; возможно, однако, допустить, что послѣ

«бо-ръ-цзэ» (бѣлые сыновья) и «минъ-цзя-цзэ». По имени этого царства даже вся провинція Юнь-нань называлась до II вѣка до Р. Хр. Бо-го (см. Devéria — «La frontière sino-annamite», стр. 131).

[1]) Іакинфъ, ib., стр. 104.

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 109. Въ послѣдній разъ о ву-ду'скихъ инородцахъ китайская исторія упоминаетъ подъ 1074 годомъ (Ивановскій — «Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», I, 1, стр. 151).

[3]) Не ушли-ли они на западъ, гдѣ нѣкоторыя долины и мѣстности сохранили еще и до сихъ поръ наименованіе этого племени; такъ, можно указать, напримѣръ, на страну «Поми», къ западу отъ р. Лу-цзи-цзяна, и на долину «Бомъ», къ западу отъ Батана (Desgodins — «Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires», стр. 344 и 347). О странѣ По(Бо)-ми читаемъ у Крейтнера (op. cit., стр. 290), что *она знаменита своими лошадьми*. Ср. Ивановскій, op. cit., I, стр. 158, гдѣ читаемъ: Цзѣ-цяны потомки дискаго рода «бо-ма». Это значитъ, что дисцы смѣшались съ цянами. Можетъ быть также въ черныхъ лоло (хэй-лоло; это не племенное имя, а китайское прозваніе, сами же себя они называютъ «ло-су» или «о-су») мы должны видѣть если не прямыхъ потомковъ, то одну изъ вѣтвей «бо-ма». По крайней мѣрѣ, вотъ, что читаемъ мы у Baber'a: Одинъ старшина, указывая на статую, подтвердилъ, что она изображаетъ Hsi-po, древняго лолоскаго царя, которому повиновались четыре могущественные рода: Lin, Long, Ma и Ouan; онъ назвалъ его по китайски Ма-ванъ, т. е. «царь-лошадь», такъ какъ, будто-бы, онъ могъ пробѣгать тысячу ли въ часъ времени. Онъ былъ убитъ китайцами, которые съѣли его сердце. Это преданіе записано и китайцами, которые говорятъ: хэй-лоло покланяются Ма, изображенію бѣлой лошади (бо-ма; «ils adorent Ma, désignation d'un cheval blanc» (pe-ma). Эту часть легенды я объясняю такъ, что Hsi-po принадлежалъ къ роду «бо-ма», вѣроятно самому могущественному изъ дискихъ родовъ, что, впрочемъ, видно и изъ исторіи этихъ родовъ. А если такъ, то и на хэй-лоло нельзя иначе смотрѣть, какъ на потомковъ «бо-ма» (Devéria — «La frontière sino-annamite», стр. 150—151).

[4]) Іакинфъ, ib., стр. 107.

[5]) Такъ, въ Чэнъ-ду-фу (области Шу) жили какіе то «ди» девяти родовъ — «цзю-ди». См. Ивановскій, op. cit., I, 1, стр. 129; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 167. Одинъ изъ этихъ девяти родовъ былъ родъ «бо-ма». Ивановскій, ib., стр. 94.

разгрома 506 года нѣкоторые роды ихъ откочевали еще дальше на югъ, гдѣ продолжаютъ существовать и понынѣ. Такъ, напримѣръ, китайцы сообщаютъ намъ, что въ горахъ Би-цзишань, окружающихъ озеро Дянь-чи (Чжань-чи), къ югу отъ города Юнь-нань-фу, и въ горахъ округа Нинь-чжоу живутъ дикари «пу-тэ», имѣющіе рыжія бороды [1]); въ горахъ близъ города Яо-чжоу живутъ другіе дикари — «ѣ-жень» (дикіе люди), имѣющіе рыжіе волосы и желтые зрачки [2]), и т. д. Сверхъ того рыжеволосыя племена сохранились еще въ наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Бирмы (катты) [3]) и въ пограничныхъ частяхъ Юнь-нань'ской провинціи [4]). Однако, нѣкогда рыжеволосыя племена занимали значительно бо́льшій районъ, что доказывается существованіемъ въ южномъ Китаѣ племенъ, несомнѣнно происшедшихъ отъ смѣшенія съ народомъ бѣлой расы; такъ, напримѣръ, китайцы намъ говорятъ, что у живущаго по рѣкѣ Юаньцзяну племени «ди-янъ-гуй» зрачки желтые [5]), что племя «хэйли-су», населяющее округъ У-динъ-чжоу, имѣетъ высокіе носы и глубоко-сидящіе глаза [6]), что у «маней» области Юнъ-чжоу [7]) высокій ростъ и впалые глаза [8]), и т. д.

Ди, населявшіе Чжилійскую и Шаньсійскую провинціи, были частью покорены, частью вытѣснены отсюда китайцами уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. [9]); но въ Ганьсуйской провинціи, какъ мы видѣли

---

[1]) Ивановскій — «Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», I, 2, стр. 38.

[2]) Ивановскій, ib., стр. 84.

[3]) Топинаръ — «Антропологія», стр. 441.

[4]) Палладій Кѳваровъ — «О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ» въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», IV, 1850, стр. 258.

[5]) Ивановскій, ib., стр. 72.

[6]) Ивановскій, ib., стр. 49.

[7]) Вѣроятно нынѣ Нань-нинъ-фу, въ провинціи Гуанъ-си.

[8]) Ивановскій, op. cit., I, 1, стр. 65.

[9]) См. Plath — «Die fremden barbarischen Stämme im alten China», стр. 457—471, который говоритъ объ истребленіи (Vernichtung, стр. 463, 465 и слѣд.) «ди» въ сѣверномъ Китаѣ. Что, однако, «ди» не только не были здѣсь истреблены, но даже въ теченіе послѣдующаго времени пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ, видно изъ того, что въ первой половинѣ IV вѣка по Р. Хр. имъ удалось объединиться и подъ управленіемъ дійской династіи Фу, родомъ изъ Лё-яна (т. е. принадлежавшей къ роду «бо-ма»?), образовать могущественное государство. Въ 350 г. дійскій князь Фу-цзянь перешелъ Хуанъ-хэ (изъ провинціи Шань-си) и овладѣлъ Чань-анью (близъ г. Си-ань-фу), а въ слѣдующемъ провозгласилъ себя императоромъ великаго царства Цинь. Въ 370 г. Фу-цзянь II овладѣлъ столицей Муюновъ и завоевалъ весь сѣверный Китай, послѣ чего перевелъ въ Чань-ань до сорока тысячъ сяньбійскихъ семействъ. Въ 373 году его полководецъ Янъ-ань (очевидно, также діецъ изъ извѣстной бома'ской фамиліи Янъ) покорилъ царства Ханьчжунъ и Шу (область Чэнъ-ду-фу, въ провинціи Сы-чуань); въ 376 году было докончено покореніе царства Хань-чжунъ и взята столица его — городъ Лянь-чжоу; въ 379 году былъ взятъ городъ Сянъ-янъ (въ Си-ань-фу), остававшійся еще въ рукахъ цзиньцевъ, послѣ чего Фу-цзянь II

выше, ди продержались до IV вѣка по Р. Хр. Къ этому именно времени относится и темное сказаніе китайцевъ о переселеніи дисцевъ на сѣверъ.

Именно, у Іакинфа мы читаемъ [1]).

«Въ продолженіи великихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ Китаѣ въ послѣдней половинѣ III вѣка предъ Р. Хр. красные кочевые вытѣснены были въ степь, гдѣ они уже подъ названіемъ «ди-

---

округлилъ свои владѣнія на счетъ земель южнаго Китая и овладѣлъ многими его городами. Въ 381 году онъ былъ уже настолько могущественъ, что 62 владѣтеля поспѣшили признать себя его вассалами. Но засимъ, уже въ слѣдующемъ году, это эфемерное царство стало неимовѣрно быстро клониться къ упадку. Въ императорской семьѣ возникли распри. Муюны поспѣшили ими воспользоваться и отняли у дисцевъ сѣверный Китай; а затѣмъ началось и быстрое разложеніе огромной монархіи. Въ 385 году нѣкто Яо-чанъ объявилъ себя независимымъ царемъ въ Бэй-ди, затѣмъ плѣнилъ и умертвилъ Фу-цзяня II. Преемники послѣдняго продержались еще до 394 года; наконецъ, послѣдній изъ нихъ вынужденъ былъ бѣжать въ Ву-ду, къ царю Янъ-нань-дану, вмѣстѣ съ которымъ и погибъ въ томъ же году въ войнѣ съ Ци-фу-цянь-гуемъ.

Такимъ образомъ, дійское царство просуществовало въ сѣверномъ Китаѣ ровно 60 лѣтъ, съ 334 по 394 г. (см. Іакинфъ — «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 113—119).

Terrien de Lacouperie высказываетъ предположеніе (см. «Les langues de la Chine avant les chinois» въ «Le Muséon», 1888, стр. 35), что одинъ отдѣлъ «красныхъ ди», а именно родъ «лу-ши», откочевалъ въ 592 году на югъ и поселился въ долинѣ Лу-цзи-цзяна (на границѣ Бирмы, Ассама, Тибета и Юнь-нани; см. карту, приложенную къ Desgodins — «Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires», 1885, 2 édition), гдѣ и удержалъ свое древнее наименованіе «лу» (лу-цзи). Онъ основываетъ это предположеніе на сходствѣ начертанія іероглифовъ (écrit d'une manière analogue) древнихъ и современныхъ «лу». Въ бывшихъ намъ доступными трудахъ по исторіи этого періода мы не нашли подтверждающихъ это предположеніе данныхъ, но въ его пользу говоритъ слѣдующая китайская характеристика Дунъ-чуань'скихъ «лу-цзи»: «Ихъ предки принадлежали къ поколѣнію восточныхъ цонь (?); они изъявили покорность при Юаняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ странную наружность, всѣ же, вообще, очень некрасивы; женщины ихъ и дѣвушки еще болѣе гадки (подобнымъ же образомъ китайцы отзывались и о другихъ западныхъ инородцахъ кавказскаго типа). Характеръ ихъ жестокій и дурной: когда разсердятся, то убиваютъ другъ друга. При первоначальномъ поселеніи въ области Дунь-гуань они имѣли три фамиліи: Чжао, Ли и Янъ (фамилія Янъ была самой значительной и у «бо-ма»); теперь же поколѣнія ихъ многочисленны» (см. Ивановскій, op. cit., I, 2, стр. 44—45). Судя по небольшому словарю, языкъ этихъ «лу» заимствованный, такъ какъ изъ 111 словъ 39 взяты изъ тибетскаго языка, остальные же частью изъ китайскаго, частью изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ — «лоло», «мосо» и др. Слѣдуетъ также замѣтить, что одно изъ вымершихъ нынѣ племенъ (инбатскіе остяки, о коихъ будетъ говорено ниже), удержало въ своемъ языкѣ слово «лу-цзи» для обозначенія демона, т. е. своего предка.

Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ краснымъ ди; о бѣлыхъ же ди читаемъ у Plath'a: «Die weissen «Ti» erhielten sich bis über die Periode des Tschhün-tshieu (479) hinaus und einer ihrer Stämme nahm zur Zeit der streidenden Reiche den Königs-Titel an und kämpfte mit den andern Prätendenten um den Besitz der ganzen Herrschaft der Tscheu» (l. c., стр. 463).

Наконецъ, мы имѣемъ еще одно извѣстіе, относящееся къ переселенію «ди»: «Часть инородцевъ ди, пишетъ Георгіевскій («Первый періодъ китайской исторіи», стр. 247), выступила изъ Китая, вслѣдствіе начавшихся съ 463 года нападеній со стороны князей Ханьскаго, Вэйскаго и Чжаоскаго». Въ другомъ своемъ сочиненіи — «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», стр. 68 и 79, Георгіевскій прибавляетъ, что эти ди выселялись на сѣверъ. Къ сожалѣнію, онъ, однако, и тутъ не сообщаетъ, къ какому отдѣлу ди принадлежали эти переселенцы.

[1]) «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 247—248.

ли» заняли пространство отъ Ордоса къ западу. Въ 338 году по Р. Хр. они поддались дому Тоба; но въ самомъ концѣ IV вѣка ушли на сѣверную сторону песчаной степи», и тамъ, вмѣсто прежняго названія «ди-ли» получили наименованіе «гаогюйскихъ (?) динлиновъ». Далѣе у Іакинфа сказано, что «гаогюйцы суть потомки древняго поколѣнія чи-ди». Но это очевидная ошибка, такъ какъ гаогюйцы или чилэ были предками уйгуровъ. Эту путаницу, противорѣчащую какъ вышеприведеннымъ фактамъ, такъ и дошедшимъ до насъ преданіямъ уйгуровъ [1]), произвелъ авторъ «Бэй-ши» (исторіи сѣверныхъ дворовъ), и такъ какъ онъ одинъ только и выводитъ гаогюйцевъ изъ Заордосскихъ степей, то мы и вправѣ игнорировать это указаніе; справедливымъ же остается лишь фактъ переселенія динлиновъ [2]) на сѣверъ и ихъ смѣшенія тамъ съ тюркскими элементами [3]).

О древнихъ хагясахъ, отличавшихся высокимъ ростомъ, рыжими волосами, румянымъ лицомъ и голубыми (зелеными) глазами, китайцы такъ и пишутъ, что они произошли отъ смѣшенія первобытныхъ жителей этой страны (Гянь-гунь) съ динлинами [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 28.

[2]) Что ди-ли тождественны съ динлинами, видно, между прочимъ, и изъ словъ китайской надписи на орхонскомъ памятникѣ Кюль-тегину, воздвигнутомъ въ 733 году. Эта надпись гласитъ, что песчаная страна, граничащая съ Китайской имперіей (очевидно — Заордосъ, вообще южная окраина Гобійской пустыни), была родиной динлиновъ (она же была родиной и «ди-ли»).

Im sandigen *Nachbarreiche*,
Im Vaterlande (des Volkes) Ting-ling,
Haben zahlreiche Helden sich erhoben.

(Васильевъ въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», Радлова, 1895, стр. 168.)

Schlegel переводитъ это мѣсто китайской надписи нѣсколько иначе:

Dans la région de Cha-sai, dans le pays de Ting-ling,
Des guerriers valeureux se sont élevés en masse contre vos anciens rois.

(«La stèle funéraire du Teghin Giogh», отд. оттискъ изъ «Mèmoires de la Société Finno-Ougrienne de Helsingfors», 1892, III, стр. 42.)

Что главная масса динлиновъ перешла пустыню задолго до начала нашей эры (не въ VI ли вѣкѣ до Р. Хр.?), видно изъ слѣдующихъ словъ китайской исторіи: «впослѣдствіи (примѣрно за 200 л. до Р. Хр.) на сѣверѣ они (хунны) покорили владѣніе Динлинъ» (Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 1, стр. 17). Конечно, могло быть и такъ, что динлины искони жили какъ на южныхъ, такъ и на сѣверныхъ окраинахъ Гобійской пустыни; но такому предположенію противорѣчили бы нѣкоторые факты, на которые я укажу ниже.

Ниже же будетъ указано, что китайцы считаютъ динлиновъ вѣтвью дунъ-ху; дунъ-ху же тѣ же дисцы, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, въ «Юань-ши» мы находимъ темное преданіе, что тѣ сорокъ дѣвушекъ (кырк кыз), которыя дали начало народу киргизскому, пришли въ эту страну (въ долину Кема) съ юга (изъ Китая) (см. Schott — «Ueber die ächten Kirgisen», стр. 432).

[3]) Къ вопросу о происхожденіи уйгуровъ мы будемъ имѣть еще случай вернуться ниже.

[4]) Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 443; Schott — «Ueber die ächten Kirgisen», стр. 432; Schlegel, op. cit., стр. 43.

Хагясы въ Танскія времена говорили уже на одномъ изъ тюркскихъ діалектовъ [1]). По сосѣдству, однако, съ ними жили племена, которыя, обликомъ походили на хагясовъ, но говорили другимъ языкомъ [2]). Эти племена носили разныя наименованія, изъ коихъ для насъ имѣютъ значеніе: «бо-ма» [3]), одинъ изъ отдѣловъ котораго, какъ мы это уже знаемъ, успѣлъ образовать по южную сторону хребта Цзунъ-линъ царство Ву-ду, и «ма-нао» [4]), въ которомъ нельзя не признать южный родъ «мао-ню».

Какъ далеко динлины распространились на сѣверъ, востокъ и западъ, намъ въ точности неизвѣстно; однако, несомнѣнно, что остатки ихъ и понынѣ еще находятся среди черноволосыхъ тюрко-монгольскихъ племенъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ Сибири и сопредѣльнаго Китая. Такъ, Барроу, напримѣръ, говоритъ: «Мы видѣли маньчжуровъ, сопровождавшихъ посольство Макартнея, въ Пекинѣ; какъ мужчины, такъ и женщины ихъ чрезвычайно красивы (fair) и отличаются превосходнымъ сложеніемъ (florid); нѣкоторые изъ нихъ имѣли свѣтло-голубые глаза, прямой или орлиный носъ, темно-русые (brown) волоса и довольно большую, густую бороду» [5]). Шоттъ заимствуетъ изъ «Исторіи Киданьскаго царства», написанной въ XII столѣтіи, интересное указаніе на существованіе среди киданей бѣлокураго племени, имѣвшаго зеленые, желтые и свѣтло-сѣрые глаза [6]). Спафарій, посланный въ Китай въ 1675 году, упоминаетъ о «пѣгой ордѣ», нѣкогда жившей по

---

[1]) Іакинфъ, ib., стр. 446.

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 442.

[3]) «Po-ma у Deguignes — «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux», I, 2, стр. LXII, § 3, и у Klaproth'a — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 130.

[4]) «Ma-nao» у Deguignes, op. cit., I, 2, стр. LXII, § 2; Schlegel, op. cit., стр. 43, полагаетъ, что историкъ Ма-дуань-линь пишетъ неправильно «ма-нао» — «лошадиный мозгъ» вмѣсто «ма-гинъ», что значило бы «ноги лошади». Но мнѣ кажется, что эти соображенія должны потерять всякій интересъ послѣ того, какъ обнаружилось, что роды «бо-ма» и «ма-нао» или «мао-ню» жили нѣкогда на обоихъ полюсахъ географическаго распредѣленія динлиновъ; этотъ фактъ доказываетъ, что въ приведенныхъ названіяхъ слѣдуетъ видѣть не китайскія прозвища, а истинныя народныя прозванія, которыя, въ качествѣ таковыхъ, могли передаваться іероглифами, означающими и «косматыхъ буйволовъ», и «мозгъ лошади», и др. Согласно «Вэнь-сянъ-тунъ-као», мѣстность «Мао-ню» находилась къ западу отъ Чэнъ-ду-фу (ср., однако, d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 153); съ другой стороны мы знаемъ, что въ Енисей впадаетъ р. Мана со своимъ правымъ притокомъ Маню. Впрочемъ, могъ бы быть правъ и Schlegel, такъ какъ въ южной Сибири нѣкогда, дѣйствительно, жило дикое племя «ма-чинъ» или «ма-джа», о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Среди енисейскихъ «татаръ» еще въ прошломъ столѣтіи существовалъ родъ «мади», представлявшій, по словамъ Müller'a («Sammlung Russischer Geschichte», 1761, VI, стр. 553), осколокъ какого-то, *не татарскаго*, народа.

[5]) Цитировано по Топинару — «Антропологія», стр. 441. См. также Klaproth — «Tableaux historiques de l'Asie», стр. 162.

[6]) Schott — «Ueber die ächten Kirgisen», стр. 444.

Оби, ниже Кети [1]). Къ этой же «пѣгой ордѣ» русскіе XVII столѣтія относили и вымершихъ теперь уже коттовъ, ариновъ и ассановъ и такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ [2]). Радловъ, въ 1861 году посѣтившій Алтай, передаетъ, что среди приграничныхъ («черныхъ») сойоновъ попадаются русые съ удлиненными лицами, тогда какъ дальше вглубь страны сойоны являются уже на половину бѣлокурымъ, рослымъ народомъ, извѣстнымъ у окрестнаго населенія подъ именемъ «желтыхъ» сойоновъ [3]). Наконецъ, и по настоящее время среди казаковъ (Средней, Большой и Малой ордъ) можно встрѣтить не мало бѣлокурыхъ [4]). Антропологическія изслѣдованія Зеланда показываютъ, что казаки представляютъ смѣшанное населеніе, такъ какъ къ основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, съ широкимъ лицомъ и съ приплюснутымъ носомъ, съ темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый съ горбатымъ носомъ, съ длиннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами [5]). Конечно, эту примѣсь могли дать и усуни, но вѣдь и на усуней нельзя смотрѣть иначе, какъ на отдѣлъ динлиновъ, уже въ очень раннюю эпоху оттѣсненный юэчжисцами въ южные отроги Алтая.

Что динлины были народомъ пришлымъ въ южную Сибирь и Саяно-Алтайскій горный районъ, видно, между прочимъ, также и изъ того, что ихъ потомки — котты и енисейскіе остяки говорятъ языкомъ, имѣющимъ, по мнѣнію Terrien de Lacouperie [6]), сродство съ древне-китайскимъ діалектомъ [7]). Этотъ фактъ остался бы безъ всякаго объясненія, если бы мы не знали, что динлины при-

---

[1]) Примѣчаніе Арсеньева къ «Путешествію чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Н. Спафарія въ 1675 году», стр. 184 («Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.», X, 1).

[2]) Аристовъ — «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей», отд. оттискъ, стр. 49.

[3]) «Reise durch Altai» въ «Erman's Archiv f. wiss. Kunde v. Russland», XXIII, стр. 297. См. также Семеновъ и Потанинъ — «Алтайско-Саянская горная система», etc., стр. 680, прим. 150 (Дополненія (т. IV) къ Риттера — «Землевѣдѣніе Азіи», III). Клеменцъ («Древности Минусинскаго Музея», стр. 67) пишетъ о бѣлокурыхъ сагайцахъ, Адріановъ («Путешествіе на Алтай и за Саяны» въ «Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XI, 1888, стр. 293) о черневыхъ татарахъ.

[4]) Штраленбергъ («Das Nord и Ostliche Theil von Europa und Asia, in soweit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet», etc., Stockholm, 1730, стр. 165) утверждаетъ даже, что въ его время казаки были по преимуществу рыжеволосымъ народомъ.

[5]) Цитировано по Кржвицкому — «Антропологія», стр. 346.

[6]) «Le Muséon», 1888, VII, стр. 336; «Journal of the Royal Asiatic Society», 1889, стр. 404 (цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

[7]) Ту же мысль еще раньше высказалъ и составитель грамматики коттскаго языка — Кастренъ. Именно, онъ писалъ, что признаетъ этотъ языкъ «отрывкомъ особаго семейства, сход-

шли въ Енисейскую тайгу изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они свыше тысячелѣтія жили подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи.

Остатки дисцевъ въ чистомъ видѣ сохранились, повидимому, только среди дикарей «ѣ-жень»; можетъ быть, эти дикари и донынѣ удержали элементы своего первобытнаго языка [1]); всѣ же остальныя племена, въ которыхъ можно видѣть потомковъ дисцевъ, вѣроятно, уже свыше 25 вѣковъ говорятъ на чуждыхъ имъ нарѣчіяхъ сосѣднихъ племенъ. Это жаргонъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, тибетскія слова перемѣшаны съ китайскими, бирманскими и другими. И что эта рѣчь сложилась уже съ незапамятныхъ временъ, видно изъ того, напримѣръ, факта, что родственное «лу» племя «меламъ» говоритъ не на современномъ, а на первобытномъ тибетскомъ языкѣ, когда слова писались такъ, какъ выговаривались [2]). Засимъ въ языкѣ «лу» замѣтно вліяніе индокитайскаго языка, что, по мнѣнію Terrien de Lacouperie, можетъ быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что «лу» пришли изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они жили по сосѣдству съ до-китайскимъ, нынѣ изчезнувшимъ, народомъ, «mon-taï», уже въ историческое время вытѣсненнымъ изъ Шань-дуна сначала въ Ху-бэй, а затѣмъ (уже при Танахъ) въ Гуй-чжоу. Эта легкость, съ какой дисцы воспринимали чуждые языки, сказалась и на сѣверѣ. Въ Танскую эпоху хагясы говорили уже на уйгурскомъ языкѣ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ ту отдаленную эпоху примѣсь

ство котораго съ финско-самоѣдскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкій (и коттскій) языкъ нѣчто въ родѣ китайскаго, не имѣющее полной флексіи; онъ любитъ переносить корневой слогъ въ конецъ слова» и т. д. («Путешествіе Кастрена» въ «Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій» Фролова, VI, 1860, стр. 361; цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

[1]) Я не берусь утверждать, что «ди» говорили на одномъ изъ арійскихъ діалектовъ; но думаю, что только черезъ ихъ посредство китайцы и могли принять въ свой языкъ арійскіе корни, которыхъ тамъ не мало. Мы знаемъ только одно несомнѣнно диское слово: *as* — для обозначенія вождя, царя; это слово до сихъ поръ сохранилось въ группѣ енисейскихъ языковъ и обозначаетъ:

	Нарѣчія.			
	Инбатское.	Ассанское.	Коттское.	Аринское.
бога	es	ös, ösch	esch	es
небо	es	ösch, etsch	esch	es
а также демона		asa	ascha	

Это слово находится и въ древне-германскихъ языкахъ для обозначенія первоначально вождя, короля, а затѣмъ и бога (ass изъ болѣе древняго ansus и äser).

Засимъ, можетъ быть, впослѣдствіи намъ удастся доказать, что и *ma* = лошадь — диское а не китайское слово (вѣроятно, въ прежнее время оно произносилось mar, у китайцевъ — mal), такъ какъ все, что мы теперь знаемъ о лошади, сводится къ тому, что ея прародиной должна считаться не Азія, а Западная Европа и частью Россія, откуда она уже и распространилась, вмѣстѣ съ длинноголовыми блондинами, на востокъ.

[2]) «Le Muséon», 1888, стр. 36.

*

тюркской крови у хагясовъ должна была быть еще весьма незначительной [1]).

Эта особенность тѣмъ болѣе замѣчательна, что динлины среди прочихъ алтайскихъ племенъ отличались наиболѣе высокой культурой, безъ сомнѣнія, частью заимствованной ими у своихъ прежнихъ сосѣдей — китайцевъ. Объ этой культурѣ говорятъ намъ какъ китайскіе историки [2]), такъ и сохранившіеся до настоящаго времени

---

[1]) «Черные волосы считались у нихъ нехорошимъ признакомъ, а съ карими глазами почитались потомками Ли-лина» (Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 443). О томъ, кто такой былъ этотъ Ли-линъ, см. выше, стр. 18, сноска 1).

[2]) Древніе ди имѣли города (см. Plath, op. cit., стр. 468).

О хагясахъ читаемъ: «Man baute nur einige Getreide-Arten, nicht aber Obst und Gemüse Im dritten Monat wurde gesät, im neunten geärndtet. Aus zermalenem Getreide baken sie Brod und brauten ein geistiges Getränk. Von Mineralien gab es Gold, Eisen und Zinn. So oft es geregnet hatte, sammelte man Eisen, das sie kja-s'a nannten und aus welchem sie vortreffliche Waffen schmiedeten; diese wurden als Schatzung den Tu-kju abgeliefert. Ihre reitenden Krieger schützten die Beine mit Schienen aus gespaltenem Holze und befestigten einen runden Schild wider Pfeilschüsse und Schwerthiebe an die eine Schulter. Ihren König betitelten sie A-s'e. Vor seinem Zelte war stets ein Tuk (Standarte mit Rossschweifen) angepflanzt. Im Gürtel führten sie gern Messer und Schleifschteine. Im Winter bewohnten sie Häuser, die sie mit Baumrinde deckten. Ihre Sitten sind von denen anderer Länder verschieden. Ihre Sprache war der des Volkes Hui-ku ganz gleich, auch besassen sie dieselbe Schrift» (Schott, op. cit., стр. 433—435. Ср. Іакинфъ, ib., стр. 443—446).

Вообще, принято думать, что хагясы заимствовали у уйгуровъ не только языкъ, но и такъ называемое тюркское письмо. Въ послѣднемъ мы вправѣ однако усомниться, такъ какъ дисцы уже въ Ханьскія времена имѣли свое письмо (впрочемъ, имѣются основанія думать, что первоначально уйгуры были такимъ же смѣшаннымъ племенемъ, какъ и хагясы; о чемъ см. ниже). Вотъ, что по этому поводу говорятъ намъ китайцы: Цоньскія письмена изобрѣтены при Ханьской династіи старшиной А-кэ (А-цю? титулъ?), прозваннымъ родоначальникомъ письменности; всѣхъ знаковъ 1840, которые пишутся поперекъ (Ивановскій — «Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», I, 2, стр. 4, 6 и 35). Съ цоньскими письменами сходны были и бэскія (Ивановскій, ib., стр. 35), которыми, кромѣ бэсцевъ, пользовались также и инородцы «минь-цзя» (ib., стр. 2). У «хэй-лоло» письмена были похожи на древне-китайскія кэ-доу (Devéria, op. cit., стр. 127), но знаки писались у нихъ связно (Ивановскій, ib., стр. 13); наоборотъ, у «мяо-цзы» письмена, цифры и 60 циклическихъ знаковъ были сходны съ китайскими, но только по основной идеѣ, а не по начертанію (ib., стр. 73). «Мосѣ» имѣли письмо еще болѣе идеографическое: когда хотѣли сказать — «человѣкъ», то рисовали человѣка и т. д. (ib., стр. 47). Но всего замѣчательнѣе письмена у «голо»: ихъ знаки совершенно напоминаютъ монгольскіе (?) (ib., стр. 107). Наконецъ, по словамъ китайцевъ, письменность существовала и у бѣлыхъ «лоло» (ib., стр. 8). Образчики письма Ра-у, лоло и мосѣ (mosso) даны у Devéria, op. cit., стр. 105, 152—153, 166. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что у дисцевъ, задолго до ихъ знакомства съ уйгурами, существовало уже частью идеографическое, частью фонетическое (см. анализъ письменныхъ знаковъ лоло у Terrien de Lacouperie «On a Lolo manuscript written on satin» въ «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», XIV, 1) письмо; а такъ какъ тюркскій алфавитъ на памятникѣ Кюль-тегину (а также такъ называемыя енисейскія письмена) представляетъ нѣчто весьма совершенное и является вѣроятнымъ результатомъ цѣлаго ряда измѣненій и упрощеній, то естественно рождается вопросъ: не есть ли этотъ алфавитъ диское, а не тюркское изобрѣтеніе?

Проводя параллель между хагясами и южными «ди», мы не можемъ не замѣтить, что послѣдніе были уже съ самой глубокой древности знакомы съ земледѣліемъ, любили вино (они умѣли «весело пить», по выраженію китайцевъ; вино, музыка и пляски сопровождали каждое ихъ празднество; см. Ивановскій, ib., стр. 13, 14, 22, 23, 39, 41, 68, 79 и т. д.), а стало быть умѣли его и выдѣлывать; сами себѣ изготовляли оружіе, а слѣдовательно умѣли добывать и ме-

въ сѣверной Монголіи и южной Сибири остатки цивилизаціи, приписываемые миѳическому народу чудь [1]).

таллъ (желѣзо, серебро и золото). Дисцы «бо-ма» изготовляли себѣ латы изъ кожи носорога (Іакинфъ — «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 104); даже послѣ изобрѣтенія пороха свирѣпые «цзю-гу мяо» продолжали еще носить тяжелый, но не закрывавшій затылка желѣзный шлемъ съ наушниками, кольчугу, вѣсомъ болѣе пуда, и на ногахъ наборныя латы изъ желѣзныхъ пластинъ, прикрывавшія только голени; не смотря на столь тяжелое вооруженіе, «цзю-гу», съ деревяннымъ щитомъ въ одной рукѣ, копьемъ въ другой и мечомъ въ зубахъ могли такъ быстро ходить по горамъ, «точно летѣли» (Ивановскій, ib., стр. 97; см. также Du Halde — «Description géographique, historique, etc., de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, стр. 69). О «голо» говорится, что они умѣли выдѣлывать крѣпкія латы, острые мечи и копья; латы употребляли даже такіе дикари, какъ бѣлые «лоло» и «пужени». О маняхъ «яо» читаемъ у Marquis d'Hervey de Saint-Denys — «Ethnographie des peuples étrangers», II, стр. 37: «Au moment de sa naissance l'enfant mâle est pesé avec un morceau de fer et, quand il devient adulte, il prend soin de bien tremper ce fer et d'en fabriquer lui-même un glaive ou coutelas qui ne le quitte plus. Pour essayer cette arme et prouver sa bonne qualité il doit décapiter un bœuf d'un seul mouvement du bras et de l'épaule». Они имѣли также обыкновеніе носить у пояса ножъ (Ивановскій, ib., стр. 12, 25, 46 и т. д.); съ самой глубокой древности строили себѣ дома (срубы), употребляя для настилки крышъ древесную кору, камышъ, бамбукъ и проч. Интересно также, что у янь-чжоускихъ инородцевъ государи носили тотъ же титулъ, что и у хагясовъ,— а-сы (a-s'e у Шотта, a-je у Клапрота, ажо у Іакинфа; среди «лоло» и до сего времени существуетъ родъ «аже», подобно тому, какъ на сѣверѣ, среди такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ, удержалось родовое наименованіе «асанъ»; замѣтимъ также, что у древнихъ германцевъ (готовъ) ассами (ass) называли вообще вождей, героевъ, впослѣдствіи же боговъ. У южныхъ «ди» былъ также обычай носить передъ своими старѣйшинами знамена. Хагяскій а-сы и его свита носили красныя одежды; мы, однако, знаемъ, что «чи-ди» имѣли также красное одѣяніе (Plath, op. cit., стр. 464). Наконецъ, еще нѣсколько сближеній. Хагясы носили въ ушахъ кольца. Это же украшеніе было самымъ излюбленнымъ и у южныхъ дисцевъ. Хагясы татуировались; то же дѣлали и дисцы. О хагясахъ китайцы писали: оба пола живутъ нераздѣльно и по сему среди нихъ много распутства; то же писали они и о дисцахъ (остатки гетеризма). Языкъ динлиновъ «бо-ма» китайцы называли птичьимъ. «Птичьимъ» же называли они и языкъ «мо-сѣ» (Ивановскій, ib., стр. 45), «пу-женей» (ib., стр. 61) и др. Можетъ быть къ этой характеристикѣ можетъ имѣть отношеніе замѣчаніе Desgodins (op. cit., стр. 374) о языкѣ племени «мэламъ»: «Il n'est pas monosyllabique, surtout dans les mots qui sont indigènes, ou du moins qui n'ont pas une origine thibétaine. La prononciation n'est pas douce et uniforme comme celle du thibétain, mais, sans être rude, elle est extrêmement saccadée; chaque syllabe est accentuée séparément, de sorte que parfois et surtout quand on parle vite et avec animation, on croirait entendre parler des bègues».

[1]) Къ этимъ остаткамъ должны быть отнесены, кромѣ надмогильныхъ сооруженій, — городища, остатки земляныхъ валовъ и оросительныхъ канавъ (о послѣднихъ см. Клеменцъ — «Древности Минусинскаго Музея», стр. 45), руническія надписи на скалахъ, каменныя статуи и проч. Попытки приписать «чудскія могилы», т. е. могильные курганы и такъ называемые «сланцы» и «маяки», встрѣчающіеся на всемъ обширномъ пространствѣ южной Сибири отъ береговъ Волги и южнаго Урала до верховій Амура (т. е. въ предѣлахъ распространенія сѣверныхъ дисцевъ, намѣченныхъ китайскими историками), равно какъ и различнаго рода каменныя сооруженія, остатки ирригаціонной системы, рисунки и надписи на скалахъ — динлинамъ дѣлались неоднократно (см. Риттеръ — «Землевѣдѣніе Азіи», III и V; въ самое послѣднее время — Аристовъ, op. cit., стр. 51), но гипотеза эта высказывалась вскользь и, насколько мнѣ извѣстно, не подкрѣплялась безспорными данными. Впрочемъ, Kollmann по поводу череповъ, взятыхъ изъ «чудскихъ» могилъ, уже замѣтилъ, что хотя они долихоцефальны, но тѣмъ не менѣе отличаются отъ череповъ европейскихъ, имѣя спеціально азіатскую форму (см. «Congrès international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques à Moscou du 1—8 août, 1892», II, «procès verbaux des séances», стр. 29). Но развѣ могло быть иначе, когда даже исторія намъ говоритъ, что дисцы потеряли первобытную чистоту своей расы уже по южную сторону Гобійской пустыни? Засимъ, Клеменцъ

Но если все происходило такъ, какъ мною здѣсь разсказано, то невольно возникаетъ вопросъ, какъ могъ изчезнуть совершенно безслѣдно народъ, обладавшій такимъ огромнымъ распространеніемъ и въ то же время настолько многочисленный, что, напримѣръ, одни хагясы могли выставить около 80 тысячъ войска.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы, кажется, найдемъ въ психическомъ различіи характеровъ длинноголовыхъ блондиновъ и черноволосыхъ короткоголовыхъ. Постараемся съ этой точки зрѣнія

на стр. 28—29 «Древностей Минусинскаго Музея» (1886) говоритъ, что въ числѣ масокъ, добытыхъ около Минусинска и снятыхъ съ лицевой стороны черепа, «попалась одна женская замѣчательной красоты, съ чертами лица чисто европейскими» (см. также табл. XX атласа). Нефедовъ, производившій раскопку кургановъ въ Киргизской степи, также говоритъ, что по сохранившимся остаткамъ костяковъ можно придти къ заключенію, что курганные люди были высокаго роста и длинноголовы («Les kourganes de la steppe des Kirghizes» въ «Congrés international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques à Moscou», 1892, II, стр. 349). Даже оставляя въ сторонѣ указанія прежнихъ изслѣдователей, однихъ этихъ фактовъ было бы достаточно для того, чтобы дать прочное основаніе приведенной гипотезѣ. Но я предчувствую и возможный вопросъ: «почему чудскія могилы должны принадлежать именно динлинамъ, а не другому какому либо длинноголовому племени?» Въ отвѣтъ я могъ бы сослаться на исторію, но предпочитаю дать нижеслѣдующее сравненіе остатковъ, сохраненныхъ намъ могилами «чудей» съ тѣмъ, что сохранила намъ исторія въ китайскихъ описаніяхъ южныхъ дисцевъ и ихъ быта.

Какъ ни скудны сами по себѣ китайскія извѣстія о надгробныхъ сооруженіяхъ южныхъ дисцевъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что, напримѣръ, бэ-жени, хоронившіе своихъ покойниковъ въ гробахъ, *ставили надъ могилою выспченное изъ камня изображеніе покойнаго* (Ивановскій, op. cit., II, стр. 31; подобныя же статуи вѣнчали и многія изъ чудскихъ могилъ; это такъ называемыя «каменныя бабы», о которыхъ имѣется большая литература; этотъ обычай переняли у дисцевъ и тукіэ; см. томъ I, стр. 261); тотъ же обычай господствовалъ у цоньскихъ маней (Ивановскій, ib., стр. 5—6) и «майча» (ib., стр. 77), которые, впрочемъ вырѣзали изображенія своихъ предковъ изъ дерева; «хэй-лоло» же и донынѣ имѣютъ изображенія своихъ предковъ, высѣченныя въ скалѣ (Devéria, op. cit., стр. 150). «Мяо» хоронили «при помощи неимѣющаго дна гроба (т. е. обставляли стѣнки ямы каменными плитами или досками?); вынувъ землю, помѣщали трупъ внутри» (Ивановскій, ib., стр. 96). Нѣкоторые «мяо» оставляли покойника въ гробу безъ погребенія иногда нѣсколько лѣтъ (до 12 лѣтъ) и когда въ общинѣ такихъ гробовъ накапливалось около сотни, то всей же общиной строили «зало демоновъ», т. е. предковъ, куда ихъ и сносили. Такія общія помѣщенія украшались рѣзьбой, изображавшей «мужчинъ съ голымъ тѣломъ». Это очень любопытное указаніе, такъ какъ и въ юго-западной Сибири были находимы *курганы обширныхъ размѣровъ* (маяки), *заключавшіе общую гробницу съ множествомъ труповъ*. (см., напримѣръ, Адріановъ, op. cit., стр. 388). Вообще же, южные дисцы или сжигали трупы (точнѣе было бы сказать — обжигали ихъ, такъ какъ кости затѣмъ собирались и хоронились отдѣльно) или хоронили ихъ, предварительно завернувъ въ кожи или ткани, или, наконецъ, заключали ихъ въ гробы, которые или зарывались, или оставлялись на поверхности земли (подъ навѣсомъ?). Мосѣ (mosso) дѣлали въ гробахъ дно изъ бамбуковыхъ циновокъ (т. е. устилали полъ гробницы циновками? Ср. Нефедовъ, op. cit., стр. 349: «Le mode de sépulture dans les kourganes de la première catégorie à été différent: ordinairement l'inhumation, quelquefois — l'incinération. Les cadavres ont été déposés sur le sol, ou plus bas, dans une fosse... Le corps a été posé ou directement sur la terre ou on a préparé auparavant un lit de pierres ou de bois...»); развѣшивали (клали?) всѣ платья покойнаго съ одной стороны (не съ лѣвой ли? см. Риттеръ — «Землевѣдѣніе Азіи», V, стр. 386) и тутъ же разставляли сосуды (у Ивановскаго, ib., стр. 48, переведено: «разставляютъ имѣющихся (сою) пипа (образныхъ) свиней», что непонятно). «Чунъ-цзя» въ теченіе года сохраняли гробъ подъ навѣсомъ, а затѣмъ сжигали (что? навѣсъ или гробъ?). Сунъ-вайскіе «мани» зарывали гробъ, предварительно вымазанный (не замазывали-ли

сгруппировать все то, что знаемъ о бѣлокурыхъ народахъ Средней Азіи и Южнаго Китая.

Характеръ дисцевъ намъ мало извѣстенъ. Они имѣли сердца тигровъ и волковъ, говорятъ намъ китайцы, обращавшіе плѣнныхъ ди въ своихъ тѣлохранителей и полицейскихъ. Что «ди» были свободолюбивымъ и подвижнымъ народомъ, что они распадались на множество, повидимому, очень мелкихъ родовъ и сплачивались въ одно цѣлое лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ ненадолго — это говоритъ намъ вся ихъ исторія. Китайцы удивлялись ихъ му-

---

только щели?) воскомъ, по лѣвую сторону дома (вообще, повидимому, лѣвой сторонѣ придавалось особое значеніе у дисцевъ; въ разрытыхъ «маякахъ» всѣ почти положенные въ могилу предметы находились по лѣвую руку костяка); изъ этого временнаго помѣщенія они черезъ три года его вынимали и уже тогда окончательно «хоронили покойника» (ib., I, стр. 90). О похоронныхъ обычаяхъ у хагясовъ говорится: «Die Knochen wurden eingesammelt und nach einem Jahre das Grab gemacht» (Schott, op. cit., стр. 435). «Лунъ-цзя» хоронили на скалахъ, причемъ пеклись о покойникѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, три раза за этотъ періодъ времени «соскабливая съ костей мясо» (ib., II, стр. 92). Этотъ обычай ясно указываетъ съ одной стороны на то, что цѣлью обжиганія трупа было упрощеніе тягостной обязанности три раза вынимать покойнаго изъ могилы и соскабливать съ его костей отгнившія части (не находится ли въ связи съ этимъ обычаемъ — обычай окрашивать кости покойника въ красный цвѣтъ, господствовавшій нѣкогда у чуди?), съ другой, что могилы устраивались такъ, чтобы покойниковъ въ теченіе извѣстнаго періода времени можно было навѣщать; только уже по прошествіи этого періода могилы задѣлывались окончательно (ср. съ описаніемъ харгойской могилы, сдѣланнымъ Агапитовымъ въ «Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.», XII, №№ 4 и 5). Покойника одѣвали во все лучшее, даже въ томъ случаѣ, если его затѣмъ сжигали. Надо при этомъ замѣтить, что южные дисцы имѣли особенную склонность украшать себя. При описаніи «вони» въ «Юнь-нань-тунъ-чжи» мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: «Я всю свою жизнь собиралъ раковины, говоритъ умирающій отецъ своему сыну. Если встрѣтится нужда — возьми часть ихъ; часть же оставь въ наслѣдіе будущему поколѣнію» (ib., стр. 39). Въ поясненіе этого слѣдуетъ замѣтить, что раковины даже во времена Марко Поло продолжали еще играть въ Юнь-нани роль денегъ. Эту же роль, по словамъ графа Сечени («Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien», стр. ccix), онѣ продолжаютъ еще играть въ странѣ качиновъ. Раковины принадлежатъ преимущественно къ виду Cypraea moneta, L. Въ неменьшей степени, чѣмъ раковины, цѣнились у нихъ самоцвѣтные камни и украшенія изъ мѣди, серебра, въ особенности же—золота. Я буду имѣть еще случай говорить, что всѣ безъ исключенія дисцы (мужчины и женщины) носили въ ушахъ серьги и кольца (мужчины «хэй-лоло» только въ лѣвомъ ухѣ; ср. съ находкой въ одной изъ «чудскихъ» могилъ кольца съ лѣвой стороны черепа. Агапитовъ, op. cit.) изъ мѣди, серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней. Къ этому мнѣ остается добавить, что они носили также браслеты изъ золота, серебра и слоновой кости, ожерелья изъ самоцвѣтныхъ камней, замѣнявшіяся иногда у женщинъ серебряными обручами, разогнутыми на груди (именно, у «хэй-мяо»), особые изъ желтой мѣди обручи на лбу («Un autre... avait sur la tête une espèce de diadème»... Нефедовъ, op. cit., стр. 350) или вѣнки изъ серебряныхъ цвѣтовъ (женщины). Женщины вплетали себѣ въ волосы раковины, бусы (иногда золотыя), цвѣты, колосья и проч. Сверхъ того, женщины носили на головѣ, изъ затканной золотомъ тафты, особаго рода покрывала. Жены богатыхъ дисцевъ всегда одѣвались въ парчу, бархатъ, атласъ и другія шелковыя ткани, которыя отдѣлывали вышивками, раковинами, золотыми блестками, серебряными пуговками; мужчины носили шляпы и пояса, украшенные золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями и украшенные золотомъ и серебромъ воротники. Слѣдуетъ также замѣтить, что дисцы украшали не только себя, но любили украшать и своихъ лошадей: уздечки и другія части конскаго прибора, а также сѣдла и чепраки они отдѣлывали золотомъ, серебромъ и самоцвѣтными камнями. Въ «маякахъ» близъ костяка находятъ иногда кожаные мѣшки съ остатками зеленаго

жеству, но побѣждали ихъ часто, такъ какъ имѣли дѣло не съ массой народа, а съ отдѣльными ихъ поколѣніями; къ тому же они пользовались ихъ взаимными счетами и искусно направляли ихъ другъ противъ друга.

Что «ди» не были склонны къ подчиненію, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно изъ того, что они безъ колебанія бросали свою порабощенную родину и расходились — одни на сѣверъ, другіе на югъ, туда, гдѣ еще былъ просторъ, куда не добирались китайцы со своимъ государственнымъ строемъ, чиновни-

---

бархата; именно такіе кожаные мѣшки были въ употребленіи у «цоньскихъ маней» и «бѣлыхъ голо». Эти мѣшки украшались иногда вышивками и носились черезъ плечо, служа дорожными сумками. Подобные сумки и до сихъ поръ еще въ употребленіи у сойотовъ (Шварцъ — «Труды Сибирской экспедиціи», Матем. отд., стр. 109. См. у Devéria рисуноқъ, изображающій бѣлаго лоло) и қачиновъ (Széchenyi, ib.).

Врожденное чувство къ изящному заставляло дисцевъ украшать не только себя, но и свою утварь; такъ, напримѣръ, «чэ-су» имѣли обыкновеніе украшать сосуды инкрустаціей изъ олова по дереву. Сунъ-вайскіе «мани» вытачивали мелкіе сосуды (чарки) изъ слоновой кости и украшали ихъ рѣзьбою съ изображеніемъ птицъ (ib., I, стр. 90). «Лао» выливали изъ мѣди легкіе сосуды, пригодные для варки пищи, и т. д.

Изъ вышеизложеннаго не можетъ не явствовать, что дисцы были искусными литейщиками. О современныхъ восточныхъ тибетцахъ (т. е. метисахъ «ди» и «цяновъ») Desgodins, между прочимъ, пишетъ: «Il y a un art dans lequel les Thibétains réussissent très bien, c'est celui du fondeur en métaux. Leurs statuettes sont d'un fini peu commun. Ce sont eux aussi qui fondent les clochettes et les autres instruments employés dans les cérémonies du culte, ordinairement couverts de petits dessins et de bas-reliefs, le plus souvent bien exécutés. Comme en Europe on a trouvé le moyen de faire des combinaisons de métaux imitant l'argent... Le fer thibétain est de bien meilleure qualité et mieux fabriqué que le fer chinois» (стр. 387). То же китайцы пишутъ и объ ухуаньцахъ: мужчины умѣютъ плавить желѣзо и золото для оружія, женщины — вышивать шелками по кожѣ. Кстати замѣтимъ, что женщины ухуань носили головные уборы изъ золота и нефрита изумруднаго цвѣта, «подобные древней повязкѣ китайской съ трясульками и привѣсками». Хоронили ухуаньцы своихъ мертвыхъ такъ: «Покойниковъ клали въ гробъ... Брали одну откормленную собаку и вели ее на цвѣтномъ шнуркѣ (культъ «Пань-ху», о чемъ ниже), также брали лошадь, на которой покойникъ ѣздилъ, его одѣяніе и вещи и все это сжигали и несли за гробомъ для препорученія собакѣ, чтобы она охраняла душу умершаго... Въ жертву приносили быковъ и барановъ» (Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, 1, стр. 153—154). Конечно, для того, чтобы вышеприведенныя сравненія имѣли вполнѣ научное значеніе, требовалось бы доказать, путемъ сличенія, что чудскія находки и предметы искусства южныхъ дисцевъ принадлежатъ къ одному и тому же типу. Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сейчасъ это сдѣлать; я приведу, однако, нижеслѣдующее замѣчаніе Chantre'a о курганныхъ находкахъ: «Les splendides épées que vient de nous montrer M. Anoutchine présentent un très grand intérêt... Quant à leur ressemblance avec les kindjals caucasiens... je ne puis y souscrire. Il n'y a pas non plus de rapport entre ces épées et celles des nécropoles protohistoriques du Caucase. On peut assurément trouver dans ces pièces un air général de famille, mais on est ici en présence de formes nouvelles. C'est plutôt vers l'Est que vers le Sud, c'est-à-dire vers la Chine qu'il faudrait chercher des rapports entre le type de ces épées et *ceux de beaucoup d'autres objets sibériens*» («Congrés international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques», II, proc.-verb., стр. 29) — выводъ, къ которому приходили многократно и раньше.

Вообще, дисцы издревле заявили себя искусными мастерами, и хотя, вѣроятно, многое и многое заимствовали у китайцевъ, но, съ другой стороны, они и опередили во многихъ статьяхъ своихъ учителей: такъ, напримѣръ, по собственному признанію китайцевъ, «хэй-пу» были искусными мастерами: они неподражаемо изготовляли изъ бамбука сосуды, столы, кровати и проч. и

ками и правилами общежитія. Такъ они, съ теченіемъ вѣковъ, добрались съ одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, съ другой до Алтая и южной Сибири.

Но и тутъ и тамъ они сохранили психическія особенности своего характера. Вотъ, что говорятъ намъ, напримѣръ, китайцы о южныхъ инородцахъ Серединной имперіи, сохранившихъ еще въ своихъ жилахъ кровь древнихъ дисцевъ.

Бань-шунь'скихъ маней («ба-ди») китайцы описываютъ въ такихъ выраженіяхъ. Родоначальникомъ ихъ былъ инородецъ изъ уѣзда Ланъ-чжунъ, прославившійся убійствомъ бѣлаго тигра. Его

умѣли строить дома и дворцы. Тѣмъ же искусствомъ отличались и дикари «ну-цзы», о которыхъ китайцы одновременно писали, что они «ѣдятъ шерсть и пьютъ кровь» — выраженіе, употреблявшееся для обозначенія крайней дикости. Равнымъ образомъ, дикарей «ша-жень» китайцы описываютъ какъ отличныхъ рѣзчиковъ изъ самаго твердаго дерева (лао-шань).

Наконецъ, намъ остается присовокупить, что дисцы были мастера возводить двухъэтажныя постройки, башни и проч.; они окружали свои селенія или стѣнами, или рвомъ (ср. находки Агапитова и Черскаго); строили (напримѣръ, цоньскіе мани) жертвенники съ тремя ступенями (см. дополненія къ Риттера «Землевѣдѣніе Азіи», V, часть вторая, стр. 507) и т. д.

Къ этому я могу добавить еще нижеслѣдующее соображеніе. Кто, какъ не дисцы, вывели изъ Тибета яковъ, оставивъ ихъ въ наслѣдіе сойотамъ, въ которыхъ нельзя не признать захудалыхъ потомковъ рослыхъ динлиновъ? Сойотскія лошади и рослый ихъ скотъ считаются лучшими въ краѣ (ср. Іакинфъ, ib., I, 2, стр. 442 и слѣд., и Шварцъ, ib., а также Латкинъ — «Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее», стр. 166); сойоты и до сихъ поръ удержали обычай не ѣздить на жеребцахъ (можетъ быть такъ слѣдуетъ понимать китайское замѣчаніе, относящееся къ «бо-ма»: имѣютъ лошадей, но не ѣздятъ на нихъ? Klaproth — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 130; Іакинфъ, ib., стр. 442). Сойоты сохранили и нѣкоторые слѣды дикой цивилизаціи; такъ, напримѣръ, они орошаютъ свои поля, они хорошіе литейщики, головной уборъ ихъ женщинъ, повидимому, тотъ же, что и у женщинъ южныхъ дисцевъ. Наконецъ, припомнимъ, что среди нихъ часто попадаются бѣлокурые, что женщины ихъ отличаются красивыми формами тѣла и чертами лица, что у нихъ въ высшей степени развито чувство взаимопомощи, удержалось выборное право, и т. д. (см. также Клеменцъ — «Древности Минусинскаго музея», стр. 61—62).

Hirth въ «Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft», 1890, стр. 52—55, («Die Kaiser-Gräber in Centralasien»), дѣлаетъ нижеслѣдующее интересное сообщеніе.

Въ «Вэй-шу» упоминается, говоритъ онъ, о посольствѣ (въ 443 г.) изъ страны Ву-ло-ху (по Кэрулэну) къ Тоба. Послы объявили императору, что къ сѣверо-западу отъ ихъ родины сохранилась гробница его предка, представляющая каменное сооруженіе, имѣющее 70 фут. выс., 70 шаговъ отъ С. къ Ю. и 40 отъ З. къ В.

Въ поясненіе этого сообщенія я замѣчу, что поколѣніе «тоба», къ которому принадлежала императорская династія Юань-вэй, составляло одинъ изъ отдѣловъ «дунъ-ху» (см. ниже) и въ прежнее время жило по Онону, куда оно прикочевало, повидимому, еще до Р. Хр. Къ востоку ихъ земли граничили съ ухуань (см. ниже). Къ серединѣ III в. по Р. Хр. оно усилилось и объединило до ста родовъ, къ числу коихъ могли принадлежать какъ ухуаньскіе роды, такъ и вышеупомянутые «ву-ло-ху». Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что племя «тоба» было смѣшаннаго происхожденія, причемъ кровь «ди» могла и преобладать. Тоба считали своимъ предкомъ Мао (что напоминаетъ дискій родъ «мао-ню»), подобно тому, какъ черные «лоло» царя Ма («бо-ма»). Засимъ изъ описанія «ву-ло-ху» видно, что бытъ ихъ былъ не пастушескій, а охотничій, что они имѣли не наслѣдственныхъ, а выборныхъ старшинъ, были храбры, носили дискую прическу, украшали свои одежды жемчугомъ (бусами) и имѣли множество музыкальныхъ инструментовъ — все черты, напоминающія дисцевъ.

потомки жили по обоимъ берегамъ рѣки Юй-шуй и отличались силой и храбростью. *Они всегда шли въ авангардѣ войскъ Ханьской династіи и побѣждали.* Они любили пляски и пѣсни. Когда Гао-цзу услышалъ одну изъ нихъ, то воскликнулъ: «съ этой именно пѣснью Ву-ванъ одержалъ побѣду!» и велѣлъ обучить ей музыкантовъ. Когда впослѣдствіи они возстали, и императоръ хотѣлъ двинуть противъ нихъ войска, то хань-чжун'скій Шанъ-цзи замѣтилъ: «Ба-ди» семи родовъ имѣютъ заслугу въ томъ, что убили бѣлаго тигра. Эти люди храбры, воинственны и хорошо умѣютъ сражаться. Нѣкогда, въ года правленія Юнъ-чу (107—113 по Р. Хр.), цяны, вступивъ въ округа и уѣзды Хань-чуань, разрушили ихъ. Тогда къ намъ на помощь явились «ба-ди», и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому бань-шунь'скіе мани и были прозваны «*божественнымъ войскомъ*». Цяны почувствовали страхъ и передали другимъ родамъ, чтобы они не двигались на югъ. Когда же во 2-мъ году правленія Цзянь-хо (въ 148 году) цяны вновь вторглись съ большими силами, то мы только при помощи тѣхъ же «ба-ди» нѣсколько разъ разбили (отразили) ихъ. Цзянъ-цзюнь Фынь-гунъ, отправляясь въ походъ на югъ противъ ву-ли, хотя и получилъ самыя отборныя войска, но могъ совершить свой подвигъ лишь при помощи тѣхъ же «ба-ди». Наконецъ, когда недавно произошло возстаніе въ округахъ области И-чжоу (Юнь-нань), то усмирить бунтовщиковъ помогли намъ опять-таки «ба-ди». Эти подвиги... и т. д. [1]).

Лао живутъ въ южной Сы-чуани (въ области Нинъ-юань-фу), куда еще при Цзиняхъ [2]) переселились изъ южной Шэнь-си (Хань-чжунъ-фу). Въ эту эпоху они распадались на множество поколѣній, подчинявшихся выборнымъ старшинамъ [3]). Они были весьма многочисленны; такъ, однихъ только сѣверныхъ лао насчитывалось до 200 тысячъ семействъ. Ихъ грабежи и разбои побудили туземцевъ выселиться на востокъ, послѣ чего роды «лао» заняли всѣ горныя долины отъ Лянь-чжоу на югъ; при этомъ часть ихъ смѣшалась съ туземцами (ся-жень) и обратилась въ землепашцевъ, часть же, укрѣпившись въ горахъ, продолжала вести разбойничій образъ жизни. *Эти «лао» вели безконечныя войны съ китайцами, но не сомкнутой массой, а каждая община, каждое селе-*

---

[1]) Ивановскій, op. cit., I, стр. 19; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 57—58.
[2]) Ивановскій, op. cit., I, стр. 11, 38 и 40.
[3]) Ib., стр. 38.

ніе отдѣльно, за свой рискъ и страхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько ихъ родовъ соединялось вмѣстѣ; напримѣръ, это имѣло мѣсто въ 639 году, когда китайцы одержали надъ ними рѣшительную побѣду, захвативъ предварительно въ плѣнъ до 10,000 мужчинъ и женщинъ. Послѣднее извѣстіе китайцевъ о южныхъ поколѣніяхъ «лао» относится къ началу IX вѣка («лао» съ этихъ поръ не безпокоили границъ), о Нань-пин'скихъ же «лао» (Чунъ-цинъ-фу) къ началу XII столѣтія. Этихъ «лао» китайцы характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: Среди всѣхъ инородцевъ «лао» отличаются тѣмъ, что ихъ трудно подчинить какимъ-либо законамъ и общежитію. По своему характеру они сходны съ птицами и звѣрьми, *такъ какъ въ гнѣвѣ отецъ и сынъ убиваютъ другъ друга*. Мстя за обиду, они *непремѣнно убиваютъ своего противника и, убивъ, — съѣдаютъ* [1]). Они нападаютъ другъ на друга также

[1]) Пожираніе враговъ и до сихъ поръ сохранилось у «батаковъ» Суматры (этого рода каннибализмъ объясняется страстностью натуры батаковъ). Вообще, въ настоящемъ очеркѣ я избѣгаю говорить о представителяхъ бѣлой расы, сохранившихся еще въ Индокитаѣ, Зондскихъ островахъ и Полинезіи. Долженъ, однако, замѣтить, что въ характерѣ, обычаяхъ и культурѣ такъ называемыхъ индонезійцевъ и населенія юго-западнаго Китая столько общихъ чертъ, что уже давно и неоднократно выражалось мнѣніе, что и тѣ и другіе принадлежатъ къ одной этнической группѣ. Зная характеръ дисцевъ (о немъ ниже), мы ничего невозможнаго въ этомъ не усматриваемъ.

Малайская область явилась какъ бы исходнымъ пунктомъ, откуда индонезійская волна далеко распространилась. Но эта область отнюдь не можетъ считаться колыбелью индонезійцевъ. Ближайшее изученіе индокитайскихъ племенъ показало, что тѣ же индонезійцы занимаютъ нынѣ долину Меконга и, какъ мы только что замѣтили, юго-западный Китай, гдѣ они жили (и это несомнѣнно) до заселенія Китая и Индо-Китая монголоподобными расами. Монголы, нахлынувъ въ эти страны, отбросили индонезійцевъ въ горы и на острова, гдѣ, въ свою очередь, эти послѣдніе потѣснили негритосовъ (то же, можетъ быть, имѣло мѣсто кое-гдѣ и въ южномъ Китаѣ). Волны желтолицыхъ набѣгали въ продолженіе тысячелѣтій; столь же длинный періодъ захватывала и миграція индонезійцевъ. На основаніи эпическихъ произведеній индонезійцевъ (миѳовъ, передаваемыхъ изустно; у индонезійцевъ хотя и существуетъ письменность, но они ею не пользуются для столь отвлеченныхъ цѣлей, какъ записываніе легендъ) опредѣляютъ, что они заняли Маркизскіе острова въ V вѣкѣ по Р. Хр., Сандвичевы въ VIII вѣкѣ и Новую Зеландію даже въ XV вѣкѣ; но въ другихъ частяхъ Полинезіи они должны были появиться несомнѣнно раньше, что доказывается тѣмъ, что въ полинезійскихъ языкахъ не попадается индусскихъ словъ; а такъ какъ «воздѣйствіе индусскихъ элементовъ можетъ быть констатировано уже за тысячу лѣтъ до нашей эры, то переселеніе индонезійцевъ въ Полинезію должно было послѣдовать уже раньше. Эти хронологическія указанія, обстоятельно провѣренныя, могли бы служить для опредѣленія времени послѣднихъ великихъ переселеній монголовъ, которыя въ свою очередь обусловили передвиженія индонезійцевъ въ Полинезію» (Крживицкій, op. cit., стр. 169—170).

Я считаю излишнимъ проводить параллель между индонезійцами и дисцами; я упомяну только, что индонезійцы, подобно дисцамъ, прекрасные литейщики (они выдѣлываютъ превосходные клинки и даже винтовки), и что въ нихъ въ высшей степени развито чувство къ изящному. Далѣе я приведу образцы ихъ пѣсенъ, полагая, что подобныя же пѣсни должны были существовать и у дисцевъ (припомнимъ хотя бы военный гимнъ племени «ба-ди», которому когда-то обучались даже китайцы; къ сожалѣнію, китайцы не сохранили намъ словъ этого гимна). Вотъ отрывокъ военнаго гимна индонезійца:

«...Поднимается попутный вѣтеръ, я его слышу и чувствую. Бѣшеный сѣверный вѣтеръ охватываетъ меня всего. Мои враги въ страхѣ скрываются. Охвати меня, о пространство, про-

*

ради грабежа и захваченныхъ въ плѣнъ продаютъ какъ свиней или собакъ; печальной участи быть проданными въ рабство не избѣгаютъ даже родственники! *Лао, проданный въ неволю, громко рыдаетъ, не покоряется своей участи и при первой возможности убѣгаетъ. Но если его вновь ловятъ и связываютъ, то онъ смиряется, считая, что потерялъ честь и пересталъ быть благороднымъ.* Собаки у нихъ чрезвычайно цѣнятся. За большую собаку даютъ раба. Равнымъ образомъ *за убитаго отца сынъ приводитъ матери-собаку.* Ихъ *старѣйшины выбираются* изъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ; они называются ланхо, тогда какъ остальные только хо. *При его выходѣ впереди и позади несутъ знамена,* трубятъ въ рогъ и бьютъ въ барабаны. Лао ходятъ по горамъ съ такою же легкостью и быстротой, какъ по ровному мѣсту; они прекрасно владѣютъ коротким оружіемъ, а также умѣютъ «лежа на днѣ рѣки, бить ножомъ рыбу». «Они движеніе считаютъ признакомъ жизни». Вообще, они самые непостоянные, самые сумасбродные изъ маней и *ихъ невозможно вполнѣ усмирить;* даже лао, смѣшавшіеся съ китайцами, не потеряли своей природной дикости [1]).

О *яньчжоускихъ маняхъ* китайцы говорятъ, что стрѣльба, охота, месть и убійства составляютъ всѣ ихъ занятія. Они сходны съ «лао». Мужчины ихъ очень храбры (тверды), женщины цѣломудренны [2]). Среди нихъ *«сяо мани»* отличаются наибольшей свирѣпостью и коварствомъ: *если хоть нѣсколько попречатъ ихъ желанію, они тотчасъ выхватываютъ ножи* [3]).

странство, воздухъ и небо! Меня уже покрываетъ военное знамя, и я стою неподвижно, какъ радуга...»

«... Если Тангароа (богъ) спроситъ, кто этотъ молодой воинъ, который такъ гордо потрясаетъ знаменемъ, — я отвѣчу: это я, это Вакатанъ, человѣкъ никому невѣдомый, бѣдный молодой товарищъ стяга! Но когда онъ спроситъ о моемъ знамени, о моемъ знамени, которое приводитъ всѣхъ въ ужасъ, о! тогда — вотъ оно! — закричу я...» «... Вы видите эту молнію, это зарево? О, я ужасно боюсь этого знамени! Слава его обращаетъ всѣхъ въ бѣгство, а названіе его у всѣхъ на устахъ. Вы спросите еще, что это за знамя? О! это знамя гнѣва! Знамя необузданнаго бѣшенства, сокрушающаго и побѣждающаго враговъ! Теперь знаете ли вы меня?! Урра!...»

Крживицкій, у котораго мы заимствовали этотъ отрывокъ, говоритъ, что онъ не въ состояніи въ нѣсколькихъ словахъ передать всей прелести и богатства поэтическихъ произведеній индонезійцевъ.

Что касается до самаго факта каннибализма, то я его объясню такъ. У дикихъ племенъ существовало вѣрованіе, что духъ покойнаго можетъ вредить живущимъ; съ другой стороны, у многихъ дикарей коренилось убѣжденіе, что если съѣсть или сжечь тѣло врага, то вмѣстѣ съ послѣднимъ истребляется и его «духъ». Выводъ отсюда ясенъ: для того, чтобы оградить себя отъ духа врага, слѣдовало съѣсть его тѣло.

[1]) Ивановскій, ib., стр. 38—57; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 106—121.

[2]) Ib., стр. 61 и слѣд.

[3]) Ib., стр. 65.

Щонь-маны, по словамъ тѣхъ же китайцевъ, любятъ драться и пренебрегаютъ смертью. Характеръ ихъ злой и смѣлый; изъ за *устнаго оскорбленія они съ оружіемъ въ рукахъ бросаются другъ на друга. Мстятъ и убиваютъ, не стѣсняясь родствомъ*. Грабежи и разбой ихъ излюбленныя занятія. У тѣхъ, однако, которые поселились среди китайцевъ, нравъ замѣтно смягчился. Они выщипываютъ бороду и усы [1]). (Въ подобныхъ же выраженіяхъ характе-

Мяо-лоло.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

ризуются и «*ганъ*» — и «*хэй-лоло*», причемъ добавляется, что «хэй-лоло» «*боятся быть битыми, но не боятся смерти*» [2]); тоже подтверждается и для «мяо-лоло» [3]).

«*Ло-у*» никогда не разстаются съ мечомъ и копьемъ. Любятъ спиртные напитки. Характеръ ихъ надменный и злой: убиваютъ другъ друга при ссорахъ. Брѣютъ бороду. *Управлять ими очень трудно* [4]).

[1]) Ивановскій, op. cit., II, стр. 3—7.
[2]) Ib., стр. 12.
[3]) Ib., стр. 15.
[4]) Ib., стр. 23—24.

«*Хэй-лису*» — самые смѣлые изъ южныхъ инородцевъ. Никогда не разстаются съ оружіемъ. Въ ссорѣ иногда изъ за одного лишь неосторожнаго слова *убиваютъ другъ друга, не смотря на родство.* Вообще, имѣютъ буйный характеръ. Если ранены отравленной стрѣлой, то немедленно вырѣзаютъ себѣ сами пораненную часть тѣла. Ходятъ по отвѣснымъ, совершенно недоступнымъ скаламъ съ такимъ же проворствомъ, какъ собаки цзяо (?) [1]).

У «*лу-цзи*» характеръ также дурной: *коіда отецъ и сынъ, старшій и младшій братья разсердятся, то убиваютъ другъ друга* [2]).

«*Мосъ*» храбры и свирѣпы. Хорошо ѣздятъ верхомъ и владѣютъ оружіемъ. При малѣйшемъ противорѣчіи бросаются съ ножомъ на противника, но *прекращаютъ ссору, если вмѣшается женщина* [3]).

«*Ѣ-жени*» имѣютъ характеръ весьма свирѣпый и дерзкій. «Встрѣтивши человѣка—тотчасъ убиваютъ» (?) [4]). Всходятъ на высоты и проходятъ самыя недоступныя мѣста, точно передвигаются при помощи крыльевъ [5]).

«*Голо-мани*», имѣющіе глубокіе глаза и горбатые носы, брѣютъ усы, но оставляютъ бакенбарды. Они имѣютъ превосходныхъ лошадей. Проводятъ жизнь на охотѣ, и отлично владѣютъ оружіемъ. Набранные изъ нихъ отряды всегда шли въ авангардѣ. Пословица говоритъ: «шуй-си'скіе голо, разсѣкая голову, цѣлятъ въ хвостъ», т. е. съ одного удара разсѣкаютъ пополамъ. Они высокаго роста [6]).

Сунъ-пинъ-и дерзки и насильственны; сами приготовляютъ оружіе; бороду и усы брѣютъ [7]).

Эти особенности характера ди наблюдаются и у сѣверныхъ динлиновъ и родственныхъ имъ племенъ.

Бо-ма, говоритъ намъ китайскій историкъ, распадались на роды, независимые другъ отъ друга. Они часто воевали съ хагясами, на которыхъ походили лицомъ [8]).

---

[1]) Ib., стр. 49—51.

[2]) Ib., стр. 43.

[3]) Ib., стр. 44.

[4]) Не слѣдуетъ-ли понимать это такъ, что ѣ-жени подвержены «амоку», т. е. такому психическому возбужденію, когда человѣкъ бросается въ почти безсознательномъ состояніи на всѣхъ людей, попадающихся ему на глаза и убиваетъ ихъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Среди индонезійцевъ случаи такого переходящаго бѣшенства (mania transitoria) явленіе не рѣдкое и вызывается обыкновенно неудовлетворенною местью и ревностью.

[5]) Ib., стр. 84.

[6]) Ib., стр. 107—108.

[7]) Ib., стр. 119.

[8]) Klaproth — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 129; Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 442.

Хагясы были сильны, горды и стойки; татуировка служила у нихъ отличіемъ храбрыхъ [1]).

Ухуань, по словамъ китайцевъ — прямыхъ потомковъ дунъ-ху [2]), Георгіевскій считаетъ за дисцевъ, вытѣсненныхъ въ V вѣкѣ до Р. Хр. на сѣверъ [3]). Истина, однако, заключается въ томъ, что дисцы, уйдя на сѣверъ и сѣверо-востокъ, образовали тамъ нѣсколько смѣшанныхъ племенъ съ преобладаніемъ то дискаго, то тунгускаго или тюркскаго элемента. Къ числу такихъ смѣшанныхъ племенъ и должны быть отнесены уханьцы, которые отличались

Бѣлый-лоло.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

мужествомъ и запальчивостью; въ гнѣвѣ убивали другъ друга, но, подобно дисцамъ, никогда не посягали на мать. «Женщины, пишетъ Colborne Baber [4]), пользуются чрезвычайнымъ уваженіемъ у черныхъ лоло; на нихъ возлагаются иногда даже обязанности родовыхъ старшинъ. Лучшей гарантіей безопасности для иностранца,

---

[1]) Klaproth, ib., стр. 88; Іакинфъ, ib., стр. 442—452.

[2]) Іакинфъ, op. cit., I, стр. 151.

[3]) «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», стр. 79.

[4]) «Travels and Researches in the interior of China» въ «Royal Geographical Society». Suppl. pap., 1882, I, 1, гл. 4.

желающаго проникнуть въ земли «лоло», было бы имѣть въ качествѣ проводника лоло-женщину; тогда онъ могъ бы быть увѣренъ, что личность его была бы для всѣхъ священной». О нѣкоторыхъ дискихъ родахъ китайцы также пишутъ, что драка между мужчинами прекращалась, какъ только на сцену выступали женщины [1]). У ухуаньцевъ «въ каждомъ дѣлѣ слѣдовали мнѣнію женъ; одни военныя дѣла сами рѣшали». Подобно дисцамъ, ухуаньцы имѣли выборныхъ старшинъ, избиравшихся изъ числа сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ, причемъ званіе старшины не выдѣляло избраннаго изъ числа остальныхъ соплеменниковъ; среди ухуаньцевъ господствовало полное равенство: не было ни слугъ, ни господъ, а потому старшинѣ предоставлялось самому пасти свой скотъ. Войну ухуаньцы считали серьезнымъ дѣломъ. Женщины пользовались у нихъ свободой выбора мужа, и въ ихъ брачныхъ обычаяхъ легко усмотрѣть полную аналогію съ брачными обычаями южныхъ дисцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, что читаемъ мы на этотъ счетъ у Іакинфа [2]): «Кто хочетъ жениться, старается сойтись съ дѣвушкою за три мѣсяца и даже за полгода до брака». У дисцевъ «чжунъ-цзя» «всѣ свадьбы начинаются съ непозволительной связи: каждый годъ въ началѣ весны плящутъ при лунѣ и, высмотрѣвъ того, кто любъ, уходятъ съ нимъ и не сдерживаются» [3]). У «хуа-мяо» ежедневно въ началѣ весны, молодые люди и дѣвушки, одѣвшись во все лучшее, уходятъ въ поле и тамъ пляшутъ подъ звуки флейтъ; затѣмъ, съ заходомъ солнца, расходятся попарно и домой возвращаются лишь передъ разсвѣтомъ [4]). Подобный же обычай существовалъ и у племени «бай». У дисцевъ «лунъ-цзя» вступали въ бракъ при нѣсколько иной обстановкѣ: весною лунъ-цзя вбивали на ровной площадкѣ колъ, называвшійся «чортовымъ шестомъ» (гуй-гань; безъ сомнѣнія, грубое изображеніе предка), и, взявшись за руки, плясали вокругъ; наплясавшись же, разбѣгались парами. Послѣ этого родители уже теряли право на дѣвушку, пока не представляли за нее выкупа; бракъ же заключался послѣ возвращенія дѣвушки подъ родной кровъ [5]). У «хэй-мяо» возводилась особая временная постройка, куда собиралась молодежь изъ окрестныхъ селеній; здѣсь они знакомились между собою и вступали въ

[1]) Напримѣръ, объ этомъ фактѣ упоминается при описаніи племени «мосѣ» (mosso). См. выше, стр. 270.

[2]) Op. cit., I, стр. 152.

[3]) Ивановскій, op. cit., II, стр. 89.

[4]) Ib., стр. 93.

[5]) Ib., стр. 92.

любовную связь. Дѣвушки возвращались домой иногда послѣ 3-хъ дневной отлучки, иногда же 6-ти мѣсячной, послѣ чего родители требовали у жениха «тоу-цянь», т. е., буквально, денегъ за ея голову; если требованіе не исполнялось, то бракъ считался несостоявшимся [1]). У «мяо лоло» и донынѣ женщина выбираетъ себѣ мужа [2]). У «голо» шести родовъ браку предшествовала пляска; «понравившійся взаимно» уносилъ дѣвушку на спинѣ [3]) — обычай, удержавшійся у нихъ съ доисторическихъ временъ [4]). У «лао» не мужчины, а женщины ухаживали передъ бракомъ [5]). У «жань-маней» родство считалось только съ материнской стороны [6]). У «хэй-лоло» братья передавали другъ другу женъ, «не находя въ этомъ ничего страннаго» [7]). Это уже переходъ къ поліандріи.

Яо.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

Возвращаемся къ ухуаньцамъ, о которыхъ Іакинфъ далѣе пишетъ: «потомъ (вступившій въ бракъ) посылаетъ сговорные дары и переселяется въ женинъ домъ», гдѣ работаетъ годъ или два, послѣ чего тесть щедро награждаетъ его и, отпуская, отдаетъ ему всѣ вещи, находившіяся въ жилищѣ дочери... «въ обычаѣ также брать женъ послѣ братьевъ». У инородцевъ «бэ» было также принято, чтобы бѣдный, не могущій представить сговорныхъ даровъ, отслуживалъ въ домѣ тестя три года [8]). Тотъ же обычай существовалъ и у «во-ни». У «мяо-

[1]) Ib., стр. 96.
[2]) Ib., стр. 16; Devéria — «La Frontière Sino Annamite», стр. 123.
[3]) Ивановскій, ib., стр. 109.
[4]) Такимъ образомъ варваръ Пань-ху унесъ свою невѣсту — дочь императора Дику (см. ниже). Devéria, op. cit., стр. 92.
[5]) Ивановскій, op. cit., I, стр. 54.
[6]) Ib., стр. 130.
[7]) Ивановскій, op. cit., II, стр. 12.
[8]) Ib., стр. 31.

цзы» зять въ теченіе нѣкотораго времени проживалъ въ домѣ тестя, независимо отъ того, были или нѣтъ представлены сговорные дары, долженствовавшіе, впрочемъ, только возмѣстить расходы послѣдняго на свадьбу [1]).

Весьма интересна также та роль, которая ухуаньцами отводилась собакѣ: ей поручалась охрана души умершаго въ пути до мѣста успокоенія послѣдней на горѣ Чи-шань. Среди всѣхъ народовъ восточной половины Средней Азіи культъ собаки господствовалъ только у дисцевъ [2]). Ужь одно это обстоятельство въ связи съ преданіемъ о выходѣ ухуаньцевъ изъ Приамурскаго края, могло бы служить доказательствомъ высказанной мною ги-

[1]) Ib., стр. 73.

[2]) Китайцы нѣкоторые роды дисцевъ (напримѣръ, «ба-ди» и «голо» родовъ: «шуй», «янъ» («бо-ма»?), «линъ», «яо» и «тунъ») считаютъ потомками «Пань-ху» — пѣгой (пятицвѣтной) собаки, и одной изъ дочерей миѳическаго китайскаго императора Дику, царствовавшаго съ 2437 по 2375 годъ до Р. Хр. (Ивановскій, op. cit., I, стр. 1—3 и 37). Ма-дуань-линь (см. Marquis d'Hervey de Saint-Denys — «Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin», II, стр. 1) пишетъ однако: «Если вѣрить преданію, императоръ Ди-ку, огорченный постоянными набѣгами западныхъ жуновъ, объявилъ, что выдастъ свою младшую дочь за убійцу вождя этихъ жуновъ. Среди слугъ императора въ то время былъ варваръ Пань-ху. Онъ убилъ вождя западныхъ жуновъ и получилъ въ жены младшую принцессу, которую и унесъ на своихъ плечахъ въ горы нынѣшней провинціи Хунань». Его потомство размножилось и впослѣдствіи распалось на многіе роды (Ивановскій, ib., стр. 37). Это, конечно, — миѳъ, но миѳъ, который, можетъ быть, имѣетъ историческую подкладку.

Существуетъ не мало указаній на то, что дисцы не дѣлились на роды въ общепринятомъ значеніи этого слова. У тунгусовъ (о нихъ см. ниже) еще недавно существовалъ обычай группироваться вокругъ какого-нибудь витязя, героя, имя котораго впослѣдствіи и служило наименованіемъ общинѣ. Такимъ героемъ могъ быть и Пань-ху, союзникъ китайцевъ, прославившійся своей побѣдой надъ жунами и убившій ихъ главаря; а такъ какъ у дисцевъ искони существовалъ обычай поклоненія предкамъ, то происхожденіе культа Пань-ху какъ нельзя болѣе очевидно. Что же касается до той части миѳа, въ которой говорится, что Пань-ху былъ пѣгой собакой императора Ди-ку, то происхожденіе ея можетъ быть объяснено смѣшеніемъ культовъ. Съ одной стороны, дисцы нѣкоторыхъ родовъ вели свое происхожденіе отъ Пань-ху (подобно «хэй-лоло», ведущимъ свое происхожденіе отъ (Бо)-Ма, «бѣлой лошади»), съ другой — тѣ же дисцы съ особеннымъ почтеніемъ относились къ собакѣ, что имѣетъ или тотемическое происхожденіе или указываетъ на то, что нѣкогда собака въ ихъ жизни играла видную роль.

Но когда же это было? Безъ сомнѣнія тогда, когда дисцы жили еще въ своей прародинѣ, о которой преданіе (Авеста) гласитъ, что тамъ десять мѣсяцевъ въ году была зима. Отсюда, изъ этой субъ-полярной области (а не съ Памира), дисцы, подобно древнимъ иранцамъ, вынесли и ту привязанность къ собакѣ, которая впослѣдствіи обратилась въ культъ. Замѣчательно также, что дисцы приносили въ жертву Пань-ху рыбу.

О значеніи собаки въ обиходѣ древняго иранца легко заключить изъ нижеслѣдующихъ словъ Авесты: «вселенная держится разумомъ собаки». У дисцевъ собака цѣнилась настолько высоко, что сынъ, убившій въ ссорѣ отца, получалъ отъ матери прощеніе, если приводилъ ей собаку.

Собаки, цѣнившіяся дисцами столь высоко, были большіе псы (Ивановскій, op. cit., I, стр. 39), очевидно, предки знаменитыхъ тибетскихъ густошерстыхъ бульдоговъ, краткія описанія коихъ можно найти у Брэма, графа Сечени (op. cit., стр. CLI), Потанина («Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія», стр. 241) и другихъ путешественниковъ. Эти бульдоги подходятъ ближе всего, по сложенію и росту, къ неменѣе знаменитымъ с.-бернардскимъ собакамъ и ирландскимъ меделянамъ. Не представляется поэтому невѣроятнымъ, что ихъ привели въ провинцію Камъ и Сычуань (на плоскогоріи Тибета ихъ нѣтъ) дисцы.

потезы о смѣшанномъ происхожденіи ухуаньцевъ, если бы не имѣлось китайскихъ свидѣтельствъ въ томъ, во первыхъ, что *динлины составляли лишь одинъ изъ отдѣловъ «дунъ-ху»* [1]) и, во вторыхъ, въ томъ, что *среди тунгусовъ много вѣковъ спустя существовали еще бѣлокурые люди. Они выдѣлялись своей бѣшенной храбростью* (grimmigen Tapferkeit) и обыкновенно составляли *аванардъ* киданьской арміи [2]).

Да и понынѣ еще тунгусы [3]) въ своемъ характерѣ сохранили много дискихъ чертъ. Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ можно назвать «дворянами среди инородцевъ Сибири» [4]), и Миддендорфъ вполнѣ согласился съ вѣрностью подобнаго заключенія. Онъ не можетъ достаточно нахвалиться ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью, ихъ, наконецъ, рыцарскими особенностями характера. Впрочемъ, подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ безъ исключенія. «*Мужествомъ* и человѣчествомъ и смысломъ, писалъ 175 лѣтъ тому назадъ Ганстенъ [5]), тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ». Штраленбергъ отзывался о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изъ всѣхъ народовъ Сибири тунгусы выдѣляются своей силой, ловкостью и наиболѣе *высокимъ ростомъ: они очень напоминаютъ итальянцевъ;* вмѣстѣ съ симъ это единственный въ Сибири народъ, который и въ наши дни (писалось въ 1730 г.) *удержалъ у себя обычай татуировки* [6]). Тунгусы

Чэ-су.
Съ китайскаго рисунка прошлаго вѣка.

[1]) Klaproth — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 111.

[2]) Schott, op. cit., стр. 444.

[3]) Сами себя тунгусы называютъ или «бо-ѣ», «бо-я», что значитъ «человѣкъ», или «донки» (дунъ-хо) — люди. Близкое къ тунгусамъ племя — орочоны называютъ себя öwön, öwönki (аваньки у русскихъ); это, безъ сомнѣнія, «увань» танскихъ временъ (Іакинфъ — «Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи», I, 2, стр. 441).

[4]) Castren — Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849», стр. 250 (цит. по Миддендорфу — «Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири», стр. 702).

[5]) «Записки Гидрографическаго Департамента», IX, стр. 56 (цит. по Миддендорфу — op. cit., стр. 702).

[6]) «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet», etc., стр. 135.

пишетъ Миддендорфъ [1]), это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ альповъ. Они обладаютъ извѣстной выправкой, исполнены приличія, ловки, *предпріимчивы до отваги*, живы, откровенны, *самолюбивы, охотники наряжаться*, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически... Если мы хотимъ продолжать свое сравненіе съ европейскимъ населеніемъ горъ, то мы должны будемъ передвинуться дальше на западъ; только тамъ, пожалуй, можно еще встрѣтиться съ *беззаботной удалью* тунгуса, который, въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтреникъ. *Тунгусъ очень подвиженъ*: не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. *Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванья съ осѣдлостью...* [2]). Нерѣдко онъ строитъ себѣ небольшой постоянный срубъ изъ *отвѣсно поставленныхъ бревенъ*; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда — навсегда.

Вотъ, какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ.

Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіеся тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха... За стрѣльбой послѣдовалъ балъ, причемъ въ средѣ тунгусовъ *разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ*. Сначала образовался маленькій *кружокъ, въ перемежку мужчинъ и женщинъ*, въ томъ числѣ и совершеннныхъ старухъ. *Схватившись за руки*, они начали довольно хитрую пляску, заключавшуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванья, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначала полушубки, а потомъ и мѣховые штаны. Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ мѣста и исчезали въ вихрѣ пляшущихъ. «Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хогюй, хогюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдо, эханьдо! хэрга, хэрга!» и т. п. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда,

---

[1]) «Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири», стр. 704.

[2]) Тоже можно сказать вообще про всѣхъ дисцевъ.

когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляскою послѣдовалъ чай съ *пуншемъ*. Къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣ же самые тунгусы какъ бы преобразились и соблюдали самое сдержанное приличіе... Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи... Рѣчи приняли высокій полетъ. . [1]).

Тунгусы, вообще, *большіе любители кутежей* и заработанныя деньги спускаютъ самымъ легкомысленнымъ образомъ. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда *сильно разряженными*. Но мужчины ни въ чемъ имъ *не уступаютъ*... Въ сравненіи съ суммами, растрачиваемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ, очень умѣренны. При этомъ надо имѣть также въ виду, что *жена входитъ въ домъ мужа не безприданницей*. Нерѣдко даже приданое жены служитъ основнымъ фондомъ, на которомъ строится благосостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаяхъ надѣлять сыновей послѣ женитьбы.

У тунгусовъ, пишетъ князь Дадешкаліани [2]), отецъ — глава и полный господинъ семьи. «Но въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ и жены *совсѣмъ не наблюдается рабской зависимости послѣднихъ*, какъ это мы находимъ у гольдовъ и ороченовъ. Напротивъ, отношенія отца къ членамъ семьи самыя гуманныя, любовныя. Многоженство или сожитіе, кромѣ жены, съ наложницами совершенно неизвѣстны тунгусамъ...[3]). Уплата калыма, вслѣдствіе бѣдности, производится по частямъ и совершается такъ: *женихъ переселяется къ родителямъ невѣсты и половину заработка вноситъ въ ихъ домъ*. Какъ скоро условленная сумма выплочена, молодые отправляются на житье въ домъ родителей мужа... *Отецъ давленія на выборъ дочери никакого не оказываетъ. Она вольна принимать или не принимать предложенія*».

---

[1]) Подобный же характеръ танцевъ наблюдается и у южныхъ дисцевъ. Такъ, у хэй-лоло молодые люди и дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ кругъ и танцуютъ подъ звуки свирѣли (Ивановскій. op. cit., II, стр. 13); у голо родовъ шуй, янъ, линъ, яо и тунъ «мужчины и женщины образуютъ кругъ и, взявшись за рукава, пляшутъ» (ib., стр. 109); у бѣлыхъ лоло «парни и дѣвушки, смѣшанно собравшись, берутся за руки, образуютъ кругъ... и пляшутъ (ib., стр. 9); у племени «ѣ-ланъ» танцоры становились въ кругъ, брались за руки и отбивали ногами тактъ (d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 143), и т. д.

[2]) «Часть Амурской области между рѣками Буреею и Амгунью» въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», XXXII, стр. 278.

[3]) Среди черныхъ лоло господствуетъ моногамія; только глава племени имѣетъ трехъ женъ, а его замѣститель (помощникъ) двухъ (См. Colborne Baber — «Trav. a. Res. in the int. of. Ch.», глава IV).

Вообще, у тунгуса замѣчается такая же любовь къ индивидуальной свободѣ, какъ и у южнаго дисца. *Всѣ ихъ старшины* какъ родовые, такъ и вѣдомственные, *выборныя лица* [1]). «До покоренія тунгусовъ русскими, пишетъ Латкинъ, *между ихъ племенами постоянно происходили раздоры и побоища.* У нихъ и теперь еще сохранились преданія о славныхъ бойцахъ и воителяхъ, къ которымъ обыкновенно примыкали болѣе малочисленныя и небогатыя семьи, и *такимъ образомъ образовались ихъ роды* [2]), такъ что подобный боецъ или воитель составлялъ *ядро*, около котораго *группировались его сородичи и соратники,* тѣмъ болѣе, что такой богатырь почти со всѣми былъ еще и въ кровномъ родствѣ, вступая въ супружество съ дочерьми примкнувшихъ къ нему семьянъ, которые считали за великую для себя честь породниться съ богатыремъ... *Въ старые годы между тунгусами существовала вендета или наслѣдственная месть за кровныя обиды...* Прежде тунгусы отличались мужествомъ, отвагою, ловкостью, добросердечіемъ и правдивостью... Характеръ у нихъ, вообще, *пылкій и легко возбуждающійся;* вмѣстѣ съ тѣмъ тунгусъ безусловно ловкій и неустрашимый охотникъ. Тунгусы *хорошо владѣютъ кузнечнымъ инструментомъ,* даже сами выдѣлываютъ охотничьи винтовки... Лѣтомъ, при рыбной ловлѣ, плаваютъ въ легкихъ берестяныхъ лодкахъ съ плоскимъ дномъ, удобнымъ для переноски на головѣ и весьма неустойчивыхъ для непривычнаго, но тунгусъ не боится въ ней плыть черезъ стремнины и пороги, бойко гребя весломъ. Противъ воды они въ этихъ лодкахъ настолько быстро идутъ, что обгоняютъ тихоходные енисейскіе пароходы... Въ тайгахъ тунгусу всюду дорога... Тунгусы не боятся и медвѣдя; нѣкоторые бьютъ его одинъ на одинъ изъ своихъ небольшихъ винтовокъ; подчасъ же выходятъ на него, имѣя въ рукахъ только пальму (ножъ, прикрѣпленный къ палкѣ)...». У Латкина мы находимъ еще одно интересное указаніе, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ; «*Тунгусы,* говоритъ онъ, *при круговомъ танцѣ, вокругъ воткнутой въ землю палки, припѣваютъ въ тактъ, переступая съ ноги на ногу, — и такъ проводятъ иногда всю ночь*» [3]).

Мы знаемъ уже, что усуни первоначально жили въ южномъ

---

[1]) Кн. Дадешкаліани, ib., стр. 270.

[2]) То же существовало и у ухуаньцевъ. Китайцы пишутъ: «Постоянныхъ прозваній не имѣютъ, а имя сильнаго старшины обращаютъ въ прозваніе» (Іакинфъ, op. cit., I, стр. 152).

[3]) «Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее», стр. 123 и слѣд. О тунгусахъ подробнѣе см. Грумъ-Гржимайло — «Описаніе Амурской области», стр. 361—373.

Алтаѣ [1]); въ южную же Сибирь удалились впослѣдствіи и нѣкоторые роды дисцевъ (дили, динлины). Такимъ образомъ уже a priori слѣдуетъ допустить, что черноволосые аборигены этой страны [2]) (главнымъ образомъ уйгурскія поколѣнія) должны были имѣть значительную примѣсь крови бѣлой расы. Подкрѣпить это предположеніе какими либо историческими свидѣтельствами мы, къ сожалѣнію, не можемъ; но зато мы располагаемъ данными, которыя, въ виду вышеизложеннаго, могутъ считаться весьма цѣнными. Уйгуры, говоритъ намъ исторія, подраздѣлялись на множество независимыхъ другъ отъ друга родовъ [3]), имѣли выборныхъ старшинъ, отличались, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ своей исторической жизни, свободолюбіемъ (что и служило имъ главной помѣхой къ сплоченію въ одно политическое цѣлое) и чрезвычайною храбростью; на ихъ долю выпало играть на сѣверѣ Средней Азіи ту же роль, которую искони играли дисцы на югѣ, съ той лишь разницей, что силами дисцевъ распоряжались черноволосые и короткоголовые китайцы, а ихъ силами «геройствовали» черноволосые и короткоголовые тукіесцы [4]), въ обоихъ случаяхъ представители одной расы — болѣе пассивной и консервативной, съ менѣе развитымъ чувствомъ индивидуальной свободы, но въ то же время проявляющей большую любовь къ родинѣ, а потому и болѣе способной образовать прочный государственный организмъ.

Замѣтимъ еще, что въ свадебныхъ обрядахъ уйгуровъ сохранилось диское вліяніе: сторона жениха отбирала изъ табуна, принадлежавшаго родителямъ невѣсты, лучшихъ лошадей, самъ же женихъ, какъ кажется, нѣкоторое время проводилъ въ домѣ тестя [5]).

---

[1]) См. выше, стр. 95.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что китайскій посолъ Чжанъ-кянь указывалъ на окрестности Дунь-хуана, какъ на первоначальную родину усуньцевъ, гдѣ они жили по сосѣдству съ юэчжи (Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», III, стр. 65). То же извѣстіе находимъ мы и у Успенскаго, который пишетъ: «Въ Ши-цзи (историческія записки) замѣчено весьма коротко и осторожно, что въ области Гуа-чжоу, въ періодъ между Циньской и Ханьской династіями, обиталъ народъ усунь, потомъ юэчжи и, наконецъ, прогнавшіе ихъ гунны...» («Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай» въ «Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», по отд. этнографіи, VI, стр. 107).

[2]) Неолитическій человѣкъ южной Сибири былъ короткоголовымъ.

[3]) Это говорятъ не только китайскіе, но и мусульманскіе историки, а именно: Рашидъ-эд-Динъ, Абуль-Гази и Джувейни (см. Радловъ — «Къ вопросу объ уйгурахъ», стр. 41, 54, 56).

[4]) Іакинфъ - «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 373.

[5]) Іакинфъ, ib., стр. 250.

Среди уйгуровъ было одно поколѣніе, которое носило названіе «сары-уйгуръ», т. е. желтыхъ (а Ремюза пишетъ — желтоголовыхъ, см. выше, стр. 62). Сопоставляя имѣющіяся у насъ

О вымершихъ аринахъ Messerschmidt передаетъ намъ, со словъ

свѣдѣнія объ этихъ желтыхъ уйгурахъ, я прихожу къ тому заключенію, что нѣкогда они жили между Хотаномъ и урочищемъ Гасъ, т. е. въ мѣстности, которую и до настоящаго времени населяетъ племя блондиновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мачинцевъ. Нужно полагать, что магометантство введено было у нихъ насильно, такъ какъ при этомъ часть народа, пожелавшая сохранить свою древнюю религію, должна была выселиться на востокъ «неизвѣстно куда» (Пржевальскій — «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 430). Если бы намъ удалось доказать, что нынѣшніе мачинцы потомки сары-уйгуровъ, то не представлялось бы затрудненій отыскать и ихъ восточную вѣтвь въ лицѣ шира-ёгуровъ, населяющихъ нынѣ Нань-шань.

Откуда явилось это названіе «мачинъ»? Сами мачинцы того мнѣнія, что коренное названіе ихъ племени было «ма», что явились они въ Кэрійскія горы изъ Индіи (?) и только по смѣшеніи съ китайцами (чинъ) получили названіе мачинъ.

Не отрицая былого вліянія Индіи на восточно-туркестанскую культуру, а также возможность и даже вѣроятность такихъ переселеній, я все же не думаю, чтобы «ма» были выходцами изъ Индіи. И это потому, что до своего обращенія въ мусульманство «ма» были не буддистами, а шаманистами. Это видно изъ обрядовъ и суевѣрій, подмѣченныхъ у нихъ Пржевальскимъ: Болѣзнь они приписываютъ злому духу; изгоняя его, они... громко кричатъ, бьютъ въ бубенъ и, вообще, стараются производить какъ можно болѣе шума... Послѣ чьей-либо смерти, близкіе родственники покойнаго живутъ 40 дней на могилѣ... Они молятся ему (т. е. духу покойнаго) и приносятъ на могилу лепешки (т. е. приносятъ этому духу жертвы)... Они до сихъ поръ еще не перестали вѣрить въ колдовство и помнятъ, что нѣкогда поклонялись огню и имѣли идоловъ...

Что касается до племеннаго названія «ма», то намъ извѣстно, что оно принадлежало многимъ дискимъ родамъ (бо-ма, ма, ма-нао и т. д.); нѣтъ ничего поэтому невозможнаго и въ томъ, что одинъ изъ такихъ родовъ оказался включеннымъ въ составъ уйгурскаго племени.

Что мачинцы сохранили еще и до сихъ поръ много чертъ дискаго характера, видно изъ слѣдующаго: Пѣсни, музыка и танцы, говоритъ Пржевальскій, составляютъ любимѣйшія утѣхи мачинцевъ. Казаки Пржевальскаго характеризовали ихъ такъ: «счастіе, что этотъ народъ не знаетъ водки, а то бы совсѣмъ съ пути сбился». При своей склонности къ разгульной жизни, мачинцы весьма любятъ ходить другъ къ другу въ гости и устраивать общія веселья. Даже на работу они не забываютъ брать музыкальные инструменты.. Ихъ характерную черту составляетъ любовь какъ къ дѣтямъ, такъ и, вообще, родственниковъ между собою. При нуждѣ они всегда готовы помочь другъ другу. Разводъ у нихъ совершенно свободенъ; рѣдкая женщина не мѣняла нѣсколько разъ мужей. Вступаютъ въ бракъ даже съ близкими родственниками, но многоженства у нихъ, за рѣдкими исключеніями, не существуетъ. Пржевальскій далѣе пишетъ, что мачинцы трусливы, лживы, развратны (въ чемъ, однако, могъ бы выражаться этотъ развратъ?) и, вообще, надѣлены всевозможными пороками... Но это указывало бы лишь на то, что народъ этотъ, смѣшавшись со всевозможными тюркскими и монгольскими элементами, регрессировалъ и потерялъ самыя привлекательныя черты своего характера... Что касается наружнаго типа мачинцевъ, то въ немъ ясно видна смѣсь монгольской расы съ кавказской (у Пржевальскаго — съ арійской), съ преобладаніемъ, однако, послѣдней надъ первою. По словесному заявленію Роборовскаго, ему доводилось видѣть среди мачинцевъ субъектовъ (дѣтей), имѣвшихъ совершенно бѣлокурые волосы и голубые глаза.

Достойно вниманія, что шира-ёгуры подраздѣляются на роды: па-га-*ма-джа*, у-га-*ма-джа* сы-га-*ма-джа*, ши-и-га-*ма-джа*, ши-у-га-*ма-джа*; если отбросить китайскія числовыя приставки — па-га, у-га, сы-га, ши-и-га и ши-у-га, то останется для всего народа наименованіе *ма-джа*, весьма близкое къ *ма-чинъ*. Потанинъ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія о подраздѣленіи шира-ёгуровъ, говоритъ, что хотя ёгуры и помнятъ, что они въ Нань-шанѣ пришлый народъ, но уже забыли откуда («Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», I, стр. 442). Среди хара-ёгуровъ удержалось наименованіе костей «(р)комджюкъ» (Кемчикъ?), «қырхысъ», «уйратъ», что указываетъ на Алтай, какъ на ихъ прародину. О сары-уйгурахъ къ востоку отъ Хотана исторія упоминаетъ впервые въ исходѣ XI вѣка.

Къ книгѣ Потанина приложена фототипія, изображающая хара-ёгура. Черты лица этого хара-ёгура носятъ ясные слѣды кавказскаго типа (глаза, носъ, губы, отчасти — лобъ).

туземцевъ, что они отличались необыкновенной отвагой. Въ ихъ обычаяхъ сохранилось еще кое-что общее съ ухуаньцами; такъ,

---

О племени «ма-чинъ» мы читаемъ у Herbelot («Bibliothèque Orientale», стр. 677): «Les Muselmans disent, que tous les biens nous sont venus par les descendans de Sém et tous les maux par ceux de Japhet, du quel sont venus les Jagiouges et Magiouges, qui sont Gog et Magog, *Tchin* et *Matchin...*, peuples qui habitent les vastes campagnes, nommées Kipchak». Абульгази также пишетъ о «чинахъ»: «Ежегодно Огузъ-ханъ воевалъ съ народами, жившими въ Монголіи, побѣждалъ ихъ и впослѣдствіи покорилъ ихъ всѣхъ. Спасшіеся бѣгствомъ нашли защиту у хана татарскаго, а татары обитали тогда близъ Чюрчита, большой страны, гдѣ было много городовъ и деревень и которая лежала къ сѣверу отъ Китая. Эту страну индійцы и таджики называютъ *Чинъ*» (Радловъ — «Къ вопросу объ уйгурахъ», стр. 47).

Еще раньше, а именно до Р. Хр., индусы (законы Ману) и самый Китай называли Чинъ и Маха (большой) Чинъ, названіе, которое могло возникнуть въ ту эпоху, когда страна эта находилась подъ Чжоу'ской династіей. Монголы же подъ именемъ Чинъ и Мачинъ разумѣли южный (маньскій) Китай. (См. Березинъ — «Исторія монголовъ Рашидъ-эд-Дина» въ «Зап. Имп. Археол. Общ.», XIV, стр. 31, 51, 102, 114, 146 и 236). Наконецъ, горныя племена (бѣлой расы), населяющія верхнюю Бирму и до нашихъ дней, удержали наименованіе «чинъ» и «качинъ». Однимъ словомъ, мы видимъ, что племенныя названія чинъ и ма-чинъ охватываютъ огромное пространство, которое нѣкогда занимали народы несомнѣнно дискаго происхожденія.

Если мы, однако, признаемъ, что между сибирскими мачинцами и мачинцами Кэрійскихъ горъ существуетъ не только сходство племенныхъ прозваній, но и племенное сродство, то неминуемо должны будемъ придти и къ другому, чрезвычайно важному заключенію, а именно, что древніе уйгуры были народомъ смѣшаннаго происхожденія, притомъ съ преобладаніемъ дискаго элемента, и что сами себя они называли не уйгурами, а мачинцами или ма-джа.

Принимая эту гипотезу, мы не затруднимся разъяснить себѣ и свидѣтельства европейскихъ историковъ о существованіи σαράγουροι, ὀνόγουροι, κοτρίγουροι, ουτίγουροι, наконецъ, οὖγουροι и другихъ одноименныхъ племенъ на тѣхъ именно мѣстахъ, которыя впослѣдствіи стали извѣстны подъ названіемъ Onogoria, Угорской Руси, Югры. Припомнимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ башкиры, вотяки, пермяки, зыряне и обскіе остяки были по преимуществу рыжеволосыми и голубоглазыми (Strahlenberg — «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet», etc., стр. 165; Müller — «Sammlung Russischer Geschichte», III, стр. 315). *Дисцы смѣшались здѣсь съ черноволосыми финнами* (Многіе, и въ ихъ числѣ Кастренъ, высказывали мнѣніе, что рыжій цвѣтъ волосъ присущъ преимущественно финнамъ. Это невѣрно. Предки финновъ были, повидимому, черноволосой, коротконоловой расой (лопари, вогулы, черемисы, пермскіе и уфимскіе мещеряки, т. е. наименѣе смѣшанныя финскія племена — черноволосые), смѣшавшейся съ дисцами на юго-востокѣ и бѣлокурыми скандинавами на сѣверо-западѣ. Вѣроятно, первоначальный цвѣтъ волосъ у длинноголовой расы былъ золотистый, который впослѣдствіи далъ разности: бѣлобрысую (albicomus) и рыжую. Ausonius пишетъ, что шведская дѣвушка имѣетъ голубые глаза и золотистые волосы; Lucanus также пишетъ — «flavi suevi»; далѣе мы имѣемъ нижеслѣдующія свидѣтельства: Claudianus — «flavi sicambri»; Martialis — «flavorum genus Usipiorum», etc., древніе бритты имѣли также золотистые волосы (Lucanus); но германцы были рыжеволосыми. Tacitus пишетъ: «truces et caerulei oculi, rutilae comae, magna corpora»; Calpurnus Flaccus: «rutili sunt Germanorum voltus et flavi proceritas». Рыжеволосыми же были кельты (Dio Cassius), галлы (Ammianus Marcellinus), каледонцы (Tacitus); нѣкоторые изъ перечисленныхъ рыжеволосыхъ племенъ имѣли сѣрые глаза и прямые волосы — доказательство метисаціи; послѣднее Vitruvius подмѣтилъ и у бриттовъ. Среди бельгійцевъ попадались индивидуумы какъ съ золотистыми, такъ и рыжими волосами. Къ совершенно бѣлокурымъ расамъ принадлежали, какъ кажется, готы) *подобно тому, какъ восточные они смѣшались съ тюрками, въ обоихъ случаяхъ образовавъ различныя этническія группы, бывшія, однако, извѣстными подъ общимъ племеннымъ ихъ прозваніемъ.*

Эта гипотеза съ достаточной полнотой разъясняетъ также, почему венгры (угры, Ungarn) называютъ себя мадьярами (маджарами, Magyar), подобно тому, какъ и наньшанскіе шира-ёгуры — маджа: ма-чинъ, ма-джа(р) — ихъ собственное прозваніе; уйгурами же ихъ называли тюрки и

напримѣръ, ссылка преступниковъ [1]). Извѣстно также, что арины и котты оказали наиболѣе энергичное сопротивленіе русскимъ и въ союзѣ съ киргизами нападали даже на Красноярскій острогъ.

Обскіе остяки передавали Messerschmidt'у, что ихъ страну нѣкогда населялъ воинственный народъ, управлявшійся старшинами и имѣвшій особое письмо [2]). Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, о пѣгой ордѣ, остатки которой въ ту эпоху (1721 г.) еще сохранялись кое-гдѣ въ Нарымскомъ краѣ [3]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что какъ сѣверные, такъ и южные дисцы отличались одними и тѣми же чертами своего племеннаго характера: горячимъ темпераментомъ, презрѣніемъ къ смерти, рѣшительностью и необыкновенной отвагой; это были воины по натурѣ, по призванію: они вступали въ борьбу ради самой борьбы и, дорожа своей индивидуальной свободой, не выносили подчиненія, въ какой бы формѣ послѣднее не проявлялось. Будучи подвижными, энергичными, дѣятельными и въ тоже время не отличаясь большою привязанностью къ родинѣ, они покидали послѣднюю, когда условія жизни въ ней измѣнялись, и расходились все дальше въ поискахъ странъ, гдѣ ихъ соціальная жизнь, въ формѣ мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла имѣть еще мѣсто. Гдѣ бы, однако, дисцы не жили, ихъ главными и излюбленными промыслами всегда были охота и рыбная ловля, которыя вполнѣ удовлетворяли ихъ бродячимъ наклонностямъ, ихъ предпріимчивой натурѣ, въ высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были

монголы. У послѣднихъ и донынѣ существуетъ слово «уйгуръ» для обозначенія «чужестранца» (Schmidt — «Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens», стр. 95).

Среди камасинцевъ имѣется поколѣніе «мадоръ»; можетъ быть это наименованіе должно быть поставлено въ связь съ «ма-джа»; Klaproth («Asia Polyglotta», стр. 153) приводитъ для него еще и другое названіе — мади (mati = ма-ди); но Müller («Sammlung Russischer Geschichte», VI, стр. 553) утверждаетъ, что «мади» былъ отдѣльный родъ среди енисейскихъ татаръ; о нихъ онъ выражается такъ: «Sie müssen ein besonderes Geschlecht eines anderen Volks gewesen sein». Поколѣніе же маттаръ имѣется и у сойотовъ (Klaproth, op. cit., стр. 148—149).

[1]) Klaproth — «Asia polyglotta», стр. 167—168. См. также Strahlenberg — «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das gantze Russiche Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet», etc., 1730, стр. 86.

[2]) Klaproth — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 170; «Asia Polyglotta», стр. 193.

Они сообщили также Штраленбергу, что и литые изъ металла идолы остались имъ въ наслѣдіе отъ этого народа (op. cit., стр. 313). Ср. Müller — «Sammlung Russischer Geschichte», VI, стр. 161, 162.

[3]) Klaproth — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 126. То, что Штраленбергъ (op. cit., стр. 166) пишетъ о встрѣченныхъ имъ индивидуумахъ этого племени, свидѣтельствуетъ только, что у русскихъ подъ именемъ «пестрыхъ» былъ извѣстенъ не отдѣльный народъ, а метисы рыжеволосыхъ, съ тонкой бѣлой кожей, и смуглыхъ черноволосыхъ.

деспотами ни въ семьѣ, ни въ кругу своихъ рабовъ [1]) и подчиненныхъ. Въ силу этихъ расовыхъ особенностей своего характера, а также отсутствію въ ихъ натурѣ похотливости, дисцы являются въ Азіи единственнымъ народомъ, у котораго моногамія составляла первичную и основную форму брака. Но будучи бродячимъ народомъ, дисцы легко воспринимали и элементы культуры: китайцы даютъ намъ на этотъ счетъ множество доказательствъ. Воспріимчивые, легко возбуждающіеся, дисцы искали общества. Ихъ собранія, отличавшіяся рѣдкимъ весельемъ, сопровождались музыкой и пляской. Про нихъ китайцы писали, что «они умѣли весело пить вино», не дѣлаясь мрачными пьяницами, подобно своимъ сосѣдямъ— чернымъ короткоголовымъ. Ихъ любовь къ дѣтямъ и родственникамъ поражала китайцевъ. Они всегда были готовы помочь своимъ одноаульцамъ или односельчанамъ, и эта характерная ихъ черта всецѣло удержалась и у ихъ потомковъ: про сойотовъ, напримѣръ пишутъ [2]), что нѣкоторыя ихъ работы имѣютъ общественный характеръ. Вообще, на дисцахъ вполнѣ оправдывается та общая характеристика бѣлокурой расы, которую даетъ намъ Лапужъ.

Длинноголовые блондины, говоритъ онъ [3]), не были способны къ систематическому труду и бережливости; поэтому, не смотря на то, что имъ нельзя отказать въ извѣстной иниціативѣ, ихъ техническое развитіе все же стояло бы у нихъ всегда на низкой ступени, такъ какъ для новыхъ открытій необходимъ прежде всего запасъ знаній, орудій и матеріаловъ, могущихъ послужить исходной точкой для новыхъ идей, а ихъ-то они и не въ состояніи были бы накопить; вотъ почему также у нихъ не могло бы возникнуть и болѣе сложныхъ общественныхъ установленій. Они жили бы исключительно грабежомъ и охотой и вели бы бродячій образъ жизни, столь, впрочемъ, свойственный ихъ натурѣ. Для нихъ отечествомъ была вся вселенная. Будучи предпріимчивыми, они рѣшались на все и вступали въ борьбу изъ любви къ ней, а не изъ расчета на прибыль. Умственный ихъ кругозоръ былъ очень широкъ, ихъ пожеланія и помыслы — смѣлы, поступки же соотвѣтствовали послѣднимъ. Прогрессъ — у нихъ врожденная страсть (оттого то они такъ и переимчивы). Они требовали уваженія къ индивидуальной свободѣ и скорѣе старались сами возвыситься,

---

[1]) Colb. Baber — «Trav. a. Res. in the int. of China», глава IV.

[2]) Веселковъ. См. Семеновъ и Потанинъ — «Дополненія» къ III тому «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера, стр. 667.

[3]) Цит. по Крживицкому «Антропологія», стр. 320 и слѣд.

чѣмъ унизить другихъ. Вообще же, въ смѣшанномъ обществѣ они были активнымъ началомъ. Во времена феодолизма свѣтловолосые длинноголовые составляли дворянство, а художественные памятники Египта, Ассиріи и Халдеи доказываютъ, что высокорослый блондинъ и тамъ выступалъ въ качествѣ героя; типъ Ахиллесовъ и Агамемноновъ сохранился еще среди блондиновъ Скандинавскаго полуострова, да и римскіе патриціи имѣли то же происхожденіе... До завоеванія Галліи римлянами, говоритъ Лапужъ далѣе, въ ней насчитывалось около 5—6 милліоновъ населенія, короткоголовыхъ и блондиновъ. Чуть-ли не милліонъ погибъ въ войнахъ съ Цезаремъ и столько же продано было въ рабство. Мертвыми въ этой борьбѣ пали преимущественно энергичные блондины, поэтому послѣ пораженія Верцингеторикса Галлія становится самой трудолюбивой, но зато и самой раболѣпной римской провинціей. Искра возстанія вспыхнула лишь на сѣверѣ, гдѣ свѣтловолосые элементы были болѣе многочисленны. Такое положеніе вещей продолжалось нѣсколько столѣтій; возрастало богатство, но не слава. Постепенно однако, сначала въ качествѣ союзниковъ, затѣмъ въ качествѣ побѣдителей, длинноголовые проникаютъ въ страну въ V и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страна оживаетъ. Нѣсколькихъ сотъ тысячъ новыхъ пришельцевъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы раболѣпствующее населеніе въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ настроилось на воинственный ладъ. Засимъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свѣтловолосые великаны разсѣивались отсюда по сосѣднимъ странамъ (крестовые походы, экспедиціи и войны феодаловъ). Въ позднѣйшемъ періодѣ эти элементы основывали колоніи, принимали участіе въ движеніяхъ реформаціи. Но всѣ эти походы, борьба за идею, движенія крестоносцевъ, инквизиція, отмѣна нантскаго эдикта уничтожили самые энергичные длинноголовые элементы, и когда они гибли, короткоголовый берегъ свои силы и побѣждалъ при помощи пассивнаго выжиданія. Великая французская революція, во главѣ которой по преимуществу стояли блондины, лишь узаконила антропологическій фактъ — побѣды болѣе многочисленныхъ короткоголовыхъ надъ длинноголовыми блондинами. Наконецъ, современное политическое ничтожество Франціи является послѣдствіемъ господства короткоголовыхъ.

Къ этимъ выводамъ Лапужа большинство относится съ сомнѣніемъ. Дѣйствительно, они основаны на непровѣренномъ матеріалѣ. Но въ главныхъ чертахъ они безусловно вѣрны, и вся исторія дисцевъ служитъ тому доказательствомъ.

Въ силу вышеизложенныхъ причинъ численность бѣлокурыхъ можетъ возрастать лишь весьма медленно. Въ случаѣ же ихъ смѣшенія съ короткоголовыми идти даже быстро на убыль, такъ какъ метисы даютъ большій процентъ въ пользу послѣдняго типа. Именно, такая судьба постигла какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ дисцевъ.

Уже китайцы замѣтили, что у хагясовъ мужчинъ меньше, нежели женщинъ [1]), и что тоже явленіе обнаруживается и у южныхъ дисцевъ, напримѣръ, у лао [2]), ло-манеѣ [3]) и рыжеволосыхъ ѣ-женей [4]); а позднѣе о тѣхъ же хагясахъ Абульгази писалъ, что *настоящихъ киргизъ* [5]) *осталось уже немного, но что ихъ имя въ его время* [6]) *стали принимать тѣ монголы (тюрки), которые переселились въ бывшія киргизскія земли* [7]). Нынѣ же къ сѣверу отъ Гобійской пустыни нѣтъ уже ни одного рыжеволосаго племени: дисцы частью погибли здѣсь вовзаимной борьбѣ, частью въ войнахъ съ короткоголовыми, частью же слились съ этими послѣдними, образовавъ нѣсколько смѣшанныхъ народностей, отличающихся болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ остальныя монголоподобныя племена; таковы казаки, сойоты, кость мэркытъ у торгоутовъ и т. д.

Насколько возможно судить теперь по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ извѣстіямъ о религіи дисцевъ, мы должны думать, что у нихъ одновременно существовали всѣ три стадіи религіознаго мышленія, а именно — поклоненіе природѣ (тотемизмъ), шаманизмъ и, наконецъ, поклоненіе предкамъ, не развившееся въ антропоморфизмъ, можетъ быть, благодаря лишь тому обстоятельству, что дикой общинѣ были въ то время чужды монархическіе принципы. Припомнимъ, что у однихъ дисцевъ существовалъ культъ Пань-ху, въ которомъ болѣе древній тотемизмъ (культъ собаки) слился съ культомъ предка, у другихъ культъ лошади съ культомъ предка (Ма), что цоньскіе мани [8]), «ло-у» [9]) и «мосѣ» [10])

---

[1]) Іакинфъ — «Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи», I, 2, стр. 443; Klaproth «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 88.

[2]) Ивановскій, op. cit., I, стр. 54.

[3]) Marquis d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 202.

[4]) Ивановскій, op. cit., II, стр. 84.

[5]) Что Абульгази не считалъ киргизовъ тюрками, видно также и изъ слѣдующаго мѣста его исторіи: «Положительно неизвѣстно ни происхожденіе этого народа, ни е о сродство съ другими народами» (Klaproth — «Mémoires relatifs à l'Asie», I, стр. 161).

[6]) Абульгази родился въ 1605 г.

[7]) Klaproth, op. cit., стр. 161.

[8]) Ивановскій, op. cit., II, стр. 4.

[9]) Ивановскій, ib., стр. 24.

[10]) Ивановскій, ib., стр. 44.

(mosso) поклонялись небу, «хэй-лоло» [1]) — звѣздамъ, «бэ» [2]) — духамъ горъ и деревьевъ, ухуаньцы [3]) — небу, землѣ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, и т. д. Шаманы (даси, банма) играли у нихъ видную роль и обыкновенно призывались къ больному для изгнанія изъ его тѣла злого духа. Но уже въ ту эпоху, въ которую застаетъ дисцевъ исторія, основой ихъ религіозныхъ воззрѣній былъ культъ предковъ и героевъ [4]), культъ, который за время господства въ Китаѣ Чжоу'ской династіи получилъ полныя права гражданства и въ этой странѣ (даосизмъ, конфуціанство). Насколько у дисцевъ всѣ общественныя установленія были связаны съ поклоненіемъ предкамъ, видно хотя бы изъ того, что новобрачная, вступая въ домъ своего мужа, приносила жертву его предкамъ [5]) — обычай, который и до сихъ поръ удержался въ Китаѣ.

У дисцевъ не было настоящаго идолопоклонства; но они приносили жертвы изображеніямъ своихъ предковъ. Мысль ставить на могилахъ статуи явилась, конечно, у дисцевъ въ позднѣйшее время. Она возникла изъ предположенія, что духъ умершаго нѣкоторое время витаетъ надъ трупомъ. Для того, чтобы дать ему пріютъ, первоначально втыкались въ могилу сосновыя (?) вѣтви [6]), замѣнившіяся затѣмъ деревомъ и камнемъ, которымъ стали придавать человѣческую форму. Можетъ быть, однако, этой второй стадіи въ развитіи идолопоклонства предшествовалъ обычай ставить надъ могилой чучело покойнаго. Китайцы сообщаютъ, что у «лао» сохранился обычай сдирать у убитаго (умершаго?) человѣка, обладающаго густой бородой и бакенбардами, кожу съ лица, натягивать ее на бамбукъ и поклоняться такому чучелѣ какъ своему предку (демону, гую). Ему приносятся жертвы съ барабаннымъ боемъ и плясками, причемъ ничто не жалѣется; неимущіе продаютъ себя даже въ рабство, чтобы только участвовать въ общемъ жертвоприношеніи [7]).

Вѣроятно, позднѣе статуи замѣнены были писанными изображеніями предковъ; такъ, мы знаемъ, что мяо, имѣвшіе общія могилы, покрывали стѣны «зала предковъ» ихъ изображе-

---

[1]) Ивановскій, ib., стр. 11.

[2]) Ивановскій, ib., стр, 31.

[3]) Іакинфъ, op. cit., I, стр. 154.

[4]) Такъ, напримѣръ, про ухуаньцевъ говорится, что они поклонялись духамъ умершихъ старшинъ, прославившихся своими подвигами (Іакинфъ, ib.).

[5]) Ивановскій, op. cit, II, стр. 13.

[6]) Этотъ обычай еще сохранился у мяо-лоло (Ивановскій, op. cit., II, стр. 16).

[7]) Ивановскій, op. cit., I, стр. 39; d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 108.

ніями [1]). Въ этой стадіи культъ предковъ или гуевъ перешелъ и къ китайцамъ, которые *стали по традиціи изображать ихъ рыжеволосыми*, причемъ, однако, въ ихъ представленіи гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами — демонами. Это единственно возможное объясненіе того факта, что китайцы рисуютъ гуевъ рыжеволосыми.

И такъ, мы теперь можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: кто служилъ оригиналомъ портрету, нарисованному на стѣнѣ нань-гучэнской кумирни и долженствовавшему изображать князя ада — Янъ-вана? Это былъ «ди», но «ди» — метисъ, въ крови котораго уже текла кровь монгола.

Сохранились указанія, что уже во времена Чжоу'ской династіи китайцы имѣли обыкновеніе рисовать портреты чужеземныхъ пословъ и что тотъ же обычай удержался и въ послѣдующія времена; такъ, китайцы, напримѣръ, пишутъ: «Министръ Дэ-юй представилъ... такъ какъ хагясы открыли свободное сообщеніе съ Серединнымъ государствомъ, то надобно написать портретъ ихъ государя для показа будущимъ вѣкамъ» [2]). «Янь-ши-гу представилъ докладъ, въ которомъ просилъ дозволенія по примѣру Чжоу'скихъ исторіографовъ, во времена Ву-вана составившихъ Ванъ-хуй-бянь, составить Ванъ-хуй-ту, гдѣ были бы нарисованы и описаны одежда и убранство инородцевъ (маней)...» [3]) и т. д. [4]). Болѣе систематическую работу въ этомъ направленіи предпринялъ императоръ Цянь-лунъ, по приказанію котораго былъ составленъ замѣчательный трудъ, озаглавленный Хуанъ-цзинъ-чжэ-гунъ-ту и представлявшій иллюстрированное описаніе инородцевъ Китая. Такіе альбомы могли, безъ сомнѣнія, служить прекраснымъ источникомъ для заимствованія и, надо думать, что и нань-гучэнскій художникъ имѣлъ одинъ изъ нихъ подъ руками, когда писалъ Янъ-вана и гуевъ.

Несравненно труднѣе опредѣлить, къ какому изъ дискихъ племенъ принадлежали оригиналы, съ которыхъ рисовали эти портреты.

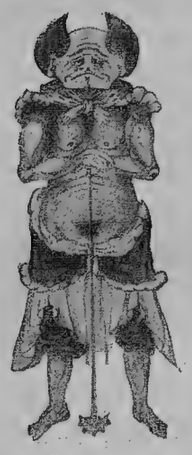
Если сравнить одѣяніе гуевъ и какого-нибудь «мяо-лоло» прошлаго столѣтія, то оно окажется почти тождественнымъ. Но того же нельзя сказать про прическу, которая у гуевъ весьма

---

[1]) Ивановскій, op. cit., II, стр. 97.
[2]) Іакинфъ — «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, 2, стр. 451.
[3]) Ивановскій, op. cit., I, стр. 59.
[4]) См., напримѣръ, marquis d'Hervey de Saint-Denys, op. cit., II, стр. 282 и 343.

своеобразна: волоса съ висковъ зачесаны у нихъ кверху, темя же, сплющенное въ гребень, выбрито.

Обычай придавать черепамъ особую форму среди дисцевъ, повидимому, не былъ распространенъ; онъ практиковался лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Восточнаго Туркестана, первоначально населеннаго также одними лишь племенами бѣлой расы. Такъ, Сюань-цзанъ говоритъ, напримѣръ, о жителяхъ владѣнія Цзѣ-ша: Они имѣютъ «наружность пошлую и неблагородную. Зрачки у нихъ зеленые. Тѣло раскрашиваютъ. Новорожденнымъ въ обычаѣ приплющивать голову» [1]). О Кучѣ онъ пишетъ также, что тамъ, «когда родится ребенокъ, ему сплющиваютъ голову, придавливая дощечками», взрослые же стригутъ волосы въ плотную [2]). Обычай брить голову распространенъ былъ и у уханьцевъ [3]). Но, вообще, этотъ обычай дисцы могли заимствовать и у того народа, съ которымъ смѣшались, такъ какъ въ шоу-гуяхъ, ясно замѣтна значительная примѣсь чуждой крови: отсутствіе растительности на лицѣ, широкій подбородокъ у одного изъ гуевъ, выдающіяся скулы — все это свидѣтельствуетъ, что передъ нами метисы, удержавшіе весьма мало дискихъ чертъ. Въ той же нань-гучэнской кумирнѣ я замѣтилъ черноволосаго пигмея іо-чжэна, одѣтаго точь въ точь, какъ шоу-гуи, но представляющаго каррикатуру на человѣка: широкое, плоское, безволосое лицо, вмѣсто носа — двѣ дырки, выдающіяся надбровныя дуги, огромный ротъ и необыкновенной ширины подбородокъ, все это такія черты, которыя должны были измѣнить дискій типъ именно въ томъ направленіи, которое обнаруживается у нань-гучэнскихъ рыжеволосыхъ шоу-гуевъ. Но что же это была за человѣческая раса? Вѣроятнѣе всего, что это каррикатурное изображеніе негритоса, подобно тому какъ шоу-гуи — каррикакура на представителей какого-либо смѣшаннаго племени.



Іо-чжэнъ.

Тогда какъ шоу-гуи — портреты людей, выхваченныхъ изъ народа, оригиналъ Янъ-вана былъ, вѣроятно, дѣйствительно, старшиной племени: вотъ почему онъ и удержалъ болѣе дискихъ чертъ:

---

[1]) «Mémoires sur les Contrées Occidentales» par Hiouen-Thsang, trad. du Chinois par St. Julien, II, стр. 219—220; Григорьевъ — «Восточный Туркестанъ», стр. 144.

[2]) Ib., I, стр. 3—4.

[3]) Іакинфъ, op. cit., I, стр. 153.

большой ростъ, рыжіе густые усы и бороду, крупный носъ и т. д. Выбритое темя онъ покрывалъ оригинальной шапочкой, украшенной ушами (не была эта шапочка изъ шкуры, снятой съ головы какой-либо кошки?) и (вѣроятно) глазками павлиныхъ перьевъ; его верхнее платье — длинный халатъ съ воротникомъ, собранный на груди и подпоясанный кушакомъ съ металлическими бляхами, сдѣланное изъ шелковой матеріи, не носило никакихъ украшеній; наконецъ, на рисункѣ видны штаны и высокіе съ узкими и загнутыми носками сапоги, какіе были въ употребленіи только у горцевъ [1]). Сходное одѣяніе, можетъ быть, мы и теперь могли бы найти у инородцевъ южнаго Китая.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить изслѣдованіе вопроса о томъ, въ силу какихъ причинъ китайцы рисуютъ своихъ гуевъ рыжеволосыми.

[1]) Подобные сапоги и теперь еще въ употребленіи у сойотовъ. См. Адріановъ — «Путешествіе на Алтай и за Саяны», въ «Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1888, XI, стр. 340.

ГЛАВА IX.

Поперекъ Нань-шаня.

Выступивъ 10 апрѣля изъ Нань-гу-чэна и пройдя первыя двѣ-три версты среди воздѣланныхъ полей, мы стали втягиваться въ горы, которыя, будучи сложены сначала изъ лёсса, затѣмъ изъ свѣтло-красныхъ третичныхъ (ханхайскихъ) глинистыхъ песчаниковъ, имѣли волнистыя очертанія и были одѣты почти сплошнымъ покровомъ прошлогоднихъ травъ, главнымъ же образомъ — кипцомъ. Здѣсь мы встрѣтили въ довольно большомъ числѣ рѣдкую Podoces humilis, Hume [1]), которую наши казаки тотчасъ же окрестили названіемъ птицы-кивача, вслѣдствіе ея обыкновенія поминутно кивать головкой, т. е. клевать землю въ поискахъ личинокъ; дѣло въ томъ, что она не столько роетъ землю ногами, сколько долбитъ ее своимъ большимъ клювомъ. Превосходный охотникъ-наблюдатель, покойный Пржевальскій, также подмѣтилъ эту привычку Podoces humilis долбить клювомъ землю: она дѣлаетъ это, говоритъ онъ, «во всякое время дня, при хожденіи, бѣганіи и непремѣнно послѣ перелета съ одного мѣста на другое» [2]). Далѣе онъ пишетъ: «на лету эта птица пискливо кричитъ». Можетъ быть — подлетыши, да, но взрослая птица кричитъ громко, и Березовскій вполнѣ правильно называетъ этотъ крикъ «звучнымъ свистомъ» [3]). На сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня птица эта встрѣчена нами впервые, и такимъ образомъ предѣлъ ея распространенія передвинулся нѣсколько далѣе къ сѣверу; но она нигдѣ не переходитъ

---

[1]) Первый экземпляръ этой птицы былъ добытъ нами близъ селенія Пинъ-фынъ-ча. См. выше, стр. 240.

[2]) «Монголія и страна тангутовъ», II, стр. 73.

[3]) Березовскій и Бianки — «Птицы ганьсуйскаго путешествія Г. Н. Потанина, 1884—1887», стр. 124.

за предѣлы Куэнъ-луньской системы горныхъ складокъ, въ области же послѣднихъ водится исключительно въ степной зонѣ, даже тамъ, гдѣ человѣкъ успѣлъ уже запахать значительные участки земли.

Въ горахъ дорога шла, придерживаясь дна ложбинъ, но иногда, въ области распространенія глинистаго песчаника, переходила на ихъ склоны, и вотъ тутъ-то, выше дороги, намъ и стали попадаться какъ Podoces humilis, такъ и сифаньскія куропатки (Perdix sifanica, Przew.), разбившіяся уже въ это время на парочки.

Пройдя этими горами шесть верстъ, мы достигли наивысшей точки дороги, съ которой открылся чудный видъ на передовую цѣпь Нань-шаня, огромные гольцы котораго замыкали вплотную красивую падь, въ которой, прямо противъ насъ, расположился своими 20—25 бѣленькими домиками тангутскій монастырь Ма-ти-сы.

Ма-ти-сы извѣстенъ съ прошлаго вѣка. О немъ китайцы писали, что онъ окруженъ каменной стѣной, снабженной двадцатью воротами [1]). Если это описаніе въ свое время было точнымъ, то приходится думать, что подъ одинаковымъ названіемъ китайцами описывался другой какой-либо монастырь [2]), а не тотъ, что былъ у насъ теперь передъ глазами, такъ какъ, частью вытянутый въ длинную улицу, частью разбросавшійся по лѣвому откосу пади, а не собранный, какъ многіе другіе тангутскіе монастыри, въ городокъ, онъ не могъ быть и опоясанъ стѣной; да къ тому же отъ послѣдней, если бы она когда-либо существовала, должны же были бы сохраниться хотя какіе-нибудь слѣды!

Спустившись въ падь и пройдя тополевую рощицу, мы остановились на лужайкѣ, съ которой спугнули пасшееся тамъ стадо домашнихъ яковъ. Мѣсто намъ понравилось, и мы рѣшили простоять у Ма-ти-сы нѣсколько дней.

Исполинскія скалы палеозойскаго песчаника, подымавшіяся прямо на югѣ, были еще частью занесены снѣгомъ, но примыкавшіе къ нимъ и слагавшіе волнистое, степное подгорье Нань-шаня каменноугольные продуктивные песчаники, а затѣмъ буро-

---

[1]) «Deux temples bouddhiques seulement sont mentionnés dans le département de Khan-tcheou; l'un situé à cent trente li au sud du district de Tchang-yay (Чжанъ-ѣ), au pied de la montagne, nommée Khi-lien. Ce temple ou monastère (ssè) se nommait anciennement Ma-thi «le pied de cheval». Il y avait, dans son enceinte, vingt portes en pierre et sept caveaux aussi en pierre toute percée de trous»... (Pauthier — «Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise», I, стр. 168).

[2]) Ср. Потанинъ — «Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», I, стр. 443, который пишетъ о двухъ монастыряхъ Ма-ти-сы, китайскомъ и тангутскомъ.

*

красныя песчанистыя глины и сѣровато-желтые третичные песчаники давно уже, повидимому, освободились отъ него и, одѣтые прошлогодней травой, среди которой, однако, уже кое-гдѣ виднѣлись распустившіеся цвѣты лютиковъ и фіалокъ, представляли такое пастбище, какого давно не имѣли наши сильно отощавшія лошади. Лѣсъ, частью состоявшій только изъ сибирской ели (Picea obovata), частью же смѣшанный (изъ Juniperus, осины, березы, черемухи, рябины съ красными ягодами, облѣпихи и другихъ древесныхъ породъ) виднѣлся во всѣхъ падяхъ, спускавшихся съ Нань-шаня, и вмѣстѣ съ значительными здѣсь кустарными порослями [1]) давалъ пристанище многочисленному птичьему населенію, которое обогатило нашу орнитологическую коллекцію многими интересными и рѣдкими видами [2]); такъ нами были здѣсь добыты: Carpodacus rubicilloides, Przew., C. dubius, Przew., C. pulcherrimus, Hodgs., Emberiza laucocephala, Gmel., Urocynchramus Pylzowi, Przew., Motacilla lugens, Kittl., Parus superciliosus, Przew., Poecile affinis, Przew., Leptopoecile Sophiae, Sew. [3]), Lophobasileus elegans, Przew. [4]), Regulus cristatus japonicus, Bp. [5]), Pratincola maura Przewalskii, Plsk., Chaemorrhornis leucocephala, Vig., Ruticilla frontalis, Vig., R. atrata,

---

[1]) Среди кустарниковъ я замѣтилъ: характерную Caragana jubata и два другихъ вида Caragana, весьма распространенный въ Нань-шанѣ видъ барбариса (Berberis diaphana), шиповникъ, Cotoneaster, жимолость, смородину, таволгу и Potentilla.

[2]) Въ качествѣ кормового растенія надо упомянуть также объ Iris sp., который сплошными насажденіями устилалъ дно пади Ма-ти.

[3]) Всѣ привезенные нами экземпляры этой красивой птички, какъ добытые въ садахъ Ортама, у подошвы Карлыкъ-тага, такъ и въ Нань-шанѣ, принадлежатъ къ типичной формѣ L. Sophiae.

[4]) Пржевальскій сообщаетъ объ этомъ видѣ, что онъ «обитаетъ въ хвойныхъ и, какъ кажется, исключительно еловыхъ лѣсахъ, растущихъ по горамъ бассейна верхней Хуанъ-хэ, въ поясѣ отъ 7.500—11.000 фут. абс. высоты, гдѣ держится въ сообществѣ то Poecile affinis, то, чаще, вмѣстѣ съ Regulus himalayensis». (Цитир. изъ книги Плеске — «Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи». Отдѣлъ зоологическій, II, птицы, вып. 2, стр. 99—100). Это наблюденіе совершенно вѣрно: Lophobasileus elegans найденъ былъ нами въ еловыхъ лѣсахъ по р. Су-юй-хэ и притомъ въ сообществѣ какъ съ Poecile affinis, такъ и Regulus cristatus; впрочемъ по р. Алтынъ-голу мы встрѣтили эту птичку въ иныхъ условіяхъ: она держалась здѣсь въ мелкомъ кустарникѣ, причемъ одновременно ни Poecile affinis, ни Regulus cristatus найдены не были.

[5]) Объ экземплярахъ этой птички, добытыхъ нами въ еловыхъ лѣсахъ по р. Су-юй-хэ, Плеске замѣчаетъ, что они *безспорно* принадлежатъ *японской* разновидности («Die ornithologische Ausbeute der Expedition der Gebrüder G. und M. Grum-Grzimailo nach Central-Asien, 1889—1890», въ «Mélanges biologiques» tirés du «Bull. de l'Acad. Imp. des sciences de St-Pét.», XIII, 2, стр. 287); между тѣмъ о корольках, привезенныхъ изъ провинціи Гань-су Пржевальскимъ, тотъ же авторъ пишетъ: «Экземпляры, собранные Пржевальскимъ въ Гань-су, убѣждаютъ насъ, что мы имѣемъ дѣло не съ японскимъ видоизмѣненіемъ королька, а съ центрально-азіатскимъ var. himalayensis, Blyth.)» («Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи», II, вып. 2, стр. 101). Такимъ образомъ, въ Гань-су мы имѣемъ объ разности R. cristatus, Koch.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Костелъ католич. миссіи въ г. Гань-чжоу-фу.

Монастырь Ма-ти-сы.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмн. Н. Каминскій.

Gmel., R. alaschanica, Przew., R. shisticeps, Hodgs., Merula Kessleri, Przew., M. ruficollis, Pall., Tharrhaleus fulvescens, Sew., Th. rubeculoides, Hodgs., Th. strophiatus, Hodgs., Trochalopterum Elliotti, Verr., Pterorhinus Davidi, Verr., и Junx torquilla, L.; сверхъ того мы неоднократно видѣли подлетающими къ недоступной части скалы, возвышавшейся по сосѣдству съ нашимъ бивуакомъ, парочку крупныхъ соколовъ съ бѣлоснѣжною грудью, можетъ быть, Falco Hendersoni, Hume, но, не смотря на всѣ наши старанія, подстрѣлить ихъ не могли; мы не добыли также черноухаго коршуна, бородача, Falco regulus, Pall., Pica sp., Pyrrhocorax alpinus и уллара (Tetraogallus sp.?), за которымъ братъ тщетно лазилъ на осыпи; наконецъ, мы не могли также розыскать Crossoptilon auritum, Pall., хвостовые перья котораго находили во многихъ мѣстахъ.

Мы охотились, впрочемъ, не только на птицъ, но и на крупныхъ млекопитающихъ. Здѣсь во множествѣ держались кукуяманы (Pseudois nahoor, Hodgs.), но ѣхать за ними приходилось далеко, а затѣмъ съ огромнымъ трудомъ и опасностями карабкаться по обледенѣлымъ скаламъ. Только однажды я засталъ ихъ врасплохъ внизу, верстахъ въ двухъ отъ нашей стоянки.

Дѣло было такъ. Раннимъ утромъ выѣхалъ я въ горы для того, чтобы осмотрѣть каменноугольныя копи и лежащую еще дальше на востокъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ма-ти-сы, долину р. Су-юй-хэ, о которой братъ, посѣтившій ее наканунѣ, разсказывалъ мнѣ, какъ о живописнѣйшемъ уголкѣ вселенной. Оно такъ и оказалось въ дѣйствительности. Рѣчка Су-юй-хэ текла то среди мягкой муравы, то среди дикихъ скалъ, которыя выше смѣнялись сбѣгавшими въ долину луговыми покатостями, по которымъ то тамъ, то сямъ, островками, росли еловыя рощицы. Ель по падямъ спускалась къ самой рѣкѣ, къ вершинамъ же водораздѣльныхъ гребней собиралась въ сплошные лѣса, которые мѣстами взбѣгали и на укрытые снѣгомъ гольцы главнаго кряжа. Эти мрачные гольцы и составляли фонъ контрастной картинѣ, которой лучи солнца, игравшіе въ прозрачныхъ струйкахъ воды и вѣчно зеленой хвоѣ, придавали особую яркость, заставляя забывать, что находишься не въ разгарѣ лѣта, а въ началѣ весны.

Возвращаясь отсюда на бивуакъ, я принялъ одну тропу за другую и заблудился. Я вскорѣ понялъ, что попалъ въ незнакомыя мнѣ мѣста, и хотѣлъ вернуться обратно; но, какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ, задумавъ выиграть время и, взявъ, какъ мнѣ казалось — вѣрное, но болѣе короткое направленіе, еще болѣе запутался въ

лабиринтѣ тропъ, возвышеній и падей. Я взобрался на высокую гору, но съ нея увидѣлъ на сѣверѣ лишь безконечный горизонтъ, а справа и слѣва ряды глубокихъ логовъ и ущелій, въ одномъ изъ которыхъ и призналъ ущелье Ма-ти. Но, увы! съ громаднымъ трудомъ добравшись до него и, въ буквальномъ смыслѣ слова, заглянувъ въ него, до того его стѣны были отвѣсны, я убѣдился, что ошибся — бѣленькихъ домиковъ монастыря тамъ не было видно... Я посмотрѣлъ на часы: былъ пятый часъ дня. Съ ранняго утра я ничего не ѣлъ и не пилъ. Вдобавокъ вечерѣло, становилось прохладно, а на мнѣ кромѣ шведской куртки ничего не было. Стоило обдумать свое положеніе, тѣмъ болѣе, что съ горъ спустились тучи, подулъ вѣтеръ и въ воздухѣ закрутились снѣжинки. Я рѣшился идти назадъ, прямо на востокъ, до тропинки, по которой доставляется каменный уголь въ Гань-чжоу, по ней добраться до копей и, если ужь будетъ поздно возвращаться домой, то заночевать тамъ въ одной изъ землянокъ... Я сошелъ съ лошади и, взявъ ее въ поводъ, чтобы согрѣться — пустился бѣжать. То взбираясь, то сбѣгая съ холмовъ, я вскорѣ добрался до какой-то рѣчки: по берегу ея шла тропа, усыпанная углемъ... Это радостное открытіе придало мнѣ силъ и энергіи. Моя надежда добраться до ночи до своихъ передалась, вѣроятно, и лошади, потому что она уже безъ всякихъ понуканій съ моей стороны крупной рысью побѣжала впередъ. Я не замѣтилъ, какъ мы добрались до копей, а отсюда дорога была ужь хорошо мнѣ знакома!... И вотъ, когда я взбирался, не торопясь, на небольшой перевальчикъ, по другую его сторону, неожиданно для себя, я вдругъ очутился среди мирно пасшагося стада куку-ямановъ! Единственнное оружіе, которое находилось при мнѣ, былъ револьверъ. Я успѣлъ выхватить его изъ кабуры и сдѣлать два выстрѣла по ближайшему звѣрю, находившемуся уже шагахъ въ двадцати отъ меня. Но, конечно, въ сумеркахъ, да, вдобавокъ, стрѣляя съ безпокойно стоявшей лошади, я промахнулся... Куку-яманы шарахнулись въ сторону и изчезли, а въ отвѣтъ на мои выстрѣлы, точно эхо, я услышалъ настоящую канонаду. То были казаки и мой любимый джигитъ Ташбалта, которые, по приказанію брата, меня разыскивали по сосѣднимъ ущельямъ.

Не смотря на затруднительность охоты, куку-ямановъ мы все-таки добыли; иначе было съ маралами (вѣроятно, Cervus albirostris, Przew.): мы должны были лишь удовольствоваться констатированіемъ факта, что они дѣйствительно водятся въ лѣсахъ по р.

Су-юй-хэ, такъ какъ видѣли несомнѣнный ихъ слѣдъ — свѣжій пометъ.

Изъ мелкихъ млекопитающихъ мы добыли здѣсь сурковъ (Arctomys robustus, M-Edw.) и пищухъ (Lagomys Roylei, Ogilby).

Настоятель монастыря (хамба-лама), съ которымъ мы свели короткое знакомство, утверждалъ, что въ горахъ кромѣ того водятся барсы, куницы, лисицы и медвѣди, но никакихъ слѣдовъ этихъ звѣрей даже по свѣжему снѣгу мы не видали. Что же касается насѣкомыхъ, то ихъ почти вовсе не было видно: летали только какіе-то обрывки перезимовавшихъ Vanessa antiopa и Grapta c album; впрочемъ, здѣсь мнѣ попался и новый видъ ночной бабочки — Dasypolia gerbillus, Alph. Изъ Reptilia мы встрѣтили только Eremias multiocellata, Günth.

Каменноугольныя копи лежатъ на высотѣ 9000 слишкомъ футовъ надъ уровнемъ океана. Мощность круто падающихъ пластовъ угля въ посѣщенныхъ мною шахтахъ не превосходила двухъ футовъ. Шахтъ много, но онѣ не глубоки: уголь вырабатывается только съ поверхности, почему и не отличается хорошими качествами; дѣйствительно, въ Гань-чжоу имъ пренебрегаютъ, и онъ расходится, главнымъ образомъ, только въ Нань-гу-чэн'скомъ округѣ. Здѣсь онъ продается по 200 дачановъ за вьюкъ ишака, т. е., примѣрно, по 6 коп. за пудъ. Копи эти принадлежатъ казнѣ, и доходъ съ нихъ пересылается въ Гань-чжоу-фу.

18 апрѣля мы покинули нашу стоянку у монастыря Ма-ти-сы. Не доходя Нань-гу-чэна, мы свернули на колесную дорогу, идущую вдоль наньшаньскаго подгорья, и вскорѣ вышли къ р. Датунъ-ма-хэ, которая въ эту пору несла мало воды. Пройдя рѣку, мы вступили въ культурный районъ и весь остальной путь до селенія Чжанъ-мань-цзэ, въ которомъ остановились, сдѣлали среди пашенъ и хуторовъ, группировавшихся у селеній Шинъ-гуань и Чуй-цзэ-гань-цзы. Всѣ эти селенія были невелики и почти не имѣли древесныхъ насажденій; послѣднія стали вновь встрѣчаться лишь къ востоку отъ Чжанъ-мань-цзэ.

Здѣсь брату удалось подстрѣлить самку Grandala coelicolor, Hodgs., что доказываетъ, что эта великолѣпная высоко-альпійская птица не улетаетъ осенью на югъ, на южные склоны Гималаевъ, но частью остается на зимовку въ Гань-су, гдѣ и живетъ въ болѣе низкихъ зонахъ [1]).

---

[1]) Абсолютная высота селенія Чжанъ-мань-цзэ составляетъ 7,650 ф.

На слѣдующій день мы продолжали идти культурнымъ райономъ. Селенія виднѣлись и вправо и влѣво отъ нашей дороги, причемъ намъ послѣдовательно называли: Хэ-чжоу-пу, Хунъ-ха-хо, Чжу-пу-цзы и Фынъ-ха-пу. Самое крупное изъ нихъ было Хунъ-ха-хо, расположенное на полъ-дорогѣ между долинами рѣчекъ Шо-тунъ-ма-хэ и Хунъ-гоу, русла коихъ оказались глубоко врѣзанными въ рыхлую почву равнины и совершенно сухими: вода въ нихъ показывается обыкновенно не ранѣе конца апрѣля, перестаетъ же течь въ концѣ сентября. Вода встрѣчена была нами лишь въ слѣдующей рѣкѣ Да-хэ, протекавшей въ широкой и глубокой долинѣ, вымытой въ толщахъ красныхъ песчанистыхъ глинъ [1]).

Пройдя Да-хэ, разбросавшую свои воды на пространствѣ ста саженъ, мы очутились въ виду городка Хунъ-фэй-чэнъ, окруженнаго средней высоты и порядочно уже обветшалыми стѣнами, въ трещинахъ коихъ гнѣздились Carine bactriana, Hutt., и Cotile rupestris, Scop. Не заходя въ него, мы остановились въ его предмѣстьи, рядомъ съ большой, но запущенной кумирней. Здѣсь мы дневали ради закупки провіанта на дальнѣйшій путь черезъ горы въ долину Сининской рѣки.

Дорога отъ Хунъ-фэй-чэна пошла въ гору [2]). Здѣсь только что принялись за паханье, такъ какъ земля успѣла оттаять еще только съ поверхности; мѣстами лежалъ даже снѣгъ; но онъ замѣтно шелъ на убыль и развелъ глубокую грязь на глинистой почвѣ ложбинъ. Верстъ десять мы шли вдоль праваго берега Да-хэ, обойдя здѣсь селенія Ю-фынъ-чэ-цзы и Юнъ-гу-чунъ; затѣмъ уклонились къ юго-востоку и, пройдя водораздѣлъ, вышли въ долину рѣчки Та-хо-чу, вытекающей изъ ущелья Чжанъ-чжа-коу. Водой этой рѣчки пользовались два селенія — Хый-нанъ и Гуанъ-цзы, такія же грязныя, невзрачныя и бѣдныя, какъ и всѣ остальныя селенія округа Хунъ-фэй-чэна. Населеніе ихъ смѣшанное: всего больше тангутовъ, затѣмъ слѣдуютъ китайцы и, наконецъ, уйгуры (маджа); по имени ихъ даже слѣдующее селеніе, лежащее при устьѣ ущелья Пянь-дао-коу, называется Маджа-Гуанъ-цзы [3]).

---

[1]) Въ обрывистыхъ берегахъ этой рѣки гнѣздилась Tichodroma muraria, L.

[2]) Въ среднемъ подъемъ дороги равнялся 0,02 (70 фут. на версту); абсолютная высота Хунъ-фэй-чэна (мѣстное произношеніе — Хунъ-фы-чэнъ) 7.884 фута, урочища Ши-хоу-коу (Ши-ва-гу) 9.291 ф.

[3]) Селеній, носящихъ имя Маджа, нѣсколько въ Гань-су; всѣ они населены уйгурами. См. Потанинъ — «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія», I, стр. 180, 318, 332, 339 и 360.

Эти маджа по типу вовсе не отличаются отъ тангутовъ, но среди нихъ встрѣчаются субъекты съ прямыми носами и свѣтлыми глазами.

Мы остановились выше селенія Маджа-Гуанъ-цзы, близъ разрушеннаго сторожеваго поста Ши-хоу, въ ущельи Ши-хоу-коу, имѣющемъ съ ущельемъ Пянь-дао-коу общее устье. Стѣны послѣдняго слагаютъ желтые и сѣро-желтые песчаники съ прослойками каменнаго угля, который когда-то здѣсь разрабатывался; дальше же въ ущельи виднѣются скалы глинисто-слюдяныхъ сланцевъ, прорѣзанныхъ жилами кварца. Впрочемъ, подробности горнаго строенія были здѣсь скрыты — въ верхней зонѣ снѣгами, ниже же сплошнымъ травянистымъ покровомъ и густѣйшею кустарною порослью, въ которой ютилось множество мелкой птицы. Не смотря на непогоду (вѣтеръ и снѣгъ), въ теченіе двухъ дней, посвященныхъ экскурсіямъ, мы обогатили здѣсь нашу орнитологическую коллекцію слѣдующими видами: Acanthis brevirostris, Bp., Montifringilla Mandellii, Hume, Carpodacus pulcherrimus, Hodgs, Urocynchramus Pylzowi, Przew., Anthus rosaceus, Hodgs. [1]), Pratincola maura Przewalskii, Plsk., Calliope Tschebaiewi, Przew., Cinclus kashmiriensis, Gould., Tharrhaleus fulvescens, Sew., Th. rubeculoides, Hodgs. и Perdix sifanica, Przew. Стрѣляли также не мало по суркамъ (Arctomys robustus), но добыли немногихъ. Подъ камнями же мы нашли во множествѣ Carabus modestus, Sem., C. Przewalskii, A. Moraw., нѣсколько видовъ рода Agonum и другіе, менѣе характерные виды жесткокрылыхъ.

Наконецъ, мы дождались давно желаннаго момента: 23 апрѣля мы перевалили на южные склоны Нань-шаня!

Уже при устьѣ ущелья Пянь-дао-коу встаютъ огромныя скалы, одѣтыя мхомъ и поросшія Caragana jubata, Prunus, Spiraea, Salix, Potentilla и другими видами низкорослыхъ кустарниковъ; дальше же ущелье получило еще болѣе величественный видъ, то съуживаясь въ едва проходимую глубокую щель, то развертываясь въ чудную панораму дикихъ гольцовъ и луговыхъ покатостей, далеко не вездѣ еще вышедшихъ изъ подъ снѣга.

Въ этомъ ущельи впервые весьма рѣзко выступила огромная разница въ растительности южныхъ и сѣверныхъ склоновъ какъ главнаго хребта, такъ и отроговъ; а именно, тогда какъ южные склоны представляли поверхность, поросшую исключительно степными травами, не образующими сплошного покрова, сѣверные

[1]) Этотъ видъ держался здѣсь во множествѣ.

почти всегда одѣты были густою растительностью — самыми разнообразными луговыми травами и кустарниками, а подчасъ даже мхомъ и папоротниками. Впослѣдствіи, въ еще болѣе широкомъ масштабѣ, мы тоже явленіе наблюдали въ долинахъ верхняго Эцзинъ-гола, Да-туна, Сининской и другихъ рѣкъ, гдѣ обращенные къ сѣверу склоны были покрыты лѣсомъ, обращенные же къ югу представляли кипцовую степь [1]).

Дорога въ ущельи Пянь-дао-коу была довольно сносно разработана въ концѣ шестидесятыхъ годовъ солдатами Цзо-цзунъ-тана. Говорятъ даже, что въ то время китайцы не разъ проѣзжали здѣсь въ легкихъ экипажахъ; но время это уже давно миновало, и нынѣ дорога эта во многихъ мѣстахъ и на многія версты размыта дождевыми потоками. Всего лучше сохранились участки, потребовавшія значительныхъ скальныхъ работъ. Такіе именно участки находятся у пикетовъ Пянь-дао и Эръ-дао, гдѣ ущелье образуетъ тѣснины.

Дикій характеръ дорога имѣетъ на протяженіи первыхъ пятнадцати верстъ. Здѣсь кончается южное заложеніе скалистаго хребта — передовой цѣпи Нань-шаня и начинается подъемъ на второй хребетъ, сложенный исключительно изъ красныхъ песчанистыхъ глинъ и красныхъ песчаниковъ — фактъ, оставленный, вѣроятно, безъ вниманія Обручевымъ, отрицавшимъ правильность моей характеристики долины верховій Эцзинъ-гола — денудаціонной, а не текто-

---

[1]) Красновъ въ своей книгѣ — «Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-шаня» прекрасно оттѣнилъ разницу въ характерѣ растительнаго покрова, одѣвающаго сѣверные и южные склоны Тянь-шаня; но, мнѣ кажется, что онъ далъ этому факту слишкомъ одностороннее объясненіе, всецѣло приписавъ его разницѣ въ количествѣ выпадающихъ на обоихъ склонахъ осадковъ. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, въ то время какъ южные нагрѣтые склоны, даже будучи защищены отъ NE, лишены влаги въ силу ихъ температуры, высшей, чѣмъ у перенесшагося черезъ холодный хребетъ вѣтра, сѣверные склоны вездѣ могутъ быть орошены болѣе или менѣе сильно» (стр. 68).

Красновъ самъ указываетъ въ IV главѣ, что даже среди еловыхъ лѣсовъ ему попадались оазисами кусочки земли, покрытыя степною растительностью. Всѣ такіе оазисы лежатъ на *южныхъ* склонахъ боковыхъ падей. Скажемъ даже общѣе: въ Тянь-шанѣ, равно какъ и въ Нань-шанѣ, *всѣ склоны, обращенные къ югу,* независимо отъ величины ихъ площади, одѣты степною растительностью. Очевидно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-либо разницѣ въ количествахъ осадковъ, выпадающихъ въ области степи и лѣса, а потому и объясненіе наблюдаемаго явленія должно быть иное. Оно заключается въ томъ, что на склонахъ, обращенныхъ къ югу, т. е. къ солнцу, влага расходуется несравненно быстрѣе, чѣмъ на сѣверныхъ, обогрѣваемыхъ лишь косыми лучами послѣдняго.

Въ рощахъ нашего сѣвера, но въ особенности рѣзко явленіе это было подмѣчено мною въ хвойныхъ лѣсахъ Міасскаго округа, на Уралѣ, стороны стволовъ, обращенныя къ сѣверу всегда одѣты лишайниками и мхомъ, тогда какъ южныя стоятъ обыкновенно чистыми. Это явленіе того же порядка: во влажныхъ лѣсахъ Урала сѣверныя стороны стволовъ, плохо обогрѣваемыя, никогда вполнѣ не просыхаютъ и даютъ почву для развитія ягелей и мховъ.

нической [1]). Этотъ второй хребетъ служитъ водораздѣломъ бассейновъ: на сѣверъ сбѣгаютъ рѣчки, орошающія Шань-дань'скій округъ, на югъ рѣчки, слагающія одно изъ верховій Эцзинъ-гола — рѣку Бабо-хэ. Что касается до передовой цѣпи Нань-шаня, сложенной, главнымъ образомъ, изъ глинисто-слюдяныхъ сланцевъ, то въ мѣстѣ ея пересѣченія ущельемъ Пянь-дао-коу, она представляетъ значительное пониженіе, смыкающее два вздутія, въ которыхъ сталкиваются кряжи горъ: на востокѣ — образующіе долину Чагрынъ-гола [2]), на западѣ — представляющіе слитую массу двурядового хребта, имѣющаго широкое заложеніе на сѣверѣ и крупное паденіе къ югу, гдѣ его склоны скрываются подъ мощными толщами красныхъ глинъ и песчаниковъ нарушеннаго напластованія; послѣдніе образуютъ сплошную холмистую массу, съ одной стороны примыкающую къ скалистому Нань-шаню, съ другой поднимающуюся до высоты, не меньшей 13,000—14,000 ф. надъ ур. моря, образуя хребетъ, отмытыя части котораго составляютъ на противуположной, южной, сторонѣ долины Бабо-хэ такъ называемыя горы Вэньли-коу Нань-шань. Такимъ образомъ, продольная долина Бабо-хэ, съ которой мы ниже ближе познакомимся, хотя, *до нѣкоторой степени*, и совпадаетъ съ древней тектонической долиной, простиравшейся отъ меридіана Лянъ-чжоу по крайней мѣрѣ до меридіана Су-чжоу, но произошла совершенно самостоятельно и должна быть характеризована *какъ долина размыва*.

Горизонтъ сталъ особенно широкъ у пикета Янъ-шунь-цзы, гдѣ я догналъ хвостъ нашего каравана, отставъ отъ него у пикета Эръ-дао ради ловли первой въ этомъ году интересной бабочки — Pieris Butleri var. Potanini, Alph. [3]), взятой мною здѣсь въ коли-

---

[1]) «Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины» въ «Изв. Имп. Р. Г. Общ.», XXXI, стр. 322.

[2]) Такова орографическая картина этого участка Нань-шаня; но я сомнѣваюсь, чтобы существовала тектоническая связь между Сѣверо-Тэтунгскимъ хребтомъ Пржевальскаго и передовой скалистой цѣпью Нань-шаня; вѣроятно, ихъ связываетъ только перемычка изъ глинистыхъ красныхъ и желтыхъ песчаниковъ и конгломератовъ, которые и слагаютъ водораздѣлъ между бассейнами рѣкъ Эцзинъ-гола (Бабо-хэ) и Чагрынъ-гола.

[3]) Pieris Butleri, Moore, typica, летаетъ на юго-западныхъ окраинахъ Тибета и настолько отличается отъ восточно-наньшаньской формы, что послѣдняя вполнѣ заслуживаетъ отдѣльное названіе, данное ей Алфераки. Вмѣстѣ съ другой бѣлянкой, Pieris Shawi, Moore, встрѣченной мною во многихъ мѣстахъ на Памирѣ, но первоначально найденной въ Ладакѣ и Куэнъ-луньскихъ горахъ, эта бабочка принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ чешуекрылыхъ памиро-тибетской фауны, такъ какъ близкія ей формы летаютъ и до настоящаго времени въ Андахъ Боливіи, гдѣ онѣ найдены также на огромныхъ высотахъ, а именно на высотѣ 3,500—5.800 метровъ надъ уровнемъ океана. Эти виды, которые получили въ Боливіи нѣсколько болѣе заостренную форму крыльевъ, а потому и нѣсколько отличную нервацію ихъ, описаны подъ на-

*

чествѣ сорока экземпляровъ [1]). Это было настоящее «джайлау», т. е. превосходное пастбище — высокая, холмистая, кипцовая степь, пересѣченная оврагами, по которымъ теперь, ранней весной, сбѣгали небольшіе мутные ручейки. Молодой зеленой травы нигдѣ не было видно, но прошлогодняя одѣвала почву густо, не показывая и признаковъ какихъ-либо потравъ. Дѣйствительно, фактъ интересный и который не могъ не обратить на себя нашего вниманія: все это нагорье, а засимъ, какъ мы въ этомъ убѣдились впослѣдствіи, и вся область верховій Эцзинъ-гола, оставались безъ жителей—кочевниковъ и были бы почти абсолютно пустынны, если бы не рѣдкіе путники, не китайскіе пикеты, да не золотопромышленники.

Разъясненіе этого факта мы получили только въ Юнъ-аньчэнѣ, гдѣ намъ сказали, что эти земли пустуютъ по распоряженію изъ Пекина, впредь до разрѣшенія спорнаго вопроса о томъ, которому изъ двухъ народовъ — монголамъ или тангутамъ, должны онѣ отойти во владѣніе.

Отъ пикета Янъ-шунь-цзы дорога пошла круче въ гору. О колесной колеѣ здѣсь не было и помину. Мы шли одной изъ нѣсколькихъ узенькихъ тропъ, бѣжавшихъ по склону оврага, въ которомъ струились воды Пянь-дао-хэ, то и дѣло увязая въ размякшей, глинистой почвѣ или перебираясь черезъ ручьи. Наконецъ, мы завидѣли впереди совершенно оголенныя, обдутыя вѣтромъ,

---

званіями: Phulia nymphula, Blanch., Ph. nympha, Stgr., Ph. nymphaea, Stgr., Ph. illimani, Weymer. Если еще можетъ возникнуть нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что Pieris Butleri ближайшая родственница боливскихъ піеридъ, отнесенныхъ къ роду Phulia, то оно должно быть совершенно оставлено, когда приходится сравнивать Pieris Shawi, Moore, съ Phulia nysias, Weymer, и Ph. huanaco, Stgr., для которой Staudinger вполнѣ безпричинно создаетъ новый родъ Trifurcula; нѣкоторыя P. Shawi изъ Ладака почти неотличимы отъ Ph. huanaco, Stgr.; онѣ, однако, меньше ростомъ, имѣютъ болѣе закругленныя вершины крыльевъ и болѣе свѣтлую окраску оборота нижнихъ; ихъ самки не имѣютъ зеленоватой окраски, но ее имѣютъ P. Butleri Potanini, что служитъ важнымъ указаніемъ, такъ какъ безспорно, что P. Shawi и P. Butleri находятся въ ближайшемъ родствѣ между собою; что же касается нервація, которая очень близка у сравниваемыхъ видовъ, то придавать ей главное значеніе, какъ родовому систематическому признаку, едва-ли справедливо, тѣмъ болѣе, что именно въ родѣ Phylia каждый видъ имѣетъ свою, ему одному свойственную, нервацію. Можно только удивляться, какъ Staudinger, писавшій, что Trifurcula huanaco напоминаетъ нѣкоторые виды сѣверныхъ Colias, напримѣръ C. nastes («Hochandine Lepidopteren» въ «Deutsche Entomologische Zeitschrift», 1894, I, стр. 56), что, до извѣстной степени, вѣрно, не догадался сличить ее съ P. Shawi.

Вышеназванныя Pieridae дополняютъ собою списокъ тѣхъ представителей лепидоптерологической памиро-тибетской фауны, которые нѣкогда проникли въ Америку и по Кордильерамъ достигли крайней южной оконечности Андовъ. Существованіе подобной миграціи я пытался доказать въ моей работѣ о памирскихъ чешуекрылыхъ — «Le Pamir et sa faune lépidoptérologique», къ которой и отсылаю любознательнаго читателя.

[1]) Pieris Butleri Potanini летала на небольшой лужайкѣ, одѣтой прошлогодней травой, и нерѣдко садилась на ледъ, лежавшій въ углубленіяхъ почвы.

красныя глыбы песчаника — это и былъ гребень хребта и перевалъ У-бо-линь-цзы (11,850 ф.) [1]) въ долину рѣки Бабо-хэ. Спускъ съ него былъ очень пологъ и шелъ по волнистой степи, сплошь изрытой пищухами (Lagomys melanostomus, Büchner). Вскорѣ мы завидѣли впереди стѣны импаня У-бо, откуда намъ на встрѣчу высыпало до десятка солдатъ.

— Гдѣ бы тутъ остановиться?

— А вотъ, пожалуйте...

И насъ отвели къ рѣчкѣ Убочаръ, гдѣ указали на какъ-будто когда-то искуственно выровненную площадку, по окраинамъ которой еще сохранились слѣды канавы. Но если здѣсь когда-либо и существовало укрѣпленіе, то, вѣроятно, очень давно, такъ какъ земля, поросшая кипцомъ, оказалась минированной множествомъ норъ пищухъ. Въ этотъ день мы добыли для коллекціи Montifringilla Mandellii, Hume, и Pratincola maura Przewalskii, Plsk., и уже на южныхъ склонахъ перевала У-бо-линь-цзы — Podoces humilis, Hume; сверхъ того въ ущельи мы видѣли какую-то желтую плиску и обыкновеннаго кулика.

Ночью рѣчка покрылась у береговъ льдомъ — мороза было 3°.

Первая половина пути слѣдующаго дня пришлась на высоко приподнятую долину р. Бабо-хэ (между 11,000 и 12,700 ф. абс. поднятія), въ которой, мѣстами, лежалъ еще снѣгъ. Дорогу то и дѣло пересѣкали ручейки и ручьи мутной воды, которая стояла и на дорогѣ. Талая земля сдавала подъ ногами животныхъ, которыя шагали съ трудомъ и то и дѣло останавливались для того, чтобы вздохнуть полнѣе и глубже. Пожалѣешь свою лошадь и слѣзешь, но идти по пропитанному водой косогору пѣшкомъ очень трудно; къ тому-же нога то и дѣло скользитъ и проваливается въ норки пищухъ. Молодой травки вовсе еще не было видно, и блеклые, сѣровато-желтые тоны преобладали повсюду въ раскрывавшейся передъ нами далекой панорамѣ горъ и долинъ... [2]). Но весной и здѣсь уже пахло. Въ воздухѣ было какъ-то особенно свѣтло и радостно. Журчанье воды въ ручейкахъ, издалека несшійся грохотъ рѣки, свистъ пищухъ, встревоженныхъ нашимъ приближе-

---

[1]) Насколько постепененъ подъемъ на этотъ перевалъ, это видно изъ сопоставленія цифръ: ур. Ши-хоу лежитъ на абсолютной высотѣ, равной 9,290 ф., перевалъ же Убо на высотѣ, равной 11,850 ф.; получающаяся при этомъ разница въ 2,560 футовъ приходится на протяженіе въ тридцать верстъ.

[2]) Тѣмъ не менѣе здѣсь уже летали нѣкоторые ранніе виды бабочекъ — Pieris Butleri Potanini, Pyrgus Bieti, Oberth., и Erebia sp., которой намъ не удалось, однако, словить.

ніемъ, прелестное пѣніе здѣшняго жаворонка, и масса звуковъ, происхожденіе коихъ трудно себѣ объяснить, все это настоятельно говорило теперь объ идущей намъ на встрѣчу веснѣ.

Караванъ нашъ въ этотъ день представлялъ внушительное и оригинальное зрѣлище: человѣкъ пятнадцать китайскихъ пѣшихъ солдатъ, фитильныя ружья, алебарды и пики, штукъ десятъ развернутыхъ громадныхъ красныхъ и желто-синихъ знаменъ, пятьдесятъ завьюченныхъ лошадей и кое-гдѣ для всей этой обстановки странныя фигуры не цвѣтисто-одѣтыхъ, зато хорошо вооруженныхъ русскихъ людей; и все это шумѣло, галдѣло и то расползалось чуть не на двѣ версты, то вновь собиралось передъ какимъ-нибудь труднымъ подъемомъ въ одну пеструю толпу, отъ которой далеко сторонились встрѣчные тангуты и китайцы-золотопромышленники. Впрочемъ, такъ поступали не всѣ. Многіе, болѣе храбрые и любопытные, къ намъ немедленно приставали и провожали версты двѣ или три.

Что значатъ эти знамена? Почему сегодня сопровождаютъ насъ эти солдаты? — Вотъ вопросы, которые мы себѣ задавали, но на которые у насъ не находилось отвѣта. Мы рѣшительно не знали, почему сегодня, когда мы проходили мимо импаня, насъ привѣтствовалъ весь горнизонъ, что-то человѣкъ съ тридцать солдатъ [1]), выстроившись шеренгой со знаменами и имѣя офицеровъ на флангѣ; почему затѣмъ часть этого горнизона отдѣлилась и провожала насъ до слѣдующаго пикета Унихо, гдѣ повторилась таже процедура и смѣна конвоя, причемъ возвращавшіеся китайскіе солдаты почли нужнымъ опуститься передъ нами на колѣна; почему, наконецъ, столь же почетная встрѣча и проводы подготовлены были и на всѣхъ слѣдующихъ пикетахъ. Мы были какъ въ чаду отъ этихъ неожиданныхъ почестей и ждали почему-то скандальной развязки всей этой затѣи, въ которой мы играли совершенно несовмѣстимую съ званіемъ мирнаго русскаго путешественника, а потому для насъ очень странную роль.

Только на ночлегѣ намъ, наконецъ, объявили, что все это дѣлается по распоряженію начальника Юнъ-ань-чэн'скаго лагеря (ина), сановника Чжу-цзу-гу'я, готовящагося насъ встрѣтить съ еще большимъ почетомъ.

Подъемъ на перевалъ Чжи-нань-линь, имѣющій 12,700 фут. абсолютной высоты, довольно пологъ и все время идетъ по крас-

[1]) Всѣ эти солдаты были дунгане.

ной глинистой почвѣ. Только уже къ самому перевалу цвѣтъ послѣдней измѣняется въ желто-сѣрый, причемъ на откосахъ появляются выходы блѣдно-желтаго песчаника. Этотъ же песчаникъ слагаетъ и перевалъ, служащій водораздѣломъ бассейновъ рѣкъ: Да-тунъ-хэ, системы Желтой рѣки, и Бабо-хэ, одного изъ двухъ истоковъ Эцзинъ-гола. По южную сторону перевала этотъ песчаникъ тянется верстъ на десять и тамъ смѣняется болѣе древними, палеозойскими песчаниками темно-сѣраго и сѣровато-фіолетоваго цвѣтовъ. Хотя массы этихъ послѣднихъ и тѣсно примыкаютъ къ скаламъ желтаго песчаника, но связь эта лишь кажущаяся: палеозойскіе песчаники составляютъ лишь пониженное въ этомъ мѣстѣ продолженіе Сѣверо-Тэтунгскаго хребта Пржевальскаго, далѣе къ западу сложеннаго изъ-тѣхъ же плотныхъ песчаниковъ, налегающихъ на слюдистые песчаники. На линіи перевала Черикъ, лежащаго къ западу отъ Чжи-нань-линя и подымающагося до абсолютной высоты, равной 14,000 фут., эта раздѣльность горныхъ массъ выступаетъ еще болѣе рельефно, такъ какъ тамъ долина небольшого ручья отдѣляетъ массивныя скалы темно-бураго слюдистаго песчаника Сѣверо-Тэтунгскихъ горъ отъ свѣтло-красныхъ песчаниковъ, принадлежащихъ уже Вэнь-ли-коу Нань-шаню. Да и китайцы различаютъ оба хребта, называя скалистый гребень Сѣверо-Тэтунгскихъ горъ — Бабо-да-шанемъ. Такимъ образомъ, водораздѣлъ Да-туна и Эцзинъ-гола долженъ считаться, на нѣкоторомъ протяженіи, двурядовымъ хребтомъ, причемъ наивысшія точки сѣвернаго совпадаютъ съ наибольшимъ пониженіемъ въ южномъ и наоборотъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что свѣтлые песчаники (третичные) на всемъ протяженіи отъ Чжи-нань-линя до Лао-ху-ши (14,200 ф.), въ верховьяхъ Хый-хэ, золотоносны. Главная добыча золота ведется на западѣ, но и здѣсь моютъ его почти въ каждомъ ущельи. Мы натолкнулись на работу золотопромышленниковъ въ ущельи рѣчки Ши-хэ, сбѣгающей съ перевала Чжи-нань-линь, гдѣ работали всего до 30 станковъ; но почва ущелья оказалась тутъ настолько изрытой, что слѣдуетъ допустить одно изъ двухъ: или что разработка песковъ ведется въ немъ издавна, или что нѣкогда она велась въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Золотопромывательные станки китайцевъ устроены очень просто. На качеляхъ устанавливается ивовая плетушка, въ формѣ чаши, снабженная мелкими отверстіями и могущая вмѣстить около пуда песка. Ее раскачиваютъ, поминутно встряхивая, причемъ пе-

сокъ и гравій сыпятся на лѣстницу, пологія ступени коей съ нѣсколько выступающими краями сдѣланы изъ тонкихъ дощечекъ; по этой лѣстницѣ пускается широкой, но слабой струей вода, которая и отмучиваетъ гравій и, если оно только есть — золото, задерживающееся на ступеняхъ. Когда въ корзинѣ остается только галька, ее выбрасываютъ на полотно и тщательно изслѣдуютъ; засимъ останавливаютъ воду и тоже продѣлываютъ съ гравіемъ на каждой ступени. Добываемое такимъ путемъ золото получается въ видѣ чешуеекъ (листоватое) и угловатыхъ небольшихъ зеренъ матоваго бураго цвѣта.

Мы говорили, что и при такой примитивной промывкѣ старыхъ рѣчныхъ отложеній одинъ рабочій вырабатываетъ здѣсь золота въ среднемъ ежедневно около 10 — 12 долей, т. е. на 40 — 50 коп. [1]); за всю же операцію, отъ начала апрѣля до конца сентября, примѣрно, на 70 рублей; бываютъ, однако, партіи, которыя уносятъ съ собою, за вычетомъ пошлинъ и всѣхъ расходовъ по своему содержанію, по ямбѣ и больше на человѣка.

Разработка золота разрѣшается всѣмъ и каждому при непремѣнномъ, однако, условіи — вносить въ казну двадцать процентовъ со всей добычи натурой. Зная китайскіе порядки, не трудно сообразить, что вышеприведенныя цифры должны быть много ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ и золотопромышленники и сборщики одинаково заинтересованы въ преуменьшеніи добычи драгоцѣннаго металла. Но въ такомъ случаѣ, какъ же должны быть богаты золотомъ рѣчные наносы Ши-хэ и другихъ мѣстныхъ рѣкъ!

Спускъ съ перевала Чжи-нань-линь круче подъема и почти съ первыхъ же шаговъ вводитъ въ ущелье, которое суживается довольно быстро, имѣетъ скалистыя высокія стѣны и по дну поросло разнообразными кустарниками, среди коихъ я могъ отличить шиповникъ, барбарисъ, лознякъ, Caragana jubata и Potentilla. Не смотря на сумрачность этого ущелья, птицъ въ немъ ютилось не мало, и мы добыли для коллекціи: Motacilla citreoloides, Hodgs., Phylloscopus superciliosus Mandellii, Brooks., и Calliope Tschebaiewi, Przew. Уже подходя къ пикету Ша-чжи, расположенному при впаденіи въ Ши-хэ ея лѣваго притока Шэнъ-сунъ-ло, я замѣтилъ

---

[1]) Ланъ шлихового золота приравнивался на мѣстѣ 17 ланамъ серебра. Ланъ по вѣсу ку-пинъ равенъ 8,7 золотн.; но это лишь теоретическій вѣсъ, на практикѣ же онъ составитъ не менѣе 9 золотниковъ. Сдѣлавъ разсчетъ, получимъ, что золотникъ золота (шлихового) продавался въ Юнъ-ань-чэнѣ, въ наше время, не дешевле 4-хъ рублей кред.—цѣна, конечно, очень высокая даже въ томъ случаѣ, если золото это и высокопробное.

на сухомъ стеблѣ Potentilla ночную бабочку, оказавшуюся новымъ видомъ Ulochlaena — Ul. superba, Alph.

Въ Ша-чжи, гдѣ мы должны были переночевать, мы встрѣтили такой же радушный пріемъ, какъ и въ У-бо: весь гарнизонъ предоставленъ былъ въ наше распоряженіе. Но когда я выразилъ желаніе остаться въ ущельи на дневку, то встрѣтилъ протестъ: «Какъ можно! Инъ-гуань [1]) готовится встрѣтить васъ завтра и уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы весь гарнизонъ былъ въ сборѣ... Не дѣлайте же намъ непріятностей!»

Эти доводы повторялись съ такой настойчивостью, что пришлось покориться необходимости и оставить ущелье необслѣдованнымъ. Впрочемъ, съ вечера же погода стала портиться, и пошелъ дождь, смѣнившійся вскорѣ снѣгомъ.

Всю ночь сѣялъ дождь. Утро тоже было сѣрое. Стѣснявшія насъ въ узкомъ ущельи скалы и стоявшія за ними горы курились. Черныя глыбы камней, потемнѣвшая ледяная накипь рѣчки Шихэ, проносившей свои воды по мѣстности, совершенно изрытой золотоискателями, отовсюду торчавшій безлистый кустарникъ и оголенная почва подъ ногами, все это было мокро и смотрѣло непривѣтливо, грязно. Сырость въ воздухѣ была чрезвычайная и пронизывавшая. Туманъ то сгущался до того, что на десять шаговъ кругомъ ничего не было видно, то проносился впередъ и кверху и тогда на время открывалъ горизонты...

Мы кутались, страшно зябли и съ неудовольствіемъ помышляли о торжественномъ пріемѣ, который ожидалъ насъ въ городѣ Юнъ-ань-чэнѣ.

Сюда мы прибыли около полудня. По выходѣ изъ ущелья довольно однообразнаго на всемъ своемъ протяженіи, передъ нами раскинулась широкая поляна, со всѣхъ сторонъ окруженная грядами довольно высокихъ холмовъ. Сквозь бѣлесоватую пелену сѣявшаго дождя въ одномъ изъ уголковъ этой долины виднѣлось что-то темное, но пока совершенно неопредѣленное. Однако, это и былъ городъ, къ которому мы изъ всѣхъ силъ спѣшили теперь.

А тамъ все пришло ужь въ движеніе... Махальщики и ускакавшіе впередъ офицеръ и два солдата конвоя давно уже извѣстили населеніе города и китайскихъ властей, что русскіе ѣдутъ. Готовилось необычайное зрѣлище...

---

[1]) Инъ-гуань соотвѣтствуетъ, пожалуй, батальонному командиру; надо, однако, замѣтить, что во главѣ ина стоятъ весьма часто генералы. Генералами были и инъ-гуани Юнъ-ань-чэна и Да-туна.

Не смотря на непогоду, вѣроятно, все наличное мужское населеніе Юнъ-ань-чэна вышло изъ города и расположилось у восточныхъ воротъ; здѣсь же шпалерами выстроились знаменосцы и вооруженные допотопнымъ оружіемъ солдаты мѣстнаго гарнизона; въ заранѣе разбитой палаткѣ размѣстились, наконецъ, и ожидавшіе насъ, въ своихъ парадныхъ костюмахъ, старшіе офицеры юнъ-ань-чэн'скаго лагеря, а затѣмъ все затихло въ ожиданіи нашего прибытія, и только крупныя капли дождя мѣрно барабанили трель по сплошной крышѣ изъ красныхъ зонтиковъ толпы, подъ акомпаниментъ глухого говора этой послѣдней.

Но вотъ и мы появились... Салютъ изъ вѣстовыхъ пушекъ увѣдомилъ объ этомъ толпу, которая зашумѣла и заволновалась. Точно того только и ждавшій почетный эскортъ вдругъ окружилъ насъ волной знаменъ и людей въ какихъ-то фантастическихъ костюмахъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись своей оригинальностью костюмы полицейскихъ и такъ называемыхъ мао-цзё—людей въ высокихъ красныхъ и черныхъ колпакахъ, вооруженныхъ огромными, сплетенными изъ ремешковъ и окрашенными въ черный цвѣтъ бичами, и, имѣя впереди громадныхъ размѣровъ красный зонтъ (хунъ-тунъ-сань) и служителей, бившихъ въ гонгъ, при громѣ выстрѣловъ и совершенно неописуемомъ гамѣ толпы, повлекъ насъ впередъ между преклонявшими знамена, а затѣмъ, при нашемъ проѣздѣ, становившимися прямо въ грязь на колѣни шпалерами войскъ.

Отъ роду ничего подобнаго не видавшія, лошади наши горячились, фыркали и дѣлали попытку унестись обратно къ горамъ, но, видя кругомъ себя сомкнувшуюся теперь людскую толпу, покорились, наконецъ, своей участи и, вздрагивая поминутно всѣмъ тѣломъ, благополучно донесли насъ къ палаткѣ чиновниковъ, передъ которой эти послѣдніе встрѣтили насъ обычными присяданіями.

Обмѣнявшись обычными же привѣтствіями и просидѣвъ въ палаткѣ минуты двѣ, мы раскланялись съ сановникомъ Чжу-цзу-гу'емъ и его свитой и, сопутствуемые выстрѣлами, эскортомъ и толпой, направились къ тому мѣсту, гдѣ казаки уже ставили наши юрты.

На слѣдующій день мы проснулись при пробивавшихся къ намъ въ юрту во всѣ щели и дыры косыхъ лучахъ только что вставшаго солнца. Тучи безслѣдно прошли, и громадныя горныя цѣпи [1]),

---

[1]) Пржевальскій, вполнѣ, впрочемъ, условно (см. «Монголія и страна тангутовъ», I, стр. 230), назвалъ горы, окаймляющія съ сѣверо-востока и юго-запада долину Да-туна—Сѣверно и Южно-Тэтунгскими горами. Эти названія могли бы быть удержаны, такъ какъ къ нимъ уже

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ II.

Почетный экскортъ.

Фототипія В. Клясонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмп. Н. Каминскій.

съ низу до верху одѣтыя снѣгомъ, блестѣли теперь ослѣпительно и рѣзко выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба. Кое-гдѣ здѣсь, въ долинѣ [1]), уже пробивалась молодая трава и изумрудными пятнами пестрила блеклую поверхность луговъ. Рѣка Ши-хэ шумно неслась у насъ подъ ногами, а всюду порхавшія птички, за которыми мы тотчасъ же отправили нашихъ казаковъ-охотниковъ, вѣроятно, радуясь солнцу, пѣли свои веселыя, весеннія пѣсни...

Въ Китаѣ рано встаютъ. Въ девять, самое позднее — десять, ужь ѣдутъ съ визитомъ. Къ этому именно времени въ нашъ бивуакъ прибыли — офицеръ, гражданскій чиновникъ и почетный эскортъ, долженствовавшіе сопровождать насъ въ ямынь сановника Чжу-цзу-гу'я. Они застали насъ уже совершенно готовыми, а лошадей нашихъ осѣдланными.

Когда мы садились верхомъ, раздались три сигнальныхъ выстрѣла. Чиновники выѣхали впередъ, знаменосцы и солдаты эскорта съ исписанными досками насъ окружили, и красный зонтъ, при крикахъ мао-цзё и звукахъ гонговъ сначала три раза приподнятый кверху, открылъ наше движеніе.

Шествіе это, сопровождавшееся большой толпой собравшихся сюда окрестныхъ тангутовъ, весьма медленное и претендовавшее на торжественность, было, въ сущности говоря, весьма безалабернымъ. Лошади наши горячились и напирали на процессію, которая вскорѣ потеряла порядокъ и сбилась въ кучу, смѣшавшись съ толпой; передъ нами выступалъ теперь уже не красный зонтъ, ко-

---

успѣли привыкнуть; къ тому же они орографически — правильны, ибо, дѣйствительно, пріурочены къ двумъ цѣпямъ горъ, безъ перерывовъ сопровождающихъ по обѣ стороны все теченіе Да-тунъ-хэ.

Обручевъ западную половину Южно-Тэтунгскихъ горъ выдѣлилъ въ особый хребетъ, который и назвалъ хребтомъ Зюсса. Отъ этой части хребта Обручевъ могъ видѣть развѣ только снѣговую группу Баинъ-ула, и мнѣ остается лишь пожалѣть, что имя почтеннаго автора «Das Antlitz der Erde» такъ неудачно попало на географическую карту. Въ слѣдующемъ томѣ я покажу, что нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять эту часть горъ въ самостоятельное горное звено. Южно-Тэтунгскій хребетъ, въ его юго-восточной части, помянутый изслѣдователь называетъ Цзинъ-ши-лингомъ. Намъ его называли иначе, а именно — Ши-фынъ-шань-нань.

Что касается Сѣверно-Тэтунгскихъ горъ, то я уже замѣтилъ, что считаю ихъ столь же непрерывной цѣпью горъ, какъ и Южно-Тэтунгскій хребетъ. Противъ Юнъ-ань-чэна онѣ образуютъ пониженіе, которое какъ разъ приходится у западной подошвы пика, переходящаго за линію вѣчнаго снѣга и упомянутаго еще Пржевальскимъ (ib., стр. 230) подъ именемъ священной горы Конкыръ. Намъ ее называли Хэ-гу-шань. Въ этомъ мѣстѣ къ массиву Сѣверно-Тэтунгскихъ горъ съ сѣвера тѣсно прижимаются исполинскія скалы третичнаго песчаника, и такъ какъ онѣ выше этого массива, то со стороны Юнъ-ань-чэна и маскируютъ сказанное пониженіе. Обручевъ называетъ это хребетъ Ма-лингъ-шанемъ; намъ же всю массу горъ между городами Да-туномъ и Гань-чжоу называли Чанъ-го-бэй-шань-лынъ-лу, что, кажется, значитъ — вѣчно облачный сѣверный, длинный хребетъ.

[1]) Юнъ-ань-чэнъ лежитъ на высотѣ, равной 10,900 ф. надъ ур. ок.

*

торый прокладывалъ себѣ дорогу гдѣ-то сбоку, а какой-то высокій тангутъ, обнаженный чуть не до половины; пушечные выстрѣлы гремѣли безъ правильныхъ интерваловъ; окриковъ мао-цзё уже не было слышно въ гамѣ толпы, который на половину заглушалъ даже военный оркестръ, встрѣтившій насъ какой-то по истинѣ адской какофоніей, виноватъ — гимномъ, передъ ямынемъ, на одной изъ городскихъ площадей.

Вся эта площадь, весь этотъ странный городъ оставлялъ грустное по себѣ впечатлѣніе чего-то забытаго, по всѣмъ швамъ уже развалившагося, и чего-то до крайности грязнаго и неопрятнаго. Много китайскихъ городовъ мы посѣтили дорогой, но ничего болѣе убогаго мы еще не встрѣчали. Стѣны, сложенныя кое-какъ изъ дикаго камня, мѣстами совершенно развалились; штукатурка въ главныхъ воротахъ давно ужь облѣзла; узкія улицы, грязныя, съ набросанными повсюду камнями для пѣшеходовъ, были обстроены какими-то до такой степени жалкими лачугами, что надо было имѣть много мужества, вѣрнѣе, апатіи, для того, чтобы оставаться въ нихъ жить; впрочемъ, многія изъ нихъ теперь пустовали и развалинами своими еще болѣе увеличивали неприглядность картины [1]).

«Нашъ городъ — очень бѣдный городъ», говорилъ намъ Чжу-цзу-гу, когда мы сидѣли у него въ пріемной, — «въ немъ вы не встрѣтите ни хорошихъ зданій, ни хорошихъ лавокъ. Кругомъ живетъ голь, варвары, довольствующіеся самой грубой пищей: молокомъ, дзамбой, творогомъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, — мясомъ. Городъ, какъ видите, окруженъ горами; дождь здѣсь идетъ очень часто, холодно даже и лѣтомъ, а потому хлѣбовъ здѣсь не сѣютъ; даже ячмень здѣсь не родится, и за нимъ си-фани (тангуты) ѣздятъ въ Да-тунъ. Вотъ почему и мнѣ приходится униженно просить васъ остаться здѣсь еще на день или два. Я заказалъ обѣдъ за 150 ли отъ нашего города, а потому онъ доставленъ быть скоро не можетъ; безъ обѣда же выпустить васъ отсюда я не хотѣлъ бы...» И когда мы согласились, то словоохотливый китаецъ продолжалъ: «впрочемъ, если вы нуждаетесь въ какихъ-либо простѣйшихъ припасахъ, то скажите мнѣ... Можетъ быть и отыщется что-нибудь въ нашихъ лавкахъ». Тронутые такою необычайною любезностью, мы, тѣмъ не менѣе, торопились распрощаться съ хозяиномъ: день былъ такой ясный и такъ насъ манилъ на экскурсію!

---

[1]) Въ бывшей мнѣ доступной литературѣ я не могъ почерпнуть никакихъ свѣдѣній о прошломъ этого города.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Начальникъ военнаго округа Юнъ-ань. Урож. пров. Ху-бэй.

Фототипія В. Классенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
Преемн. Н. Каминскій.

Вернувшись на свой бивуакъ съ обычнымъ для насъ теперь шумомъ и гамомъ, мы немедленно и быстро переодѣлись, но... сегодня такъ и не было намъ суждено побродить по этимъ заманчивымъ чернымъ ущельямъ, гдѣ животная жизнь, должно быть, кипѣла ключомъ. Во-первыхъ, намъ нужно было произвести ревизію нашихъ подарковъ. Изъ нихъ мы отобрали: хорошій револьверъ въ футлярѣ, массивный серебряный браслетъ, кораловое ожерелье и перочинный ножичекъ о шести лезвіяхъ; все это мы завернули въ красную бумагу и при карточкахъ отослали къ начальнику лагеря; во-вторыхъ же, мы должны были принять его посланцевъ, которые привезли двухъ тощихъ куръ, переднюю лопатку баранины, два десятка китайскихъ свѣчей, пять шиновъ [1]) гороху для лошадей и при этомъ кучу извиненій все на ту же, излюбленную всѣми китайцами, тему: «нашъ городъ бѣденъ, и въ немъ ничего нѣтъ!»... Вмѣстѣ съ тѣмъ они сообщили, что инъ-гуань сегодня же собирается отдать намъ визитъ.

И такъ, вмѣсто желанной экскурсіи пришлось готовиться къ встрѣчѣ!

Еще разъ насегодня пальба, крики, зонтъ и знамена. Это ужь ѣдетъ Чжу-цзу-гу къ намъ съ визитомъ...

Визиты китайцевъ обыкновенно непродолжительны. Но инъ-гуань просидѣлъ у насъ почти до заката, очевидно, рѣшившись вознаградить себя за невыразимо-скучную зиму, проведенную имъ въ Юнъ-ань-чэнѣ, куда онъ былъ переведенъ прошлымъ лѣтомъ. Онъ распрашивалъ насъ обо всемъ: о желѣзныхъ дорогахъ и воздушныхъ шарахъ, объ оружіи вообще и о дальнобойныхъ орудіяхъ въ частности, о стали и прекрасной ея выдѣлкѣ въ Россіи, о сукнѣ, о винахъ и водкѣ, наконецъ, и о томъ, какъ велика численность русскихъ войскъ. Затѣмъ мы ходили смотрѣть на стрѣльбу изъ револьверовъ и берданокъ; причемъ, дѣйствительно, необыкновенно удачный выстрѣлъ моего брата, перебившаго револьверной пулей тонкій шестъ, воткнутый въ землю, привелъ всѣхъ въ полный восторгъ. Брата дергали, что-то кричали и показывали большой палецъ при возгласѣ «хо!», что значитъ — хорошо! прекрасно! или даже просто тыкали въ него пальцемъ — дескать, вотъ молодецъ! Вернувшись же снова въ юрту, китайцы пили чай, восторгались сахаромъ, причемъ нѣкоторые изъ свиты просили даже разрѣшенія взять по кусочку, дабы показать своимъ, и англійскимъ печеніемъ;

---

[1]) По пекинскому произношенію — шэнъ; онъ почти равенъ 1,3 гарнца.

послѣ чего, пересмотрѣвъ у насъ все, что стоило смотрѣть и чего вовсе не стоило, китайцы, наконецъ, поднялись... Славу Богу, пора!

Отправляясь на экскурсію, мы обыкновенно переходили Шихэ, протекавшую здѣсь въ глубоко-врѣзанномъ ложѣ, и шли къ горамъ, скалистыя массы которыхъ были окаймлены холмистымъ подгорьемъ, одѣтымъ кипцомъ. Здѣсь мы наловили въ десяткахъ экземпляровъ Pyrgus Bieti, Oberth., и новый видъ Ala — Ala pretiosa, Alph., а также набрали не мало жуковъ, изъ коихъ могутъ быть названы: Pseudotaphoxenus nov. spec., Aristochroa nov. spec., описанная недавно Чичеринымъ подъ именемъ Ar. perelegans, Carabus diruptus, Moraw., Agonum spec., Lorocera ovipennis., Sem. Broscus Przewalskii, Sem., Zabrus Przewalskii, Sem., Blaps spec. и др. Изъ птицъ подъ Юнъ-ань-чэномъ были добыты: Bubo ignavus, Forst., Montifringilla haematopygia, Gould., нигдѣ болѣе въ горахъ Гань-су не встрѣченная, M. ruficollis, Blanf., Motacilla citreola, Pall., [1]) Ruticilla Hodgsoni, Moore, и Tharrhaleus rubeculoides, Hodgs. Наконецъ, изъ млекопитающихъ нашими казаками была здѣсь убита первая антилопа — Gazella Przewalskii, Büchner [2]).

---

[1]) О ней см. ниже.

[2]) Эта антилопа была описана Пржевальскимъ подъ именемъ Antilope Cuvieri (см. «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 111).

ГЛАВА X.

На южныхъ склонахъ Нань-шаня.

Главный элементъ населенія Юнъ-ань-чэна составляли дунгане; дунгане же преобладали какъ въ городкѣ Да-тунѣ, такъ и во всѣхъ деревняхъ между этимъ послѣднимъ и щеками Да-тунъ-хэ [1]). По типу, въ главной своей массѣ, они не особенно рѣзко отличались отъ китайцевъ; но между ними попадались какъ рослые индивидуумы съ широкимъ румянымъ лицомъ и рыжими волосами, такъ и индивидуумы, вполнѣ еще удержавшіе особенности иранскаго типа [2]). Такимъ образомъ, смѣшеніе типовъ здѣсь

---

[1]) Grenard въ Dutreuil de Rhins — «Mission scientifique dans la Haute Asie», 1890—1895, II, стр. 455, упоминаетъ о далдахъ, живущихъ, будто-бы, въ окрестностяхъ Да-туна и въ долинѣ р. Да-тунъ-хэ; но я не могу подтвердить этого извѣстія: монголовъ-далда мы здѣсь не встрѣтили. Ср. Потанинъ — «Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», I, стр. 344.

[2]) Бартольдъ въ своей рецензіи на первыя три главы настоящаго труда, вышедшія въ іюлѣ 1898 г. отдѣльной книжкой, замѣчаетъ, между прочимъ, нижеслѣдующее («Записки восточнаго отдѣла Импер. Русск. Археол. Общ.», 1899, XI, стр. 357): «Изъ частныхъ взглядовъ, которыми авторъ расходится съ большинствомъ другихъ изслѣдователей, отмѣтимъ его мнѣніе о дунганахъ, которыхъ онъ считаетъ «потомками уроженцевъ Самарканда, Бухары и другихъ городовъ турано-иранскаго Запада, уведенныхъ въ качествѣ плѣнныхъ и насильно поселенныхъ монголами въ предѣлахъ Китая» (см. выше, стр. 65). Трудно согласиться со взглядомъ автора, что его теорія «вполнѣ удовлетворительно разъясняетъ одну изъ этническихъ загадокъ»; мы не знаемъ никакихъ фактовъ, указывающихъ на антропологическое родство дунганъ съ таджиками и сартами. Но, какъ гипотеза, мнѣніе г-на Грумъ-Гржимайло несомнѣнно имѣетъ такое же право на существованіе, какъ столь же мало доказанные взгляды прежнихъ изслѣдователей».

На это я могу прежде всего замѣтить, что приписываемая мнѣ теорія происхожденія дунганъ принадлежитъ не мнѣ, а архимандриту Палладію, что съ достаточной ясностью и указано мною на той же 65 страницѣ; тѣмъ не менѣе, признавая эту теорію единственно вѣрной, я съ удовольствіемъ беру на себя трудъ отвѣтить г. Бартольду.

Г. Бартольдъ не знаетъ никакихъ антропологическихъ фактовъ, которые указывали бы на родство дунганъ съ таджиками и сартами. Очень жаль, что мой уважаемый критикъ просмотрѣлъ ихъ, хотя, сказать кстати, подобныхъ указаній въ скудной литературѣ о дунганахъ не такъ уже мало; чтобы не быть голословнымъ, укажу, напримѣръ, на слѣдующее мѣсто въ книгѣ Потанина — «Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», стр. 144: «. . . Мы

было полное и выступало даже въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ, напримѣръ, въ Притяньшаньѣ — фактъ не легко объяснимый, если принять во вниманіе, что условія жизни мѣстныхъ дунганъ въ уединенной долинѣ должны были скорѣе выработать среди нихъ болѣе однородный типъ.

Въ томъ племенномъ конгломератѣ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ дунганъ, безспорно самымъ интереснымъ долженъ считаться рыжеволосый элементъ: онъ особенно замѣтенъ среди

стали встрѣчать много мусульманскихъ жилищъ. Между здѣшними мусульманами много физіономій чисто тюркскихъ (терминъ не совсѣмъ удачный, какъ видно изъ нижеслѣдующаго); старики особенно типичны; часто встрѣчаются порядочныя черныя и сѣдыя бороды и иногда бакенбарды. Типъ здѣшнихъ мусульманъ всего болѣе напоминаетъ тюрковъ города Хами (Потанинъ въ русскомъ Туркестанѣ, да и вообще западнѣе Хами, не былъ; ср. фототипію, приложенную въ началѣ настоящей книги). Женщины съ маленькими ножками; одѣты совершенно по китайски. Если вѣрно, какъ увѣряютъ китайскіе мусульмане, что они не принадлежатъ къ китайской расѣ, что они народъ, пришлый съ запада, изъ Туркестана, то они представляютъ странную особенность среди другихъ племенъ, утратившихъ, какъ и они, свою національность женщины, которыя повсюду отличаются большимъ консерватизмомъ, чѣмъ мужчины, и считаются главными хранительницами старыхъ завѣтовъ, у здѣшнихъ мусульманъ болѣе, чѣмъ мужчины поддались чужому обычаю». Послѣдній фактъ, дѣйствительно, знаменателенъ, но онъ совершенно удовлетворительно объясняется съ точки зрѣнія палладіевской гипотезы: Чингисханиды выселили на востокъ только ремесленниковъ и художниковъ — мужчинъ, которые и пережепились тамъ на китаянкахъ.

Если взвѣсить факты, которые даетъ намъ исторія, то нельзя, какъ мнѣ кажется, не придти къ заключенію, что уже до монгольской эпохи типъ туземцевъ Туркестана долженъ былъ быть въ значительной степени смѣшаннымъ. Эта метисація въ еще сильнѣйшей степени должна была происходить въ Китаѣ, куда выселено было одно лишь мужское населеніе туркестанскихъ городовъ; для таджикскаго типа непрекращавшееся съ тѣхъ поръ смѣшеніе должно было дать роковые результаты, такъ что существованіе дунганъ, подобныхъ сфотографированному нами старику, прекрасно сохранившему всѣ особенности иранскаго типа, должно разсматриваться какъ случай атавизма. Но этотъ же атавизмъ, возводя гипотезу архимандрита Палладія въ теорію, служитъ одновременно и прекраснымъ отвѣтомъ г. Бартольду.

Grenard, незнакомый съ теоріей Палладія, высказалъ въ послѣднее время взглядъ, очень близкій къ изложенному у насъ: «En concluant, nous ferons remarquer que l'islamisation de Kan sou est un fait de colonisation et non point de propagation religieuse. S'il y eut dans le commencement quelques conversions, surtout parmi les Turco-mongols du nord elles ne durent jamais être bien nombreuses et cessèrent bientôt. L'élément chinois, ferme dans sa foi séculaire au culte ancestral, ne s'est point laissé entamer; il a toujours été absolument réfractaire à l'islamisme comme il l'a été aux différentes formes de christianisme, parce que ces religions ne pouvaient point s'accommoder des croyances et des traditions nationales» (Dutreuil de Rhins — «Mission scientifique dans la Haute Asie», II, стр. 471).

Тамъ же (стр. 468—469) о наружности дунганъ читаемъ: «Ceux-ci ont un type physique se rapprochant beaucoup de celui des Salar, qui se distinguent très nettement des Chinois par le type physique. Leur taille est haute, leur musculature sèche, leur nez grand et non épaté, leurs yeux noirs et droits, leurs pommettes très peu saillantes, leur face allongée, leurs sourcils très fournis, leur barbe abondante, noire et raide comme leurs cheveux; leur front est fuyant, leur crâne aplati par derrière, leur peau basanée mais nullement jaune (стр. 457—458). Chez qnelques-uns cette ressemblance éclate avec évidence et à première vue, chez tous elle se découvre à un examen un peu attentif... Il es probable... qu'ils ont dû s'allier aux femmes indigènes, ce qui a eu pour résultat d'altérer plus ou moins leur type».

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Солдаты Да-тун'скаго лагеря.

Солдатъ Шинъ-чэн'скаго гарнизона и два дунгана изъ окрестностей этого города.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

подошву; вершина же скрывалась въ туманѣ, который сползалъ по всѣмъ ея падямъ и полосами протягивался надъ котловиной, издали казавшейся совершенно зеленой: старая трава здѣсь была выжжена, а молодая успѣла подняться уже на вершокъ или два. Здѣсь впервые мы увидѣли черныя палатки тангутовъ и огромныя стада яковъ.

Такъ какъ дождь шелъ, не переставая, то мы рѣшились спуститься въ котловину и въ ней остановиться, но сопровождавшій насъ офицеръ отсовѣтовалъ это сдѣлать.

— Почва котловины, говорилъ онъ, пропитана водою и сверхъ того поросла свѣжей травой, на которую, безъ сомнѣнія, и набросятся ваши лошади; но съ непривычки она можетъ раздуть имъ животы и вызвать заболѣванія.

Замѣчаніе было вполнѣ справедливое, и мы потащились дальше.

Котловина оказалась, дѣйствительно, болотистой; по крайней мѣрѣ, даже тропинка, по которой мы шли, была залита водой на десятки саженъ. Пройдя рѣчку, мы вскорѣ замѣтили, что вновь подымаемся въ гору; но это былъ лишь небольшой холмъ, по другую сторону коего разстилалась широкая долина лѣваго притока р. Да-тунъ-хэ — рѣчка Пинъ-фу-хуръ. Здѣсь, у полуразвалившагося пикета Бо-шу-хо-цзы, мы и остановились.

Рѣчка Пинъ-фу-хуръ, протекавшая у подошвы крутого обрыва волнистаго плато, отдѣляющаго Юнъ-ань-чэнъ отъ долины рѣки Да-тунъ-хэ, образовала близъ пикета довольно обширное кочковатое болото, кишевшее водяной птицей, среди коей мы тотчасъ же замѣтили одиноко разгуливавшаго журавля — Grus nigricollis, Przew. Братъ бросился къ нему, но ружье дало сначала осѣчку, а затѣмъ онъ, повидимому, только ранилъ могучую птицу, которая тяжело взлетѣла и опустилась въ полуверстѣ разстоянія отъ пикета. Ее преслѣдовалъ лучшій нашъ стрѣлокъ, казакъ Колотовкинъ, но потерялъ изъ вида послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ выстрѣловъ изъ берданки на разстояніи 400—500 шаговъ.

Послѣ обѣда, когда нѣсколько разъяснѣло, мы здѣсь добыли для коллекціи Montifringilla ruficollis, Blanf., Motacilla (Budytes) citreola, Pall. [1]), Aegialitis mongolicus, Pall., и Tringa Temminckii, Leisl.

---

[1]) Въ «Научныхъ результатахъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи», II, 3, стр. 184, Плеске пишетъ слѣдующее: «Область гнѣздованія Budytes citreola въ мѣстностяхъ, пройденныхъ Н. М. Пржевальскимъ, ограничивается, повидимому, юго-восточной Монголіей и горными системами, окаймляющими западную часть центрально-азіатской пустыни, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Въ апрѣлѣ 1894 г. эта плиска добыта въ Цайдамѣ, но гнѣздится ли по

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Солдатъ Юнъ-ань'скаго лагеря.

Фототипія В. Киселя, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Печат. Н. Каминскій.

Сверхъ того, въ одной изъ трещинъ стѣны пикета Бо-шу-хо-цзы мы нашли гнѣздо Fregilus graculus, L., съ порядочно уже насиженными яйцами.

Мы покинули Бо-шу-хо-цзы на слѣдующій день очень рано. Утро было ясное, и оба хребта, окаймлявшіе долину Да-тунъ-хэ, были видны великолѣпно, притомъ съ нѣкоторыхъ придорожныхъ холмовъ на огромномъ протяженіи; едва-ли мы даже не видѣли на западѣ снѣговые пики, подымающіеся близъ вершины р. Харге-чю!

До импаня Пинъ-фу-хуръ, гдѣ намъ была устроена почетная встрѣча, дорога шла внизъ по рѣчкѣ того же имени; за этимъ же импанемъ — лѣвымъ берегомъ Да-тунъ-хэ, большой рѣки, разбросавшейся нѣсколькими многоводными рукавами по саю, мѣстами прижатому къ скаламъ Южно-Тетунгскаго хребта [1]), мѣстами же имѣющему въ ширину саженъ 400, если не цѣлую версту. Эта рѣка, въ древности носившая названія Хао-мынь [2]) или Хао-вэй-шуй [3]), хорошо видна на прилагаемой фототипіи.

Близъ импаня Пинъ-фу-хуръ мы натолкнулись на нѣсколько юртъ хошоутовъ. Это были единственные монголы, которыхъ мы видѣли въ Гань-су и въ области Куку-нора.

Отъ устья р. Пинъ-фу-хуръ до устья р. Ло-ху-лу — слѣдующаго лѣваго притока Да-тунъ-хэ, на протяженіи одиннадцати верстъ, долина широка, но сохраняетъ тотъ же волнистый характеръ, какъ и подъ Юнъ-ань-чэномъ; только здѣсь одѣвающая ее растительность получила еще болѣе степной характеръ: всюду господствовалъ кипецъ (Festuca sp.), прошлогодніе сѣро-желтые пучки котораго, не вполнѣ одѣвая почву, дѣлали ее похожей на щетку. Только по южнымъ склонамъ логовъ и на днѣ этихъ послѣднихъ виднѣлись кое-гдѣ площадки луговыхъ травъ, которыя почему-то зазеленѣли раньше и теперь яркими пятнами выдѣлялись на блекломъ фонѣ прошлогодней растительности. Въ такихъ логахъ, подъ валунами и крупной галькой, мы находили во множествѣ жучковъ

болотамъ названной провинціи Budytes citreola, или она уже тамъ замѣнена близкимъ видомъ Budytes citreoloides, рѣшить не берусь. Въ юго-восточной части области, обслѣдованной Пржевальскимъ, именно на Кукунорѣ, по Голубой рѣкѣ (Ды-чу) и, вѣроятно, въ верхнемъ теченіи Хуанъ-хэ гнѣздится почти навѣрное лишь Budytes citreoloides. Экземпляры изъ Нань-шаня, Ала-шаня, Цайдама и изъ Южно-Кукунорскаго хребта добыты на пролетѣ».

Мнѣ кажется, что мы можемъ съ полною достовѣрностью утверждать, что Budytes citreola, Pall., гнѣздится по всему верхнему Да-туну.

[1]) Согласно съ закономъ Бэра о рѣкахъ, имѣющихъ теченіе въ направленіи меридіанальномъ или близкомъ къ меридіанальному.

[2]) «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 431.

[3]) Успенскій — «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 85.

изъ рода Agonum, а также Lorocera ovipennis, Sem., Pseudotaphoxenus sp., Zabrus sp. и др.; и тутъ же Meloë n. sp.[1]). Среди многочисленныхъ стадъ яковъ, козъ и барановъ и табуновъ малорослыхъ, но красивыхъ тангутскихъ лошадокъ[2]) намъ иногда попадались антилопы (Gaz. Przewalskii, Büchn.), которыя были, однако, настолько пугливы, что не подпустили къ себѣ нашихъ охотниковъ ни разу ближе какъ на 500 шаговъ.

За рѣчкой Ло-ху-лу стали попадаться пашни. Мы видѣли всходы ячменя (сортъ «я-ми») и овса; но намъ говорили, что въ окрестностяхъ Да-туна воздѣлываются также горохъ и пшеница, которые, впрочемъ, не всегда дозрѣваютъ[3]). Здѣсь тангутовъ и монголовъ смѣнили дунгане. Стали попадаться ослы. Виднѣлись кое-гдѣ арыки, глинобитные заборы, слѣды какихъ-то построекъ. Ясно, что мы подходили къ городу. А вотъ, наконецъ, и онъ показался...

Да-тунъ больше Юнъ-ань-чэна, но онъ имѣетъ столь же безотрадный и нищенскій видъ, какъ и этотъ послѣдній. Его невысокія, глинобитныя стѣны представляютъ развалину, которую едва-ли есть какая-нибудь возможность привести въ приличный видъ. Внутри господствуетъ мерзость запустѣнія; лачуги и размытыя водою стѣны оградъ образуютъ узкія, кривыя улицы, грязь и невзрачность коихъ еще болѣе оттѣняется высокими пай-лоу, впрочемъ также уже достаточно обветшалыми. На единственной городской площади находится кумирня, на видъ столь же убогая, какъ и все, вообще, въ этомъ городѣ. Офицеры, за исключеніемъ одного только инъ-гуаня[4]), высокаго и дороднаго маньчжура, устроившаго намъ прекрасную встрѣчу, помѣщены отвратительно; напримѣръ, его ближайшій помощникъ, которому мы сдѣлали также визитъ, положительно не зналъ на чемъ и гдѣ насъ усадить; его пріемная комната не имѣла и сажени въ квадратѣ и притомъ была настолько низка, что на канѣ, занимавшемъ въ ней три четверти всего пространства, было возможно только сидѣть. И подумаешь, въ такихъ лачугахъ старшіе офицеры коротаютъ девять холодныхъ мѣсяцевъ въ году! Безотрадное существованіе! Замѣчу кстати,

---

[1]) Изъ найденной тутъ же гусеницы Agrotis corticea amurensis, Stgr., мы получили бабочку въ іюлѣ.

[2]) Интересно было бы сличить этихъ лошадокъ, но еще лучше южно-сычуаньскихъ и юнь-наньскихъ, съ сохранившейся у сойотовъ малорослой породой горныхъ клепперовъ.

[3]) Абсолютная высота Да-туна равняется 9,866 фут.

[4]) На датунскаго инъ-гуаня возложены также обязанности по гражданскому управленію краемъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Да-тун'скій уѣздный начальникъ Маньчжуръ.

Фототипія В. Клясенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правка Н. Каминскій.

что у этого офицера изъ домашней обстановки я замѣтилъ только красный лакированный столикъ, на которомъ намъ и поданъ былъ чай, и крощечную, лакированную же шкатулку, одиноко стоявшую въ нишѣ стѣны.

Окружной городъ Да-тунъ былъ основанъ маньчжурами [1]). Но мѣсто это издавна служило административнымъ центромъ; такъ, извѣстно, напримѣръ, что въ началѣ VIII вѣка здѣсь находилось тибетское укрѣпленіе Да-тунъ-цзюнь [2]). Вѣроятно, этому укрѣпленію принадлежали и тѣ прекрасно еще сохранившіеся ровъ и крѣпостной валъ, которые находятся къ югу отъ современнаго города, имѣютъ форму правильнаго четыреугольника и поражаютъ своими размѣрами.

Въ Да-тунѣ мы простояли два дня, которые прошли въ визитахъ; урваться на экскурсію удалось только однажды, причемъ изъ бабочекъ мы здѣсь наловили: Ala pretiosa, Alph., n. sp., Pyrgus Bieti, Oberth., и Triphysa Dohrnii — видъ, котораго не существовало въ европейскихъ коллекціяхъ, такъ какъ экземпляръ, по которому въ 1850 году было сдѣлано Zeller'омъ его описаніе, былъ вскорѣ утраченъ; родиной целлеровскаго экземпляра, надо думать, была сѣверная Монголія, гдѣ недавно видъ этотъ снова былъ найденъ; привезъ его также и Вагнеръ съ верхняго Енисея. Изъ птицъ въ коллекцію поступили: Acanthis brevirostris, Bp., Urocynchramus Pylzowi, Przew., Motacilla lugens, Kittl. [3]), Herbivocula affinis, Tick., Phasianus Strauchi, Przew. [4]), Sterna hirundo tibetana, Saund., державшаяся здѣсь во множествѣ, и Podiceps nigricollis, Brehm.; сверхъ того были замѣчены, но не добыты: Cyanopica cyanea, Pall., Cinclus kashmiriensis, Gould., Tetraogallus himalayensis, Gray, и Anser indicus, Lath.

День, избранный нами для выступленія изъ Да-туна, былъ неудачный. Съ утра шелъ густой ситникъ, который, очевидно, наладился на цѣлый день. Черезъ рѣку мы переправились въ бродъ

---

[1]) Biot — «Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements de l'empire Chinois», стр. 194.

[2]) Іакинфъ — «Исторія Тибета и Хухунора», I, стр. 165.

[3]) Этой плиски Пржевальскій не встрѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ по Средней Азіи; но ее привезъ Березовскій изъ южнаго Ордоса («Птицы ганьсуйскаго путешествія Г. Н. Потанина», стр. 54). Она гнѣздится во многихъ мѣстахъ Гань-су, и мы находили ее почти по всему своему пути. Наши экземпляры были добыты въ ущельи Ма-ти, въ долинѣ Да-тунъ-хэ и по южную сторону Хуанъ-хэ, близъ Гуй-дэ-тина.

[4]) Фазанъ Штрауха держался здѣсь среди кустарныхъ порослей, но нерѣдко заходилъ и въ ельникъ, восходя до высоты, равной, вѣроятно, 10,500 фут. абс. поднятія. Столь высоко въ горахъ мы нигдѣ болѣе не встрѣчали фазановъ.

съ порожними лошадьми и ишаками, багажъ же свой и барановъ перевезли частью на каюкѣ, частью на плоту, который былъ связанъ изъ еловыхъ жердей, укрѣпленныхъ на турсукахъ. На перекатахъ, гребнемъ коихъ насъ и повели конвойные солдаты, воды было свыше трехъ футовъ, такъ что нѣкоторыхъ ишаковъ, безъ всякихъ, впрочемъ, дурныхъ для нихъ послѣдствій, сбило съ ногъ и отнесло саженъ на двадцать книзу. Намъ говорили при этомъ, что Да-тунъ-хэ вздувается въ огромную рѣку, имѣющую въ плёсѣ саженъ до двадцати, нѣсколько позднѣе, а именно въ концѣ мая, но что затѣмъ рѣка постепенно спадаетъ и въ августѣ вновь достигаетъ апрѣльскихъ размѣровъ.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что сѣверные склоны Южно-Тэтунгскихъ горъ круто спускаются въ долину рѣки Да-тунъ-хэ, которая, прижимаясь къ нимъ почти вплотную, только мѣстами оставляетъ площадки, пригодныя для поселеній. Такихъ поселеній на нашемъ пути встрѣтилось нѣсколько: Гао-лай-ху у переправы, Инъ-сань-чжа въ девяти верстахъ далѣе и Да-хо-ту, Сайнь-тамъ и Каса-хо по ту сторону высокаго, сложеннаго изъ песчаниковъ и красныхъ песчанистыхъ глинъ, отрога, который тянется поперекъ всей долины и въ средней своей части прорывается рѣкой. Это, такъ сказать, преддверье щекъ Да-тунъ-хэ, которыя видны съ него весьма отчетливо и впередъ на многія версты.

Помянутый отрогъ встрѣтился намъ на десятой верстѣ. Мы круто отклонились отъ рѣки и по скользкой, глинистой, сильно размытой тропѣ съ трудомъ взобрались на перевалъ, съ котораго открылся чудный видъ на всю долину Да-тунъ. Противоположный берегъ рѣки былъ усыпанъ селеніями, которыя располагались по тремъ лѣвымъ притокамъ Да-тунъ-хэ: Ѣ-гѣ-фэй, Са-го-хэ и Линъ-гу-хэ. Самымъ крупнымъ изъ этихъ селеній былъ городокъ Сань-ши-мяо; намъ говорили даже, что въ немъ жителей (дунганъ) было не меньше, чѣмъ въ Да-тунѣ. При устьѣ Ѣ-гѣ-фэй было расположено селеніе Ма-бѣ-чжи, а затѣмъ слѣдовали съ запада на востокъ Са-го, Линъ-гу-вань и Ка-линъ-ху. Между этими селеніями тянулись поля, которыя изумрудно-зелеными полосами рѣзко выдѣлялись на выцвѣтшемъ фонѣ степи, гдѣ только въ логахъ прошлогодняя трава стала уступать мѣсто молодой зелени, узкими змѣйками восходившей къ горамъ, казавшимся, сквозь окутывавшій ихъ туманъ, огромнымъ, снѣговымъ, недосягаемымъ по своей высотѣ кряжемъ.

Спускъ съ перевала шелъ по узкой долинѣ р. Да-хо-ту, гдѣ

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Долина р. Да-тунъ.

Фототипія В. Власовъ С. Петербургъ Кадетская лин. № 7-2

Провѣрилъ Н. Каминскій.

мы впервые увидали разцвѣтшій экземпляръ Iris Bungei, Maxim. Миновавъ небольшое селеніе, мы снова вышли къ Да-тунъ-хэ и, слѣдуя окраиной его сая, не доходя щекъ [1]), которыя проходимы развѣ только въ зимнее время, достигли устья рѣчки Каса-хо, вверхъ по которой идетъ, черезъ перевалъ Са-дабанъ, дорога въ г. Сининъ. На этой рѣчкѣ мы и остановились выше селенія Каса-хо, на болотистомъ островкѣ, поросшемъ сочной, молодой травкой, Rhododendron thumifolium, Maxim., бывшемъ уже въ полномъ цвѣту [2]), Potentilla sp. и лознякомъ, который только что начиналъ распускать свои листочки на верхушкахъ вѣтвей.

Здѣсь, въ деревнѣ, у мельницы, мы встрѣтили цѣлое общество красивыхъ голубыхъ сорокъ (Cyanopica cyanea, Pall.), изъ коихъ два — три экземпляра тотчасъ же попали въ руки нашего препаратора. Фактъ нахожденія голубыхъ сорокъ на ивахъ, росшихъ у мельницы, нѣсколько противорѣчитъ наблюденіямъ Пржевальскаго, который замѣтилъ, что птица эта тщательно избѣгаетъ человѣка [3]). Впрочемъ, уже Березовскій писалъ, что находилъ ее, главнымъ образомъ, въ культурномъ поясѣ горъ, въ пекинской же равнинѣ даже въ садахъ [4]).

Едва мы уставили свои юрты, какъ насъ вызвалъ на объясненіе нашъ проводникъ — тангутъ, заявившій, что онъ насъ покидаетъ.

Этотъ тангутъ былъ подряженъ нами въ Су-чжоу въ качествѣ проводника и отличнаго охотника на мараловъ и большихъ хищниковъ; но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи онъ намъ не былъ полезенъ: восточнѣе Ма-ти-сы онъ самъ никогда не бывалъ, а на звѣрей могъ охотиться лишь въ знакомыхъ условіяхъ. Но зато онъ несомнѣнно пригодился бы намъ на возвратномъ пути, служа въ остальное время посредникомъ въ нашихъ сношеніяхъ съ тангутами. Къ тому же онъ былъ хорошимъ товарищемъ,

---

[1]) Паденіе Да-тунъ-хэ въ этомъ мѣстѣ видно изъ слѣдующихъ цифръ.

Считая, что въ Юнъ-ань-чэнѣ мы находились выше плёса рѣки футовъ на 200, въ Да-тунѣ футовъ на 150 и въ Каса-хо футовъ на 100, абсолютная высота Да-тунъ-хэ опредѣлится:

у Юнъ-ань-чэна	10.700 фут.
» Да-туна	9.700 »
» Каса-хо	9.350 »

Это составило бы около 25 фут. паденія на версту въ участкѣ Юнъ-ань-чэнъ — Да-тунъ и столько же въ участкѣ Да-тунъ—Каса-хо; но выше по рѣкѣ паденіе слабѣе и въ участкѣ Черикъ — устье Ши-хэ опредѣляется цифрой въ 20 ф. на версту.

[2]) Этотъ видъ рододендрона самый распространенный въ Гань-су; растетъ онъ исключительно на сырыхъ сѣверныхъ склонахъ горъ, на высотѣ между 8.000—11.000 ф.

[3]) «Монголія и страна тангутовъ», II, стр. 74.

[4]) Op. cit., стр. 122.

хотя и держался особнякомъ. Но какъ мы его не уговаривали, упрямый тангутъ настоялъ на своемъ и ушелъ въ тотъ же вечеръ. Куда? Обратно въ свое родное селеніе съ тѣмъ, чтобы затѣмъ въ сообществѣ нѣсколькихъ односельчанъ промышлять мараловъ въ горахъ. Наша же жизнь пришлась ему не по нутру. Онъ жаловался на скуку, на стѣсненіе свободы, на вѣчное передвиженіе... Особенно же вознегодовалъ онъ, когда узналъ, что мы идемъ въ городъ Синингъ и далѣе на югъ: «Какъ! вы покидаете горы въ самое маралье время? Нѣтъ, слуга покорный, болѣе я вамъ не товарищъ!»

На слѣдующій день мы должны были перевалить черезъ Южно-Тэтунгскій хребетъ, который, какъ намъ казалось, былъ до половины заваленъ снѣгами. Въ дѣйствительности оказалось, однако, иначе. Тѣмъ не менѣе, переходъ былъ очень тяжелый, такъ какъ намъ приходилось карабкаться по глинистой тропинкѣ, крайне скользкой, мѣстами же представлявшей грязное мѣсиво, въ которомъ утопали наши лошади и ослы. Но верблюдъ велъ себя молодцомъ и хотя съ видимымъ усиліемъ, но бодро шагалъ впередъ; впрочемъ, если онъ безъ особыхъ непріятныхъ приключеній и добрался до вершины перевала, то единственно благодаря Сарымсаку, который присматривалъ за нимъ какъ заботливая мать за своимъ ребенкомъ.

На наше счастье день былъ солнечный, безвѣтренный, теплый.

Подъемъ начался сейчасъ же за селеніемъ Каса-хо. Мы оставили вправо болотистую долину и стали взбираться на горный отрогъ, въ нижнемъ горизонтѣ сложенный изъ красныхъ и желтосѣрыхъ глинъ, а выше изъ блѣдныхъ песчаниковъ, прикрытыхъ фута на полтора черной растительной почвой и поверхъ послѣдней — дерномъ луговыхъ травъ и мха, среди коихъ сплошными насажденіями росли Rhododendron thymifolium, Maxim., и Prunus stipulacea, Maxim. Еще выше, въ полугорѣ, за пикетомъ Сайнъ-динъ-тамъ, сталъ попадаться великолѣпный, душистый Rhododendron Przewalskii, Maxim. [1]), росшій здѣсь отдѣльными деревцами фута въ два-три высотой и рѣзко выдѣлявшійся яркой зеленью своихъ большихъ кожистыхъ листьевъ на общемъ блекломъ фонѣ прошлогоднихъ травъ, среди коихъ только кое-гдѣ мелькали одинокіе цвѣты: у пикета — Iris gracilis, Maxim., и выше — Meconopsis

[1]) Смолистыя почки этого рододендрона издаютъ запахъ, напоминающій запахъ, издаваемый почками душистаго тополя. Ниже 9.500 ф. мы его въ Гань-су не встрѣчали.

integrifolia, Maxim., Isopyrum grandiflorum, Fisch., и Primula stenocalyx, Maxim.

За пикетомъ дорога стала особенно трудной. Намъ пришлось пройти нѣсколько падей и три раза взбираться на третьестепенные отроги, пока, наконецъ, мы не выбрались на восточный склонъ главнаго отрога и не очутились надъ рѣчкой Са-шуй, еле теперь виднѣвшейся на значительной глубинѣ. Здѣсь тропинка обратилась въ грязную рѣчку, обойти которую не было возможности, такъ какъ и выше и ниже наши животныя уходили въ размякшую почву, точно въ кисель. Особенно же далъ себя знать грязевой оползень, шириной въ три-четыре сажени. Но выбившись изъ него, мы уже безъ особыхъ приключеній добрались до нижней границы снѣгового поля. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколько пѣшихъ дунганъ, которые съ двумя лошадьми только что спустились съ перевала.

— Ну, какъ дорога?

— Пройдете благополучно!

Мы, дѣйствительно, прошли снѣга благополучно, но не безъ труда, такъ какъ мѣстами пришлось карабкаться по тропинкѣ, затянутой льдомъ, или идти скользкими косогорами, которые для того, чтобы сдѣлать ихъ проходимыми для нашего каравана, посыпались землей.

Здѣсь порхала Montifringilla nemoricola, Hodgs., которая и попала въ нашу коллекцію.

Наконецъ, мы взобрались на перевалъ, который намъ называли каждый разъ различно — Ха, Ша и Са-дабанъ и который имѣлъ 12.500 фут. абсолютнаго поднятія; такимъ образомъ, сегодня мы поднялись свыше, чѣмъ на 3.000 футовъ по вертикалу, что составитъ около 300 фут. на версту. Спускъ съ Са-дабана оказался круче. Снѣга здѣсь не было, и дорога, мѣстами искусственно выбитая въ скалѣ, многочисленными зигзагами сползла въ узкую тѣснину, по которой и вышла на рѣчку Лу-шуй.

Живописное ущелье, по которому протекала эта послѣдняя, обставленное высокими скалами темносѣраго и бураго палеозойскаго песчаника, поросло лиственными деревьями и кустарниками, которые едва зеленѣли. О прошлогодней травѣ здѣсь, однако, уже не было и помину, и цвѣты (главнымъ образомъ — Ranunculaceae, но также Iris gracilis, Maxim., Primula farinosa algida, Trautv., Pr. stenocalyx, Maxim., Coelonema draboides, Maxim., и по галечнику — Gentiana Grumii, Kusnez., n. sp.), пестрѣвшіе на изумрудно-зеленомъ лугѣ, представляли дивный, яркій, весенній коверъ, среди котораго,

то разливаясь узкими ручейками, то собираясь въ одинъ бурливый потокъ, несла свои воды рѣчка Лу-шуй. Здѣсь мы встрѣтили нижеслѣдующіе виды птицъ: Carpodacus rubicilloides, Przew., Anthus rosaceus, Hodgs., Herbivocula affinis, Tick., Chaemorrhornis leucocephala, Vig., Calliope Tschebaiewi, Przew., и Merula ruficollis, Pall.

Ущелье Лу-шуй-коу имѣетъ въ длину шесть верстъ. Оно довольно неожиданно кончается и выходитъ въ широкую, котловинообразной формы и съ волнистою поверхностью долину рѣчки Алтынъ, у китайцевъ — Ша(са)-мынъ-хэ, вверхъ по которой въ 1873 г. прошелъ нашъ знаменитый предшественникъ въ этихъ мѣстахъ — Н. М. Пржевальскій. Двѣ версты дальше, ниже сліянія Ша-мынъ-хэ, Лу-шуй и Дунъ-ша-фэй (Дунъ-ша-фи), мы завидѣли первыя полосы хлѣбныхъ полей [1]) и домики дунганскаго селенія Сань-чжу-чунъ, близъ котораго и остановились.

Въ Сань-чжу-чунѣ насъ встрѣтили высланные сюда изъ Шинъ-чэна китайскіе солдаты и толпа окрестныхъ дунганъ, отнесшихся къ намъ съ необыкновеннымъ радушіемъ. Едва подходили эшелоны вьюковъ, какъ лошади мигомъ расхватывались, вещи тщательно снимались и складывались въ кучу. На первыхъ порахъ мы боялись пропажи или какой-либо неосторожности со стороны нашихъ неожиданныхъ помощииковъ, но затѣмъ успокоились: такъ ловко и умѣло справлялись они съ хитрой обвязкой нашихъ сундуковъ, мѣшковъ и свертковъ, выработавшейся практикой многихъ дней, проведенныхъ въ дорогѣ.

Послѣ обѣда они явились къ намъ съ музыкальными инструментами и сыграли нѣсколько довольно мелодичныхъ пьесъ, мотивомъ своимъ напоминавшихъ туркестанскую музыку, фактъ, говорящій опять-таки въ пользу палладіевой гипотезы происхожденія дунганъ; что же касается инструментовъ, на которыхъ они играли, то часть ихъ можетъ считаться китайскимъ изобрѣтеніемъ [2]).

Я уже имѣлъ случай говорить о нѣкоторыхъ изъ этихъ инструментовъ [3]); прилагаемая фототипія даетъ понятіе о четырехъ

---

[1]) Абсолютная высота мѣста — около 10.000 фут.

[2]) Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, согласно указаніямъ китайцевъ, въ городахъ Восточнаго Туркестана издавна существовали свои оригинальные музыкальные инструменты, которые впослѣдствіи вошли и въ китайскій оркестръ. Такъ, въ «Исторіи Тибета и Хухунора» Іакинфа мы читаемъ слѣдующее: «Императоръ помолвилъ за кяньбу дочь князя Ли-шеу-ли въ качествѣ цзинь-ченъ царевны, для принятія которой туфаньскій дворъ прислалъ нарочное посольство. Императоръ, сжалясь надъ дѣтствомъ царевны, пожаловалъ ей нѣсколько десятковъ тысячъ кусковъ шелковыхъ матерій, отпустилъ съ нею различныхъ мастеровъ и далъ *кучаскую музыку*» (I, стр. 157).

[3]) См. томъ I, стр. 343.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Дунганскій оркестръ.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Пресса Н. Кошинскій.

изъ нихъ: гырджакѣ, рабабѣ, сетарѣ и менѣе хорошо — о янчинѣ, который, впрочемъ, вполнѣ удовлетворительно изображенъ и описанъ Пантусовымъ [1]). Янчинъ у дунганъ называется «ганъ-шань» и «чжанъ-ко-ганъ-шань», у китайцевъ — «янь-чинъ». Гырджакъ или, какъ пишетъ Пантусовъ, гиджекъ называется у дунганъ «ху-ху-цзы», у китайцевъ — «хунъ-чинъ»; дунганскій «ху-ху-цзы» проще по устройству хамійскаго гырджака и имѣетъ только четыре струны; впрочемъ, по словамъ Пантусова, подобные гырджаки встрѣчаются и у таранчей, можетъ быть также и въ Самаркандѣ, хотя тамъ этого инструмента мнѣ и не довелось самому видѣть [2]). Рабабъ называется у дунганъ, какъ и у таранчей — «пипа»; на немъ играютъ щипкомъ [3]). Наконецъ, сетаръ (трехструнный дутаръ) у дунганъ носитъ названіе «шана», у китайцевъ — «сань-шэнь-цзы», у илійскихъ таранчей — китайскаго ревоба; сетаромъ же или сетеромъ послѣдніе называютъ смычковый инструментъ типа гырджака [4]); на сетарѣ дунгане играютъ, одѣвши костяныя кольца на пальцы.

Въ Сань-чжу-чунѣ мы простояли два дня, экскурсируя въ его окрестностяхъ, которыя представляютъ пресѣченную мѣстность, съ почвой изъ красныхъ песчанистыхъ глинъ и грубыхъ конгломератовъ, изъ подъ которыхъ лишь въ немногихъ мѣстахъ обнажается коренная порода — скалы кварцеваго песчаника. Здѣсь особенно рѣзко бросалось въ глаза упомянутое различіе въ растительномъ покровѣ сѣверныхъ и южныхъ горныхъ склоновъ [5]): тогда какъ

---

[1]) «Таранчинскія пѣсни» («Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.», по отдѣл. этнографіи, XVII, вып. 1). Пантусовымъ описанъ также и калунъ, котораго лично мнѣ не удалось видѣть. Прекрасное изображеніе хотанскаго калуна можно видѣть у Dutreuil de Rhins, op. cit., II, стр. 140.

[2]) Сужу же объ этомъ на основаніи рисунка 8, приложеннаго къ брошюрѣ Пѣтухова — «Народные музыкальные инструменты музея С.-Петербургской консерваторіи».

[3]) У илійскихъ таранчей имѣется инструментъ, извѣстный подъ этимъ же названіемъ (Пантусовъ пишетъ — ревабъ), но форма его и способъ игры на немъ совершенно другіе. Таранчинскій ревабъ въ Хотанѣ называется рбабомъ (rbab); инструментъ же, близкій къ турфанскому рабабу, если вѣрить Detreuil de Rhins, op. cit., стр. 136, хештаромъ. Впрочемъ, текстъ Гренара расходится съ пояснительными рисунками.

[4]) Въ Хотанѣ сетаромъ (citar, согласно Dutreuil de Rhins, ib.) называется девятиструнный инструментъ, на которомъ также играютъ смычкомъ (камальчи).

[5]) Это различіе настолько здѣсь рѣзко, что не могло не броситься въ глаза и другимъ изслѣдователямъ края. См. Пржевальскій — «Монголія и страна тангутовъ», I, стр. 238, и Лочи, op. cit., стр. 590. Воейковъ («Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи», отдѣлъ метеорологическій, стр. 248) по тому же предмету говоритъ нижеслѣдующее:

«Растительность въ горахъ Ганьсу вообще очень роскошна, но однако обширные лѣса встрѣчаются лишь въ южномъ хребтѣ (это положительно не такъ; самые обширные лѣса находятся въ области верхняго Эцзинъ-гола), и то на его сѣверномъ склонѣ. Это, повидимому, странное явленіе объясняется тѣмъ, что зимой въ горахъ Ганьсу выпадаетъ немного снѣга и

сѣверные, одѣтые густымъ мхомъ и поросшіе кустарникомъ, влажные и сѣровато-черные, едва вступали въ первый періодъ весны (мы нашли только одно цвѣтущее растеніе — голубую Corydalis curviflora, Maxim.), южные давно уже перешли къ лѣту — желтые лютики отцвѣтали [1]), но зато среди кипцовыхъ пучковъ, довольно густо одѣвавшихъ красноватую почву, виднѣлись во множествѣ: Primula farinosa algida, Trautv., Pr. stenocalyx, Maxim., также Corydalis curviflora, Maxim., Incarvillea compacta, Maxim., Androsace sempervivoides tibetica, Maxim., Fragaria sp. и др. Здѣсь мнѣ удалось наловить во множествѣ новый видъ Nisoniades, описанный мною подъ именемъ Nis. erebus [2]), въ нѣсколькихъ экземплярахъ Carterocephalus argyrostigma, Ev. и, наконецъ, Colias montium, Oberth., только что тогда описанную Обертюромъ по одному экземпляру, полученному изъ Да-цзянь-лу. Изъ птицъ намъ здѣсь попались: Cyanopica cyanea, Pall., Carpodacus pulcherrimus, Hodgs., Motacilla citreoloides, Hodgs., Lophobasileus elegans, Przew., Phylloscopus superciliosus Mandellii, Brooks., Calliope Tschebaiewi, Przew., и Phasianus Strauchi, Przew. Изъ другихъ отдѣловъ животнаго царства, собранныхъ нами здѣсь, заслуживаетъ упоминанія чрезвычайно

на южныхъ склонахъ онъ рано таетъ, и слѣдовательно тамъ деревья остаются безъ защиты отъ очень сильныхъ морозовъ (?), случающихся нерѣдко весной. На сѣверномъ склонѣ снѣгъ держится долѣе и подъ его защитой деревья не страдаютъ отъ весеннихъ морозовъ».

Съ этимъ мнѣніемъ я не могу согласиться. Сильные морозы, достигающіе, при отсутствіи снѣга, 25° и болѣе, не мѣшаютъ въ Турфанскомъ округѣ расти даже такимъ деревьямъ, какъ Fraxinus sogdiana, Zizyphus vulgaris, Ailantus (glandulosa?) и т. д.; то же можно сказать и о подгорьѣ Нань-шаня. На сѣверныхъ склонахъ восточнаго Тянь-шаня (къ востоку отъ перевала Буйлукъ), лишенныхъ снѣжнаго покрова даже зимой, прекрасно ростутъ нѣкоторые кустарники (Cotoneaster, Rosa, Caragana и др.), а между тѣмъ извѣстно, что именно тамъ морозы достигаютъ иногда чрезвычайной силы. Такимъ образомъ, не морозы мѣшаютъ росту лѣса, а другая причина, на которую я уже и указывалъ выше (стр. 298). Я говорю о сравнительной сухости южныхъ склоновъ Нань-шаня.

Лѣса ростутъ лишь тамъ, гдѣ есть подпочвенное орошеніе. Сѣверные склоны, нагрѣваемые очень слабо, испаряютъ очень мало воды, благодаря чему получаются условія для образованія дернового покрова, въ свою очередь задерживающаго влагу, которая черезъ посредство этого покрова и переходитъ въ подпочву; этого и достаточно для того, чтобы дать возможность жить кустарнику и лѣсу. Совершенно иныя условія для растительной жизни представляютъ южные склоны Ганьсуйскихъ горъ. Они нагрѣваются очень сильно, вслѣдствіе чего испаряютъ очень много воды; остающееся же въ почвѣ этихъ склоновъ количество ея, очевидно, недостаточно для образованія сплошнаго дерна. Благодаря же отсутствію этого послѣдняго, вода не задерживается на склонахъ, не проникаетъ въ почву, а быстро съ нихъ скатывается, оставляя, какъ слѣдъ своего пребыванія, глинистую, растрескавшуюся кору на поверхности земли.

[1]) За исключеніемъ Caltha palustris, L., которая только-что начинала цвѣсти на мочажинахъ.

[2]) Одновременно (въ іюнѣ 1891 г.) видъ этотъ описанъ былъ Личемъ по экземплярамъ, полученнымъ изъ бассейна Янъ-цзы-цзяна. Тождественность обоихъ видовъ (Erebus, Gr.-Gr. и Pelias Leech) установлена была Edwards'омъ и Elwes'омъ въ ихъ монографіи восточныхъ Hesperiidae («The transactions of the Zoological Society of London», XIV, 4, 1897, October, стр. 163).

ярко окрашенная травяная лягушка — Rana temporaria, L. [1]). Сверхъ того, въ Сань-чжу-чунѣ же, мнѣ попалась на глаза змѣя, въ длину имѣвшая не болѣе двухъ футовъ, но при этомъ несоразмѣрно толстая; цвѣтъ ея былъ матово-черный, съ слабо выраженнымъ бѣлымъ рисункомъ, какъ мнѣ показалось, состоявшимъ изъ бѣлыхъ поперечныхъ полосокъ; въ общемъ она напомнила мнѣ черную разность Pelias berus, довольно обыкновенную въ окрестностяхъ Сарепты.

5 мая мы перенесли свой бивуакъ въ окрестности тангутскаго монастыря Алтынъ, извѣстнаго у китайцемъ подъ именемъ Гумань-сы. Путь сюда шелъ внизъ по рѣчкѣ Алтынъ-голу, холмистой мѣстностью, изрѣзанной неглубокими сухими балками, въ бокахъ коихъ обнажались красноватыя и лёссоподобныя глины съ значительной примѣсью голышей; кое-гдѣ голыши эти попадались въ такихъ скопленіяхъ, что глина получала характеръ лишь слабаго цемента въ грубомъ конгломератѣ. Поверхность холмовъ была покрыта степною растительностью, главнымъ образомъ — кипцомъ, изъ подъ котораго почти всюду просвѣчивалась земля. Теперь, однако, на зарѣ лѣта, кромѣ кипца бросались въ глаза и другія травы, которыя на покатостяхъ, обращенныхъ къ сѣверу, группировались даже въ сплошные ковры яркой зелени, испещренной желтыми, бѣлыми, розовыми и голубыми цвѣтами. Особенно красиво выглядѣли сплошныя насажденія то болѣе голубыхъ, то болѣе фіолетовыхъ (попадались и бѣлыя разности) ирисовъ (Iris ensata, Thunb.), среди коихъ росли Viola biflora, L., Corydalis straminea, Maxim., Androsace sempervivoides tibetica, Maxim., Gentiana Grumii, Kusnez. Отдѣльными островками попадались также сильно пахучая Stellera chamaejasme, L., которая едва распускала свои розовые бутоны, и Euphorbia altaica, Mey. Ельникъ, лиственныя деревья и

---

[1]) Она имѣла розовое брюхо и свѣтлозеленую окраску спины, которая измѣнилась въ спирту. Объ этомъ экземплярѣ Rana temporaria Бедряга помѣстилъ нижеслѣдующую замѣтку въ «Научныхъ результатахъ путешествій Пржевальскаго по Центральной Азіи», отд. зоол., III, ч. I, вып. 1, стр. 21: «Разсматривая и рисуя ноги R. temporaria, я нашелъ, что у экземпляровъ, собранныхъ г. Грумомъ-Гржимайло въ Сань-чжу-чунѣ (у Бедряги стоитъ — Шанъ-жу-чунѣ) и въ Ча-чжи, внѣшніе пальцы заднихъ ногъ укорочены, и что послѣднихъ фалангъ нѣтъ; я полагаю, что паразиты — причина пораненія и уродливаго образованія этихъ пальцевъ, но я не имѣю положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить: происходитъ ли это исключительно отъ механическихъ внѣшнихъ причинъ или черезъ прирожденное недоростаніе. Какъ извѣстно, случаи monstruositates per defectum были неоднократно наблюдаемы у ракообразныхъ».

Лягушки, пойманныя нами въ Сань-чжу-чунѣ и въ Ча-чжи, были взяты на широкихъ галечныхъ саяхъ, т. е. на такой аренѣ, которая могла помѣшать развитію послѣднихъ фалангъ пальцевъ; въ этомъ, какъ мнѣ кажется, направленіи и должны мы искать разгадку интереснаго явленія.

кустарныя поросли встрѣтились намъ вновь только уже близъ монастыря Гу-мань-сы [1]). Береза здѣсь едва зеленѣла, тополи только что начинали распускать свои сережки; тоже можно было бы сказать и о большинствѣ кустарныхъ породъ, которыя поэтому и остались неопредѣленными. Онѣ были, однако, здѣсь довольно разнообразны; такъ, я могу отмѣтить: Prunus stipulacea, Prunus chamaerops (?), Rosa sp.?, по крайней мѣрѣ два вида Berberis, Lonicera syringantha minor.?, Cotoneaster sp.?, Hippophaë rhamnoides, Salix sp.?, Caragana jubata, Rhododendron thymifolium, Potentilla sp.? и другіе виды.

Всходы хлѣбовъ подвинулись здѣсь уже значительно впередъ, были густы и сулили хорошій урожай населенію попутныхъ деревень — Ма-ла-ло, Линь-гань-чжо, Ши-хо-чжо и Ирма, на рѣчкѣ того же имени, состоявшему почти исключительно изъ дунганъ. Первыя тангутскія хозяйства встрѣтились намъ лишь у монастыря Гу-мань-сы, да и то, вѣроятно, они принадлежали этому послѣднему, имѣвшему видъ настоящаго городка, окруженнаго стѣной съ одними лишь воротами на рѣку.

Настоятель этого монастыря встрѣтилъ насъ очень враждебно. Онъ приказалъ затворить передъ нами ворота и объявить намъ, что не только не разрѣшаетъ намъ охотиться и собирать валежникъ въ окрестностяхъ Гу-мань-сы, но и не допуститъ насъ къ себѣ въ монастырь. Мы обратились съ вопросомъ къ сопровождавшему насъ китайскому офицеру: что это значитъ? На что получили слѣдующій любопытный отвѣтъ: «Тангуты подчиняются не сининскимъ властямъ, а куку-норскому чинъ-сэю, который ненавидитъ иностранцевъ [2]). Желая, очевидно, ему угодить, старый гыгэнъ и дѣлаетъ вамъ теперь затрудненія. Но вы не обращайте вниманія на слова старика: его угрозы безсмысленны. Что онъ можетъ вамъ сдѣлать, если мы съ вами?!»

Кажется, гыгэнъ, дѣйствительно, скоро одумался. Онъ прислалъ намъ новыхъ пословъ, которые пытались объяснить происшедшее—недоразумѣніемъ и даже приглашали насъ отъ его имени посѣтить его въ монастырѣ, но мы не воспользовались этимъ приглашеніемъ, чѣмъ, кажется, очень огорчили монаховъ. Впрочемъ, за все время пребыванія нашего близъ ихъ монастыря, они не переставали посѣщать насъ и даже помогали намъ ловить Siphneus

---

[1]) Абсолютная высота монастыря — 9.400 фут.

[2]) Въ этомъ намъ вскорѣ пришлось и лично убѣдиться.

Fontanieri, M.-Edw., — китайскаго слѣпыша, расплодившагося въ окрестностяхъ Гу-мань-сы въ невѣроятномъ количествѣ.

Мы простояли здѣсь до 10 мая, экскурсируя въ окрестностяхъ ежедневно. Изъ птицъ мы добыли здѣсь: Cerchneis tinnunculus, L. [1]), Cyanopica cyanea, Pall., Poliopsar cineraceus, Temm., Chloris sinica, L., Carpodacus pulcherrimus, Hodgs., Motacilla citreoloides, Hodgs., M. melanope, Pall., Herbivocula affinis, Tick., Phylloscopus superciliosus Mandellii, Brooks., Ruticilla shisticeps, Hodgs., Merula Kessleri, Przew., Trochalopterum Elliotti, Verr., Pterorhinus Davidi, Verr., и Phasianus Strauchi, Przew. Послѣдніе были здѣсь очень обыкновенны, и не проходило дня, чтобы братъ не доставлялъ ихъ намъ на кухню.

Но главную нашу добычу составляли бабочки. Кромѣ значительнаго количества пойманныхъ здѣсь Colias Montium, Oberth., мы наловили здѣсь красивыхъ Lycaena Lanti, Oberth., Triphysa Dohrnii, Z., Pyrgus maculatus, Brem et Grey, Carterocephalus argyrostigma, Ev., Nisoniades erebus Gr.-Gr., Hypoplectis adspersaria, Hb., var., Gnophos difficilis, Alph., var. nov., Scodiona belgaria, Hb., Eucosmia certata, Hb., и др.

Отъ монастыря Гу-мань-сы мы шли внизъ по рѣчкѣ Шамынъ-хэ (Алтынъ-голу), а затѣмъ, черезъ городки Шинъ-чэнъ и Дань-гэръ, вышли въ долину Сининской рѣки, гдѣ застали лѣто въ полномъ разгарѣ; здѣсь, поэтому, будетъ вполнѣ умѣстно сказать нѣсколько словъ о климатическихъ особенностяхъ весенняго мѣсяца въ Нань-шаньскихъ горахъ.

Городъ Гань-чжоу-фу мы покинули 8 апрѣля, монастырь Гу-мань-сы — 10 мая, такимъ образомъ общее число дней, проведенныхъ въ Нань-шанѣ, равняется 32; изъ нихъ 15 дней приходятся на сѣверные его склоны и 17 — на южные. Общая длина пройденнаго нами за это время пути равняется 275 верстамъ. На этомъ протяженіи мы пересѣкли три хребта по переваламъ, абсолютная высота коихъ равнялась:

У-бо-линь-цзы	черезъ хр. Ци-лянь-шань	. .	11.850 фут.
Чжи-нань-линь	»	» Сѣверно-Тэтунгскій.	12.700 »
Са-дабанъ	»	» Южно-Тэтунгскій. .	12.500 »

---

[1]) Всѣ привезенные мною изъ Гань-су (Хуй-хуй-пу, Булунгиръ, Гу-мань-сы, Хуанъ-хэ и Хый-хэ) экземпляры пустельги оказались принадлежащими къ типичной формѣ; между тѣмъ, Пржевальскій, по странной случайности, вывезъ отсюда же одну лишь японскую разность этого сокола (см. «Монголія и страна тангутовъ»,II, стр. 16).

Если исключить эти наивысшія точки маршрута, а также первую станцію отъ Гань-чжоу-фу — селеніе Пинъ-фынъ-ча, расположенное на абсолютной высотѣ, равной 5,512 футамъ, то, въ общемъ, нашъ маршрутъ колебался въ предѣлахъ абсолютныхъ высотъ — 7.650 фут. (сел. Чжань-мань-цзэ) и 10,900 фут. (Юнъ-ань-чэнъ). Къ средней изъ этихъ двухъ цифръ — 9.275 фут. очень близко подходятъ абсолютныя высоты главныхъ мѣстъ наблюденія:

Монаст. Ма-ти-сы	8.720 фут.
Уроч. Ши-хоу	9.290 »
Гор. Да-тунъ	9.865 »
Монаст. Гу-мань-сы.	9.400 »

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что разница между абсолютными высотами: съ одной стороны Ма-ти-сы и Ши-хоу, съ другой — Да-туна и Гу-мань-сы, вполнѣ компенсируется тѣмъ обстоятельствомъ, что первые два пункта наблюденій расположены на сѣверныхъ, а вторые два на южныхъ склонахъ Нань-шаня.

Изъ 32 дней наблюденія ясныхъ было всего только два дня: оба приходились на апрѣль (8 и 10 апрѣля) и притомъ на ту часть нашего пути, которая пролегала по равнинѣ между Гань-чжоу-фу и Ма-ти-сы. Засимъ неоднократно случалось такъ, что съ утра — ясное небо, подернутое лишь перистыми (cirrus) или слоисто-перистыми (cirro-stratus) облаками, къ полудню заволакивалось тучами или, наоборотъ, съ утра-пасмурное небо къ вечеру становилось вполнѣ яснымъ. Совершенно чистый небосклонъ ночью былъ довольно обыкновеннымъ явленіемъ, но въ моемъ дневникѣ на этотъ счетъ не велось записей; такихъ же дней, когда небо, хотя на нѣсколько часовъ, было яснымъ, показано 9. То, что сказано здѣсь относительно ясныхъ дней, въ еще большей степени должно быть отнесено къ облачнымъ: изъ 15 такихъ дней только въ 4 случаяхъ небо оставалось постояннымъ въ теченіе болѣе 12 час. кряду; въ остальныхъ же 11 облака или проходили и смѣнялись перисто-кучевыми (cirro-cumulus) или сгущались въ дождевыя тучи. Пасмурныхъ дней въ теченіе свыше 12 часовъ наблюдалось 13, пасмурныхъ наполовину — 6. Изъ нихъ въ 6 случаяхъ выпадалъ снѣгъ, въ 8 — дождь, въ 3 — дождь и снѣгъ одновременно, въ одномъ случаѣ градъ со снѣгомъ и въ одномъ же градъ съ дождемъ (гроза, 26 апрѣля). Хотя, такимъ образомъ, изъ всего числа дней наблюденія дней съ осадками было 19 или 59 процентовъ, но въ общемъ весеннее время въ Нань-шань'скихъ горахъ

не можетъ быть названо обильнымъ водными осадками: снѣгъ только однажды, а именно 16 апрѣля, выпалъ на глубину двухъ вершковъ, въ остальное же время онъ только крутился въ воздухѣ, на землѣ же не оставлялъ почти никакого слѣда; равнымъ образомъ подъ крупный дождь (ливень) мы не попадали ни разу, моросило же часто, иногда подрядъ нѣсколько часовъ, иногда же (впрочемъ, только въ двухъ случаяхъ) чуть не цѣлыя сутки.

Эти наблюденія вполнѣ подтверждаютъ слова Пржевальскаго, который писалъ [1]):

«Въ Гань-су, вообще обильной водяными осадками, климатъ весны суровѣе, чѣмъ въ Монголіи, такъ что въ теченіе всего апрѣля здѣсь ни разу не падалъ дождь, хотя снѣжныхъ дней считалось 17 (весной 1890 года, наоборотъ, преобладали дожди даже на высотахъ свыше 11.000 футовъ абс. подн.). Затѣмъ, въ маѣ начались дожди, обыкновенно непродолжительные, такъ что, хотя въ этомъ мѣсяцѣ считалось 20 дождливыхъ дней и 2 снѣжныхъ, *но мѣстные жители жаловались на засуху,* да и *травянистая растительность,* въ особенности на открытыхъ склонахъ (конечно, обращенныхъ на югъ) или въ степныхъ мѣстахъ, *видимо блекла отъ недостатка влаги*» [2]).

Обиліе степныхъ пространствъ въ области горъ Гань-су доказываетъ, однако, что весны 1873 и 1890 годовъ вовсе не принадлежали къ числу исключительныхъ.

Правильно и другое замѣчаніе Пржевальскаго, что въ Гань-суйскихъ горахъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ Средней Азіи, весной наблюдается затишье [3]).

Дѣйствительно, абсолютно безвѣтренныхъ дней мною было зарегистровано 7 или 22%; въ остальные же дни вѣтеръ большею частью дулъ слабо, съ большими интервалами и нерѣдко при этомъ мѣняя румбы; случалось также, что вѣтеръ, наблюдавшійся нами, дулъ со стороны, противуположной движенію облаковъ. Сильный вѣтеръ наблюдался дважды — съ запада и юго-запада, буря — однажды, а именно — 30 апрѣля, въ Да-тунѣ, съ юго-востока. Но господствующими вѣтрами были сѣверо-восточные, что видно изъ слѣдующей таблицы:

---

[1]) «Монголія и страна тангутовъ», II, стр. 10.

[2]) Слова въ скобкахъ принадлежатъ мнѣ.

[3]) Ib., стр. 8.

				Ясно.	Облачно.	Пасмурно.
Тихо	7	изъ	нихъ	2	1	4
N	4	»	»	—	2	2
NW	4	»	»	—	2	2
W	1	»	»	—	1	—
SW	3	»	»	—	1	2
S.	4	»	»	1	2	1
SO	4	»	»	1	1	2
O	5	»	»	—	2	3
NO.	7	»	»	1	3	3

При этомъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что сѣверные вѣтры наблюдались, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня; на южныхъ же они смѣнились восточными и юго-восточными вѣтрами, можетъ быть — первыми волнами лѣтняго китайскаго муссона, который дулъ обыкновенно довольно сильно, хотя непродолжительно. На сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня южный вѣтеръ дулъ очень рѣдко, къ тому же начинался около полудня и кончался около четырехъ. Я принималъ его за періодическое стеканіе съ горъ холодныхъ массъ воздуха (за бризы), почему и не отмѣчалъ въ дневникѣ.

Осадки выпадали на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня при затишьѣ или при вѣтрахъ, дувшихъ съ сѣвера и сѣверо-востока, крайне притомъ слабыхъ; такъ что здѣсь, очевидно, мы наталкиваемся на тотъ же фактъ, который разъяснилъ Воейковъ для сѣверныхъ склоновъ Кэрійскихъ горъ, получающихъ обильные лѣтніе осадки изъ мѣстнаго источника — орошенныхъ полей Хотанскаго округа, испаряющихъ огромное количество воды [1]). При этомъ не лишне будетъ замѣтить, что хотя осадки выпадали здѣсь, главнымъ образомъ, въ видѣ снѣга, но снѣгъ этотъ былъ обыкновенно влажнымъ и тотчасъ же таялъ; только однажды онъ пролежалъ бодѣе сутокъ.

На южныхъ склонахъ Нань-шаня дождь два раза выпадалъ при затишьѣ, разъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и шесть разъ при восточномъ и юго-восточномъ вѣтрахъ. Гроза съ градомъ принесена была также юго-восточнымъ вѣтромъ.

За весь разсматриваемый періодъ времени термометръ ни разу не опускался ниже 6^0 мороза. Такое пониженіе температуры мы

---

[1]) «Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго», отд. метеор., стр. 275—276. Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что осадки приносились къ горамъ Нань-шаня сѣверо-восточными вѣтрами и въ то время, когда ни о какомъ орошеніи полей не могло быть и рѣчи, причемъ снѣгъ былъ сухъ и иглистъ. См. выше, стр. 232.

испытали всего однажды, а именно въ ущельи Ма-ти, 14 апрѣля, въ 4 часа утра, послѣ того, какъ наканунѣ дулъ NON, сразу же и значительно понизившій дневную температуру. Впрочемъ, до 4—5° мороза ртуть опускалась неоднократно, что видно изъ слѣдующаго:

Ст. близъ Гань-чжоу-фу (4.960)	8 апрѣля	3 ч. 30 м. утра	— 5°	ясно	тихо
Мон. Ма-ти-сы (8.720)	15 »	7 » вечера	— 5°	пасмурно	NO
» »	16 »	9 » »	— 5°	»	NO
» »	17 »	1 » ночи	— 5°	»	NO
» »	18 »	3 » »	— 4°	ясно	тихо
Гор. Юнъ-ань-чэнъ (10.900)	26 »	4 » »	— 4°	»	NW
Пик. Бо-шу-хо-цзи (около 10.000) . . .	29 »	4 » »	— 4°	облачно	послѣ NW
Сел. Сань-чжу-чунъ (около 10.000)	4 мая	4 » »	— 5°	ясно	тихо

За тотъ же періодъ наивысшая температура достигала 25°, да и то столь высокая температура наблюдалась всего однажды и притомъ въ селеніи Пинъ-фынъ-ча, т. е. въ Ганьчжоу'ской равнинѣ, а не въ горахъ. Въ горахъ же максимумъ температуры не превышалъ 19° въ апрѣлѣ и 24,5° въ маѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о наивысшихъ температурахъ за обозрѣваемое время видны изъ слѣдующаго:

Мон. Ма-ти-сы (8.720)	10 апрѣля	12 ч.	— 19°	ясно	тихо
Гор. Юнъ ань-чэнъ (10.900)	26 »	12 »	— 16°,5	облачно	O
» »	27 »	1 » дня	— 16°	пасмурно	O
» Да-тунъ (9.865)	1 мая	2 » »	— 20°	облачно	SO
Сел. Сань-чжу-чунъ (около 10.000)	4 »	1 » »	— 18°	»	SO
Мон. Гу-мань-сы (9.400)	5 »	12 »	— 23°	пасмурно	тихо
» »	6 »	12 »	— 24°,5	облачно	»
» »	7 »	1 » дня	— 23°	»	SO
» »	8 »	1 » »	— 17°	пасмурно	тихо
» »	9 »	11 » утра	— 16°,5	облачно	»

Сводя метеорологическія данныя Пржевальскаго, Воейковъ замѣчаетъ, что въ горахъ Гань-су въ концѣ апрѣля и въ маѣ встрѣчаются рѣзкія противуположности: ясные солнечные дни и очень сухой воздухъ и затѣмъ нѣсколько дней сряду снѣгъ и мятели, а въ маѣ, въ нижнемъ поясѣ горъ, и дожди [1]).

Вѣроятно, весна 1890 года была въ Гань-су особенно благопріятной или, можетъ быть, наоборотъ, наблюденія Пржевальскаго производились въ исключительно суровую весну, но только этотъ

[1]) Op. cit., стр. 248.

выводъ не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы встрѣтили въ это время года въ Нань-шанѣ. Я уже говорилъ, что буря, и то непродолжительная, наблюдалась всего однажды, сильные же вѣтры дважды; въ остальное время господствовало полное затишье или дулъ такой слабый вѣтеръ, что онъ еле ощущался. Мятелей намъ наблюдать вовсе не доводилось. Послѣдній снѣгъ выпалъ 22 апрѣля; засимъ 24, 25 и 28 снѣгъ выпадалъ съ дождемъ, въ маѣ же, даже въ сел. Сань-чжу-чунъ, выпадалъ только дождь.

Выпаденіе осадковъ, если и понижало температуру воздуха, то незначительно; вообще же, никакихъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду и обратно не замѣчалось, что, впрочемъ, видно и изъ амплитуды за мѣсяцъ, которая равнялась:

$$\begin{array}{l} -\ 6^0 \quad \text{(въ 4 ч. утра, 14 апрѣля, въ ущ. Ма-ти)} \\ +\ 24^0{,}5 \quad \text{(въ полдень, 6 мая, у мон. Гу-мань-сы)} \\ \hline 30^0{,}5 \end{array}$$

Я долженъ замѣтить, что дующіе въ Нань-шанѣ уже съ конца апрѣля юго-восточные вѣтры приносятъ вмѣстѣ съ влагой и тепло; вотъ почему даже на перевалѣ Чжи-нань-линь, абсолютная высота котораго равна 12.700 фут., насъ мочилъ дождь, пока вѣтеръ дулъ съ востока, но когда онъ измѣнилъ свое направленіе на сѣверное, то повалилъ снѣгъ; однако, не надолго. Во время наступившаго затѣмъ затишья все небо заволоклось однообразной сѣрой пеленой, и пошелъ ситникъ, не прекратившійся и на слѣдующій день. Вотъ почему, какъ это, впрочемъ, видно и изъ вышеприведенныхъ данныхъ, весною, на южныхъ склонахъ Нань-шаня, наивысшая температура почти всегда совпадаетъ съ облачнымъ или пасмурнымъ небомъ и вѣтрами съ востока или юго-востока.

Суточныя амплитуды, даже судя по мѣсячной (съ 10 апрѣля по 10 мая), не могутъ быть особенно значительными. Такъ оно и оказывается на дѣлѣ:

Наибольшая суточная амплитуда, которую намъ приходилось наблюдать, составляла 23^0 (4 мая).
Наименьшая » » » » » » » $3^0{,}5$ (2 мая).

Сутокъ, когда ртуть термометра не опускалась ниже 0^0, насчитывалось 12; сутокъ же, когда ртуть не поднималась выше 0^0, не было вовсе. Самый холодный день выпалъ на 16 апрѣля, когда суточная средняя (изъ 14 наблюденій) составляла $-\ 1^0{,}15$; самый теплый день на 5 мая, когда та же средняя (изъ 11 наблюденій) составляла $-\ +\ 12^0$, причемъ амплитуда равнялась всего лишь 17^0.

Наконецъ, еще нѣсколько цифръ:

Наибольшая средняя температура дня составляла (съ 6 час. утра до 6 час. вечера)	$17^0,6$	(5 мая)
Наименьшая средняя температура дня составляла	$-0^0,45$	(16 апрѣля)
Наибольшая » » ночи » (съ 6 час. вечера до 6 час. утра)	6^0	(на 5 мая)
Наименьшая средняя температура ночи составляла	$-3^0,7$	(на 16 апрѣля)
Число сутокъ, средняя температура коихъ была ниже 0^0	3	(14, 15 и 16 апрѣля)
» » » » » » равна 0^0	0	
» » » » » » выше 0^0	29	
» дней, » » » » ниже 0^0	1	
» ночей » » » » » 0^0	8	

Весна въ Нань-шань'скихъ горахъ наступала постепенно и шла впередъ равномѣрно, безъ какихъ-либо замѣтныхъ скачковъ впередъ или назадъ, отъ тепла къ холоду, такъ что, судя по 1890 г., про нее нельзя сказать, чтобы она отличалась *рѣзкими противуположностями:* то ясно, тепло и сухо, то опять на нѣсколько дней холодъ, снѣгъ и мятели...

Кстати о влажности воздуха.

Психрометромъ экспедиція снабжена не была. Поэтому, насколько велика была влажность воздуха весной въ Нань-шань'скихъ горахъ, я сказать не могу. Однако, мною подмѣченъ былъ цѣлый рядъ фактовъ, пригодныхъ для грубаго вывода. Такъ, въ самые даже жаркіе дни сѣверные склоны горъ оставались до такой степени влажными, что, при ходьбѣ по нимъ, сапоги намокали очень быстро; росы выпадали ежедневно; бабочки на расправилкахъ долго не просыхали; смоченная бумага оставалась влажной въ юртѣ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ и высыхала окончательно только будучи выставленной на солнце; растенія упорно не сохли, чернѣли, покрывались плѣсенью, и т. д.; все это, конечно, доказываетъ, что воздухъ въ долинахъ Нань-шаня весной въ достаточной степени насыщенъ водяными парами,— выводъ, къ которому, какъ кажется, можно было бы придти и a priori, если поставить въ связь съ орографическими особенностями страны (узкія, глубокія долины юго-восточнаго простиранія) преобладающія весной воздушныя теченія съ юго-востока (китайскій муссонъ), при рѣзкости и слабости вѣтровъ съ другихъ сторонъ горизонта.

ГЛАВА XI.

Въ горахъ бассейна Сининской рѣки.

10 мая мы покинули нашу стоянку у монастыря Гу-мань-сы. Нашъ путь пролегалъ по долинѣ р. Ша-мынъ-хэ, которая отсюда получила названіе Лама-гоу у китайцевъ и Лу-ша-гоу у дунганъ. Селенія попадались часто, поля и отдѣльные хутора виднѣлись повсюду. Первымъ, и въ то же время крупнѣйшимъ, было селеніе Я-нинъ-ду, нѣчто вродѣ мѣстечка, расположенное тотчасъ же за Гу-мань-сы. Посреди его ширилась площадь — средоточіе мѣстной торговли, которая въ моментъ нашего прохода была запружена народомъ, созерцавшимъ игру актеровъ на открытыхъ подмосткахъ. Далѣе же слѣдовали Ла-ху-чу и Янь-дунь-цзы, противъ которыхъ, на лѣвомъ берегу Лама-гоу, виднѣлось селеніе Я-и-чжа.

Здѣсь р. Лама-гоу слилась съ крупнѣйшимъ изъ своихъ притоковъ — рѣчкой Га-ла-ху, а дорога перебросилась на ея лѣвый берегъ ради обхода холма, сложеннаго изъ красноватой глины съ примѣсью крупной гальки. У селенія Хуй-хуй-цзы мы еще разъ перешли черезъ рѣчку и тутъ впервые увидали пару красивыхъ ибисовъ — Ibidorhyncha Struthersi, Vigors., которые съ громкимъ крикомъ носились надъ рѣчкой. Оба были убиты. Но когда братъ направился за добычей къ небольшому островку изъ груды наворoченной гальки и валуновъ, изъ подъ его ногъ вдругъ выскочили птенцы — маленькія, сѣренькія птички въ пуховомъ нарядѣ, которыя точно прыснули во всѣ стороны и тотчасъ же залегли межъ камней. Братъ увѣряетъ, что ихъ было семь; но намъ съ трудомъ удалось розыскать четырехъ, до такой степени сѣренькія тѣльца ихъ были неотличимы отъ сѣраго галешника. Это были хорошіе номера для коллекціи, такъ какъ Ibidorhycha Struthersi въ пуховомъ нарядѣ до сихъ поръ оставалась еще неизвѣстной.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Шинъ-чэн'скій мостъ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Кишинскій.

Ниже селенія Хуй-хуй-цзы пашни стали попадаться рѣже. Рѣчка протекала здѣсь по широкому галечному ложу, окаймленному высокими берегами, въ обрывахъ коихъ ясно видно было строеніе мѣстной почвы — глинистаго песка съ обильной галькой и валунами, которые чуть не сплошь устилали и поверхность земли. Только въ двухъ мѣстахъ, да и то на лѣвомъ берегу р. Лама-гоу, была еще возможность устроить поселенія и, дѣйствительно, мы здѣсь увидали группы фанзъ, которыя носили названія деревень — Я-чжа-чжо и Да-тунъ-чжанъ.

Да-тунъ-чжанъ расположена была почти у подошвы высокой скалистой гряды Юнъ-шоу-шань, которая преграждала долину р. Лама-гоу съ юга. Когда-то тутъ, вѣроятно, было озеро. Еще и теперь воды Лама-гоу широко разливаются по плоской цирко-образной долинѣ, не образуя строго выраженнаго русла. Въ одномъ мѣстѣ мы должны были пройти саженъ сто по водѣ, нигдѣ не стоявшей глубже, чѣмъ на футъ, и казавшейся неподвижной. Но у самой горы воды собрались снова въ одинъ рукавъ и безшумно потекли по сквозному ущелью, сложенному изъ исполинскихъ скалъ доломитоваго известняка и кварцита.

Это необыкновенной красоты мѣсто.

Кажется, точно гора разступилась здѣсь для того только, чтобы пропустить рѣчку, такъ какъ умъ отказывается приписать эту огромную работу сквозного промыва высокой горы въ самой недоступной, самой скалистой ея части слабымъ струямъ Лама-гоу; между тѣмъ, это несомнѣнно было такъ, и теперь мы застаемъ уже только финалъ грандіозной работы воды, которая еще бурлитъ и пѣнится въ серединѣ ущелья. Щеки въ длину имѣютъ всего лишь полторы версты, но подымаются надъ рѣчкой на высоту 2.000, можетъ быть, даже 2.500 футовъ; такимъ образомъ, ущелье имѣетъ характеръ исполинскихъ воротъ, черезъ которыя мы и вступили въ красивую долину шинченской рѣки, которую намъ назвали Да-хэ — большою рѣкой; монгольское же ея названіе, по словамъ Пржевальскаго, Бугунъ-голъ [1]).

Мы остановились, не доходя моста черезъ эту рѣку, у субургана, т. е. миніатюрной древне-индійской ступы, превосходно сложенной изъ сырцоваго кирпича. У этого субургана, утвержденнаго

---

[1]) Лочи (op. cit., стр. 587) приводитъ для нея еще два названія: для верхняго теченія — Ха-линъ-хо (Ha-ling-ho), для нижняго — Бэй-чунь-хо (Bei-tschuen-ho). На большой китайской картѣ провинціи Гань-су она названа Да-чунь-хэ.

на фундаментѣ изъ дикаго камня, отштукатуренъ былъ только фустъ, украшенный медальонами, и шпицъ, уже надломленный сверху [1]); въ общемъ, однако, состояніе памятника показывало, что выстроенъ онъ недавно [2]), но по какому случаю — этого узнать мы не могли. Намъ сказали только, что гора Юнъ-шоу-шань, черезъ которую прорывались обѣ рѣки — Лама-гоу и Да-хэ, и которая возвышалась теперь надъ нами, почиталась у буддистовъ священной, а также, что она находится въ вѣдѣніи монастыря Чу-жо-сы [3]) и что на ней живутъ въ кельяхъ отшельники.

До этихъ келій я не подымался, но съ полугоры былъ очарованъ красивымъ ландшафтомъ, раскинувшимся у меня подъ ногами. Долина Да-хэ была видна на огромномъ протяженіи. Скрываясь у синихъ горъ, увѣнчанныхъ ярко блестѣвшими бѣлыми пиками, она точно выплывала изъ подъ нихъ, ширилась, принимала болѣе ясныя формы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе реальную окраску, переходившую отъ полупрозрачныхъ фіолетовыхъ тоновъ въ свѣтло-красные. Таковъ былъ дѣйствительный цвѣтъ почвы всѣхъ окрестныхъ высотъ, и на нихъ яркая зелень полей выдѣлялась рѣзко очерченными прямоугольниками. Рѣка становилась видной отъ мѣста сліянія своего съ правымъ притокомъ Ло-санъ. Отсюда она текла широкимъ плёсомъ, часто разбрасываясь на рукава и занимая своимъ каменистымъ ложемъ всю середину долины. Правый берегъ послѣдней образовывали террасообразно поднимавшіяся высоты мягкихъ очертаній, лѣвый — скалы Юнъ-шоу-шаня. У меня подъ ногами рѣка шумѣла и пѣнилась. Она проходила здѣсь пороги, прежде чѣмъ скрыться въ ущельи, за скалистой грядой, пересѣкавшей долину Да-хэ и скрывавшейся затѣмъ подъ толщами лёсса [4]). Эта гряда — пониженное продолженіе Юнъ-шоу-шаня, который образуетъ въ мѣстѣ своего прорыва рѣкой довольно крутой заломъ къ западу. Но не только эта гряда преграждаетъ здѣсь долину Да-хэ. Китайцы воспользовались естественной преградой и усилили ее искусственнымъ сооруженіемъ — стѣной, которая, вѣроятно, когда-то служила сѣверной гранью китайскихъ земель, теперь же имѣла значеніе лишь историческаго памятника. За нею

---

[1]) Подробнѣе о субурганахъ см. у Позднѣева — «Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи», стр. 58.

[2]) Вѣроятно, поэтому о немъ и не упомянуто у Пржевальскаго и Крейтнера.

[3]) Чейбсенъ у Пржевальскаго.

[4]) Лёссъ этотъ (если только, вообще, это лёссъ) не типиченъ; въ немъ попадается галька и цвѣтъ его искрасна-желтоватый.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Субурганъ.

Ворота въ Гумбумъ.

Фототипія В. Киссинъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правит. К. Каминскій.

скрывался городъ Шинъ-чэнъ. Въ эту же сторону горы понижались, расходились и, наконецъ, терялись въ голубоватой дымкѣ дали.

Въ долинѣ Да-хэ мы застали уже настоящее лѣто [1]). На поляхъ шло первое полотье сорныхъ травъ. Всѣ горные склоны усыпаны были цвѣтами Iris ensata, Thunb., Iris gracilis, Maxim., Stellera chamaejasme, L., Viola biflora, L., Androsace sempervivioides tibetica, Maxim., Oxytropis humifusa Kar. et Kir., Pedicularis Artselaeri, Maxim., Myricaria germanica squamosa, Maxim., Corydalis curviflora, Maxim., Primula sibirica genuina, Trautv., Anemone obtusiloba, Don., и другими. Кустарники также распустились. По саямъ росла облѣпиха (Hippophae rhamnoides), выше же, по скаламъ, виднѣлись: Berberis diaphana, Maxim., Prunus stipulacea, Maxim., Potentilla fruticosa, L., Caragana jubata, Poir. Кусты барбариса мѣстами были сплошь затянуты паутиной и покрыты гнѣздами, въ которыхъ десятками копошились уже взрослыя гусеницы Aporia hippia thibetana, Gr.-Gr.; онѣ вскорѣ окуклились, бабочки же вышли изъ нихъ въ іюнѣ. Сверхъ того мы наловили здѣсь Lycaena argus sifanica, Gr.-Gr., Lyc. eros lama, Gr.-Gr., Lyc. Lanti, Oberth., и уже прежде встрѣченныхъ Colias montium, Oberth., Triphysa Dohrnii, Z., и Carterocephalus argyrostigma, Ev. Изъ птицъ намъ здѣсь попались: Emberiza spodocephala, Pall., Lanius tephronotus, Vig., и Ruticilla shisticeps, Hodgs. Но, вообще, экскурсія, предпринятая 11 мая въ окрестныя горы, дала намъ скудные результаты. Мы остались болѣе довольны рыбной ловлей, такъ какъ бреднемъ были здѣсь пойманы въ большомъ числѣ Schizopygopsis Kozlowi, Herz., Gymnodiptychus pachycheilus, Herz., n. sp., Nemachilus dorsonotatus, Kessl., и Nem. robustus, Kessl. Намъ попались здѣсь также Bufo Raddei, Strauch, и Rana temporaria, L.

12 мая мы выступили въ дальнѣйшій путь. За воротами стѣны, о которой говорилось выше, не заходя въ Шинъ-чэнъ, мы свернули къ западу и вскорѣ втянулись въ горы, которыя были почти сплошь распаханы. Дорога шла сперва ключевымъ логомъ, затѣмъ поднялась на сѣдловину и, слѣдуя по глинисто-песчанымъ [2]) откосамъ, вышла на рѣчку Нянь-нань-сянь, выбѣгавшую изъ узкаго и сырого ущелья, поросшаго разнообразныхъ кустарникомъ и луговыми травами. Такъ какъ ущелье намъ показалось заманчивымъ, то мы и остановились въ немъ выше селенія Са-чжа-пу, несмотря на то,

[1]) Высота нашей стоянки при устьѣ Лама-гоу 8,625 фут.; высота городка Шинъ-чэна лежащаго нѣсколько ниже по рѣкѣ, по южную сторону щекъ, 8,200 фут.

[2]) Я не могу признать въ этихъ отложеніяхъ — лёссъ.

что отошли отъ Шинъ-чэна всего лишь одиннадцать верстъ. Наши ожиданія оправдались, впрочемъ, только отчасти, такъ какъ мы встрѣтили здѣсь мало новаго; попались однако: Anthocharis Bieti, Oberth., и новый видъ Carterocephalus, описанный мною впослѣдствіи подъ именемъ Cart. ops. [1]).

13 мая мы перебрались въ сосѣднее ущелье Ча-чжи. Дорога шла сюда холмистою мѣстностью, почти сплошь распаханною [2]). Селенія попадались часто, но главная ихъ масса сосредоточена была по обѣимъ сторонамъ рѣчки Шо-ха-шуй, довольно многоводной и быстрой. Здѣсь намъ назвали деревни: Чунъ-фа, Ши-фынъ-чуа и Гань-чунъ на правомъ ея берегу и Ха-ми-са — на лѣвомъ. Всѣ онѣ населены были дунганами.

Ущелье Ча-чжи очень дико. И какъ странно при этомъ. Дорога бѣжала среди деревень и полей, а стоило намъ свернуть съ нея въ боковое ущелье, и сразу же мы попали въ иную обстановку — дикія скалы, густыя кустарниковыя поросли, и полное отсутствіе какихъ-либо признаковъ близкаго присутствія человѣка! И почти всѣ ущелья здѣсь таковы. Для полной ихъ характеристики слѣдуетъ еще сказать, что всѣ они коротки, заканчиваются глухо и заключены въ стѣнахъ, сложенныхъ изъ массивныхъ породъ, главнымъ образомъ, краснаго гранита и краснаго же мелкозернистаго гнейса. Горы, къ которымъ принадлежатъ эти ущелья, носятъ у китайцевъ общее названіе Да-тунъ-шань [3]).

Обручевъ представляетъ себѣ орографію горнаго участка между рѣками Да-тунъ-хэ и Сининской очень простой; а именно, ему кажется, что изъ одного центра, лежащаго въ Южно-Тэтунгскомъ хребтѣ (Цинъ-ши-лингъ), вѣерообразно расходятся три хребта: Ло-ѣ-шань, Донкырскій и Потанина [4]), изъ коихъ послѣдній со-

---

[1]) Одновременно со мною видъ этотъ описалъ и Leech по экземплярамъ, полученнымъ изъ Да-цзянъ-лу (Cart. pulchra, Leech).

[2]) Пржевальскій («Третье путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 403, «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 121) пишетъ, что, благодаря обилію дождей, ирригація полей считается здѣсь излишней. Это несовсѣмъ такъ. Здѣсь орошаютъ столько земли, сколько возможно. А засимъ засѣвается земля и на рискъ: будутъ дожди, будетъ и урожай. Но то же можно встрѣтить и въ Туркестанѣ.

Что касается обилія лѣтнихъ дождей, то наши наблюденія не подтверждаютъ данныхъ Пржевальскаго; о семъ, впрочемъ, ниже.

[3]) Это названіе распространяется ими и на горы лѣваго берега Синин-хэ.

[4]) Хребетъ Потанина извѣстенъ у китайцевъ подъ именемъ Жи-юэ-шань, у тангутовъ — подъ именемъ Нара-сари (ср. Успенскій — «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 100). Можно остановиться на любомъ изъ этихъ названій.

Вообще, мнѣ кажется, что нельзя признать желательнымъ испещреніе существующихъ картъ Средней Азіи придуманными прозваніями. Пржевальскій пользовался правомъ перваго

ставляетъ слившееся съ Южно-Тэтунгскимъ хребтомъ продолженіе Ама-сургу [1]), а два первыхъ заканчиваются, не доходя до Синин-ской рѣки [2]).

Такая картина требуетъ, однако, нѣкоторыхъ дополненій и исправленій, которыя, впрочемъ, легко усматриваются уже при внимательномъ изученіи карты, приложенной къ «Третьему путешествію въ Центральной Азіи» Пржевальскаго, а также съемокъ Скасси и моего брата.

Рельефъ этого участка Нань-шаня очень сложенъ, что объясняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ обстоятельствомъ, что первобытное, вѣроятно — широтное, простираніе гнейсо-гранитоваго остова этой страны было измѣнено послѣдующими стяжаніями земной коры, обусловившими современное направленіе Нань-шань'скихъ горъ.

Первобытное широтное простираніе горъ бассейна Синининской рѣки доказывается какъ направленіемъ долины этой рѣки (и соотвѣтственной части долины Желтой рѣки), такъ и сохранившимся еще во многихъ мѣстахъ широтнымъ простираніемъ кристаллическихъ массъ; такъ, напримѣръ, ихъ можно прослѣдить отъ долины Да-хэ у Шинъ-чэна вплоть до Рако-гола, который на многія версты течетъ въ гранитныхъ щекахъ; южнѣе проходитъ вторая, довольно хорошо выраженная и параллельная первой гряда, которая прорвана Рако-голомъ, но не доходитъ до шинченской рѣки; она сложена на сѣверныхъ склонахъ изъ гранита, на южныхъ — изъ гнейса и кристаллическихъ (слюдяныхъ и тальковыхъ) сланцевъ и, согласно Обручеву, составляетъ юго-восточный конецъ Донкырскаго хребта. Эти двѣ гряды, изъ коихъ сѣверная представляетъ рядъ разорванныхъ звеньевъ, сомкнуты между собою перемычками изъ новѣйшихъ отложеній, а именно — рыхлаго конгломерата, красныхъ гли-

---

изслѣдователя страны довольно широко. Его названія частью еще удержались, частью же должны были уступить свое мѣсто туземнымъ. То же должно будетъ случиться и съ названіями Обручева, который, не будучи даже первымъ изслѣдователемъ горъ Нань-шань'ской системы, превзошелъ въ указанномъ смыслѣ Пржевальскаго. При этомъ не могу не указать на нѣкоторую непослѣдовательность Обручева, который, испещривъ карту Нань-шаня фамиліями извѣстныхъ дѣятелей на научномъ поприщѣ, замѣнилъ самыя удачныя наименованія Пржевальскаго названіями туземными. Такимъ образомъ, предлагая уничтожить на картахъ наименованіе «хребетъ Потанина», я также слѣдую благому примѣру автора этого наименованія.

[1]) Первоначально («Орографическій очеркъ Нань-шаня» въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», XXX, карта) Обручевъ не расчленялъ хребта Ама-сургу и «хребтомъ Потанина» называлъ «хребетъ Донкырскій».

[2]) «Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины» въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1895, XXXI, 3, стр. 327 и карта.

нистыхъ песчаниковъ и лёсса, которые во многихъ мѣстахъ совершенно маскируютъ первоначальный горный остовъ страны.

О хребтѣ Потанина, который, какъ сказано выше, по мнѣнію Обручева, составляетъ западную оконечность хребта Ама-сургу, изогнувшуюся въ NNW направленіи и, повидимому, слившуюся съ Южно-Тэтунгскимъ хребтомъ, я говорить здѣсь не буду, хотя тутъ же замѣчу, что въ этихъ словахъ заключается неточность [1]); что же касается до хребта Донкырскаго и Ло-ѣ-шань, то у насъ нѣтъ данныхъ для признанія за ними характера самостоятельныхъ горныхъ складокъ. Правда, рѣки Да-хэ, Рако-голъ и верхняя часть Сининъ-хэ текутъ въ юго-юго-восточномъ направленіи, въ сторону глубокой долины этой послѣдней рѣки, но это отнюдь не должно служить доказательствомъ, что водораздѣлы ихъ заслуживаютъ наименованія хребтовъ.

Помянутыя рѣки собираютъ свои воды главнымъ образомъ на южныхъ склонахъ Южно-Тэтунгскаго хребта, сбѣгаютъ по его ущельямъ и затѣмъ вступаютъ въ чрезвычайно расчлененную горную область, гдѣ и прокладываютъ свои русла и вдоль, и поперекъ какъ новѣйшихъ, такъ и древнѣйшихъ складокъ, такъ что водораздѣлы этихъ рѣчекъ отнюдь не представляютъ чего либо цѣльнаго; это также разорванныя массы каменныхъ горъ, разобщенныя глубокими сѣдловинами, заполненными рыхлыми отложеніями: конгломератомъ, глиной, лёссомъ. Переходя изъ бассейна въ бассейнъ, намъ незачѣмъ было подыматься на перевалы: мы шли поперекъ этихъ водораздѣловъ, не покидая культурной области. Такой же характеръ описываемая страна имѣетъ и къ сѣверу отъ нашей дороги, что видно изъ слѣдующихъ словъ Пржевальскаго [2]). «Бассейнъ Куку-нора отдѣлялся по нашему пути отъ притоковъ Сининской рѣки лишь невысокою сѣдловиною, которая въ то же время служитъ связью между окрайнымъ хребтомъ восточнаго берега Куку-нора и мощными горами на сѣверной сторонѣ того же озера». «Вслѣдъ за указаннымъ невысокимъ переваломъ отъ Куку-нора въ бассейнъ Сининской рѣки вновь раскидывается *довольно обширное луговое плато, ограниченное съ юга горами, лежащими съвернѣе г. Донкыра*, съ запада — окрайнимъ къ Куку-нору хребтомъ, а съ сѣвера и востока — отрогами Южно-Тэтунгскихъ горъ. Это плато имѣетъ абсолютную высоту,

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ хребтѣ см. ниже.

[2]) «Третье путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 402.

равную съ Куку-норомъ. Земледѣлія здѣсь нѣтъ; только кочуютъ тангуты съ небольшимъ числомъ монголовъ и киргизовъ» [1]). «Тамъ (т. е. на востокѣ и югѣ), вслѣдъ за горами, окаймляющими описываемое плато, раскидывается обширная холмистая и частью гористая мѣстность, прилежащая къ Синину; она орошается *рѣчками, текущими съ Южно-Тэтунскихъ горъ* и впадающими въ Сининскую рѣку. Вся эта площадь занята густымъ осѣдлымъ населеніемъ изъ китайцевъ, дунганъ, тангутовъ и далдовъ».

Вѣроятно, Обручевъ упустилъ изъ виду описаніе этой части маршрута Пржевальскаго, когда создавалъ свою горную схему Нань-шаня.

Ущелье Ча-чжи имѣетъ верстъ 15 въ длину. Имъ пользуются для прохода въ долину р. Ло-санъ, системы Да-хэ, но, вѣроятно, очень рѣдко, такъ какъ дорога плохо наѣзжена, да къ тому же и ведетъ черезъ высокій перевалъ Ву-и-ли-ханъ дабанъ, который приходится на сѣдловину среди горныхъ массъ, въ маѣ мѣсяцѣ бывшихъ еще покрытыми снѣгомъ. Судя по тому, что къ югу отъ Южно-Тэтунгскихъ горъ снѣгъ лежалъ еще только въ вершинахъ Ло-сана и Ча-чжи, я думаю, что именно здѣсь мы имѣемъ наивысшія точки гранито-гнейсоваго скелета страны. Спускъ съ перевала Ву-и-ли-ханъ въ долину Ло-сана, какъ намъ говорили, очень крутъ.

Правый склонъ ущелья Ча-чжи покрытъ молодымъ лѣсомъ, который росъ до такой степени густо, что черезъ него лишь съ трудомъ можно было выбраться на гребень отрога, гдѣ мнѣ снова попалась Carterocephalus ops. Преобладавшей здѣсь древесной породой была береза; затѣмъ, въ качествѣ подлѣска, могутъ быть упомянуты: барбарисъ, жимолость, шиповникъ, таволга и Cotoneaster (multiflora?). Лѣвый склонъ ущелья былъ луговой, хотя и тутъ кое-гдѣ росъ кустарникъ; мы встрѣтили здѣсь также въ обиліи Rhododendron thymifolium, Maxim., Rhod. Przewalskii, Maxim., и Daphne tangutica, Maxim., которая была въ полномъ цвѣту и распространяла необыкновенно сильный ароматъ, напоминавшій запахъ сирени. Изъ цвѣтущихъ травъ въ этомъ ущельи были собраны: Primula Maximoviczi tangutica, Maxim., Adonis coerulea, Maxim., Gentiana spathulaefolia, Kusnez., Plecostigma pauciflorum, Turcz., Cardamine macrophylla, W., Thermopsis lanceolata, R. Br., и Podophyllum Emodi, Wall.; въ тѣнистыхъ влажныхъ мѣстахъ росла Clematis

[1]) Это такъ называемое въ китайской исторіи кочевье Боро-чунхукъ.

alpina macropetala, Maxim., дно ущелья было выстлано сплошнымъ ковромъ ирисовъ (Iris ensata, Thunb.). Изъ бабочекъ, кромѣ вышеупомянутой Carterocephalus ops, мы здѣсь встрѣтили: Pieris callidice orientalis, Alph., Anthocharis Bieti, Oberth., Lycaena Lanti, Oberth., Carterocephalus argyrostigma, Ev., Cart. gemmatus, Leech. [1]), Nisoniades erebus, Gr.-Gr., Nis. popovianus, Nordm. [2]), Pyrgus maculatus, Brem., Leucanitis scolopax, Alph. (n. sp.), Cidaria quadrifasciaria stupida, Alph., и другихъ; изъ жесткокрылыхъ собрано было здѣсь также не мало; упомяну о Diacanthus Przewalskii, Kön., Geotrypes semicupreus, Reitter, Poecilus fortipes, Chaud., Trichocellus Grumi, Tschitsch. (n. sp.), Anisodactylus signatus, Panz., Harpalus cervicis, Motsch., Harp. corporosus, Motsch., Harp. rubripes, Duft., Carabus Vladimirskyi, Dej., Broscus Przewalskii, Sem., Lorocera ovipennis, Sem., и Lytta caraganae, Pall.; наконецъ, въ этомъ же ущельи намъ попались нѣкоторые виды шмелей (Bombys sp.), песчаныхъ осъ (Sphex sp.), маленькихъ осъ (Odynerus sp.), мухъ (Nemestrina sp.) и слѣпней (Tabanus sp.). Увлекшись сборомъ насѣкомыхъ, мы менѣе охотились на птицъ; тѣмъ не менѣе и тутъ орнитологическая коллекція наша получила нѣкоторое приращеніе; въ нее поступили: Parus superciliosus, Przew., Lanius tephronotus, Vig., Pratincola maura Przewalskii, Plsk., Trochalopterum Elliotti, Vig., Junx torquilla, L., и Phasianus Strauchi, Przew.

Для того, чтобы покончить съ ущельемъ Ча-чжи я замѣчу, что при устьѣ его, на плоской отвѣсной скалѣ, мы нашли большое изображеніе Будды, исполненное красками; оно несомнѣнно древнее, но сохранилось довольно отчетливо [3]).

16 мая мы покинули Ча-чжи. При его устьѣ дорога раздѣлилась: одна тропинка направилась на селеніе Бамба (путь Пржевальскаго), другая на селеніе Та-цзы-инъ, расположенное на той же рѣчкѣ Рако-голъ, но ниже Бамба. Мы избрали второй путь и съ первыхъ же шаговъ вступили въ культурный районъ. Первое встрѣченное нами селеніе носило названіе Ча-чжи-пу, второе, на девятой

---

[1]) Elwes и Edwards («A Revision of the Oriental Hesperiidae», стр. 168) полагаютъ, что видъ этотъ тождественъ съ амурскимъ Cart. Dieckmanni, Graes.

[2]) Видъ этотъ былъ мною описанъ какъ разновидность Nisoniades tages, L. (var. sinina, Gr.-Gr.). Впрочемъ, я и до сихъ поръ не убѣжденъ, что Nis. tages sinina тождественъ съ Nis. popovianus, Nordm., который мнѣ извѣстенъ лишь по очень плохому рисунку («Bull. de la Soc. Imp. des Natur. de Moscou», 1851, II, табл. XII, фиг. 3 и 4) и неособенно точному описанію (ib., стр. 443).

[3]) Снимокъ съ этого изображенія будетъ приложенъ къ слѣдующему тому.

верстѣ отъ устья ущелья — Ланъ-лоу [1]); въ промежуткѣ поля слѣдовали непрерывной чередой: они занимали лога, склоны логовъ, взбирались даже на высокія горы. Ланъ-лоу раскинулось на восточномъ склонѣ водораздѣла рѣчекъ Ча-чжи и Чуй-ти-хэ; нѣсколько его домиковъ проникло даже въ самыя горы и, вытянувшись въ линію, сопровождало здѣсь дорогу, которая проходила водораздѣлъ по глубокой и широкой сѣдловинѣ, очень слабо приподнятой надъ долиной Чуй-ти-хэ.

Чуй-ти-хэ — это дунганское названіе рѣчки Рако-голъ [2]), которая текла здѣсь въ весьма узкой долинѣ, стѣсненной съ одной стороны гранитными скалами, съ другой довольно высокимъ валомъ, сложеннымъ изъ краснаго глинистаго песчаника. Ея ложе завалено крупными голышами, теченіе быстро, даже, если можно такъ выразиться — порывисто: точно бѣжитъ большая волна, прокатится мимо васъ, обольетъ водой ближайшіе валуны, а затѣмъ до новой такой же волны уровень рѣчки спадетъ и спадетъ значительно. Не смотря на такую быстроту теченія, воды въ ней много.

Между Рако-голомъ и лѣвобережной горой расположилось довольно крупное селеніе Та-цзы-инъ. Оно вытянулось вдоль послѣдней и со своими пашнями ушло далеко и внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Главный элементъ его населенія составляли дунгане.

Пройдя р. Рако-голъ, мы втянулись въ ущелье, по которому струился небольшой ручей Лоу-са-ша [3]). Это ущелье — родной братъ ущелья Ча-чжи. Его стѣны состоятъ изъ гранита, пересѣченнаго жилами кварца. Впрочемъ, можетъ быть, въ сложеніи ихъ принимаютъ участіе и другія породы, напримѣръ — мелкозернистый гнейсъ, тальковый и слюдяной сланцы, выступающіе огромными скалами на южныхъ склонахъ той же гряды, но здѣсь подробности геогностическаго строенія горъ, прикрытыхъ сплошнымъ дерномъ, остались для меня скрытыми.

Вся разница между ущельями Ча-чжи и Лоу-са-ша заключается въ томъ, что послѣднее болѣе посѣщаемо. Въ немъ мы нашли даже развалины поперечной стѣны и пикетъ, свидѣтельствующіе, что

---

[1]) Мѣстные жители произносили это названіе Лангъ-лу.

[2]) Китайцы Сининской долины, по словамъ Потанина («Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», стр. 401), называютъ ее Пей-хо (Бэй-хэ?). Скасси на своей съемкѣ даетъ ей названіе Фако-голъ, что, конечно, ошибка.

Потаниъ (l. c.) принимаетъ ее за одно изъ двухъ верховій Сининской рѣки. Я не раздѣляю этого мнѣнія почтеннаго путешественника и считаю Рако-голъ притокомъ Сининъ-хэ.

[3]) Одинъ дунганинъ назвалъ намъ это ущелье Лоусаръ, что, можетъ быть, и вѣрнѣе.

по ущелью проходитъ большая дорога. Не будь этого, о существованіи послѣдней нельзя было-бы даже догадаться, такъ какъ проложенная здѣсь тропинка еле замѣтна и притомъ, будучи усыпана крупной галькой и щебнемъ, скорѣе напоминаетъ звѣриную тропу, чѣмъ большую дорогу, соединяющую огромный земледѣльческій районъ съ такимъ хорошимъ рынкомъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, какимъ является городъ Дань-гэръ.

Пройдя ущельемъ двѣнадцать верстъ, мы остановились на ночлегъ, такъ какъ до перевала оставалось еще нѣсколько верстъ, а между тѣмъ пошелъ дождь, который къ ночи перешелъ въ снѣгъ [1]).

Утро 17 мая было очень сырое, туманное и холодное, но къ 9 часамъ утра прояснѣло; выглянуло солнце, и снѣгъ сталъ быстро таять. Мы выступили къ перевалу Чжуса.

На протяженіи первыхъ шести верстъ ущелье сохраняло прежній характеръ — узкой щели, заключенной среди скалистыхъ, но въ то же время отлогихъ высотъ; но тутъ оно раздвинулось, раздвоилось. Мы свернули прямо на югъ и стали подыматься на перевалъ, который былъ довольно пологъ, имѣлъ твердую, хрящеватую почву и былъ покрытъ до самой вершины растительностью — луговыми травами и еще нераспустившимися кустарниками. Благодаря незначительной примѣси глины къ песку, вчерашній снѣгъ развелъ грязь только тамъ, гдѣ дорога переходила на склоны, покрытые растительнымъ слоемъ, фута въ полтора мощностью; впрочемъ, мѣстами, и песокъ былъ здѣсь до такой степени пропитанъ водой, которая струилась отовсюду, что нога лошади уходила въ него до бабокъ.

Спускъ съ перевала былъ круче [2]) и суше. Снѣга здѣсь не было. Кустарники отсутствовали, травы же только въ падяхъ сростались въ дерно; между прочимъ, только тутъ и росъ Podophyllum Emodi, Wall., любящій влажную почву и чаще всего ютящійся въ тѣни какого-нибудь кустарника, напримѣръ, Caragana jubata; а на открытыхъ склонахъ и далѣе книзу сосредоточивались уже представители степной флоры, росшіе особнякомъ, въ видѣ отдѣльныхъ пучковъ, на оголенной поверхности почвы; впрочемъ, и здѣсь еще

---

[1]) Мы находились здѣсь на абсолютной высотѣ, равной 9,450 фут.

[2]) Общая крутизна перевала грубо опредѣляется изъ слѣдующихъ цифръ: абсолютная высота Чжуса-дабана равняется 11,110 фут., абсолютная высота Даньгэръ-тина — 8,710 фут.; разстояніе между ними нѣсколько менѣе семи верстъ. Это составитъ 350 фут. на версту или $^1/_{10}$; но, конечно, эта цифра—средняя; подъ переваломъ же она должна переходить за $^1/_5$—$^1/_7$.

мы нашли: Anemone obtusiloba, Don., Primula stenocalyx, Maxim., Lagotis brachystachya, Maxim., и Incarvillea compacta, Maxim.

Такъ какъ ближайшія окрестности Даньгэръ-тина распаханы, то мы остановились, не доходя до города пяти верстъ, тотчасъ подъ переваломъ Чжуса.

Здѣсь намъ попался первый экземпляръ Astrapephora Romanovi — замѣчательной бабочки, составившей новый родъ въ отдѣлѣ Geometrae; сверхъ того, мы наловили во множествѣ Carabus (Cychrostomus) anchocephalus, Reitter (n. sp.), Carabus diruptus, Moraw., Car. Przewalskii, Moraw., Car. Vladimirskyi, Dej., и другихъ жесткокрылыхъ, а также виды Mesembrina, Anthrax и Bombys.

Даньгэръ-тинъ [1]) основанъ былъ близъ монастыря того же имени [2]) въ четвертомъ году правленія Юнъ-чжэна, т. е. въ 1727 году и сдѣланъ торговымъ пунктомъ для всѣхъ монголовъ, жившихъ къ западу отъ Хуанъ-хэ [3]). Мнѣ не удалось, впрочемъ, розыскать въ китайской литературѣ указаній на то, было ли уже тогда Даньгэру присвоено наименованіе города съ рангомъ «тина» и выстроены его стѣны или таковое распоряженіе послѣдовало позднѣе. Въ уже цитированномъ мною донесеніи шэнь-гань'скаго генералъ-губернатора На-янь-чэна, которое послано было въ Пекинъ въ 1822 году [4]), говорится о *мѣстности, а не о городѣ* Даньгэръ: «. . . Особенно много бродитъ монголовъ безъ занятій и безъ средствъ къ жизни по области Си-нинъ, въ мѣстности Даньгаръ и уѣздѣ Да-тунъ и по округамъ Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Су-чжоу, прося милостыню» [5]). Католическій миссіонеръ Francesco Orazio della Penna di Billi, тридцать лѣтъ прожившій въ Тибетѣ и прибывшій туда въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка [6]), упоминаетъ

---

[1]) Транскрипція, принятая Бретшнейдеромъ; см. также карту, приложенную къ книгѣ Матусовскаго — «Географическое обозрѣніе Китайской имперіи». Поповъ, переводчикъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», пишетъ *Даньгаръ* и *Донкоръ, Донхоръ;* Успенскій — *Даньгаръ* и *Дэнгеръ* въ переводѣ съ китайскаго и *Донгоръ* и *Даньгоръ* въ переводѣ съ монгольскаго. Это близко къ правописанію, усвоенному Пржевальскимъ — *Донкыръ*. Потанинъ придерживается той же транскрипціи. Намъ называли этотъ городъ — *Донгаръ*. Наконецъ, Крейтнеръ пишетъ — *Tonkerr*, Rockhill — *Tankar*, Dutreuil de Rhins — *Tongkor*.

[2]) Это китайское показаніе не совсѣмъ точно, такъ какъ монастырь Даньгэръ (у мѣстныхъ китайцевъ — Дунъ-гу-сы) находится въ 37 верстахъ къ югу отъ города, на рѣчкѣ Донгуръ-хэ (Дань-гэръ-хэ). Ср., впрочемъ, «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 435, а также Лочи, op. cit., стр. 596.

[3]) Успенскій — «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 100.

[4]) См. выше, стр. 114.

[5]) Успенскій, op. cit., стр. 185.

[6]) Clements Markham — «Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa». Second edition, 1879, стр. 309.

въ своихъ запискахъ о Дань-гэрѣ (Tongkor), но говоритъ только, что Даньгэръ составлялъ одну изъ 14 провинцій Амдоскаго царства (regnum Amdoa) [1]). Другой католическій миссіонеръ, знаменитый Гюкъ, нашелъ уже здѣсь городъ, который и описываетъ такимъ, какимъ онъ является въ дѣйствительности — небольшимъ, но бойкимъ, торговымъ, наполненнымъ постоялыми дворами (сѣ-цзя, т. е. «домами для отдыха») и населеннымъ представителями всевозможныхъ національностей: китайцами, дунганами, монголами, тангутами, тибетцами [2]).

Стѣны города не высоки и плохо содержатся. Улицы очень узки; нѣкоторыя изъ нихъ грубо замощены въ безпорядкѣ накиданными голышами и въ грязную погоду представляютъ непроѣзжіе корридоры. Когда насъ повели черезъ нихъ, я ежеминутно опасался за лошадь, которая на каждомъ шагу могла сломать себѣ ноги. Видѣнныя нами улицы представляли непрерывный рядъ лавокъ, очень маленькихъ, очень убогихъ на видъ. Ямынь, въ который насъ привели, былъ также очень малъ. Въ пріемной мы еле даже размѣстились: сидѣть могли только три чиновника, остальные стояли. Пріемъ, оказанный намъ въ г. Дань-гэрѣ, былъ самый торжественный: всѣ власти были въ сборѣ, войска со знаменами были выстроены какъ въ воротахъ, ведущихъ на дорогу къ перевалу Чжу-са-дабанъ, такъ и въ восточныхъ воротахъ, черезъ которыя мы выѣхали изъ города.

Въ послѣднемъ мы были только проѣздомъ. Караванъ нашъ 18 мая направился прямой дорогой къ Гумбуму, мы же съ братомъ почли своимъ долгомъ по пути заѣхать въ ямынь для отдачи визита китайскому приставу (тину), сѣдому сморщенному китайцу, имѣвшему матовый синій шарикъ на шляпѣ, а кстати и познакомиться съ городомъ, ведущимъ весьма значительную мѣновую торговлю съ кочевниками Амдо [3]) и Куку-нора.

---

[1]) Ritter — «Die Erdkunde von Asien», III, стр. 217; Cl. Markham, op. cit., стр. 313.

[2]) «Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ, къ столицѣ Тале-ламы», стр. 165—166.

[3]) Амдо представляетъ крайне неопредѣленный географическій терминъ. Помянутый выше миссіонеръ Francesco Orazio della Penna di Billi, впервые повѣдавшій Европѣ о странѣ Амдо, опредѣлилъ границы ея въ такихъ выраженіяхъ: она ограничена на сѣверѣ Куку-норомъ и Чжаномъ (Chang; мнѣ неизвѣстно, что тибетцы провинціи Уй, гдѣ della Penna собиралъ свои распросныя свѣдѣнія о regnum Amdoa, разумѣли подъ этимъ названіемъ), на западѣ — Камомъ, на востокѣ — Китаемъ и на югѣ, на столько, на сколько это извѣстно, — Пегу и Тонкиномъ (Markham, op. cit., стр. 313). Такимъ образомъ, Амдо по этому опредѣленію обнимаетъ земли, вытянутыя вдоль восточной окраины Тибета очень далеко на югъ. На сколько я знаю, въ послѣдующее время сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ къ болѣе точному опредѣленію границъ Амдо сдѣлано не было; тѣмъ не менѣе, нынѣ чаще всего подъ этимъ наименованіемъ пони-

Мѣсто нашей остановки подъ переваломъ Чжуса находилось уже въ области распространенія красныхъ глинистыхъ песчаниковъ горизонтальнаго напластованія, къ сѣверу отъ Дань-гэра налегавшихъ на граниты и мелкозернистый гнейсъ, къ востоку же отъ него прислонявшихся къ сѣрымъ скаламъ слюдяного сланца, прорѣзаннаго во всѣхъ направленіяхъ прожилками кварца. Въ свою очередь, на этихъ песчаникахъ покоились толщи лёсса, незначительной, впрочемъ, мощности.

Спустившись съ горъ, мы очутились въ циркообразной долинѣ, образованной сліяніемъ съ широкой въ этомъ мѣстѣ долиной р. Сининъ-хэ меридіанальныхъ долинъ двухъ притоковъ послѣдней: лѣваго — Чжуса и праваго Дань-гэръ-хэ (Донгу(ръ)-хэ). Городъ Дань-гэръ-тинъ стоялъ почти въ центрѣ этой долины, на рѣчкѣ Чжуса.

У китайскихъ географовъ мы находимъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о Сининской рѣкѣ, и хотя почти все теченіе послѣдней нанесено уже на карты европейскими путешественниками, тѣмъ не менѣе я считаю не лишнимъ привести и эти свѣдѣнія, какъ доказательство, что, при нѣкоторомъ желаніи, мы могли бы легко разобраться въ китайскихъ географическихъ описаніяхъ и, такимъ образомъ, избѣжать необходимости пестрить карты Тибетскаго нагорья придуманными названіями.

Рѣка Боро-чунхукъ, древняя Хуанъ-шуй, въ ханьскія времена называвшаяся еще Ло-ду-шуй, беретъ начало изъ горъ Гарцзанъ, бывшихъ извѣстными у китайцевъ временъ Юань'ской династіи подъ именемъ Ци-лянь-шань, тремя истоками: Ихэ-Улагуртай [1]), Тургэнь-Улагуртай [2]) и Чаха-Улагуртай. На западѣ [3]) отъ нея, изъ горъ Бу-гу-ту [4]), вытекаютъ два ручья, образующіе рѣку Хундулэнъ, которая, пройдя на юго-востокъ болѣе 30 ли и соединившись здѣсь съ рѣчкой Бахату (не Бугуту-ли?) [5]), проте-

---

маютъ земли, охватываемыя на западѣ Желтой рѣкой, на востокѣ — р. Дао-хэ, на сѣверѣ — Южно-Тэтунгскимъ хребтомъ и на югѣ водораздѣльнымъ хребтомъ между Хуанъ-хэ и Янъцзы-цзяномъ. Между прочимъ, судя по картѣ, приложенной къ его замѣткѣ — «Распросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ» («Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1887 XXIII, 4), такія границы странѣ Амдо даетъ и Потанинъ.

[1]) На картѣ Пржевальскаго эта рѣчка носитъ названіе Ихэ-халдзынъ.

[2]) На картѣ Пржевальскаго — Тургынъ-голъ.

[3]) У Попова («Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 435), конечно, ошибочно сказано — на востокѣ.

[4]) Это наименованіе сохранилось донынѣ, но перенесено на рѣку, берущую начало въ этихъ горахъ. По словамъ Лочи (op. cit., стр. 594), верхнее теченіе Сининской рѣки у туземцевъ-китайцевъ извѣстно подъ названіемъ Бугу-хо.

[5]) Этой рѣчки не показано на нашихъ картахъ, такъ какъ пока не существуетъ съемки долины р. Хундулэна.

кается еще 60 ли и впадаетъ въ р. Боро-чунхукъ. Эта послѣдняя, продолжая течь въ юго-восточномъ направленіи на протяженіи семидесяти ли, подходитъ къ южной сторонѣ Дань-гэра, гдѣ въ нее впадаетъ р. Тургэнь-цаганъ [1]). Только послѣ этого Боро-чунхукъ становится многоводною, поворачиваетъ на востокъ и, протекши въ этомъ направленіи сорокъ ли, вступаетъ въ предѣлы Сининскаго округа у города Чжэнь-хай-ина [2]); «это и есть Сининская рѣка, впадающая черезъ 300 ли теченія въ восточномъ направленіи въ р. Да-тунъ-хэ» [3]).

Болѣе точнаго описанія верховій Сининской рѣки не найдется и у европейскихъ географовъ. Мнѣ остается къ этому добавить, что въ настоящее время китайскіе географы, называя рѣку Боро-Чунхукъ — р. Кунь-лунь [4]), за нижнимъ ея теченіемъ сохранили древнее ея названіе — Хуанъ-шуй [5]).

Караванъ нашъ обошелъ городъ съ востока и, пройдя около двухъ верстъ среди полей, засѣянныхъ яровыми, вышелъ на Сининскую рѣку. На четвертой верстѣ отъ города долина ея сузилась, а не доходя до ручья Мо-гоу, дорога стала уже обходить сѣрыя скалы слюдянго сланца, переслаивающагося мѣстами съ тальковымъ сланцемъ; еще дальше появился сѣровато-красный мелкозернистый гнейсъ, на которомъ мѣстами покоились толщи кристаллическаго известняка.

На всемъ видѣнномъ нами участкѣ Сининъ-хэ течетъ въ чрезвычайно живописныхъ берегахъ. То бурля въ порогахъ, то перебрасывая свои волны черезъ огромные валуны, рѣка эта несется бурливымъ потокомъ, шириной до десяти саженъ. Мѣстами она еще шире разбрасывается, и тогда между ея рукавами выростаютъ красивые острова, поросшіе ивой, тополемъ и березой. Такой же лѣсъ одѣваетъ и правый ея берегъ тамъ, гдѣ дикія скалы хребта Амасургу упираются въ ея русло. Наоборотъ, лѣвый ея берегъ безплоденъ. Дикій камень, то наступая крутыми стѣнами на рѣку, то

---

[1]) Это монгольское наименованіе рѣчки Дань-гэръ-хэ. Лочи утверждаетъ, что на китайскихъ картахъ эта рѣчка называется Po-lo-tschung-ko-ho и Kun-tu-lŏng-ho. Нѣтъ-ли тутъ ошибки? Послѣднее названіе должно читаться Хундулэнъ-хо; что касается Po-lo-tschung-ko, то это Боро-чунхукъ.

[2]) Намъ этотъ городъ называли Чжанъ-хай-пу; слово «пу» означаетъ впрочемъ «селеніе», и «инъ» къ нему, конечно, болѣе подходитъ.

[3]) «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 435.

[4]) По словамъ Потанина («Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», I, стр. 401), сининскіе китайцы называютъ эту часть теченія р. Сининъ-хэ — Цзай-цза-гоу, но этого названія мы не слыхали.

[5]) См. большую китайскую карту Гань-су.

отступая отъ нея, образуетъ здѣсь въ иномъ родѣ, но столь же живописную, рамку долины. Безплодіе этихъ горъ маскируется, впрочемъ, пашнями, которыя расположены тамъ, гдѣ представляется къ тому хотя бы какая-нибудь возможность. Эти зеленыя пятна на желтовато-красномъ фонѣ почвы долины мѣстами дополняются зарослями чія (Lasiagrostis splendens) и кустарниковъ (Berberis sinensis angustifolia, Rgl., Rosa sericea, Lindl., и Hippophaë rhamnoides, L.). Селенія расположены на обоихъ берегахъ рѣки. Миновавъ Ю-фэ-и-хо (при устьѣ рѣчки Мо-гоу) и Чунь-чжи на лѣвомъ ея берегу и Цза-цза-хо, Сэ-та-хо (при устьѣ р. Хоу-га-ху), Ши-хо и Хэй-нинъ на правомъ и пройдя ея долиной 18 верстъ, мы остановились противъ послѣдняго селенія, на берегу небольшаго безымяннаго ручья, берущаго начало въ ключахъ. Здѣсь мы дневали.

Ручей течетъ на протяженіи четырехъ верстъ, но ущелье тянется дальше и постепенно выводитъ на гребень горы Да-тунь-шань, имѣющей здѣсь мягкіе склоны и одѣтой преимущественно кипцомъ. Ниже появляются скалы, и растительность становится болѣе разнообразной. Въ тѣневыхъ мѣстахъ, на сѣверныхъ склонахъ боковыхъ падей, ростутъ даже въ обиліи папоротники — Pteris aquilina, L., и Polypodium vulgare, L., и такія травы, какъ Primula sibirica genuina, Trautv., Draba incana, L., Pedicularis kansuensis, Maxim., Viola biflora, L., Corydalis curviflora, Maxim., Stellaria dichotoma Stephaniana, Rgl., и Adonis coerulea, Maxim. Въ вершинахъ этихъ боковыхъ падей попадаются Rhododendron capitatum, Maxim., Rhod. thymifolium, Maxim., Potentilla fruticosa, L., душистая Daphne tangutica, Maxim., и другіе полукустарники. Ближе къ устью они смѣняются кустарниками: Prunus stipulacea, Maxim., Lonicera syringantha, Maxim., которая въ эту пору усыпана была розовыми цвѣтами, Berberis sinensis angustifolia, Rgl., бывшей также въ цвѣту, Rosa sericea, Lindl., Spiraea mongolica, Maxim., и другими. Травы здѣсь очень разнообразны, но преобладаетъ Stellera chamaejasme, L., которая въ маѣ одѣваетъ сплошнымъ ковромъ розовыхъ душистыхъ цвѣтовъ многіе склоны; среди нихъ мелькаютъ фіолетовые цвѣты Cardamine macrophylla, Wild., и Iris gracilis, Maxim., бѣлые — Anemone obtusiloba, Don., розовато-бѣлые — Sisymbrium mollipilum, Maxim., желтые — Corydalis linarioides, Maxim., и темно-желтые, почти оранжевые,—Trollius pumilus, Don., который въ обиліи росъ также и вдоль ручья, гдѣ, впрочемъ, главную массу цвѣтовъ давали ирисы.

Въ этомъ ущельи мы встрѣтили множество самыхъ интересныхъ чешуекрылыхъ; среди нихъ два новыхъ вида — Erebia herse, Gr.-Gr. и Oeneis vacuna, Gr.-Gr. и нѣсколько новыхъ разновидностей — Pieris napi sifanica Gr.-Gr., Lycaena orion orithyia, Gr.-Gr., Lyc. venus sinina, Gr.-Gr., и Pyrgus carthami sifanicus, Gr.-Gr.; сверхъ того, нѣсколько видовъ, ранѣе не встрѣченныхъ или добытыхъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а именно: Aporia Kreitneri, Friv., Lycaena minima, Fuessl., Carterocephalus gemmatus, Leech., и Nisoniades popovianus, Nordm.

20 мая мы выступили дальше и первыя четыре версты шли внизъ по рѣкѣ Сининъ-хэ, которая хранила здѣсь прежній характеръ бурной рѣки, мѣстами стѣсненной надвинувшимися на нее скалами. У пикета Ша-ку-цзы рѣка вошла въ щеки; дорога здѣсь сузилась, прижалась къ скалѣ краснаго гнейса и окончательно потеряла видъ колесной дороги; между тѣмъ, мы сами встрѣтили за пикетомъ китайскаго чиновника, который тащился шагомъ въ извозчичьей арбѣ: бѣднягу, вѣроятно, порядкомъ таки растрясло, такъ какъ онъ имѣлъ самый несчастный видъ.

У городка Па-ша-гоу мы перешли на правый берегъ рѣки по узенькому деревянному пѣшеходному мостику весьма жидкой постройки. Отроги хребта Ама-сургу отошли здѣсь далеко вглубь страны, раздвинулись и выслали впередъ только невысокія гривки, сложенныя изъ горизонтально напластованныхъ красныхъ глинъ. Эта широкая поперечная долина, орошаемая рѣчкой Пэнь-санъ, вся распахана и покрыта отдѣльными хуторами.

Пройдя деревню Гу-сы-инъ, мы увидѣли впереди стѣны городка Чжэнь-хай-ина (Чжанъ-хай-пу), повидимому, только недавно возстановленныя; здѣсь намъ была устроена обычная встрѣча, но мы заявили желаніе слѣдовать дальше и, распрощавшись съ офицерами гарнизона, круто свернули къ горамъ.

Путь нашъ шелъ вверхъ по рѣчкѣ Пэнь-санъ, почти полностью разобранной на арыки. Китайцы копошились здѣсь всюду, занимаясь полотьемъ сорныхъ травъ на поляхъ. Только немногіе глинистые бугры, поросшіе Stellera chamaejasme, L., были необработанными. На седьмой верстѣ отъ Чжэнь-хай-ина, миновавъ селеніе Ханъ-ду-лу, мы свернули къ юго-востоку и стали подыматься на невысокую грядку горъ, служащую водораздѣломъ рѣчкѣ Пэнь-санъ и другой, названіе которой осталось намъ неизвѣстнымъ. Дѣло въ томъ, что караванъ нашъ въ это время растянулся версты на полторы. Наши конвоиры, торопясь добраться скорѣе до станціи,

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Гумбумъ.

Водяная мельница.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. №7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

ушли впередъ, окрестности же были безлюдны, такъ какъ упавшій на землю туманъ и дождь разогнали всѣхъ поселянъ по домамъ, разбросаннымъ по нагорью далеко въ сторонѣ отъ дороги. Эта безымянная рѣчка текла въ тѣсной долинѣ, ограниченной невысокими глинистыми горами и также распаханной. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, она составлялась изъ двухъ рукавовъ. Мы направились по восточному логу и, миновавъ при его устьѣ селеніе, стали вновь подыматься на гору. Здѣсь мы прошли деревни Цзы-ё-цза и Ши-чу-цза, окруженныя высокими тополями, послѣ чего, наконецъ, поднялись на весьма пологій увалъ, съ котораго, однако, повидимому, открывался далекій видъ на окрестности; намъ говорили даже, что съ него монастырь Гумбумъ видѣнъ какъ на ладони; но, къ сожалѣнію, за туманомъ мы не могли разсмотрѣть въ указанномъ направленіи ничего, кромѣ общаго направленія горныхъ массъ [1]).

За уваломъ мы очутились на большой караванной дорогѣ, ведущей изъ Гуй-дэ-тина въ Гумбумъ; при этомъ намъ показалось, точно мы спустились въ яму. На насъ сразу пахнуло здѣсь холодомъ и сыростью, и туманъ окончательно заволокъ всѣ окрестности. Тѣмъ не менѣе мы разглядѣли, что къ югу отъ насъ высились скалы изъ темной массивной породы: очевидно, мы добрались здѣсь до подошвы каменныхъ горъ [2]).

---

[1]) Знаменитый тангутскій монастырь Гумбумъ братъ посѣтилъ впослѣдствіи. Поднявшись мимо слободы Чжунъ-фань-сы, населенной тангутскими монахами, на лѣвый бокъ долины Мынъ-дань-ша, онъ выѣхалъ къ небольшому поселенію Ла-танъ-цзы, за которымъ раскинулась, орошаемая небольшой рѣчкой, обширная котловина, въ центрѣ которой и находился Гумбумъ. Отъ Ла-танъ-цзы до Гумбума считается 6 ли разстоянія. Въ монастырь онъ вступилъ, проѣхавъ предварительно обширное селеніе Та-пу.

Такъ какъ намъ было извѣстно, что экспедиція Потанина въ 1885 году зимовала въ Гумбумѣ, а стало быть имѣла полную возможность собрать необходимыя данныя для описанія какъ самаго монастыря, такъ и своеобразной въ немъ жизни, и что, помимо того, въ немъ побывали также и члены австрійской экспедиціи графа Сечени, то намъ казалось совершенно излишнимъ собирать о немъ подробныя свѣдѣнія. Братъ ограничился поэтому тѣмъ, что сфотографировалъ здѣсь нѣсколько выдающихся построекъ. Двѣ изъ нихъ видны на прилагаемыхъ фототипіяхъ.

Одна изъ этихъ послѣднихъ изображаетъ «алтынъ-сумэ» или «цзокчинъ-дуканъ»—главный храмъ Гумбума съ златоверхой (изъ позолоченной бронзы) крышей китайскаго стиля у сѣвернаго конца зданія. Въ этомъ храмѣ находятся три большихъ идола: Готама-будды—въ серединѣ, Дипанкара-будды — налѣво и Цзонъ-хабы, знаменитаго реформатора буддизма, направо отъ входа. Самое зданіе выстроено на краю оврага, черезъ который перекинутъ пѣшеходный мостикъ. Дерево, которое находится на переднемъ планѣ картины — старый тополь.

Вторая изображаетъ ворота на выѣздѣ изъ Гумбума. Они украшены барельефами, карнизомъ и статуями апокрифическихъ звѣрей (собакъ) по угламъ и увѣнчаны типичнымъ субурганомъ.

[2]) Эти горы, по словамъ Лочи (op. cit., стр. 608), состоятъ изъ плотнаго сѣраго известняка.

Въ ямѣ расположенъ былъ пикетъ Да-тэнъ, и текла какая-то рѣчка, которая далѣе скрывалась въ узкихъ щекахъ. Намъ предложили на ея берегу раскинуть свой бивуакъ. Хотя мѣсто было сырое и показалось намъ непривѣтливымъ, но мы согласились на предложеніе, такъ какъ было уже поздно (мы прошли свыше тридцати верстъ) и дождь замѣтно усилился. На слѣдующій день, также подъ дождемъ, мы перевалили черезъ гору, сложенную изъ красныхъ глинъ, песчаника и конгломерата, и вышли на трактъ Мынъ-дань-ша, ведущій изъ г. Синина въ Гуй-дэ [1]). Онъ пролегалъ вдоль рѣчки Нань-чуань, которая протекала въ широкой долинѣ, поросшей травами и кустарникомъ. Мѣсто было привольное, и мы рѣшились простоять здѣсь съ недѣлю, но... судьба судила иначе!

Насъ посѣтило ужасное несчастье, стоившее жизни одному изъ нашихъ спутниковъ — казаку Колотовкину и совершенно измѣнившее наши планы на будущее. Вмѣсто того, чтобы идти дальше на югъ, къ водораздѣлу бассейновъ Янъ-цзы-цзяна и Хуанъ-хэ, мы цѣлыхъ пять недѣль простояли на сѣверныхъ склонахъ Сининскихъ альпъ и, совершивъ лишь небольшой разъѣздъ за Хуанъ-хэ, тихо побрели съ больнымъ Колотовкинымъ въ обратный путь, на далекую родину. Но... бѣднягѣ не суждено уже было снова увидѣть послѣднюю. Онъ скончался 19 іюля, въ долинѣ рѣки Ара-гола, мужественно, какъ настоящій солдатъ. Миръ праху твоему, добрый товарищъ!

Къ этому грустному эпизоду я долженъ буду не разъ еще возвращаться въ послѣдующемъ изложеніи хода нашей экспедиціи, теперь же скажу, что Колотовкинъ умеръ отъ гангрены, вызванной образованіемъ пролежней, отъ которыхъ мы не могли уберечь его, не смотря на самый тщательный уходъ. Началомъ же его болѣзни была тяжелая огнестрѣльная рана въ колѣно — послѣдствіе неосторожнаго обращенія съ оружіемъ. Я намѣренно не называю здѣсь по имени того изъ товарищей покойнаго, который вздумалъ чистить ружье, не разрядивши его. Колотовкинъ за нѣсколько часовъ до смерти обнялъ его и... простилъ. И онъ заслужилъ это прощеніе, какъ нянька ухаживая вмѣстѣ съ братомъ за больнымъ товарищемъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ. За свою неосторожность онъ достаточно былъ наказанъ.

До печальнаго происшествія съ Колотовкинымъ братъ ѣздилъ

---

[1]) Этимъ трактомъ прошла въ Гуй-дэ австрійская экспедиція графа Сечени.

въ г. Синин̀ъ, чтобы просить у чинъ-сэя поддержки экспедиціи въ ея дальнѣйшемъ движеніи на югъ, за Хуанъ-хэ. Его путь лежалъ внизъ по рѣчкѣ Нань-чуань, которую онъ оставилъ лишь подъ самымъ Сининомъ. Широкая уже у слободы Чжунъ-фань-сы, долина этой рѣчки далѣе еще болѣе расширялась. Ограничивающіе ее съ обѣихъ сторонъ мягкіе склоны горъ, сложенныхъ изъ рыхлыхъ конгломератовъ и красной песчанистой глины, заключающей гипсъ, до городка Чжа-я-чэна были одѣты пышной растительностью, далѣе же сплошной травяной покровъ исчезалъ, луговыя травы смѣнились сначала Stellera chamaejasme, L., Oxytropis trichophysa, Bge, Veronica ciliata, Fisch., Carex atrata, L., Antennaria Steetziana, Turcz., и тому подобными растеніями, а затѣмъ полынью, чіемъ, Crepis sp., и другими; наконецъ, и такая растительность стала попадаться не часто, притомъ — рѣдкими насажденіями, такъ что всюду стала выступать обнаженная почва.

У городка Чжа-я-чэна [1]) сошлись двѣ дороги — Мынь-дань-ша и Гуй-дэ-ша (или Гуй-дуй-ша), обѣ ведущія изъ долины Синин̀ской рѣки въ долину Хуанъ-хэ, гдѣ онѣ вновь сходятся на лѣвомъ ея берегу, противъ Гуй-дэ-тина. Чжа-я-чэнъ небольшой городъ, служащій главной квартирой инъ-гуаню, и въ общемъ напоминаетъ Да-тунъ. Онъ также тѣсенъ и убогъ, какъ и этотъ послѣдній. Впослѣдствіи мы въ немъ бывали не разъ, сдружившись съ инъ-гуанемъ, который то и дѣло звалъ насъ къ себѣ запросто отобѣдать.

За Чжа-я-чэномъ дорога вступаетъ уже окончательно въ культурный районъ, хотя поля, засѣянныя ячменемъ и пшеницей, имѣются кое-гдѣ и выше по р. Нань-чуаню [2]). Селенія попадаются здѣсь часто; на девятой верстѣ отъ г. Чжа-я-чэна пришлось проѣхать даже городокъ Сю-чжэ-дэ [3]), за которымъ дорога пріобрѣла еще болѣе оживленный видъ. За деревней Шу-моу стала особенно замѣтной близость большого города; его однако еще заслоняли лёссовыя, въ подпочвѣ — глинистыя, возвышенности.

Въ Си-нинъ-фу брата ожидалъ полный неуспѣхъ. Враждебно настроенный противъ иностранцевъ, чинъ-сэй отказался принять брата, причемъ, однако, прислалъ къ нему для переговоровъ чиновника. Изъ этихъ переговоровъ выяснилось, что чинъ-сэй дѣй-

---

[1]) У тангутовъ Джаикъ. См. Потанинъ, op. cit., стр. 212.

[2]) Они восходятъ здѣсь до абсолютной высоты, равной 9,700 футамъ.

[3]) Лочи (op. cit., стр. 605) называетъ этотъ городокъ Сю-дѣ-цзэ (Sü-tia-tse).

ствовалъ такъ за неимѣніемъ какихъ-либо инструкцій относительно насъ, а также потому, что нашъ «открытый листъ», на который мы такъ уповали, не только не давалъ намъ права перехода за Хуанъ-хэ, но и права посѣщенія Синина [1]). Братъ спорилъ энергично, но потомъ махнулъ рукой и отдалъ распоряженіе выступать въ обратный путь.

Дорогой онъ заѣхалъ къ чжа-я-чэн'скому инъ-гуаню.

— Ну, что?

Братъ съ полною откровенностью изложилъ ему положеніе дѣла.

— Я такъ и зналъ, что чинъ-сэй надѣлаетъ вамъ хлопотъ. Но такъ какъ его распоряженія меня касаться не могутъ [2]), то я дамъ вамъ конвой до Гуй-дэ-тина. Тамъ вы задержите двухъ-трехъ солдатъ (они сами вамъ предложатъ остаться) и съ ихъ помощью авось доберетесь до нужнаго вамъ пункта. Вмѣстѣ съ тѣмъ я буду писать въ Гуй-дэ-тинъ.

Онъ сдержалъ свое слово, и одинъ изъ его солдатъ покинулъ насъ только на берегу Куку-нора. Фактъ этотъ, однако, весьма характеренъ.

---

[1]) Содержаніе этого «открытаго листа» было слѣдующее:

«По волѣ Государя великой Китайской имперіи, цзунъ-ли-ямынь приказалъ выдать сей открытый листъ».

«По предложенію г. посланника великой Россійской имперіи, имѣющаго пребываніе въ г. Пекинѣ, Ку (т. е. Кумани), цзунъ-ли-ямынь выдалъ его русскимъ подданнымъ Ге-лунъ-го-жи-ма-ло и съ нимъ 13 человѣкамъ прислуги, свидѣтельствуя, что сказанныя лица имѣютъ право въ будущемъ году, во второй лунѣ, изъ г. Хами пройти въ Дунь-хуанъ, чтобы ѣхать на Лобъ-норъ, а, можетъ быть, и въ г. Ань-си, для слѣдованія черезъ него въ Южныя горы».

«Цзунъ-ли-ямынь, согласно съ желаніемъ г. русскаго посланника, переслалъ этотъ открытый листъ для приложенія пекинской печати, а затѣмъ посылаетъ его Ге-лунъ-го-жи-ма-ло съ тѣмъ, чтобы послѣдній хранилъ его въ своихъ рукахъ».

«Гдѣ бы ни были китайскія власти, онѣ могутъ быть увѣрены въ вѣрности сего листа, всѣ же чиновники, коимъ онъ будетъ предъявленъ, должны чинить предъявителю свободный пропускъ; туда же, гдѣ нѣтъ цивилизованныхъ людей, гдѣ очень опасно, лица эти идти не должны».

«Этотъ открытый листъ получаетъ Ге-лунъ-го-жи-ма-ло».

Правленія Гуанъ 15 годъ.

1 день 11 луны.

[2]) Сининскому чинъ-сэю подвѣдомственны лишь земли къ западу отъ Дань-гэръ-тина (Куку-норъ) и къ югу отъ Гуй-дэ (Амдо).

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Джаикскій окружной начальникъ верхомъ.

Фототипія В. Киасовъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Печат. Н. Каминскій.

ГЛАВА XII.

Черезъ Сининскія альпы въ долину Желтой рѣки.

Между долинами Желтой рѣки и Сининъ-хэ подымаются горы, западная часть коихъ со времени третьяго путешествія Пржевальскаго въ Центральную Азію стала извѣстна подъ именемъ Ама-сургу [1]).

Примыкая на востокѣ къ высотамъ Сюкей [2]), онѣ тянутся отсюда на западъ непрерывнымъ, высокимъ валомъ, слегка пониженнымъ лишь на меридіанѣ Ба-янъ-жуна [3]). На западѣ онѣ заканчиваются у Дань-гэра, сливаясь здѣсь съ горами Нара-сари или Жи-юэ-шань. У китайскихъ географовъ мы находимъ слѣдующія указанія, относящіяся къ этимъ горамъ.

Хребетъ, отдѣляющій Куку-норъ отъ китайскихъ земель, въ древности назывался Гань-сунъ-линъ, впослѣдствіи же Чи-линъ, т.-е. краснымъ, по цвѣту слагающихъ его горныхъ породъ. Нынѣ и это названіе забыто и замѣнилось другими. Восточную часть этихъ горъ до встрѣчи съ горами Сяо-цзи-ши (Хара-ула), черезъ которыя прорывается Хуанъ-хэ, называется Цаганъ-тологой-урту, а западная, идущая къ сѣверу—Жи-юэ-шань; наконецъ, самый сѣверный участокъ горъ Чи-линъ, служащій связью между Жи-юэ-

---

[1]) Чтобы уяснить себѣ, что Пржевальскій называлъ хребтомъ Ама-сургу (а не Ама-сурту, какъ пишетъ Потанинъ), достаточно прочесть слѣдующее мѣсто въ его книгѣ «Третье путешествіе въ Центральную Азію», стр. 325:

«Окрайній къ Куку-нору хребетъ, весьма невысокій къ сторонѣ этого озера, развивается къ востоку, къ Донкыру, въ грандіозныя альпійскія формы. Такой же характеръ несутъ горы, лежащія сѣвернѣе Донкыра, *а равно и хребетъ Ама-сургу, восточное продолженіе котораго наполняетъ все пространство между рѣками Сининъ-хэ и Хуанъ-хэ*»

[2]) Это наименованіе заимствовано у Потанина («Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія», стр. 203).

[3]) Потанинъ, ibid.

шанемъ и Да-шанемъ (т.-е. Нань-шанемъ), носитъ названіе Цаганъ-обо. Къ юго-западу отъ Цаганъ-тологой-урту, говорятъ далѣе тѣ же географы, раскидываются обширныя и богатыя долины Чжу-лэ-гай и Гунортай, а къ сѣверо-западу отъ него и къ востоку отъ хребтовъ Цаганъ-обо и Жи-юэ-шань растилаются не менѣе тучныя пастбищныя мѣста, называемыя Цюнь-кэ-тань. Послѣднее названіе распространяется впрочемъ и на западные склоны Жи-юэ-шаня [1]). Объ этомъ послѣднемъ у китайцевъ еще сказано: р. Хоръ (Араголъ) беретъ начало съ хребта Жи-юэ-шань [2]).

Указанія эти очень точны и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ Цаганъ-тологой-урту въ прошломъ вѣкѣ извѣстенъ былъ хребетъ, съ юга окаймляющій долину Сининской рѣки; подъ именемъ Жи-юэ-шаня или Нара-сари—хребетъ, названный Обручевымъ въ честь Потанина; подъ именемъ пастбищъ Цюнь-кэ-тань, по крайней мѣрѣ въ ихъ сѣверной части—луга Боро-чун-хукъ, и, наконецъ, подъ именемъ долинъ Чжу-лэ-гай и Гунортай—высокая степь между Жи-юэ-шанемъ и Цаганъ-тологой-урту.

Названія Ама-сургу мы не слыхали; взамѣнъ же того мѣстные китайцы называли намъ горы, лежащія къ югу отъ Синина,—Шиню-шанемъ [3]). Въ своемъ дневникѣ я называлъ эти горы Сининскими альпами и думаю, что, временно, до выясненія ихъ китайскаго названія, это наименованіе могло бы за ними остаться [4]).

Эти горы имѣютъ массивныя формы, высоки, скалисты и сложены, главнымъ образомъ, изъ осадочныхъ породъ, вѣроятно, палеозойскаго періода: плотныхъ сѣрыхъ известняковъ, глинистыхъ сланцевъ, кварцитовъ и весьма плотныхъ красныхъ аркозовыхъ песчаниковъ.

Наоборотъ, хребетъ Жи-юэ-шань сложенъ, главнымъ образомъ, изъ гранитовъ, гранититовъ, гнейсо-гранитовъ и гнейсовъ, на которыхъ, и то лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ, покоятся толщи глинистыхъ и кремнистыхъ сланцевъ. Общее его направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Вѣроятно, онъ пересѣкаетъ долину Желтой рѣки и подъ именемъ хребта Дунъ-сянь идетъ до встрѣчи съ хребтомъ Хара-ула. Еще китайцы писали, что Чи-линъ, слу-

---

[1]) Успенскій «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай», стр. 77—79; «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 132.

[2]) «Мэнъ-гу-ю-му-цзи», стр. 422.

[3]) Тѣ же китайцы говорили Ши-нинъ вмѣсто Си-нинъ; не невозможно, что я записалъ Ши-ню вмѣсто Ши-нинъ; а тогда мы получили бы Ши-нинъ-шань, что значитъ Сининскія горы.

[4]) Лочи (op. cit., стр. 607) приводитъ для этихъ горъ названіе Ха-и-шань (Cha-ji-shan); сверхъ того онъ утверждаетъ, что на бывшей у него китайской картѣ имъ присвоены слѣдующія наименованія: Ki-si-shan (Цзи-си-шань), Hsiao-ki-si-shan (Сяо-цзи-си-шань) и Ki-sön(?)-shan.

жащій оплотомъ Китаю со стороны Куку-нора, связываетъ Дашань, т.-е. Нань-шань, съ Сяо-цзи-ши, нынѣ—Хара-ула; тоже въ новѣйшее время подтвердилъ и геологъ Лочи. Впрочемъ, возможно, что хребетъ этотъ орографически—цѣльный, въ дѣйствительности представляетъ лишь случайное соединеніе отдѣльныхъ звеньевъ древняго горнаго остова страны, частью, вслѣдствіе послѣдующихъ стяжаній земной коры, измѣнившихъ свое первоначальное широтное простираніе и теперь слитыхъ воедино огромными толщами рыхлыхъ третичныхъ породъ. По крайней мѣрѣ, въ верховьяхъ Ара-гола никакихъ иныхъ породъ въ этомъ хребтѣ, кромѣ красныхъ глинистыхъ песчаниковъ, прикрытыхъ лёссомъ, я не видѣлъ; тоже можно сказать и о сѣдловинѣ, черезъ которую прорывается Хуанъ-хэ, о верховьяхъ Карына и т. д. Эти третичныя отложенія, относимыя Обручевымъ къ ханхаю, заполняютъ до высоты 13.000 футовъ и всю промежуточную долину между описываемымъ хребтомъ и передовой цѣпью Сининскихъ горъ. Благодаря этому, южное заложеніе этихъ послѣднихъ и сѣверо-восточное хребта Жи-юэ-шань очень коротки. Коротко заложеніе Жи-юэ-шаня и въ противуположную сторону, гдѣ въ толщахъ глины и лёсса, выстилающихъ долину Ара-гола, почти изчезаютъ и горы противуположнаго ея края, а именно, юго-восточный участокъ Южно-Кукунорскаго хребта. Между сѣдловиной Кодёрго (къ югу отъ укрѣпленія Шала-хото) и сѣдловиной, черезъ которую прорывается рѣка Хуанъ-хэ, хребетъ Жи-юэ-шань подымается на значительную высоту, хотя отдѣльныя вершины его и не достигаютъ вѣчно-снѣговой линіи; перевалъ, черезъ который прошла австрійская экспедиція, имѣлъ абсолютную высоту, равную 12.900 футовъ. На той же линіи Мынъ-дань-ша, по которой шла эта экспедиція, передовая цѣпь Сининскихъ горъ является нѣсколько пониженной, но къ востоку отсюда эта же цѣпь развивается въ грандіозныя формы и на линіи Гуй-дэ-ша достигаетъ абсолютной высоты, равной 15.000 футовъ.

Сѣверныя склоны Сининскихъ альпъ падаютъ очень круто въ долину Сининской рѣки. Мягкія очертанія онѣ получаютъ только съ высоты 10.500 футовъ, гдѣ къ темнымъ каменнымъ массамъ прислоняются красныя глины, свѣтлые глинистые песчаники и конгломераты, образующіе отроги, покрытые пышной растительностью. Въ общемъ горы эти могутъ быть раздѣлены на пять растительныхъ зонъ: осыпи, альпійскій лугъ и высокую степь, скалистый поясъ, поясъ кустарниковъ и субальпійскихъ луговъ и, наконецъ, степь.

Поясъ осыпей и верхнихъ скалъ очень бѣденъ растеніями, только кое-гдѣ между камнями виднѣются широкія листья Rheum sp?, странная Crepis glomerata, Hock. [1]), и цвѣты Saxifraga Przewalskii, Engl., Lagotis brevituba, Maxim., и Draba alpina algida, Rgl., къ которымъ, на границѣ осыпей и луга, присоединяются темнофіолетовые цвѣты Corydalis trachycarpa, Maxim., лиловые—Meconopsis racemosa, Maxim., и желтые Corydalis melanochlora, Maxim. Интереснѣйшими представителями животнаго царства являются здѣсь два вида птицъ: Pyrrhospira longirostris, Przew., и Grandala coelicolor, Hodgs., образъ жизни которой хорошо описанъ Пржевальскимъ [2]). Я могу только замѣтить, что въ Сининскихъ альпахъ, въ іюнѣ, мы встрѣчали эту красивую птицу лишь въ одиночку и притомъ крайне рѣдко [3]). Иногда въ эту негостепріимную область горъ залетаютъ и другія пернатыя; такъ, намъ случалось здѣсь видѣть Accentor erythropygius, Swinh., и Ruticilla atrata, Gmel., весьма обыкновенную въ ниже лежащей луговой зонѣ. Изъ бабочекъ въ камняхъ держались двѣ новыя формы парнассіусовъ: Parnassius delphius acdestis, Gr.-Gr. и весьма интересный P. cephalus, Gr.-Gr.

Формація [4]) альпійскаго луга занимаетъ въ Сининскихъ горахъ ничтожное пространство; характерной особенностью ея является ея частая перемежаемость съ формаціей высокой степи, среди которой она и вкраплена большею частью въ видѣ небольшихъ острововъ, причемъ, однако, рѣзкой границы между обѣими провести не представляется иногда возможнымъ; въ особенности же часто растенія формаціи альпійскаго луга, какъ, напримѣръ, желтый Papaver alpinum croceum, Ledb., Draba repens, M. B., Trollius pumilus, Don., различныя Primula, Pedicularis, Corydalis и Saxifraga, заходятъ на высокую степь, гдѣ среди Festuca и Avena въ обиліи растутъ Astragalus brevidentatus, Palib., (n. sp.), Aster alpinus, L., выбрасывающій довольно пышные розовые колосья Polygonum Bistorta angustifolia, Meisn., Antennaria Steetziana, Turcz., съ бѣлыми цвѣтами,

---

[1]) Это гималайское растеніе имѣетъ очень странный видъ: это толстый, напоминающій спаржу, стержень, на которомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу и образуя съ кулакъ величиною плотный желтый шаръ, сидятъ тысячи мелкихъ цвѣточковъ. Оно избираетъ сырыя впадины между камнями.

[2]) «Монголія и страна тангутовъ», II, стр. 46.

[3]) На одной недоступной скалѣ, среди щебня, Ивану Комарову посчастливилось замѣтить гнѣздо этой птицы и удачнымъ выстрѣломъ выбить оттуда самку и двухъ птенцовъ въ пуховомъ нарядѣ.

[4]) Формація — терминъ, не пользующійся у ботаниковъ популярностью; между тѣмъ онъ очень удаченъ, выражая на плоскости понятіе, соотвѣтствующее зонѣ, поясу, когда говорятъ о смѣнѣ растительныхъ типовъ по вертикалу.

Sedum algidum tanguticum, Maxim., и другія травы. Луговые оазисы расположены, главнымъ образомъ, въ падяхъ; здѣсь, среди мягкаго изумрудно-зеленаго газона, виднѣются оранжевые, желтые, голубые, фіолетовые и бѣлые цвѣты Trollius pumilus, Don., Saxifraga Przewalskii, Engl., S. tangutica, Engl., помянутой выше Crepis glomerata, Hook., Corydalis melanochlora, Maxim., Cor. curviflora, Maxim., Cor. trachycarpa, Maxim., Meconopsis racemosa, Maxim., Cardamine macrophylla, W., Primula nivalis farinosa, Schrenk., Anemone obtusiloba, Don., и многихъ другихъ. Самой характерной птицей этой зоны, кромѣ вышеупомянутыхъ Accentor erythropygius и Ruticilla atrata, должна считаться Montifringilla nemoricola, Hodgs. Что касается чешуекрылыхъ, то большинство найденныхъ нами здѣсь видовъ оказалось новымъ. Въ особенности многочисленъ былъ великолѣпный Parnassius Szechenyii, Friv.; обыкновенны были также и два другіе вида Parnassius: занимающій въ этомъ родѣ совершенно обособленное мѣсто—красивый P. Orleans Groumi, Oberth., и болѣе скромно окрашенный P. mercurius, Gr.-Gr.; засимъ мы здѣсь встрѣтили: Pieris Butleri Potanini, Alph., Argynnis eugenia rhea, Gr.-Gr., Arg. clara, Blanch., Oeneis buddha, Gr.-Gr., Lycaena dis, Gr.-Gr., Arctia Romanovi, Gr.-Gr., A. Sieversi, Gr.-Gr., Dasychira Semenovi, Gr.-Gr., Das. Alperakii, Gr.-Gr., Eicomorpha argillacea, Alph., Dianthoecia deliciosa, Alph., Trigonophora Grumi, Alph., Grumia flora, Alph., и многіе другіе виды.

Поясъ скалъ, занимающій по вертикалу 1.500—2.000 футовъ, почти совершенно безплоденъ; даже ручьи бѣгутъ здѣсь среди пустынныхъ береговъ, образованныхъ грудами ими же наворочennаго щебня; тропинки вьются по узкимъ ущельямъ; путь по нимъ труденъ и скрашивается лишь дикой красотой высокихъ темныхъ утесовъ, игрой въ солнечные дни свѣта и тѣни, да пышными свѣтло-лиловыми цвѣтами высокихъ Megacarpaea Delavayi sininica, Batal., которые, точно искусной рукой садовника, разсажены здѣсь по всѣмъ выступамъ и разсѣлинамъ въ скалахъ. Кромѣ этой Megacarpaea я могу назвать лишь одно растеніе, характерное для этихъ мѣстъ; это — Rhododendron Przewalskii, Maxim., который по нѣкоторымъ каменистымъ падямъ спускается сюда изъ заоблачныхъ сферъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что хотя этотъ кустарникъ и растетъ среди щебня, но все же требуетъ для себя уже рыхлаго грунта. Иногда сюда же заходятъ съ нимъ вмѣстѣ другіе рододендроны и Caragana jubata, Poir. Птицъ здѣсь нѣтъ. Только при устьѣ ущелій вьютъ себѣ гнѣзда Columba rupestris и C. leuco-

nota, да развѣ изрѣдка спустится къ рѣчкѣ краснобрюхая Pyrrhospiza longirostris. Бабочекъ также не видно, и только назойливыя мухи и слѣпни находятъ здѣсь всѣ данныя для существованія.

На высокіе утесы этого пояса налегаютъ рыхлые глинистые песчаники и конгломераты, расчлененные множествомъ падей съ мягкими склонами. Въ верхнемъ горизонтѣ это подгорье, восходящее мѣстами до абсолютной высоты въ 11.000 футовъ, одѣто кустарниками. Среди послѣднихъ уже не видно Rhododendron Przewalskii, но зато сплошными насажденіями встрѣчаются два другихъ рододендрона—Rh. capitatum, Maxim., и Rh. thymifolium, Maxim., которые и занимаютъ вмѣстѣ съ Potentilla fruticosa tenuifolia, Maxim., и Caragana jubata, Poir., высшій предѣлъ пояса. Ихъ обыкновенно сопровождаетъ Meconopsis quintuplinervia, Rgl., выбрасывающая изъ подъ темной листвы этихъ кустарниковъ свои нѣжные фіолетовые цвѣты. Здѣсь также виднѣются: Podophyllum Emodi, Wall., Primula sibirica genuina, Trautv., голубая Corydalis curviflora, Maxim., низкорослая Lancea tibetica, Hook., съ мелкими фіолетовыми цвѣтами, ярко-оранжевый Trollius pumilus, Don., желтыя Saxifraga, ярко-синяя Omphalodes trichocarpa, Maxim., и красивый голубой Adonis coerulea, Maxim. Ниже, примѣрно на высотѣ 9.500—10.000 футовъ, вышеупомянутыя кустарныя формы смѣняются другими: Potentilla daurica, Nestl., усыпанной съ конца мая бѣлыми цвѣтами, Pot. nivea vulgaris, Lehm., Prunus stipulacea, Maxim., Ribes patraeum typica, Maxim., Rubus idaeus strigosus, Maxim., и Salix sp. [1]) и еще ниже—Cotoneaster acutifolia, Turcz., Lonicera syringantha minor, Maxim., Lon. hispida minor, Maxim., низкостелющейся Rosa macrophylla, Lindl., и Berberis diaphana, Maxim., достигающей мѣстами саженной высоты; наконецъ, уже въ предѣлахъ степной зоны, попадаются кое-гдѣ вдоль овраговъ: высокая Rosa sericea, Lindl., съ бѣлыми цвѣтами, Caragana pygmaea arenaria, Fisch., и Spiraea mongolica, Maxim. Деревьевъ на сѣверныхъ склонахъ Сининскихъ альпъ встрѣчается мало, да и то лишь на крайнемъ западѣ; у Гумбума они давно ужъ истреблены, но здѣсь все еще можно встрѣтить молодыя деревца, почти кустики, обыкновенной рябины. На саяхъ встрѣчаются двѣ породы кустарниковъ: облѣпиха и низкорослая Sibiraea laevigata, Maxim., къ которымъ лишь изрѣдка присоединяется Potentilla nivea.

Кустарники нижнихъ ярусовъ только на сѣверныхъ склонахъ

---

[1]) Съ сѣверныхъ склоновъ Сининскихъ альпъ я привезъ два вида лозняка.

боковыхъ падей сростаются въ чащу, разбросанно же они растутъ всюду. Это совершенно мѣстное обстоятельство объясняется короткостью заложенія скалистой части альпъ и ихъ относительной высотой, что, въ совокупности, обращаетъ ихъ въ ограду, въ тѣни которой и ютятся кустарныя заросли: для многихъ мѣстъ Мынъ-дань-ша солнце восходитъ лишь въ 7—8 часовъ утра, а заходитъ уже въ 5—6 часовъ вечера; роса же держится нерѣдко до 10 и даже 11 часовъ утра. Въ подобныхъ условіяхъ въ этомъ поясѣ горъ развивается крайне разнообразная луговая растительность. На общемъ зеленомъ фонѣ Poa pratensis, Carex atrata и Avena pratensis мелькаютъ самые разнообразные цвѣты: темно-синіе Omphalodes trichocarpa, Maxim., голубые Adonis coerulea, Maxim., отливающіе въ лиловое — Veronica ciliata, Fisch., Pedicularis verticillata, L., и Oxytropis strobilacea chinensis, Rgl., фіолетовые Cardamine macrophylla, W., свѣтло-розовые Sisymbrium mollipilum, Maxim., бѣлые Anemone obtusiloba, Don., желтые различныхъ Saxifraga, Ranunculus, Corydalis linarioides, Maxim., и Thermopsis alpina, Ledb., наконецъ, оранжевые Trollius pumilus, Don., и Lilium tenuifolium, Fisch. Въ іюнѣ всѣ эти травы, а также ютящіяся въ тѣни кустовъ — Scopolia tangutica, Maxim., и Clematis orientalis tangutica, Maxim., мѣшающая свои буро-красные цвѣты съ бѣлыми цвѣтами жимолости, а затѣмъ Euphorbia altaica, высокій Rumex, Polygonatum kansuense, Maxim., Draba eriopoda, Turcz., Fritillaria Przewalskii, Senecio virgaurea, Maxim., Vincetoxicum mongolicum, Maxim., и безконечное множество другихъ были въ полномъ цвѣту и составляли живой персидскій коверъ, по поверхности котораго, подобно огонькамъ, мелькали красныя бабочки — Colias lada, Gr.-Gr., C. Felderi, Gr.-Gr., C. diva, Gr.-Gr., Argynnis eva, Gr.-Gr., Arg. rhea, Gr.-Gr., и Arg. pales sifanica, Gr.-Gr. — все новые виды, которые мы ловили съ полнымъ увлеченіемъ.

Вообще, это дивно-богатая растеніями зона, богата и насѣкомыми. Кромѣ упомянутыхъ выше, мы поймали здѣсь, между прочимъ, нижеслѣдующіе новые или крайне рѣдкіе виды бабочекъ: Mesapia peloria, Hew., Pieris Davidis (var?), Colias sifanica, Gr.-Gr., Polyommatus Standfussi, Gr.-Gr., Lycaena ida, Gr.-Gr., L. themis, Gr.-Gr., L. myrrha helena, Gr.-Gr., Erebia herse, Gr.-Gr., Coenonympha Semenovi, Alph., Carterocephalus Chistophi, Gr.-Gr., Macroglossa ganssuensis, Gr.-Gr., Hepialus luteus, Gr.-Gr., Cossus lucifer, Gr.-Gr., Spica parallelangula, Alph., Spinipalpa maculata, Alph., Mamestra satanella, Alph., M. texturata, Alph., Isochlora albivitta, Alph., Is. Grumi,

Alph., Trigonophora Grumi, Alph., Raddea digna, Alph., Dasypolia pagodae, Alph., Pellonia Grumaria, Alph., Macaria normata, Alph., Panagra Fixseni, Alph., Astrapephora Romanovi, Alph., Trichopleura Leechi, Alph., Kuldscha Oberthüri, Alph., Cidaria Semenovi, Alph., и многіе другіе. Для того, чтобы не утомлять вниманіе читателя длинными списками, я приведу только важнѣйшія находки по другимъ отдѣламъ животнаго царства. Изъ жесткокрылыхъ намъ здѣсь попался Coptolabrus Grumorum, Sem., и цѣлый рядъ другихъ жужелицъ: Calosoma Grumi, Sem., Carabus diruptus, Moraw., C. Przewalskii, Moraw., C. cateniger, Moraw., C. sinensis, Sem., и C. kukunorensis, Sem. Птицъ въ этой области держится также не мало. Самыми интересными были: Carpodacus erythrinus, Pall., Ruticilla frontalis, Vig., Calliope kamtschatkensis, Gmel., Merula Kessleri, Przew., и Dumeticola thoracica, Blyth., которая досталась нашимъ охотникамъ не безъ труда, благодаря своему умѣнью необыкновенно быстро прятаться среди кустовъ. Конецъ мая и начало іюня — время кладки яицъ; вмѣстѣ съ гнѣздами мы добыли ихъ отъ слѣдующихъ видовъ: Chloris sinica, L., Acanthis brevirostis, Bp., Carpodacus pulcherrimus, Hodgs., Alauda arvensis liopus, Hodgs., Anthus rosaceus, Hodgs., Tichodroma muraria, L., Parus superciliosus, Przew., Lanius tephronotus, Vig., Herbivocula affinis, Tick., Pratincola maura Przewalskii, Plsk., и Calliope kamtschatkensis. Даже среди млекопитающихъ намъ посчастливилось найти здѣсь видъ, не бывшій еще извѣстнымъ наукѣ. Бихнеръ описалъ его подъ именемъ Sminthus concolor[1]).

Ложа рѣчекъ, стекающихъ съ сѣверныхъ склоновъ Сининскихъ горъ, въ верхнемъ и среднемъ ихъ теченіи представляютъ обыкновенно сай, который имѣетъ свою особую растительность. Я уже упоминалъ выше, что галечнику свойственны здѣсь три вида кустарниковъ: облѣпиха, Sibiraea laevigata и Potentilla nivea vulgaris; среди этихъ кустарниковъ и на рѣчныхъ отмеляхъ развивается мѣстами весьма интересная флора, представителями коей

[1]) Научное значеніе этой находки видно изъ слѣдующихъ словъ Бихнера: «Die eigenthümliche Gattung Sminthus, Keys. et Blas., aus der Familie der Muridae ist bis jetzt in einer einzigen Art, Smintus subtilis, Pall., bekannt, mit welcher sich alle späterhin beschriebenen Vertreter dieses Genus (*vagus*, Pall., *betulinus*, Pall., *lineatus*, Licht., *nordmanni*, Keys. et Blas., und *loriger*, Nathus) bekanntlich als identisch erwiesen haben»... «Augenblicklich habe ich einen neuen, den zweiten Vertreter dieser Gattung aufgefunden und muss diese ganz unerwartete Entdeckung unser Interesse sowohl in systematischer, als auch in geographischer Hinsicht in hohem Grade erregen, Das in Alcohol conservirte Original zu dieser neuen Art fand sich in der Säugethi in Sammlung vor. welche von den Gebrüder Gr. und Mich. Grum-Grzimailo während ihrer letzten central-asiatischen Expedition zusammengebracht wurde» («Ueber eine neue Sminthus-Art aus China» въ «Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de St-Pétersbourg», XIII, 2, стр. 267).

являются: Juncus Thomsoni, F. Buchen, и Hippuris vulgaris, L., на зеленомъ фонѣ коихъ цвѣтутъ Ranunculus aquatilis, L., Thermopsis alpina, Ledb., необыкновенно красивая темно-пурпуровая Primula Maximiviczi tangutica, Maxim., Polygonatum viviparum, L., Sedum algidum, Lebd., Fritillaria Przewalskii, Maxim., Oxytropis trichophysa, Bge., Anemone rivularis, Ham., и Thalictrum petaloideum, L.

Степная флора на границѣ съ луговой характеризуется преобладаніемъ Papilionaceae надъ всѣми другими видами травянистыхъ растеній. Сперва это любящіе влагу голубые или лиловые Oxytropis humifusa, Kar. et Kir., O. campestris, D. C., O. coerulea, D. C., O. strobilacea chinensis, Bge., и Astragalus tanguticus, Batal., затѣмъ Oxytropis trichophysa, Bge., который то окаймляетъ овраги, то разростается по дну послѣднихъ, то, наконецъ, забирается въ тѣнь шиповника или барбариса. Здѣсь еще всюду можно видѣть пахучую Stellera chamaejasme, L., служащую лучшимъ украшеніемъ лишенныхъ сплошнаго травянаго покрова холмовъ, Veronica ciliata, Fisch., Antennaria Steetziana, Turcz., Thalictrum petaloideum, L., Thlaspi arvense, L., и высокую Lasiagrostis splendens, но дальше идетъ уже полынь и злаки (тотъ же чій, а также Poa, Bromus и Festuca) въ перемѣшку съ такъ называемыми сорными травами, изрѣдка ирисами, Statice sp., Convolvulus sp., солодкой. Это — область орошенныхъ полей, на которыхъ высѣваются, главнымъ образомъ, пшеница и горохъ и рѣже — ячмень, бобы, макъ, кунжутъ, сорго, люцерна и другія сельскохозяйственныя растенія.

Снѣгъ держится на сѣверныхъ склонахъ Сининскихъ альпъ до конца іюля, но лишь въ самыхъ глухихъ, недоступныхъ солнцу, ущельяхъ. Отсутствіе же вѣчнаго снѣга, а также короткость обоихъ заложеній хребта, объясняетъ и отсутствіе крупныхъ рѣчекъ, которыя сбѣгали бы съ этихъ горъ. Самый обширный бассейнъ имѣетъ упомянутая выше рѣчка Донгуръ-хэ, которая собираетъ свои воды въ высокоприподнятой долинѣ между хребтами Сининскимъ и Жи-юэ-шань; она же и самая многоводная. Нань-чуань занимаетъ второе послѣ нея мѣсто. Но какъ ни ничтожна сама по себѣ эта послѣдняя, въ ней всетаки водится рыба; впрочемъ, мы добыли въ ней одинъ только видъ—Nemachilus dorsonotatus, Kessl.

Помѣстивъ больного Колотовкина на носилки, въ которыя впрягались двѣ лошади, мы 18 іюня покинули, наконецъ, нашу продолжительную стоянку въ долинѣ Мынъ-дань-ша и, обойдя отрогъ, у пикета Тунъ-намынъ, вышли на Гуй-дэ-ша.

*

Долина Гуй-дэ-ша уже долины Мынь-дань-ша; склоны ея круче, кустарная растительность—богаче, фауна насѣкомыхъ разнообразнѣе. Правда, мы не встрѣтили уже здѣсь красивой Colias lada, зато разомъ нашли три другихъ вида Colias—sifanica, Felderi и diva, и кромѣ того Polycaena lua, Carterocephalus flavomaculatus и другіе новые или интересные виды [1]).

Миновавъ Тунъ-намынъ, мы прошли дорогой Гуй-дэ-ша версты четыре и разбили свой лагерь у подошвы каменныхъ горъ. Здѣсь мы вновь простояли одиннадцать дней въ надеждѣ, что Колотовкинъ, который, какъ намъ казалось, сталъ поправляться, наберется силъ, чтобы двигаться далѣе, по направленію къ Хуанъ-хэ и Куку-нору.

Въ концѣ іюня наступили жары. Въ тѣни термометръ не переходилъ за 20°, но солнце пекло сильно. Эта жара, а также слѣпни и мухи до такой степени донимали Колотовкина, что онъ умолялъ насъ подняться выше въ горы. Такъ какъ наша система леченія усвоена была всѣми казаками и была донельзя проста, то было рѣшено: перекочевать къ перевалу Лянжа-сань и, оставивъ здѣсь больного на попеченіе двухъ товарищей, съ остальными людьми, налегкѣ, предпринять поѣздку за Хуанъ-хэ.

Подъемъ на перевалъ Ланжа-сань коротокъ, но идетъ узкимъ ущельемъ, по дорогѣ, усыпанной валунами и щебнемъ. На такомъ грунтѣ тропа еле замѣтна, хотя по ущелью взадъ и впередъ снуютъ безконечныя вереницы китайскихъ возчиковъ, которые на ослахъ и мулахъ, рѣже на лошадяхъ, доставляютъ въ Сининъ съ южныхъ склоновъ водораздѣла строевой лѣсъ, хворостъ и всевозможныя деревянныя издѣлія: лопаты, оконныя рамы, ободья, доски и проч. [2]).

Стѣны ущелья при устьѣ сложены изъ плотнаго темносѣраго известняка, имѣющаго очень крутое паденіе на юго-востокъ, далѣе

---

[1]) Оригинальна была здѣсь одна площадка, расположенная нѣсколько выше схода дорогъ Мынъ-дань-ша и Гуй-дэ-ша. Растительность состояла тутъ, главнымъ образомъ, изъ лютиковъ, одуванчиковъ, Thalictrum petaloideum и тому подобныхъ обыденныхъ травъ; столь же обыденны были и летавшія на ней бабочки: Papilio machaon, Parnassius Stubbendorfii (var.), Pieris rapae, Vanessa cardui, Lycaena eumedon (очень незначительная разновидвость, описанная Штаудингеромъ подъ именемъ privata), L. minima, L. pheretes, Argynnis aglaja, Epinephele hyperantus (var. Bieti), Coenonympha amaryllis — точно мы переносились куда-либо въ Сибирь! При этомъ ни одного эндемичнаго вида!

[2]) При этомъ нелишнимъ считаю объяснить, что на южныхъ склонахъ водораздѣла лѣсъ одѣваетъ лишь тѣ склоны боковыхъ отроговъ, которые смотрятъ на сѣверъ. Въ томъ, что лѣсъ, истребленный къ сѣверу отъ Лянжа-сань, сохранился къ югу отъ него, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ за этимъ переваломъ растилаются земли, принадлежащія тангутамъ, которые тщательно оберегаютъ свои лѣсныя богатства.

къ вершинѣ известнякъ этотъ переслаивается съ глинистымъ сланцемъ; въ томъ же мѣстѣ, гдѣ ущелье развертывается въ котловинообразное расширеніе, служащее ему вершиной, горы на югъ образуетъ аркозовый песчаникъ [1]), на сѣверѣ же бурые кварциты и глинистые сланцы, прорѣзанные жилами плотнаго діабаза. Перевалъ лежитъ на спинѣ аркозоваго массива. Существуетъ, однако, и другая дорога, которая изъ котловины сворачиваетъ на востокъ, обходитъ этотъ массивъ и соединяется съ первой недалеко отъ укрѣпленія Чанъ-ху.

Тогда какъ въ ущельи дорога обнаруживаетъ слабое поднятіе, здѣсь, въ котловинѣ, она образуетъ нѣсколько крутыхъ закругленій и, наконецъ, выбѣгаетъ на лугъ.

Этотъ лугъ правильнѣе было бы назвать высокою степью, такъ какъ преобладающею тутъ растительностью является кипецъ; однако, благодаря обилію влаги въ почвѣ, обусловленному высокимъ положеніемъ мѣста, среди пучковъ этого злака попадаются въ изобиліи травы луговой формаціи и даже такія растенія, какъ помянутая выше Crepis glomerata и Daphne tangutica. На этомъ лугу, господствуя надъ дорогой, расположенъ китайскій пикетъ, на тѣсномъ дворикѣ котораго мы и поставили юрту для Колотовкина.

На слѣдующій день мы перешли въ бассейнъ Желтой рѣки: Подъемъ на перевалъ Лянжа-сань [2]) отъ пикета довольно постепененъ, спускъ же съ него очень крутой и идетъ безчисленными зигзагами по краю скалистаго оврага, поросшаго довольно разнообразнымъ кустарникомъ и широколистыми травами. Спустившись въ долину рѣчки Чанъ-ху, у тангутовъ—Карынъ, мы остановились, не доходя укрѣпленія Чанъ-ху, на площадкѣ, густо поросшей Potentilla (Comarum) Salessowi, Steph.

Впослѣдствіи я буду имѣть случай подробнѣе говорить о рѣчкѣ Карынъ, здѣсь же замѣчу, что она стекаетъ съ водораздѣла Хунъ-ё-цзы и въ верхнемъ своемъ теченіи орошаетъ превосходныя пастбищныя мѣста, лежащія между Сининскимъ хребтомъ и горами, обрывающимися въ долину Желтой рѣки. Близъ укрѣпленія Чанъ-ху она принимаетъ въ себя ручей, сбѣгающій съ перевала Лянжа-сань, и, остановленная въ своемъ теченіи на востоко-юго-

---

[1]) Ср. Потанинъ, op. cit, стр. 213.

[2]) По нашему опредѣленію высота этого перевала равняется 12,340 футамъ, по опредѣленію же Потанина — 12,800 фут.; послѣдняя цифра заслуживаетъ большаго довѣрія, такъ какъ опредѣлялась барометромъ.

востокъ высокими гранитными скалами, поворачиваетъ на югъ, въ какомъ направленіи и добѣгаетъ до Хуанъ-хэ.

Въ окрестностяхъ Чанъ-ху можно встрѣтить скалы и осыпи, лугъ, зону кустарниковъ, наконецъ, даже полынную степь. Вообще, южные склоны водораздѣла Хуанъ-хэ и Сининской рѣки въ отношеніи растительности мало въ чемъ отличаются отъ сѣверныхъ. Однако, здѣсь растетъ еще въ обиліи лѣсъ, въ которомъ преобладающей породой является тяньшанская ель (Abies Schrenkiana). Въ ближайшихъ окрестностяхъ Чанъ-ху никакихъ деревьевъ, кромѣ ивы и тополя, мы впрочемъ не видѣли; зато кустарникъ росъ повсюду въ обиліи. Имъ здѣсь одѣты не только всѣ сѣверные склоны утесовъ, но и западные ихъ склоны, а также ложбины, защищенныя отъ солнца высокими гранитными скалами. Полынная степь занимаетъ въ этихъ горахъ ихъ южные склоны и характеризуется преобладаніемъ Papilionaceae. Лугъ, испещренный множествомъ цвѣтовъ, среди коихъ теперь преобладала Gentiana aristata, Fisch., одѣваетъ, главнымъ образомъ, пади; кое-гдѣ онъ сливается съ кипцовою степью вышеописанняго типа. Главная масса бабочекъ принадлежала здѣсь роду Argynnis (pales sifanica, Gr.-Gr., eugenia rhea, Gr.-Gr., clara, Blanch., gong eva, Gr.-Gr., adippe xipe, Gr.-Gr. и aglaja, L.); многочисленна была также Oeneis pumilus lama, Alph.; попадались Colias sifanica, Gr.-Gr., и Satyrus bianor, Gr.-Gr., но самымъ интереснымъ видомъ этихъ мѣстъ былъ, безъ сомнѣнія, Parnassius imperator musageta, Gr.-Gr., — огромная бабочка, державшаяся исключительно на каменныхъ осыпяхъ. Изъ птицъ довольно обыкновенна, какъ намъ говорили, въ лѣсахъ, южнѣе Чанъ-ху, Crossoptilon auritum, Pall.; братъ ѣздилъ за ними, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно. А затѣмъ, мы здѣсь встрѣтили: Carine bactriana, Hutt., Bucanetes mongolicus, Swinh., Carpodacus erythrinus, Pall., C. pulcherrimus, Hodgs., Urocynchramus Pylzowi, Przew., Parus superciliosus, Przew., Pratincola maura Przewalskii, Plsk., Ruticilla frontalis, Vig., Cuculus canorus, L., и Phasianus Strauchi, Przew. Изъ млекопитающихъ мы нашли здѣсь только полевку—Microtus mandarinus, M. Edw.

1 іюля мы выступили въ Гуй-дэ-тинъ. Дорога сюда идетъ внизъ по р. Карыну, которая протекаетъ первыя версты въ довольно узкой долинѣ, обставленной съ востока гранитными утесами значительной высоты [1]); тамъ, гдѣ долина расширяется, выступаетъ крем-

[1]) Образчикъ этого гранита затерялся, но въ дневникѣ у меня сказано, что означенные утесы состояли изъ сѣраго гранита.

нистый сланецъ, а засимъ его смѣняютъ пестрыя (голубыя, темно-бурыя и красныя) кремнистыя глины, имѣющія слабое паденіе на сѣверо-западъ, и, наконецъ, огромныя конгломератныя толщи, которыя и упираются въ Желтую рѣку крутыми откосами.

Долина Карына довольно густо населена—частью китайцами, частью осѣдлыми тангутами. Китайцевъ мы нашли въ деревнѣ Таму, лежащей въ четырехъ верстахъ ниже Чанъ-ху, на обсолютной высотѣ, равной, примѣрно 9,500 футовъ; тангутовъ же, или по мѣстному — ту-фаней, — во всѣхъ послѣдующихъ селеніяхъ, а именно, въ Карынѣ (Ганроня), Гачжа и Нгачжа. Близъ селенія Карына долина расширяется и скалы смѣняются рыхлыми породами, преимущественно—красными песчанистыми глинами, изрѣзанными оврагами и суходолами, нерѣдко совершенно безплодными. Здѣсь, противъ пикета Аями, отвѣтвляется отъ карунской дороги торная тропа на востокъ, которая и выводитъ въ долину рѣчки Чунчжа [1]).

Отъ Чанъ-ху до Гуй-дэ-тина считается сто ли, до селенія Ашгунъ, на рѣкѣ Хуанъ-хэ, около семидесяти, но вотъ уже шесть часовъ мы въ дорогѣ, а желанной рѣки все еще нѣтъ! Красивая долина Чанъ-ху съ ея поселками и полями давно уже осталась у насъ позади, и теперь мы бредемъ ущельемъ среди то красноватыхъ, то бурыхъ, то голубовато-сѣрыхъ кремнистыхъ глинъ, образующихъ здѣсь почти вертикальныя стѣны. Іюльское солнце накалило и почву и воздухъ, и восходящіе струи послѣдняго до боли успѣли уже обжечь намъ руки и шею. Щуришься, чтобы избавить глаза отъ массы отраженнаго свѣта, и открываешь ихъ только ради того, чтобы взглянуть впередъ на дорогу. Но нѣтъ! По прежнему впереди растилается все та же, мѣстами потрескавшаяся, мѣстами плотно-слежавшаяся, сѣроватая или красноватая глина съ разбросанными по ней кое-гдѣ зелеными кустиками стелящихся на землѣ Peganum harmala и колючей Nitraria Schoberi [2]). Тоскливо. Длинная вереница всадниковъ и завьюченныхъ лошадей

---

[1]) Потанинъ пишетъ: «Ниже Арьку (Арку) на Желтой рѣкѣ расположена тангутская деревня Рчили. Чтобы попасть въ нее изъ Арьку, нужно ѣхать сначала вверхъ по долинѣ Карына, перевалить на сѣверную сторону хребта Ла-чи-сань (т. е. Лянжа-сань), потомъ изъ вершины Джаика (т. е. изъ расширеннаго верховья ущелья Гуй-дэ-ша) перевалить въ вершину р. Чуньчжи и тогда повернуть назадъ и ѣхать по ней внизъ, на югъ, до ея впаденія въ Желтую рѣку» (op. cit., стр. 215). По этой кружной дорогѣ, дѣйствительно, ѣхалъ Потанинъ, но она не единственная.

[2]) Не смотря на совершенную безплодность этого ущелья, мы встрѣтили въ немъ одну изъ крупнѣйшихъ бабочекъ этой части Гань-су — Parnassius imperator musageta. Въ такихъ же точно условіяхъ мы находили эту бабочку и къ югу отъ Хуанъ-хэ.

медленно и почти беззвучно ползетъ по тропинкѣ, и такъ и кажется — вотъ, вотъ, она остановится съ тѣмъ, чтобы тутъ же заснуть.

— Ну, эй, кто тамъ впереди? Глаголевъ — ходу!

Встрепенется Глаголевъ; услышавъ человѣческій голосъ, бодрѣе зашагаютъ и лошади, но затѣмъ шагъ послѣднихъ мало-помалу замедляется снова, и вся вереница опять тащится медленно, долго...

— Да гдѣ же китайцы?!

— Впередъ ушли. Говорятъ, сегодня до переправы намъ никакъ не дойти, такъ станцію хотятъ пріискать...

Но вотъ и поворотъ, за которымъ, по нашимъ расчетамъ, должна была находиться долина рѣки Хуанъ-хэ и за которымъ уже скрылась голова нашей колонны. И совершенно неожиданно вдругъ раздался тамъ выстрѣлъ, необычайно гулко пронесшійся по ущелью; за нимъ другой и третій... Странно, что за причина этой рѣзкости звука, да и въ кого тутъ стрѣлять?! Не зная, какъ разрѣшить эти вопросы, я уже торопливо обгонялъ вереницу вьюковъ. Занятый, однако, тропинкой, которая, какъ нарочно, была здѣсь узка, я только тогда поднялъ голову, когда очутился въ густой тѣни надо мною нависшихъ утесовъ. Дѣйствительно, здѣсь какъ бы столкнулись двѣ совершенно отвѣсныя, сложенныя изъ довольно плотныхъ конгломератовъ [1]), скалы, вершины которыхъ казались выше другихъ; онѣ, какъ будто, даже накренились впередъ и образовали гигантскій сводъ надъ рѣчкой Карыномъ, которая въ половодье должна разливаться во всю ширь этихъ оригинальныхъ воротъ. У рѣчки стоялъ братъ и тщательно завертывалъ въ бумагу двухъ птичекъ: — «еще одинъ новый видъ для коллекціи!» [2]) и совершенно неожиданно слова эти съ такимъ же гуломъ ударились въ стѣны, точно они произнесены были въ огромномъ пустомъ помѣщеніи.

А за природой созданными воротами все, какъ по волшебству, вдругъ измѣнилось... Селеніе Арку, раскидистый вязъ, абрикосовая роща, масса зелени и та прохлада, которой мы такъ давно искали! Но, увы! остановка еще, очевидно, не здѣсь. Дорога еще разъ по-

---

[1]) Эти конгломераты имѣли крутое паденіе на сѣверо-востокъ.

[2]) Это были самецъ и самка весьма рѣдкой Carpodacus Stoliczkae, Hume. Интересно, что на тѣхъ же птичекъ натолкнулась здѣсь и экспедиція Потанина (op. cit., стр. 215). У Березовскаго и Біанки («Птицы Ганьсуйскаго путешествія Г. Потанина», стр. 134) ошибочно указано на окрестности Гуй-дэ, какъ на мѣстонахожденіе этого вида.

вернула направо и зигзагомъ поднялась на сосѣдній увалъ. Тамъ уже стояли китайцы, къ которымъ поспѣшили и мы. И вотъ, наконецъ, передъ нами она — Хуанъ-хэ, кормилица столькихъ милліоновъ, — рѣка, къ которой уже давно стремились всѣ наши мечты!

И что за очаровательная картина разстилается у насъ теперь подъ ногами, и что за необъятная пустыня ее окружаетъ! Прежде всего, безъ сомнѣнія, нашимъ вниманіемъ овладѣваетъ рѣка, это беззвучно на востокъ несущееся озеро мутной воды, гдѣ оно быстро съужается съ тѣмъ, чтобы, собравшись съ силами, съ ревомъ и пѣною броситься на темныя скалы, которыя здѣсь круто съ обѣихъ сторонъ упираются въ дно Хуанъ-хэ. Отзвукъ этой многовѣковой, неустанной борьбы двухъ стихій сюда еле доносится, зато въ бинокль хорошо видна пѣна, которая взлетаетъ фонтаномъ надъ скалами. Песчаныхъ отмелей и покрытыхъ растительностью острововъ на Хуанъ-хэ очень много и они какъ-то незамѣтно переходятъ въ береговыя нагорья, мѣстами круто обрывающіяся въ рѣку и сложенныя почти повсемѣстно изъ глины и конгломератовъ какого-то тусклаго желтоватосѣраго цвѣта [1]). Послѣднія лишены почти вовсе растительности [2]), даже той жалкой растительности, которая отсюда виднѣется на обоихъ берегахъ Хуанъ-хэ. Да, пустыня! и пустыня, не смотря на массу воды, на снѣговыя горы на югѣ и на очаровательныя деревушки, разбросанныя по всему видимому теченію рѣки Хуанъ-хэ.

Спустимся же къ этой рѣкѣ и заночуемъ тамъ, гдѣ найдется хоть какой-нибудь кормъ для нашихъ усталыхъ животныхъ. Пора! Солнце успѣло уже совершить свой дневной переходъ и, разставаясь съ землей, бросаетъ теперь на нее свои прощальные, но все еще полные блеска и силы лучи, золотомъ обдающіе и водную поверхность рѣки, и безобразныя глыбы торчащихъ справа утесовъ...

Подъ горой, на которой мы находились, раскидывалась деревня Ашгунъ [3]), населенная на половину дунганами, на половину тангутами. За этой деревней мы вступили въ лѣсъ тамарисковъ,

---

[1]) Эти отложенія ошибочно были приняты Пржевальскимъ за лёссъ. Лёссовидная глина встрѣчается на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ лишь въ немногихъ мѣстахъ и притомъ имѣетъ здѣсь ясно-слоистое сложеніе.

[2]) Только въ распадкахъ холмовъ, да у самаго обрѣза рѣки попадаются сѣровато-зеленые кусты Caragana tragacanthoides Pallasiana, F. et M., чій, Statice aurea, L., полынь, нѣкоторые Papilionaceae, Peganum harmala, Nitraria Schoberi и Berberis sp.?

[3]) Потанинъ называетъ эту деревню Дунгъ.

которые разрослись здѣсь въ деревья футовъ до сорока высотой и до одного фута въ діаметрѣ отруба [1]). Этотъ лѣсъ съ почвой, лишенной растительности, съ Nitraria Schoberi вмѣсто подлѣска, произвелъ на насъ впечатлѣніе чего-то такого, что никакъ не согласуется съ понятіемъ о лѣсѣ, какъ о средѣ, полной жизни, прохлады и тѣни. Послѣ густыхъ садовъ Ашгуна, въ которыхъ весело чирикили птички, этотъ сѣдой лѣсъ, растущій прямо изъ песка, показался намъ мертвымъ, и мы поспѣшили выбраться изъ него къ водѣ, туда, гдѣ виднѣлось широкое поле зелени. Но, увы! это были лишь заросли Glycyrhiza uralensis, Fisch, между которой то тамъ, то сямъ виднѣлись тонкіе стебли жесткой осоки. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ дальше ничего лучшаго не предвидѣлось, то мы и раскинули здѣсь свой бивуакъ.

На слѣдующій день мы встали чуть свѣтъ, но долго провозились на мѣстѣ: сперва лошадей приходилось сбирать, а потомъ куда-то сбѣжали бараны. И когда, наконецъ, мы выступили, солнце успѣло уже сдѣлать цѣлую четверть дуги. Шли долго, утомительно долго. На противуположномъ берегу уже давно показался оазисъ Гуй-дэ; мы даже его миновали, а до переправы все еще, говорятъ, далеко... Дорожка бѣжитъ здѣсь берегомъ русла и то взбирается на крутые уступы, то снова спускается съ нихъ въ глубокія рытвины. Жарко! жарче даже, чѣмъ было вчера, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы втягивались въ узкіе корридоры, стѣны коихъ отдѣляли отъ насъ Хуанъ-хэ. На небѣ только съ запада цѣпью тянутся облака и, точно испуганныя необъятностью горизонта, тѣснятся съ края его, поближе къ горамъ, по которымъ и скользятъ своей тѣнью; въ воздухѣ — совершенная тишина. Караванъ опять растянулся, и Богъ знаетъ, какъ далеко отстали теперь отъ насъ наши слуги-китайцы, гнавшіе новокупленныхъ тибетскихъ барановъ [2]). Но вотъ впереди показалась вновь засаженная ивами отмель рѣки — это вѣрный признакъ, что селеніе близко. И дѣйствительно, переваливъ только за песчаный отрогъ, мы уже очу-

---

[1]) По опредѣленію Максимовича («Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи», отд. ботанич., I, стр. 94) Tamarix Pallasii, Desv. Между тѣмъ, въ другой своей работѣ — «Sur les collections botaniques de la Mongolie et du Tibet Septentrional (Tangout), recueillies récemment par des voyageurs Russes», напечатанной въ «Bulletin du Congrés international de botanique et d'horticulture réuni à St-Pétersbourg», стр. 194, тотъ же ученый пишетъ: «Sur les rivages du fleuve Jaune on voit des groupes de *Tamarix chinensis*, etc.

Къ сожалѣнію, я не взялъ здѣсь въ свою коллекцію вѣтки этого растенія.

[2]) Тибетскіе бараны очень дики. Случалось, что мы были не въ состояніи загнать ихъ къ бивуаку, и тогда приходилось ихъ бить изъ винтовокъ.

тились въ тѣнистой аллеѣ, которой и проѣхали въ богатый лѣсомъ оазисъ Янъ-чжу-ванъ-цзы [1]).

Тангутскія власти, очевидно, давно ужь здѣсь готовились къ встрѣчѣ и теперь, согласно китайскому этикету, привѣтствовали насъ, преклонивши колѣна. Затѣмъ, пока готовился паромъ и развьючивались вьюки, намъ пришлось принять приглашеніе старшины селенія и выпить по чашкѣ горячаго чая, заправленнаго, по тангутскому обычаю, молокомъ, масломъ и солью. Обычная бесѣда, ведущаяся въ этихъ торжественныхъ случаяхъ, приняла на этотъ разъ, и совершенно неожиданно, интересный для насъ оборотъ. Оказалось, что тангуты не забыли Пржевальскаго. Они сдѣлали видъ, а, можетъ быть, и искренно опечалились, когда узнали, что маститаго путешественника уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. «Богатый, видно, былъ человѣкъ... и суровый. Денегъ не жалѣлъ, и мы съ охотой взялись бы вновь ему послужить»...

Но, вотъ, чай конченъ. Мы вновь вскочили на лошадей и минутъ черезъ десять были уже на берегу Хуанъ-хэ, съ глухимъ шумомъ и стремительно несшей здѣсь свои мутныя воды. Не смотря на безвѣтріе, вода шла, какъ говорится, валомъ и пѣнилась подъ крутой вымоиной сосѣдняго мыса. Мелькавшія то и дѣло каряги плавно вертѣлись, поочередно приподымая то одинъ, то другой изъ своихъ обломанныхъ сучьевъ, и, быстро проскользнувъ передъ нами, скрывались изъ вида. Еще быстрѣе мимо насъ проносились полуголые, а иногда и совершенно голые дровосѣки-тангуты на своихъ въ высшей степени оригинальныхъ плотахъ, состоящихъ изъ двухъ турсуковъ, т. е. снятыхъ мѣшкомъ и надутыхъ воздухомъ козьихъ, свиныхъ, а иногда и телячьихъ шкуръ, скрѣпленныхъ настилкой изъ деревянной рамы и нѣсколькихъ поперечныхъ жердей. На этихъ плотахъ тангуты развозятъ дрова, пожитки пассажировъ и даже пассажирокъ. Къ громадной рѣкѣ здѣсь сызмала привыкли и изъ мѣстныхъ жителей ее, очевидно, ужъ никто не боится, если рѣшается довѣрить и себя и пожитки свои такой хрупкой посудинѣ. Впрочемъ, въ обратный путь на подобномъ же турсучномъ плоту, только нѣсколько большихъ размѣровъ, пришлось и моему брату совершить переѣздъ черезъ рѣку, и ничего — перебрался безъ приключеній, хотя въ водоворотахъ

[1]) Этотъ лѣсъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ тополей (Populus Przewalskii, Maxim.); у рѣки ихъ смѣняли вербы (Salix alba), и плакучія ивы (S. babylonica), къ которымъ примѣшивались джигда (Eleagnus hortensis) и тамарискъ; въ садахъ росли, главнымъ образомъ, грушевыя и абрикосовыя деревья, а также черешня и нѣкоторыя другія, мнѣ незнакомыя, породы.

его и не разъ обдавало холодной струей .. Веселъ здѣсь не полагается вовсе; плотъ заводятъ, затѣмъ спускаютъ внизъ по рѣкѣ и къ противуположному берегу направляютъ рулемъ. Если же пассажиры ѣдутъ внизъ по рѣкѣ, то и заводить его вовсе не нужно. Обратно же тангуты, преимущественно лѣсопромышленники, перетаскиваютъ плоты на себѣ; но это вовсе не трудно. Деревянная рама продается или сжигается на дрова, изъ мѣховъ выпускается воздухъ и въ такомъ уже видѣ плотъ составляетъ небольшую и по объему и по вѣсу поклажу. При всей своей практичности плоты эти имѣютъ, однако, одно неудобство: они требуютъ неослабнаго вниманія и точнаго соблюденія равновѣсія. Разъ только отъ чего-нибудь покачнулся сѣдокъ — и онъ уже непремѣнно въ водѣ. Вслѣдствіе паденія тѣла, какъ мячъ отскакиваетъ отъ сѣдока его крошечный плотъ и быстро уносится далѣе, и тогда — навсегда прощай турсуки, прощай и все то, что было на нихъ!.. Вотъ именно такой случай мы наблюдали сейчасъ.

Совершенно нагой тангутъ, не взирая на многочисленную публику, собравшуюся здѣсь, вѣроятно, ради того, чтобы на насъ поглазѣть, и состоявшую, главнымъ образомъ, изъ женщинъ и дѣвушекъ, съ воплемъ несся вдоль берега, а плотъ его, нагруженный, повидимому, его пожитками, еще скорѣе скользилъ внизъ по рѣкѣ.... Вотъ кто-то изъ публики сунулъ ему пузыри... Тангутъ схватилъ ихъ, съ размаха бросился въ воду, видимо поплылъ изъ всѣхъ силъ и вскорѣ скрылся за мысомъ... «Догонитъ-ли?»... «Можетъ быть, и догонитъ; все зависитъ отъ того, куда понесетъ его плотъ»...

Къ нашимъ услугамъ имѣлась барка съ килевой палубой и съ обширнымъ помостомъ по серединѣ. Снявши вьюки, мы должны были сначала перенести ихъ на лодки, а затѣмъ сюда же ввести своихъ лошадей.

Берегъ рѣки здѣсь пологій и лодка держалась на канатахъ шагахъ въ десяти отъ него. Съ пристанями и подвижными мостами здѣсь совсѣмъ незнакомы, и нашимъ бѣднымъ животнымъ приходилось теперь изъ воды прямо вскакивать въ лодку — подвигъ немалый, если принять въ расчетъ полутораршинную высоту ея борта. И, Боже мой, какъ здѣсь намаялись мы, какъ намаялись наши несчастныя лошади!

Нѣкоторыя изъ нихъ упрямились, ложились въ воду и, какъ мнѣ казалось, жалобно, съ какимъ-то даже дѣтскимъ укоромъ смотрѣли на расходившихся перевозчиковъ, безъ всякаго мило-

сердія бившихъ ихъ по чемъ и чѣмъ попало. Моя защита и мое вмѣшательство были бы дѣломъ по меньшей мѣрѣ безполезнымъ. Въ общей сутолокѣ, въ толпѣ лошадей и людей, среди шума рѣки, ишачьяго рева, хлесткихъ ударовъ по водѣ и по мокрымъ спинамъ животныхъ, наконецъ, среди всепокрывающаго людскаго крика и брани на четырехъ различныхъ нарѣчіяхъ, я чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ распоряжаться. Да все и дѣлалось какъ-то само собой: одни съ шумомъ и гамомъ затаскивали въ лодку животныхъ и притомъ иныхъ безъ возни, а другихъ черезъ бортъ на арканахъ и не то бокомъ, не то почти на спинѣ, прочіе же все еще сносили туда сундуки, ружья и всякую мелочь. Но вотъ, наконецъ, кажется, все ужь готово. Нѣтъ, не все: на лодкѣ не видно собакъ. Нашъ лучшій сторожъ и другъ, громадный Койсеръ, два раза ужь спрыгивалъ съ барки, вѣроятно, пугаясь возни на ней лошадей, и теперь рѣшительно ужь не шелъ, не смотря на нашъ усиленный зовъ. Пришлось еще разъ сойти на берегъ и до лодки на рукахъ дотащить этого намъ всѣмъ дорогого упрямца. Наконецъ, мы его водворили на старое мѣсто, потомъ еще разъ кругомъ осмотрѣлись, и при этомъ, безъ сомнѣнія, каждый подумалъ: «ну, дай-то Богъ счастливо намъ перебраться!»

Лодку качнуло. Стиснутые, сбитые вмѣстѣ, кони шарахнулись въ сторону и нѣкоторые изъ нихъ чуть при этомъ не попадали въ воду, но, къ счастью, ихъ во время успѣли схватить. Однако, толчокъ былъ такъ силенъ, что испугалъ нашего смирно до тѣхъ поръ сидѣвшаго пойнтера, который безразсудно бросился въ воду. Я первый это замѣтилъ, но было ужь поздно! Собака плыла къ тому берегу, отъ котораго мы только что отошли. Разумѣется, вскорѣ она достигла его, но, осмотрѣвшись и увидя насъ уже на серединѣ рѣки, жалобно завыла и снова бросилась въ воду. Для насъ всѣхъ это былъ тяжелый моментъ. Всѣмъ было ясно, что собакѣ не справиться съ стремительнымъ теченіемъ Желтой рѣки [1]), что ее унесетъ... Томительно бѣжитъ время. Собака все еще высоко несетъ голову и смѣло плыветъ поперекъ. Но вдругъ она скрылась...

— Попала въ струю... замотало!...

— Да и какъ было ей справиться съ этакой силой! Ужь какъ поплыла—значитъ, пропала!

---

[1]) Пржевальскій опредѣляетъ скорость теченія Желтой рѣки цифрой 300 футовъ въ минуту («Третье путешествіе», стр. 339). Въ ширину она здѣсь имѣла около ста саженъ.

Но, нѣтъ, не пропала! Вонъ она ужь на желтой отмели, какъ разъ между карягъ... Выбѣжала, отряхнулась, посмотрѣла на насъ и снова бросилась въ рѣку...

— Ну, и молодецъ! ну, и здоровенный же пёсъ!...

И всѣ уже радостнымъ взоромъ продолжали слѣдить за пойнтеромъ, который попрежнему смѣло и сильно плылъ къ берегу. Опасность его потерять миновала, тѣмъ не менѣе, не успѣла еще лодка пристать къ гуйдуйскому берегу, какъ нѣкоторые изъ насъ ужь бѣжали внизъ по рѣкѣ... Да, и было время! Собака, видимо, изнемогала и изъ послѣднихъ силъ добиралась теперь до береговой кручи, изъ-подъ которой, при громкихъ, сочувственныхъ возгласахъ тангутской толпы, мы, наконецъ, и вытащили ее за ошейникъ.

Когда мы разбили свой лагерь въ верстѣ отъ рѣки, въ тѣни огромныхъ тополей, окружавшихъ тангутское поселеніе, было уже поздно [1]).

Намъ не довелось, однако, провести этотъ вечеръ въ покоѣ. Явились съ визитомъ китайскія власти и тутъ же намъ заявили, что получено приказаніе отъ чинъ-сэя не пускать насъ дальше, въ горы Джахаръ [2]).

Тѣмъ не менѣе, мы пошли дальше, и если не достигли, какъ хотѣли, верховій рѣки Да-ся-хэ, то по другой причинѣ, о которой сказано будетъ ниже.

Всего съ караваномъ вверхъ по р. Муджику [3]) мы прошли, и притомъ въ два пріема, двадцать пять верстъ, т. е. едва вышли за предѣлы культурнаго района; дальше же на югъ мы успѣли предпринять лишь нѣсколько поѣздокъ, причемъ братъ достигъ нижняго предѣла еловаго лѣса, я же южнаго предѣла каменныхъ горъ. Такимъ образомъ мы не смогли изслѣдовать здѣсь даже того района, который за десять лѣтъ передъ нами обслѣдовалъ Н. М. Пржевальскій; тѣмъ не менѣе, я думаю, что сообщаемыя ниже свѣдѣнія будутъ не безполезнымъ прибавленіемъ къ тому, что мы уже знаемъ объ этой части Амдо.

---

[1]) Долженъ замѣтить, что переправа наша черезъ рѣку совершена была въ два пріема. Мы съ братомъ слѣдовали со вторымъ эшелономъ.

[2]) Это названіе взято у Пржевальскаго. Потанинъ же называетъ эту горную группу Амни-Джакыръ, что, можетъ быть, и болѣе вѣрно. Намъ не случилось слышать ни того, ни другого названія. У китайцевъ она извѣстна подъ именемъ Сяо-сюѣ-шань.

[3]) Этого названія намъ равнымъ образомъ не довелось слышать; китайцы же называли ее Си-хэ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Тангуты изъ окрестностей г. Гуй-дэ-тина.

Фотогравюра В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. №7-2.

Правил. К. Камінскій.

Горъ скалистыхъ и крутыхъ мы не видѣли. Даже тамъ, гдѣ Муджикъ вступаетъ въ щеки, и дорога бѣжитъ по саю, стоитъ только подняться по любой боковой пади, чтобы выйти на высокую степь, которая одѣваетъ всѣ горы, подымающіяся одна за другой, все выше и выше, и такъ до снѣговой группы, виднѣвшейся намъ въ восхитительной рамкѣ изумрудно-зеленыхъ холмовъ.

Подъ этимъ сплошнымъ покровомъ зелени подробности геогностическаго состава горъ были для меня не совсѣмъ ясны. Окрайнія скалы ущелья слагалъ глинистый сланецъ, но въ посѣщенныхъ мною боковыхъ падяхъ его не доставало, и тутъ выступалъ гнейсъ.

Какія породы обнажались выше по рѣкѣ Си-хэ, я не знаю, но въ галькѣ ея русла чаще всего попадались плотный сѣрый глинистый сланецъ, какая-то темно-зеленая порода (филлитъ?) и красный гранитъ.

Къ этимъ горамъ примыкали горы краснаго, кое-гдѣ даже кирпично-краснаго песчаника, нерѣдко круто обрывавшагося въ долину рѣчки Си-хэ. Ихъ смѣняли къ западу отъ послѣдней горы болѣе свѣтлаго песчаника, который, можетъ быть, служитъ ложемъ для красныхъ, и, наконецъ, возвышенія, образованныя конгломератами и мощными толщами тускло-желтыхъ глинъ, имѣющихъ сходство съ лёссомъ и въ верхнемъ горизонтѣ, дѣйствительно, въ него переходящихъ. Эти отложенія особенно развиты въ правомъ, т. е. восточномъ, боку долины, гдѣ лёссоподобныя глины образуютъ высокія горы, въ верхнемъ горизонтѣ поросшія кипцомъ, въ низшемъ почти совершенно безплодныя и именно здѣсь весьма мало доступныя, благодаря обилію крутыхъ и глубокихъ падей. Карабкаясь по спекшимся въ кору, крутымъ и очень опаснымъ ихъ склонамъ за Parnassius imperator musageta, который только въ этихъ мѣстахъ и держался, я не разъ имѣлъ случай убѣждаться въ томъ, что эти глины содержатъ въ обиліи гравій, гальку и даже валуны, которые и скоплялись въ кучи на днѣ суходоловъ—обстоятельство, указывающее на видное участіе воды въ образованіи этихъ толщъ.

Эти тускло-желтыя возвышенія образуютъ послѣдній горный уступъ въ сторону Хуанъ-хэ, гдѣ при устьѣ рѣчекъ Си-хэ (Муджикъ) и Дунъ-хэ разстилается циркообразная долина Гуй-дэ съ разбросанными по ней рощами тополей, селеніями и полями пшеницы и ячменя. Эта долина въ большой своей части, однако, безплодна. Вся мѣстность между подножіемъ горъ и садами Гуй-дэ-

тина одѣта лишь скудной растительностью, и только близъ воды, да въ тѣни рощъ, виднѣется яркая зелень травы.

Домики тангутовъ, то собранные въ селенія, то стоящіе отдѣльными хуторами, вытянуты вдоль обѣихъ вышеупомянутыхъ рѣчекъ и по Муджику проникаютъ верстъ на двадцать пять въ горы. Здѣсь, дѣйствительно, жизнь бьетъ ключомъ, зелени много, поля чередуются почти непрерывно. Китайскихъ поселенцевъ въ этой долинѣ нѣтъ; ее населяютъ одни только тангуты, всѣмъ своимъ существомъ столь отличные отъ китайцевъ. Къ сожалѣнію, мы пробыли среди нихъ очень недолго и многаго, въ дополненіе къ тому, что уже извѣстно въ литературѣ объ амдоскихъ осѣдлыхъ тангутахъ, сообщить не можемъ; да и это немногое я оставляю до главы, которая будетъ посвящена происхожденію тангутскаго народа, его исторіи и современнаго положенія въ Китаѣ [1]). Я замѣчу лишь здѣсь мимоходомъ, что, какъ земледѣльцы, они положительно ни въ чемъ не уступаютъ китайцамъ, что ихъ селенія обыкновенно утопаютъ въ зелени садовъ и что изъ рабочаго скота они главнымъ образомъ, держатъ такъ называемыхъ «цзо», помѣсь яка съ коровой, — великолѣпныхъ крупныхъ животныхъ большой силы, но, сколько замѣтилъ, очень упрямыхъ. Лошадей эти тангуты держатъ мало и, какъ кажется, еще меньшеословъ.

Въ культурномъ районѣ по Муджику мы встрѣтили мало насѣкомыхъ. Изъ бабочекъ летали лишь во множествѣ Apatura ilia serarum, Oberth., замѣняющія здѣсь всюду нашу обыкновенную Colias hyale — Col. poliographus и Pieris chloridice, Hb.; изъ жуковъ были обыкновенны хрущи (Polyphylla n. sp.) и Cicindela sp.

Горы при устьѣ Муджика, какъ уже было выше замѣчено, пустынны, изрѣзаны глубокими суходолами, круты и, вообще, мало доступны. Только въ высшихъ своихъ точкахъ онѣ одѣты степною растительностью смѣшаннаго полынно-кипцоваго типа, на общемъ сѣровато-зеленомъ фонѣ которой еще мелькали въ іюлѣ фіолетовые цвѣты Solanum dulcamara, L., Astragalus adsurgens, Pall., Aster sp., и бѣлые Allium odorum, L. Ниже же, на совершенно оголенной почвѣ, среди рѣдкихъ и низенькихъ кустиковъ полыни и какихъ-то Oxytropis, попадались только полуотцвѣтшія Crepis tenuifolia, L., да высокія Carduus sp. Не смотря, однако, на такую жалкую растительность, фауна насѣкомыхъ оказалась здѣсь очень богатой. Я упоминалъ уже о P. imperator musageta, который ле-

[1]) Эта глава помѣщена будетъ въ III томѣ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ II.

Тангутъ изъ окрестностей г. Гуй-дэ-тина.

Фототипія В. Класенъ; С.-Петербургъ, Надеждинская лин. № 7-2.

Пресмн. Н. Каминскій.

талъ здѣсь по самымъ недоступнымъ откосамъ; но вмѣстѣ съ нимъ, къ своему удивленію, я встрѣтилъ также и другого Parnassius, а именно дивно-красиваго P. nomion nomius, Gr.-Gr., а также весьма оригинальную новую Melitaea Romanovi, Gr.-Gr. [1]), и новую же Epinephele sifanica, Gr.-Gr. Сверхъ того на кипцовой степи въ этой области мнѣ попались Lycaena orbitulus orbona, Gr.-Gr. [2]), Lyc. themis, Gr-Gr., Lyc. Tengstroemi tangutica, Gr.-Gr., Melanargia epimede ganymedes, Gr.-Gr. (nom. in litt.), Satyrus cordula ganssuensis, Gr.-Gr., Mamestra satanella, Alph., Dianthoecia lurida, Alph., и Cucullia umbristrigata, Alph. Изъ жесткокрылыхъ самымъ интереснымъ номеромъ былъ здѣсь Dorcadion n. sp.

Среди такихъ же глинистыхъ горъ, но въ падяхъ, выходящихъ на рѣчку нѣсколько выше, начинаетъ уже попадаться кое-какой кустарникъ: Berberis sp., Cotoneaster multiflora typica, Spiraea mongolica, Rosa sericea, Myricaria sp., въ тѣни коихъ развивается и болѣе богатая видами травянистая растительность. Наконецъ, въ области распространенія краснаго песчаника всѣ горы уже покрыты роскошными лугами, нерѣдко, впрочемъ, и тутъ переходящими въ кипцовую степь. Самымъ обыкновеннымъ цвѣткомъ на этихъ лугахъ былъ красноораижевый Lilium tenuifolium; сверхъ того, мы застали здѣсь въ полномъ цвѣту: Myosotis sp., Iris dichotoma, Pall., Gentiana straminea, Maxim., Delphinium grandiflorum, L., Allium polyrhizum typica, Maxim., и Galium verum leiocarpum, Ledb., и на болѣе сухихъ мѣстахъ — Astragalus adsurgens, Pall. Рѣже въ этой области горъ попадается кустарникъ (таловый ерникъ, Potentilla fruticosa, P. filipendula, Spiraea mongolica), притомъ растущій рѣдкими насажденіями и исключительно на сѣверныхъ склонахъ. Изъ деревьевъ встрѣчается здѣсь только Juniperus pseudosabina. Въ глубокихъ логахъ и въ долинѣ рѣчки Муджикъ кустарниковыя растенія чувствуютъ себя очень хорошо и достигаютъ крупныхъ размѣровъ; Berberis diaphana, Lonicera syringantha, Cotoneaster multiflora и Rosa сростаются здѣсь въ высокія темнозеленыя и усыпанныя цвѣтами чащи, которыя становятся мѣстами совершенно непроницаемыми, благодаря увивающимъ ихъ Clematis и высокимъ, разросшимся въ кустарникъ, астрагаламъ.

Эта область была необыкновенно богата насѣкомыми; особенно же многочисленна была красивая, сильно варьирующая и для си-

[1]) Эта замѣчательная бабочка найдена была годъ спустя въ сѣверной Монголіи.

[2]) Впослѣдствіи эта же разность описана была Штаудингеромъ («Iris», VIII, 2, стр. 300) подъ именемъ S. orbitulus tartarus.

стематики рода крайне важная Colias diva, Gr.-Gr., составляющая среднюю форму между кавказской Aurorina и южно-сибирской Aurora [1]). Вмѣстѣ съ ней летала другая красивая бабочка — P. nomion nomius и менѣе обращающія на себя вниманіе: вышеупомянутая Melitaea Romanovi, M. agar, Oberth., M. didyma latonia, Gr.-Gr., Erebia alcmena, Gr.-Gr. [2]), Satyrus dryas tibetana, Oberth., Sat. autonoe extrema, Alph., Sat. Cordula ganssuensis, Gr.-Gr., Pamphila comma lato, Gr.-Gr., P. sylvanus, Esp., Pyrgus gigas kuenlunus, Gr.-Gr., Emydia striata, L., Em. funerea, Ev., Orgyia confinis, Gr.-Gr., и множество ночныхъ бабочекъ, а именно: Simyra splendida, Stgr., Agrotis alpestris, B., A. tritici varia, Alph., A. corticea amurensis, Stgr., Mamestra advena, F., Hadena lateritia, Hufn., Miana literosa, Hw., M. bicoloria semicretacea, Alph., Hydroecia osseola, Stgr., H. nictitans, Bkh., Tapinostola Elymi saturatior, Stgr., Leucania pallens melania, Stgr., Caradrina lenta, Tr., C. gluteosa, Tr., Plusia dives, Ev., Heliothis ononis, F., H. scutosus, Schiff., Thalpochares arcuinna blandula, Rbr., Eccrita ludicra, Hb., Phorodesma smaragdaria, F., Ph. Jankowskiaria, Oberth., etc. Я привожу столь длинный списокъ, интересный только для спеціалистовъ, съ намѣреніемъ *указать на необыкновенное родство лепидоптерологическихъ фаунъ южно-сибирскихъ горъ и горъ праваго берега Хуанъ-хэ,* — фактъ, освѣщеніе коего оставлено мною до заключительной главы настоящаго труда, гдѣ суммированы будутъ результаты нашихъ двухлѣтнихъ изслѣдованій западнаго Китая. Въ этой же зонѣ, но въ болѣе сухихъ логахъ мы ловили: Polycaena princeps, Oberth., Melanargia ganymedes, Gr.-Gr., Pararge deidamia, Ev., Ino budensis mollis, Gr.-Gr., Spilosoma roseiventris, Snell., Porthesia nyctea, Gr.-Gr., и другихъ. Изъ жесткокрылыхъ, найденныхъ тутъ же, можно отмѣтить: Hoplia Potanini, Heyd., два вида Zonabris, Epicanta sp., Dorcadion sp., Nebria sp. nova, etc. Засимъ заслуживаетъ упоминанія огромное количество водящихся здѣсь слѣпней и оводовъ. Братъ какъ-то справедливо замѣтилъ: если бы насъ не вынудилъ покинуть долину Муджика (нашу стоянку выше тангутскихъ поселеній) долгъ по отношенію къ больному товарищу, то вынудили бы сдѣлать это слѣпни. Что касается птицъ, то ихъ было добыто не особенно много; я могу назвать лишь

---

[1]) Въ своей систематикѣ рода Colias (см. Groum-Grgimailo — «Le Pamir et sa faune lépidoptérologique», стр. 301 и 303) оба эти вида я отнесъ къ разнымъ типамъ, что оказывается нынѣ невѣрнымъ; однако, открытіе это лишь подтверждаетъ мою теорію разселенія видовъ этого рода по вселенной, изложенную тамъ же.

[2]) Возможно, что видъ этотъ только мѣстная разновидность сибирской Er. Sadakovii, Ev.

слѣдующіе виды: Poliopsar cineraceus, Temm., Chloris sinica L., Emberiza Godlewskii, Tacz. [1]), Motacilla lugens, Kittl., Anthus striolatus, Blyth., Dendrocopus Cabanisi, Malh., Junx torquilla, L., и Phasianus Strauchi, Przew. Нѣкоторые фазаны успѣли уже вывести цыплятъ, другіе же сидѣли на яйцахъ. Послѣднее выраженіе, впрочемъ, не совсѣмъ точно. Самки фазановъ кладутъ яйца въ ничѣмъ невыстланныхъ, или же вырытыхъ въ пескѣ ямкахъ, на самомъ солнцепекѣ, и на день ихъ покидаютъ [2]), предварительно забросавъ, однако, пескомъ. Обыкновенно въ такомъ гнѣздѣ находится отъ 15 до 20 яицъ [3]), но брату попался выводокъ, въ которомъ было не болѣе десятка птенцовъ въ пуховомъ нарядѣ; ту же цифру приводитъ и Пржевальскій [4]), что, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что далеко не изъ всѣхъ яицъ вылупливаются цыплята.

8 іюля вечеромъ братъ вернулся на бивуакъ изъ своей поѣздки вверхъ по р. Муджику. Почти одновременно мы получили письмо, въ которомъ намъ сообщали, что въ здоровьѣ Колотовкина вдругъ наступилъ значительный поворотъ къ худшему. Тревожное извѣстіе это заставило насъ покинуть подгорье Джахара. Братъ выѣхалъ съ казакомъ Комаровымъ немедленно, я же тронулся ему вслѣдъ съ караваномъ 10 іюля.

Изъ укрѣпленія Чанъ-ху мы выступили въ дальнѣйшій путь на Куку-норъ 16 іюля. Въ этотъ день мы не только переступили политическую границу, но и границу климатическую; поэтому здѣсь будетъ совершенно умѣстно дать краткую характеристику климата пройденной нами части Гань-су за 67 лѣтнихъ дней, съ 10 мая по 16 іюля.

За этотъ періодъ времени маршрутъ нашъ былъ слѣдующій: изъ окрестностей монастыря Гу-мань-сы, слѣдуя внизъ по теченію рѣчки Лама-гоу, мы вышли въ долину Да-хэ и Шинъ-чэна, послѣ чего пересѣкли культурный районъ между этимъ городкомъ и Дань-гэръ-тиномъ, откуда долиной Сининской рѣки спустились до меридіана Гумбума и надолго основались къ юго-востоку отъ него, въ горахъ, на абсолютной высотѣ, равнявшейся 9.750 фу-

---

[1]) Эта птица еще въ іюлѣ сидѣла на яйцахъ.

[2]) Тоже подтвердили намъ и мѣстные тангуты; намъ не удалось, однако, выяснить, поступаютъ ли такъ самки фазановъ Штрауха во всякую погоду или только въ жаркіе дни.

[3]) Такихъ гнѣздъ, по указанію тангутовъ, мы нашли нѣсколько.

[4]) «Монголія и страна тангутовъ», II, стр. 121.

тамъ; затѣмъ, 30 іюня, мы перевалили черезъ водораздѣлъ въ долину Хуанъ-хэ, пересѣкли ее и, пробывъ нѣсколько дней, съ 3 по 11 іюля, въ подгорьѣ Джахара, вернулись обратно на южные склоны помянутаго водораздѣла. Наивысшіе изъ пройденныхъ нами при этомъ пунктовъ лежали на абсолютной высотѣ:

Перевалъ Чжуса	11,100 футовъ
» Лянжа-сань	12,350 »
Укрѣпленіе Чанъ-ху	10,250 »

наинизшіе на абсолютной высотѣ:

Стоянка близъ г. Шинъ-чэна	8,625 »
» » » Гуй-дэ	7,500 [1]) »

Средняя между этими пунктами какъ разъ соотвѣтствуетъ высотѣ нашихъ стоянокъ въ долинахъ Мынъ-дань-ша, Гуй-дэ-ша и Муджика (9.750—10.000 ф.).

Изъ 67 дней наблюденія вполнѣ ясныхъ дней или дней, когда небо было подернуто перистыми облаками (cirrus), было 12, ясныхъ ночей 20, облачныхъ, т. е. такихъ, когда небо было покрыто слоистыми (stratus) или кучевыми (cumulus) облаками въ теченіе всего дня, 10; пасмурныхъ въ теченіе всего дня — 15; въ остальные же тридцать дней наблюдалось перемѣнное состояніе неба; изъ нихъ 18 дней были на половину облачными, на половину ясными, 11 — на половину облачными, на половину пасмурными и одинъ день, съ утра ясный, къ вечеру сталъ пасмурнымъ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ лѣтнее время ясное состояніе небосклона даже въ горахъ является для этой части Гань-су преобладающимъ.

Снѣгъ, и то на половину съ дождемъ, выпалъ только однажды, а именно—16 мая, подъ переваломъ Чжуса, при полномъ затишьѣ; дождь же выпадалъ 22 раза. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ это число вошли и такіе случаи, наблюдавшіеся въ долинѣ Муджика, когда среди яснаго дня вдругъ набѣжитъ облако и обдастъ дождемъ, точно пылью; черезъ минуту отъ этого дождя не остается, конечно, даже слѣда: вода испаряется моментально. Исключивъ эти случаи, получимъ, что дни съ осадками составляли всего лишь 26 съ небольшимъ процентовъ общаго числа дней наблюденія. Вообще, періодъ съ половины мая до половины іюля не можетъ считаться обильнымъ водяными осадками. Только однажды

---

[1]) Высота Гуй-дэ, по опредѣленію Пржевальскаго, равняется 7,300 фут., по опредѣленію Потанина — 7,440 фут., по опредѣленію Крейтнера — 7,510 фут.

на насъ спустилось облако, причемъ моросило при полномъ затишьѣ около 40 часовъ кряду. Обыкновенно дождь шелъ часъ, два, много, если ужь три, притомъ мелкій, хотя и частый; проливень случался въ Сининскихъ горахъ рѣдко, съ переходомъ же на южные ихъ склоны не наблюдался ни разу. Грозы были довольно рѣдки, притомъ же не сильны: въ маѣ ихъ было четыре, въ іюнѣ — двѣ, въ первой половинѣ іюля — одна. Градъ съ дождемъ выпадалъ пять разъ; въ послѣдній разъ, 9 іюля, изъ небольшой тучи при совершенно ясномъ небѣ и яркомъ солнцѣ. Градъ обыкновенно не залеживался и тотчасъ же таялъ. Не смотря на столь небольшое количество водяныхъ осадковъ, роса, и притомъ нерѣдко сильная, выпадала на сѣверныхъ склонахъ Сининскихъ альпъ довольно часто. Былъ даже случай выпаденія въ горахъ, въ зонѣ свыше 10.000 ф. абс. подн., инея; этотъ случай наблюдался 26 мая. Когда мы проснулись, все кругомъ было бѣло; иней сталъ отступать кверху лишь въ 8 час. утра.

Характерной особенностью лѣтняго климата западной Гань-су должно считаться безвѣтріе. Бурь мы не испытали ни разу; сильный вѣтеръ наблюдался дважды, 22 мая съ S и 11 іюля съ O, въ остальное же время господствовало затишье, нарушавшееся бризами или слабыми вѣтрами, дувшими притомъ съ значительными интервалами. Въ общемъ преобладали западные и юго-западные вѣтра, что видно изъ слѣдующей таблицы:

				Ясно.	Облачно.	Перемѣнно.	Пасмурно.
Тихо	45	изъ нихъ		8	3	18	16
N	2	»	»	1	—	1	—
NW	2	»	»	—	1	—	1
W	12	»	»	2	4	3	3
SW	8	»	»	2	2	2	2
S	1	»	»	1	—	—	—
SO	2	»	»	—	1	—	1
O	3	»	»	—	1	—	2
NO	6	»	»	1	3	—	2

Такъ какъ тучи приносились воздушными теченіями со всѣхъ сторонъ горизонта, то для меня осталось невыяснившимся, какимъ вѣтрамъ западная Гань-су обязана своей влагой въ лѣтнее время. Ясно выразившійся въ апрѣлѣ китайскій муссонъ на сѣверныхъ склонахъ Сининскихъ альпъ почему-то не давалъ себя чувствовать; только уже съ переходомъ въ долину Хуанъ-хэ онъ сталъ наблюдаться снова, причемъ 11 іюля, въ теченіе почти цѣлаго дня, дулъ съ значительной силой, порывами.

За весь разсматриваемый періодъ термометръ ни разу не опускался ниже 2^0 мороза (22 мая, въ 5 часовъ утра, при сильномъ вѣтрѣ съ горъ, т. е. съ юга); засимъ ниже 0^0 температура наблюдалась два раза, а именно 18 и 23 мая, и на нулѣ три раза—16, 17 и 24 мая [1]).

Въ іюнѣ установилась вполнѣ теплая погода; термометръ не опускался ниже $+2^0$, но зато не подымался въ тѣни и выше 21^0; въ іюлѣ же, съ переходомъ въ долину Хуанъ-хэ, максимумъ и минимумъ температуръ поднялись еще болѣе значительно и достигли 9^0 и 31^0. Были даже ночи, когда термометръ не опускался ниже 18^0! Впрочемъ, теплыя ночи случались и въ іюнѣ; такъ, напримѣръ, съ 7 на 8 іюня термометръ только между 3 и 4 часами утра показывалъ 9^0; но зато и днемъ ртуть не поднялась въ немъ выше 11^0.

Крайности температуръ за май, іюнь и первую половину іюля видны изъ слѣдующаго:

Ущелье Нянь-нань-сянь (ок. 9,500 ф. абс. в.)	12 мая	4 ч. утра	4^0	12 ч. — м. дня	22^0	облачно	тихо
Ущелье Ча-чжи (около 9,500 ф. абс. выс.)	13 »	1 » ночи	4^0	2 » — » »	23^0	»	NW
Тамъ же	15 »	4 » утра	0^0	1 » — » »	18^0	пасмурно	тихо
Ущ. Лоу-са-ша (9,450 ф. абс. выс.)	16 »	4 » »	6^0	1 » — » »	8^0	»	»
		6 » »	10^0	7 » — » веч.	0^0		
Подъ перев. Чжуса (ок. 9,200 ф. абс. выс.)	17 »	1 » ночи	0^0	2 » — » дня	14^0	облачно	NO
Дол. р. Сининъ-хэ (ок. 8,300 ф. абс. выс.)	18 »	4 » утра	-1^0	2 » — » »	$20^0,5$	ясно	тихо
Дол. р. Мынъ-дань-ша (9,750 ф. абс. выс.)	22 »	5 » »	-2^0	2 » — » »	16^0	»	сильн. S
Тамъ же	24 »	2 » »	0^0	1 » — » »	21^0	перемѣнно	тихо
Тамъ же	30 »	1 » ночи	4^0	1 » — » »	10^0	пасмурно	»
		7 » утра	15^0				
Тамъ же	31 »	3 » »	5^0	12 » — » »	8^0	»	»
Тамъ же	6 іюня	1 » ночи	2^0	2 » — » »	19^0	перемѣнно	SW
Тамъ же	8 »	3 » »	9^0	1 » — » »	11^0	пасмурно (дождь)	тихо
				6 » — » веч.	7^0		
Тамъ же	12 »	1 » »	7^0	1 » — » дня	$19^0,5$	ночью—дождь днемъ—облачно	слаб. O
Тамъ же	13 »	3 » »	8^0	1 » — » »	16^0	перемѣнно	слаб. NO
Тамъ же	14 »	3 » »	6^0	1 » — » »	$9^0,5$	дождь	тихо
Дол. р. Гуй-дэ-ша (ок. 10,000 ф. абс. выс.)	20 »	1 » »	5^0	1 » — » »	20^0	облачно	W
Тамъ же	21 »	4 » »	$8^0,5$	1 » — » »	19^0	»	»
Тамъ же	24 »	3 » »	$10^0,5$	1 » — » »	14^0	перемѣнно (съ дождемъ)	»
		8 » утра	18^0				

[1]) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что хотя утромъ 26 мая на бивуакѣ термометръ и показывалъ $+0^0,5$, но нѣсколько саженъ выше лежалъ уже иней.

Тамъ же	28 іюня	3 ч. утра	4°,5	1 ч. — м. дня	20°	ясно	тихо
Подъ перевал. Лянжасань (11,500 ф. а. в.) .	30 »	3 » »	4°	12 » — » »	18°	пасмурно	»
Укр. Чанъ-ху (10,250 ф. абс. выс.).	1 іюля	3 » »	5°	1 » — » »	27°,5	ясно	слаб. О
Дол. Хуанъ-хэ (7,500 ф. абс. выс.).	2 »	3 » »	18°	2 » — » »	25°	пасмурно	тихо
Дол. Муджикъ (около 9,500 ф. абс. выс.) .	4 »	3 » »	12°	1 » — » »	28°	облачно	»
Тамъ же	5 »	3 » »	9°	1 » — » »	27°,5	ясно	»
Тамъ же	7 »	3 » »	12°	1 » — » »	30°	»	слаб. О
Тамъ же	9 »	4 » »	13°	1 » 30 » »	31°	»	тихо
Укр. Чанъ-ху (10,250 ф. абс. выс.).	13 »	1 » ночи	6°	12 » — » »	32°	»	»
Тамъ же	14 »	1 » »	7°	1 » — » »	27°	перемѣнно	»

Уже изъ этихъ данныхъ нельзя не усмотрѣть, что суточныя лѣтнія амплитуды въ изслѣдованной части Гань-су незначительны. Наибольшія изъ нихъ равнялись:

Въ маѣ (долина Сининъ-хэ, 18-го) . .	— 21°,5	ясно	тихо
» іюнѣ (Гуй-дэ-ша, 28-го).	— 15°,5	»	»
» іюлѣ (укр. Чанъ-ху, 13-го)	— 26°	»	»

Но это крайніе случаи. Обыкновенно суточныя амплитуды колебались между 10 и 13 градусами, понижаясь въ то же время до:

Въ маѣ (Мынъ-дань-ша, 21 и 31-го). .	— 5°	пасмурно	тихо
» іюнѣ (Мынъ-дань-ша, 14-го)	— 3°,5	»	»
» іюлѣ (долина Хуанъ-хэ, 2-го) . . .	— 7°	»	»

Равнымъ образомъ невелики и мѣсячныя амплитуды. Въ маѣ (съ 10-го до конца мѣсяца) таковая равнялась:

— 2° (5 ч. у., 22 мая, Мынъ-дань-ша)
+ 23° (2 ч. дня, 13 мая, въ ущ. Ча-чжи)
25°

въ іюнѣ:

+ 2° (1 ч. н., 6 іюня, Мынъ-дань-ша)
+ 21° (3 ч. дня, 10 іюня, Мынъ-дань-ша)
19°

въ первой половинѣ іюля:

+ 6° (1 ч. ночи, 13 іюля, укр. Чанъ-ху)
+ 32° (12 ч. дня, 13 іюля, укр. Чанъ-ху)
26°

За весь разсматриваемый періодъ самый холодный день выпалъ на 16 мая, когда суточная средняя (изъ 7 наблюденій) составляла 4°,5; самый теплый день на 10 іюля, когда та же сред-

няя (изъ 14 наблюденій) составляла 23°, причемъ амплитуда равнялась 17°,5.

Наконецъ, еще нѣсколько цифръ:

Наибольшая средняя температура дня составляла (съ 6 ч. у. до 6 ч. в.) .	27° (10 іюля)
Наименьшая » » » »	6° (16 мая)
Наибольшая » » ночи » (съ 6 ч. в. до 6 ч. у.) .	21° (съ 1 на 2 іюля)
Наименьшая » » » »	0° (съ 21 на 22 мая)
Число ночей, » » коихъ равнялась 0°	1
» » » » » была ниже 0°	не было

Вообще, климатъ лѣта въ изслѣдованной части Гань-су отличался такою ровностью, какую нельзя было ожидать въ центрѣ Азіатскаго материка. Конечно, это слѣдуетъ приписать вліянію китайскаго муссона.

Конецъ второго тома.

По поводу двухъ рецензій.

Выходъ перваго тома настоящаго труда далъ поводъ доценту казанскаго университета, Н. Катанову, помѣстить въ «Ученыхъ запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета», 1898 г., № 4, въ отдѣлѣ «критика и библіографія», обширную рецензію, которая не можетъ быть оставлена безъ возраженій.

Если бы г. Катановъ предпослалъ своимъ поправкамъ текстовъ записанныхъ мною пѣсенъ замѣчаніе вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго:

> Г. Грумъ-Гржимайло незнакомъ съ тюркскимъ языкомъ, а потому весьма понятны и допущенныя имъ въ записяхъ турфанскихъ и хамійскихъ пѣсенъ погрѣшности, которыя, впрочемъ, не настолько велики, чтобы сдѣлать эти записи непонятными; принимая же во вниманіе, что подобнаго рода работа отнюдь не входила въ кругъ обязанностей г. Грумъ-Гржимайло, зоолога по спеціальности, я думаю, что буду правъ выразить ему благодарность за его желаніе хотя бы и въ несовершенномъ видѣ (каждый даетъ, что можетъ) познакомить насъ съ пѣсеннымъ творчествомъ тюрковъ Восточнаго Тянь-шаня, о которыхъ мы до него ничего почти не знали —

то я могъ бы выразить ему, за взятый имъ на себя трудъ, лишь глубочайшую благодарность.

Но г. Катановъ предпочелъ иную форму вступленія, написаннаго, какъ читатель ниже увидитъ, столь же вздорно, сколько задорно, чѣмъ и вызвалъ настоящее возраженіе.

Исправивъ нѣкоторыя ошибки текста, привожу изъ этой статьи нижеслѣдующія мѣста:

«Отъ такого путешественника, который не въ первый разъ ѣздилъ по порученію ученыхъ обществъ и не мало видѣлъ новаго, отъ такого путешественника, какимъ является Г. Е. Грумъ-Гржи-

майло, всякій ученый, увѣряетъ г. Катановъ, будетъ требовать и вправѣ требовать, чтобы видѣнные народы были описаны подробно и обстоятельно во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ: и религіозномъ, и бытовомъ, и историческомъ, и языковомъ и пр.» (sic!).

«Г. Е. Грумъ-Гржимайло языковъ тѣхъ народовъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Китаѣ и которыхъ въ своемъ «Описаніи» касается, вовсе не зналъ, какъ не знали языковъ изслѣдуемыхъ народовъ и нѣкоторые другіе путешественники, посѣщавшіе Китай раньше его: Н. М. Пржевальскій, М. В. Пѣвцовъ, Б. Л. Громбчевскій и Г. Н. Потанинъ. Одинъ изъ этихъ путешественниковъ, именно Н. М. Пржевальскій, не только не зналъ языковъ, но и не желалъ знать; еще покойному Н. М. Ядринцеву онъ доказывалъ, что по Китаю можно путешествовать и безъ знанія грамматики [1]). Обо всѣхъ видѣнныхъ народахъ Китая Г. Е. Грумъ-Гржимайло говоритъ бѣгло, т. е. не очень подробно, и безъ всякихъ обобщеній; иначе и быть не могло, ибо онъ въ каждой мѣстности былъ проѣздомъ, жилъ очень короткое время, а въ добавленіе ко всему не зналъ ни одного восточнаго языка. Желая поправить дѣло (sic!), онъ придалъ своему изложенію форму не научную, а литературную (sic!), чтобы имѣть читателей если не среди ученыхъ, то, по крайней мѣрѣ, среди обыкновенной публики. Если принять во вниманіе то, что главныя задачи путешествія Г. Е. Грумъ-Гржимайло были не этнографическія, а естественно-историческія, и если имѣть въ виду, что «Описаніе путешествія» предназначается не для ученыхъ, знающихъ уже Китай, а для обыкновенныхъ читателей, не знающихъ Китая вовсе, то Г. Е. Грумъ-Гржимайло вправѣ (!) придавать своему изложенію литературную (!) форму, и читатель, незнакомый съ Китаемъ, въ «Описаніи» дѣйствительно найдетъ кое-что интересное. На стр. X предисловія авторъ говоритъ: «я счелъ полезнымъ пояснить описаніе пройденныхъ мѣстностей историческими о нихъ справками, надѣясь, что отъ такихъ отступленій въ область исторіи описаніе современнаго состоянія мѣстностей можетъ только выиграть» [2]); поэтому въ началѣ своего «Описанія» и мѣстами въ самой книгѣ (sic!) авторъ подробно говоритъ объ исторіи Джунгаріи, Кашгаріи [3]) и При-

---

[1]) Какой? Если русской, то это блестящимъ образомъ доказалъ г. Катановъ.

[2]) Хотя ковычки и поставлены г. Катановымъ, но эти слова — мои только отчасти. Впрочемъ, смыслъ ихъ не искаженъ.

[3]) Это одно изъ увлеченій почтеннаго критика — исторіи Кашгаріи въ I томѣ «Описанія» нѣтъ.

тяньшанья. Историческія свѣдѣнія объ этихъ трехъ странахъ [1]) авторъ почерпаетъ не изъ рукописей и малоизвѣстныхъ китайскихъ или другихъ восточныхъ книгъ, а большею частью [2]) изъ общеизвѣстныхъ трудовъ Іакинфа Бичурина, д-ра Бретшнейдера, К. Риттера, В. В. Григорьева, трудовъ Пекинской Духовной Миссіи и др., такъ что ученый читатель, знакомый съ означенными трудами, въ «Описаніи» ничего новаго по части исторіи не встрѣтитъ; зато разсказы туземцевъ о новѣйшихъ событіяхъ въ Китаѣ, какъ нигдѣ еще не опубликованные, именно, разсказы о бунтахъ и войнахъ туземцевъ противъ китайцевъ, заслуживаютъ всеобщаго вниманія».

Остановимся пока на этомъ.

Я позволю себѣ спросить г. Катанова, проведшаго три года въ Средней Азіи, куда онъ также командированъ былъ съ научною миссіей: знаетъ ли онъ языки дунганъ, китайцевъ и торгоутовъ, съ которыми, безъ сомнѣнія, не разъ сталкивался? И еще: описалъ ли онъ встрѣченныя имъ тамъ народности, хотя бы только тюркскаго происхожденія, въ историческомъ, религіозномъ, бытовомъ, языковомъ и прочихъ отношеніяхъ? Впрочемъ, объ этомъ и спрашивать нечего: онъ не только не описалъ ихъ въ сказанныхъ отношеніяхъ, но никогда и не опишетъ, потому что для такого дѣла сверхъ знаній, которыя пріобрѣтаются, надо имѣть еще природный даръ умѣнія логически мыслить, а именно этой-то способности и не хватаетъ г. Катанову, который, разсказывая, что я былъ «въ каждой мѣстности только проѣздомъ», тутъ же ставитъ мнѣ несообразныя требованія о всестороннемъ описаніи странъ и народовъ, что, конечно, одно съ другимъ несовмѣстимо.

Г. Катановъ, причисляя себя съ одной стороны къ семьѣ тѣхъ ученыхъ, которые, по его мнѣнію, способны предъявить ко мнѣ подобныя требованія, а съ другой — къ группѣ тѣхъ, которые знаютъ Китай, не находитъ въ моей книгѣ ничего ни новаго, ни интереснаго. Но этими, претендующими на очень многое, строками, онъ выдаетъ себя головой, обнаруживъ лишь то, что, можетъ быть, остается и до сихъ поръ для него тайной, а именно, что, если онъ и знакомъ съ Китаемъ, то только поверхностно.

Мало, конечно, знать, что на свѣтѣ существуютъ труды Іакинфа

---

[1]) Интересно было бы знать, какъ г. Катановъ отдѣляетъ Притяньшанье отъ Кашгаріи?

[2]) Къ сожалѣнію, критикъ не говоритъ, откуда я почерпалъ историческія свѣдѣнія «меньшею частью».

Бичурина, Бретшнейдера и другихъ, мало ихъ даже прочесть, надо ихъ изучить для того, чтобы умѣть изъ нихъ черпать необходимое. Занимался ли такой работой г. Катановъ, и если занимался, то гдѣ слѣды этой работы? Я въ своей книгѣ далъ нѣсколько справокъ объ историческихъ мѣстностяхъ Притяньшанья. До настоящаго времени подобныхъ справокъ въ исторической литературѣ Средней Азіи не имѣлось. Это — трудъ оригинальный, къ тому же исчерпывающій предметъ, и въ качествѣ такового долженствующій быть равно интереснымъ какъ присяжнымъ историкамъ, такъ и большой публикѣ. И если бы г. Катановъ дѣйствительно зналъ предметъ, о которомъ такъ свысока разсуждаетъ, то, конечно, не замедлилъ бы найти кое-что для себя новое именно въ этихъ историческихъ справкахъ; но тогда онъ, можетъ быть, оспаривалъ бы мои выводы по существу, а не писалъ бы, что «ученый читатель по части исторіи ничего новаго въ «Описаніи» не встрѣтитъ» [1]).

Но вернемся къ разсужденіямъ ученаго рецензента.

«Иллюстраціи какъ мѣстностей, говоритъ г. Катановъ, такъ и народовъ исполнены фототипическимъ способомъ превосходно; на нихъ изображены: ущелья рѣкъ, озера, горы, равнины, скалы и проч.; изъ народовъ изображены: торгоуты (?), китайцы (?), тюрки Притяньшанья, далѣе: каменныя бабы, монастыри, развалины и проч. Однако предметы, необходимые въ домашнемъ обиходѣ, не фотографированы вовсе, не фотографированы также рисунки вышивокъ и матерій, которыми такъ славится Китайскій Туркестанъ; не фотографирована также внутренность домовъ туземцевъ, не фотографированы и ихъ занятія земледѣліемъ, садоводствомъ, шелководствомъ, ткачествомъ и проч.».

Увы! этими строками ученый рецензентъ доказываетъ лишь то, что моя книга, дѣйствительно, показалась ему мало интересной, настолько мало интересной, что онъ даже не потрудился познакомиться съ содержаніемъ рисунковъ, которые, между тѣмъ, такъ расхваливаетъ.

Но сверхъ того эти же строки доказываютъ, что г. Катановъ очень плохой наблюдатель и что изъ своихъ двухлѣтнихъ разъѣздовъ по Джунгаріи и Турфану онъ не вывезъ даже такихъ бросающихся въ глаза фактовъ, какъ тотъ, что въ этихъ странахъ шелководствомъ не занимаются (см. т. I, стр. 359), что именно

---

[1]) Меня поражаетъ, что г. Катановъ такъ сильно напираетъ на слово «ученый». Ужь не боится-ли онъ, что читатель можетъ заподозрить отсутствіе у него этой учености?

здѣсь художественный вкусъ жителей регрессировалъ и регрессировалъ притомъ въ такой степени, что въ современныхъ вышивкахъ и рисункахъ турфанцевъ и, пожалуй, хамійцевъ, нѣтъ уже и тѣни оригинальности; что, наконецъ, пріемы въ ихъ занятіяхъ земледѣліемъ и садоводствомъ также не имѣютъ ничего своеобразнаго, а потому и заслуживающаго быть иллюстрированнымъ при помощи фототипій.

Да, Китайскій Туркестанъ славится оригинальностью своихъ художественныхъ произведеній (но правильно-ли?); однако, не та его часть, которую мы посѣтили съ г. Катановымъ... И если объ этомъ «ученый» изслѣдователь узнаетъ только теперь, изъ моихъ словъ, то тѣмъ хуже для него и для тѣхъ, кто поручалъ ему научныя изысканія въ Средней Азіи.

Но послѣдуемъ за г. Катановымъ дальше.

«Между тѣмъ, пишетъ онъ, какъ климатическія данныя, абсолютныя высоты, атмосферное давленіе, птицы, насѣкомыя и дикія растенія изучены и описаны Г. Е. Грумъ-Гржимайло всесторонне [1]), обычаи народовъ описаны по единичнымъ случаямъ (?!), какъ дѣлалось, впрочемъ, и нѣкоторыми путешественниками, посѣщавшими Китай въ XIII вѣкѣ и разсказывавшими міру всякія новости [2]). Нашъ авторъ весьма бѣгло говоритъ: о музыкѣ у торгоутовъ и турфанцевъ, о князьяхъ торгоутскомъ и хамійскомъ, о постройкахъ у китайцевъ, о домашней обстановкѣ и пищѣ у китайцевъ, дунганъ и хамійскихъ тюрковъ, о базарахъ, улицахъ и оросительныхъ каналахъ, объ одеждѣ турфанскихъ тюрковъ, о податяхъ, о празднованіи дня новаго года въ Хами и о чиновникахъ въ Турфанѣ. Подробнѣе всего у Г. Е. Грумъ-Гржимайло описаны турфанская свадьба и положеніе турфанской женщины въ обществѣ. Если у Г. Е. Грумъ-Гржимайло и нѣтъ ничего вымышленнаго, зато, по незнанію языка (т. е. языковъ) онъ, подобно средневѣковымъ путешественникамъ, не могъ отнестись строго критически къ сообщеніямъ туземцевъ, именно къ памятникамъ народной литературы (только къ этимъ памятникамъ или и ко всему перечисленному выше: базарамъ, улицамъ, оросительнымъ каналамъ и

---

[1]) Какъ абсолютныя высоты и атмосферное давленіе можно описать всесторонне, это, конечно, секретъ г. Катанова. Но я положительно протестую и противъ навязываемыхъ мнѣ увлекающимся рецензентомъ «всесторонніхъ описаній» климатическихъ данныхъ, птицъ и даже дикихъ растеній.

[2]) Столь пренебрежительное отношеніе къ трудамъ означенныхъ путешественниковъ, признаюсь, мнѣ еще впервые доводится встрѣчать на страницахъ ученаго журнала.

проч.?). Конечно, ни поверхностнаго описанія обычаевъ, ни неудовлетворительной записи текстовъ не было бы, если бы авторъ преслѣдовалъ исключительно этнографическія цѣли и если бы, зная хорошо языки изслѣдуемыхъ народовъ, дѣйствовалъ не спѣша и самолично», т. е., другими словами, если бы и задачи экспедиціи были иныя и во главѣ экспедиціи стояли не братья Грумъ-Гржимайло, а онъ, г. Катановъ, знающій языкъ и грамматику, что, впрочемъ, не помѣшало ему, въ его бытность въ Турфанской области, просмотрѣть тамъ слона, хотя, какъ кажется, онъ и «дѣйствовалъ тамъ именно не спѣша и самолично». Я говорю о турфанскихъ древностяхъ...

Но не довольно-ли этихъ выписокъ изъ вступленія, и не пора-ли перейти къ основной части работы г. Катанова [1])?

Находя, что я часто пишу «ы» вмѣсто «і» [2]), «а» и «о» вмѣсто «ä» и «ö», и что, сверхъ того, по незнанію языка, я не вездѣ въ пѣсняхъ соблюдалъ метрику и риѳмы, что по той же причинѣ я выпускалъ иногда слова и цѣлыя строчки [3])... г. Катановъ далѣе пишетъ: «Тексты Г. Е. Грумъ-Гржимайло *хотя и отличаются отъ моихъ, однако не настолько исковерканы* [4]), чтобы по нимъ нельзя было добраться до смысла; впрочемъ, насколько разнятся наши транскрипціи и переводы другъ отъ друга, легко замѣтить всякому».

Совершенно справедливо, почему я и привожу ниже параллельно оба перевода.

Изъ пѣсни № 1 (стр. 12—14).

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Ялам пенде уй салдык	Јалаң пäнцäр'öй салдік
Султан-ходжа баш болуп	Султан хоџа баш болуп
Капер шарины алдык	Кāпір шäріні алдік.

---

[1]) Впрочемъ, еще одно замѣчаніе. Г. Катановъ говоритъ: «въ горахъ Чолъ-тау едва-ли есть киргизы». Да, ихъ тамъ нѣтъ, и въ этомъ г. Катановъ и самъ могъ бы убѣдиться, если бы съ бо́льшимъ вниманіемъ прочелъ книгу, не сообщившую ему ничего новаго и интереснаго.

[2]) Эта ошибка вызывалась тѣмъ, что переводчиками были у меня казаки, знавшіе хорошо киргизскій языкъ, но не успѣвшіе усвоить себѣ таранчинское нарѣчіе.

[3]) Въ двухъ изъ 13 пѣсенъ г. Катановъ, дѣйствительно, прибавилъ по одной строчкѣ путемъ переноса словъ и произвольнымъ добавленіемъ такихъ, какъ яр! яр! — дорогая! дорогая! А вправѣ-ли онъ былъ это сдѣлать? Не вправѣ, какъ это и будетъ пояснено ниже.

[4]) Г. Катановъ находитъ, что исковерканы не только тюркскіе, но и монгольскіе тексты. Написано это, вѣроятно, съ цѣлью показать, что онъ, Катановъ, кое-что смыслитъ и въ монгольскомъ языкѣ. Между тѣмъ, исправленный текстъ моихъ записей напечатанъ рядомъ, на той же 59 стр.; насколько же онъ исправленъ, это можетъ видѣть каждый и безъ г. Катанова.

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Въ древесныхъ шалашахъ размѣстились наши войска	Мы поставили жилище все въ окнахъ
Подъ Султанъ-ходжи предводительствомъ	Подъ предводительствомъ Султанъ-ходжи
И взятъ былъ городъ язычниковъ.	Мы взяли городъ язычниковъ.

Интересно было бы узнать отъ г. Катанова, что это за сооруженіе — «жилище все въ окнахъ», поставленное таранчами передъ взятіемъ города язычниковъ. Вѣроятно, что-нибудь вродѣ вавилонской башни, съ которой можно было бы обозрѣвать внутренность осажденнаго города, ибо, увы! обстрѣливать его таранчамъ было не изъ чего.

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Ömut-хан-ходжам батырь	Ömŭtъ хан хоцам батур
Олпак кіиде джанге.	Олпак кейді цäңгä.
Джанге атланыб чиксак...	Цäңгä атленіп чіксак,
Джампидаре айлида,	Цāнібдāрі айліда,
Райатларне айдайду,	Рājätлärні айдай-дў.
Беглер узи далдыда...	Бäглäр özі-д'айліда.
По курмеген адамляр	По körmäгän āдāмлäр
Китайным по судан коркар!	Хітайнің посідін коркар.

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
...И тутъ Ömутъ-ханъ-ходжа — нашъ вождь-богатырь —	Герой Ömутъ-ханъ-ходжа надѣлъ на войну кольчугу. Если мы сядемъ на коней и выѣдемъ на войну, то храбрецы его (уже) передъ нимъ. Передъ нимъ и сами начальники, (которые) гонятъ подчиненныхъ. Люди, не видавшіе пушекъ, боятся пушекъ китайцевъ. Если будетъ теперь угодно Богу, то китайцы исчезнутъ отъ своихъ собственныхъ дѣлъ.
Надѣлъ на себя новую кольчугу свою.	
Знать и взаправду надо своихъ коней выводить, да садиться на нихъ...	
Храбрые впередъ ринулись,	
За ними поплелись и всѣ бѣдные,	
Что выгоняли впередъ наши начальники...	
Все это — люди съ пушками незнакомые —	
Китайскихъ пушекъ они испугаются!	
Но дастъ намъ всемогущій Богъ —	
И не успѣютъ китайцы заморить себя голодомъ!	

Въ предисловіи къ первому тому я оговаривался, что мой переводъ пѣсенъ не текстуальный, а только приблизительно точный. Дѣйствительно, отъ своего переводчика я прежде всего требовалъ изложенія своими словами мысли пѣвца и только тогда уже приступалъ къ переводу пѣсни, придерживаясь по возможности ея текста. При такомъ порядкѣ работы, герой Ömутъ-ханъ-ходжа уже, конечно, не могъ у меня очутиться въ тылу не только «своихъ храбрецовъ», но и какихъ-то другихъ «подчиненныхъ», которыхъ приходилось гнать къ стѣнамъ китайскаго города палками. Г. Катановъ, повидимому, представляетъ себѣ картину приступа такой: герой Ömутъ надѣлъ кольчугу и выѣхалъ впередъ; но его сначала обгоняютъ «его храбрецы» (г. Катановъ даже вставляетъ отъ себя слово «уже»), а затѣмъ и подгоняемая палками толпа «подчиненныхъ». Въ такомъ порядкѣ шествуютъ таранчи къ стѣнамъ, и тутъ вдругъ оказывается, что «люди, не видавшіе пушекъ, боятся пушекъ китайцевъ». Какіе люди? «Храбрецы» Ömутъ-хана или «подчиненные»?

Вотъ, какіе вопросы порождаетъ «точный» переводъ г. Катанова. Не ясны также и двѣ послѣднія строчки этого перевода. Что это за «собственныя» дѣла китайцевъ, изъ-за которыхъ они должны погибнуть? Таранчей могло страшить лишь одно — перспектива долгой осады. Вотъ почему выраженіе: не дай Всевышній погибнуть китайцамъ отъ голода — равносильно было словамъ: даруй намъ побѣду. Таранчи-воины, имѣя среди себя толпу пахарей и торгашей, впервые шедшихъ на приступъ, тѣмъ не менѣе надѣялись на успѣхъ послѣдняго... «Но дастъ намъ всемогущій Богъ, и не успѣютъ китайцы заморить себя голодомъ!» Это такъ понятно! Но рѣшительно непонятно то собраніе словъ безъ внутренней связи, которое г. Катановъ выдаетъ за точный переводъ пѣсни. Дальше впрочемъ будетъ виднѣе, до какого абсурда можетъ иногда довести переводчика его стремленіе къ «точному», въ смыслѣ г. Катанова, переводу.

Изъ пѣсни № 2 (стр. 12—13).

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Ашик сыз джурал-майдо,	Ашк-сіз їўр'алмай-дў,
Янге усмей яш бала...	Јеңі өсмәй јаш бала.

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Даже тотъ не живетъ безъ любезной своей, У кого молоко на губахъ не обсохло...	Безъ любви не можетъ жить и рости (даже) новорожденный ребенокъ.

Можетъ быть г. Катановъ согласится со мною, что здѣсь идетъ рѣчь о плотской, а не о материнской любви, и что поэтому мой переводъ ближе къ подлиннику, чѣмъ его?

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Ишмеке арак ачик, Ишмекен кеим татлык...	Ічмäккä арак áчik, Ічмäгäн kім татlik?

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Пока водку пьешь — горитъ все во рту, А выпьешь ее — сладость [1]) во рту остается...	Пить вино — горько, (Но) кто не пившій (его), слаще?

Дѣйствительно, здѣсь слѣдуетъ поставить вопросъ... и слѣдовать за г. Катановымъ дальше.

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Быз-нен-дек, мусаперне, Бузурбар-ходжам колдар?!...	Бізнің-дäк мусапірні Бузурбар хоџам kолдар.

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
А ну какъ меня, странника, Оставитъ Бузурбаръ-ходжа вдругъ своей милостью?!	Странника такого, какъ мы (sic!), поддержитъ Бузурбаръ-ходжа.

Это, пожалуй, даже и безграмотно.

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Кишинын юртага келиб Мусапер джураль-маймын.	Кішінің јуртіџа kелiп Мусāпір јўр'алмай-мäн.

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
И какъ, въ чужую землю заѣхавшему, Мнѣ, чужестранцу, не бояться силой тебя удержать?	Прибывши въ чужую страну, я, какъ странникъ, жить не могу.

[1]) Правильнѣе было бы сказать — пріятность во рту остается.

Не говоря уже о томъ, что такой переводъ не вяжется съ предыдущими строками, нельзя не призадуматься надъ вопросомъ: почему странникъ, прибывшій въ чужую страну, не можетъ жить (т. е., вообще, жить или только въ той странѣ, куда прибылъ?). Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ заставлять таранчей нести такую ахинею. Положимъ, по мнѣнію г. Катанова, таранчи и другіе притяньшаньскіе тюрки въ своихъ пѣсняхъ выражаются просто, «безъ художественнаго наряда»; но вѣдь отъ простоты изложенія до безсмысленнаго набора словъ — цѣлая пропасть, и мнѣ положительно непонятно, почему г. Катановъ такъ часто переноситъ ихъ черезъ эту послѣднюю.

Стихъ № 3 и пѣсни 4, 5 и 6 [1]) переведены г. Катановымъ въ общемъ удовлетворительно, т. е. согласно съ моимъ переводомъ; но № 7 представляетъ опять рядъ курьезовъ.

№ 7 (стр. 345).

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Дейя-кылган иштіяк Иштіякны татытата!	Дöjäk алҕан ічкі jak, Ічкі jakні даті тарта-дӯ!
Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Любовь по тебѣ меня въ скелетъ обратила, А ты и надъ скелетомъ все еще издѣваешься!	Внутренняя сторона (у меня) приняла терпѣніе (страданіе), и эту внутреннюю сторону затягиваетъ ржавчиной!

Г. Катановъ, очевидно, долго ломалъ свою ученую голову надъ непонятнымъ словомъ — «татытата» и рѣшилъ, что это — «дати тарта-тоу». Сходства, какъ видитъ читатель,— мало. Между тѣмъ ларчикъ просто открывался... Это слово не имѣетъ ровно никакого значенія; это соединеніе слоговъ (вродѣ — та-та-та..., тра-ля-ля...), которымъ смыслъ даетъ только удареніе; такъ что, у кашгарлыковъ, напримѣръ, оно даже обратилось въ нарицательное

---

[1]) При этомъ г. Катановъ отмѣчаетъ мою ошибку. «Въ Персіи, говоритъ онъ, никогда святого Юсупа не было; здѣсь подъ «Юсупъ» надо разумѣть Іосифа, сына Іакова, а подъ «Зулейха» — жену Пентефрія (Потифара). Любовь Зулейхи къ Юсуфу извѣстна изъ поэмъ персидскихъ писателей Фирдауси и Джами, также изъ «Разсказовъ о пророкахъ» Рубгузи. Юсуфъ, Іосифъ, у мусульманъ считается святымъ, какъ и отецъ его Якубъ = Іаковъ, по турфанскому выговору Якубъ — пайгамберъ». Эту поправку принимаю съ признательностью.

и значитъ — издѣвательство, поддразниваніе. Засимъ у тѣхъ же кашгарлыковъ «иштіяк» значитъ — скелетъ, а не «внутренняя сторона», которую можетъ затягивать ржавчина. Вообще, этотъ кашгарскій біитъ, очевидно, не дался г. Катанову, такъ какъ дальше онъ продолжаетъ:

Моя транскрипція.

Мендэ имнан ка́льмаде,
Ротшивиндек сагрыб,
Учача дарман ка́льмаде!...
Ротшивын боз — кешэ!
Канат ясап усткешэ
Дунинэ тот-чугулэп
Öз, яренэ, табса кшэ (кыши)!

Транскрипція Катанова.

Мäндä імāн kалмеді,
Зäпрāн-дäk сарђеjіп,
Уча, уча дармāн kалмеді
Зäпран (гÿl-дäk) болса kіші!
Канат jасап, учса kіші!
Дÿнjāні тöрт чöрÿlÿп,
Öз jāріні тапса kіші!

Мой переводъ.

Вся душа изстрадалась во мнѣ
И всѣ мысли давно ужь изсякли —
Видно по свѣту летать имъ болѣе
ужь силы не стало!...
Эхъ, кабы и мнѣ такъ летать, какъ
мысли летаютъ!
Придѣлалъ бы я крылья себѣ и
леталъ
Въ поискахъ по бѣлу свѣту за
красавицей,
На тебя похожей, моя ясынька.

Переводъ Катанова.

Вѣры во мнѣ не осталось (и я) пожелтѣлъ на подобіе (цвѣтка) шафрана. Летѣлъ (я и) летѣлъ (за своей милой), (и) силъ у меня не осталось. О, если-бы быть человѣку, подобнымъ шафрану! (sic!). О, если бы наладить человѣку крылья и летѣть! О, если бы облетѣть человѣку міръ 4 (раза) и найти (ему) свою возлюбленную!

Не зная значенія слова «ротшивин», что значитъ, по объясненію кашгарлыка Хассана, — дума, мысль, г. Катановъ замѣнилъ его словомъ (какое, подумаешь, сходство!) зäпран (шафранъ), что дало ему возможность вложить въ уста кашгарца скромное пожеланіе *уподобиться шафрану!* Засимъ замѣна словъ «тот-чугулэп» словами «тöрт чöрylур» дала ему возможность устами того же кашгарлыка выразить другое пожеланіе, а именно — въ поискахъ возлюбленной облетѣть міръ четыре раза. Почему, однако, четыре?

Послѣ замѣны слова «мысль» словомъ «шафранъ», г. Катанову понадобилось вставить въ текстъ біита и слово «цвѣтокъ» (гуl). Вѣроятно на эту вставку и намекалъ ученый критикъ, когда писалъ, что незнаніе языка вынуждало меня при записяхъ текстовъ выпускать слова.

*

Изъ пѣсни № 8 (стр. 347).

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Абтау-да су койсам или майдо,	Аптāбіда су куйсам,
Кыз баши-га кюн чушты іеглы майдо?	Ілімай-дў, јāр, јāр!
	Кіз башіңа кўн тўшсā,
	Јіңламай-дў, јāр, јāр!

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Что за кувшинъ, въ которомъ вода вовсе не грѣется?	Наливаю въ кувшинъ воды, (но вода) не согрѣвается, милая, милая! Случилась надъ головою дѣвушки бѣда, (но она) не плачетъ, милая, милая!
Что за дѣвка, коли въ горѣ слезами не заливается?	

А между тѣмъ пѣсня эта поется для того, чтобы заглушить рыданія (конечно, часто притворныя) молодой! Не лишне при этомъ замѣтить, что г. Катановъ совершенно произвольно слилъ воедино двѣ пѣсни (№№ 2 и 9) моего дневника. Оттого-то у него и явилась надобность, ради соблюденія, будто бы, нарушенной мною метрики, добавить мой текстъ словами — яр, яр! Такимъ образомъ, свою ошибку онъ кладетъ въ основаніе обвиненія меня въ несоблюденіи метрики!

№ 9 (стр. 357—358).

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Андженликтым балары,	Äңālliкнің баллері
Тонгуз—дер калам дыйде,	Тоңңузні калам дāй-дў.
Беджины Кытай чиксы,	Бāңіндін Хитай чікса,
Хуй-хуйне дадам дыйде!...	Хуйхуйні дадам дāйдў,
Андженлик касеп [1]) кетты	Äңāllik кечіп-кāтті,
Салесыны кын—гайтеп...	Сāllесіні кіңңайтип.
Беджининен Кытай чикты	Бāңіндін Хитай чікті,
Чишлерыны иджайтып...	Тішлеріні ірңайтіп.
Бек—батча узю чеккан,	Бāк-батча өзі-чікkан,
Якши еллярын баккан,	Јахші āлleріні бакkан.
Ханнын чиригге куреп,	Ханнің черігіні көрўп,
Тагне ягалап кашкан.	Таңні јакалап качкан.

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Андиджанскіе ребята (т. е. уроженцы Ферганы)	Дѣти андиджанцевъ (при нуждѣ) зовутъ быкомъ своимъ свинью [2]).

[1]) Въ моемъ дневникѣ (сноска в) сказано: мѣстное произношеніе слова «качеп», такъ что поправку г. Катанова слѣдуетъ признать неправильной.

[2]) Что это за дѣти андиджанцевъ, зовущіе, при нуждѣ, быкомъ своимъ свинью, вѣроятно, не скажетъ и самъ г. Катановъ.

И свинью быкомъ зовутъ [1])...
А пусть китайцы только выйдутъ
изъ Пекина,
Такъ и дунгана будутъ звать отцомъ!...
Андиджанцы убѣжали,
Свернулись на бокъ ихъ чалмы —
Китайцы вышли изъ Пекина,
Оскалившись, какъ псы...
Самъ храбрецъ — бекъ-батча
Отобралъ получше войско,
Но, едва завидѣвъ ханскія войска,
Ужь побѣжалъ горами [2]).

Когда выйдутъ изъ Пекина китайцы (а дунганы въ то время бунтуютъ), то они зовутъ (sic!) отцемъ своимъ дунгана. Андиджанцы убѣжали, надѣвъ на бокъ свои чалмы, (а) изъ Пекина вышли китайцы, оскаливши свои зубы. Барченокъ выѣхалъ самъ и осмотрѣлъ лучшихъ людей своихъ (а) какъ увидѣлъ войска (китайскаго) царя, онъ убѣжалъ вдоль горъ.

Разница въ переводахъ — моего «плохого», который я, по мнѣнію рецензента, пытаюсь скрасить «приданіемъ нѣкоторымъ фразамъ классическаго (?) оборота, вѣроятно, для того, чтобы подѣйствовать на читателя» (sic.!), и перевода г. Катанова — ясна и безъ комментаріевъ. Я только хотѣлъ бы здѣсь спросить г. Ка-

---

[1]) Иными словами — плохіе мусульмане, готовые на всякое противузаконное дѣяніе. Турфанцы ненавидѣли андиджанцевъ, третировавшихъ ихъ свысока, и въ этихъ строкахъ вылились и ихъ презрѣніе къ нимъ и ненависть. Въ виду сего вставка Катанова «при нуждѣ», мѣняющая смыслъ фразы, представляется по меньшей мѣрѣ излишней.

[2]) Подъ этой строчкой у меня въ дневникѣ сказано: «собственно, подъ горами, вдоль горъ», такъ что переводъ Катанова болѣе правиленъ. Если же я остановился на иной передачѣ, то лишь правды ради, такъ какъ Бекъ-кулы-бекъ бѣжалъ изъ подъ Турфана не большой дорогой, а долиной Алгоя.

Кстати приведу еще четыре куплета этой пѣсни, ранѣе не напечатанные:

Якуб-бек узу-бангэ
Бир кунь (кюн) чикмадэ —
Янги чекка — пул джурмайдэ
Ак тенга — бир тенга...
Байдалет кельгенда
Тилля алып' калган...
Китайнын корк-маймэс —
Курганна салып алган...
Момут-хан балапты
Комул, Турпан шаарига...
Момут-хан качан янур
Артыш дыген шаарига?
Атам бар'мо, Момут-хан?
Анам бар'мо, Момут-хан?
Айгыр-булак саинда
Кагал моган, Момут-хан!

что значитъ:

Якубъ-бекъ чилимо-курецъ (прозвище)
Всего лишь разъ (на битву) не поѣхалъ —
И новая чекка перестала быть деньгой,
А серебро сравнялося съ тенгой...

танова, зачѣмъ понадобилось андиджанцамъ при бѣгствѣ «надѣвать чалмы на бокъ»? Удобства ради — что-ли? Скажу также, что слова «бекъ-батча» нельзя переводить словомъ «барченокъ», какъ это дѣлаетъ рецензентъ, такъ какъ они имѣютъ значеніе собственнаго имени, которое было присвоено Бекъ-кулы-беку, старшему сыну Якубъ-бека.

Хотя Катановскій переводъ пѣсни № 10, стр. 361, и разнится нѣсколько отъ моего, но, въ общемъ, не заключаетъ какихъ-либо несообразностей, а потому, минуя его, я прямо перехожу къ слѣдующему по порядку нумеру.

Изъ пѣсни № 11 (стр. 380) [1]).

Моя транскрипція.	*Транскрипція Катанова.*
Бах, бах, еткен бабыртаг [2])...	Бак, бак, äткäн бабуртаӈ.
Бараинды—сем іол ирак,	Бараін дäсäм, јол јірак!
Ирак—текэ туканден...	Јіраktеki tукkандін
Янда хошнын якширак.	Јандекі хошнаӈ јахшірак

Мой переводъ.	*Переводъ Катанова.*
Полощется въ пескѣ бабыртагъ...	Полощется и полощется (въ пескѣ)
Знать, собирается въ путь — дороженьку,	бабыртагъ. Хотѣлъ бы я уѣхать,
На свою-ли далекую родину...	да путь — далекъ. Родственника,
Собирается не одинъ, съ друзьями-товарищами.	живущаго далеко, лучше сосѣдъ, живущій подъ бокомъ.

Бадаулетъ (т. е. счастливецъ, Якубъ-бекъ) сюда пріѣхалъ,
Съ собой золото привезъ.
Китайцевъ онъ вѣдь не боится, —
(А потому) запряталъ все въ курганъ (т. е. въ крѣпость).
Момутъ-хана полонили,
(Отправили) въ Хами, Турфанъ — города...
Когда же Момутъ-ханъ ты вернешься
Въ Артышъ, свой родной городокъ?
Есть-ли отецъ у тебя, Момутъ-ханъ?
Есть-ли мать, Момутъ-ханъ?
Ровной щелью (саемъ) Айгыръ-булак'скою
Не съумѣлъ ты убѣжать, Момутъ-ханъ!

Въ поясненіе перваго куплета я долженъ замѣтить, что послѣ занятія китайцами Турфана мѣдная монета чекана Якубъ-хана была изъята изъ употребленія и запасы ея проданы на металлъ, тенга же, имѣвшая принудительный курсъ, упала до ея дѣйствительной цѣнности.

[1]) Подъ № 11 у Катанова соединены три пѣсни. Но... не все ли равно? По зрѣломъ размышленіи я прихожу къ такому же заключенію, такъ какъ и въ соединеніи и будучи разъединены пѣсни эти въ переводѣ г. Катанова все равно смысла не имѣютъ, чему обращикомъ и служитъ приводимое ниже четверостишіе.

Третій обращикъ подобнаго же «ученаго» обращенія съ пѣсеннымъ матеріаломъ будетъ приведенъ ниже (пѣсня по списку Катанова № 13).

[2]) Пустынная куропатка (Syrrh. paradoxus), пролетная въ Турфанѣ.

Я отказываюсь понять, что хотѣлъ этимъ наборомъ словъ выразить г. Катановъ.

Изъ пѣсни № 12 (стр. 439).

Моя транскрипція.

Аркседен мен чукурмен!
Тал чубукте талгонуп,
Тал чубук таларга ятсе!
Неклай уй-ляр іирек...
Уй-іираке болса-болсун, —
Кон'уль іираке бульмасен!

Транскрипція Катанова.

Аркесідін мән чікур-мән,
Тал чубукні талҗеніп.
Тал чубук талларҗа јатсын!
Нічік-lä öйläр јірак!
Öй јірáкі болса болсун, —
Көңүl јіракі болмасун!

Мой переводъ.

Съ глазъ своихъ ее я не выпущу!
Ивовымъ прутомъ согнусь, да за ней пойду,
Какъ ивовый прутъ до земли пригнусь!
Мнѣ дѣла нѣтъ, что мой домъ уже далеко...
Пусть остается онъ себѣ далеко,
Лишь бы сердце ея было ближе ко мнѣ!

Переводъ Катанова.

Вслѣдъ за нею выхожу я, опираясь на ивовую трость. Ивовая трость пусть лежитъ себѣ въ тальникахъ. Зачѣмъ же домъ далекъ? Если домъ далекъ, такъ далекъ, только не были бы далеки (другъ отъ друга наши) сердца.

Третью строку слѣдовало бы перевести, можетъ быть, такъ: «какъ ивовый прутъ въ ивнякѣ пригнусь». Но я нахожу предложенный переводъ болѣе близкимъ къ тексту, такъ какъ онъ точнѣе выражаетъ мысль пѣвца. А что сказать про переводъ г. Катанова? Да то же, что я уже сказалъ о переводѣ вышеприведенныхъ пѣсенъ, а именно, что ему приличнѣе было бы лежать гдѣ-нибудь въ «тальникѣ», рядомъ съ заброшенной туда же ивовой тростью, чѣмъ показываться на страницахъ «ученыхъ записокъ».

На стр. 440 перваго тома настоящаго труда сказано: «Мнѣ удалось записать здѣсь еще нижеслѣдующія двѣ пѣсни». Эти двѣ пѣсни г. Катановъ почелъ, однако, необходимымъ слить воедино, а такъ какъ въ переводахъ г. Катанова доискиваться смысла въ большинствѣ случаевъ было бы безполезно, да онъ и самъ за нимъ, очевидно, не гнался, то отъ подобнаго неестественнаго слiянія получилось лишь произведеніе, во всякомъ случаѣ не болѣе темное, чѣмъ вышеприведенныя.

По поводу этой пѣсни, по списку Катанова — № 13, я замѣчу лишь, что я совершенно сознательно передалъ слово «тал» — ива, словомъ — тополь. Строчка

Бойляры тал-дай, ярым!

буквально значитъ

Станъ (корпусъ) какъ ива, дорогая!

Г. Катановъ вставляетъ слово «гибкій», мнѣ же говорили о стройности; а такъ какъ при этомъ требовалось и уподобленіе, то я не могъ написать — «стройна какъ ива», а долженъ былъ написать — «стройна какъ тополь», такъ какъ ива въ Россіи стройностью не отличается.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Катановъ замѣчаетъ:

«Было бы желательно, чтобы Географическое Общество къ экспедиціямъ, отправляемымъ въ Китай съ естественно-историческими задачами, прикомандировывала, по крайней мѣрѣ, двухъ окончившихъ на восточномъ факультетѣ молодыхъ людей: одного тюрколога и одного монголиста, или же снаряжало изъ спеціалистовъ—языковѣдовъ (читать между строкъ — «вродѣ меня, Катанова») спеціальныя этнографическія экспедиціи. Пока за изученіе этнографіи Китая будутъ браться не языковѣды, а натуралисты, не знающіе или не желающіе знать языкъ изслѣдуемаго народа, къ каковымъ относятся Г. Е. Грумъ-Гржимайло и нѣкоторые его предшественники, до тѣхъ поръ и наши этнографическія свѣдѣнія объ Азіи впередъ подвинутся мало».

Но... всетаки больше, замѣчу я отъ себя, чѣмъ отъ поѣздокъ господъ Катановыхъ...

Sapienti sat!

Другая рецензія, вызывающая меня на возраженіе, принадлежитъ г. Бартольду. Она помѣщена въ «Запискахъ восточн. отд. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», т. XI, стр. 356—360, и написана по поводу выхода въ свѣтъ, въ іюлѣ минувшаго года, отдѣльной книжкой трехъ первыхъ главъ настоящей книги.

Уже при чтеніи полемической статьи г. Бартольда «Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen» [1]), направленной, главнымъ образомъ, противъ д-ра J. Marquart'a, мнѣ стало ясно, что авторъ ея обладаетъ нервнымъ темпераментомъ, дѣлающимъ его крайне чувствительнымъ ко всему, что такъ или иначе задѣ-

---

[1]) Эта статья помѣщена въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», Радлова (zweite Folge, 1899).

ваетъ высказанныя имъ печатно сужденія. Поэтому я нисколько не былъ удивленъ, когда прочелъ помянутую замѣтку, продиктованную досадой на нижеслѣдующія строки моего сочиненія.

«Barthold въ «Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften» (въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», Радлова) высказываетъ предположеніе, что подъ именемъ «Желѣзныхъ воротъ» слѣдуетъ разумѣть не знаменитый проходъ Бусгала (таково современное названіе «Желѣзныхъ воротъ» Сюань-Цзаня, Рюи Гонзалеса де Клавахо и др.), а Талкинскій перевалъ. Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться, и вотъ по какимъ соображеніямъ» (см. выше, стр. 35)... «Йенчу переводится словами — «рѣка жемчужинъ». Такъ могла называться у тюрковъ лишь Сыръдарья, но ужь никакъ не Урунгу, какъ это предположилъ Бартольдъ. Равнымъ образомъ слова орхонской надписи: «чтобы привести въ порядокъ народъ Согдакъ, мы прошли, переправясь черезъ р. Йенчу, до Темиръ-капыга», могутъ относиться лишь къ Согдіанѣ, а не къ какой-то миѳической колоніи согдійцевъ въ Джунгаріи. Употребляю это выраженіе потому, что о существованіи такихъ колоній въ Джунгаріи въ VII и VIII вѣкахъ намъ положительно ничего неизвѣстно. Самъ же Бартольдъ пишетъ, что о какомъ-то городѣ Самаркандѣ (?), существовавшемъ гдѣ-то въ Джунгаріи, упоминается только у Джувейни, при описаніи похода хана Гуюка (въ 1248 г.); даже, если и допустить, что это указаніе вѣрно, то и тогда пять вѣковъ, отдѣляющихъ оба извѣстія, способны подорвать всякое довѣріе къ выводамъ Бартольда» (стр. 37—38).

Эти-то строки г. Бартольдъ и называетъ рѣзкой критикой его взглядовъ, добавляя при этомъ: «г. Грумъ-Гржимайло не приводитъ двухъ существенныхъ доводовъ въ пользу моей теоріи (гипотезы?): во-первыхъ, чтеніе «Самаркандъ» имѣется во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ Джувейни и въ сочиненіяхъ авторовъ, пользовавшихся этимъ трудомъ; во-вторыхъ, согдійскія колоніи, по свидѣтельству персидскаго географа X в., были еще восточнѣе, чѣмъ Джунгарія, именно въ странѣ токусъ-огузовъ».

Ясное дѣло, что суть моего возраженія ускользнула отъ г. Бартольда. Я не имѣлъ повода сомнѣваться въ правильности его чтенія слова «Самаркандъ», и мой знакъ вопроса относился, какъ всякому, впрочемъ, ясно, не къ этому чтенію, а къ извѣстію историка Ала-эд-Дина Джувейни, причемъ, конечно, представлялось безразличнымъ — въ одной или нѣсколькихъ рукописяхъ передавалась легенда о джунгарскомъ городѣ Самаркандѣ. Во вся-

комъ случаѣ, если бы даже и дѣйствительно существовалъ въ XIII вѣкѣ такой городъ въ Джунгаріи, то фактъ этотъ отнюдь не могъ еще служить доводомъ въ пользу того, что онъ существовалъ тамъ и въ VII вѣкѣ, и я, какъ мнѣ кажется, былъ правъ, выражаясь, что подобнаго рода ссылки способны подорвать довѣріе къ выводамъ Бартольда.

Что колоніи согдійцевъ могли существовать нѣкогда въ Монголіи, я спорить не стану. Но что это были за колоніи? Вѣроятнѣе всего торговыя слободы, ряды при стойбищахъ хановъ, нѣчто вродѣ нынѣшнихъ русскихъ заимокъ въ землѣ урянхайцевъ. Можетъ быть, и пресловутый Самаркандъ историка Джувейни былъ что-либо въ этомъ родѣ. Да и вообще, мыслимое ли дѣло, чтобы вышеприведенныя слова Могилянь-хана относились не къ народу, а къ какой-то колоніи согдійцевъ! Впрочемъ, самъ г. Бартольдъ пишетъ теперь, что *онъ отказался отъ своей гипотезы,* но не подъ вліяніемъ моихъ, а другихъ, болѣе существенныхъ, возраженій. Пусть такъ! Но я вовсе и не утверждалъ, что мои доводы неотразимо-убѣдительны, и если нашлись другіе, болѣе сильные, то — тѣмъ лучше [1])...

Засимъ г. Бартольдъ пишетъ:

«Менѣе всего авторъ, повидимому, изучилъ мусульманскіе источники [2]), даже переведенные на европейскіе языки; этимъ объясняются нѣкоторые изъ сдѣланныхъ имъ промаховъ. Особенно странной кажется намъ теорія о двухъ мѣстностяхъ Суй-ѣ, одной въ Чуйской долинѣ, другой — въ долинѣ верховій Джанарта, гдѣ, будто-бы, находилась нѣкоторое время главная орда тюргешей (стр. 37). Между тѣмъ арабскій географъ Ибнъ-Хордадбехъ, подробно описывающій маршрутъ черезъ Чуйскую долину, тамъ же помѣщаетъ «городъ тюргешскаго хана»; китайскія извѣстія о мѣстности Суй-ѣ тоже не даютъ основанія предполагать двѣ мѣстности съ этимъ названіемъ, если не признать (sic!) непогрѣшимыми китайскія опредѣленія странъ свѣта, вопреки вопросительнымъ знакамъ, которыми эти опредѣленія снабжаются почти во всѣхъ европейскихъ переводахъ» [3]).

Г. Бартольдъ, приводя свидѣтельство арабскаго географа, вѣроятно, думалъ, что представилъ блестящее опроверженіе моихъ соображеній, между тѣмъ какъ доказалъ лишь, что не сумѣлъ критически взвѣсить факты. Да, Ибнъ-Хордадбехъ сообщилъ сущую

---

[1]) См. статью Fr. Hirth'a — «Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk» въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», zweite Folge, 1899 г.

[2]) Къ вопросу о «маломъ изученіи мусульманскихъ источниковъ» мы еще вернемся ниже.

[3]) Я не совсѣмъ понимаю, что хотѣлъ сказать въ этомъ періодѣ г. Бартольдъ.

правду — Суй-ѣ принадлежалъ тюргешскому хану. Но развѣ это значитъ, что въ г. Суй-ѣ находилась и резиденція этого хана?

Я проводилъ ту мысль [1]), что подъ именемъ Суй-ѣ нельзя разумѣть одинъ только городъ, расположенный въ Чуйской долинѣ, а всю страну между Ала-тау и Кокъ-шаломъ, между верховьями р. Чу и Ханъ-Тэнгри; въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ такъ должна была называться долина Джанарта [2]), о которой у китайцевъ имѣлись довольно отчетливыя свѣдѣнія.

Hirth, лучшій изъ современныхъ синологовъ, комментируя китайскія извѣстія, приходитъ нынѣ къ подобному же заключенію. Неужели и онъ ошибся? А не ошибся лишь одинъ г. Бартольдъ, усмотрѣвшій у меня въ 12 строчкахъ, посвященныхъ вопросу о мѣстности Суй-ѣ, два взгляда (sic!) на этотъ вопросъ.

И такъ, чей же тутъ промахъ г. Бартольдъ, вашъ или мой?

Далѣе г. Бартольдъ пишетъ:

«Иногда событія разсказываются авторомъ въ невѣрномъ освѣщеніи; такъ мы знаемъ изъ словъ Мухаммедъ-Хайдера, что въ концѣ царствованія Юнусъ-хана монголы (?) большею частью отдѣлились отъ него и признали своимъ государемъ его младшаго сына Ахмеда; но этотъ фактъ не вызвалъ междоусобной войны, такъ какъ Юнусъ не преслѣдовалъ удалившихся, а Ахмедъ, насколько извѣстно, всегда признавалъ себя въ зависимости отъ отца, впослѣдствіи отъ старшаго брата. Между тѣмъ, по словамъ г. Грумъ-Гржимайло, Ахмедъ «пошелъ войной на отца и овладѣлъ всѣмъ Могулистаномъ».

Эта ошибка, въ которую я впалъ, довѣрясь не особенно надежному источнику, *уже исправлена въ настоящемъ томѣ, равно какъ и другая ошибка, указываемая Бартольдомъ,* а именно — переименованіе Махмудъ-хана въ Мохаммедъ-хана.

Конечно, это — ошибки. Но заслуживаютъ-ли онѣ нижеслѣдующихъ строкъ: «недостаточное знакомство съ мусульманскими

---

[1]) Въ дополненіе къ тому, что мною было сообщено о мѣстности Суй-ѣ, приведу еще нижеслѣдующія свидѣтельства китайцевъ:

Инспекція Суй-ѣ (т. е. власти, управлявшія этимъ округомъ) находилась въ Кучѣ, говоритъ Іакинфъ на стр. 149 своей «Исторіи Тибета и Хухунора», I.

У него же, въ другомъ сочиненіи («Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», географ. указ., стр. 63) мы, между прочимъ, читаемъ: «Суй-ѣ-ченъ — названіе крѣпости, построенной китайцами въ Илискомъ округѣ въ 679 году и ими же разоренной въ 748 году. Тамъ рѣки, текущія на югъ, проходятъ въ Серединное государство. Черезъ 3 дня пути на сѣверъ лежитъ снѣжное море». Значитъ и китайскій пикетъ или постъ Суй-ѣ находился къ югу отъ Кыргызынъ Ала-тау.

[2]) Подобно тому, какъ нынѣ подъ именемъ Алай извѣстна у киргизъ не только Алайская долина, но и окружающая ее масса горъ. Другой аналогичный примѣръ представляетъ Памиръ.

источниками или невнимательное отношеніе къ нимъ проявилось» и т. д.,— предоставляю судить г. Бартольду. Ему же предоставляю подыскать и эпитетъ для слѣдующей, напримѣръ, ошибки, допущенной имъ въ своемъ сочиненіи. «Очеркъ исторіи Семирѣчья», стр. 3 [1]): «Народъ Сэ образовалъ три владѣнія *на границѣ между Семирѣчьемъ и Восточнымъ Туркестаномъ;* китайцы называютъ эти владѣнія *Гибинь, Хюсюнь* и *Гуаньду*» [2]). Впрочемъ, надо думать, по отношенію къ себѣ г. Бартольдъ будетъ снисходительнѣе.

Самыя элементарныя правила полемики требуютъ, чтобы слова и мысли противника не переиначивались. Къ сожалѣнію, эти правила были на этотъ разъ г. Бартольдомъ нарушены. Выше, на стр. 311—312, я имѣлъ уже случай указать, какъ невнимательно прочиталъ онъ мою книгу. Только этимъ невниманіемъ объясняю я себѣ и нижеслѣдующую тираду:

«Авторъ... старается прослѣдить процессъ «заселенія свободныхъ земель Джунгаріи, Восточнаго Туркестана и Нань-шаня монголами и омонголенными тюрками». Какъ изъ этихъ словъ, такъ и изъ приведенныхъ въ книгѣ извѣстій (ср. особенно стр. 72) каждый читатель придетъ къ заключенію, что населеніе страны въ эпоху монгольскаго владычества должно было увеличиться; между тѣмъ самъ авторъ въ концѣ книги приписываетъ этой эпохѣ совсѣмъ иное значеніе: «Эпоха Чингисъ-хана имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Бэй-шаня. Увлеченные этимъ великимъ полководцемъ въ его стремленіи покорить весь міръ волны кочевниковъ уже не вернулись обратно. Бэй-шань опустѣлъ (стр. 127)». Какъ примирить такое противорѣчіе мы не знаемъ. Бэй-шань во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ числу завоеванныхъ монголами, а не коренныхъ монгольскихъ земель, и монгольскому завоевателю не было никакого основанія «увлекать» населеніе именно этой области. Въ другомъ мѣстѣ очищеніе кочевниками Бэй-шаня приводится въ связь съ усиленіемъ Китая: «Бэй-шань игралъ у нихъ (кочевниковъ) видную роль до тѣхъ только поръ, пока въ ихъ власти находились и сѣверныя подгорья Нань-шаня; когда же здѣсь осѣли китайцы, когда вдоль южныхъ предѣловъ Бэй-шаня протянулась стѣна, остановившая ихъ перекачевки на югъ, чѣмъ и была, по выраженію китайской лѣтописи, «отсѣчена правая рука у кочевыхъ», то послѣдніе должны были отхлынуть на сѣверъ и навсегда покинуть пустынный Бэй-шань» (стр. 2—3). И эту теорію

[1]) Помѣщенъ въ «Памятной книжкѣ Семирѣченской области» за 1898 г.

[2]) Гибинь находилась въ долинѣ Инда, Хюсюнь и Гуаньду къ юго-западу отъ Кашгара.

(которая сама по себѣ кажется намъ наиболѣе состоятельной) едва-ли можно примирить съ предыдущей».

Что дѣлать! приходится, конечно, спеціально лишь для г. Бартольда, дать слѣдующее поясненіе заключительныхъ словъ третьей главы.

Во времена господства хунновъ, жеужаней, тукіэ, уйгуровъ и тибетцевъ Бэй-шань то заселялся густо, то сравнительно пустѣлъ, въ зависимости отъ того, «отсѣкали-ли китайцы правую руку у кочевыхъ», т. е. отнимали-ли они у нихъ Хэ-си — ту полосу культурной земли, которая залегаетъ между Нань-шанемъ и Бэй-шанемъ, или покидали ее. Самое блестящее время Бэй-шань пережилъ, повидимому, въ эпоху, непосредственно предшествовавшую эпохѣ Чингисъ-хана. Царство Ся, отстоявшее свою самостоятельность, не смотря на борьбу съ имперіями Суновъ, киданей и чжурженей, опиралось на Бэй-шань. Границы этого царства на западѣ касались Хами, на югѣ-же охватывали бассейнъ Эцзинъ-гола и Булунгира. Сломилъ могущество этого царства лишь Чингисъ-ханъ, притомъ послѣ борьбы, продолжавшейся съ промежутками двадцать лѣтъ. Но насколько упорно было сопротивленіе тангутовъ, настолько же жестоко было и пораженіе ихъ: они были отданы на поголовное истребленіе. Такъ говорятъ китайскіе историки, но монголы къ этому добавляютъ, что большая часть народа «танъ-у» была отдана супругѣ Чингисъ-хана Ѣсуй. Вотъ, когда Бэй-шань опустѣлъ.

Я еще въ первый разъ слышу мнѣніе, что такъ какъ «Бэй-шань принадлежалъ къ числу завоеванныхъ монголами, а не коренныхъ монгольскихъ земель, то монгольскому завоевателю не было никакого основанія увлекать населеніе именно этой области». Неужели г. Бартольдъ думаетъ, что Чингисъ-ханъ совершилъ всѣ свои завоеванія силами однихъ монголовъ? Могу завѣрить ученаго критика, что во всѣхъ походахъ за предѣлы тогдашней Монголіи монголы въ войскахъ Чингисъ-хана составляли меньшинство, главную же массу образовывали отряды, набранные среди покоренныхъ народовъ.

Послѣ эпохи Чингисъ-хана мы видимъ огромное передвиженіе народныхъ массъ къ западу отъ Тарбагатая, въ Монголіи же наступилъ періодъ сравнительнаго успокоенія. Только уже позднѣе, въ эпоху Миновъ, мы встрѣчаемся въ Хэси и въ области восточнаго Тянь-шаня снова съ кочевниками, монголами и омонголенными тюрками, которые и образовали здѣсь рядъ ничтожнѣйшихъ

княжествъ; рѣдкое монгольское населеніе проникло въ эту эпоху, какъ кажется, и въ Лобъ-нор'скую котловину, но центральный Бэй-шань остался пустымъ и заселился, и то крайне слабо, лишь много позднѣе, въ эпоху калмыцкихъ передвиженій.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, ходъ передвиженія народныхъ массъ собственно въ Бэй-шанѣ, но мнѣ странно разсказывать о немъ ученому рецензенту!

Изъ вышеизложеннаго читатель усмотритъ, что при всемъ желаніи отмѣтить въ моей книгѣ прогрѣшности, г. Бартольду это сдѣлать не удалось. Можетъ быть только поэтому онъ и рѣшился на помѣщеніе въ своей рецензіи нижеслѣдующихъ строкъ:

«Авторъ полемизируетъ и съ профессоромъ Томсеномъ, который не рѣшился отождествить Бумынъ-кагана и Эситми-кагана надписей съ Тумынемъ и Исиги китайскихъ историковъ (стр. 38). Очевидно, для автора не существуетъ филологическихъ затрудненій, въ родѣ вопроса, почему китайцы или тюрки передѣлали звукъ *б* въ *т* или обратно, и какъ слово *Эситми* могло обратиться въ *Исиги*».

Это значитъ: авторъ полемизируетъ не только со мной, но и съ проф. Томсеномъ!

Такое пристегиваніе своего имени къ имени извѣстнаго ученаго—пріемъ довольно старый и здѣсь производящій столь же невыгодное для г. Бартольда впечатлѣніе, какъ и въ другой его полемической статьѣ — «Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen», гдѣ онъ взялъ подъ свою защиту знаменитаго синолога Ст. Жюльена и гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ:

«Trotzdem hat die Abhandlung auf mich einen traurigen Eindruck gemacht. Wenn ein Pseudo-Gelehrter, der nur durch Grobheit die Aufmerksamkeit auf sich lenken kann, zu diesem Mittel greift, ist es, im Grunde genommen, gleichgiltig; traurig ist es, wenn ein im besten Sinne des Wortes berufener Vertreter der Wissenschaft, dem alle Mittel gegeben sind, sich durch Geist und Talent hervorzuthun, durch rücksichtsloses Auftreten gegen lebende und verstorbene Berufsgenossen eine Art von succès de scandale zu erlangen sucht».

Да, именно такъ...

Что касается, однако, затронутаго тутъ вопроса, то г. Бартольдъ былъ бы совершенно правъ, если бы рѣчь шла о передѣлкахъ, произведенныхъ народомъ, а не отдѣльнымъ лицомъ. Мы то и дѣло наталкиваемся на подобнаго рода ошибки. Чтобы не забираться въ далекія дебри Китая, повидимому, мало знакомыя г. Бартольду, возьмемъ хотя бы слово «Таласъ», которое, напримѣръ, у

Идриси, Ибнъ-эль Варди и многихъ другихъ обратилось въ «Таранъ». Да и недавно еще г. Скасси превратилъ рѣку Рако-голъ въ Фако-голъ, и невѣрное названіе это, по недосмотру, перешло и на приложенную здѣсь карту. А вѣдь, казалось бы, *р* также не переходитъ въ *ф*.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Бартольдъ пишетъ:

«Самъ авторъ называетъ свой трудъ «кропотливымъ и мало благодарнымъ», и мы не рѣшаемся возражать ни противъ того, ни противъ другого эпитета. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы не признали за работой трудолюбиваго автора никакого значенія. Исторія Средней Азіи еще такъ мало разработана, что трудъ, составленный на основаніи кропотливыхъ изысканій, хотя и безъ настоящей исторической [1]) и филологической подготовки, не можетъ пройти безслѣдно; авторъ въ этой книгѣ обнаружилъ несравненно болѣе обширное знакомство съ литературой предмета [2]), чѣмъ въ своихъ прежнихъ работахъ. Не можемъ не замѣтить однако, что «помощь», полученная историками отъ автора, при другихъ условіяхъ могла бы быть гораздо значительнѣе [3]). Отъ путешественниковъ мы (курьезное «мы!») прежде всего ждемъ подробныхъ географическихъ [4]) и этнографическихъ, по возможности также археологическихъ свѣдѣній; такими работами путешественники лучше всего могутъ помочь разсѣять «тотъ туманъ, въ которомъ ходили и продолжаютъ ходить кабинетные ученые». Въ письменныхъ источникахъ, только отчасти доступныхъ автору (притомъ только въ переводахъ, иногда сомнительныхъ и противорѣчивыхъ, см. стр. 83, 94 и друг.), «кабинетные ученые», вѣроятно, разобрались бы и безъ помощи г-на Грумъ-Гржимайло. Поэтому мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что «изученіе исторической

[1]) Интересно было бы знать, что г. Бартольдъ разумѣетъ подъ словами «настоящая историческая подготовка»? Не сумму-ли тѣхъ знаній, которыя даетъ восточный факультетъ университета?

[2]) Слова «несравненно болѣе» не выражаютъ ровно ничего. Я былъ бы безконечно обязанъ г. Бартольду, если бы онъ, спустившись съ высоты, на которую взобрался, указалъ мнѣ попросту, какіе труды просмотрѣлъ я въ исторической литературѣ о Бэй-шанѣ, т. е. центральной части Гоби; тогда менторскій тонъ оказался бы, можетъ быть, лишнимъ?

[3]) Иными словами, если бы «авторъ» вовсе не брался за изученіе историческаго прошлаго изслѣдованной страны. Въ этомъ позволительно, однако, усомниться. Да я и не хочу думать, чтобы все это говорилось серьезно...

[4]) Ждемъ! Позволительно, однако, спросить г. Бартольда, какое вліяніе оказали изслѣдованія Пржевальскаго, Потанина, Пѣвцова и множества другихъ лицъ на ходъ изученія историческаго прошлаго Средней Азіи? Гдѣ преемники гг. Klaproth'a, Viv. de St. Martin, Ritter'a, Jule, Pauthier, Григорьева и другихъ ученыхъ, посвятившихъ свои силы изученію исторической географіи Азіи. Ихъ нѣтъ... Въ томъ-то и дѣло, г. Бартольдъ, что ихъ нѣтъ, хотя ежегодно восточный факультетъ и выпускаетъ лицъ, получившихъ «настоящую историческую подготовку».

литературы Азіи» на время отвлекло нашего автора отъ гораздо болѣе «благодарной» задачи».

Ядовито сказано. Но да позволитъ мнѣ г. Бартольдъ замѣтить, что противъ этого яда у меня есть и противоядіе, которое заключается въ указаніи, что не этотъ, столь внимательно прочитанный имъ трудъ («Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи»), считаю я «кропотливымъ и мало благодарнымъ», а трудъ, который еще, какъ это, впрочемъ, и сказано у меня въ предисловіи, *не законченъ* и который *будетъ* посвященъ *исторической географіи* Средней Азіи. Только въ послѣднемъ намѣреваюсь я выступить на помощь хотя бы и такимъ историкамъ, какъ самъ г. Бартольдъ! Что же касается до первыхъ трехъ главъ настоящаго «Описанія», то задача, которая ими преслѣдуется, очень скромна и во всякомъ случаѣ ими не имѣлось въ виду (гдѣ ужь!) разсѣять «туманъ, въ которомъ ходили и продолжаютъ ходить кабинетные ученые».

Наконецъ, по поводу словъ «кабинетные ученые, вѣроятно, разобрались бы и безъ помощи г-на Грумъ-Гржимайло», я могу лишь замѣтить, что въ этомъ отнюдь не сомнѣваюсь, но горе-то все въ томъ, что они ужь очень долго собираются разбираться...

Списокъ млекопитающихъ, собранныхъ экспедиціей [1]).

Carnivora.

Fam. **Canidae.**

Canis lupus, L.

Хребетъ Богдо-ола (перевалъ Буйлукъ); Бэй-шань (горы Кукэ-сана-ола).

Fam. **Mustelidae.**

Putorius sarmaticus, Pall.

Илійская долина (р. Хоргосъ).

Putorius erminea, L.

Восточный Тянь-шань (горы Карлыкъ-тагъ).

Putorius alpinus, Gebl.

Ганьсу (перевалъ Лянжа-сань и укрѣпленіе Чанъ-ху въ Сининскихъ горахъ).

Meles taxus, Bodd.

Хребетъ Боро-хоро (ур. Луджанъ).

Fam. **Ursidae.**

Ursus pruinosus, Blyth.

Нань-шань (р. Хый-хо).

Insectivora.

Fam. **Erinaceidae.**

Erinaceus auritus, Pall.

Джунгарія (солончаки Гашунъ).

---

[1]) Коллекція собранныхъ экспедиціей млекопитающихъ обработана старшимъ зоологомъ Зоологическаго музея Академіи Наукъ Е. А. Бихнеромъ.

Chiroptera.

Fam. **Vespertilionidae.**

Plecotus auritus, L.
Тянь-шань, хребетъ Богдо-ола (перевалъ Уланъ-усу).

Rodentia.

Fam. **Sciuridae.**

Arctomys dichrous, Anders.
Хребетъ Боро-хоро (уроч. Умканъ-голъ, уроч. Луджанъ, ущелье р. Гинь-чжа-хэ).

Arctomys robustus, Milne-Edw.
Нань-шань (мон. Ма-ти-сы, устье ущелья Пянь-дао-коу).

Spermophilus eversmanni, Brandt.
Хребетъ Боро-хоро (уроч. Богусъ-Зуслунъ, уроч. Умканъ-голъ).

Fam. **Muridae.**

Gerbillus meridianus, Pall.
Турфанъ (Лукчинъ-кыръ); Бэй-шань (уроч. Сы-дунъ).

Gerbillus collium, Sev.
Турфанскій округъ (Лукчинъ-кыръ, Пичанъ).

Rhombomys opimus, Licht.
Джунгарія (Сань-тэ, Гу-чэнъ, пески Га-шунъ).

Mus arianus, Blanf.
Хребетъ Богдо-ола (перевалъ Уланъ-усу).

Mus wagneri, Eversm.
Турфанскій округъ (Лукчинъ-кыръ, укрѣпленіе Чиктымъ); сел. Моръ-голъ, къ востоку отъ г. Хами; Бэй-шань (ключъ Сы-дунъ, ключъ Отунъ-тазы-чанъ); сел. Инь-пань-фу-цзы.

Eremiomys lagurus, Pall.
Г. Гу-чэнъ; г. Ци-тай, къ востоку отъ Гу-чэна; Турфанскій округъ (укрѣпленіе Чиктымъ).

Eremiomys luteus, Eversm.
Окрестности Гу-чэн'а (Ци-тай).

Microtus mandarinus, Milne-Edw.
Ганьсу (укр. Чанъ-ху, на южномъ склонѣ Сининскихъ альпъ).

Microtus socialis, Pall.
Дер. Сань-тэ, между Гу-чэн'омъ и Урумчи.

Microtus terrestris, L.
Джаркентъ.

Siphneus fontanieri, Milne-Edw.
Ганьсу (мон. Гу-мань-сы, ущ. Нянь-нань-сянь или Нянь-бо-сянь).

Fam. **Dipodidae.**

Sminthus concolor, Büchner.[1]).
Ганьсу (ур. Гуй-дэ-ша, на сѣв. склонѣ Сининскихъ альпъ).

Dipus sagitta, Pall.
Степь къ востоку отъ г. Юй-мынъ.

Fam. **Lagomyidae.**

Lagomys roylei, Ogilby.
Г. Су-чжоу; Нань-шань (мон. Ма-ти-сы, верховья Хэй-хэ); Сининскія альпы (уроч. Мынъ-дань-ша, уроч. Гуй-дэ-ша, укр. Шала-хото).

Lagomys melanostomus, Büchner.
Нань-шань (ур. Пянь-дао-коу); Куку-норъ; Сининскія альпы (укрѣпл. Шала-хото).

Fam. **Leporidae.**

Lepus tolai, Pall.
Хребетъ Боро-хоро; Джунгарія (пикетъ Курту, между Манасомъ и Шихо, Чжанъ-чинъ-цзы, между Гучэномъ и Фуканомъ); горы Богдо-ола (р. Хайдаджанъ); Хами, Джигда и Лао-дунъ (между Хами и Пичаномъ); Ань-си; Нань-шань (мон. Гу-мань-сы); Сининскія альпы (Мынъ-дань-ша).

Ungulata.

Fam. **Equidae.**

Equus przewalskii, Poljak.
Джунгарія (уроч. Гашунъ).

Equus hemionus, Pall.
Боро-хоро (р. Юдна-голъ); Тянь-шань (уроч. Кичикъ-Уланъ-усу, уроч. Катта-Уланъ-усу).

Equus kiang, Moorcr.
Куку-норъ.

Fam. **Bovidae.**

Ovis poloi, Blyth.
Хребетъ Богдо-ола (уроч. Уланъ-усу); вост. Тянь-шань (около ст. Даши-ту).

---

[1]) Новый видъ этотъ описанъ Бихнеромъ въ «Mélanges biologiques» tirés du «Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St-Pétersbourg», t. XIII, 2, стр. 267—271.

Ovis spec?

Зап. Бэй-шань (хр. Тюге-тау); вост. Бэй-шань (горы къ востоку отъ Моръ-гола).

Ovis hodgsoni, Blyth.

Нань-шань (верх. р. Тао-лай).

Ovis nahura, Hodgs.

Нань-шань (р. Ма-су-хэ, мон. Ма-ти-сы, р. Бабо-хэ).

Saiga tatarica, L.

Вост. оконечность хребта Богдо-ола (уроч. Катта-Уланъ-усу, Джанъ-булакъ).

Gazella picticaudata, Hodgs.

Нань-шань (р. Хый-хэ); Куку-норъ.

Gazella subgutturosa, Güld.

Зап. Бэй-шань (урочище Урусъ-кіикъ-урды-булакъ, Тэшэкъ-булакъ, Бурупты, Тогракъ-булакъ, Курукъ-тогракъ); вост. Бэй-шань (хр. Да-бэнь-мяо); Хамійскій округъ (укр. Лао-дунъ); г. Ань-си.

Fam. **Cervidae.**

Cervus maral, Ogilby.

Хребетъ Боро-хоро (уроч. Фы-хо).

Списокъ земноводныхъ, собранныхъ экспедиціей [1]).

E c a u d a t a.

Fam. **Ranidae.**

Rana temporaria asiatica, Bedr.

Илійская долина; южно-Тэтунгскія горы (сел. Сань-чжу-чунъ); долина р. Да-хэ (близъ г. Шинъ-чэна); горы Да-тунь (уроч. Ча-чжи); Сининскія альпы (долина Мынъ-дань-ша).

Rana amurensis, Blgr.

Куку-норъ.

Fam. **Bufonidae.**

Bufo Raddei, Strauch.

Долина р. Сининъ-хэ.

Bufo Raddei Przewalskii, Bedr.

Округъ Гань-чжоу-фу (сел. Пинъ фынь-ча, г. Нань-гу-чэнъ, сел. Чжанъ-мань-цзы); Нань-шань (долина Бабо-хэ).

Bufo viridis Grum-Grzimailoi, Bedr. [2]).

Турфанскій округъ (укр. Чиктымъ).

---

[1]) Коллекція собранныхъ экспедиціей Amphibia была обработана Я. В. Бедряга.

[2]) Эта новая разновидность зеленой жабы описана г. Бедряга въ «Научныхъ результатахъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи», т. III, ч. I, вып. I, стр. 58.

Списокъ рыбъ, собранныхъ экспедиціей [1]).

Cyprinidae.

Nemachilus, v. Hass.

Nemachilus Stoliczkae, Steind.

Рѣка Да-тунъ-хэ.

Nemachilus dorsonotatus, Kessl.

Рѣчки, текущія съ Карлыкъ-тага; рѣка Тао-лай; рѣка Да-тунъ-хэ; рѣка Да-хэ, лѣвый притокъ Сининъ-хэ; рѣчка Нань-чуань, правый притокъ Сининъ-хэ; рѣка Бухаинъ-голъ.

Nemachilus robustus, Kessl.

Рѣка Да-хэ, лѣвый притокъ Сининъ-хэ.

Nemachilus Strauchii, Kessl.

Рѣчка Да-ланъ-гоу, сбѣгающая съ хр. Богдо-ола (южная Джунгарія).

Nemachilus microphthalmus, Kessl.

Рѣчки, текушія съ Карлыкъ-тага.

Nemachilus gracilis, Day.

Карыси Турфанскаго оазиса.

Nemachilus turfanensis, Herz. (in litt.).

Карыси Турфанскаго оазиса (Лемджинъ, Лукчунъ).

Phoxinus, Bel.

Phoxinus laevis, Agass. (var. n.).

Рѣчка Да-ланъ-гоу, сбѣгающая съ хр. Богдо-ола (южная Джунгарія).

Phoxinus Grumi, Herz. (in litt.).

Карыси Турфанскаго оазиса (Чиктымъ, Лукчунъ).

---

[1]) Коллекція рыбъ, собранныхъ экспедиціей, была опредѣлена покойнымъ С. М. Герценштейномъ. Онъ успѣлъ, однако, описать лишь одинъ новый видъ этой коллекціи, а именно — Gymnodiptychus pachycheilus («Mélanges biologiques» tirés du «Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St-Pétersbourg», t. XIII, 2, стр. 226); опредѣленные же имъ какъ новые — Nemachilus turfanensis, Phoxinus Grumi и Diptychus Grumorum любезно беретъ на себя трудъ описать докторъ зоологіи А. М. Никольскій.

Carassius, Nilss.

Carassius vulgaris, Nilss.

Озерко (прудъ) близъ г. Су-чжоу (Гань-су).

Gymnodiptychus, Herz.

Gymnodiptychus Dybowskii, Kessl.

Рѣчка Усекъ, правый притокъ р. Или; рѣчка Архоту (Урумчи).

Gymnodiptychus pachycheilus, Herz. (n. sp.).

Рѣка Да-хэ, лѣвый притокъ Сининъ-хэ.

Diptychus, Steind.

Diptychus Grumorum, Herz. (in litt.).

Рѣка Да-хэ, лѣвый притокъ Сининъ хэ.

Schizopygopsis, Steind.

Schizopygopsis Kozlowi, Herz.

Рѣка Да-хэ, лѣвый притокъ Сининъ-хэ; рѣка Да-тунъ-хэ.

Gymnocypris, Günth.

Gymnocypris leptocephalus, Herz.

Рѣка Бухаинъ-голъ.

Gymnocypris Przewalskii, Herz.

Рѣка Бухаинъ-голъ.

Въ спискѣ собранныхъ нами чешуекрылыхъ, помѣщенномъ въ томѣ I, приложеніи II, были пропущены нижеслѣдующіе виды:

Mamestra xena, Stgr.
Сининскія альпы (мѣстность Гуй-дэ-ша, конецъ іюня).

Dyschorista suspecta, Hb.
Центральный Нань-шань (долина рѣки Хый-хэ, начало августа).

Cidaria phasma, Butl.
Куку-норъ (конецъ іюля).

Отдѣлы Lepidoptera — Noctuae и Geometrae нынѣ вполнѣ уже обработаны С. Н. Алфераки, и описаніе ихъ — «Lépidoptères apportés par M-r Gr. Groum-Grgimailo de l'Asie Centrale en 1889-1890» — помѣщено въ «Mémoires sur les lépidoptères», IX, издаваемыхъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ.

Списокъ словъ нарѣчія тангутовъ панака.

Rockhill въ VII приложеніи къ своей книгѣ «The Land of the Lamas», озаглавленномъ «Замѣчанія о восточно-тибетскомъ нарѣчіи», говоритъ, что языкъ тангутовъ панака (Panak'a), обитающихъ въ Куку-норской провинціи, — самый грубый въ Тибетѣ и къ тому же представляетъ множество особенностей, которыя онъ не рѣшается разъяснить; одно, что кажется ему вполнѣ достовѣрнымъ — это вліяніе на этотъ языкъ языковъ китайскаго и тюркскаго. Впрочемъ, всѣ эти особенности не настолько значительны, чтобы сдѣлать языкъ «панака» непонятнымъ для уроженцевъ Лхассы.

Несомнѣнно, что Рокхиль имѣлъ полную возможность составить довольно полный словарь этого нарѣчія; но я не знаю, исполнилъ ли онъ эту работу. Опубликованный же имъ списокъ съ спеціальною цѣлью подобранныхъ словъ настолько коротокъ, что я рѣшаюсь дополнить его своими записями. Насколько онѣ точны, видно изъ слѣдующаго:

Грумъ-Гржимайло.		Рокхиль.	
		Transcription.	Pronunciation.
кровь	чак	k'rag	chak
луна	даба	zlawa	da-va
три	х(у)сум	gsum	rsum
громъ	бру-хсра	hbrug-sgra	druk-dra
носъ	шна, сна	sna	rna
лошадь	шита	rta	sta
лѣкарство	рхсо	gso	rso

Считаю долгомъ оговориться, что приводимый здѣсь ниже списокъ словъ былъ записанъ при посредствѣ переводчика изъ донкырскихъ дунганъ, проведшаго юные годы среди куку-норскихъ тангутовъ.

1	хычик	6	дык, джык
2	они	7	дунь
3	х(у)сум	8	жет
4	уй, уи	9	ургу
5	ринго	10	джю-таба, джю-тамба

11	чик-чик
12	джигни
13	джю-хсум
14	джю-жи(рэ)
15	джю-на
16	джю-рюк
17	джю-дунь
18	джю-жет
19	джю-ргу
20	нюхи-тамба
21	нюх-сакчик
30	сумчи-тамба
40	юпчи
50	напчи
60	джюкчи (джюпчи)
70	джюпчи(рэ)
80	джапча(рэ)
90	купчи(рэ)
100	ужа-тамба
аргалъ	ваганбу-чирэ-моху, ху
арканъ, веревка изъ волоса	тух-ва
аркаръ (горный баранъ)	нян
баранъ	лугу
близко	танигыда
богъ	намму(рэ)
больной	мом-зоню
большой	чэ
браниться	зунгаръ-ейчукэ
быкъ	валун(рэ)
быстрый	рэма
бѣжать	рима-сун
бѣлый	гару
варить	дацаню(рэ), вама
(взять) возьми	чирта
вкусно	дюа(рэ)
вода	чё
войлокъ	шунгу
волосъ	унгуйдонё
вонючій	луцуню(рэ)
ворчать	шиса шля(ля)р-дунджу
впереди	нансоно
врагъ	кача-мавзу(рэ)-магу
вы	чучау-міймангэ
выдра	сум
высокій	ункерин-ажамби
вѣтеръ	лун
глазъ	аник
гора	риньгу
горячій	ча
громъ	бру-хсра
грудь	над
грязь	догоин
да	ин
(давать) дай	носошиндо
далеко	тарынчижи
дерево	тарьга, гарбо
джеранъ (Gaz. subgutturosa)	урго
длинный	рин
дождь (идетъ)	набаджи(рэ)
дорога	раму(рэ)
драться	джигджар-джи (рэ)
другъ	ноцу-соча-руха
дымъ	гурь
дѣвочка	уму
есть	іо-о-кэ
жарить	шаджаб-джи(рэ)
желтый	шеру
желѣзо	шик
женатый	(в)ни-у-кэ
женщина	капалу-лун
жеребецъ	нагурлэ
жечь	янё(рэ)
живой	лёкэ
жирный	цамбу
завтра	нарка
звѣзда	гарма
здоровый	мишаги
зеленый	унык
земля	са
змѣя	мо
зола	сарэ
золото	хысыр
зубъ	чи, со
идти	дачжучжю(рэ)
камень	урду, рдо
кислое молоко	таро
кислый	ришеракаму

китаецъ	ши-ырджа
ключъ (рѣчка)	чу-нгу
кобыла	гума
кожа	го
корова	цзумо
коса	иднё(рэ)
кость	рюпа
котелокъ	сій
кошма, войлокъ	шунгу
красный	h'мару
крѣпкій	урджу запчэ
курить	цакур
кутасъ	алха
лаять	чжизун
ледъ	чуха(рэ)
лошадь	шита
луна	дабы
лѣкарство	рхсо
мало	ши
маралъ (олень)	жша иму
масло	мар
медвѣдь	дедму(рэ)
меринъ	шида
много	мана-улун-гусун, манг
мокрый	ломба
молитва	мани-дун-джи(рэ)
молоко	гума
молчать	каргоду
монголъ	сугу
мы	мій-монгэ
мычать	аягар-дагусун
мясо	шаса
мѣдь	кур
мѣшокъ	царджи-чсу(рэ)
налѣво	оюн
направо	аи
небо	анам
невкусно	нандау
низкій	мочамбу
нога	гунгари
ногайка	шик
ножикъ	чжи
носъ	шна, сна
нѣтъ	мекес
огонь	мэ, ни
озеро	ца
они	мюонэ
онъ	хійшуню
очагъ	сука
палатка	викер
палецъ	сорму
» большой	темун
» указательный	гунжук
» средній	джимзук
» безымянный	джимурынгу
» мизинецъ	шимзук
перевалъ	рилэмчсу(рэ)
переводчикъ	лоса(рэ)
(погодить) погоди	ажидут
позади	ырты хано ёки
(показать) покажи	шитогыс
(положить) положи	тычжи
(помогать) помоги	ноцу-комерэѣ
(понимать) понимаю	нишиги
(не понимать) не понимаю	мишири
порохъ	гманнык
(посмотрѣть) посмотри	шита
послѣ-завтра	ононин
(поѣсть), поѣшь	саньтонши
(продавать) продай	нёдоно
(не продавать) не продаю	цзунчжима
птица	галык
пьяный	чантулэ зысунлэ
пѣть	лаплун
ребенокъ	шюмо
ремень	чжонна
ротъ	ко
ружье	чи
рука	хуигу (хуыгу)
рыба	ня
рѣзать	чжирадо
рѣка	чу
садиться	даттын
сапогъ	хам

*

свинецъ	шани, шанэ	сѣдло	рга
сегодня	деренг(ысы)	сѣдой	габу
серебро	рню	табакъ	дорэн
сильный	шида адзау(рэ)	толстый	нивамбу
синій	умбу	тонкій	мимцану
сколько?	туюкэ	трава	шица
скорѣе	римашыху	тропинка	гонсы
слабый	химэмэну	трубка	лам
сладко	гарашимбу	ты	чо
смѣяться	чиманёни	тухлый	минё(рэ)
снѣгъ	га	убить	саданга
собака	чи, к'чи	уздечка	шап
солдатъ	сынтам	умирать	ноцоми шицунлу
солнце	нима	умный	миша самунаё
солнца восходъ	нима шар	ухо	ырна, рна
» заходъ	нима нур	(уходить) уходи	дасун
соль	цаку	хватать	зун
спать	инидю(рэ)	хлѣбъ	гори
спина	цанра	холодный	(к)ран
спрятать	ноцон-ника-лахча ландоно	холостой	внимэкэ
		хорошій	адзау(рэ)
старшина	хомбуза	человѣкъ	ни
старикъ	ами	черный	наху
старуха	униры	шерсть	ана
(стоить) что стóитъ?	кун чіик	шея	ва
		шляпа	сыжа
(стоять) стой	доладо	ѣсть	тунджи
стремя	опчин	ѣхать верхомъ	шитаман
(ступать) ступай	сдагасун	я	ноцу
стучать	джапчжи	языкъ	шича
сухой	гамбу, саро-гамбу	ящерица	гурбуль
сырой	мацуню		

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

Абдеръ-Раззакъ, 84, 86, 87.
Абульгази, 61, 279, 281, 285.
Аввакумъ (от.), 77.
Агапитовъ, 263, 265.
Адріановъ, 75, 258, 262, 289.
Алфераки, 299.
Ammianus Marcellinus, 281.
Анвиль (д'), 174, 175, 221.
Аристовъ, 5, 19, 30, 46, 48, 51, 60, 85, 87, 91, 93—95, 98, 102, 258, 261.
Аррiанъ, 36.
Арсеньевъ, 258.
Ausonius, 281.

Балкашинъ, 115, 119, 121.
Банзаровъ, 48, 60, 72.
Барроу, 257.
Бартольдъ (Barthold), 10, 35, 37, 38, 49, 311, 312, прилож. I.
Бедряга, 325.
Бель, 142, 154, 230, 250.
Белью (Bellew), 63, 67.
Березинъ, 60, 72, 84, 281.
Березовскій, 290, 317, 319, 368.
Бихнеръ, 362.
Бичуринъ, см. о. Іакинѳъ.
Біанки, 290, 368.
Biot, 242, 245, 247, 317.
Богдановичъ, 138, 149, 168.
Бретшнейдеръ (Bretschneider), 18, 48, 54, 56, 57, 59, 61, 63, 68—70, 72, 84—86, 92, 95, 183, 345.
Brosset, 4, 15.
Брэмъ, 274.
Boukhari, Mir Abdoul Kérim, 124.
Бухари, Мирза Шемсъ, 100.
Вэберъ (Colborne Baber), 249, 253, 271, 277, 283.
Bürk, 212.

Валихановъ, 67, 100, 102, 121, 123—125.
Ванъ-янъ-дэ, 54.
Васеневъ, 135.
Васильевъ, 6, 55, 57, 60, 256.
Вельяминовъ-Зерновъ, 93, 98, 100, 102.
Веселковъ, 283.
Веселовскій, 89.
Вивіенъ де С. Мартэнъ, см. С. Мартэнъ.
Visdelou, 4, 7, 56.
Vitruvius, 282.
Воейковъ, 233, 323, 330, 331.
Wood, 6.

Габеленцъ (Gabelentz), 61.
Ганстенъ, 275.
Гарнье (Francis Garnier), 249.
Гединъ, Свенъ, 14, 15, 149.
Гейнсъ, 66.
Георгіевскій, 242—247, 251, 255, 271.
Gibbon, 30.
Gaubil, 4, 30, 34, 41, 42, 44, 48, 49.
Гомбоевъ, 78, 96.
Горскій, 81.
Гоэсъ, 93, 95, 212, 221.
Гренаръ (Grenard), 311, 312, 323.
Григорьевъ, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 36, 37, 39, 48, 49, 51, 56, 61, 63, 67, 71, 84, 87, 88, 91, 93, 96, 100, 112, 125, 212, 288.
Гриммъ, 174, 175.
Grosier, 29, 39, 59, 61.
Грумъ-Гржимайло, 278, 378.
Гюкъ, 346.

Дадешкаліани, кн., 277, 278.
Дарместетеръ (Darmesteter), 248.
Devéria, 253, 260, 262, 264, 273.
Дегинь (Deguignes), 6, 16, 24, 28—31, 43, 45, 52, 56, 62, 87, 242, 257.
Delamarre, 192.
Desgodins, 249, 253, 255, 261, 264.
Дестунисъ, 18, 25, 53.
Defrémery, 85, 89.
Джувейни, 38, 89, 279.
Dio Cassius, 281.
Dutreuil de Rhins, 311, 323, 345.
Du Halde, 261.

Евтюгинъ, 135.
Edwards, 324, 342.
Elwes, 324, 342.
Ерзовскій, 134.
d'Escayrac de Lauture, 206, 215.

Жюльенъ (St. Julien), 5, 14, 19, 22, 28, 30, 34—38, 41, 45, 46, 54, 112, 116, 118, 120, 288.

Зеландъ, 258.
Зерновъ, см. Вельяминовъ-Зерновъ.

Ибнъ-эль-Эсиръ, 49.
Ибнъ-Хальдунъ, 49.
Иванинъ, 61, 65, 85.
Ивановскій, 248, 249, 251—255, 260—262, 266—269, 272—274, 277, 285—287.

Иларіонъ (от.), 97, 111.
Imbault-Huart, 13.
Истархи, 48.

Іакинфъ (от.), 3—5, 7, 8, 11—18, 21, 22, 25—39, 41, 42, 44, 45, 48, 49, 51—55, 57, 58, 60, 63, 68, 75, 77, 94—98, 106, 107, 109, 110, 116—120, 123, 131, 132, 174, 175, 183, 185, 204—206, 211, 246—248, 251—257, 260, 261, 264, 265, 270—273, 278, 279, 285—288, 317, 322.

Calpurnus Flaccus, 281.
Cassius, см. Dio Cassius.
Кастренъ, 258, 275, 281.
Катановъ, Приложеніе I.
Quatremère, 67, 84, 86, 88, 90, 92, 95, 212, 228.
Cahun, 61, 87.
Каѳаровъ, см. арх. Палладій, 15, 112, 254.
Клавихо (Рюи Гонзалесъ де), 35.
Klaproth, 4, 9, 14, 29, 30, 36, 37, 52, 54, 83, 94, 95, 108, 116, 119, 120, 174, 242, 257, 265, 270, 271, 275, 282, 285.
Claudianus, 281.
Клеменцъ, 258, 261, 265.
Козловъ, 13, 15, 16, 143, 161, 162, 164, 181, 192.
Kollmann, 261.
Köppen, 6.
Cordier, 242.
Коростовецъ, 201, 203, 208.
Костенко, 122.
Красновъ, 298.
Крейтнеръ, 154, 159, 175, 190, 194, 225, 229, 250, 253, 336, 345, 380.
Крживицкій, 244, 250, 267, 268.
Cunningham, 4.
Куропаткинъ, 66, 123—126, 221.
Кэри (Carey), 136, 154.

Lacouperie, см. Terrien de Lacouperie.
Лапужъ, 283, 284.
Латкинъ, 265, 278.
Lebeau, 35.
Левшинъ, 115—117, 119, 120.
Legge, 3, 242, 245, 248.
Личъ (Leech), 324, 338.
Лочи (Loczy), 147, 160, 162, 164, 165, 167, 168, 176, 190, 226, 240, 323, 335, 345, 347, 348, 351, 353, 356, 357.
Lucanus, 9.

Ма-дуань-линь, 6, 7, 28, 257, 274.
Mailla (Moyriac de), 18, 24—26, 28, 30, 38, 39, 41, 44, 46, 48, 49, 52, 54, 55—63, 67, 70—72, 77, 81, 90, 92, 106—111, 117—119, 228.
Максимовичъ, 370.
Мандль, 142.
Markham (Clements), 345, 346.
Марко Поло, 62, 160, 183, 184, 193, 212, 217, 221, 228, 263.
Martialis, 281.
Marcellinus, см. Ammianus Marcellinus.
Маршалль, 245.
Матусовскій, 91, 120, 122, 132, 137, 156.
Меліоранскій, 35, 38, 40, 45, 46.
Менандръ, 35, 53.
Мессершмидтъ (Messerschmidt), 280, 282.
Миддендорфъ, 66, 275, 276.
Минаевъ, 36.
Michels (Abel des), 5.
Moyriac de Mailla, см. Mailla.
Мохаммедъ Хайдеръ-Гуреканъ, см. Хайдеръ мирза, 86.
Мунедджимъ-баши, 49.
Мюллеръ (Müller), 257, 281, 282.

Наливкинъ, 100, 123—125.
Неплюевъ, 115.
Нершахи, 10.
Neumann, 4, 7, 30, 54, 212.
Нефедовъ, 262, 263.

Обертюръ, 324.
Обручевъ, 137, 138, 143—147, 162—168, 170, 172—174, 298, 307, 338—341, 356, 357.
Ohsson (d'), 59—65, 67, 85.

Палладій (арх.), 15, 59, 60, 65, 75, 76, 89, 112, 183—185, 212, 311—313.
Палласъ (Pallas), 96—99, 106—110, 115, 117.
Пантусовъ, 323.
Parker, 30, 31.
della Penna di Billi (Francesco Orazio), 345 346.
Пермикинъ, 77.
Petits de la Croix, 85.
Plath, 243, 245, 247, 248, 251, 254, 255, 260, 261.
Плеске, 292, 314.
Позднѣевъ, 76, 81, 96, 98—100, 103, 105—111, 113, 115, 116, 336.
Покотиловъ, 62, 68, 69, 71, 73, 74, 76—79, 84, 89.
Поло, см. Марко Поло.
Поповъ, 14, 42, 68, 77, 345, 347.
Потанинъ, 75—77, 134, 166, 173, 223, 225, 258, 274, 280, 283, 291, 296, 311, 343, 345, 347, 348, 353, 355, 365, 367, 369, 380.
Pauthier, 7, 185, 211, 212, 228, 291.
Пржевальскій, 14, 59, 72, 106, 115, 129, 130, 133, 137, 149, 173, 232, 233, 250, 280, 290, 292, 306, 307, 319, 323, 327, 329, 335—340, 345, 355, 358, 369, 373, 379, 380.
Prokop, 30.
Путимцевъ, 120.
Пѣвцовъ, 12, 28, 72.
Пѣтуховъ, 323.
Пясецкій, 135—137, 159—161, 188, 190, 213, 223, 226.

Радловъ, 24, 35, 38, 40, 45, 46, 48, 258, 279, 281.
Рашидъ эд-Динъ, 72, 75, 76, 104, 279.
Ремюза (Remusat), 3, 4, 9, 27, 36, 44, 57, 59, 62, 66, 84, 116, 279.
Ренатъ, 15.
Рихтгофенъ, 5, 6, 136, 147, 165, 167, 175, 242, 243.
Роборовскій, 149, 164, 198, 280.
Ровинскій, 77.
Rockhill, 345, прилож. VI.
Рычковъ, 115.
Рюи Гонзалесъ де Клавихо, см. Клавихо.

Сананъ-Сэцэнъ, 78, 92.
Свенъ Гединъ, см. Гединъ.
Сельскій, 77.
Семеновъ, 258, 283.
de Saint-Denys, см. д'Эрвей де Сенъ-Денисъ.

Saint-Martin, 38.
Saint-Martin (Vivien de), 4—6, 14, 30, 35, 36.
Сечени (графъ), 263, 274.
Скасси, 222, 339, 340.
Скачковъ, 237.
Сонъ-юнъ, 39.
Сосновскій, 135—138, 150, 151, 154, 159, 184, 190, 194, 229, 230.
Спафарій, 257.
Страбонъ, 5, 6.
Сы-ма-Цянь, 15, 246, 247.
Сѣверцовъ, 221.
Сюань-Цзанъ (Hiouen-Thsang), 5, 6, 35, 37, 41, 288.

Тацитъ (Tacitus), 281.
Terrien de Lacouperie, 242, 243, 245—247, 251, 255, 258, 259, 260.
Tomaschek, 36.
Thomsen, 34, 38, 45, 46, 48, 53, 60.
Топинаръ, 250, 254, 257.
Thornberg, 49.
Трогъ Помпей, 5.

Унковскій, 98, 106, 107, 109, 110, 112, 115.
Успенскій, 3, 4, 27, 63, 67, 71—73, 79, 80, 82, 83, 92, 97, 104, 111, 112, 114, 115, 132, 183, 192, 197, 198, 279, 315, 338, 345, 346.

Фишеръ, 97, 98.
Flaccus, см. Calpurnus Flaccus.
Френъ, 49.

Хаджи Мохаммедъ, 212, 221.
Хайдеръ-мирза, 86, 93.
Хайдеръ Рази, 84, 92.
Halde (du), 261.
Harlez (de), 242, 244, 245, 247, 248.
Herbelot, см. Эрбело.
Hirth, 214, 242, 244, 265.
Howarth, 88, 228.
Хой-синъ, 39.
Хондемиръ, 65, 85, 86, 89, 91.
Хоренскій (Моисей), 30.
Хэ-цю-тао, 42.

Целлеръ (Zeller), 317.
Цзи-юань-хуай, 42.
Цзинь-чжо, 246.
Цянь-лунъ, 192.

Черскій, 265.
Чжанъ-му, 42.
Чжанъ-цянь, 5, 16, 279.
Чичеринъ, 310.

Ша (Schaw), 126.
Chavannes, 242.
Chantre, 264.
Шварцъ, 264, 265.
Шерефъ-эд-Динъ, 85, 86.
Schefer, 124.
Шлегель (Schlegel), 45, 256, 257.
Шмидтъ, 78, 96, 282.
Шоттъ (Schott), 77, 256, 257, 260, 261, 263, 275.
Штаудингеръ, 300, 364, 377.
Штраленбергъ (Strahlenberg), 258, 275, 281, 282, 313.

Эвнапій, 25.
Эрбело (Herbelot), 281.
д'Эрвей де Сентъ-Денисъ (d'Hervey de Saint-Denys), 247, 252, 253, 257, 261, 267, 274, 277, 285—287.

Юль (Jule), 6, 62, 183, 212, 221.
Юстинъ, 5.

Янь-ши-гу, 94.

Ѳеофанъ Византіецъ, 35, 38.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ [1]).

Аблай-китъ, стан., 98.
Австрійская марка, 64.
А-джень, окр., 63.
А-джень, р., 70.
А-дуань, княж., 67, 70.
А-дуань'скій округъ, 63.
Азія западная, 63.
Азовское море, 24, 30.
Акашинъ, грд., 62.
Акмолинская степь, 97.
Аксу, грд., 88, 92, 112, 120, 122, 124, 125.
Аксу-дарья, р., 14.
Акъ-байталъ, дол., 103.
Алай, дол., 94.
Ала-куль, оз., 120.
Алакъ-норъ, см. Алакъ-чій.
Алакъ-чій, оз., 162, 174, 175.
Аланья, влад., 54.
Ала-тау, хр., 37.
Ала-тау, Заилійскій, хр., 38.
Ала-шань, хр., окр., 1, 31, 55, 57, 80, 99, 137, 144, 163.
Alghin-tau, гора, 29.
Алго, дол., 12.
Александра III хребетъ, 198.
Александровскій хребетъ, 119.
Алтай, горы, окр., 18, 28, 29, 31, 33, 34, 48, 76, 77, 95, 107, 110, 111, 114, 116, 122, 173, 252, 258, 265, 279.
Алтанъ-норъ, оз., 175.
Алтынъ, мон., см. Гу-мань-сы.
Алтынъ-голъ, р., 292, 322, 325.
Алтынъ-емель, гора, 110.
Алтынъ-тагъ, хр., 16, 167.
Алтышаръ, страна, 88, 100, 102, 120—125.
Альмаликъ, грд., 61, 89.
Ама-сургу, хр., 339, 340, 348, 355, 356.
Амдо, страна, 7, 54, 79, 81, 346, 347, 354, 374.
Америка, 300.
Амни-Джакыръ, гора, 374.
Аму-дарья, р., 7, 9, 10, 36, 37.
Амуръ, р., 59, 76, 77.
Андиджанъ, грд., 86.
Анды, хр., 299, 300.
Ануань, грд., 37.
Ань-динъ, княж., 67, 69, 70, 80.
Ань-динъ, укр., 63.
Ань-си, грд., 3, 8, 56, 137, 154, 157—161, 184, 194.
Ань-си ду-хо-фу, 42, 44, 51, 52.
Ань-хой, пров., 246.
Ара-голъ, р., 356, 357.
Аравія, 149.
Аральское море, 24, 30, 37.
Аргунь (Orgoun), р., 30.
Арку (Арьку), сел., 367, 368.
Аси, влад., 54.
Ассамъ, 249.
Ассирія, 244, 284.
Астына, сел., 133.
Ата-Суфи, грд., 84.
Ачикъ-кудукъ, ур., 16.
Ашгунъ, сел., 367, 369, 370.
Аями, пик., 367.

Ба-бо-да-шань, хр., 303.
Ба-бо-хэ, р., 299, 301, 303.
Ба-га-Ма-цзунь-шань, хр., 171.
Бага-Эцзинэй, р., 198.
Багдадскій халифатъ, 64.
Баграшъ-Куль, 12, 14.
Бадалъ, см. Бедель.
Бадахшанъ, 63, 93, 121.
Бай, грд., 93.
Байдарикъ, р., 116.
Бай-дунь-цзы, ст., котл., 153—156.
Байкалъ, оз., 8.
Бай-лянь-сы, укр., 194.
Баинъ-ула, пикъ, 307.
Баинъ-ула, гора въ Бэй-шанѣ, 154.
Байтыкъ-богдо, гора, 116.
Бай-шенту-норъ, оз., 175.
Бактріана, 5, 6, 9, 10, 36.
Бактрія, см. Бактріана.

[1]) Принятыя сокращенія: *влад.*— владѣніе; *грд.*— городъ; *дол.*— долина; *кл.*— ключъ; *княж.* — княжество; *кол.* — колодецъ; *котл.* — котловина; *кр.* — крѣпость; *кум.*— кумирня; *мон.*— монастырь; *мѣстн.*— мѣстность; *обл.*— область; *оз.*— озеро; *окр.*— округъ; *пер.*— перевалъ; *пик.*— пикетъ, военный постъ; *пров.*— провинція; *разв.*— развалины; *р.*— рѣка, рѣчка; *сел.* — селеніе; *стан.* — становище; *ст.* — станція; *укр.* — укрѣпленіе; *ур.*— урочище; *ущ.* — ущелье; *хр.* — хребетъ.

Бакшу, р., 6.
Баладунъ, см. Бардунъ.
Баласагунъ, грд., 49.
Балема, р., 115.
Балхашъ, оз., 15.
Балхъ, грд., 6.
Бамба, сел., 342.
Бамо, сел., 224.
Бао-хань, обл., 27.
Бардунъ, пик., 191.
Баркуль, дол., 19, 24, 29, 79, 113.
Баркуль, грд. 116, 118, 131.
Баркульское озеро, 24.
Барлыкскія горы, 38, 120.
Бастанъ, см. Басытунъ.
Басытунъ, пер., 198.
Батангъ, Батанъ, грд., окр., 97, 114.
Бауръ, см. Булурюкъ-бауръ.
Бахату, р., 347.
Башкирія, 30.
Ба-янъ-жунъ, грд., 355.
Бедель, пер., 37.
Биджи, р., 116.
Билу, княж., 8, 22—24.
Билу заднее, 24.
Бинь, грд., 247.
Бинь-чжоу, окр., 31.
Бирма, 64, 249, 254, 281.
Би-цзи-шань, горы, 254.
Бишбалыкъ, грд., 73, 83, 84, 89, 92.
Би-юй-шань, гора, 198.
Богемія, 64.
Бо-го, царство, 252, 253.
Бода, гора, 37.
Бодай, р. (= Тао-лай), 199.
Боиръ-норъ, оз., 72.
Бёкли-каганъ, страна (?), 35.
Боло, грд., 6.
Болунъ-дуй, пески, 8.
Болчу, мѣстн., 35.
Большая орда, 115.
Большой Хинганъ, хр., 34.
Бомъ, дол., 253.
Боробогосунъ, ур., 119.
Воротала, р., 109, 118.
Боро-хоро, хр., 38, 120, 122.
Боро-чунхукъ, р., 347, 348.
Боро-чунхукъ, ур., 341, 356.
Боснія, 64.
Бостонъ, оз., 14.
Босы, страна, 36.
Бо-сянь-цзы, горы, 153, 164.
Боханьна, страна, 36.
Бо-хуань-чэнъ, грд., 44.
Бо-шу-хо-цзы, пик., 314, 315.
Брамапутра, р., 265.
Будала, мон., 112.
Бугунъ-голъ, р., 335.
Бугуръ, грд., 53.
Бу-гу-ту, горы, 347.
Бугу-хо, р., 347.
Бугу-чжень, р., 48.
Булгунъ, р., 76, 122.
Бу-лу-гэ-цзы, см. Бургацзы.
Булунгиръ, р. (= Су-лай-хэ), 90, 156, 174, 175, 181, 185.
Булунгиръ, сел., 177—179, 184, 194.
Булуджи, р. (= Булунгиръ), 157.
Булунзиръ, р. (= Булунгиръ), 48, 157.
Булунцзиръ, р. (= Булунгиръ), 162, 163.
Булюнцзиръ, р. (= Булунгиръ), 134.
Булурюкъ-бауръ, р., 8, 22.
Бусгала, прох, 35.
Бургацзы, сел., 191.
Бутанъ, 250.
Бухаинъ-голъ, р, 43.
Бухара, 6, 7, 10, 17, 49, 63, 100, 108, 240.
Бухтарма, ур., 121.
Бѣ-ши-па-ли, см. Бишбалыкъ.
Бэй-да-хэ, р. (= Тао-лай), 199.
Бэй-ди, окр., 31, 255.
Бэй-лу, дорога, 21, 131.
Бэй-Лянъ, княж., 31, 208, 228.
Бэй-тинъ, грд., 42, 43, 46, 48, 51, 52.
Бэй-хэ, р. (= Тао-лай), 199.
Бэй-чунь-хо, р., 335.
Бэй-шань, гора, 29.
Бэй-шань, горн. гряда, 163.
Бэй-шань, гор. страна, 1—155, 161—165, 167, 168, 170—174, 176, 193.

Ванъ-сянъ-линъ, ущ., 18.
Вань-сао-хэ, р., 216.
Вахшъ, р., 6.
Венгрія, 64.
Византія, 34.
Внутренняя Азія, 2, 147.
Волга, р., 30, 31, 97.
Восточный Туркестанъ, 5—9, 11, 17, 21, 22, 25, 26, 32, 33, 39, 42, 44, 51, 52, 59, 66, 67, 85, 86, 99—101, 104, 120, 122—124, 126, 288, 322.
Ву-вэй, грд., 8.
Ву-ду, царство, 252, 253, 255, 257.
Ву-и-ли-ханъ дабанъ, пер., 341.
Ву-ло-ху, страна, 265.
Ву-юань, гора, 33.
Вэй-сюй, влад., 11—13.
Вэй-цзюнь, грд., 8.
Вэй-шуй, р., 4, 251.
Вэнь-ли-коу Нань-шань, хр., 299, 303.

Газни, грд., 36.
Га-ла-ху, р., 334.
Галлія, 284.
Гандесъ, хр., 6.
Ганроня, сел., 367.
Гань-гань, р., 79.
Гань-гоу, р., 191.
Гань-гэ, грд., 36.
Гань-ни-чэнъ, грд., 16.
Гань-су, пров., 23, 25, 26, 40, 44, 57, 68, 125, 144, 251, 252, 254, 329.
Ганьсуйскія горы, 323, 324, 329, 331.
Гань-сунъ-линъ, хр., 355.
Гань-сы, ур., 59.
Гань-чжоу, грд., 3, 4, 8, 17, 20, 31, 55, 57, 61, 62, 76, 80, 92, 97, 164, 208, 212, 224, 227—231, 238, 239, 295, 345.
Гань-чунъ, сел., 338.
Гао-лай-ху, сел., 318.
Гао-тай, грд., 220, 221, 231.
Гаофу, грд., 7.
Гаочанъ, княж., 28, 32, 33, 39, 41, 42, 44.
Гаочанъ, укр., 21, 22.
Гармъ, грд., 36.
Гарцзанъ, гора, 347.
Гасъ, ур., 62, 70, 80, 112, 115, 116, 280.

Гачжа, сел., 367.
Га-чжэ-тай, укр., 188.
Гашигунь, сел., 191.
Гашіунъ-норъ, оз., 198.
Гельмендъ, р., 36.
Гибинь, влад., 7.
Гильгитъ, грд., 5.
Гималаи, хр., 97.
Гиндукушъ, хр., 6.
Гипни, грд., 16.
Гинь-бо-шань, гора (Kin-po-chan), 30.
Гинь-вэй-шань, гора, 24, 29.
Гинь-мань, укр., 42, 51.
Гиньская имперія, 60.
Гинь-шань, хр., 29, 33.
Гоби, пустыня, 19, 28, 29, 31, 47, 58, 132, 133, 135—137, 144, 147, 158, 160, 167, 172, 173.
Греко-Бактрійское царство, 6.
Грузія, 63.
Гуа-чжоу, грд. (Ань-си), 44, 56, 57, 159, 160, 279.
Гуа-чжоу, грд. (Дунь-хуанъ), 159.
Гуанъ-си, пров., 254.
Гуанъ-цзы, сел., 296.
Гуй-дэ, дол., 375.
Гуй-дэ-тинъ, грд., 114, 351, 366, 370, 375, 380.
Гуй-дэ-ша (Гуй-дуй-ша), дол., 353, 357, 363, 364, 380.
Гуйми, влад., 36.
Гуй-хуа-чэнъ, грд., 53, 115.
Гуй-цзи-цзюнь (Юй-мынь), 183.
Гуйци, влад., 26, 32, 42, 44.
Гуй-чжоу, пров., 259.
Гуй-шуанъ, окр., 37.
Гуй-шуй, 9.
Гу-мань-сы, мон., 325—328, 334.
Гумбумъ, мон., 351.
Гумиды, грд., 126.
Гунортай, пастбище, 356.
Гунъ-чанъ-фу, грд., 252.
Гуньву, грд. (Хами), 4.
Гу-сы-инъ, сел., 350.
Гу-чэнъ, грд., 42, 43, 120.
Гуши, влад., 16.
Гу-юй-чэнъ, грд. (= Ку-юй), 192.
Гѣ, влад., 8.
Гѣсай, влад., 37.
Гэ-да-цзинь, ст., 138.
Гэ-цзы-янь-дунь, см. Янь-дунь.
Гяньгунь, страна, 20, 256.

Даалъ-норъ, оз., 72.
Да-ба, ур., 181.
Дабанъ-шань (сянь), гора, 162, 163, 167, 176.
Дабасунъ-норъ, оз., 175.
Да-бэнь-мяо, хр., 139, 141, 142, 149, 170.
Даванчинъ, укр., 126.
Давань, влад., 17, 35, 37.
Дай, грд., 32.
Даинъ-голъ, оз., 115.
Далай-норъ, оз., 72.
Далангу (Да-ланъ-гоу), р., 43.
Далту, грд., 89, 192.
Дальмація, 64.
Дангнымъ-дарья, р., 103.
Даньгаръ, мѣстн., 114, 345.
Даньгоръ, см. Дань-гэръ.
Дань-гэръ, грд., 344—347.
Дань-ми, влад., 8, 24.
Дань-хуань, влад., 24.
Дань-хэ, р., 70.
Дао-хэ, р., 347.
Дариту верхнее, сел., 192.
Дариту нижнее, сел., 183, 192.
Да-ся-хэ, р., 374.
Да-тунъ, грд., уѣздъ, 114, 311, 316, 317, 319, 328, 345.
Да-тунъ-ма-хэ, р., 295.
Да-тунъ-фу, грд., обл., 27, 32, 76, 78.
Да-тунъ-хэ, р., 199, 298, 303, 307, 311, 315, 318, 319.
Да-тунъ-цзюнь, укр., 317.
Да-тунъ-чжанъ, сел., 335.
Да-тунъ-шань, горы, 338.
Да-тэнъ, пик., 352.
Даулетъ-бахъ, ур., 124.
Да-хо-ту, сел., 38.
Да-хэ, р. (лѣв. прит. Сининъ-хэ), 335—337, 340.
Да хэ, р., (сѣв. скл. Нань-шаня), 296.
Дахя, влад., 5, 9, 36.
Да-цзи, пустыня, 62.
Да-цзянъ-лу, грд., 113.
Да-цюань, ст., 151.
Да-чунь-хэ, р., 335.
Да-шань, горы, 356, 357.
Дербентъ, грд., 34.
Джагатаевъ улусъ, 85, 87.
Джаикъ, грд., 353.
Джаиръ, горы, 51, 122.
Джанартъ, р. 37.
Джахаръ, гора, 374, 380.
Джимысаръ, грд., 42.
Джинъ-хо, р., 122.
Джиргаланъ, р., 118.
Джиргалты, р., 122.
Джунгарія, 19, 20, 27—29, 31—33, 38, 42, 43, 53, 60, 67, 85, 95, 96, 98, 99, 109, 110, 113, 115—119, 122, 126.
Джунгарскій Ала-тау, хр., 109.
Джучіевъ улусъ, 85, 93.
Ди-во-пу, кол., 151.
Динлинъ, влад., 256.
Динъ-фу-сы, ущ., 217.
Дисэ, гора, 6.
Ди-хуа, обл., 29.
Ди-хуа-чжоу, грд., 119.
Донгаръ, см. Дань-гэръ.
Донгуръ-хэ, р., 345, 347, 363.
Донкоръ, Донхоръ, Донгоръ, см. Дань-гэръ.
Донкырскій хребетъ, 338—340.
Донкыръ, см. Дань-гэръ.
До-янь, окр., 77.
Дунай, р., 30.
Дунъ-гу-сы, мон., 345.
Дунъ-и-чжоу, окр., 252.
Дунъ-сянь, хр., 356.
Дунъ-хэ, р., 375.
Дунъ-ша-фэй (фи), р., 322.
Дуныгъ, сел., 369.
Дунь-гуань, обл., 255.
Дунь-хуанъ, грд., окр., 3, 4, 8, 16, 21, 26, 32, 33, 52, 56, 57, 137, 153, 159, 279.
Дэнгеръ, см. Дань-гэръ.
Дэнъ-тянь-чэн'скія высоты, 167.
Дянь-чи, оз., 254.
Дяо-ли-гоу, ур. 75.

Египетъ, 284.

Едзинъ, см. Эцзинъ-голъ.
Ема-ченъ, кл., 135.
Енисей, р., 30, 52, 72, 76, 257.
Енисейская тайга, 259.
Еркендъ, см. Яркендъ.
Ессы, грд., 102.
Eulysia, страна, 30.
Ефратъ, р., 62.
Ешоу, ур., 134.

Желтая рѣка (Хуанъ-хэ), 15, 114, 245, 347, 356, 365, 367, 373.
Желтое море, 34, 243.
Желѣзныя ворота, 34, 35, 46.
Жи-юэ-шань, хр., 338, 355—357, 363.
Жо-сянь, окр., 63.
Жоцянъ, влад., 16.
Жо-шуй, р., 28, 225.
Жо-шуй, ст., см. Ку-фи.
Жуй-юй-гоу, сел., 240.
Жунлу, влад., 24.

Заилійскій Ала-тау, 38.
Зайсанская котловина, 30, 120.
Западный край (Си-юй), 17, 21, 23, 26, 37, 41, 44, 51.
Западный Туркестанъ, 7, 11, 115.
Заордосъ, 27, 45, 255.
Заосты-Элисунъ, пески, 51.
Заяксартская область, 5.
Зеравшанъ, р., 10, 46, 91.
Зондскій архипелагъ, 64, 249, 267.
Зюнгарія, см. Джунгарія.
Зюсса хребетъ, 307.

Иву, влад., 11, 25, 39, 41, 44.
Ивулу, влад., 23.
Идань, государство, 35, 36.
Или, р., 6, 30, 38, 48, 87, 88, 95, 96, 100.
Или-балыкъ, грд., 89, 90.
Илійскій край, степь, долина, 19, 35, 39, 42, 85, 99, 100, 102, 117, 118.
Или-хо, обл., 161.
Ильмовыя долины, 81.
Индія, 9, 30, 280.
Индо-Китай, 249, 267.
Индо-скиѳское царство, 7.
Индостанъ, 36.
Индъ, р., 5, 6.
Инсо, гора, 51.
Инъ-гэ-чжа, сел., 216, 217, 231.
Инъ-сань-чжа, сел., 318.
Инь-пань-фу-цзы, котл., оазисъ, 176, 189, 196.
Инь-пинъ, окр., 253.
Инь-шань, хр., 7, 32, 33, 52, 95.
Инь-шуй, р., 247.
Иравадди, р., 265.
Иранъ, 244.
Ирдынъ-ула, горы, 28.
Ирма, сел., 326.
Иртышъ, р., 35, 38, 60, 76, 85, 86, 107, 109, 111, 117.
Иртышъ Черный, р., 29, 30, 48, 96, 107, 110, 116, 120.
Иссыкъ-куль, оз., 19, 29, 38, 44, 94, 121.
Истыкъ, р., 37.
И-ху-лу-шань, см. Ихуръ, 199.
Ихуръ, хр., 198, 199.
Ихэ-Аралъ, оз., 76.
Ихэ-Маджинъ-сянь, хр., 47.
Ихэ-Улагуртай, р., 347.
Ихэ-Халдзынъ, р., 347.
И-чжоу, грд., 41, 53.
И-чжоу, окр., 266.
И-цзи-най, грд., (Эцзина), 62.
И-цзи-най-лу, мѣстн., дорога, 62
Ишимъ, р., 96.

Йенчу, р., 35, 37, 38, 46.
Йеръ-Байырку, страна, 46.

Кабулистанъ, 5.
Кабулъ, грд., 7.
Кадырканъ, лѣсъ, 34.
Казанъ-хэ, р., 223, 226.
Калка, р., 63.
Ка-линъ-ху, сел., 318.
Камъ, пров., 97, 274, 346.
Кангюй, страна, 29.
Канъ, влад., 36.
Кара-Киданьская имперія, 63.
Кара-Корумъ, грд., 49, 52, 62, 66, 166.
Кара-Кошунъ-куль, оз., 15.
Кара-куль, оз., 149.
Караталъ, р., 110.
Кара-тау, хр., 87, 119.
Каратегинъ, страна, 36.
Кара-ходжа, р., 22.
Кара-ходжа, сел., 8.
Кара-Ховаль, сел., 34.
Карашаръ, грд., 12, 21, 31, 93, 134.
Карлыкъ-тагъ, гора, 173.
Карынъ, р., 357, 365—368.
Карынъ, сел., 367.
Карши, грд., 34.
Каса-хо, сел., 318, 319.
Каспійское море, 7, 15, 24, 28—30, 36, 48, 97
Кафиристанъ, страна, 5.
Кашгарія, страна, 86, 88, 90, 92, 93, 95, 120, 122, 125, 126.
Кашгаръ, грд., 39, 49, 63, 67, 88, 94, 100, 101 108, 120, 121, 123—125.
Кашгаръ-дарья, р., 14.
Кашинъ, грд., 62.
Кашмиръ, страна, 250.
Cayalik, грд., 61.
Кеть, р., 258.
Кизыль-су, р., 125.
Ки-лянь-шань, см. Ци-лянь-шань.
Кипчакское царство, 87, 91.
Киргизская степь, 262.
Китай, грд., 43.
Китай, Китайская имперія, 2, 4, 7, 8, 11, 19—21, 23—26, 28, 31, 35, 39—41, 43, 45, 49—53, 57—59, 62, 65, 66, 75, 113, 115, 160, 180, 211, 244, 250, 251, 267, 307.
Китай южный, 64, 159, 249, 250, 267.
Кійтынъ, р., 15, 122.
Кобдо, грд., 115.
Кобдо, окр., 76, 77, 105.
Кобдо, р., 76, 110.
Кобукъ, р., 122.
Когистанъ, страна, 5.
Кодёрго, пер., 357.
Кокандъ, грд., 125.
Кокъ-тепе, гора, 12.
Кокъ-шалъ, хр., 37.
Комуль (Хами), грд., 131.

Конкыръ, пикъ, 307.
Конче-дарья, р., 12, 14.
Кордильеры, хр., 300.
Корея, 31, 61, 64.
Корля, см. Курля.
Kosna, см. Хосина.
Коссоголъ, оз., 75, 76.
Ко-хо, р., 226.
Кошеты-дабанъ, пер., 116.
Красноярскій острогъ, 282.
Красноярскъ, грд., 98.
Кроація, 64.
Ку-гу, грд., 192.
Куку-норъ, оз., обл., 27, 33, 34, 58, 59, 62, 79, 80, 92, 96, 97, 99, 104, 113, 114, 145, 159, 232, 340, 341, 346, 354.
Кульчжа, грд., 119, 124—126.
Кульчжа Новая, грд., 119.
Кумъ-тагъ, пески, 8, 16, 41.
Кунчанъ-хо, р., 187.
Кунь-лунь, см. Куэнъ-лунь.
Кунь-лунь, р., 348.
Кунь-лунь-чжанъ, пик., 26.
Кура, долина, 63.
Курля, грд., 12, 14.
Куртка, укр., 121.
Курукъ-тагъ, хр., 12, 13, 16, 21, 134
Куръ-кара-усу, мѣстн., грд., 94, 120.
Кутакъ (Koutak), мѣстн., 89.
Куфи, ст., 1, 130, 131, 133.
Куча, грд., 29, 39, 44, 51, 86, 93, 123, 288.
Куча-дарья, р., 14.
Ку-щуй, см. Ку-фи.
Куэнъ-лунь, хр., 2, 15, 144, 149, 168, 169, 199, 299.
Ку-юй, грд., 89, 192.
Кызъ-курганъ, разв., 103.
Кэмчикъ, р., 110, 116.
Кэмъ, р., 79, 110, 256.
Кэнтэй, гора, 59, 78.
Кэрійскій хребетъ, 280, 330.
Кэрсэнь-чилуту, ур., 116.
Кэрулэнъ, р., 4, 78, 104, 105, 265.
Кюйли, грд., 14.

Лаванченъ, ур., 134.
Ладакъ, страна, 299.
Лама-гоу, р.. 334—337.
Ланъ-лоу (лу), сел., 343.
Ланъ-чжунъ, уѣздъ, 265.
Ланъ-шань, горы, 28.
Лань-чжоу, грд., 4, 27, 53, 57, 58, 144, 228, 252.
Лао-ху-ши, пер., 303.
Ла-танъ-цзы, сел., 351.
Ла-ху-чу, сел., 334.
Ла-чи-сань, пер., 367.
Лемджинъ, сел., 8.
Лепсинскій уѣздъ, 51.
Лехъ, грд., 97.
Лё-янъ, грд., 252.
Линъ-гу-вань, сел., 318.
Линъ-гу-хэ, р., 318.
Линъ-цянъ, грд., 70.
Линъ-чжоу, грд., 55.
Линъ-гань-чжо, сел., 325.
Линь-цянъ, грд., 70.
Линь-шуй-хэ, р., 198, 216.
Литанъ, грд., 113, 114.
Литва, 64.
Ли-юань-хэ, р. (= Лонсыръ), 223.
Лобнорская впадина, 16, 72, 87.
Лобнорская пустыня, 133.
Лобъ-норъ, оз., 12, 14—17, 33, 116.
Ло-ду-шуй, р., 347.
Лолань, грд., 37.
Лонсыръ, р., 223, 225.
Ло-санъ, р., 336, 341.
Ло-то-чжэнь, сел., 191.
Ло-то-чэнъ, разв., 220.
Лоу-са-ша, р., ущ., 343.
Ло-ху-лу, р., 315, 316.
Ло-шуй, р., 247.
Ло-ё-шань, хр., 338, 340.
Ло-я-гу, горн. гряда, 143, 149.
Ло-янъ, грд., 26, 49.
Ло-янь-сянь, горн. гряда, 162.
Луковыя горы, 14, 94.
Лукчунъ, грд., княжество, 8, 83.
Лунъ-коу-шань, см. Лунъ-шань.
Лунъ-мынь-шань, хр., 252.
Лунъ-си, пров., 25, 27, 252.
Лунъ-ту-шань, хр. (Лунъ-шань), 20, 163, 165.
Лунъ-хуанъ, кум., 156.
Лунъ-чжи, обл., 44.
Лунъ-шань, хр., 163, 165—168, 171.
Лунъ-ю, обл., 44, 50, 53.
Лунь-ань-фу, обл., 253.
Лунь-тай, грд., 42, 43, 53.
Лунь-тай, разв., 53.
Лу-хунь-хай, дол., 28.
Лу-цзи-цзянъ, р., 253, 255.
Луцугу, ст., 135.
Лу-чжа-чжинъ, хр., 143.
Лу-ша-гоу, р., 334.
Лу-шуй, р., 321, 322.
Лу-шуй-коу, ущ., 322.
Лхасса, грд., 112, 114.
Лэулань, влад., 15, 16.
Лю-гоу, окр., 156.
Лю-дао-гоу, р., 180.
Лю-чжунъ, грд. (Лукчунъ), 8.
Лю-чэнъ, грд. (Лукчунъ), 84.
Лянжа-сань, пер., 364, 365, 380.
Лянъ, княж., 31, 43.
Лянъ-чжоу, грд., 3, 8, 26, 33, 44, 46, 52, 56, 57, 211, 345.
Лянъ-чжо-чэнъ, сел., 240.
Лянъ-чу-чэнъ, сел., 240.
Лянь-чжоу, грд., 252—254, 266.
Лянь-чэнъ, грд., 14.

Ма-бѣ-чжа, сел., 318.
Маверанагръ, страна, 9, 49, 85, 88, 91, 102.
Ма-гэ-чэнъ, р., 175, 188, 189, 191.
Маджа-Гуанъ-цзы, сел., 296.
Мазаръ-тагъ, гора, 128.
Ма-инъ, сел., 219.
Ма-инъ-хэ, р., 219.
Ма-ла-ло, сел., 326.
Ма-лингъ-шань, гора, 307.
Ма-лянь-цзинь-цзы, ст., 150, 151.
Ма-лянь-чуань, кол., 133.
Мана, р., 257.
Манасарвара, море, 6.
Манасъ, грд., 120, 126, 213.
Маньчжурія, страна, 4, 30, 59, 62, 249.
Маню, р., 257.

Мао-ню, страна, 257.
Маргіана, страна, 9.
Маркизскіе острова, 267.
Ма-су-хэ, р., 218.
Ма-ти, дол., 292.
Ма-ти-сы, мон., 291, 328.
Маха-Чинъ, страна, 281.
Ма-цзунь-шань, гора, 18, 47.
Ма-цзунь-шань-голъ, р., 221.
Мачинъ, страна, 281.
Меконгъ, р., 267.
Меншуй, ур. (Мынъ-шуй), 139.
Мессопотамія, 64.
Мимо, влад., 37.
Минусинскъ, грд., 261.
Минъ-ань, грд., 8, 159.
Минъ-чжоу, грд., 144.
Минь-шоу, ур. (Мынъ-шуй), 134, 135.
Міамма (= Бирма), страна, 64.
Моготунъ-голъ, р., 135.
Мо-гоу, р., 348.
Могулистанъ, страна, 84—89, 92, 100.
Молдавія, 64.
Мо-минъ, грд., 162, 166.
Монголія, Монгольская имперія, 24, 41, 45, 46, 52, 63—65, 73—75, 77, 79, 95, 261.
Моравія, 64.
Моргольская гряда (Мазаръ-тагъ), 173.
Моръ-голъ, сел., 1, 133.
Мо-чэнъ, грд. (Мо-минъ), 221.
Му, влад., 36.
Муджикъ, р., 374—380.
Музъ-артъ, пер., 117.
Музъ-колъ, р., 149.
Мургабъ, р., 103.
Мусъ-тагъ-ата, 168.
Мынъ-дань-ша, дол., 351, 352, 357, 363, 364, 380.
Мынъ-шуй, ур., 221.
Мѣ-дао-гоу, р., 180, 181.
Мэчинъ-ола, хр., 173.

Нань-гань-лу, сел., 161.
Нань-гу-чэнъ, грд., 240, 290.
Нань-лу, дорога, 131.
Наньми, влад., 37.
Нань-нинъ-фу, грд., 254.
Нань-цзи-дуань, р. (Су-лай-хэ), 157.
Нань-чжуанъ-шань, гора, 27.
Нань-чуань, р., 352, 353, 363.
Нань-шань, горы, 2, 3, 7, 8, 43, 47, 57, 67, 82, 96, 97, 132, 134, 137, 144, 145, 155, 162, 163, 165, 168, 170—173, 176, 193, 219, 280, 290—292, 297—299, 324, 327, 328, 330—333, 339, 341, 356, 357.
Нань-шуй, грд., 67.
Нара-сари, хр., 338, 355, 356.
Нарымскій край, 282.
Нарынъ, р., 19, 37, 121, 124.
Начжи, влад., 15.
Наянъ, страна, 77.
Нгачжа, сел., 367.
Небесная имперія (Китай), 20.
Небесныя горы, 17, 132, 147, 167.
Незамерзающее озеро, 149.
Непалъ, 250.
Нербудда, р., 250.
Нинъ-ся, грд., 44, 55, 106.
Нинъ-юань-фу, грд., 266.
Нинъ-юань-чэнъ, см. Кульчжа.
Нинъ-чжоу, окр., 254.
Nypur, горы, 5.
Ни-суй-хо, р., 225, 226.
Нишабуръ, грд., 65.
Ни-шуй-хэ, р., 225.
Новая Зеландія, 267.
Новая Кульчжа, см. Кульчжа.
Номъ, сел., 79.
Нонь, р., 59, 75.
Но-янь, страна, 77.
Нурханъ, страна, 4.
Нью-ланъ, страна, 4.
Ню-цзюань-цюань, кл., 43.
Ню-чжанъ, ур., 135.
Нянь-нань-сянь, р., 337.

Обь (Oby), р., 30, 85, 108, 174, 258.
Одонъ-тала, мѣстность, 15.
Ологой-пу, сел., 218.
Onogoria, страна, 281.
Ононъ, р., 60, 74, 265.
Ордосъ, страна, 4, 6, 26—28, 45, 46, 55, 57, 79, 144, 208.
Ордукентъ, грд., 49.
Орхонъ, дол., р., 56, 67, 79, 105, 116.
Орчаутунъ, ст., 135.
Орь, р., 117.
Отраръ, грд., 49.
Отунъ-коза, ур., 112.

Па-дао-гоу, р., 179, 180.
Па-линъ-хай, оз., 175.
Па-линъ-шань, гора, 165, 166.
Памиръ, горн. страна, 9, 94, 103, 121, 149, 271, 299.
Па-ша-гоу, грд., 350.
Пегу, страна, 346.
Пекинъ, грд., 66, 77.
Передняя Азія, 244, 245.
Персія, 36, 63, 64.
Песчаныя горы, 14.
Петрова ледникъ, 37.
Пешаверъ, грд., 6.
Пинъ-гоу, дол., 193.
Пинъ-гу, окр., 253.
Пинъ-Лянъ, княж., 208.
Пинъ-фу-хуръ, пик., 315.
Пинъ-фу-хуръ, р., 314, 315.
Пинъ-фынъ-ча, сел., 239.
Пинь-янъ, грд., 31.
Пичанъ, грд., 8, 131.
Пой-янь, крѣп., 17.
Полинезія, 249, 267.
Полона, страна, 36, 95.
Польша, 64.
По-ми, страна, 253.
Потанина хребетъ, 338—340, 356.
По-шань, гора, 164, 165, 194.
Пригиндушская страна, 93.
Прииртышскія степи, 97.
Приналшаньская впадина, 162—165, 167, 173, 218, 236, 238.
Притяньшанье, 8, 19, 23—25, 28, 29, 32, 33, 51, 54, 83, 95.
Притяньшаньская впадина, 138, 145.
Pouctacrin habitchar, ур., 108.
Пу-лэй, страна, 42.
Пу-лэй-хай, оз., 24, 30.

Пурушапура, грд., 6.
Пу-чанъ-хай, оз. (Лобъ-норъ), 14.
Пу-юй-эрръ-хай, оз., 72.
Пый-фу-хуръ, пик., 114.
Пэй-хэ, р., 343.
Пэнь-санъ, р., 350.
Пэнь-чжанъ-жань, пик., 177.
Пянь-дао, пик., 298.
Пянь-дао-коу, ущ., 297—299.
Пянь-дао-хэ, р., 300.

Рако-голъ, р., 339, 340, 343.
Рихтгофена хребетъ, 163, 166.
Россія, 30, 64, 104, 121.
Румъ, страна, 6.
Рчили, сел., 367.

Са-го, сел., 318.
Са-го-хэ, р., 318.
Са-дабанъ, пер., 319, 327.
Сайнъ-динъ-тамъ, пик., 320.
Сайнь-тамъ, сел., 318.
Сайрамъ, грд., 102, 103, 108, 115, 119, 121.
Сайрамъ-норъ, оз., 119.
Салуэнъ, р., 265.
Самаркандъ, грд., 17, 36, 49, 63, 65, 91, 100, 108, 121, 323.
Самаркандъ, колонія, 38.
Самоа, острова, 249.
Сандвичевы острова, 267.
Сань-вэй, мѣстность, 3.
Сань-дао, сел., 179, 181, 194.
Сань-да-хо, р., 226.
Сань-сянь-цзы, горн. гряда, 162, 171, 173, 175—177, 194.
Сань-чжу-чунъ, сел., 322, 323, 325.
Сань-ши-ли-цу, пик., сел., 239.
Сань-ши-ли-чэнъ-цзы, пик., 188.
Сань-ши-мяо, сел., 318.
Сарыколъ, влад., 103.
Сахара, пустыня, 149.
Сахъ-хо, р., 225, 226.
Са-чанза (Ша-цюань-цзы), ст., 139.
Са-чжа-цу, сел , 337.
Са-чжоу (Ша-чжоу), грд., 16, 62, 116, 159.
Са-чу-вань, пик., 162.
Са-шуй, р., 321.
Саянскія горы, 75, 258.
Сеистанъ, страна, 36.
Сейхунъ (Сыръ-дарья), р., 85, 88, 91.
Селенга, р., 28, 30.
Семипалатинскія степи, 97.
Семирѣчье, 17.
Сербія, 64.
Си-ань-фу, грд., 40, 208.
Сибирь, 48, 250, 258, 261, 265, 279.
Си-и-чжоу, грд., 41.
Силезія, 64.
Си-Лянъ, княжество, 31, 208, 211.
Синбиръ, хр., 13.
Синдъ, дол., 63.
Сининская долина, 58, 59, 62, 82, 92, 298, 356.
Сининская рѣка (Сининъ-хэ), 7, 39, 340, 347, 348.
Сининскія альпы, 356—363, 381.
Си-нинъ-фу, грд., 7, 113, 216, 223, 345, 353.
Си-нинъ-хэ, р. (Сининская рѣка), 340, 347, 348, 350.
Синъ-синъ-ся, см. Шинъ-шинъ-ся.
Синь-цзянъ, пров., 8.
Сирія, 64, 244.
Сирха-гоби, пустыня, 131.
Сита, р., 6.
Си-хай, оз. (Баграшъ-куль), 14.
Си-хай, обл. (Куку-норъ), 39.
Си-хай-цзюнъ, обл., 33.
Si-hian, р., 30.
Си-хунъ (Сейхунъ), р., 48.
Си-хэ, р. (Тао-лай), 8.
Си-хэ, р. (Муджикъ), 374, 375.
Си-цянъ, страна, 70.
Си-чжи (Амдо), страна, 54.
Си-чжоу, грд., 42, 44, 51—53, 57.
Си-юй (Западный край), 39.
Си-юнъ, страна, 70.
Снѣговыя горы, см. Сю-ѣ-шань.
Собо-норъ, оз., 28.
Согдіана, страна, 5, 9, 10, 37.
Согдъ, см. Согдіана.
Средняя Азія, 8, 15, 21, 47 122, 126, 127, 147, 159.
Средняя орда, 115.
Страна цвѣтовъ, 242, 244.
Су-баши, сел., 8.
Су-вань-пу, ур., 166.
Суй-динъ-чэнъ, грд., 119.
Суйдунъ, см. Суйдинъ.
Суй-лай, см. Манасъ.
Суй-ѣ, мѣстн., 37, 402, 403.
Сула, см. Сулай-хэ, 156.
Су-лай-хэ, р., 57, 153, 155—185, 187, 188.
Су-лэ (Су-лай), ур., 198.
Су-лэ-хэ, см. Су-лай-хэ.
Сумо, страна, 95.
Сунгари, р., 59.
Сунъ-пань, грд., 80, 81.
Суръ-хэ (Су-лай-хэ), р., 68, 192.
Сухуръ (Су-чжоу), грд., 183.
Су-чжоу, грд., 3, 8, 17, 19, 21, 25, 26, 34, 55, 56, 59, 91, 92, 97, 194, 208, 211—216, 231, 345.
Су-юй-хэ, р., 240, 292—295.
Сы-дао-гоу, р., 181, 187.
Сы-дунь, кол., 174.
Сынгимъ, сел., 8.
Сынгимъ, дол., 13.
Сынгыръ, см. Сыныръ.
Сыныръ, дол., 13, 14.
Сыртынъ, дол., 59, 69, 70, 122.
Сыръ-дарьинская область, 6, 63.
Сыръ-дарья, р., 10, 19, 37, 38, 48.
Сы-чуань, пров., 44, 64, 251, 252, 266, 274.
Сѣверная Америка, 250.
Сѣверо-Тэтунгскій хребетъ, 299, 303, 306, 307.
Сѣ-и, страна, 36.
Сѣфынское губернаторство, 37.
Сэртэнъ, см. Сыртынъ.
Сэ-та-хо, сел., 349.
Сюань-хуа, окр., 228.
Сю-дѣ-цзэ, грд., 353.
Сюкей, гора, 355.
Сюнь-хуа-тинъ, грд., 114.
Сю-чжэ-дэ, грд., 353.
Сю-ѣ-шань, хр., 147.
Ся, княжество, 208.
Ся, царство, 247.
Ся-го, княжество, царство, 54, 55, 57—60
Ся-гу-чэнъ, грд., 198.

Сянъ-суй-хо, р., 226.
Сянъ-шань, р., 223.
Сянъ-янъ, грд., 254.
Сяо-вань, влад., 24.
Сяо-вань, укрѣпл., 162, 194.
Сяо-сюѣ-шань, гора, 374.
Сяо-цзи-си-шань, хр., 356.
Сяо-цзи-ши, хр., 355.
Сяо-цюань, ст., 152.
Ся-чжоу, грд., 54.

Тай-юань, обл., 55.
Таласъ, дол., р., 52, 102, 119.
Талки, пер., 35, 118.
Та-му, сел., 367.
Тангутское намѣстничество, 66.
Тангутъ, пров., 62, 228.
Тантекъ-су, ур., 51.
Тань-ванъ-чинъ, грд., разв., 12.
Тао-лай, р., 8, 165, 194, 197—199, 216.
Тао-лай-чуань, дол., 197, 198.
Та-пей-хэ, р., 164.
Та-цу, сел., 351.
Таразъ, грд., 48.
Тарбагатай, страна, 30, 33.
Тарбагатайскія горы, 24, 27, 30, 42, 47, 53, 95, 110, 120, 122.
Таримъ, р., 12, 14—16, 37.
Та-хо-чу, р., 296.
Та-цзы-инъ, сел., 342, 343.
Та-ча-хо, р., 182, 183.
Ташаръ, сел., 133.
Ташкентъ, грд., 10, 36, 87, 88, 90, 102, 115, 119, 121, 122,
Темиръ-капыга, ущ., 35, 37, 46.
Тибетское царство, 43, 54.
Тибетъ, страна, 5, 44, 45, 50, 64, 79, 97, 111—115, 149, 169, 211.
Тинь-та-сы, см. Цзинь-та-сы.
Тинь-чжоу, окр., 42.
Тоболъ, р., 96.
Тогонское царство, 27, 43.
Тогусъ Эрсенъ (Togouz-Ersins), мѣстн., 46.
Тогучи, сел., 133.
Тодгарская страна, 6.
Тойли, ур., 122.
Токмакъ, сел., 98.
Токсунъ, грд., 8.
Тола, р., 104, 105.
Томскъ, грд., 95.
Тонкинъ, страна, 64, 346.
Тохарестанъ, страна, 5, 6.
Трансоксіана, страна, 30, 65, 95.
Туботское княжество, 56.
Тугухуньское царство, 27.
Ту-дао-гоу, р., 182.
Тужоси, кл., 33.
Тузъ-куль, оз., 132.
Тузъ-тау, хр., 171.
Туй-па-хо, р., 197, 199.
Тула, р., 74.
Ту-му, ур., 77.
Тунъ-намынъ, пик., 363.
Тучъ-хо, кл., 135.
Турачи, сел., 172.
Тургайская область, 54.
Тургынъ-голъ, р., 347.
Тургэнь-Улагуртай, р., 347.
Тургэнь-цаганъ, р., 348.
Туркестанъ, грд., 10, 102.
Туркменія, 7.
Туруфану-хара, ур., 78.
Турфанъ, обл., грд., 8, 21, 22, 26, 42, 53, 60, 66, 78, 83, 84, 87—93, 99, 108, 109, 112, 113, 115, 116, 126, 324.
Туфань, государство, 53.
Тухоло, страна, 5, 36, 87.
Тыккеликъ, сел., 14.
Тѣ-гуань-чу, ущ., 56.
Тэлэ, окр., 63.
Тэлэ, хошунъ, 70.
Тэнгринорскій проходъ, 112.
Тэнгри-норъ, оз., 112.
Тюгэ-тау, хр., 146.
Тянь-чжу, государство, 36.
Тянь-шань, хр., 2, 6, 18, 21, 23, 28, 42, 53, 71, 85, 94, 113, 114, 131, 134, 137, 138, 144, 145, 147, 168, 169, 171, 172, 298, 324.
Тянь-шань западный, хр., 38.

У-бо, укр., 301.
У-бо-линь-цзы, пер., 301, 327.
Убочаръ, р., 301.
У-вэй, окр., 31.
Угорская Русь, 281.
У-дао-гоу, р., 180.
У-динъ-чжоу, грд., 254.
Уйгуристанъ, страна, 90, 92, 96.
Уйгурія, страна, 53, 54, 59—61, 63, 64, 67, 83, 212.
Уланъ-бутунъ, ур., 105, 109.
Уланъ-комъ, оз., дол., 76, 77, 110.
Уланъ-усу, пер., 116.
Улугъ-тагъ, гора, 29.
Уляссутай, грд., 116.
Унихо, пик., 302.
Ура-тюбе, грд., 36.
Уралъ, р., 15, 30.
Уралъ, хр., 95, 298.
Уратскій аймакъ, 33.
Ургенчъ, грд., 65.
Уругай, ур., 104.
Урумчи, грд., 113, 119, 126, 131.
Урумчи, ст., 135.
Урунгу, р., 37, 107, 110, 116.
Усунь, влад., 29.
Утанцыли, влад. 24.
Утунъ-казы, ур., 134.
Утунъ-цзы, кол., 135.
Учъ-кууль, р., 37.
Учъ-Турфанъ, грд., 117, 121—123.
Ушакъ-тала, сел., 12.

Фарабъ, грд., 49.
Фако-голъ, см. Рако-голъ.
Фергана, страна, обл., 10, 17, 36, 63, 88, 95, 102, 103, 125.
Финъ-ганъ-цу, сел., 222.
Франція, 284.
Фу-и-чэнъ, грд., 222, 231.
Фу-канъ, грд., уѣздъ, 43, 119.
Фу-лэу-ша, грд., 6.
Фу-тьхи-хай, оз., 15.
Фынъ-лянъ-цюань-хэ, р., 218.
Фынъ-сянъ-фу, грд., 54, 253.
Фынъ-ха-пу, сел., 298.

Хабтыкъ-богдо, горы, 116.

Ха-дабанъ, см. Са-дабанъ.
Хайду-голъ, р., 14, 39, 122.
Хай-си, уѣздъ, 42.
Ха-и-шань, хр., 356.
Хай-шуй, оз., 12.
Хала-чи, оз., см. Хара-норъ.
Халга-амань, влад., 24, 39.
Халдея, 284.
Ха-линъ-хо, р., 335.
Ха-линь, крѣп., 116.
Халха, страна, 24, 25, 27, 31, 33, 47, 48, 60, 72, 74, 76, 95, 103, 104, 107—109, 115, 116, 118.
Хами, грд., княж., окр., 4, 21, 24, 41, 53, 54, 67, 69, 71, 75, 79, 83, 89, 90, 91, 93, 97, 108, 109, 112, 113, 116, 132, 133, 154, 184.
Хамійская пустыня, 129, 133, 134, 141.
Хамійскія горы, 4.
Ха-ми-са, сел., 338.
Ха-мѣй-ли, княж., 67, 68.
Хангай, хр., 7, 8, 20, 28, 64, 103, 104, 144, 159.
Ханъ-ду-лу, сел., 350.
Ханъ-Тэнгри, гора, 37.
Ханъ-хай, пустыня, 132, 144, 145.
Хань-ду, сел., оазисъ, 8.
Хань-дунъ, княж., 67, 68.
Хань-дунъ (лѣвое крыло), княж., 67.
Хань-чжунъ-фу, грд., обл., 252—254.
Хань-чуань, страна, 266.
Хао-вэй-шуй, р., 315.
Хао-мынь, р., 315.
Хара-могты, ур., 62.
Хара-норъ, оз., 162, 173.
Харату, ур., 68.
Хара-ула, хр., 355.
Харге-чю, р., 315.
Харчеджи-хана-хото, разв., 62.
Хату-барху, р., 198.
Ха-чай-цзы, сел., 224.
Ха-чи, плоскогоріе, 115.
Ха-чуань-гоу, сел., 240.
Ха-ши-гу, сел., 191.
Хива, 6.
Хинганъ (Большой), хр., 34, 144.
Ходжамъ-булакъ, кл., 128.
Ходжентъ, грд., 36.
Хой-юань-чэнъ, см. Новая Кульчжа.
Хоразмская имперія, 63, 313.
Хоръ, р., 356.
Хоръ-хэйцзэ, оазисъ, 163.
Хосина (Kosna), грд., 36.
Хотанъ, грд., окр., княж., 14, 27, 32, 39, 44, 49, 59, 62, 63, 67, 84, 86, 112, 120, 122, 124, 125, 280, 323.
Хотанъ-дарья, р., 14.
Хотунъ-тамъ, сел., 79.
Хотунъ-хурха-норъ, оз., 115.
Хо-тянь, сел., 223.
Хоу-га-ху, р., 349.
Хоу-Лянъ, княж., 31.
Хо-чжоу, грд. Турф. обл., 60.
Хо-чжоу, грд. въ Ганьсу, 83, 84.
Хуай-шо-чжень, крѣп., 33.
Хуанъ-шуй, р., 347, 348.
Хуанъ-хэ, р., 3, 4, 8, 37, 39, 80, 242, 244, 355, 357, 369, 370—373.
Хуа-хай-цзы, оз., 174.
Хуа-хэцзэ, оз., 162, 166.
Хуа-ши-пу, сел., 219, 231.
Ху-бэй, пров., 259.
Хуй-хуй-пу, сел., 89, 192—194.
Хуй-хуй-цзы, сел., 334.
Хулю, пустыня, 59.
Ху-нань, пров., 274.
Хундулэнъ, р., 347, 348.
Хунъ-гоу, р., 296.
Хунъ-ё-цзы, перев., 365.
Хунъ-лу-шань, гора, 198.
Хунъ-лю-юань, ур., ст., 153, 154.
Хунъ-мо-хэ, кл., 150.
Хунъ-мо-юань, кл., 150.
Хунъ-фэй-чэнъ, грд., 296.
Хунъ-ха-хо, сел., 296.
Хунъ-шань-дунъ, колодецъ, 138.
Хунъ-шань-цзя, укр., 194.
Хунъ-шуй, р., 216.
Хунъ-шуй-пу (Инъ-гэ-чжа), сел., 216.
Хунъ-шуй-хо, р., 226.
Хунъ-шуй-хэ, р., 198.
Хуху, влад., 8, 24.
Ху-хэй-хэ, р., 224, 226.
Ху-цань-шуй (Тао-лай), р., 198.
Ху-чжа-и-пу, сел., 223.
Хый-нанъ, сел., 296.
Хый-хэ, р., 198, 221, 224—226, 239.
Хэ, влад., 36, 37.
Хэ-гу-шань, пикъ, 307, 313.
Хэй-нинъ, сел., 349.
Хэй-хэ, р., 198, 221, 224—226, 239.
Хэй-шань, горы, 193—195.
Хэй-шуй, р., 226.
Хэ-лань-шань, гора, 80.
Хэ-ли-шань, см. Бэй-шань, горн. гряда, 2, 163, 168.
Хэ-нань, пров., 242, 246.
Хэ-нань-фу, грд., 49.
Хэнти, окр., 21, 53.
Хэ-си, обл., 3, 4, 8, 16, 18, 19, 21, 23, 25, 26, 31—34, 43, 44, 50, 53, 56, 57, 61, 69, 89, 91, 211, 247.
Хэ-си-цзюнь, княж., 57, 228.
Хэ-тао (Ордосъ), обл., 79.
Хэ-чжоу, грд., 58.
Хэ-чжоу, обл., 27.
Хэ-чжоу-пу, сел., 296.
Хэ-шуй-чэнъ, грд., 55.
Хэ-юань, крѣп., 39.
Хэ-юань, страна, 39.
Хюсюнь, обл., 37.
Хю-чжюй, крѣп., 17.

Цаганъ-обо, гора, 356.
Цаганъ-тологой-урту, хр., 355, 356.
Цаганъ-тунгэ, дол., 12.
Цайдамъ, страна, 16, 27, 59, 63, 69, 70, 144, 159.
Цань-шуй (Тао-лай), р., 198.
Цаогюй, влад., 36.
Центральная Азія, 144, 145, 148, 169, 170, 172.
Центральная Монголія, 146.
Цзай-цза-гоу, р., 348.
Цза-цза-хо, сел., 349.
Цзи-му-са, ур., 42, 43.
Цзингюэ, влад., 24.
Цзинъ-ни-тинъ, окр., 113, 184.
Цзинъ-ши-лингъ, хр., 307.
Цзинъ-шуй-пу, см. Цзинъ-шуй-чэнъ.
Цзинъ-шуй-чэнъ, грд., 218, 219, 231.

Цзинъ-юань-сянь, грд., 57.
Цзинъ-янъ, грд., 40.
Цзинь-мань, уѣздъ, окр., 42, 43, 51.
Цзинь-та-сы, грд., 162, 166, 196, 221.
Цзинь-шань, гора, 33.
Цзи-си-шань, гора, 356.
Цзунъ-линъ, хр., 257.
Цзы-ё-цза, сел., 351.
Цзѣ-му, страна, 39.
Цзѣ-чжоу, страна, 39.
Цзѣ-ша, влад., 288.
Цзюймо, влад., 11, 12, 14, 16, 24, 32, 39.
Цзюй-янь-чи, оз. (Гашіунъ-норъ), 198.
Цзю-цюань, грд., 8, 26, 34, 211.
Цзя-юй-гуань, крѣп. ворота, 68, 97, 113, 131, 194—196.
Цзя-юй-гуань-шань, гора, 164, 165, 194.
Ци-шань, гора, 247.
Ци-шань, окр. (Фынъ-сянъ-фу), 252.
Ци-лянь-шань (Khi-lien), хр., 4, 132, 291, 327, 347.
Цинъ-тау-шань, гора, 198.
Цинъ-хай (Куку-норъ), оз., 62.
Цинъ-ши-лингъ, хр., 338.
Цинъ-янъ-фу, грд., 54.
Цинь, царство, 253.
Цинь-хай, море, 24.
Цинь-чжоу, обл., 252.
Ци-тай, грд., 43, 119.
Цунъ-линъ, хр., 9, 95.
Цыѣ, влад., 8.
Цюйли, влад. (Кюйли), 14.
Цюй-сянь, княж., 67, 70, 71, 80.
Цюй-сянь-да-линь, военн. постъ, 70.
Цюнъ-цзы, оазисъ, 216.
Цюнъ-ши-шань, гора, 225.
Цюнь-кэ-тань, пастбище, 356.
Цянъ-чу-шуй, р., 226.
Цянь-Лянъ, княж., 31.

Чагрынъ-голъ, р., 299.
Чалышъ, грд., 93, 96.
Чанъ-го-бэй-шань-лынъ-лу, хр., 307.
Чанъ-лэ-сянь, грд., 159.
Чанъ-ма, р., 156, 192.
Чанъ-пинъ-ху, оз., 163.
Чанъ-ху, р., 365, 367.
Чанъ-ху, укр., 365—367, 379, 380.
Чанъ-шуй, р., 192.
Чань-ань, грд., 40, 49, 54, 254.
Чаосянь, государство, 30.
Чао-цзянь-шань, горн. гряда, 188.
Чатыръ-куль, оз., 144, 171.
Чаха-Улагуртай, р., 347.
Чахаръ, страна, 33, 45, 79.
Ча-чжи, ур., ущ., 325, 338, 341, 342.
Ча-чжи-пу, сел., 342.
Чейбсенъ, мон., 336.
Черикъ, пер., 303.
Черное море, 35.
Черный Иртышъ, см. Иртышъ Черный.
Черчень, грд., 63.
Черчень-дарья, р., 14.
Четэ, страна, улусъ, 87, 90, 100.
Чеши, влад., 1, 8, 17—21, 23, 26, 30, 32, 39, 43.
Чеши сѣверное, влад., 23, 26, 39, 43.
Чжанъ, страна, 346.
Чжанъ-мань-цзы, сел., 295.
Чжанъ-хай-пу, грд., 348, 350.
Чжанъ-чжа-коу, ущ., 296.
Чжанъ-ѣ, грд., 4, 8, 20, 31, 227, 228.
Чжанъ-ѣ-шуй, р., 31, 198, 226.
Чжань-чи, оз. (Дянь-чи), 254.
Чжа-чжуань-гоу, сел., 240.
Чжа-я-чэнъ, грд., 353.
Чжеше, влад., 87, 95.
Чжеши, грд., 36.
Чжили, пров., 23, 28, 144, 208, 242, 246, 251.
Чжи-нань-линь, пер., 302—304, 327.
Чжинъ-та-сы, см. Цзинь-та-сы, 166.
Чжоха-хото, грд., 26.
Чжу-лэ-гай, пастбище, 356.
Чжу-дао-гоу, р., 179, 180.
Чжунгарія, см. Джунгарія.
Чжунъ-фань-сы, мон. слобода, 351, 353.
Чжу-пу-цзи, сел., 291.
Чжуса, пер., 344, 345, 380.
Чжуса, р., 347.
Чжэнь-и-цзюнь, грд., 228.
Чжэнь-фань, грд., 163.
Чжэнь-хай-инъ, грд., 348, 350.
Чигинь-мэнъ-гу, княж., 67, 68, 183, 184.
Чи-дао, сел., 180.
Чи-дао-гоу, р., 164, 180.
Чи-линъ, хр., 355, 356.
Чингинталасъ, страна, 183, 184.
Чинъ, страна, 281.
Чинъ-шэпъ-хэ, оз., 174.
Чинь-чинъ-ша, сел., 188.
Читтатонгъ, страна, 249.
Чи-цзинь, окр., 68, 113, 184.
Чи-цзинь-коу, ущ., 189.
Чи-цзинь-пу, сел., 188, 189.
Чи-цзинь'ская котловина, 190.
Чи-цзинь-со, сел., 165.
Чи-цзинь-ся, сел., 188, 194.
Чи-цзинь-хай, оз., 191.
Чи-цзинь-ху, оз., котл., 175, 190, 191.
Чи-цзинь-ху, сел., 190, 194.
Чи-цзинь-шань, гора, 164, 165, 167, 171, 176, 188.
Чи-чжинъ-ху, сел., 166.
Чи-шань, гора, 274.
Чи-ю-хэ, р., 175, 188, 190.
Чоглучайская гряда, 172.
Чолъ-тагъ, хр., 1, 13, 87, 146.
Чу, р., 37, 98, 102.
Чуань-шу-гэ, р., 176.
Чугучакъ, грд., 120, 126.
Чу-жо-сы, мон., 336.
Чуйская долина, 37, 49.
Чуй-ти-хэ, р. (Рако-голъ), 343.
Чуй-цзэ-гань-цзы, сел., 295.
Чунчжа (Чуньчжа), р., 367.
Чунъ-чжа, сел., 349.
Чунъ-фа, сел., 338.
Чунъ-цинъ-фу, грд., 267.
Чухунь-шань, гора, 137.
Чу-юэ (юе), влад., 30, 42.
Чэнъ-ду-фу, грд., 252, 254.
Чэу-чи, гора, 252.
Чурчитъ, страна, 281.

Ша-дабанъ, см. Са-дабанъ.
Шайданъ, ур., 67.
Ша-ку-цзы, пик., 350.
Шала-хото, укр., 357.
Шамо, пустыня, 70.
Ша-мынъ-хэ, р., 322, 334.
Шанду-голъ, р., 33.
Шанъ-хо-чэнъ, сел., 218.
Шаньго, влад., 11—14, 16, 17, 21, 39.

Шаньдань, р., 225.
Шаньданьскій округъ, 299.
Шань-дунъ, пров., 35, 46, 246, 259.
Шаньси, пров., 23, 45, 144, 242, 251.
Шань-ту-цзы, кол., 135.
Шань-шань, влад., 11, 12, 15, 16, 21, 24, 32, 39.
Шао-вань, см. Сяо-вань.
Шао-сай, сел., 219.
Шато, пески, 51.
Ша-хо-тянь, сел., 223.
Ша-хэ, грд., 223, 231.
Ша-цюань, гора, 153.
Ша-цюань-цзы, ст., 139, 154.
Ша-чжи, пик., 304, 305.
Ша-чжоу, грд., окр., 3, 16, 27, 52, 56, 57, 68, 69, 91, 159.
Ша-чжоу, княж., 67, 68.
Ша-чинъ-цзы, сел., 223.
Ша-шань, гора, 14.
Шашъ, страна, 10.
Шеньси, см. Шэнь-си.
Ши, влад., 36.
Ши-ва-гу, ур., 296.
Шивунху, ст., 135.
Ши-дао, сел., 179.
Ши-дао-гоу, р., 179.
Шинъ-гуань, сел., 295.
Шинъ-чэнъ, грд., 337.
Шинъ-шинъ-ся, ст., 140, 142, 143, 150, 154.
Шинъ-шинъ-хо, сел., 188.
Ши-ню-шань, грд., 356.
Ширъ абадъ, грд., 34.
Ши-тунзе, оаз., 163.
Ши-фынъ-чуа, сел., 338.
Ши-фынъ-шань-нань, хр., 307.
Ши-хань-шань, гора, 28.
Ши-хо, грд., 29.
Ши-хо, сел., 349.
Ши-хо-чжо, сел., 326.
Ши-хоу, пик., 297, 301, 328.
Ши-хоу-коу, ур., 296.
Шихшитъ, ур., 75.
Ши-хэ, р., 303, 304, 307, 310, 313.
Ши-чу-цза, сел., 351.
Ши-ша-ку-сянь, горн. гряда, 162.
Шо-тунъ-ма-хэ, р., 296.
Шоу-янъ, обл., 3.
Шо-ха-шуй, р., 338.
Шу, пров., 253, 254.
Шуанъ-та-цу, сел., 176, 177, 194.
Шуанъ-цзинъ-цзы, крѣп., 194.
Шу-лэй-хэ (Су-лай-хэ), р., 17, 156.
Шу-моу, сел., 353.
Шу-цзюнь, грд. (= Чэнъ-ду-фу), 252.
Шы, влад., 36.
Шэ-лю-хуань, гора, 30.
Шэнь-сунъ-ло, р., 304.
Шэнъ-чанъ-пу, сел., 222.
Шэнь-си, пров., 23, 26, 28, 55, 57, 126, 242, 247, 266.

Ѣ-гѣ-фэй, р., 318.
Ѣ-да, влад., 35.
Ѣ-ма-чуань, долина, 198.

Эби-норъ, оз., 15, 144.
Эгярцы тагъ, хр., 13, 131.
Экё-Маджинь-сянь, гора, 47.
Эктагъ, гора, 53.
Эмпень, разв., 14.
Эргюль, р., 14.
Эрдени-цзу, мон., 116.
Эрень-Хабирга, хр., 120.
Эръ-дао, пик., 298.
Эръ-дао-гоу, р., 182.
Эръ цзянъ, страна, 69.
Эцзина, грд., 62.
Эцзинъ, оз., 198.
Эцзинъ-голъ, р., 1, 3, 4, 17, 28, 31, 33, 48, 61, 62, 68, 75, 122, 145, 160, 162, 164, 166, 171, 172, 198, 212, 225, 298, 300, 323.

Юань-цзянъ, р., 254.
Югра, страна, 30, 281.
Юебань, влад., 29, 30.
Южно-Кукунорскій хребетъ, 357.
Южно-Тэтунгскій хребетъ, 306, 307, 318, 320, 338—341, 347.
Юй-гу, см. Ильмовыя долины.
Юйли, влад., 11—14, 17.
Юйлиши, влад., 8.
Юй-мынь-гуань, крѣп., 8, 183.
Юй-хай, оз., 163.
Юй-шуй, р., 266.
Юлдусъ, долина, 39, 122.
Юни, грд., 16.
Юнъ-ань-чэнъ, грд., 305, 306, 310, 311, 313, 319.
Юнъ-гу-чунъ, сел., 296.
Юнъ-чжоу, обл., 254.
Юнъ-шоу-шань, гора, 335—337.
Юнь-бань-фу, грд., 28.
Юнь-нань, пров., 64, 252—254, 263.
Ju-thian, грд., (Хотанъ), 44, 66.
Ю-фынъ-чэ-цзы, сел., 296.
Ю-фэ-и-хо, сел., 349.
Ю-ханъ-лу, хр., 152—154.
Ю цзэ, оз., 15.

Яблоновый хребетъ, 47.
Яикъ (Jaik), р., 31.
Я-и-чжа, сел., 334.
Я-ма-чу, р., 177.
Янги-Гиссаръ, грд., 122, 124, 125.
Я-нинъ-ду, сел., 334.
Янчи (Янь-чи), ст., 84.
Янъ-цзы-цзянъ, р., 243.
Янъ-чжу ванъ-цзы, сел., 371.
Янъ-шунь-цзы, пик., 299, 300.
Янысаръ, грд., 67.
Янь, княж., 208.
Янь-ань-фу, грд., 28.
Янь-дунь, ст., 129, 130, 133, 151, 231, 232.
Яньдуньскій протокъ, 128—130, 133.
Янь-дунь-цзы, сел., 334.
Яньцай, влад., 54.
Янь-цзэ, оз., 15.
Яньци, влад., 11, 12, 14, 23, 25, 26, 30, 32, 39, 40—42, 44.
Янь-чжи-шань, гора, 39.
Янь-чи, гора, 131.
Янь-чи, см. Тузъ-куль.
Янь-чи, солончакъ, оз., 166, 216.
Янь-ши, окр., 253.
Яо-чжоу, грд., 254.
Японія, 249.
Яркендская рѣка, 125.
Яркендъ, грд., 6, 63, 67, 93, 95, 101, 102, 108, 120—125.
Яркянь-ёстанъ, р., 14.
Я-чжа-чжо, сел., 335.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

РОДОВЫХЪ, ПЛЕМЕННЫХЪ И НАРОДНЫХЪ НАЗВАНІЙ [1]).

Абакъ-киреи, родъ, 73.
А-бо, пл., 252.
Аваньки, пл., 275.
А-жэ, родъ, 261.
Айно, пл., 249.
Аланы, пл., 30, 31, 54, 63.
Алатъ, родъ, 98.
Аньчюйлошу, родъ, 35.
Арабы, нар., 49.
Аргынъ, родъ, 46, 73.
Арины, пл., 258, 280, 282.
Ассаны, пл., 258, 261.
Асіаны, пл., 5.
Асіи, пл., 5.
Асы, пл., 54.

Ба (ба-ди), покол., 252, 265—267, 274.
Бай, пл., 272.
Бай-ди, 247.
Байджигитъ, родъ, 120.
Баньшуньскіе мани, пл., см. ба-ди, 265.
Бактрійцы, нар., 36.
Барги, родъ, 94.
Васими, покол., 46, 48.
Баттаки, пл., 246, 249, 267.
Башкиры, пл., 281.
Бельгійцы, нар., 281.
Бельтиры, пл., 245.
Бильсы, пл., 250.
Болгары, нар., 64.
Бо-ма, пл., 251—254, 257, 261, 265.
Бо-ма, сѣв. вѣтвь пл., 261, 270.
Бо-минъ, пл., 252.
Бо-ръ-цзэ, пок., 253.
Во-ѣ, бо-я, пл., 275.
Бритты, пл., 281.
Бугисы, пл., 246.
Буруты, нар., 108.
Бустангъ, родъ, 94.
Бѣлые лоло, см. лоло, 260, 277.
Бѣлые хунны (юэчжи), пл., 5.
Бэ, бэсцы, пл., 260, 273, 286.
Бэ-жени, пл., 262.

Вань (Ouan), родъ, 253.
Вань-жуны, пок., 251.
Вань ойра, пл., 76.
Венгры, нар., 281.
Вогулы, пл., 281.
Во-ни, пл., 249, 263, 273.
Восточные туркестанцы, нар., 67, 95.
Вотяки, пл., 281.
Вэйгэ, покол., 48.

Гайталы, пл., 5.
Галлы, пл., 281.
Гальча, пл., 94.
Гань-лоло, покол., 269.
Гаогюйцы, пл., 28—31, 33, 34, 39, 40, 47, 48, 256.
Гао-ло-ши, пл., 251.
Гаочанцы, нар., 28, 205.
Германцы, нар., 281.
Геты, нар., 87.
Гибиньцы, нар., 36.
Голо, нар., 260, 261, 270, 273, 274.
Голо бѣлые, пл., 264.
Голо мани, см. голо, 270.
Голо (линъ-), родъ, 274, 277.
Голо (тунъ-), родъ, 274, 277.
Голо (шуй-), родъ, 274, 277.
Голо (янъ-), родъ, 274, 277.
Голо (яо-), родъ, 274, 277.
Гольды, пл., 277.
Готы, пл., 261, 281.
Греки, нар., 5.
Гу, пл., 251.
Гузы, пл., 48.
Гунъ-юе, пл., 44.
Гэлолу, пл. (карлыки), 67.
Гэлу, покол., 51.

Даай (Δάαι), пл., 6, 36.
Дада, родъ, 75.
Далды, нар., 311.
Дансяны, нар., 54.
Даши, нар., 37, 49.
Даяки, пл., 246, 249.
Джалаиры, пл., 72.
Джаты, пл., 5.
Джунгары, нар., пл., 76, 96, 102, 105, 110—112, 115, 116, 119.
Ди, нар., 246—248, 250—256, 259—265, 267, 268, 272, 274, 276—288.
Ди (бѣлые), 251, 255.
Ди (красные), 251 255.

[1]) Принятыя сокращенія: *нар.*— народъ, народность; *покол.*— поколѣніе; *пл.*— племя.

Ди-жуны, нар., 251.
Ди-ли, пл., 48, 255—256.
Динлины, пл., 19, 24, 48, 94, 256—258, 260—262, 265, 275, 279.
Ди-янъ-гуй, родъ, 254.
Донки, пл., 275.
До-чэнъ, родъ, 251.
Ду-бо, пл., 75.
Дулаты, пл., 51, 93, 94.
Дульбаръ-наурусъ, родъ, 94.
Дулу, пл., 51.
Дунгане, нар., 119, 126, 213, 311—313, 316, 322, 323, 326, 338, 343, 369.
Дунъ-ху, пл., 256, 265, 271, 275.
Дурбёты, пл., 119.

Енисейскіе остяки, пл., 258.
Енисейскіе татары, пл., 258.

Жань-мани, родъ, 273.
Жеужани, пл., 27—29, 31—34, 94, 95, 127.
Жунъ-ди, пар., 247, 251.
Жуны, нар., 246, 247, 251, 252, 274.

Зыряне, пл., 281.

И, племя, 246.
Идань, пл., 5, 36.
Инбатскіе остяки, пл., 255.
Индонезійцы, раса, 246, 249, 267, 268, 270.
Индо-скиѳы (юэчжи), пл., 5,
Иранцы, нар., 66, 94, 274.
И-цунъ-ху, пл., 7.

Іеръ-баирку (Yer-Bayirkou), родъ, 46.

Кабульцы, нар., 36.
Казаки, нар., 91, 93, 102, 110, 115, 116, 120, 258, 285.
Каледонцы, нар., 281.
Калмыки, нар., 87, 96, 102, 118, 119, 122.
Калоши, пл., 250.
Камасинцы, пл., 282.
Канглы, пл., 34, 93,
Канглы, родъ, 94.
Кара-багышъ, родъ, 94.
Кара-кидане, нар., 63, 93.
Кара-киреи, родъ, 120.
Кара-киргизы, нар., 19, 93, 94, 101, 103, 120, 124.
Кара-таитъ, родъ, 94.
Кара-тургеши, пл., 35, 38.
Карлыки, пл., 47—49, 60, 67, 93.
Катты, пл., 254.
Качины, нар., 263, 264, 281.
Кашгарцы, нар., 63, 94, 101, 120, 125.
Кельты, нар., 281.
Кемжуты, пл., 60.
Кемъ, пл., 60.
Кидане, нар., 46, 56, 58, 61, 159, 257.
Кизылъ-аякъ, родъ, 94.
Кипчаки, пл., родъ, 34, 62, 64.
Киргизы, нар., 52, 60, 93, 282, 285.
Киреи, пл., 60, 73.
Китайцы, нар., 3, 4, 8, 17—23, 36, 40, 42, 44, 50, 51, 53, 55, 58, 62, 67, 71—75, 92, 122, 126, 161, 205, 211, 213, 238, 243—247, 251, 254, 267, 279, 287, 296, 323.
Кокандцы, нар., 93, 121, 125.
Команъ, родъ, 94.
Коряки, пл., 250.
Косидо, родъ, 35.
Котріγουροι, пл., 281.
Котты, пл., 258, 282.
Кочкаръ, родъ, 94.
Кушаны, нар., 5.
Кыдырша, родъ, 94.
Кызаи, пл., 120.
Кэрѣиты, пл., 59, 60.

Лао, нар., 264, 266—268, 273, 285, 286.
Лао наньпинскіе, пл., 267.
Линь (Lin), родъ, 253.
Ло-ло, нар., 249, 261, 272.
Ло-ло бѣлые, пл., 260, 261, 271, 277.
Ло-ло черные, см. хэй-лоло.
Ло-ло мяо, см. Мяо-ло-ло.
Ло-мани, пл., 285.
Лонъ (long), родъ, 253
Лопари, пл., 281.
Ло-су, пл., 253.
Ло-у, пл., 269, 285.
Лу, пл., 259.
Лунъ-цзя, пл., 263, 272.
Лу-цзи, пл., 255, 270.
Лу-ши, родъ, 251, 255.
Лю-сюй, родъ, 251.

Ма, родъ, 253.
Маджа (осѣдлые), пл., 296, 297.
Ма-джа (отдѣлы: пага, уга, сыга, ши-и-га, ши-у-га), 280.
Ма-джа (сибирскіе), 257, 282.
Ма-ди, родъ, 257, 282.
Мадоръ, покол., 282.
Мадьяры, нар., 281.
Майча, пл., 262.
Макассары, пл., 246.
Малые юэчжи, отд. пл., 6.
Ма-нао, пл., 257.
Мани, нар., 3, 246, 254.
Мани баньшунскіе, 265.
Мани-голо, 270.
Мани-жань, 273.
Мани-ло, 285.
Мани сунъ-вай'скіе, 262, 264.
Маньчжуры, нар., 76, 77, 81, 104—106, 108, 110, 111, 115, 116, 118, 121, 257.
Мао-ню, родъ, 252, 257.
Маттаръ, покол., 282.
Мачинцы, пл., 280.
Ма-чинъ, нар., 257.
Ма-чинъ, пл., 280.
Мещеряки, пл., 281.
Меламъ, пл., 259, 261.
Милигэ, пл., 60.
Минь-цзя-цзэ, родъ, 253, 260.
Могулы, нар., 86, 93.
Монголъ, родъ, 94.
Монголы, нар., 31, 59, 60—66, 68, 71—73, 79, 91, 93, 96, 114, 159, 175, 184, 212, 267, 285, 300, 345.
Монголы аньдинскіе, 69.
Монголы восточные, 73—76, 80, 81.
Монголы кукунорскіе, 114, 115.
Монголы ордосскіе, 79, 81.
Монголы тушетухановцы, 104.
Монголы халха, 81, 104, 105, 110, 111, 114, 115.

Монголы харачинъ, 77.
Монголы цзасактухановцы, 107.
Монголы цэцэнхановцы, 104, 105.
Montaï, пл., 259.
Мордва, пл., 64.
Mosso, см. Мосѣ, 249.
Мо-сѣ, пл., 249, 260—262, 270, 272, 285.
Мяо, нар., 286.
Мяо-лоло, пл., 269, 273, 287.
Мяо-цзы, нар., 260, 262, 273.

Найманъ, родъ, 94, 120.
Найманы, пл., 51, 60.
Наньпинскіе лао, см. лао.
Негритосы, раса, 267, 288.
Непальцы, нар., 36.
Ну-цзи, пл., 265.

Обскіе остяки, пл., 281, 282.
Öwön, öwönki, пл., 275.
Оинъ-урянха, родъ, 76.
Ойра, родъ, 75, 76.
Ойра-урянхайцы, пл., 77.
Ойраты, нар., 68, 72—76, 79, 82, 87, 88, 90, 92, 96, 98, 100—102, 104, 106, 113, 114, 212.
Ὀνόγουροι, пл., 281.
Онъ-уйгуры, пл., 61.
Ордосъ, покол., 80.
Орочоны, пл., 275, 277.
Остяки, см. обскіе и енисейскіе остяки.
О-су, пл., 253.

Парѳяне, нар., 5.
Пасіаны, пл., 5.
Ра-уй, пл., 250.
Пермяки, пл., 281.
Poat-i-kou, родъ, 46.
Половцы, пл., 63, 64.
Пу-жени, пл., 261.
Пу-тэ, пл., 254.
Пѣгая орда, нар., 257, 258, 282.

Римляне, 284.

Сагайцы, пл., 258.
Садыръ, родъ, 51.
Сакараулы, пл., 5.
Саки, пл., 5, 6.
Саларскіе мусульмане, 98.
Самоѣды, нар., 75.
Σαράγουροι, пл., 281.
Саранки, пл., 5.
Сары-багышъ, родъ, 94.
Сары-калмыки, см. сары-уйгуры.
Сары-таитъ, родъ, 94.
Сары-уйгуры, пл., 62, 63, 279, 280.
Сары-уйсунь, покол., 93.
Саякъ, родъ, 94, 124.
Свевы (Suevi), пл., 281.
Сейки, пл., 122.
Сикамбры (Sicambri), пл., 281.
Скандинавы, пл., 281.
Скиѳы, нар., 5, 25.
Согдіанцы, нар. (Согдакъ, Sogdak), 34, 35, 37.
Сойоны, пл., 258.
Сойоты, пл., 75, 264, 265, 282, 283, 285, 289.
Султы, родъ, 94.
Суниты, пл., 104.
Сунъ-вай'скіе мани, родъ, 262, 264.
Сунъ-пинъ-и, пл., 270.
Сѣянто, родъ, 47, 48.
Сэ, пл., 6.
Сянь-юй, родъ, 251.
Сяо-лѣ-ту, пл., 71.
Сяо-мани, пл., 268.

Тагазгазы, пл., 48.
Thagar, нар., 6.
Таджики, нар., 49, 66, 67, 125.
Тайджуты, пл., 59.
Таитъ, родъ, 94.
Тангуты, нар., 3, 4, 7, 25, 54, 55, 57, 58, 61, 63, 69, 114, 115, 159, 183, 212, 217, 228, 238, 250, 300, 307, 314, 326, 364, 367, 369, 376.
Танну-урянхайцы, пл., 75.
Таранчи, нар., 126, 323.
Тардушъ, родъ, 45.
Татаби, пл., 46.
Татары, нар., 59, 72.
Татары енисейскіе, пл., 257.
Татары черневые, пл., 258.
Ташкентцы, нар., 125.
Тьедалы, пл., 5.
Телеуты, пл., 73.
Тибетцы, нар., 36, 43, 51, 52, 54, 57, 159, 183, 211.
Тоба, покол., 54, 95, 265.
Тогай, родъ, 94.
Тогонцы, нар., 27, 34, 40, 43.
Токманъ, родъ, 98.
Токусъ огузы, пл., 48.
Токусъ-уйгуры, пл., 61.
Толёсъ, родъ, 45.
Торгоуты, пл., 62, 96, 97, 110, 114, 122, 285.
Тохары, нар., 5.
Туба, пл., 75.
Тубасы, см. Туба.
Тубшинъ-урянхай, родъ, 77.
Тугухуньцы, нар., 33.
Тукіэ, нар., 8, 27, 34—40, 42, 45, 93, 95, 127, 205, 262, 279.
Тукіэ восточные, 40, 45, 46.
Тукіэ западные, 44.
Туллясъ, родъ, 94.
Тунгусы, пл., 274—278.
Тургеши, нар., 35, 37, 38.
Τοῦρκοι, нар., 34.
Турфанцы, нар., 67—71, 82, 108, 116, 212.
Ту-фани, см. тангуты.
Туфаньцы, нар., 43—45, 50—52, 59.
Тухоло, нар., 5, 36.
Тушетухановцы, см. монголы.
Тэлэ, пл., 28, 29, 34, 45, 73.
Тюрки, нар., 94, 281.

Увань, пл., 275.
Угры, пл., 281.
Οὐγουροι, пл., 281.
У-гэ, покол., 48.
Узбеки, нар., 91, 93.
Узипіи (Usipii), пл., 281.
Уйгуры, нар., 27, 40, 46—48, 50—53, 55—57, 60—63, 67, 70, 71, 75, 127, 159, 183, 212, 256, 260, 279, 281, 296.
Унны, нар., 25.
Урянха, родъ, 76.
Урянхайцы алтайскіе, пл., 75—77.
Урянхайцы восточные, пл., 74—77, 81.

Урянхайцы-ойраты, пл., 75.
Урянхайцы саянскіе, пл., 77.
Урянхайцы-цзирмоты, пл., 77.
Урянхиты, см. алтайскіе урянхайцы.
Усуни, пл., 4, 6, 17—19, 29, 35, 93—95, 258, 278, 279.
Οὐτίγουροι, пл., 281.
Утынчи, родъ, 94.
Уху, покол., 48.
Ухуань, пл., 18, 19, 264, 265, 271—275, 278, 281, 286, 288.

Фани, см. тангуты.
Фани степные, см. Ѣ-ѳани.
Финны, нар., 281.
Фэй, родъ, 251.

Хагясы, пл., 18, 30, 52, 53, 256, 257, 259—263, 270, 271, 285, 287.
Халхасцы, см. монголы-халха, 81.
Хамійцы, нар., 67, 69, 90, 91.
Ханьдуньцы, нар., 68, 69, 75, 90.
Хара-ёгуры, пл., 62, 280.
Харачинъ, см. монголы-харачинъ, 77.
Харлуутъ (карлыки), пл., 61.
Харлухи (карлыки), пл., 67.
Херхисы, пл., 53.
Хи(сцы), пл., 46.
Хо, родъ, 35.
Хойты, пл., 114.
Хой-ху, см. хой-хэ, 62.
Хой-хэ, пл., 60, 61.
Ho-nhi, см. во-ни.
Хотанцы, нар., 44.
Хотохойты, пл., 111.
Хо-цзѣ-хуй, орда, 70.
Хошоуты, пл., 97—99, 112—114, 315.
Хуа-мяо, родъ, 272.
Хунны, пл., 2, 4, 7, 8, 17—27, 29, 31, 93, 127, 227, 246, 247, 256.
Хунъ-ну, см. хунны, 4, 246.
Хэй-ли-су, пл., 254, 270.
Хэй-ло-ло, пл., 249, 253, 260, 262, 263, 265, 269, 271, 273, 274, 277, 286.
Хэй-мяо, пл., 263, 272.
Хэй-пу, пл., 264.
Хягасы, см. хагясы.
Хяньюнь, см. хунны, 4, 246.

Цзѣ-ди, пл., 253.
Цзѣ-цяны, пл., 253.
Цзю-гу-мяо, пл., 261.
Цзя-ши, пл., 251.
Цонь восточные, покол., 255.
Цоньскіе мани, пл., 262, 264, 265, 269, 285.
Цэцэнъ-хановцы, см. монголы.
Цяны, нар., 3, 4, 7, 251—253, 266.

Чахары, нар., 81, 122.
Черемисы, пл., 64, 281.
Черкесы, пл., 63.
Черные лоло, см. хэй-лоло.
Чеши, нар., 3, 22, 29, 66.
Чжоу, нар., 248, 251.
Чжунъ-цзя, пл., 272.
Чжурчжени, нар., 58, 63, 159.
Чигиньцы, нар., 69, 90, 91, 175.
Чигитыръ, родъ, 94.
Чи-ди (красные ди), нар., 48, 247, 256, 261.
Чилэ, см. тэлэ, 48, 256.
Чины, нар., 281.
Чирыкъ, родъ, 94.
Чонъ-багышъ, родъ, 124.
Чоросы, родъ, 96, 99, 114, 119.
Чудь, нар., 261—263.
Чукчи, пл., 250.
Чумекей, родъ, 51.
Чуми, пл., 42, 51.
Чумъ-багышъ, родъ, 94.
Чунъ-цзя, пл., 262.
Чу-Ѣ, пл., 30.
Чуэ, покол., 51.
Чу-юе, пл., 42, 51.
Чэ-су, пл., 264, 275.

Ша-жень, пл., 265.
Шаньшань, нар., 3.
Шато(сцы), пл., 51, 52.
Шира-ёгуры, пл., 62, 63, 280.
Шугнанцы, нар., 94.
Шуй-си'скіе голо, см. голо.

Ѣда (юэчжи), нар., 5, 28, 35, 87.
Ѣ-жень, пл., 254, 259, 270, 285.
Ѣ-лань, пл., 277.
Ѣ-ѳани, нар., 114.

Элюты, см. ойраты.
Эѳталиты (юэчжи), нар., 5, 36.

Юаньгэ, родъ, 48.
Юебаньцы, нар., 29, 30.
Юэчжи, пл., 2, 4—7, 17, 28, 35, 87, 127, 227, 258, 279.

Яньчжоу'скіе мани, см. мани.
Яо-мяо, пл., 248, 261.
Японцы, 245.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.	Страница.	Строка.	Слѣдуетъ читать.
Tarym-backens	6	14 сверху	Tarym-beckens
Инъ-шань	7	22 »	Инь-шань
Лэулянъ	15	1 »	Лэу-лань
песчанами	16	10 »	песчаными
Лэулянь	16	11, 12, 16 снизу	Лэу-лань
лэулянскаго	18	16 сверху	лэуланьскаго
отступаетъ изъ желанія	18	18 снизу	отступаетъ не изъ желанія
ухуанцами	19	17 сверху	ухуаньцами
»	19	6 снизу	»
населенныхъ	24	12 »	населенную
fesaient	30	4 »	faisaient
432 г.	33	5 сверху	482 г.
стр. 432	33	19 снизу	стр. 232.
извѣсное	40	25 »	извѣстное
le tibetains	44	18 »	les tibetains
насается	52	15 »	касается
поколеніе	54	7 сверху	поколѣніе
окрѣстныя	54	11 »	окрестныя
пленена	59	7 »	племена
Кара-каданьской	63	2 »	Кара-киданьской
стр. 167	63	23 снизу	стр. 170
Сатунъ-Богра-ханъ	67	16 »	Сатукъ-Богра-ханъ
Хассанъ-ханъ	85	12 сверху	Казанъ-ханъ
1307	85	25 »	1367
Malta-assaadeïn	86	11 снизу	Matla-assaadeïn
Дусть-Мохаммедъ	88	10 сверху	Дустъ-Мохаммедъ
diispersa	94	1 снизу	dispersa
Мохаммедъ	100	10 »	Махмудъ
Бошокгу	102	10 »	Бошокту
1625	102	2 »	1652
Дорчжи-чжобъ	104	15 сверху	Дорчжи-чжабъ
Галганъ	104	17 снизу	Галданъ
хотохойскимъ	106	8 сверху	хотохойтскимъ
enlevent	108	6 »	enlevant
Lasiogrostis	130	22 »	Lasiagrostis
воды Шинъ-шинъ-ся	142	25 »	воды въ Шинъ-шинъ-ся

Напечатано.	Страница.	Строка.	Следуетъ читать.
норужающимъ	151	3 снизу	окружающимъ
Лунь-шань'ской	167	21 сверху	Лунъ-шань'ской
царствующаго	189	19 »	царствующемъ
воздухъ каменистую	189	6 снизу	воздухъ и каменистую
Дарату	192	26 »	Дариту
Цянъ-лунъ	192	8 »	Цянь-лунъ
Гонь-су	214	23 сверху	Гань-су
затянущую	224	19 »	занятую
перегной на	236	14 »	перегнойное
мы	304	11 »	мнѣ
это хребетъ	307	4 снизу	этотъ хребетъ
Säugethi in	362	4 »	Säugethier

Библиотека Географического Общества Союза ССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе ко II тому . . . . . V—VIII

ГЛАВА I.

Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи . . . . . 1— 46

Что такое Бэй-шань. Цяны—первобытные обитатели бассейна р. Эцзинъ-гола. Послѣдующая исторія цяновъ. Хунны. Юэчжи. Хунны объединяютъ большую часть земель Средней Азіи подъ своею властью. Побѣды китайцевъ. Ихъ движеніе на западъ и занятіе Хэси. Постройка городовъ въ этой области. Состояніе Восточнаго Туркестана за два вѣка до Р. Хр. Попытки китайцевъ склонить западныя государства къ союзу противъ хунновъ. Завоеваніе Восточнаго Туркестана китайцами. Укрѣпленіе Хэси. Дальнѣйшая борьба китайцевъ съ хуннами, закончившаяся распаденіемъ хуннскаго царства и добровольнымъ подчиненіемъ обѣихъ его половинъ Китаю. Изгнаніе китайцевъ изъ Восточнаго Туркестана. Новое усиленіе хунновъ. Вторичное распаденіе ихъ державы на части. Шаткость китайской власти въ Восточномъ Туркестанѣ. Послѣднее усиленіе хунновъ. Разгромъ ихъ кочевій соединенными силами китайцевъ, динлиновъ и др. народовъ. Бѣгство сѣверныхъ хунновъ на западъ. Прекращеніе политическихъ сношеній между Китаемъ и западными государствами. Переселеніе шанью южныхъ хунновъ въ Ло-янъ. Смуты въ Китаѣ. Хуннскія императорскія династіи Хань и Чжао. Послѣднія историческія свидѣтельства о хуннахъ. Сяньбійцы. Тугухуньское царство. Жеужани. Ихъ исторія. Княжество Лянъ. Завоеваніе его императоромъ Тоба-Дао и бѣгство князей Ухой и Аньчжеу, которые овладѣваютъ по пути Ша-чжоу и Гао-чаномъ. Паденіе могущества жеужаней. Тукіэ. Образованіе тукіэскаго царства. Его послѣдующее распаденіе. Интриги китайцевъ. Война между тукіэ и тогонцами. Усиленіе восточныхъ тукіэ. Паденіе ихъ могущества. Сношенія государствъ Западнаго края съ Китаемъ во времена Суйской и Танской династій. Раздоры между Гаочаномъ и Китаемъ. Китайцы овладѣваютъ Гаочаномъ, а затѣмъ и всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ. Паденіе тогонскаго царства подъ ударами тибетцевъ. Основаніе Тибетской имперіи. Война между Китаемъ и Тибетомъ. Новое усиленіе восточныхъ Тукіэ. Покореніе ихъ ханства уйгурами.

ГЛАВА II.

Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи (Продолженіе) . . . . . 47— 82

Фатальная роль гаогюйцевъ въ исторіи народовъ Средней Азіи. Основаніе уйгурской державы. Смутная эпоха въ Китаѣ. Вмѣшательство уйгуровъ и туфаньцевъ въ китайскія распри. Война между Туфаньской имперіей и Китаемъ. Отношенія государствъ Восточнаго Туркестана къ Китаю. Паденіе Уйгурскаго царства и образованіе двухъ новыхъ на развалинахъ стараго. Царство Ся. Первыя его войны съ Китаемъ. Его дальнѣйшая исторія. Появленіе на аренѣ всемірной исторіи монголовъ. Чингисъ-ханъ. Его завоеванія. Основаніе монгольской имперіи. Ростъ послѣдней, сопровождавшійся внутреннимъ ея разложеніемъ. Столкновеніе культуръ китайской и иранской. Происхожденіе дунганъ. Изгнаніе монголовъ изъ Китая. Процессъ отуреченія населенія Восточнаго Туркестана. Заселеніе свободныхъ земель Бэй-шаня и Нань-шаня монголами. Княжества Ха-мѣй-ли, Чи-гинь, Хань-дунъ, Ша-чжоу, Ань-динъ, А-дуань, Цюй-сянь. Монголы въ Хами. Послѣднія попытки монголовъ вернуть утерянную власть въ Китаѣ. Анархія въ Монголіи. Усиленіе ойратовъ. Борьба ихъ съ восточными монголами. Вмѣшательство китайцевъ. Походъ Эсеня. Пораженіе китайцевъ и плѣненіе императора. Безславный миръ, заключенный Эсенемъ. Дальнѣйшій ходъ междоусобной войны въ Монголіи. Смерть Эсеня и временное торжество восточныхъ монголовъ. Децентрализація власти въ Монголіи. Стремленіе монголовъ на югъ, въ Ордосъ,

СТРАН.

Куку-норъ, Амдо и Тибетъ. Усиленіе ордосскихъ монголовъ. Набѣгъ Ибуры-тайши на Куку-норъ. Усиленіе восточныхъ монголовъ. Ихъ вторженіе въ Китай. Покореніе восточныхъ монголовъ маньчжурами. Появленіе ойратовъ въ Принаньшаньѣ.

ГЛАВА III.

Историческое прошлое Бэй-шаня въ связи съ исторіей Средней Азіи (Продолженіе) . . . . . 83—127

Отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ о судьбѣ, постигшей туземную династію въ Уйгуріи. Распаденіе этого царства при Чингисханидахъ. Распаденіе Джагатаева улуса. Походы Тимура. Историческія судьбы Могулистана послѣ смерти Хызръ-ходжи. Перенесеніе Вейсъ-ханомъ резиденціи въ Турфанъ. Борьба могулистанскихъ хановъ съ ойратами. Междоусобная война въ Могулистанѣ. Пораженіе, нанесенное ойратами Юнусъ-хану. Безпорядки въ Кашгаріи. Абу-Бекръ. Возвышеніе Турфана. Волненія въ Хами. Завоеваніе этого княжества турфанскимъ султаномъ Али. Нерѣшительный образъ дѣйствій китайскаго правительства. Объединеніе подъ властью могулистанскихъ хановъ всей территоріи отъ Баркуля до Самарканда. Распаденіе этого государства. Узбеки. Взятіе ими Ташкента. Событія въ восточномъ Притяньшаньѣ. Походы Мансуръ-хана противъ китайцевъ. Борьба турфанцевъ съ ойратами. Скудость историческихъ свидѣтельствъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Могулистанѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Усиленіе ойратовъ и паденіе могущества хановъ Могулистана. Темное прошлое калмыковъ. Ихъ движеніе къ сѣверу и югу. Образованіе джунгарскаго царства. Захватъ Тибета хошоутами. Галданъ Бошокту. Его стремленія къ единовластію. Религіозныя распри, возникшія въ Восточномъ Туркестанѣ. Вмѣшательство Галдана. Взятіе имъ Яркенда. Дальнѣйшія событія въ Кашгаріи. Борьба Кашгара съ Яркендомъ. Завоеваніе джунгаровъ на западѣ. Виды Галдана на Монголію. Его вторженіе въ эту страну. Пораженіе восточныхъ монголовъ. Вмѣшательство маньчжуровъ. Пораженіе, нанесенное ими джунгарамъ. Второй походъ Галдана. Его пораженіе, бѣгство и смерть. Цэванъ Рабтанъ. Его война съ казаками. Первое переселеніе волжскихъ калмыковъ въ Джунгарію. Новая война маньчжуровъ съ джунгарами. События въ Тибетѣ. Вторженіе Цэванъ Рабтана въ Хами. Экспедиція въ Тибетъ. Взятіе Лхассы. Послѣдующій неуспѣхъ джунгаровъ и ихъ бѣгство изъ предѣловъ Тибета и Куку-нора. Потеря джунгарами Турфана и Хами. Смерть Канси. Бунтъ кукунорскихъ монголовъ. Реформы, введенныя маньчжурами, во внутреннемъ управленіи Куку-нора и Тибета. Послѣдствія этихъ реформъ. Вытѣсненіе тангутами монголовъ изъ занятыхъ ими земель. Новое столкновеніе джунгаровъ съ казаками. Вызывающій образъ дѣйствій джунгаровъ на востокѣ. Война съ Китаемъ. Пораженіе войскъ Галданъ-Цэрэна. Мирный договоръ 1735 года. Военныя дѣйствія на западѣ. Смерть Галданъ-Цэрэна. Междоусобія въ Джунгаріи. Присоединеніе этого государства къ Китаю. Бунтъ Амурсаны. Избіеніе джунгаровъ. Событія въ Кашгаріи. Бунтъ Бурханъ-эд-Дина. Присоединеніе Восточнаго Туркестана къ китайскимъ владѣніямъ. Дальнѣйшіе завоевательные замыслы императора Цянь-луна. Коалиція мусульманскихъ государей. Бунтъ въ Учъ-Турфанѣ. Китайское управленіе Восточнымъ Туркестаномъ. Возстаніе кашгарцевъ. Вторженіе ходжей. Возстаніе дунганъ. Якубъ-бекъ. Паденіе созданнаго имъ царства. Заключеніе.

ГЛАВА IV.

Поперекъ Бэй-шаня . . . . . 128—155

Выступленіе. Первые шаги по пустынѣ. Станція Янь-дунь. Большой ночной переходъ. Станція Куфи. Китайскія извѣстія о Бэй-шанѣ. Извѣстія о той же странѣ европейскихъ путешественниковъ. Недостаточность этихъ извѣстій. Что въ дѣйствительности представляетъ Бэй-шань. Сѣверная окраина этой горной страны. Характеръ горъ между станціей Са-чанза и Синъ-синъ-ся. Происхожденіе бурыхъ песчанистыхъ глинъ въ области хребта Ло-я-гу. Горы между Синъ-синъ-ся и Ло-я-гу. Горы Ма-лянь-цзинъ-цзы, Ю-ханъ-лу и Ша-цюань. Станція Бай-дунь-цзы. Южная горная окраина Бэй-шаня.

ГЛАВА V.

Долиной рѣки Су-лай-хэ . . . . . 156—185

Пустыня, залегающая между южнымъ уступомъ Бэй-шаня и рѣкой Су-лай-хэ. Долина этой рѣки. Прибытіе къ г. Ань-си. Са-чжоу'скій фазанъ. Быстрое измѣненіе въ состояніи погоды. Снова холодъ и снѣгъ. Гор. Ань-си, его прошлое и настоящее. Мѣстность къ востоку отъ Ань-си-чжоу. Китайскіе переселенцы. Мѣстность у крѣпосцы Сяо-вань. Горная гряда Сань-сянь-цзы. Ея орографическое значеніе. Принаньшаньская впадина по Обручеву. Несостоятельность его гипотезы. Отношеніе Бэй-шаня къ со-

стран.

сѣднимъ горнымъ системамъ. Геологическое прошлое Центральной Азіи, въ частности—Бэй-шаня. Ань-си—Дунь-хуан'ская мульда. Загадочныя озера. Юй-мыньская мульда. Мульды—Чицзинь'ская, Су-чжоу—Гань-чжоу'ская и Лянъ-чжоу'ская. Описаніе гряды Сань-сянь-цзы. Прибытіе въ Шуанъ-та-пу. Мѣстность къ востоку отъ этого селенія. Булунгиръ. Неожиданный визитъ. Прошлое Булунгира. Мѣстность къ востоку отъ Булунгира. Обширныя древесныя насажденія. Оазисъ Сань-дао. Буря. Баранъ въ качествѣ проводника. Столообразныя возвышенія. Юй-мынь. Примыкающія къ нему съ сѣвера развалины стараго города. Прошлое Юй-мыня.

ГЛАВА VI.

Большой дорогой изъ Юй-мыня въ Су-чжоу . . . . . 186—210

Наружный обликъ жителей г. Юй-мыня. Покража. Распоряженіе мѣстныхъ властей. Встрѣча съ Ма-да, дунганскимъ измѣнникомъ. Впечатлѣніе, производимое городомъ. Рѣка Су-лай-хэ. Каменистая пустыня къ востоку отъ нея. Горы Чи-цзинь-шань. Долина Чи-ю-хэ. Котловина Чи-цзинь. Озерная котловина Чи-цзинь-ху. Гористая мѣстность къ востоку отъ нея. Селеніе Хуй-хуй-пу. О городѣ Ку-юй. Приключеніе въ Хуй-хуй-пу. Дальнѣйшій путь къ Су-чжоу. Цзя-юй-гуань. Великая стѣна. Появленіе первыхъ насѣкомыхъ. Рѣка Тао-лай. Китайскія извѣстія объ этой рѣкѣ. Путь долиной этой рѣки. Прибытіе къ городу Су-чжоу. Встрѣча съ г. Сплингардомъ. Описаніе китайскаго я-мыня. Обѣдъ, данный намъ даотаемъ. Китайскій театръ. Китайскія лубочныя картины. Игра актеровъ. Китайская музыка.

ГЛАВА VII.

По землямъ осѣдлыхъ тангутовъ . . . . . 211—233

Историческое прошлое Су-чжоу. Современный городъ. Китайская живопись. Начало весны. Первая бабочка. Наше выступленіе изъ города. Ближайшія его окрестности. Мѣстность за р. Линь-шуй-хэ. Первые жуки и ящерицы. Осѣдлые тангуты. Деревни-крѣпости. Пески. Характеръ рѣчекъ, сбѣгающихъ съ сѣверныхъ склоновъ Нань-шаня. Необходимость устройства водохранилищъ. Городокъ Цзинъ-шуй-чэнъ. Его административное значеніе. Характеръ мѣстности къ востоку отъ этого городка. Прибытіе въ Гао-тай. Особенность почвы его ближайшихъ окрестностей. Мѣстныя лихорадки и другія болѣзни. Темное прошлое этого города. Дальнѣйшій путь вверхъ по долинѣ рѣки Хэй-хэ. Снова пески. Странной формы барханъ. Городокъ Ша-хэ. Мѣстность отсюда къ востоку. Развалины стараго Гань-чжоу. Связанное съ ними преданіе. Рѣка Хэй-хэ. Противорѣчивыя извѣстія европейцевъ объ этой рѣкѣ. Гань-чжоу'скій оазисъ. Встрѣча съ католическимъ миссіонеромъ о. Киссельсъ. Прошлое Гань-чжоу-фу. Современный городъ. Его бѣдность. Характеристика климата изслѣдованной страны за два мѣсяца, съ 13 февраля по 8 апрѣля. Какой моментъ слѣдуетъ признать началомъ весны.

ГЛАВА VIII.

О рыжеволосыхъ автохтонахъ Центральной Азіи . . . . . 236—289

Начало полевыхъ работъ въ Принаньшаньѣ. Картина сѣянія. Культурныя растенія, возлѣлываемыя въ Принаньшаньѣ. Выступленіе въ дальнѣйшій путь. Еще о р. Хэй-хэ. Лёссъ. Каменистая степь къ югу отъ селенія Пинъ-фынъ-ча. Культурный районъ. Превосходно выполненная сѣть оросительныхъ каналовъ. Городокъ Нань-гу-чэнъ. Кумирня. Интересная въ ней живопись. Почему демоновъ (гуевъ) китайцы рисуютъ рыжеволосыми? Длинное отступленіе для разъясненія этого вопроса. Прародина китайцевъ. «Страна цвѣтовъ». Территорія въ предѣлахъ современнаго Китая, первоначально занятая китайцами. Послѣдующее колонизаціонное ихъ движеніе въ глубь страны. Яо, Шунь и Юй—устроители китайскаго государства. Китайцы уже на зарѣ своей исторической жизни—культурный народъ. Можно-ли считать эту культуру самобытной? До-китайскія племена, населявшія современный Китай. Ихъ подраздѣленіе у китайцевъ и европейцевъ. «Ди»—народность европейскаго типа. Государи династіи Чжоу были рыжеволосыми. Былое распространеніе бѣлокурой расы. «Ди»—рыжеволосое племя. Историческія извѣстія о племени «ди». Ганьсуйскіе ди. Диское царство Ву-ду. Его паденіе. Отсутствіе историческихъ данныхъ о дальнѣйшей судьбѣ дискихъ поколѣній. Остатки рыжеволосыхъ дисцевъ въ горахъ юго-западнаго Китая. Дисцы сѣверныхъ областей Китая. Переходъ ихъ на сѣверную окраину Гобійской пустыни. Ихъ разселеніе въ южной Сибири и образованіе здѣсь смѣшанныхъ племенъ. Хагясы, бома, манао. Остатки динлиновъ среди современныхъ народовъ сѣверной Азіи. Утрата роднаго языка—особенность дискаго племени. Миѳическое племя «чудь»—сѣверные дисцы. Причины исчезновенія дискаго племени. Психическія различія ха-

СТРАН.

рактеровъ длинноголовыхъ блондиновъ и черноволосыхъ коротконоловыхъ. Нѣкоторыя черты характера какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ дисцевъ. Ухуань, дунъ-ху, тунгусы — дисцы. Примѣсь дикой крови у уйгуровъ. Енисейскіе инородцы. Общія черты въ характерѣ сѣверныхъ и южныхъ дисцевъ. Выводы Лапужа. Преобладаніе женщинъ у дисцевъ. Религіозныя воззрѣнія дисцевъ. Конфуціанство и даосизмъ создались на почвѣ религіознаго мышленія дисцевъ. Культъ героевъ и демоновъ (гуевъ). Китайцы по традиціи изображаютъ гуевъ рыжеволосыми. Князь ада Янъ-ванъ — портретъ какого-нибудь «ди» — метиса. Обычай сплющивать голову у новорожденныхъ. Гуи — изображеніе метисовъ «ди» и негритосовъ.

ГЛАВА IX.

Поперекъ Нань-шаня . . . . . 290—310

Выступленіе изъ Нань-гу-чэна. Podoces humilis. Подгорье Нань-шаня. Монастырь Ма-ти-сы. Наша стоянка близь этого монастыря. Растительный и животный міръ окрестныхъ горъ. Непріятное приключеніе. Каменноугольныя копи. Дальнѣйшій путь вдоль сѣверной подошвы Нань-шаня. Grandala coelicolor. Культурный районъ. Проходъ Пянь-дао-коу. Долина Бабо-хэ—денудаціонная, а не тектоническая. Перевалъ Убо-линь-цзы. Описаніе долины р. Бабо-хэ. Почетный эскортъ. Перевалъ Чжи-нань-линь. Сѣверо-Тэтунгскій хребетъ. Золотоносность этихъ горъ. Добыча золота въ ущельи рѣчки Ши-хэ. Почетная встрѣча въ городкѣ Юнъ-ань-чэнъ. Этотъ городокъ и окружающая его мѣстность. Обмѣнъ визитами. Результаты экскурсій въ ближайшихъ окрестностяхъ Юнъ-ань-чэна.

ГЛАВА X.

На южныхъ склонахъ Нань-шаня . . . . . 311—333

Ганьсуйскіе дунгане. Выступленіе изъ Юнъ-ань-чэна. Путь долиной рѣки Датунъ-хэ. Хошоуты. Городокъ Да-тунъ. Рѣка Да-тунъ-хэ. Ея долина ниже города. Остановка въ селеніи Каса-хо. Тяжелый переходъ черезъ Южно-Тэтунгскій хребетъ. Южный склонъ этихъ горъ. Стоянка въ селеніи Сань-чжу-чунъ. Музыкальные инструменты дунганъ. Флора и фауна долины Алтынъ-гола. Переходъ къ монастырю Гумань-сы. Непріязненное отношеніе къ намъ настоятеля этого монастыря. Фауна его окрестностей. Климатическія особенности весенняго мѣсяца въ Нань-шань'скихъ горахъ.

ГЛАВА XI.

Въ горахъ бассейна Сининской рѣки . . . . . 334—354

Дальнѣйшее движеніе внизъ по рѣчкѣ Лама-гоу. Ibidorhyncha Struthersi. Горная гряда Юнъ-шоу-шань. Замѣчательное ущелье. Прибытіе къ городку Шинъ-чэнъ. Субурганъ. Долина р. Да-хэ. Флора и фауна этой долины. Выступленіе въ дальнѣйшій путь. Ущелье Нянь-нань-сянь. Ущелье Ча-чжи. Особенности горнаго рельефа страны между Шинъ-чэномъ и Дань-гэромъ. Флора и фауна ущелья Ча-чжи. Дальнѣйшій путь. Р. Рако-голъ. Ущелье Лоу-са-ша. Перевалъ Чжуса. Городъ Дань-гэръ-тинъ. Рѣка Сининъ-хэ. Китайскія о ней извѣстія. Долина ея книзу отъ города Дань-гэра. Деревка противъ селенія Хэй-нинъ. Флора и фауна Да-тунь-шаня. Снова въ пути. Переходъ на правый берегъ Сининъ-хэ. Долина рѣчки Пэнь-санъ. Монастырь Гумбумъ. Долгая стоянка въ долинѣ Мынъ-дань-ша, вызванная несчастнымъ случаемъ съ казакомъ Колотовкинымъ. Поѣздка въ г. Сининъ.

ГЛАВА XII.

Черезъ Сининскія Альпы въ долину Желтой рѣки . . . . . 355—384

Горы, служащія водораздѣломъ между Синихъ-хэ и Желтой рѣкой. Китайскія свѣдѣнія объ этихъ горахъ. Ихъ геогностическое строеніе. Сининскія альпы. Ихъ флора: зоны—осыпь, альпійскій лугъ и высокая степь, скалистый поясъ, поясъ кустарниковъ и субъ-альпійскихъ луговъ и степь. Переходъ въ долину Гуй-дэ-ша. Продолжительная здѣсь остановка. Выступленіе въ дальнѣйшій путь. Ущелье Гуй-дэ-ша. Перевалъ Лянжа-сань. Укрѣпленіе Чанъ-ху. Флора и фауна южныхъ склоновъ Сининскихъ альпъ. Долина Карына. Утомительный путь. Хуанъ-хэ. Долина этой рѣки. Селеніе Янъ-чжу-ванъ-цзы. Тангуты о Пржевальскомъ. Переправа. Враждебное отношеніе къ экспедиціи китайскихъ властей. Изслѣдованіе долины р. Муджикъ. Геогностическое строеніе окаймляющихъ ее горъ, ихъ флора и фауна. Родство лепидоптерологическихъ фаунъ южно-сибирскихъ горъ и горъ праваго берега Хуанъ-хэ. Роковое извѣстіе. Возвращеніе къ перевалу Лянжа-сань. Климатическія особенности лѣтнихъ мѣсяцевъ въ изслѣдованной части Гань су.

		стран.
Приложеніе I.	По поводу двухъ рецензій.	385—408
Приложеніе II.	Списокъ млекопитающихъ, собранныхъ экспедиціей. *Обработалъ Е. Бихнеръ*	409—412
Приложеніе III.	Списокъ земноводныхъ, собранныхъ экспедиціей. *Обработалъ Я. Бедряга*	413
Приложеніе IV.	Списокъ рыбъ, собранныхъ экспедиціей. *Обработалъ С. Герценштейнъ.*	414—415
Приложеніе V.	Дополнительный списокъ чешуекрылыхъ, собранныхъ экспедиціей.	416
Приложеніе VI.	Списокъ словъ нарѣчія тангутовъ панака	417—420
	Алфавитный указатель именъ авторовъ	421—423
	Алфавитный указатель географическихъ названій.	424—434
	Алфавитный указатель родовыхъ, племенныхъ и народныхъ названій	435—438
	Замѣченныя опечатки.	439—440

Библиотека
географического
Общества
Союза ССР

КАРТА БЭЙ-ШАНЯ И НАНЬ-ШАНЯ

СОСТАВЛЕНА ПО НОВѢЙШИМЪ СВѢДѢНІЯМЪ МАРШРУТНОЙ СЪЕМКИ М.Е. ГРУМЪ ГРЖИМАЙЛО ПРОИЗВЕДЕННОЙ ВЪ 1889-90 Г.

Масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ

Изд. Военно-Топографическ. Отдѣла Главнаго Штаба.

Маршрутъ экспед. бр. Грумъ Гржимайло

Подъ редакц. ген. м. Болгшева. 1893 г.

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР
Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР
Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

30 р. –
(а. карт.

Проверено
1954 г.